

Ирина Северная

ТАМ, ГДЕ ВОЛНОД И ВЕТЕР...
Книга первая

Долгий путь сквозь мгла тысячелетий...

Мы не меняемся. Мы просто становимся сами собой. Мы теряем, чтобы найти и расстаемся, чтобы встретиться.

...Спустя несколько лет отсутствия, Хейз возвращается в родной город, желая забыть то, что не сложилось и начать строить жизнь заново. Все идет по плану, пока на пороге ее квартиры не появляется он.

Там, где холод и ветер

Пролог

"... что не только мы тело,
Но и летунья душа, которая может укрыться..."
Овидий, "Метаморфозы"
Когда-то...

Туман плотный и влажный. Он заполнил лес, укрыл стволы деревьев, спрятал густые кроны. Ничего не разглядеть ни под ногами, ни вокруг.

Ветра нет, и стоит такая тишина, что слышно, как шепчет о чем-то неподвижная листва. А, может быть, это сам Цернун* подсказывает невидимый путь. Тайную стезю, которая откроется только горячему сердцу и холодному рассудку.

"Перед тем как ступить на неведомую дорогу, ты нанесешь себе рану, чтобы кровь вытекала не быстро, но и не медленно. Окропи свой путь влагой жизни, воин. Это первое условие нашей сделки и первая жертва твоему желанию".

Истекающее кровью тело стремительно слабеет, но движется вперед, подчиняясь нестигаемой воле. Он идет, не ощущая времени, не чувствуя боли и страха.

Его вечный удел — служить, сражаться и побеждать. Его кожа — доспехи. Руки даны ему для того, чтобы держать оружие и убивать. Глаза — для того, чтобы не дать врагу укрыться, уши — чтобы слышать вопли и хрипы умирающих.

Он веками жил по однажды установленным правилам и не ведал сомнений.

Но сейчас во всем этом нет больше смысла. Равновесие, в котором он пребывал с момента своего появления на свет, нарушено навсегда. Он утратил веру в свое предназначение.

Пошел против всего, чему служил до сих пор.

Истоптав тысячи дорог, он споткнулся на ровном пути. Встретил ту, что, сама того не ведая, указала ему иную, неизвестную до сих пор сторону существования, пробудив любовь в окаменевшем сердце, нежностью и доверием опалив холодную душу.

Она поселилась в дневных думах и ночных сновидениях. Овладела желаниями его тела, которое отныне нуждалось только в ней.

...Их первая встреча как удар молнии. Один ее взгляд — и его доспехи, в которых он существовал, разрушены.

Он пришел к ручью, протекавшему через залитый солнцем луг, чтобы смыть кровь и набрать чистой воды. Неподалеку отсюда только что отгремела битва. За полосой деревьев вместо продолжения цветущей мирной долины теперь раскинулось поле брани — вытопанное, залитое кровью и усыпанное телами павших. Сейчас там пировали вороны, верные спутники его госпожи — богини войны, Неистойой Бадб. Сама богиня всегда оставалась наблюдать за своими любимицами, с жадностью внимая последним отголоскам сражения, звучащим в ликующих криках черных птиц.

Иногда она сама превращалась в ворону и участвовала в кровавом пиршестве, яростно разрывая тела погибших воинов клювом и когтями.

Здесь, у ручья было тихо. Сюда не доносились грубые торжествующие вопли птиц.

Девушка сидела под дикой яблоней. Бело-розовые цветы облетали, роняя лепестки на ее русые волосы, распущенные по плечам, осыпались на нежно-голубое лейне***.

Цветущее дерево и дева под ним заставили воина замереть.

Мир и покой. Светлый блик безмятежности во мраке его существования. Потребность защищать, а не нападать. Давать жизнь, а не убивать.

Опасный, искушающий, одновременно терпкий и сладкий привкус неведомой свободы после тысячелетнего рабства...

Почему все это случилось именно сейчас при взгляде именно на эту девушку?

Ответ на этот вопрос был очевиден, но верить в него воин не желал.

Она увидела его и вскочила на ноги, испуганно прижав руки к груди. Отступила, но не убежала, а только смотрела на него. Страх в ее глазах сменился удивлением, потом интересом.

Он не двигался с места, пожирая девушку взглядом, а она рассматривала его. Чувства сменялись в ее взгляде одно за другим.

— Ты ранен? — наконец спросила она и робко шагнула вперед.

Нежный голос дуновением весеннего ветра коснулся слуха, мгновенно облегчил боль от ран, заглушил стоны умирающих и звон оружия, еще звучащие в голове. Заставил сердце сладко замереть, что оказалось мучительней любой физической боли, потому что он не знал, как с этим справляться.

— Да, — ответил воин, имея в виду свой покой и своё сердце, а вовсе не раны, полученные в бою.

Их с девушкой разделяла неширокая сверкающая в лучах солнца лента ручья. Вода звенела тихой музыкой, дополняя мирную тишину.

— Кто ранил тебя?

"Ты", — едва не сорвалось с его губ.

— О них уже не стоит тревожиться, — грубо отрезал он. — Они получили свое.

"Уходи... Не смотри на меня так..." — стонами раздавалось в голове.

Незнакомка вздрогнула, нахмурилась, но глаз не отвела. И в ее взгляде не было страха или осуждения.

— Откуда ты? — спросила она.

— Ниоткуда. И отовсюду.

— Так не бывает. — Красавица произнесла это горячо и убежденно и сделала еще один шаг навстречу.

— Не бывает, — согласился он. — Но так есть. У меня нет родины, нет дома.

— Так не должно быть, — уверенно заявила она. — Ты есть, ты ранен. Ты испытываешь боль и твои раны нужно перевязать...

"Замолчи!" — едва не рявкнул воин.

Он стиснул зубы, крепче сжал окровавленный меч, дернулся, поднимая щит. Он хотел защититься... от неё.

А незнакомка испуганно замолчала, поняв, что сказала лишнее.

Он с ужасом видел, как она отступила назад, готовая броситься бежать. "Нет! Теперь ты не можешь уйти!" — хотел прокричать он.

И она осталась. Он очень надеялся, что не отчаяние в его глазах заставило ее остановиться.

— Кто ты?

Она снова расспрашивала, вместо того, чтобы бежать без оглядки.

Её голос и облик. Её аромат, доносившийся до него вместе с легчайшими порывами

ветра. Аромат безмятежности, свободы и искушения.

Если смотреть на нее, слушать звук голоса, вдыхать ее запах было так сладостно, то, что же будет, если он сможет прикоснуться к ней?

— Кто ты? — повторила она вопрос. Еще два шага приблизили их друг к другу. Сейчас их разделяла только сверкающая лента ручья.

Он редко говорил и никогда не отвечал на вопросы. Он не хотел называть себя и не хотел знать, как зовут её. Надеялся избежать искушения желать то, чего не может получить. Боялся связать свои тайные помыслы с девушкой навсегда, зная, что эта невидимая связь станет мукой посильней вечного рабства у Неистойой богини.

Но надежда разбилась вдребезги, а страх воплотился сполна.

— Я — Холод. Я — Ветер. — Я — Высокий тростник, — ответил он, не сводя с нее глаз.

Девушка склонила голову на бок, словно задумалась.

— Холод и Ветер, Высокий тростник... — повторила она тихо. — Тогда ты действительно ниоткуда и отовсюду. Как холод и как ветер... Но твои раны прямо здесь и сейчас истекают кровью. У тебя есть, чем перевязать?

Он не нуждался в перевязке, его ранения заживали сами собой.

Воин покачал головой.

— Я помогу... — решительно заявила красавица.

Проворно подхватила подол голубого лейне из тонкого льна и дернула за край, отрывая длинную полосу ткани.

На миг он увидел тонкие лодыжки и узкие ступни, обутые в изящные сандалии из мягкой крашенной кожи. Маленькие пальцы напряглись, будто девушка изо всех сил старалась тверже стоять на ногах.

— Ты можешь подойти? — спросила она. — Или лучше оставайся на месте, я сама приду.

Не успел он ничего ответить, как она уже легким прыжком пересекла ручей, миновав преграду, что разделяла их.

Воин упал на одно колено, склоняя голову перед ней. Прижал окровавленную руку к тому месту, где у простых смертных было сердце. И впервые за долгие тысячелетия ощутил, что оно действительно бьется.

Он, сам не зная почему, позволил промыть раны и перевязать их полосками, оторванными от лейне. На самую глубокую рану на плече девушка положила большой лист подорожника, тщательно промытый в ручье, и забинтовав, скрепила повязку булавкой, которую отколола с ворота своего одеяния.

Простая бронзовая булавка в виде цветущей веточки вереска.

Возвращаясь туда, где его ждал долг, воин снял повязки и булавку и спрятал эти сокровища так, чтобы госпожа никогда не смогла найти их...

Он хотел свободы, не имея понятия, что это такое.

Но богиня никогда не отпустит его. Верность ей — это гейс*****, наложенный на него самой Бадб. Не запрет, а обязательство, благодаря которому он существовал. Магия заклятья как кровь питала и поддерживала в нем жизнь, делая вечным спутником, оруженосцем и любовником одной госпожи.

Нарушить гейс означало не только смерть и бесчестье. Проклятой окажется его бессмертная душа, без права на прощение и искупление. Душа, покинув тело, разрушит грань

между мирами бессмертных и людей, и будет искать пристанища в телах смертных, проложив тем самым не только бесконечную череду порушенных судеб и исковерканных жизней, но и преступая законы бытия. Все они будут обречены на рабство, неся наказание за его предательство, живя и умирая в муках. Они станут служить Богине войны, оставаясь смертными и уязвимыми, а, умирая, передадут проклятие другому.

Будут меняться эпохи, но проклятье за нарушенный гейс не умрет никогда.

Никто не мог даже приблизительно предположить, чем, в конце концов, обернется гнев оскорбленной Неистойвой богини, сама сущность которой — бесконечные войны и сражения. Недолгое утешение ей способны дать лишь раздоры, смертельные схватки и вид растерзанных тел. Чем способна отплатить богиня за предательство верного спутника, с которым поделилась своим бессмертием?

Что будет, если Бадб возглавит Дикую охоту, обратив своих ворон в кровавых убийц и позволив им беспрепятственно перемещаться между мирами?

***

...Где-то высоко, над кронами вековых дубов за толщей тумана послышался тревожный шум крыльев и грубый, хриплый крик ворон. Птицы искали его и метались, не в силах проникнуть сквозь наложенную Друидом магию. Туман укрывал, но также усложнял поиск и лишал сил, затрудняя дыхание и замедляя движение почти уже неживого тела.

Он бессмертен, пока верен Бадб, пока не нарушен наложенный богиней гейс. Не служение ей отныне бОльшее предательство, чем желание освободиться от ее покровительства.

Служа Бадб, он предает ту, которую полюбил больше собственной жизни. Но он ни на миг не забывал о проклятье, не желая оставлять другим участь расплачиваться за него.

Он пробирался сквозь чащу и туман, чувствуя, что приближается туда, где его ждал Друид. Найти то место, не имея подсказок, было вторым из условий, поставленных старцем.

"Ты должен найти меня и поляну, на который я проведу обряд до того, как последняя капля крови покинет твоё тело. Я не укажу путь, но на время скрою тебя от глаз богини. Иди и ищи. Торопись, воин".

Едва волоча ноги, он дошел до двух сросшихся вместе дубов. Здесь его внутреннее чутьё безошибочно подсказало ему, что дальше нужно идти не по узкой тропе, а сворачивать в чащу.

Нетерпеливое хриплое карканье ворон, верных слуг Бадб, сопровождало его, не отставая ни на миг. Птицы метались где-то высоко над головой, злобно и истерично горланя, и по-прежнему не видя его. Воин и сам двигался вперед, слепой от слабости и тумана, держа перед собой вытянутую руку, чтобы не врезаться в стволы деревьев, но использовать их как опору.

Наконец он вышел на небольшую поляну, посередине которой из камней и двух деревянных перекидок была выложена большая сигилла*****.

— Ты нашел меня, — сказал друид, едва завидев воина. — Ты выполнил два условия нашего договора. Оставшейся в твоём теле Влаги жизни и отведенного тебе времени должно хватить, чтобы завершить обряд. Не мешкай, вставай сюда.

И друид указал ему на центр сигиллы.

— Ноги поставь на перекидки и держи равновесие, пока все не завершится. Смотри, не рухни. У нас только одна попытка и совсем не остается времени.

Воин молча встал, как ему было велено. Стоять на двух неровных, шатких перекидках,

раздвинув трясущиеся и подгибающиеся ноги, было почти невозможно, но он напряг последние силы и замер, стиснув зубы.

Он чувствовал себя зависшим над пропастью, которая с каждым мгновением увеличивалась. Ноги дрожали, разъезжаясь, и он невиданным усилием сохранял равновесие.

— Слушай меня, воин, — обратился к нему друид.

Седая борода и длинные волосы ниспадали из-под капюшона, скрывавшего лицо. В опущенной руке друид держал ветку дуба.

— После сказанного мной ты уже не сможешь отказаться, потому что каждое произнесенное слово будет частью заклатья, что я наложу на тебя, — произнес старец, подходя ближе и останавливаясь за пределами круга сигиллы. — Решай сейчас.

— Я не откажусь. Ни за что, — сквозь зубы прорычал воин.

— Тогда слушай и принимай свою судьбу. Ты желаешь обрести свободу от служения Бадб и воссоединиться со своей возлюбленной. При этом ты не хочешь, чтобы проклятье нарушенного гейса обрело силу и коснулось других.

Цена твоего желания — отказ от бессмертия и полное забвение. Твоя душа, став свободной, свободы не обретет. Она затеряется во времени, будет скитаться сквозь тысячелетия в вечном поиске, и не будет помнить ничего — ни о том, кому принадлежит, ни о твоей любви. Память обо всем умрет вместе с последним ударом сердца.

— Поспеши, старик! Последний удар моего сердца уже близок... — хрипло выкрикнул воин, понимая, что друид снова испытывает его.

— Держи равновесие, воин. Перекладины не должны смещаться, — невозмутимо заметил старец. — Отрекаясь от верности Неистойой богине, ты нарушаешь гейс, наложенный на тебя при рождении. Ты будешь проклят и душа твоя тоже должна быть проклята без права прощения и искупления. Но после смерти твоего тела я не дам вырваться твоей душе, пока не наложу на неё новый гейс и нареку новым именем. Имя это будет известно только мне, и я не стану предсказывать будущее твоей души. Оно останется сокрыто от всех. В том числе от твоей госпожи.

— Ты не боишься гнева Богини, старик? — прохрипел воин. — Я перестану существовать, но ты останешься здесь. Она найдет тебя и жестоко отомстит за то, что ты помог мне.

— У нас с Неистойой свои счеты и тебе это известно. Пусть ищет меня и пусть найдет. То не твоя забота, воин. Думай лучше о том, что и тебя богиня искать не перестанет. Не получив твоей души в вечное рабство, она лишится власти над ней, но Бадб будет искать тебя и обязательно разыщет. А разыскав, сделает все, чтобы вновь обрести власть над тобой. Она будет добиваться победы. Любым способом.

Друид переступил границы сигиллы и приблизился к воину.

— Ты принес то, что принадлежит твоей возлюбленной?

Воин поднял дрожащую руку, в которой с силой сжимал что-то и вложил это в большую белую ладонь старца. Друид мельком взглянул на предмет.

— Ты не сможешь быть со своей возлюбленной в этом мире и в этом времени. Ты, а вернее твоя душа, будет скитаться сквозь века в вечном поиске. Тебе будет дан шанс найти и обрести свою любовь и свободу от власти Бадб. Но для этого нужно, чтобы были соблюдены условия.

Слушай, воин, все, что я скажу. Ты не сможешь запомнить этих условий, но должен будешь сам найти верный путь к их исполнению, как нашел дорогу сюда, истекая кровью и

теряя последние крупницы жизни.

Друид поднял руку, в которой сжимал ветвь дуба, и она засветилась холодным светом, на глазах превращаясь в длинный узкий клинок. Старец приставил острие кинжала точно в середину груди воина.

— Будь готов верить, рисковать и жертвовать.

Друид говорил и в это время надавливал на кинжал, который медленно входил в тело воина.

— Стой на ногах, воин, пока еще жизнь теплится в тебе. Этот клинок пронзает не только тело. Он достанет душу, ранит ее, но не даст ей вырваться после твоей смерти. Душу я излечу и отпущу на волю, странствовать...

Почти умерев, он слышал, как вопит его душа, пронзенная кинжалом, как она извивается, пытаясь сорваться и ускользнуть.

А друид всё говорил, монотонно зачитывая условия, как свод непреложных законов...

Встречая надвигающуюся тьму, воин понимал, что отправляется в бесконечное странствие, у которого нет берегов...

Цернун* — Божество кельтской мифологии, Покровитель леса и диких животных.

Бадб** — в мифологии ирландских кельтов "неистовая" считалась богиней войны, смерти и сражений; некоторые исследователи видят в Бадб один из трёх ликов Морриган. Есть упоминания о некоем спутнике, с которым видели эту богиню. О нём известно очень немного, так как даже в сагах, описывающих его, он немногословен. Сама Бадб дала своему спутнику имя «Сильный Холод и Ветер, Высокий Тростник». Этот мужчина описывается по-разному, но, пожалуй, его неизменным признаком является то, что он несёт оружие.

Лейне*** — свободная, ниспадающая до лодыжек туника.

Гейс**** — сложный комплекс запретов и обязательств, которые налагали друиды, но не только. Гейс (geis) имел силу закона, как светского, так и религиозного: стоило только пренебречь им, и это сразу влекло за собой целую череду осложнений.

Сигилла***** — друидический символ, круг, пересеченный двумя параллельными линиями.

Нас с тобой будут помнить долго,
Забываться мы будем трудно.
По утюженной глади шелка
Как песчинки скользят секунды.
Мы разрушили все границы,
Все плотины земных артерий,
Мы с тобой будем многим сниться,
Тем, кто в нас никогда не верил.
Солнце радуется раздолью,
Заливая долины медью.
Просто рай! Только нашей болью
Напоили богиню смерти.
Тишина. Дальний грай вороний
Отпевает ненужность жертвы.
Мы могли бы носить короны,
Но стоим на закатном жерле.
Нам в глаза заглянуть не смеют,
Но и косо на нас не глянут -
Мы безвременной нашей смертью
Исцелили чужие раны.
Не грусти! Оставляя окалины
На сердцах закованных в латы,
Улетаем в другие дали мы
На горящих крыльях заката.
Автор — **Маслянская Екатерина (Дарин)**

Глава 1

Наши дни

Последние полтора часа пути до родного города я издергалась и готова была выть на весь салон автобуса. Но еще больше мне хотелось вырвать из рук соседа замусоленный журнал столетней давности, который тот читал всю нашу четырехчасовую поездку, с шумным шуршанием перелистывая страницы и каждый раз при этом слюнявя пальцы. Чтение сопровождалось покачиванием головы, многозначительным хмыканьем, бормотанием и прочей демонстрацией смакования особенно понравившихся отрывков в статьях.

Мой попутчик совершенно не обращал ни на кого внимания. Меня же, как нарочно, заклинило на нем, и я закипала все больше, наблюдая боковым зрением, как он сотый раз подносит длинные узловатые пальцы с нечистыми ногтями ко рту, чтобы лизнуть бледные подушечки языком и затем перелистнуть мягкую страницу.

Шумно вздохнув, в тщетной надежде, что мой сосед примет мой страдальческий вздох на свой счет, я сдалась — откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Оставалось еще около получаса пути и я, наконец, сойду с этого автобуса на станции родного города, который покинула семь лет назад с твердым намерением никогда больше не возвращаться.

Собственно говоря, история моего возвращения уныла, горька и неказиста, как черствая лепешка. Чуть больше семи лет назад я вышла замуж за чудесного (как мне тогда казалось) парня и уехала с ним в Столицу, в которой (как я была уверена) есть горы неограниченных возможностей и море удовольствий.

Мы поселились в небольшой квартирке и уверенно воплотили в жизнь нашу совместную задумку — создали небольшую фирму по грузоперевозкам, приносящую неплохой стабильный доход. По мере углубления в премудрости транспортной логистики росла наша уверенность и банковский счет. Вскоре мы смогли купить себе квартиру много лучше прежней в хорошем районе, и позволить множество самых приятных вещей, таких, например, как завести малыша.

Все было прекрасно, пока нас не занесло в какую-то мрачную, наполненную всевозможными трагедиями и проблемами, зону жизни.

Моя беременность окончилась трагедией, и общее горе от потери ребенка вместо того, чтобы еще больше сблизить нас с Марком, проложило между нами полосу отчуждения. Не дав даже немного прийти в себя, судьба подкинула очередное испытание: по вине одного из наших водителей мы потеряли ценный груз и оказались в долгах и проблемах с законом.

Из проблем с законом мы выпутались с помощью хороших адвокатов, а из долгов выпутаться так и не смогли, увязнув в них еще больше, после оплаты услуг адвокатам. Мы продали квартиру и подали на развод, не сумев найти больше ничего, что могло бы удержать нас в браке, разрушенном лавиной проблем и напастей.

И вот, в свои двадцать восемь, я чувствую себя так, словно безвозвратно устала от жизни и никогда и ничего больше не захочу. Я возвращаюсь в город, в котором родилась и выросла, в квартиру, оставленную мне когда-то бабушкой. Родители мои, помотавшись по свету из-за работы отца, связанной с частыми и длительными поездками, теперь постоянно живут на континенте и, насколько мне известно, возвращаться не планируют. Маме и папе известны далеко не все мои проблемы, и в ближайшее время я не собираюсь их не во что посвящать, по крайней мере, пока не устроюсь и не обрету хоть какую-то уверенность в своем будущем. Начало я уже положила, трезво осознав, что на сегодняшний день у меня не осталось ничего — ни мужа, ни денег, ни работы, ни уверенности в том, что все еще как-то образуется.

В старом городке меня ждут только двое друзей.

Патрицию я знаю со школы. Она была моей подружкой на свадьбе, и в течение всех семи лет моего замужества приезжала ко мне по два раза в год, с добродушным, но довольно настырным любопытством вникая во все нюансы моей жизни. Ей можно довериться, поведав о своих проблемах и провести бессонную ночь, зацепившись языками и перемалывая все новости на свете. Пэтти замужем, но считает свое замужество просто «суровой необходимостью». Для меня осталось загадкой, какая именно "необходимость" заставила мою подругу выскочить замуж за симпатичного, но простодушного учителя физкультуры после трех недель знакомства. Когда я, отбросив всяческие церемонии, напрямую спросила ее об этом, Пэтти ответила, что она вышла бы за него и раньше. Три недели понадобились на то, чтобы убедиться, что будущий муж понимает, как он должен быть благодарен ей за то, что она готова стать его женой.

Он все понимал, и благодарность неустанно выражал, всячески проявляя свое обожание и ничего не требуя взамен. Несмотря на непростой нрав Пэтти, жили они мирно и спокойно, потому что вывести Колина из себя оказалось задачей невыполнимой — он был терпелив и заботлив, считая капризы жены естественной составляющей их брака.

Во время одной из наших полночных посиделок Пэтти, находясь под парами алкоголя, призналась, что считает супруга "непроходимым тупицей" и не собирается заводить с ним детей. Если только на ее горизонте не нарисуетя "для этого" более достойный кандидат. При этом разводиться с Колином она вовсе не собиралась. Ее циничность в этом (и не только в этом!) вопросе повергла меня тогда в ужас, на что подруга заявила, что это будет с ее стороны еще одним «гуманным действием» по отношению к мужу. Он будет пребывать в счастливом неведении о своем мнимом отцовстве, гордясь собой, а она сможет предотвратить появление на свет еще одного «непроходимого тупицы». Откровения эти произносились тоном, в котором нежность смешалась с раздражением. Я не очень хорошо знала Колина, но точно могу сказать, что тупицей он точно не являлся. Если только тупостью не называть его бесконечное терпение ко всем выходкам супруги. Немного позже я стала догадываться о причинах столь противоречивых чувств, терзавших Пэтти.

Брайан, друг детства, с которым я когда-то дни напролет носилась по улицам и дворам, сбивая коленки — второй человек, оставшийся в моей жизни чем-то неизменным. Однажды, кажется, нам тогда было лет по десять, мы заигрались настолько, что убежали туда, где начинались бесконечные долины, покрытые сочной изумрудной травой, и уже был виден океан, плещущийся у подножия отвесных скал. Городок наш остался далеко позади, а мы и не заметили, как стемнело. Я помню, как стояли на самом краю обрыва, взявшись за руки, притихшие и оробевшие. Мы смотрели, как отражается луна на поверхности воды, слышали шум волн, разбивавшихся об огромные валуны далеко внизу, и завывание усиливающегося ветра, и казалось, что ничего и никого на свете, кроме нас двоих, нет. Помню ощущение упоительного восторга, которое охватило меня, когда представила, что вдруг могу взлететь без труда, подхваченная ветром. Посмотрев на Брайана, крепко сжимавшего мою руку, поняла, что и он испытал в тот миг нечто подобное.

Мы тогда страшно замерзли и проголодались, и нам обоим сильно влетело дома, когда мы вернулись далеко за полночь к своим сходявшим с ума от тревоги родителям. Между мной и Брайаном с того раза на всю жизнь осталась тайна, известная только нам — то ощущение волшебства и чего-то такого, что неподвластно понять другим людям и то, что довелось испытать нам обоим. Из этой детской тайны со временем родилось взаимопонимание, тонкое и глубокое, как эмпатия.

Брайана я видела всего пару раз со дня своей свадьбы, но мы часто созванивались и переписывались по электронной почте, обмениваясь всеми новостями. Брайан женился пять лет назад, но брак его продлился недолго, и они с женой безболезненно, без лишних трагедий и разборок разошлись, успев завести очаровательную дочку.

...Голова раскалывалась, ладони стали влажными и похолодели, а где-то в животе словно заворочались гадкие жабы беспокойства — чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше мне требовалось усилий, чтобы не сорваться с места и не выпрыгнуть из автобуса на ходу. Я, наверное, побежала бы, куда глаза глядят, лишь бы не возвращаться туда, где для меня, как я думала, уже не было места. Я побеждена и изгнана из своей собственной жизни, с которой связывала все свои планы и надежды. Да, у меня еще что-то оставалось, но скоро, совсем скоро мне придется расстаться и с этим.

Оставшейся практически без средств к существованию, мне необходимо хоть как-то решить вопрос своего материального положения, пока я не найду постоянную работу и не «зацеплюсь» за действительность, вновь обретя твердую почву под ногами. Решение родилось в муках и терзаниях — продать оставленную мне бабушкой квартиру в отличном

районе нашего тауна* и купить себе что-то более скромное и дешевое. На оставшуюся от продажи сумму можно будет существовать, выиграв время для того, чтобы прийти в себя и устроить свою дальнейшую жизнь. Оплата квартиры сильно скажется на моем более чем скромном бюджете, а влезать в очередные долги мне не хотелось больше всего, даже если кредиторами на это раз выступили бы мои родные.

Родители наверняка будут в ужасе, но, в конце-то концов, квартира моя по праву, и я вольна делать с ней, что захочу.

Я все время повторяла эти слова, оправдывая свой замысел, но не находила утешения. Каждый раз, когда вспоминала, что собираюсь сделать, сердце сжималось от отчаяния и чувства вины перед родителями и памятью о бабушке, оставившей мне наследство в надежде, что ее внучка отнесется к нему бережно и также сохранит для будущих поколений нашей семьи.

Итак, я возвращаюсь к своим истокам с багажом, состоящим из двух чемоданов тряпок, кучи книг, коробки с которыми придут следом за мной, и целым ворохом разбитых надежд.

...Автобус остановился у перрона высадки на конечной станции. Едва я, схватив свою куртку и, перекинув через плечо сумку, ступила на асфальтированную дорожку, как начался дождь. Мелкий и холодный, он словно из садовой лейки поливал окрестности, заставляя людей суетливо метаться в поисках укрытия.

Меня встречала Пэтти, припарковавшая свой ярко желтый MINI Cooper, чуть позади здания станции. Не заметить ее четырехколесного уродца было невозможно, особенно если учесть, что моя подруга стояла возле него и энергично махала мне рукой, чуть подпрыгивая на месте. Я махнула в ответ и двинулась навстречу Пэтти, таща за собой оба своих чемодана, благо они были на колесиках.

— Хейз! Как здорово видеть тебя! — восклицала подруга с искренней радостью.

Мы обнялись и расцеловались, потом отстранились, разглядывая друг друга. Патриция выглядит безупречно, чего не скажешь обо мне.

— Боже, как ты обросла! — Пэтти с изумленным неодобрением, написанным на ее прелестном лице, потрогала мои заплетенные в свободную французскую косу патлы, достигающие пояса джинсов.

— Боже мой, Пэт! А ты все еще едешь на этой... — как бы парировала я, и запнулась, пытаясь подобрать подходящее слово, — диковинке.

— Диковинка меня не подводит. Её легко припарковать. Она жрет мало бензина, и я плачу крошечный налог, — невозмутимо ответила Пэтти, закрывая багажник, куда поместился только один мой чемодан. Второй мы с трудом запихнули на заднее сиденье в салон.

Еще один парадокс. Пэтти словно специально окружала себя чем-то неуклюжим (машина, муж), чтобы выгодно оттенить свою собственную природную привлекательность. А Патриция бесспорно хороша: чуть ниже среднего роста, стройная, с подтянутой фигурой, ухоженными, всегда идеально причесанными светлыми волосами, достигающими плеч, и сливочно-белой кожей без изъянов. Одета в бледно-голубые узкие джинсы и коротенькую кожаную курточку ярко-желтого цвета (не иначе под цвет своего авто!), цветущая и благоухающая свежестью, Пэтти выглядела не больше, чем на двадцать.

— А где остальные твои вещи? — удивленно спросила она. — Это что, все твое добро?

— Книги едут следом, должны прибыть на днях, — ответила я, усаживаясь в машину, и

чувствуя себя так, как, наверное, чувствовал бы себя бисквит, который запихнули в жестянку.

— Книги? И все?! — всплеснула руками Пэтти, занимая водительское место. Потом увидев выражение моего лица, поморщилась и уже совсем серьезно спросила. — Что, все и, правда, настолько паршиво?

— Не знаю, наверное, бывает паршивей, но мне это трудно представить, — ответила я. — Квартиру мы с Марком продали, чтобы расплатиться с долгами и адвокатами. Делить нам было нечего, а сама я ничего не нажила. Все мое богатство — это три ящика книг, еще один ящик с разным барахлом и кольцо, подаренное бывшим мужем, которое мне теперь совсем ни к чему.

— Зато у тебя есть место, куда ты можешь вернуться и где тебе безумно рады, — уверенно заявила Пэтти, накрывая мою, вяло лежащую на коленях руку своей теплой мягкой ладонью. — И я уже нашла покупателя для твоей квартиры. К тому же он готов не только купить квартиру, но и может предложить тебе небольшой домик в ближайшем пригороде. Что существенно облегчает сделку, и не нужно будет искать разные варианты, — радостно заявила моя подруга, вырываясь на мокрое шоссе.

— Час от часу не легче! Уже и квартира почти продана и я уже практически живу в новом домике! — невольно вырвалось у меня. — Прости, Пэтти, все происходит слишком быстро. Я совсем не готова к такому шквалу перемен, которые на меня обрушились. Ты же знаешь, я консерватор по сути своей. Прикипаю к чему-то, не отковырнешь. Если только с кровью и мясом.

Я вздохнула, чувствуя, как начинают дрожать губы, а глаза заполняются слезами.

— Ладно, — проговорила я, немного взяв себя в руки. — Что за домик?

— Чудесный небольшой коттедж, с садиком и прочими прелестными мелочами. Не новый, но в хорошем состоянии. У тебя останется еще куча денег, чтобы купить себе машину, сделать косметический ремонт и оставить небольшой резерв для проживания, — торопливо заговорила Пэтти.

— Угу, ясно, — промямлила я. — Ты сама — то этот чудесный домик видела?

— Нет, сама я там не была, — чуть смутившись, осторожно ответила Пэтти. — Но мы не будем спешить, Хейзи. Ты пока устраивайся, отдохни, приди в себя, а потом мы все обговорим и решим. Я познакомлю тебя с покупателем, и мы съездим посмотреть коттедж, когда будешь готова.

Я вяло кивнула головой и пожала плечами. Сказать мне было совершенно нечего. Я уже чувствовала, что практически живу в этом чужом мне «чудесном маленьком домике с садиком», который заранее стал мне ненавистен.

— Прости, что обрушила на тебя все это вот так сразу, — сказала Пэтти. — Прошу дать мне шанс исправиться и устроить для тебя небольшую вечеринку.

— Какую еще вечеринку?! — испуганно подскочила я на сиденье. — Не хочу никаких вечеринок... Никого не хочу.

— Даже меня и Брайана? — обиженно надулась Пэтти. — Только ты, я, Брайан, пиво и рагу из баранины. Просто посидим, выпьем, поговорим ни о чем. Хейзи, ну дай нам возможность побыть сегодня с тобой! Мы так тебя ждали и так рады, что ты вернулась! Ой, прости дорогая, я снова сморозила глупость! — воскликнула Пэтти, ударив руками по рулю. — Я не в том смысле, что ты вот так вернулась, а в том, что рады видеть тебя и...

— Да поняла я все, успокойся, — я невольно улыбнулась, вдруг осознав, насколько неоднозначна моя ситуация. Ведь если кто-то рад моему возвращению, то произошедшее со

мной уже нельзя назвать полным крахом.

— Ладно, давайте хорошенько надеремся, а заодно поможете мне осознать, что я не в пустыне, а вся жизнь моя — не мираж, — искренне ответила я. — Спасибо тебе и Брайану, рада, что вы у меня есть.

Мы ехали по улицам моего родного городка, и я понимала, что ничего здесь уже не считаю своим, родным и знакомым. Придется привыкать ко всему снова, и не факт, что у меня это получится.

Глава 2

Неделя пролетела, словно один день. Я отмыла и отчистила квартиру, которая пустовала семь лет. Не особо испытывая восторг от этого занятия, уговаривала себя, что таким образом скоротаю время и смогу обдумать предстоящие дела, при этом занимаясь хоть чем-то полезным. Все равно квартиру придется показывать потенциальным покупателям, так пусть она будет в более приглядном виде.

Пришли мои коробки с книгами и кое-какими вещами, и я собралась, было, распаковать их, да вспомнила, что расставлять что-то и раскладывать здесь нет смысла. Ведь очень скоро, возможно, мне придется убраться из этой квартиры, прихватив с собой всю выдавшую виды обстановку, состоящую из дивана, потертого кожаного кресла с высокой спинкой, громоздкого журнального столика и огромного антикварного шкафа, вмещающего в себя самое невероятное количество вещей. В детстве, гостя у бабушки, я обожала прятаться в нем и часами сидела внутри, с упоением разглядывая при свете фонарика старые альбомы с фотографиями и открытками, вырезками из газет и журналов.

Во второй комнате квартиры, спальне, стояла большая старая кровать с изголовьем, обитым потускневшим атласом, круглый прикроватный столик и большой комод с перекошенными, постоянно застревающими ящиками. Я хотела расположиться в спальне, когда приехала, но, полежав на кровати и вдохнув странный, запах, исходящий от этих старых вещей, особенно из недр комода, перебралась в гостиную и обосновалась на диване.

Все здесь, в этой просторной двухкомнатной квартире с большими до пола арочными окнами, я помнила с детства: потолки с лепниной и прекрасный дубовый паркет, который так берегла бабушка, не позволяя никому "шаркать ногами". После смерти бабули мы выбросили самые ветхие предметы обстановки, оставив только малую часть вещей и мебели, но зато наиболее ценное и крепкое. Сейчас же я ощущала какое-то отчуждение, словно время исказило бережно хранимые впечатления, забрав куда-то в небытие все самое приятное и дорогое сердцу. Не означало ли это, что я смогу расстаться с этой квартирой без особого сожаления, лишь изредка испытывая угрызения совести? Очень надеюсь на это, хотя и сознаю, насколько это малодушно.

Пока квартира пустовала, и здесь никто не расходовал ни электричество, ни воду, я без труда и проблем оплачивала обязательную квартирную плату за год вперед. Но после краха нашего с мужем бизнеса, финансовых проблем и развода, проживание в квартире бабушки становилось для меня уже не столь привлекательной идеей: мне попросту неоткуда брать деньги на ее содержание. К тому же жилье явно требовало ремонта. Решение о продаже квартиры не принесло облегчения и не равнялось решению моих проблем, но влезать в новые долги на неопределенный срок и ждать еще чего-то я просто не в состоянии.

Бабулина квартира располагалась в центре нашего города. Из окон виден парк и центральная площадь с ратушей. Чуть дальше — гавань с многочисленными яхтами и катерами, пестрыми рядами пришвартованными у пирсов. Дом построен в начале 20-го столетия, и квартиры здесь стоили приличные деньги. Но, как оказалось, не настолько «приличные», чтобы можно было рассчитывать, что, продав квартиру и купив жилище поскромнее, я стану жить припеваючи. Однако это решит жилищный вопрос, и у меня еще останется некоторая сумма на проживание, которая позволит мне взять время на дальнейшее

устройство жизни, поиск работы и прочее. При этом я не буду ни от кого зависеть, что являлось для меня самым весомым аргументом в пользу принятого решения.

Но самое отвратительное — не все долги были еще уплачены после того, как мы с огромным трудом выпутались из истории с пропажей груза. Существовала вероятность, что я могу лишиться квартиры, ничего не получив взамен.

Я поставила на плиту новенький симпатичный изумрудно-зеленый чайник, подаренный мне Патрицией в день моего приезда. Чайник снабжен свистком, способным заглушить гудки пароходов, доносящихся со стороны гавани. Заглянув в холодильник, который каждый раз при открывании извергал волну затхлого воздуха, несмотря на трехкратную попытку отмыть его пожелтевшее нутро, я распрощалась с желанием перекусить и захлопнула дверцу снова, с сожалением констатируя, что все, что хранилось в холодильнике, неизбежно пропиталось этой затхлостью. Кроме, может быть, запечатанных стаканчиков с йогуртом.

Я сидела у окна в кресле с высоким подголовником, пила чай с медом и смотрела на улицу, по которой катили машины и неторопливо шагали люди. Звонок в дверь отвлек от созерцания, и я пошла открывать, догадываясь, какого непрошеного гостя увижу на пороге.

— Я пришел вызволить тебя из добровольного заточения. Выволоку за шиворот, если будешь сопротивляться, так и знай, — заявил Брайан, закрывая за собой дверь и окидывая меня с ног до головы хмурым взглядом.

— Судя по твоему виду, ты собралась отказаться от всех радостей земных и обрекла себя на бесконечную борьбу с многолетней пылью, — заявил он, рассматривая мои спортивные штаны, вытянутые на коленях и заткнутые за пояс желтые резиновые перчатки, в которых я работала сегодня, отмывая закопченные окна.

— С пылью бороться бесполезно, но я пытаюсь, — ответила я. — И сопротивляться не буду, с удовольствием выйду на свет Божий. Сейчас только оденусь. А ты пока проходи и посмотри в отмытые окна — за ними светлый день, а не вечные сумерки, как казалось еще вчера из-за толстого слоя городской грязи.

Я ушла рыться в чемодане, чтобы найти что-то, не требующее отглаживания и отпаривания, что можно надеть сразу — утюга в моем хозяйстве не имелось. Чистые джинсы и любимый мягкий и уютный пуловер цвета топленого молока вполне подойдут.

Торопливо приняла душ, позволив желтоватым и едва теплым струям воды из старого водопровода окатить меня, создавая видимость полноценной процедуры омовения. Отдающая ржавчиной вода никак не хотела течь ровной струей, а трубы гудели, как волынки на параде в день Святого Патрика. Я расчесала до блеска и заплела в косу свои непомерно отросшие волосы, подкрасила ресницы и нанесла блеск на губы. Взглянула в зеркало — ничего, сойдет.

— Я готова, — объявила, появляясь в гостиной, где Брайан стоял у окна и с интересом разглядывал окрестности.

— А ты знаешь, вид из этих окон и правда стал иным, посветлел и оживился. Город преобразился просто! — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Но вовсе не потому, что окна отмыты, а потому, что здесь снова живешь ты, — добавил серьезно.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх, а затем непроизвольно сошлись к переносице.

— Да я всегда своим присутствием озаряю все вокруг, — согласилась без тени кокетства или намека на улыбку. — Пойдем уже, а?

Брайан широко улыбнулся.

— Комплименты не любишь по-прежнему, — констатировал мой старый друг. — И по-прежнему отбиваешь всякую охоту говорить их тебе. Даже такие завуалированные, какой я изобразил только что. Ну, или попытался изобразить.

— Вот именно, попытался, — отозвалась я, закрывая дверь на ключ.

— Но доводить тебя комплиментами я, пожалуй, продолжу, — заявил Брайан, когда мы спускались по лестнице. — Ты такая забавная, когда злишься.

...Мы посидели в пабе, съели по порции бекона с тушеной капустой и выпили по паре бокалов пива. Меня развезло от еды и выпитого, и я силилась не заснуть тут же на деревянной скамье, захрапев на весь небольшой уютный зал. Брайан с интересом наблюдал за моими попытками справиться с накатившей вдруг на меня усталостью, приумноженной хмельным напитком.

— Отвезти тебя домой? — спросил он, видя, как я десятый раз пытаюсь подавить зевоту, прикрывая рот рукой.

— Нет, — затрясла я головой. — Давай лучше пройдемся по свежему воздуху.

Брайан расплатился, и мы вышли на улицу. На округу опустился такой удивительной синевы вечер, что мне показалось, будто прозрачный воздух — это темно лазурная вуаль, наброшенная на город. Вдоль выложенных брусчаткой тротуаров зажглись фонари, и улицы преобразились, став уютными и безмятежными. Возможно, это мое легкое похмелье виновато, но я вдруг ощутила, что уже не чувствую себя здесь чужой и совсем уж потерянной.

Брайан взял меня за руку и мы, как когда-то давно в детстве, медленно пошли по узкой улочке, храня молчание и думая, каждый о своем. Туман в моей голове рассеялся, я перестала зевать и почувствовала себя вполне прилично для того, чтобы продолжить прогулку, не думая с тоской о том, что вынуждена скоро вернуться в свою пустую, пахнущую забытым прошлым, квартиру.

— Хейз, не хочешь завтра прокатиться кое-куда? — спросил Брайан, шагая рядом со мной и разглядывая блестящую под нашими ногами брусчатку мостовой.

— Куда это «кое-куда»? — поинтересовалась я. — Нельзя поточнее?

— Можно и поточнее, — кивнул мой друг своей русоволосой головой, — устроим маленький пикник где-нибудь на берегу или на скалах. Например, на том месте, куда мы убежали в детстве. Помнишь? Я туда часто приезжаю и сейчас.

Мне стало как-то беспокойно и любопытно одновременно.

— Помню, как забыть. Нам тогда так влетело от родителей, что забыть сложно. Давай проедемся, почему бы и нет, — согласилась я.

Мы бродили еще час по улицам без цели и направления, неспешно беседуя о всяких пустяках, и в итоге вышли прямо к моему дому. Договорились, что Брайан заедет за мной завтра в девять утра, на чем и распрощались у парадной.

После времени, проведенного с Брайаном, мне стало легче на душе и спокойней на сердце. Как же приятно сознавать, что есть люди, которым известны мои проблемы и не осуждают меня за принятые решения. Друзья, которым не нужно ничего объяснять и перед которыми не нужно оправдываться, а главное, не нужно притворяться, строя из себя кого-то, кем на самом деле не являюсь.

Оставалось сделать то, что так давно откладывала — позвонить родителям и рассказать о моем возвращении в родной город. О разводе они знали, но не были в курсе того, что ему предшествовало. Я не говорила ни о крахе бизнеса, ни о том, что мы лишились всего

имущества, так, что и делить уже было нечего, и не стану говорить пока о продаже квартиры бабушки.

Мне ужасно хотелось принять ванну, полежать в теплой воде с нежной душистой пеной. Но, посмотрев на внутренность старой большой чугунной ванны на изогнутых «львиных лапах», я отбросила эту мысль. Мне ни за что не отмыть ее настолько, чтобы усестись туда хоть с малой долей уверенности в том, что вся многолетняя ржавчина, покрывавшая дно, не перелезет на мою задницу, пока я буду там отмокать.

Сон, отступивший во время прогулки, снова навалился, заставляя поскорее принять горизонтальное положение на диване. Я почистила зубы с полузакрытыми глазами, не глядя натянула свою любимую длинную футболку и поплелась в гостиную. Провалилась в сон, едва головой коснувшись подушки.

Мне казалось, что я только что закрыла глаза, и вот уже меня будил телефонный звонок. Мобильный с отключенным сигналом противно вибрировал и жужжал на коробке с книгами, стоящей возле дивана, которую я использовала в качестве приставного столика, разместив на ней все нужные под рукой вещи.

— Да?.. — с трудом проговорила я, едва ворочая непослушным языком.

— Хейз? Знаю, что рано, знаю, что спишь, — раздался в трубке бодрый голос Пэтти, — но я звоню по неотложному делу.

— Да, — снова повторила я, но уже более осмысленно и членораздельно.

— Ты сегодня занята?

— А что такое? Что-то случилось? — я окончательно проснулась и включилась, наконец, в действительность.

Оказалось, ночь уже прошла, и за окном сияло утро.

— Ничего не случилось, — поспешно ответила Пэтти, — просто тут такое дело...

Она замялась, и по ее сопению я поняла, что сейчас меня будут склонять к чему-то, чего я вряд ли захочу делать.

— Да говори уже, не томи.

— Короче говоря, вот что. Ты помнишь, я говорила, что нашла покупателя на твою квартиру?

— Помню, конечно.

— Он хочет посмотреть квартиру сегодня же. Ты как, сможешь принять его и показать, что к чему?

— Нет, не могу, — очень быстро и уверенно ответила я.

— Почему?! Ты передумала продавать квартиру? — заверещала Пэтти мне в ухо.

— Не передумала, но показывать еще ничего не готова, — сказала я. — И сегодня я, вообще-то, занята.

— Пикник с Брайаном — не такое уж важное занятие, — бесцеремонно заявила всеведущая и вездесущая Пэтти. — А покупатель сегодня уезжает по делам и хочет посмотреть квартиру сейчас. Хейзи, Брайан подождет! А ценный покупатель ждать не станет! И если уж на то пошло, вы можете заодно с Брайаном прокатиться и посмотреть тот самый домик, который может стать твоим. Все равно он тебя тащит куда-то на сквозняки, так хоть с пользой померзнешь.

— Какая ты все-таки... — проговорила я, морщась от досады.

— Какая? Противная? — добродушно поинтересовалась Пэтти. И с удовольствием подтвердила, — да, такая я. А тебя не пнешь пониже спины, ты и не почешешься. Так и

будешь сидеть, ждать, когда все само рассосется.

Ну, что тут скажешь? Она была права. Я нуждалась в хорошем пинке, потому что сама сейчас особо не спешила ничего конкретного предпринимать.

— Когда этот твой покупатель собирается заехать? — сдаваясь, поинтересовалась я. — Брайан заедет за мной в девять, — я отвела от уха телефон и посмотрела на дисплей, — сейчас начало восьмого. Думаю, как раз в девять будет нормально...

— Эм-м, — замялась Пэтти, — ну, в общем-то...

— Что еще, Пэт?! — взвилась я. — Только не говори, что он уже в пути и скоро будет у меня!

— Да, — коротко ответила Пэм и поспешила добавить, — я же говорю, он уезжает. Позвонил мне буквально только что и заявил, что должен взглянуть на квартиру прямо сейчас. Я пообещала позвонить тебе и предупредить. Не кипятись, а вдруг это неплохой вариант. И все равно ты уже проснулась.

— Да я еще в пижаме! — воскликнула я, срываясь с дивана и бегом отправляясь в ванную комнату. — А вчера предупредить этот твой покупатель не мог? И вообще, почему он связывается с тобой и не потрудился взять у тебя мой телефон и переговорить напрямую, как с владельцем, между прочим, квартиры и ее же продавцом?

— Не знаю, — промямлила Пэтти, и добавила. — Вообще-то, он довольно странный. Сама увидишь.

— Станных мне еще не хватало, Пэт! Я не хочу с психами связываться! — я держала телефон, зажав его между щекой и плечом и пыталась одной рукой умыться, а другой почистить зубы.

— Ну, нет, он не псих! Просто какой-то... странный одним словом. Неулыбчивый, отстраненный, вечно куда-то торопится, разговаривает, словно экзамен принимает, заранее решив, что ты его не сдашь. Одним словом, представитель творческой богемы, кажется какой-то фотохудожник, бизнесмен, кругом весь из себя занятый.

— А откуда вообще ты его знаешь? — поинтересовалась я, яростно сплевывая зубную пасту в раковину.

— Это знакомый моего кузена. Я как-то обмолвилась, что ты возвращаешься и хочешь продавать квартиру. А когда назвала адрес твоей квартиры, мой кузен сказал, что у него есть знакомый, который ищет жилье в этом районе города. Ну и все. — Пэтти вздохнула и добавила. — Если ты еще не решила ничего, то у тебя будет возможность сказать ему об этом самой. И чем быстрее ты все это сделаешь, тем лучше! Нечего тянуть резину. И к тому же я снимаю с себя полномочия добровольного посредника. Все. Сама теперь рули, а то я, кажется, слишком рьяно взялась.

— Да я, вообще-то, не против, — примирительно проговорила я. — Если бы не ты, я бы уже мхом поросла. Так что спасибо тебе за все.

— За что еще спасибо, я ведь, как всегда, не в свое дело лезу. Думаешь, не понимаю, — вздохнула Пэт. — Но очень хотелось хоть чем-то тебе помочь. И потом, я все привыкла делать быстро, не вижу смысла жилы тянуть.

— Знаю. Просто для меня все происходит слишком быстро. Слишком.

Только я успела скатать в большой рулон свои постельные принадлежности на диване, и натянуть на себя джинсы и футболку, как в дверь настойчиво позвонили. От неожиданности я подпрыгнула на месте, а где-то в желудке шевельнулся липкий комок беспокойства. Ведь может так случиться, что сейчас сделаю первый шаг туда, откуда уже не будет возврата —

мысль промелькнула тенью и скрылась, оставив неприятный осадок.

Глава 3

Направляясь к двери, я машинально взялась руками за голову, внезапно поняв, что забыла причесаться. Оставалось на ходу схватить со столика в прихожей резинку и стянуть волосы в хвост. Небрежно, не очень аккуратно, но лучше, чем просто нечесанные патлы.

Пальцы не слушались, с трудом справляясь с массивной дверной щеколдой, которую когда-то настоятельно попросила укрепить на двери бабушка. В то время ее вдруг стали мучить страхи, что она закроется на ключ изнутри, потеряет его и не сможет выбраться из дома. Мы, в свою очередь, стали опасаться, что случись с ней что, не сможем попасть к ней в квартиру, если она закроется на задвижку изнутри. Но щеколду все же поставили.

Моих ранних гостей двое — мужчина и женщина.

Первое, что бросилось в глаза — он высокий и хмурый, как осенний день. Зачесанные назад темные волосы касались воротника темно синей рубашки, у него широкий, красиво очерченный рот сжат и резковатые черты лица. На нем очки в тонкой оправе, и за стеклами под линией черных ресниц не различимы ни цвета, ни выражение глаз.

Посетителю на вид лет тридцать или чуть больше, широкоплечий и стройный. Его спутница само воплощение изящества и миловидности — нежная блондинка среднего роста, она прекрасно сложена и со вкусом одета. Чистая кожа и приятная улыбка, в которой было все, на чем «сердце мое успокоилось» — приветливость, мягкость и даже легкое смущение, вызванное, возможно, неловкостью за внезапный ранний визит или за хмурый вид своего спутника.

Пэтти называла мне имя пожелавшего купить квартиру, но я, хоть убейте, никак не могла его вспомнить.

— Вы — Хейз МакМэй? — низкий бархатный голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула. — Меня зовут Кейран Уолш, — назвал, но руки не протянул и забыл или намерено не пожелал представить свою спутницу. Одновременно сделал решительный шаг внутрь моей квартиры, и мне невольно пришлось отступить.

— Ваша подруга Патриция говорила, что вы продаете квартиру? Это так? Никакой ошибки? — вопрошал он. Куда при этом смотрел, понять было сложно — свет от лампы в коридоре отражался в линзах его очков, совершенно скрывая глаза.

Теперь я поняла, что имела в виду Пэтти, называя его странным, и что он разговаривает «будто экзамен принимает». Требовательный тон, глубокий, низкий голос, отсутствие даже намека на улыбку.

Ну, что ж, решила я — как он со мной, так и я с ним. Здесь моя территория.

Старательно изгнав с лица все эмоции, я нацепила маску "вежливой холодности" и медленно по-королевски кивнула. Войдя в образ, выпрямила спину и невозмутимо-сдержанно проговорила:

— Ошибки нет, я действительно хочу продать эту квартиру. Желаете посмотреть?

— Если вас не затруднит, — отозвался Уолш, и, не дожидаясь приглашения пройти в комнаты, снова сделал шаг вперед, окончательно оттесняя меня в сторону. При этом он взял свою спутницу за руку, и в том, как переплелись их пальцы, промелькнуло нечто, тщательно сокрытое за его внешней холодностью и надменностью. Но жест этот и прикосновение предназначались лишь его спутнице, а мне стало немного неловко, словно я невольно

подсмотрела нечто, никак не предназначавшееся для посторонних глаз. Оставалось только пропустить гостей вперед и последовать за ними.

Уолш, не выпуская руки девушки, прошелся по всем комнатам, долго разглядывал потолки, заглянул на кухню и в ванную, где деловито покрутил краны и послушал, как они гудят, выводя рулады, к которым я уже, признаться, привыкла. Задумчиво глядя на тонкую струю желтоватой воды, стекающую в раковину, негромко сказал:

— Пожалуй, мы видели все, что нужно. Давайте поговорим о деталях, — и он решительно направился в гостиную, снова беспардонно вытеснив меня, стоящую в дверях ванной. Я, с трудом сохраняя спокойствие, пошла за ними, чувствуя, как испаряется моя напускная, «королевская» невозмутимость, уступая место едва сдерживаемому раздражению и гневу — какой бесцеремонный!

Посетитель остановился посреди гостиной, еще раз осмотрелся, задержал задумчивый взгляд на скатанных в рулон постельных принадлежностях, откуда небрежно торчала простыня в веселенький разноцветный горох. Низкие четко очерченные линии бровей над оправой очков сошлись над переносицей и, Уолш повернулся ко мне. Едва заметное движение головы — сверху-вниз-обратно- говорило о том, что он "просканировал" и меня. Будто только что заметил.

— Сколько вы хотите за квартиру?

Я назвала сумму, не вызвав на лице потенциального покупателя никакой реакции. Он невозмутимо продолжил:

— Квартира не в лучшем состоянии, наверное, вы и сами это знаете. Поэтому давайте рассуждать реально. Сумма, которую вы просите, завышена, что, как я полагаю, означает вашу готовность поторговаться.

Он помолчал, ожидая, видимо, когда до меня дойдет смысл сказанного им. Молчала и я.

— Мне сказали, что вы ищите другое жилье. Это так?

— Так. Ищу, — коротко ответила я, отбросив попытки сохранять невозмутимость.

— У меня есть коттедж в ближайшем пригороде, и он продается. Могу предложить вам его посмотреть. Если вас все устроит, мы совершим сделку, в результате которой вы получите разницу между стоимостью этой квартиры и коттеджа. Хотите взглянуть на дом?

— Взгляну, отчего же не взглянуть. А вы, кажется, уезжаете сегодня? — поинтересовалась в свою очередь.

— Прямо сейчас, — ответил Кейран.

— Когда же я смогу взглянуть на коттедж?

— Когда захотите. — И визитер обратился к своей спутнице, — Шона, ты захватила ключи?

Девушка улыбнулась и кивнула, извлекая из своей сумочки два ключа, висящих на металлическом кольце, и протянула их мне со словами:

— Вот, возьмите. Большой ключ от главного входа коттеджа, второй, поменьше, от двери кухни, но через ту дверь не войти — замок неисправен. Вы можете поехать и посмотреть домик, когда вам будет удобно. Осмотритесь, побудьте там. Дом пустует уже довольно давно, вы никого не потревожите, и никто не потревожит вас.

Беря ключи, я проглотила ощущение, что сделка уже состоялась и меня тянут куда-то, как покорную овцу.

— А адрес? — я решила не капризничать и не выказывать свое недовольство.

Шона достала из сумочки изящную книжицу MOLESKINE в лиловом кожаном

переплете, оторвала один из перфорированных листочков и быстро набросала адрес. Она писала левой рукой, и я заметила на ее среднем пальце кольцо из белого золота, усыпанное мелкими бриллиантами, расположенными в четыре параллельных ряда по всей окружности кольца. Помолвочное колечко, не иначе, оно искрилось и сверкало, притягивая взгляд.

— Я вернусь через неделю. За это время вы подумайте, посмотрите дом, — обратился ко мне Уолш, пока Шона писала. — А пока я могу предложить вам следующую сумму за вашу квартиру, — он озвучил цифру, ощутимо отличавшуюся от названной мной.

Я справилась с возмущением, и вместо презрительного взгляда наградила покупателей легкой улыбкой, в которой по задумке должно было читаться снисходительное понимание.

— Это мало похоже на торговлю. Скорее на тотальную распродажу в конце сезона с максимальной скидкой, — вежливо заметила я.

Кейран Уолш выпрямил свой и без того прямой торс, вскинул твердый подбородок и вернул мне зеркальное отражение моей улыбки, только с еще большей снисходительностью и сдержанностью.

— Я предлагаю реальную цену за реальный товар, — неторопливо проговорил он. — Дом этот хоть и старой постройки, но в прекрасном состоянии и расположен в отличном месте. Чего не скажешь о самой квартире: коммуникации изношены, и во всех помещениях требуется немалый ремонт. Если вы меняете хотя бы водопровод в пределах своей квартиры, я предложу вам сумму больше названной. Повторяю, дом и район прекрасны — удачное место в центре города. Но это не делает лучше саму квартиру. Платить только за красоту самого здания и за чудесный вид из окон я не готов.

Я терпеливо выслушала его и поинтересовалась:

— Понимаю. А сколько же вы хотите за свой коттедж?

Названная им сумма вызвала у меня противоречивые чувства. Она была выше, чем я рассчитывала, но не на столько, чтобы отменяла предложение тот час же. Положа руку на сердце, жить в пригороде, пусть и самом ближайшем, мне не очень хотелось. Если бы надо мной не висела перспектива пойти по миру или влезть в новые долги (которые тоже нужно будет отдавать), то я бы даже не стала рассматривать этот вариант, а этого "темного" * посетителя с его спутницей вычеркнула бы из списка потенциальных покупателей сразу же.

Но дело в том, что купить именно квартиру в нашем средненаселенном тауне** было не так просто. Жители города редко расставались со своим жильем. Мало кто из местных уезжал отсюда в большие города, находя все необходимое для нормальной жизни и процветания здесь. Город был всегда полон туристов, дающих прекрасный доход городской казне. Окрестности, помимо природных красот, полны прекрасных и загадочных мест, хранящих тайны глубокой древности. В самом городе два театра — драматический и оперный, музей, университетский городок, пусть и маленький, но с заслугами и богатой историей. А местный хлебопекарный заводик славился на весь наш изумрудный край — отведать овсяного хлеба или ячменных лепешек сюда приезжали со всех концов страны. Одним словом, не город, а райское место.

Не удивительно, что найти свободную квартиру, да еще и в центре было достаточно сложно.

Ладно, отказаться я всегда успею, можно посмотреть коттедж и подождать неделю, делая вид, что раздумываю над предложением.

— Я непременно съезжу посмотреть ваш дом, а через неделю мы можем с вами связаться и обсудить все еще раз, — деловито сказала я и, сделав над собой усилие,

улыбнулась своим посетителям. Ответная улыбка последовала только от Шоны, да и та была скорее формальной, чем приветливой.

— Вот, возьмите, — гость доставал из кармана своей черной кожаной (элегантной и, наверное, дорогой) куртки визитную карточку и протянул ее мне. — Там все телефоны, по которым меня можно найти. Позвольте узнать, как можно связаться с вами? — вежливо поинтересовался он.

Я взяла с коробки с книгами свою потрепанную записную книжку, вырвала неровный листок, накарябала на нем номер своего мобильного телефона и протянула бумажку Уолшу.

Тот, помешкав долю секунды, взял клочок так, словно это оторванная и еще дергающаяся лягушачья лапка, и тут же передал его Шоне.

Кажется, на этом можно завершать нашу незапланированную встречу, и я уже дожидаться не могла, когда же посетители уйдут.

— Позвольте вас проводить, — сказала я и направилась к входной двери. Гостям ничего не оставалось, как двинуться за мной. — Спасибо и всего доброго, — добавила я, открывая дверь.

Проходя мимо, Уолш как-то странно склонил голову в мою сторону, то ли кивая на прощанье, то ли поглядывая, как бы не задеть меня ненароком, словно я чумная.

Оставшись одна, я поднесла к глазам карточку, которую дал Кейран — дорогая матовая плотная бумага, изысканный, лаконичный шрифт и такая же лаконичная информация — «Кейран К. Уолш, фотограф», какой-то логотип и два номера телефона.

Фотограф. Плохо представляю тонкости этой профессии, но уважаю за наличие в ней творческой составляющей. Судя по одежде Уолша и его манере держаться, на своем поприще он преуспел, надо будет расспросить Патрицию или покопаться в Интернете, что он за фрукт такой, и какие у него имеются заслуги.

Через четверть часа я почти забыла о своих гостях и стала собираться на пикник с Брайаном. Из чемодана извлекла куртку, свитер с высоким воротом и плотную футболку с длинным рукавом — нельзя недооценивать силу ветров, обдувающих наше побережье в это время года. Как, впрочем, и в любое другое.

Собрала сумку, подумав немного, уложила во внутренний карманчик ключи от коттеджа Уолша и бумажку с адресом, а также его визитную карточку. В ванной протерла мутноватое зеркало и внимательно разглядела свое отражение.

Волосы и правда сильно отрасли, длиной достигали копчика, но избавляться от них я пока не собиралась, лишь время от времени понемногу подрезала самые кончики. Я решила не стричься, когда узнала о своей беременности. Сначала это было просто следование примете, затем стало своеобразным обетом, который я дала, когда все наши с мужем беды зашли слишком далеко. Решила, что обрежу волосы, когда все наладится. Мой муж, с которым мы, даже разведясь, еще долго делили одну крышу над головой, наблюдал, как я обрастаю копной и ничего не говорил. Не знаю, все равно ему было или он правильно понял мое намерение.

Из отражения в зеркале на меня смотрела барышня с очень длинными темными волосами и хмурым сомнением в зелено-карих глазах.

Всего немного чересчур — и длины волос и сомнений. Первое можно исправить хоть сейчас, а вот со вторым так просто не разберешься.

Я смотрела на свое отражение и пыталась собраться с мыслями, положить на лопатки неуверенность в собственных действиях хотя бы в этом раунде. Сейчас вдруг поняла, что

именно делаю — я же разрушаю все связи со своим прошлым, даже с тем, в котором чувствовала себя совершенно счастливой, защищенной, не обремененной никакими заботами. Но я вовсе не этого хочу!

Невольно шмыгнула носом, почувствовав, как в нем защипало, а на глаза набежали слезы. Только я сама, и больше никто, имею право на жалость к себе, тайную, незаметную для окружающих. Но не теперь, пожалуй себя смогу и позже.

Одевалась торопливо, продолжая шмыгать носом, потом еще раз умылась холодной водой, немного пудры, туши и блеска для губ, и я была готова ровно к девяти часам. Брайан появился в дверях моей квартиры с удивительной пунктуальностью, которой он, кстати говоря, отличался всегда.

— Хорошо выглядишь. Отдохнувшей, — сказал он, пропуская меня вперед в лифт. — Пэт сказала, что ты встречалась с покупателем?

— Когда она успевает все всем рассказать! Я сама еще час назад не знала, что буду встречаться с покупателем. Наверное, нужно прекратить удивляться всезнайству нашей подруги, — вздохнула я.

— Ну, так как все прошло? — поинтересовался Брайан, улыбнувшись.

— Да никак. Обменялись взглядами на стоимость, телефонами, взаимной антипатией и разошлись.

— Антипатией? Почему так? — Брайан продолжал допытываться и одновременно придерживал для меня тяжелую дверь парадного.

Мы вышли на улицу, и я увидела, как сквозь неплотные тучи, похожие на пар или дым, проглядывают лучи солнца и лоскутки бледно-голубого весеннего неба. Я задрала голову, наблюдая, как ветер стремительно уносит прочь ошметки рваных туч, расчищая небосклон.

— Этот покупатель — неприятный субъект. Я поищу еще желающих приобрести мою квартиру. Мне даже мысль противна, что по дубовому паркету моей бабушки будет шастать такой надменный тип. А поэтому, забудем пока обо всем и поедем-ка отсюда на просторы. Похоже, с погодой нам сегодня повезет, — сказала я, усаживаясь в машину Брайана.

Автомобиль резво взобрался по уходящей вверх по холму дороге, ведущей из города, и вот мы уже катили по тихим окраинам. Что-то кольнуло меня в язык, словно лизнула батарейку и прежде, чем успела сообразить, хочу ли этого на самом деле, как уже торопливо проговорила:

— Послушай, Брай, а может, заскочим вот по этому адресу? Это ведь недалеко? — и я поднесла к его лицу листок бумаги с адресом коттеджа Уолша.

Брайан, сосредоточенный на дороге, бросил быстрый взгляд на листок, и ответил:

— Недалеко. Только это чуть на востоке от города. Но мы можем сейчас повернуть на развилке направо и минут через десять будем там. Хочешь взглянуть на дом?

— Почему бы нет, — я пожала плечами, убирая листок обратно в сумку. — Взгляну. Так, на всякий случай. Странно, но я никогда, даже живя здесь, совершенно не интересовалась пригородными районами и не приглядывалась к ним. Там хоть приличное место? Надеюсь, это не глухая деревушка.

— Вовсе нет, — отозвался Брайан, — нормальное местечко, вполне симпатичное.

Он помолчал и добавил:

— Там на холме еще стоит старый, разрушенный придорожный паб. Помнишь, мы в детстве хотели туда добраться и посмотреть, что там внутри?

— Не помню, — я и правда ясно не помнила ничего такого, но какие-то смутные,

обрывочные картинки все же возникли в голове. — Это не то место, про которое всякие страшилки рассказывали, вроде того, что там ведьмы на шабаш собираются?

— Про это, — кивнул Брайан, — как и про десяток других заброшенных домов в округе.

Мы повернули на развилке вправо, и дорога, петляя, побежала под холм, скрыв на время от глаз, оставшийся позади город. Перед глазами раскинулась сказочная картина — холмистые просторы, покрытые густой, свежей изумрудной зеленью, словно плотным ярким ковром. Деревья в дымке молодой листвы, домики, разбросанные по возвышенностям и долинам. Холмы перетекали один в другой, пересекаясь дорогами и извивающимися каменными ограждениями, смешиваясь, соединяясь всеми оттенками зелени и образуя причудливый «узор» ландшафта.

Живя в большом городе, я и позабыла, как прекрасен наш край, похожий на волшебные иллюстрации в книгах о древних мифах и сказаниях.

***

...Квартирка оказалась маленькая, слишком маленькая, но она понравилась Кейрану. И старый, по-классически солидный дом с чистым и светлым парадным, и ковровым покрытием в холлах тоже понравился. И большие арочные окна, вид из которых открывался просто шикарный. В этой квартире он мог бы найти то убежище, о котором столько мечтал — небольшое, уютное и только для него. А в своем нынешнем жилище — лофте, занимающем целый этаж, он сделает студию и офис.

Словом его почти все устраивало, и очень не хотелось снова заниматься поисками вариантов жилья. Но вот хозяйка квартиры, кажется, сомневалась и не была расположена к быстрому заключению сделки.

Кейран посмотрел на сидящую рядом с ним Шону. Она послушно пристегнула ремни и углубилась в чтение журнала. Кейран разглядывал нежный профиль, округлый абрис щеки, сливочную кожу, маленькое ухо, за которое девушка с небрежным изяществом заправила золотистую прядь волос.

А у хозяйки квартиры волосы были темные, как горький шоколад и небрежно убранные в тяжелый, длиннющий хвост, спускающийся вдоль всей спины.

Взгляд настороженный, хоть она и пыталась улыбаться, но выходило это у нее натянуто и раздраженно. И вообще вид у девицы был такой, словно она недовольна их визитом.

А не все ли равно ему, что с ней не так? Зачем он вообще о ней думает?

Кейран раздраженно сдернул очки с носа, сложил их и сунул в нагрудный карман рубашки. Провел пятерней по волосам, зачесывая их назад со лба, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Он фотограф, смотреть на людей и замечать необычные, неправильные, выразительные, запоминающиеся лица получалось у него само собой. У девицы лицо как раз такое. Вот потому он о ней и думает. Но снимать ее он бы не стал, нет. Ну, если только как иллюстрацию к материалу на тему "Недовольные домохозяйки". Но он таким не занимается.

И все-таки длинноволосая брюнетка еще пару раз заглянула ему в голову за то время, что они провели в полете до Столицы. Первый раз она прошлась в его сознании, мимоходом взглянув серьезными оливковыми глазами. Второй раз к визуальному образу вдруг добавился неожиданный акцент: вместе с девицей в сознание всплыло облачко аромата, теплого, соблазнительно-сладкого, утонченного, напоминающего что-то очень знакомое.

Покидая квартиру и проходя мимо хозяйки, Кейран в самом деле ощутил аромат, который зацепил его внимание на миг. Они с Шоной вышли на улицу, мимолетная связь

порвалась, и он быстро все забыл.

А сейчас снова вдруг вспомнил и навязчивая дымка витала теперь на горизонте восприятия, тревожа чем-то заманчивым и необъяснимым.

---

* "темный" — имя Кейран с ирландского означает "темный"

** "Таун" — тип городского поселения в Ирландии, небольшой город.

Глава 4

— Ну, вот, приехали, — сказал Брайан, пока я сидела, разинув рот, и смотрела в окно, как зачарованная. Уши мои словно заложило плотной ватой, сквозь которую едва долетал голос о чем-то рассказывающего мне Брайана. Но я настолько погрузилась в созерцание окрестностей, что ничего больше не слышала, и даже снующие в голове мысли вдруг деликатно «притихли», позволив мне любоваться завораживающей красоты видами.

Слова Брайана вернули в действительность, хотя я даже не заметила, как мы остановились на улице, на которой едва могли разъехаться две машины. Узкие тротуары, ряды плотно льнувших друг к другу строений — жилые дома, магазинчики, кафе. Двухэтажные коттеджи — постарей, поновей, аккуратные, отделанные камнем и оштукатуренные, подкрашенные, любовно обновленные, с газончиками, прочными и надежными крышами, разноцветными дверями и ставнями.

Прохожих совсем немного и они никуда не спешили. Пригород он и есть пригород. Я представила себя, неторопливо идущую в местную лавочку за пучком сельдерея или буханкой свежего хлеба. И каждый встречный — поперечный будет кивать головой и задавать какие-то вопросы, и надо будет любезно отвечать на приветствия. Ведь здесь наверняка все знают друг друга и рано или поздно мне тоже придется познакомиться со всеми. Такое будущее напрягало до дрожи.

Я тряхнула головой, шумно выдохнула, словно выходя из транса в конце сеанса занятий йогой, и открыла дверцу машины.

— Коттедж где-то здесь, — Брайан стоял возле машины (я и не заметила, когда он успел выйти) и, опираясь на открытую дверцу, оглядывался вокруг, — поищем? — Он мотнул головой туда, где дорога с покрытием, походившим на крупнозернистую наждачную бумагу, потихоньку начинала взбираться вверх.

— Конечно, поищем, — согласилась я, — иначе зачем было сюда приезжать.

— Резонно, — ухмыльнулся Брайан. — Честно говоря, я уже решил, что ты передумала.

— С чего бы?

— С того, как ты затравленно смотришь вокруг. Словно в кроличью нору провалилась.

Я фыркнула, решительно вышла из машины и захлопнула дверцу. Стало как-то зябко после поездки в теплом салоне, ветерок здесь разгулялся на славу, сразу пробравшись под свитер и футболку. Я передернула плечами и застегнула куртку до самого подбородка.

— Замерзла? — спросил Брайан.

— Да, что-то здесь чересчур свежо, — пробормотала, начиная сомневаться, что дрожь вызвана только весенним ветерком.

— Да уж, — Брайан бросил на меня быстрый взгляд, — ты совсем отвыкла от здешней жизни. Забыла, какие бывают ветра? Хочешь дам свой свитер? — предложил мой друг, подходя ко мне.

Я решительно помотала головой.

— Тогда посиди в машине, а я узнаю, где находится коттедж, и мы туда доедем.

Я снова ответила отказом и, забросив ремешок сумки на плечо, засунула руки в узкие кармашки джинсов, чтобы согреть абсолютно заledenевшие пальцы.

Брай прав — я отвыкла от здешней жизни и совсем не хочу привыкать заново.

Планировала идти только вперед, а пришлось возвращаться назад и вовсе не как победитель.

— Давай лучше оставим машину здесь, пройдемся, осмотримся, я подвигаюсь и согреюсь, — заявила бодро, стараясь, чтобы зубы стучали не так громко и подбородок не трясся.

Признаваться другу, что он угадал мое состояние, я не собиралась. Не столько замерзла, сколько разнервничалась, и теперь едва не подвывала от внезапно накативших, странных тоскливый ощущений. Брайан быстро обнял меня и крепко притиснул к себе.

— Пошли, малокровная, — вздохнул он, — надо же так посинеть от майского ветерка, — пробормотал он себе под нос, качнув головой.

Я тихонько хмыкнула: пусть лучше думает, что малокровная, анемичная, да как угодно, все лучше, чем трусиха и истеричка.

Мы шли по главной улице, которую пересекали улочки поуже, где виднелись уходящие вдаль, бесконечные аккуратные заборчики, цветники и прочие прелестные внешние атрибуты жизни в пригороде. Не так гламурно и не с таким размахом, как в сериале «Отчаянные домохозяйки», но общее явно имелось. Никогда не понимала всего этого застывшего вне времени «очарования пасторали». Я человек городской, до входа в прихожую моего дома меня должен доставлять лифт, в крайнем случае — широкая лестница вестибюля, а не пара ступенек крылечка. И соседи от скуки не должны отслеживать мои передвижения через занавешенные цветочно-узорчатым тюлем окна напротив-слева-справа.

— А куда мы так уверенно чешем? — поинтересовалась я, с удивлением обнаружив, что мощное объятие Брайана быстро привело меня в норму — согрело и успокоило.

— Осматриваемся, знакомимся с местностью, оцениваем обстановку, — отозвался Брайан и тут же остановился, — загляни в бумажку с адресом, уточни номер дома.

Через пару минут, встреченная на улице молодая женщина с малышом охотно объяснила нам, как добраться до коттеджа Уолша.

Мы не спеша добрались почти до конца улочки, минуя ряды домов по обе стороны от дороги с ухоженными цветниками и газонами, но ничего похожего на коттедж Уолша, по крайней мере, такой, каким его описала местная жительница, мы не увидели.

— Не вижу ни одного дома с узорчатым коньком крыши и сильно заросший зеленью, — сказала я, оглядываясь по сторонам. — Вообще-то, зелени с избытком хватает у каждого.

— Я тоже не вижу, но это не значит, что такого здесь нет, — авторитетно заявил Брайан.

Заприметив у одного из домов крупную даму неопределенных лет, которая что-то рассматривала и перебирала в лежащем на чистом газончике большом сером пластиковом пакете, Брайан решительно направился к ней. При этом мой друг довольно бесцеремонно потащил за собой и меня, по-прежнему сжимая мои уже изрядно затекшие плечи своей медвежьей хваткой. Пожилая леди как нельзя лучше иллюстрировала своей фактурной фигурой лимерик* Эдварда Лира:

«Жила-была дама приятная,
На вид совершенно квадратная.
Кто бы с ней ни встречался,
От души восхищался:
«До чего ж эта дама приятная!»

Дама, и правда, показалась весьма приятной. Брайан любезно поздоровался с ней и спросил:

— Не подскажите, как найти коттедж Уолшей?

Дама оторвалась от своего занятия, выпрямилась, всматриваясь в нас. Руки ее в ярко розовых садовых перчатках держали зеленый пучок какой-то рассады. Расплывшись в приветливой улыбке, дама тут же отозвалась:

— Пройдите до конца улицы и поверните налево. Пройдете чуть вперед и увидите роскошные заросли ежевики, за ними — коттедж из желтого камня. Это и есть домик Уолшей. Он приметный, вы его ни за что не пропустите, — дама энергично закивала головой в подтверждении своих слов, а мы поблагодарили ее и двинулись дальше.

Мое воображение нарисовало сказочную картинку — облицованный солнечным камнем домик с коричневой черепичной крышей, украшенной сказочной красоты резным коньком, как короной, белые переплеты окон в обрамлении ажурных листьев хмеля...

— Боже милостивый, — выдохнула я, резко останавливаясь после буйных зарослей ежевики. Мы в буквальном смысле едва не натолкнулись на каменную стену — невысокая ограда, опоясывающая участок, сложенная из дикого природного камня, а из-за нее выглядывали буйные заросли каких-то кустов, плюща, хмеля и еще чего-то. Все переплелось и смешалось, и пышной зеленой массой лежало на камнях, почти скрывая от глаз деревянную потемневшую калитку.

Дорога подходила к дому, и мы вполне могли бы подъехать сюда на машине. Соседние дома располагались чуть поодаль, и ни один не примыкал непосредственно к коттеджу Уолша — их разделяли друг от друга не только заборы, но и непролазные заросли кустарника. При таком раскладе затруднительно наблюдать, что происходит на участке соседей. И никакого кружевного заборчика и газончика с красиво цветущими кустарниками, гостеприимно украшающий подход к дому. Массивная каменная, хоть и невысокая стена смотрелась грубовато, а вместо газончика наблюдалось буйство травяной поросли.

Брайан не дал мне ни секунды на раздумья и снова решительно потащил вперед. В калитку мы протиснулись вместе, являя собой сросшихся «сиамских близнецов».

— Я уже согрелась, можешь больше на сжимать меня так крепко, — я осторожно высвободилась из железных рук Брайана.

Мой друг молча разжал объятия, напоследок энергично растер мне плечи, и теперь мы оба стояли, оглядываясь по сторонам.

Если здесь когда-то и был газончик, то сейчас от него ничего не осталось. Яркая сочная растительность захватила весь небольшой участок перед домом, который в свою очередь тоже оброс девичьим виноградом и хмелем до самой крыши. Никто, видимо, уже давно не обрезал засохшие плети, и они, переплетаясь со свежими молодыми побегами, взбирались по стенам дома, закрывая весь фасад. До самой крыши. Не черепичной, а из потемневшей от времени и атмосферного воздействия... соломы. Правда, добротно и аккуратно уложенной.

— Крыша из соломы — это сверх моих ожиданий, — вырвалось у меня.

К дому вела узкая едва заметная дорожка из каменных плит, сквозь трещины в которых проросла густая трава. Можно подумать, что мы оказались в лесу, так бурно разрослись здесь все растения и кустарники. Я прошла по дорожке к дому и, оказавшись совсем близко, увидела, что окна закрыты деревянными ставнями, едва проглядывавшими сквозь плотно переплетенные лианы. Решительно сгребла в пучок холодные стебли, столько, сколько смогла ухватить, я рванула, безжалостно отдирая побеги, крепко цепляющиеся друг за друга и за поверхность стены.

— Ставни крепкие, но их сто лет никто не красил, — я разглядывала осыпавшуюся на

глазах старую краску, когда-то бывшую синей, а сейчас имевшую неприглядный цвет засохших чернил. Толстые и крепкие доски ставень наглухо закрывали окна и крепились мощными коваными навесами в виде переплетенных листьев. Красивая, искусная работа, скорее всего, сделано по индивидуальному заказу. Сомневаюсь, что сейчас многие мастера делают такую красоту. Хотя, может быть, я и правда отстала от здешней жизни и ничего не понимаю в местных обычаях, привычках, вкусах и умениях местных жителей.

Я повернулась к Брайану, стоящему чуть позади и наблюдавшему за моими действиями.

— Мне кажется, мы попали в какой-то временной провал, — растерянно развела руками, — здесь никто не живет уже лет десять, а то и больше. И разве подобное строение можно назвать коттеджем? Это домик со старой рождественской открытки или, скорее, с картинки из книжки сказок братьев Grimm, — воскликнула я, отступая на пару шагов и разглядывая дом.

Стены домика сложены из желтоватого камня, грубоватая фактура которого проглядывала сквозь растения. Крыша при ближайшем рассмотрении напоминала чешую разлохматившейся шишки. Я изумленно уставилась на эту взъерошенную «шляпу», не веря своим глазам. По правде говоря, солому используют для крыш довольно часто, но для меня это было нечто совершенно не вязавшееся с современной реальностью. Это в наш-то век гибкой черепицы и прочих практичных и надежных материалов! Трудно представить, что такой субъект как Кейран Уолш имел какое-то отношение к подобному строению, настолько они были из "разных измерений". Наверное, он, так же как и я продает собственность, принадлежавшую когда-то престарелым родственникам.

Я продаю отличную квартиру своей бабули, чтобы переехать в этот заплесневелый «пряничный домик», а владелец хибары из страшной сказки будет жить в моей светлой квартире в престижном центре города. Спрашивается, чья бабушка больше радуется за своего потомка, взирая на нас с небес?

Резной деревянный конек действительно украшал крышу, и узор смотрелся очень выразительно, придавая соломенному покрытию неожиданно уместный художественный штрих, интересную завершенность. Когда-то домом явно занимались с большим вниманием и любовью, но те времена давно миновали, а у нынешнего владельца интереса сохранить жилище в достойной форме не наблюдалось.

— Мне прямо любопытно, что же там внутри, — с восторгом в голосе и азартом в глазах заявил Брайан. — Мы должны, нет, мы просто обязаны заглянуть внутрь! Дай — ка ключи, Хейз.

Я порылась в сумочке и вручила Брайану ключи, чувствуя, что любопытство подогревает и меня, будоража воображение.

— Ты только посмотри на дверь, — заорал в экстазе Брайан, поднявшись на две ступеньки маленького крыльца под навесом.

Я выглянула из-за его спины и увидела скрытую в тени дверь, ведущую в дом. Внушительная, массивная, она сделана из дуба и крепилась на таких же навесах, что и ставни. Плотная узорчатая фактура древесины производила солидное впечатление, особенно в сочетании с крупной, круглой бронзовой ручкой, украшенной витиеватой резьбой, напоминавшей набалдашник посоха какого-нибудь волшебника.

— Ну-с, заглянем в неведомое, — проговорил Брайан, поворачивая ключ в замке и распахивая дверь.

Мы шагнули внутрь, и погрузились в кромешную тьму и легкую смесь бледных, будто

слегка "выцветших" запахов: сухой, застоявшийся воздух, штукатурка, древесина, пыль. Все чувства сразу же включились на полную, пытаюсь оценить обстановку, в которой оказались.

Мы оставили входную дверь открытой, но проникающего в нее света было недостаточно, чтобы хоть что-то разглядеть. Затененное навесом и переплетенными растениями крыльцо, куда выходила дверь, поглощало дневной свет, не давая ему проникать внутрь. Удалось различить, что мы стоим в прихожей, дальше, впереди у правой стены — узкая лестница, ведущая на второй этаж, а ближе к нам — закрытая дверь.

Брайан принялся водить рукой по стенам в поисках выключателя и через пару секунд свет вспыхнул, освещая помещение.

Прихожая в нешироком коридорчике, по левую руку — окрашенные белой краской узкие дверцы встроенного шкафчика. Дальше по коридору, по этой же стороне — двойные, плотно закрытые двери. Никакой мебели, вообще ничего. Стены покрыты терракотовой краской. У самого потолка оставлена белая полоса, на которую нанесен растительный орнамент, из переплетенных листьев и ветвей, весьма искусно выполненный. Совсем как рисунок кованых металлических навесов на ставнях и двери. Похоже, прежние хозяева были большими поклонниками этого орнамента.

— Симпатично, — сказал Брайан, осматривая стены.

Я кивнула и открыла ближайшую дверь направо — кухня. Окна закрыты ставнями, но горящий в прихожей свет позволил разглядеть, что из обстановки там была только электрическая плита, не самая новая, но и не такая уж древняя, лишь немного обшарпанная сбоку. Помещение заметно больше, чем кухня в квартире бабули. Я закрыла дверь и двинулась дальше по коридору. За лестницей — еще одна дверь, которую не видно от входа. Я открыла ее, поводила рукой по стенам, нащупала выключатель. Свисающая с потолка лампочка в потемневшем стеклянном плафоне осветила небольшую ванную комнату. Овальная раковина покоилась на массивной керамической «ноге». При прикосновении конструкция угрожающе заскрежетала, но не развалилась. Унитаз прикрыт чистой голубой пластиковой крышкой, зато бачок крышки лишен и беззастенчиво демонстрировал свое абсолютно пустое, ржавое от застаревшего налета, нутро. Крышка обнаружилась на полу, где стояла, привалившись к "фарфоровому другу", частью которого являлась. Тут же находилось пустое ведро. Совместив в воображении все увиденное, я с ужасом пришла к выводу, что ведро и пустой бачок должны как-то взаимно дополнять друг друга.

Коснулась рукой крана над раковиной и повернула его. Кран издал вздох, но кроме воздуха ничего не выдал. Я подождала секунд пять — вода так и не пошла.

— Бесподобно! — вырвалось у меня. — Этому надутому пижону не понравился водопровод в моей квартире, а сам он предлагает мне домишко, в котором его вообще нет!

Брайан заглянул в дверь ванной, привлеченный моим голосом, осмотрелся, покрутил кран, заглянул в бачок и сказал:

— Здорово. Но ты не пыли раньше времени, скорее всего воду просто перекрыли, домом ведь давно пустует, — он весело посмотрел на меня и добавил, — а вообще-то приспособиться можно и ведром пользоваться. Подумаешь, делов-то.

Поймав мой возмущенный взгляд, Брайан примирительно поднял руки.

— Да шучу я, шучу. Иди лучше посмотри на гостиную. Это тебя немного утешит.

Я вздохнула и сказала:

— Мне уже не хочется ни на что смотреть. Мне здесь не нравится. Я точно знаю, что не стану менять свою квартиру на эту хибару. Так что, я убедилась во всем, в чем хотела.

Пойдем отсюда.

— Согласен с тобой, домишко чуднОй, мягко говоря, но в гостиную все же загляни, — отозвался Брайан, присаживаясь на корточки и заглядывая под раковину, — а я гляну что здесь имеется.

Я вернулась в коридорчик и распахнула дверь, расположенную напротив двери в кухню. Туда я еще не заходила, так как мое внимание привлекла дверь за лестницей. И вот я стояла в светлой, просторной комнате, задержав дыхание в благоговейном восторге. Два огромных от пола до потолка французских окна закрыты не ставнями, а металлическими решетками изящного переплетения, которые не скрывали открывающегося вида на заросший до состояния дикой первозданности задний двор. Небольшой камин, выложенный светлым камнем с полированной деревянной полкой, кованные подсвечники, укрепленные по бокам на стене. Слегка, по-уютному, потертые полы из массивных матовых досок приятного теплого оттенка. Стены бежевые и снова этот бордюр под потолком из листьев и веточек. Комната наполнена светом и воздухом и словно не принадлежала этому дому. Здесь даже пахло иначе, чем в других помещениях — чистотой, покоем.

Брайан подошел сзади и положил руку мне на плечо:

— Что скажешь? — спросил он.

— Скажу, что гостиную забираю, а остального и даром не надо, — ответила я, все еще наслаждаясь ощущениями света и легкости, царящими в этой пустой комнате.

— Согласен, — кивнул Брайан, — но я бы посмотрел и остальное, раз уж мы здесь. Пойдем на второй этаж?

Я кивнула в ответ и нехотя вышла из комнаты, которую действительно хотелось взять с собой.

На втором этаже три помещения: большая светлая комната с двумя окнами, санузел и непонятная каморка, слишком маленькая для спальни. Сюда втиснется узкая кровать и по ширине останется место только чтобы зайти и закрыть дверь. В помещении находилось нормального размера окно, по периметру которого нанесен знакомый уже узор, так что вряд ли это кладовая. Стены аккуратно выкрашены белой краской все с тем же орнаментом наверху. И зачем украшать кладовую?

В потолке коридорчика второго этажа имелся люк, а рядом на стене висел крюк для его открывания, укрепленный на длинной палке. Я раздумывала лишь миг, а потом решительно взяла палку, продела крюк в кольцо на люке и потянула. Ничего не произошло, люк не сдвинулся с места.

— Дай я, — сказал Брайан и перехватил у меня палку.

Он решительно подергал крюк вниз, потом надавил вверх. Что-то щелкнуло и крышка поддалась. Люк стал медленно открываться, и одновременно из него показалась лестница, которая раздвигалась по мере открывания люка.

— Ого, высокие технологии, — заметил Брайан, — дерьмо смывать в этом доме нечем, но зато на чердак ведет лестница как на океанском лайнере, — прокомментировал он, рассматривая крепкую, вполне современную раздвижную лестницу с металлическими боковинами и неширокими деревянными ступенями. — Кто я буду, если не полезу по ней на чердак, — заявил мой друг, решительно ставя ногу на первую ступеньку.

Я не стала возражать, и когда Брайан исчез в люке, направилась следом за ним.

— Вполне заурядный чердак. Сухой и чистый, — проговорил мой друг, едва я наполовину показалась из люка. Брайан стоял и озирался по сторонам, почти касаясь

головой одной из толстых поперечных балок. Чердак занимал пространство под всей крышей дома и освещался дневным светом, проникавшим через четыре небольших оконца.

Освещения вполне хватало, чтобы осмотреться: чердак больше похож на мансарду, он действительно чистый, сухой и пустой. Лишь у стены стояли две обмотанные скотчем картонные коробки.

Я даже не стала подниматься дальше, окинула быстрым взглядом помещение и спрыгнула с лестницы вниз.

Все, на этом считаю свою неприятную миссию выполненной. Пора на свежий воздух, подальше от этого домишки, и от мыслей о том, что он вдруг, при каких-то немыслимых обстоятельствах, мог стать моим.

Ни за что и никогда не променяю свою квартиру на эту поросшую мхом избушку. Пусть даже Уолш сбавит за него цену вполтину.

В половину? Хм. Я задумалась на миг, но тут же прогнала прочь это безобразие из своей головы. Даже даром мне ЭТО не нужно.

С каким же облегчением я вприпрыжку неслась к машине, покинув, наконец, чужой неуютный дом и окончательно приняв решение не заключать никаких сделок с Кейраном Уолшем.

Лимерик* — форма короткого стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы.

Глава 5

Мы молча ехали по дороге, петляющей среди холмов и долин, мимо деревень и одиноко стоящих домиков.

Брайан не задавал никаких вопросов, мы ничего не обсуждали, обменявшись всего парой общих фраз. Дверь домика запер Брайан и уже в машине отдал мне ключи, которые я сразу спрятала во внутренний карманчик сумки. С удовольствием верну их хозяину и забуду обо всем.

Возникший в памяти образ Уолша вдруг воспротивился тому, чтобы быть легко забытым. На какой-то краткий миг он стал некой мыслеформой, обладающей всеми качествами "живого прообраза". Сохраняя неприветливый, слегка отстраненный вид, Уолш вторгся в мое сознание, бесцеремонно напоминая о себе.

Навязчиво, неловко и необъяснимо.

Желая выветрить из головы непрощенные мысли, я опустила стекло в машине и высунула голову наружу, придерживая заплетенные в косу волосы.

Ветер окончательно разогнал тучи, очистив высокое, прозрачно-голубое небо с проплывающими по нему редкими, легкими белоснежными хлопьями облаков. Воздух, напоенный терпкими ароматами свежести и пробуждающегося цветения прочищал сознание, заставляя с наслаждением вдыхать удивительное, будоражащее благоухание весны.

И я жадно дышала врывающимся в открытое окно машины воздух, чувствуя, как наполняет меня, очищая сознание, эта пьянящая и свежая смесь возрожденной природы. Уже начала кружиться голова, но я все продолжала наслаждаться ощущениями неожиданной легкости, почти эйфории, словно что-то, тяготившее меня, вдруг взял да и развеял прохладный весенний ветер.

Вскоре в воздухе острее почувствовался пряный, солоноватый аромат моря, и Брайан свернул с дороги, ведя машину прямо по поросшему яркой, сочной травой лугу, плоскому, как столешница и обширному, как Изумрудная страна. Но я знала, что простор и бесконечность этой зеленой равнины обманчивы — мы подъезжали к месту, куда когда-то в детстве сбежали вместе с Брайаном. Здесь равнина сужалась, «заползая» на плоский утес, с которого открывался фантастический вид на океан.

Брайан затормозил, немного не доезжая до края обрыва. Мы вышли из машины одновременно, не спеша приблизились к месту, где кончалась земля.

— Господи, как же здесь здорово, — выдохнула я, стоя почти у самой кромки обрыва.

Края утеса отвесно уходили вниз, туда, где бушевали волны, разбиваясь о камни. Еще пара шагов вперед — и можно упасть, но почему-то это совсем не пугало. Наоборот, сейчас, как тогда в детстве, возникло ощущение не падения, а полета: вверх, вверх, туда, где мог подхватить ветер и понести вперед в чередке медленно плывущих белых облаков.

Брайан встал ближе ко мне, взял за руку, легко пожимая мои холодные от волнения пальцы. Так мы стояли и тогда, много лет назад.

— Я сюда иногда приезжаю. И дочку привожу, — сказал Брайан и повернулся ко мне. Ветер взъерошил его русые волосы, сдул с широкого чистого лба челку. Темные прямые брови особенно четко выделялись на лице, подчеркивая взгляд светло-зеленых глаз. Брайан улыбнулся, и я увидела, как ожила и заискрилась смешинка, прятая в его зрачках.

Блеснули белые зубы, и всегда приветливое лицо друга стало еще более открытым. Он всегда смотрел в глаза, когда обращался к человеку. Насколько я помню, и в детстве, даже когда он был напуган или рассержен, он старался встретиться взглядом с обидчиком.

Многих смущала, даже злила эта его манера внимательно, не смущаясь, смотреть в глаза, но лично мне это нравилось, ведь глаза не скрывают правды. И я ответила взглядом на взгляд, улыбкой на улыбку.

— Спасибо, что привез сюда. Особенно сейчас, — добавила, глядя, как далеко внизу волны набегали и разбивались о камни на мириады искрящихся на солнце брызг.

— Не понравился дом? — спросил Брайан.

— Не понравился, — покачала я головой, не отрывая глаз от прибоя.

— А мне коттедж показался, мм... — он замялся на секунду, — интересным. Тебе бы он подошел.

— Подошел? — переспросила я. — Это не туфли, друг мой, которые поносил и выбросил. Это дом, в котором, возможно, придется провести всю жизнь. И может быть, не только мне, но и моим детям и внукам. А я для них такого не желаю.

Я начинала сердиться: мне не хотелось сейчас говорить ни о чем, что напоминало бы о продаже квартиры, не до конца выплаченном долге, переезде и прочих проблемах.

— Давай не будем обо всем этом сейчас, — вздохнула я. — Мы приехали на пикник? Вот и давай делать все, что положено делать на пикниках. Я, между прочим, набрала еды. Может, перекусим? Надеюсь, мы сможем расположиться на травке, и нас не сдует отсюда.

У налетающего порывами ветра не было конкретного направления, он то и дело резко менял курс своего стремительного, резвого «полета», то кидаясь прохладной волной в лицо, от которой перехватывало дыхание, то вдруг налетая откуда-то сбоку или сзади. Это походило на неистовый, сумасшедший и в то же время озорной и беспшабашный танец. Я придерживала рукой изрядно истрепанную косу, а выбившиеся пряди волос лезли в лицо, в рот, взмывали над головой, как разъяренные змеи на голове Медузы.

— Не сдует, — уверенно заявил Брайан, открывая багажник машины, — все предусмотрено.

Он достал два легких складных стула с матерчатыми сиденьями, и через минуту, гордо указывая на них, сказал:

— Вот, прошу, и на влажной холодной траве сидеть не придется. И ветер их не унесет.

Брайан ловко разложил и укрепил стулья в земле так, что металлические ножки вошли в почву ровно настолько, насколько позволили ограничители, похожие на маленькие зонтики. Стулья прочно стояли и порывы ветра теперь не могли их опрокинуть и унести.

— А я думала, мы расположимся традиционно — на травке. Я и плед захватила, — немного разочарованно заметила я, указывая на свою бездонную сумку, в которую утром сложила все, что, по моему мнению, могло пригодиться на пикнике, включая плед и пластиковые контейнеры с салатом и сухофруктами.

— Тебе не угодить! — развел руками мой друг, улыбаясь во весь рот. — Давай попробуем так и этак. Доставай свой плед.

Однако очень быстро стало понятно, что ветер и влажная прохлада почвы не дадут устроиться на пледе с полным комфортом, и мы уселись на стулья, разместив сумки с едой между нами на земле.

Расположившись с максимальным комфортом, мы некоторое время молча жевали сэндвичи Брайана и мой салат и смотрели на простирившийся перед нами океанский

простор.

Наверное, в какой-то момент стало слишком очевидно, что молчание затянулось. Я вытерла салфеткой рот, скомкала ее, бросила в мешок для мусора и сказала:

— Еще год назад даже представить себе не могла, что когда-нибудь снова попаду сюда, на этот утес. Что вообще вернусь в наш город, — бросила быстрый взгляд на жующего Брайана, — и вот сижу здесь и у меня стойкое ощущение, что я никогда никуда не уезжала, а все, что со мной случилось за последние семь лет, было каким-то видением, как «привет» из параллельной реальности. Это ненормально, правда? — усмехнулась невесело.

— Кому как, — ответил Брайан, — по мне, так это вполне нормально. Это защитная реакция организма на нежелательные, резкие перемены. Чего же тут ненормального?

— Успокоил, — я криво улыбнулась.

Брайан торопливо и шумно сглотнул недожеванный кусок сэндвича, запил его содовой из банки, небрежным жестом отряхнул руки и, откашлявшись, заявил:

— А почему бы тебе и правда не изменить все и переехать в этот домик? Мне он понравился, так и представляю тебя там, в этой гостиной у камина.

— Ты всегда отменно шутишь, Брай! — беззлобно воскликнула я, нервно рассмеявшись. — Тетушку помнишь, которая нам дорогу подсказала? Мне кажется, попади я туда, точно изменюсь — стану такой же толстой «дамой приятной». Ко мне прирастут резиновые перчатки и улыбка до ушей. Степфордская жена.

— И чего в этом такого уж плохого? — пожал плечами Брай, невинно распахивая глаза. — Я прямо представляю тебя, приветливую такую, мягонькую, довольную и спокойную, копающуюся в огороδικе с утра до вечера.

— Прекрати! Мне не смешно, — рявкнула я. — Еще не знаю, что родителям скажу, страшно подумать об этом. Когда они узнают, что докатилась до идеи продажи бабулиной квартиры... — я зажмурилась и помотала головой.

— Разве квартира не твоя? — не унимался мой друг. — Не тебе ли решать, что с ней делать и как жить дальше?

— Что ты привязался, в самом-то деле?! — уже всерьез рассердилась я. — Ощущение такое, что вы с Пэт тут со скуки помирали до моего приезда. Теперь нашли себе забаву — мной руководить.

— Понял. Не кипятись. Я знаю, что ты страшный консерватор — не любишь ничего менять и плохо привыкаешь к новому, — примирительно сказал Брайан. — И в твоём случае новое часто становится хорошо забытым старым.

— Только не надо меня препарировать, ладно. Ты тоже верен себе. Все превращаешь в шутку. И пьешь до сих пор только содовую, а сок и сладкую газировку не переносишь. Теперь представь, что тебя вынуждают пить именно приторную гадость, под предлогом того, что вся содовая в мире закончилась, и ее больше никогда не будет.

Брайан наклонился вперед, оперся локтями о колени и задумчиво сказал, игнорируя мою тираду:

— Помнишь, когда нам было лет по двенадцать, ты, почти никогда ее не снимая, ходила в такой забавной шапочке с двумя разноцветными помпонами на макушке. И помпоны эти как-то отвалились сами собой и потерялись в пылу нашей беготни. Как же ты переживала тогда, — Брайан покачал головой, с улыбкой прищурившись. — Как только заметила потерю, заголосила так, что игра прекратилась и все разбежались по домам, а мы с тобой искали эти помпоны, пока не стемнело. И не нашли.

Я снова бросила короткий взгляд на Брайана, потом посмотрела вдаль, туда, где морские волны, гонимые ветром к берегу, переливались на солнце. Молчала, пытаюсь проглотить горьковатый комок, подкативший к горлу. Я помнила эту шапочку и злосчастные помпоны, но почти совсем забыла, что мы с Брайаном искали эти клочки шерсти, носясь по улицам, покрытым осенней грязью. Забыла, пока Брайан, вот сейчас, не напомнил мне.

— Помню, — ответила неохотно, — все тогда решили, что я чокнутая. Но в свое оправдание могу сказать, что очень любила эту шапочку. Она мне нравилась. Что здесь странного?

— Ничего, — ответил Брайан просто и искренне. — Я напомнил тебе об этом, чтобы проиллюстрировать то, как нелегко ты смиряешься с... — он запнулся и кашлянул, видимо поняв, что разговор вывернул не совсем на ту дорогу.

— ...с потерями? С переменами? С необходимостью от чего-то отказаться? — выпалила я вместо него. Не делая паузы, добавила: — Да, не смиряюсь. По крайней мере, пока не пойму, что дальше пути нет, все утрачено окончательно. Только сама должна понять, без тычков и пинков.

Я глубоко вдохнула.

— Всё. На этом закрыли тему, Брай, — наклонилась, порылась в корзинке, стоящей на земле, вытащила оттуда сэндвич, завернутый в пищевую бумагу, развернула его и принялась жевать, откусывая большие куски. — Давай отдыхать и наслаждаться природой, а о моем консерватизме и несговорчивости поговорим как-нибудь в другой раз, — проговорила с набитым ртом. — А лучше вообще никогда.

— Прости. Меня занесло. Знаю, тебе нелегко сейчас... — Брайан, похоже, готов был продолжать, невзирая на мою просьбу остановиться на уже сказанном.

— Заткнись, друг мой, — ласково сказала я. — Мне иногда кажется, что все в нашей провинции заражено вирусом бестактности и утомительной прямолинейности. Вот, к примеру, Пэтти. Она порой так и вынуждает представлять, как огромный кляп затыкает ей рот, когда она открывает его в неподходящем месте и в неподходящее время. С тобой, вероятно, случаются приступы того же.

И вдруг меня понесло.

— А знаешь, что стоил мне переезд отсюда и устройство на новом месте? Я так долго душой и сердцем была в своем родном городе, так долго не могла привыкнуть к такой перемене в моей жизни, даже находясь рядом с любимым мужем. И лишь когда... — я запнулась. — Одним словом, давай прекратим ковыряться в моих проблемах, кажется, ты меня сюда привез, чтобы я развеялась.

Больше ничего не скажу, потому что просто залиюсь слезами, стоявшими уже в моих глазах и только того и ждавшими, чтобы прорваться наружу. Но это не были бы слезы облегчения, это злые слезы все того же сожаления, что мучило и угнетало меня все последние месяцы. Того самого сожаления, что мешало прийти в себя и начать все заново, осознав, что прошлое окончательно ушло. Я все еще цеплялась за то, что превратилось в прах из напрасных ожиданий, не желая ничего отпускать и ни с чем смиряться.

Судьба отвесила знатный пинок, уж и не знаю, сама ли я к этому пришла, или просто такова моя доля несчастий в этой жизни и от меня мало что зависело. Но теперь точно наступило время решать что-то самой, не сваливая все на стечение обстоятельств и уповая на призрачную возможность, что само устроится.

Мы молчали, а я на минуту прикрыла глаза, подставляя лицо весеннему солнцу, а когда

открыла вновь, то увидела перед глазами совсем близко лицо Брайана, присевшего передо мной на корточки. Вздрогнула от неожиданности и, наверное, на лице моем отразилось недоумение, растерянность или еще что. Брайан тихо рассмеялся, взял обе мои ледяные руки своими теплыми, немного жесткими руками и потянул, приглашая подняться со стула.

— Пошли, пройдемся. Раз уж мы приехали сюда, давай сливаться с природой, — заявил он и потащил за собой, крепко сжимая мои пальцы.

То ли от того, что слишком резко поднялась, то ли по иной причине, но едва я встала на ноги, как перед глазами моими заплесали блики и цветочные пятна, словно все еще видела, как переливается и сверкает водная гладь на солнце, хотя и смотрела в другую сторону. Мгновение спустя к мельтешению пятен добавилось легкое головокружение, и я пошатнулась, хватаясь второй рукой за предплечье Брайана, а он ничего не заметил, продолжая идти вперед.

Я зажмурилась, потрясла головой, прогоняя навязчивое мелькание перед глазами, и это мне удалось, хотя все еще чувствовала, как меня слегка покачивает.

Мы шли по лугу, удаляясь от края утеса, и ветер, налетая, взъерошивал густую, сочную и яркую траву, заставляя будто оживший травяной ковер менять оттенки зеленого на глазах.

Я взяла Брайана под руку, и какое-то время просто очень медленно брели, думая каждый о своем, а потом остановились и повернулись в сторону океана. Брайан коротко взглянул на меня, чмокнул в висок, а я отпустив его руку, чуть отодвинулась.

Стояла и издалека смотрела на искрящиеся волны, гонимые ветром к берегу. И в какой-то миг возникла дурацкая мысль — а вдруг в этот самый момент без моего ведома где-то ТАМ решается что-то важное для меня?

Перед глазами стало темнеть, словно опускался полупрозрачный черный занавес. Солнечные блики на стремительно темнеющей воде приглушили свое сияние и, наконец, превратились в слабо светящиеся на ночном небе звезды. Налетевший порыв ветра толкнул в спину и земля поплыла из-под ног. Я сделала невольный шаг вперед и увидела, как стремительно приближается край обрыва...

Меня неудержимо тащило и толкало к кромке утеса, пока я, лихорадочно взмахнув руками, не провалилась в пустоту.

Успела увидеть себя со стороны, ощутить жесткую костлявую хватку собственного ужаса, сомкнувшуюся на горле. За долю мгновения пережила целую вереницу чувств и эмоций, от запредельного страха до призрачной надежды на спасение.

А перед тем, как весь мир засосало в черную дыру, почувствовала сильную незнакомую руку, успевшую ухватить меня в пустоте и остановить падение в бесконечный мрак...

***

— Тебе удобно? — в десятый раз спросила Пэтти. — Что-нибудь еще нужно?

— Мне удобно, и больше ничего не нужно, — десятый раз ответила я. — Все, спасибо большое за заботу, иди уже.

Когда же она уйдет?! За те два часа, что Пэтти провела у меня, я почти сошла с ума от ее нескончаемого словоизвержения и энергичного метания по моей маленькой квартирке.

— Да не надо меня постоянно выпроваживать! — возмутилась подруга. — Не надейся, что я уйду прежде, чем приготовлю тебе что-нибудь перекусить, — и она гордо выплыла из комнаты.

С кухни донеслись характерные звуки: Пэтти шарила в холодильнике, заглядывала в пустые шкафчики и все в тщетных попытках найти что-то, из чего можно приготовить

«перекусить». Но я не закупила продуктов впрок, а последний свой набег на магазин сделала позавчера, когда собиралась за город с Брайаном и купила там только то, что могло пригодиться на пикнике.

На пороге комнаты снова возникла Патриция.

— Вообще-то, судя по объему твоей задницы, питаешься ты неплохо, — мрачно заявила она, глядя на меня, — вот только чем?

— Воздухом, — отозвалась я обиженно, невольно пытаюсь вдавить свою задницу в диван, — от того и объемы...

— Эй, я пошутила, — нахмурилась Пэтти, наблюдая как я заерзала. — Не обижайся, ты роскошно выглядишь.

— Я и не обижаюсь на правду. А ты заканчивай суетиться, — сказала я примирительно. — Захочу поесть, закажу пиццу. Я сейчас совсем не голодна, — но зная, что Патриция так просто не сдастся, добавила, — а вот от чаю не отказалась бы. Завари, если тебе не трудно и принеси мне его прямо сюда.

Патриция энергично закивала и удалилась выполнять просьбу. Я вздохнула с облегчением. Подруга получила четкое направление действий и ушла творить. Можно передохнуть в тишине. Я откинулась на подушку, заботливо подложенную под спину, уставив глаза в слегка потрескавшуюся штукатурку высокого потолка, украшенного замысловатой лепниной по периметру и в центре.

Есть действительно совсем не хотелось, аппетит испарился после вчерашнего обморока и пока еще не вернулся. Впрочем, так же, как и силы. Это был мой первый в жизни обморок. Причем случилось все так быстро, что я даже не поняла, как отключилась. Последнее, что запомнила, как мы с Брайаном прогуливались по утесу среди бела дня, сытые и под впечатлением от общих воспоминаний и разговора по душам, а потом я вдруг проваливаюсь в невесть откуда взявшуюся темноту. Кажется, пару раз я всплывала из тошнотного забытья, чувствуя, как меня поднимают, перемещают, куда-то везут...

Очнулась как бывает в плохом кино — в больнице, возле сидел бледный, застывший от напряжения Брайан и держал меня за руку.

— Слава Богу, ты очнулась наконец-то, — просипел он чужим голосом, как только увидел, что я приоткрыла глаза. — Уж думал, что отравил тебя своей стряпней.

— Из твоей стряпни были только пластиковая скатерть и орешки, — выдавила я с трудом. Язык распух и залип во рту, не давая возможности произнести все членораздельно.

— Неправда! — возмутился Брайан. — Я сделал сэндвичи.

— Так это от них меня так?... — простонала я.

— Не дергайся, и не пугайся, с тобой все не так страшно, в общем-то, — добавил он уже своим нормальным голосом.

— В общем-то? — растерянно выдавила я. — А конкретней?

Голова кружилась так, что перед глазами все мелькало, словно я каталась на взбесившейся карусели, а тело онемело — ни рукой, ни ногой шевельнуть нельзя.

В довольно долгой беседе врач сообщил мне, что у меня очень низкое давление, а анализ крови показал низкий уровень гемоглобина, но больше всего его насторожила продолжительность обморока. Мне надавали два мешка рекомендаций, выписали какие-то рецепты, велели показаться врачу и отпустили домой, упомянув что-то вроде "нервного истощения". Мне подобный диагноз показался оскорбительным, как и случившийся обморок.

Брайан довез меня до дома и дотащил до квартиры. Там свалил на диван, суетливо снял с меня кроссовки и куртку, устроил наилучшим образом, принес воды. Сбегал в аптеку, несмотря на мои возражения и убеждения, что все в порядке, и мне просто нужно поспать. Я покорно проглотила какую-то капсулу, даже не интересуясь, что это за снадобье такое и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Когда открыла глаза, на улице совсем стемнело, а Брайан крепко спал в кресле у окна. Преодолевая неимоверную слабость во всем теле, я сползла с дивана, и, стараясь не шуметь, поковыляла в ванную на ватных ногах. Из зеркала над раковиной на меня смотрело зеленовато-бледное лицо с темными кругами под глазами и трясущимися губами. Болело все, даже волосы, оказавшиеся в кошмарном беспорядке, и одна мысль о том, чтобы попытаться их расчесать заставила меня содрогнуться. Я с трудом повернула кран непослушными пальцами и умылась холодной водой. Опираясь руками о края раковины, замерла, с тревогой прислушиваясь к себе.

Вдруг в глазах снова потемнело, и на меня накатила горячая волна паники — сейчас снова хлопнусь в обморок. Я вцепилась в холодные фаянсовые края раковины и постаралась умирить сердцебиение и неровное дыхание. Стало по-настоящему страшно. Ужас, холодный, мерзкий, липкий напал со всех сторон, и я стояла, не имея сил пошевелиться, скованная этим страхом.

— Брайан... — вместо слова получился только выдох, едва слышный, невесомый, сразу растворившийся в ночной тьме, наполнявшей квартиру.

В тот самый миг я почувствовала чье-то незримое присутствие. К моему великому ужасу почти физически ощутила, как кто-то или что-то быстро метнулось за спиной. Настолько близко, что ощущалось движение воздуха, слегка шевельнувшего пряди моих спутанных волос. И это «что-то» стремительно исчезло в неосвещенном коридоре через приоткрытую дверь ванной.

Я очень хотела издать какой-нибудь убедительный звук, чтобы прогнать наваждение, но горло словно сковало стальным обручем. Снова посмотрела на свое отражение в зеркале и... не узнала себя. Черты лица расплывались, четко различимы только округлившиеся глаза, в которых застыли ужас и паника, губы побелели, подбородок трясся. Я сдавленно ахнула и зажмурилась, чувствуя, как колени подгибаются, и я медленно опускаюсь на пол, продолжая держаться за край раковины.

— За тобой глаз да глаз, — раздался встревоженный и вполне материальный голос Брайана. — Встать можешь? — не дожидаясь ответа, он подхватил меня под мышки и потянул вверх.

— Да что с тобой, Хейз? — впервые я слышала голос Брайана таким серьезным.

Обычно он маскировал чувства интонациями иронии и безобидного сарказма. Он развернул меня к себе лицом и крепко прижал к груди, обхватив руками. Я прильнула к нему всем телом, чувствуя, как уходит страх и наваждения. Слушала биение его сердца и ощущала как он легко поглаживает меня по спине и голове. Руки друга казались такими теплыми, даже горячими, и жар его ладоней проникал сквозь тонкую ткань моей футболки. Я успокаивалась, чувствуя безмерную благодарность, что Брайан сейчас оказался рядом.

Кажется, я основательно напугала друга, который дотащил меня снова до дивана и все порывался вызвать скорую.

С трудом уговорила его не делать этого, хотя сама была ужасно испугана. А потом меня осенило — лекарства! Те, что купил Брайан по рецепту, а я выпила и сразу же заснула. Мы

прочитали аннотацию и в итоге списали мое состояние на «побочные действия препарата»: слабость, головокружение, галлюцинации, нарушение координации. Что за жуть мне прописали? Брайан успокоился, перестал дергаться, сделал нам чай, а потом остался у меня ночевать. Лег во второй комнате на кровати, прямо поверх старого пыльного покрывала и сразу отрубился. Под его тихое, мелодичное похрапывание вскоре заснула и я, и меня больше не беспокоили ни видения, ни страхи.

Утром Брайан ушел, и его сменила Пэтти.

Я еле дождалась, когда моя подруга, наконец, закончит свою бурную деятельность и отправится восвояси. Ждать пришлось долго, Пэтти считала, что меня нельзя оставлять одну, но я ее убедила, что чувствую себя намного лучше, и как только она уйдет, я завалюсь спать. Для убедительности, сама не знаю какой, я дала ей запасной ключ от квартиры, о чем пожалела почти мгновенно. Патриция с сомнениями, явно написанными на ее точеном, большеглазом лице, выслушала меня, сунула ключ в кармашек сумочки и стала собираться домой. Когда она ушла, я вздохнула с облегчением, но Патриция не была бы сама собой, если бы через полчаса она не вернулась снова.

Как только я услышала скрежет ключа в замке, тут же притворилась глубоко спящей. Патриция заглянула в комнату, держа в руках сумки полные продуктов, потом разложила покупки на кухне и ушла теперь уже окончательно, а я действительно скоро задремала.

Глава 6

Голову распирало изнутри так, что казалось еще немного, и она лопнет, как перезрелая тыква. Кейрану отчетливо слышался треск черепной кости...

Сжав зубы, морщась и едва сдерживая стоны, он медленно и осторожно повернулся на бок. В висках тут же запульсировало, словно включился обратный отсчет до взрыва мозга.

С трудом приоткрыв глаза, Кейран долго всматривался в полумрак гостиничного номера, пытаясь найти в себе силы подняться и пойти в ванную. Срочно принять пару таблеток Алка-Зельтцер, но нужно еще до них добраться и по дороге не извергнуть содержимое взбунтовавшегося желудка.

Вчерашний фуршет после выставки и последовавшая вечеринка еще раз утвердили его в том, что он убежденный противник тусовок и шумных празднований. Он давно вращался в среде, где вечеринки с обильными возлияниями, приемы и прочие атрибуты публичной светской жизни были самой обычной составляющей, но всегда сторонился этого, избегая по возможности шумных и отвязных многолюдных мероприятий. На этот раз избежать не удалось.

Выставка современных молодых фотохудожников, где он стал одним из участников, проходила в Столице* третий день. Вчера был день Кейрана, он получил свою персональную порцию уже ставших привычными хвалебных отзывов и новых предложений. Но его надежде, что после формальной части удастся улизнуть, отделившись бокалом шампанского и короткой благодарственной речью устроителям мероприятия, не суждено было оправдаться.

После произнесенной речи и символически пригубленного шампанского последовало настойчивое предложение продолжить празднество в одном из ночных клубов. Кейран попытался отшутиться, что он хоть и участвует в выставке молодых фотохудожников, но является самым старым из всех молодых и не хочет никого разочаровать своим брюзжанием и неумением веселиться.

И отговорка почти сработала, если бы вдруг в толпе заполнявших галерею посетителей он не увидел женщину с длинными темными волосами.

Кейран замер в недоумении, держа недопитый бокал шампанского в руке. Откуда она здесь взялась? Он невольно подался вперед, видя только эту длинноволосую брюнетку, перестав слышать и обращать внимание на все прочее.

Брюнетка рассматривала работы, медленно переходя от одной к другой. Залы галереи с белыми стенами вдруг исчезли, превратившись в лес, пронизанный солнцем, льющим свой свет сквозь ветви деревьев. Кейран услышал пение птиц, уловил дуновение ветра, доносившего запахи трав и цветов... Женщина повернулась, и он увидел ее профиль.

Растерянно и с облегчением Кейран перевел дух, избавляясь от галлюцинации.

Это не она. У этой волосы короче и светлее, и...

Словом, это не она и точка.

Кейран судорожно, в один глоток осушил бокал с шампанским и потянулся за другим, поняв, что вместе с облегчением испытал и непонятное разочарование.

Дальше они с Шоной оказались-таки в клубе. Он смутно помнил, как присел на высокий стул перед барной стойкой, попросил первую порцию виски и выпил, отстраненно

наблюдая, как Шона танцует в кругу знакомых, бросая ему улыбки и приглашая присоединиться. Он улыбался в ответ, как автомат, и заказывал алкоголь порцию за порцией. В начинавшей раскалываться голове гремела музыка, а перед глазами мельтешили огни лазерного шоу.

Зато навязчивый образ наконец-то испарился...

...Кейран медленно привстал и спустил ноги с кровати. Обхватив голову руками, посидел немного без движения. Морщась от пульсирующей боли в висках, медленно повернулся и посмотрел через плечо на крепко спящую Шону. Она ровно и спокойно дышала, лицо ее было безмятежно, как у ребенка. Белоснежная простыня сбилась, приоткрыв обнаженные груди, по-девичьи небольшие и упругие, с маленькими бледно-розовыми сосками.

Созерцание голой груди Шоны немного отвлекло от ужасающего самочувствия, что позволило подняться на ноги и доплестись до двери ванной комнаты.

Облегчив переполненный мочевой пузырь, Кейран не забыл поднять круг унитаза, помыл руки и почистил зубы, мысленно похвалив себя за способность сохранять человеческий облик даже в похмельном кошмаре. Вместо Алка-Зельтцер в дорожной косметичке Шоны, стоящей на столешнице раковины, нашелся только аспирин, две таблетки которого были торопливо и жадно проглочены и запиты отдающей железом водой из-под крана.

Приблизив лицо к зеркалу, порадовался, что без очков отражение его помятой физиономии выглядит расплывчатым, и он не видит на нем всех следов минувшей ночи.

Кейран долго плескал в лицо пригоршни холодной воды, пока, наконец, не почувствовал, что пульсирующие приступы боли не стали утихать, а тошнота уже не мучила так настойчиво. Поразмыслив о том, а не принять ли и душ, Кейран решил, что на этот подвиг его пока не хватит.

Вернувшись в спальню большого двухкомнатного номера, он с удивлением заметил, что сквозь щель в плотно задернутых шторах пробивается яркий солнечный свет. Сколько же сейчас время? На сегодня у него запланирован визит в редакцию крупного журнала, с которым Кейран Уолш давно и плодотворно сотрудничал. Его ждали в кабинете главного редактора в два часа дня.

Он взял с прикроватного столика айфон и глянул на дисплей. Двадцать минут двенадцатого, а это значит, что выспаться ему уже не удастся.

Кейран прилег рядом с Шоной и повернул голову, рассматривая спящую девушку. Нежная, сливочно-белая кожа, пшеничные волосы, упавшие на лицо. Он протянул руку, осторожно коснулся блестящей золотистой пряди и убрал ее со щеки. Кончики пальцев обрисовали контур округлого подбородка, проследовали к шее, погладили ключицу, скользнули по выпуклости груди. Пальцы легко, почти невесомо пробежались по нежному соску, сразу затвердевшему под его прикосновением. Шона вздохнула, просыпаясь, ее губ коснулась улыбка, и она лениво, медленно развернулась к Кейрану. На мгновение прильнула к нему гибким, теплым телом, соскользнула с кровати.

— Я сейчас... — прошептала она и обнаженная пошла к ванной, пробормотав на ходу. — Во рту поганки выросли после вчерашнего...

Кейран, подперев голову рукой, смотрел вслед Шоне, пока она не скрылась за дверью. Потом откинулся на подушку и прикрыл глаза, чувствуя как зарождается жаркая волна желания, такого отчаянного, нетерпеливого, словно он давно голоден и уже не надеется

насытиться...

Оставшееся в их распоряжении время Кейран ласкал стройное, ухоженное тело Шоны, пытаясь забыться, затеряться неизвестно от чего в привычных, знакомых ощущениях их близости...

Они были знакомы около трех лет, и почти все это время Шона оставалась его неизменной Музой. Но, как ни странно, позировала на его снимках всего два раза и оба раза совершенно спонтанно.

Обворожительная блондинка с совершенной фигурой не имела никакого отношения к модельному бизнесу и вообще была далека от всей этой индустрии и от публичности. Но так уж получилось, что природа наделила ее привлекательной внешностью и редкой фотогеничностью, что и сыграло свою роль в карьере Кейрана. Однажды он просто снял Шону на улице, выделив красавицу из толпы людей, когда она шла куда-то, не торопясь, погруженная в свои мысли, даже не подозревая, что ее снимают. Они тогда еще не были знакомы, но именно сделанные Кейраном снимки заставили его подойти к ней и, извинившись, сказать, что он невольно стал «папарацци», незаметно и без разрешения укравшим у незнакомой девушки ее образ. Шона спокойно выслушала незнакомца-фотографа и попросила показать снимки. С этого самого дня они стали встречаться.

Второй раз Кейран снимал Шону, когда они вместе отправились в короткий отпуск, урвав неделю в конце зимы. В обычно переполненном туристами местечке в феврале было спокойно и малоллюдно.

Кейран снова снимал Шону, облик которой удивительно вписывался в любой снимок, будто девушка мгновенно становилась неотъемлемой и естественной частью всего, что ее окружало, будь то горы, море, кафе или пустой пляж, на берегу которого стояли потемневшие от влаги деревянные столы для пикников.

С разрешения Шоны Кейран выставил фото на своем сайте. Снимки заметили представители двух престижных изданий, и автору фотографий предложили заманчивую сумму за эксклюзивное право их опубликовать. Некоторые фото Уолш не стал делать достоянием общественности, сочтя их чем-то сокровенным, неприкосновенным, хоть они и присутствовали в его портфолио. Именно с этой, второй его совместной с Шоной фотосессии и началось сотрудничество Кейрана с журналом «Better Today», который купил право на размещение фотографий с легкой руки самой Шоны. Сегодня именно в редакции ВТ его ждали снова, предварительно намекнув на нечто грандиозное.

Можно считать, что стремительному взлету своей карьеры Кейран Уолш обязан именно Шоне. Она стала его Музой и постоянной спутницей. До того момента, как его работами заинтересовались столь крупные издания как ВТ, он был провинциальным фотографом, зарабатывающем себе на хлеб съемками различных мероприятий и несчастными, но всегда удачными попытками разместить видовые фотографии в каких-нибудь печатных или Интернет-изданиях.

Одно было очевидно и безусловно: Кейран талантлив, но до встречи с Шоной его таланту не хватало чего-то, что позволило бы стать замеченным и оцененным по достоинству.

Предложения посыпались один за другим, им заинтересовались в Столице, а очень скоро и известные журналы, издаваемые по всему свету, проявили интерес к его работам. Довольно быстро имя Кейрана Уолша приобрело известность, а вместе с этим продолжало расти количество желающих заполучить его для участия в съемках.

Состоялись и выставки, в том числе и персональные.

После одной из них Кейрану сделали весьма заманчивое предложение — постоянное сотрудничество с одним из самых известных в мире модных журналов. Для этого ему пришлось бы перебраться в Нью-Йорк, и это предложение Кейран без колебаний отклонил. Но вовсе не вынужденный переезд остановил его от принятия предложения. Ему попросту не хотелось ограничивать себя рамками индустрии моды, фотографируя бесконечные вереницы моделей и делая постановочные рекламные снимки известных брендов. Его по-прежнему больше всего привлекала свободная, естественная красота: природы, людей, жизни в ее полноте и многообразии. А серьезные, долгосрочные контракты, пусть и хорошо оплачиваемые, способны лишить свободы вдохновения.

Однако от интересных и выгодных предложений Кейран старался не отказываться, в конце концов они предоставляли возможность вести тот образ жизни, который ему нравился и не чувствовать себя стесненным в финансах. А это в свою очередь дарило свободу передвижения по миру, покупку необходимого оборудования и множество прочих удобных и приятных вещей.

Сегодня Шона не изъявила желания сопровождать Кейрана на встречу, сказав, что лучше погуляет по городу, а потом будет ждать его в одном милом ресторанчике на набережной.

***

Кейран отправился на встречу с главным редактором ВТ один. Вошел в стеклянные двери приемной за две минуты до назначенного времени и сразу же был любезно приглашен секретаршей пройти в кабинет.

Пост главного редактора ВТ вот уже два десятка лет занимала «Женщина без возраста», или просто Лора. Дама со странной и труднопроизносимой фамилией, которую она предпочитала лишний раз не произносить сама и старательно следила, чтобы этого не делали другие. Поэтому главный редактор крупного журнала была для всех просто Лора. За двадцать лет своего руководства она почти не изменила ни манеры своего руководства, ни стиля одежды и прически. Она так и оставалась для всех Лорой с безупречной стрижкой каре и одетой в элегантные брючные костюмы, демонстрировавшие ее бесконечно длинные ноги модели.

Кабинет представлял собой просторное помещение с огромными панорамными окнами, занимавшими всю стену напротив входа. Вопреки распространенной традиции, стол владелицы кабинета не располагался напротив двери, так, чтобы всех входящих встречал темный силуэт сидящего спиной к окну начальства. Лора не любила стандартов и поэтому разместила справа, чуть поодаль у стены, а всех ее посетителей неизменно встречала открывающаяся за окнами панорама города и множество обильно цветущих фиалок в одинаковых изящных белых фарфоровых горшочках, расставленных на разноуровневых стеклянных подставках вдоль всех окон. Оставалось загадкой, чьими усилиями поддерживалась жизнь в этих цветах, но, тем не менее, из раза в раз, приезжая сюда, Кейран наблюдал беспрерывное, пышное цветение и невообразимое многообразие нежных, ухоженных растений. И, кажется, их с каждым разом становилось все больше и больше.

Для непосвященных посетителей, ожидавших увидеть хозяйку кабинета прямо по курсу, являлось неожиданностью, что они не находили того, что ожидали, поэтому некоторые в растерянности останавливались у порога. Что в свою очередь позволяло Лоре быстро и безошибочно оценить посетителя, включая цель и настроение, с которым он пришел.

Кейран все эти уловки уже знал, и, войдя в просторный кабинет, сразу посмотрел направо, туда, где располагался стеклянный рабочий стол Лоры, походивший на кусок гладкого и толстого льда, взгроможденного на массивные металлические «ноги». Такой холодный минимализм, в котором был выполнен стол, удачно смягчался большим, уютным креслом из мягкой нежно-зеленой замши, в котором восседала сама владелица кабинета. Поразительно, что кресло это ничуть не протиралось со временем, сохраняя свой аккуратный внешний вид на протяжении десятилетий. Скорее всего, посетители просто наблюдали череду «кресел-клонов», которые незаметно периодически сменяли друг друга, создавая видимость неизнашиваемого предмета мебели.

— Кейран! — воскликнула Лора, когда фотограф возник на пороге кабинета. — Вот кого я всегда рада видеть!

Он прошел вглубь кабинета, улыбаясь ее искреннему приветствию.

— Садись, дорогой, — проворковала Лора, делая плавный жест рукой в направлении одного из двух удобных кресел, стоящих перед ее столом.

Кейран сел и только сейчас сообразил, что кроме него и Лоры в помещении есть еще один посетитель. Во втором кресле, спиной к окну, сидела женщина, лицо которой находилось в тени. Она разглядывала какой-то журнал, неторопливо перелистывая страницы.

— Дорогой, позволь представить тебе Морин Берриган, — и Лора привстала, словно в знак особого уважения к своей посетительнице.

Кейран также немедленно поднялся и вежливо наклонил голову, приветствуя гостью. Морин отложила журнал и тоже слегка качнула головой в ответ. Толком не разглядев гостью, молодой человек вопросительно посмотрел на Лору, а та лишь сделала неопределенный жест рукой, мол «подожди, сейчас все объясню».

— Кейран, — заговорила Лора, усевшись обратно, — Морин — давний друг нашего издательства, — брови женщины многозначительно приподнялись. — Её участие в самом существовании журнала невозможно переоценить. Сейчас наше сотрудничество с Морин выходит на новый, творческий и коммерческий уровень. И нам бы хотелось, чтобы ты принял в этом непосредственное участие.

— Интересно, — отозвался фотограф. — Словосочетание «новый творческий уровень» не может не вдохновлять. И какая же роль отводится мне?

— Самая непосредственная и важная, — подала голос сама Морин. — Вы должны снимать меня.

— Понятно, — отозвался Кейран, — что это будут за съемки? Какого рода предполагается фотосессия?

— Фотосессия всей моей жизни, — проговорила Морин. — Вы должны будете снимать, как я живу.

Кейран с вежливым непониманием воззрился на женщину, первый раз за все время обратив на нее пристальное внимание. Он замер, осознав, наконец, что смотрит на невероятную красоту. Кейран забылся, рассматривая сидящую перед ним женщину, исследуя ее глазами от лица до кончиков дорогих туфель.

Трудно сказать, сколько лет этой Морин: ей могло быть и тридцать, и сорок, даже пятьдесят. Истинный возраст не имел смысла, когда скрывался за совершенством внешности, неподвластным времени. Всё в этой женщине, начиная от волос, заканчивая изящными лодыжками, располагало лишь к тому, чтобы взирать на нее завороченно и

безотрывно, забыв обо всем на свете.

Густые и блестящие красновато-медного отлива волосы собраны в низкий, объемный узел, что подчеркивало изящество гордо посаженной головы на грациозной шее. Цвет волос оттенял ослепительную белизну безупречно чистой и гладкой кожи. Глаза цвета темного янтаря под длинными линиями бровей смотрели внимательно, но не выражали никаких чувств. В глазах отсутствовали эмоции, была только медовая, притягивающая взгляд глубина. Станный, пристальный взор, не позволяющий собеседнику ничего толком понять. Черты лица словно выточенные, начиная от прямого тонкого носа и заканчивая выразительной линией соблазнительных, ярких, словно налитых ягодной "спелостью" губ, может быть чуточку тонковатых на вкус Кейрана.

И, разглядывая Морин, можно попытаться поверить, что перед вами, сохраняя величественную непринужденность, восседало создание, сошедшее с полотна какого-нибудь художника, воплотившего образ самой Красоты. И чем дольше Кейран на нее смотрел, тем меньше верил, что видит перед собой реальную женщину.

Какое-то время он не понимал, что разглядывает Морин, не думая о приличии. Гипнотическая внешность этой женщины заставляла подвергать сомнению то, что в действительности такая красота вообще может существовать. Кажется, у него даже запотели стекла очков, пока он пялился на нее, забыв, где и для чего находился.

— Ну, да, — услышал он откуда-то издалека сочувственный голос Лоры, — обычно все так и реагируют, увидев Морин впервые. И все последующие разы тоже. Кейран, ау, ты все еще с нами?

К действительности Кейрана вернул тихий, мелодичный смех Морин, от которого волоски на его руках встали дыбом, а внизу живота разлилась недвусмысленная тяжесть.

Но эти ощущения были далеки от естественной реакции мужчины на взволновавшую его женщину. Тяжелая, обжигающая волна возбуждения порождена не столько чистой физиологией, сколько необъяснимым ощущением — ожиданием быть искушенным и причастным к чему-то запретному.

Опасному и совсем нежеланному.

***

Официант вкатил в номер сервировочный столик с заказанным ужином, оставил его возле дивана и, получив чаевые, удалился.

Кейран закрыл за ним дверь и повалился на кровать. В номере почти темно, горели лишь настольные лампы по сторонам большой кровати. Кейран лежал на животе, вытянувшись поверх покрывала и повернув голову в сторону распахнутой двери, ведущей на лоджию, через которую доносились приглушенные шорохи автомобильных шин по влажной мостовой, размеренный стук капель, срывающихся с крыш, шелест отяжелевших от влаги листьев. Номер выходил окнами на парк, и сюда почти не долетали звуки оживленных улиц.

Ночь уже опустилась на город, а тяжелые, плотные, свинцово-серые тучи ускорили её приход, примешав к сумеркам мрак непогоды. Безветренно, а потому воздух кажется густым от влаги, напоенным запахами весеннего цветения, промытого дождем вечернего города и доносившегося с побережья острого, солоноватого аромата моря.

Кейран чувствовал себя бегуном на низком старте, и от того, чтобы сорваться и побежать неведомо куда его отделял какой-то миг.

Новый проект журнала ВТ, в котором ему предложили участвовать, в случае успеха обещал принести приличные деньги. Скорее всего, участие в проекте еще и поднимет на

новую ступень известности, хотя это его волновало менее всего. Кейран еще не дал окончательный ответ, но уже знал, что согласится и подпишет контракт.

Надо бы узнать о Морин больше. Раньше он ничего о ней не слышал и так толком не понял, кто она и чем конкретно занимается. Состоятельная скучающая вдовушка? Светская львица, меценатка с неисчерпаемыми банковскими счетами и отсутствием проблем и комплексов?

Она хотела сделать что-то вроде фотоальбома, ей же посвященного. Наверное, покоя не давала скандальная слава Мадонны, выпустившей некогда провокационный «Sex».

Вполне объяснимо желание роскошной женщины — позволить восхищаться собой еще очень и очень долго, запечатлев собственную красоту для потомков. Остановленное в кадре время лучшее средство борьбы с неизбежным увяданием.

В совместной работе с ВТ и Морин помимо интересной идеи и возможности заработать, был также еще один очевидный плюс: не нужно отдаляться от дома и куда-то переезжать. Морин, оказывается, с некоторых пор жила не так далеко от тауна Уолша, и до ее особняка можно добраться всего за полчаса.

Взвешивая все плюсы и минусы, Кейран не смог отнести ни к каким категориям то странное ощущение, которое отвлекало его от чисто делового и творческого подхода. И дело даже не в том, что Морин взволновала его, как мужчину. Она волновала, но больше все же с эстетической точки зрения, как мужчину-художника, умеющего ценить редкую женскую красоту подобно произведению высокого искусства. Он видел Морин лишь раз в кабинете Лоры, но кроме ее необыкновенной внешности, не мог забыть острого, пронизывающего предвкушения чего-то непостижимого, заманчивого, и... опасного.

Но Кейран не боялся искушений. Они приносили в существование нотку провокации. Это приятно будоражило, заставляло чувствовать себя живым, способным контролировать и обладающим неоспоримым правом выбора.

Кейран покосился на дверь ванной комнаты, где Шона приводила себя в порядок, потянулся к очкам, лежащим на прикроватной тумбочке, надел их и поднялся на ноги. Взял телефон и отошел к балкону, подальше от ванной. Сам не зная для чего, стал просматривать забитые в память номера. Среди них попался номер хозяйки квартиры. Той длинноволосой брюнетки с настороженным взглядом.

Кстати, об искушениях. Палец дрогнул, коснувшись сенсорной кнопки вызова. Кейран тут же сбросил звонок и застыл, задумчиво глядя на телефон.

— О чем задумался? — окликнула его Шона, появляясь в дверях ванной.

Мужчина вскинул голову, словно выходя из оцепенения.

— Ужин доставили, — сказал он, указывая рукой с телефоном на тележку.

— Вижу. А с тобой-то что? Думаешь о предложении ВТ?

— Думаю, конечно.

— Что-то сильно напрягает?

— Есть такие моменты, — Кейран говорил правду, но вкладывал в нее тот смысл, о котором Шона понятия не имела, а он и не собирался ее в это посвящать.

Не терпя лжи, Кейран все же был скрытным. Теперь же получалось, что он признался подруге в самой сути, не раскрывая подробностей.

Не обман. Только осторожное умолчание.

— У тебя еще куча времени, чтобы все обдумать. А сейчас расслабься, давай просто поедим, — Шона подошла к нему.

— Расположимся на лоджии? Кажется, там уже успели прибраться после дождя, — предложил Кейран, остро нуждаясь в том, чтобы проветрить голову.

Шона положила руки ему на предплечье и чуть отступила, окидывая мужчину неторопливым взглядом. Кейран, как никто, умел прятать свои эмоции, оставаясь всегда немного отстраненным. Кажется, при этом сам плохо представлял, какие чувства способен вызывать, особенно у женщин. Или его это попросту не волновало. Интересно, осознавал он или нет, как выглядел сейчас босым, со слегка растрепанными волосами, касавшимися ворота белой рубашки, расстегнутой до пояса брюк, идеально сидящих на узких бедрах. Небрежный и в то же время элегантный, притягательный в своей отстраненности.

Шона потянулась к Кейрану, мягко забирая у него телефон и бросая его на кровать.

— Отвлекись, — проговорила она, убирая упавшие на лоб любовника пряди темных волос. — Сегодня пошли всё куда подальше...

— Уже послал, — он обхватил гибкую талию подруги и притянул к себе.

— Думай сейчас только обо мне. О нас... — Шона потянулась, поцеловала Кейрана в уголок губ.

— Я думаю о тебе, — отозвался он. — И о нас.

Снова ни слова лжи, только умолчание. До какого-то времени все так и было. Теперь же что-то изменилось, но Кейран пока не пытался понять, что же именно...

... Выложенный мраморной плиткой пол на большой лоджии еще мокрый от недавно закончившегося дождя, но столик и два низких, обтянутых грубоватой кожей кресла, стоящие здесь, вытерты досуха стараниями персонала отеля.

Шампанское в бокале Шоны сверкало в отблесках фонаря, Кейран предпочел виски. Они сидели молча, расслабленно, вдыхая свежий и влажный ночной воздух, и не спеша поглощали поздний ужин. Из работающей в номере стереосистемы, настроенной на какую-то музыкальную радиостанцию, доносилась мелодия — Where Do We Draw the Line.

What does tomorrow want from me

What does it matter what I see

If it can't be my design

Tell me where do we draw the line

(Чего от меня хочет завтрашний день?

Какая разница, что я вижу вокруг,

Если мне не дано изменить этого?

Скажи, где нужно провести черту?**) **

Кейран, подчиняясь «магии момента», поднялся со своего кресла, подал руку Шоне. Она едва успела поставить свой бокал, как Кейран рывком притянул ее ближе, прижал к себе, и вот они уже двигались под мелодию, звучащую в ночи так, словно она растворялась в воздухе и обволакивала со всех сторон. Шона склонила голову на грудь партнера и закрыла глаза, расслаблено отдаваясь танцу. Для них двоих лоджия превратилась в маленький островок, освещенный уличными фонарями.

Прохлада тихой ночи, отличный ужин, дорогой алкоголь, тепло двух соприкасающихся в танце тел.

Кейран остро чувствовал в этом сиюминутном волшебстве привкус тревоги, но честно попытался дать себе возможность отрешиться от всего и просто плыть по волнам. Все так и получалось, пока что-то грубо не вторглось извне в состояние умиротворения.

Он поднял голову и посмотрел в черное ночное небо, походившее сейчас на

непроницаемый шатер, раскинувшийся над городом. Внезапно что-то отделилось от мрака небес и превратилось в стремительно летящую тень. Кейран остановился, сильнее прижимая Шону к себе. Она посмотрела сначала на него, потом повернула голову и проследила за взглядом Кейрана.

Нечто, чернее самой ночи, возникло ниоткуда и теперь приближалось к неподвижно замершим людям подобно черному метеориту, прилетевшему из мира мрака. Перед глазами мелькнули распростертые крылья, острый, как наконечник стрелы клюв, и спустя миг крупная черная птица рухнула совсем рядом с застывшими в изумлении людьми, задев Шону жесткими перьями разверстых крыльев.

Тело птицы ударилось о плиты пола с отвратительным звуком. Из разmozженной головы брызнула кровь, попав на подол платья и ноги девушки. Отделившиеся в момент удара о мрамор перья взметнулись рваным черным конфетти и опустились на небольшие пятна воды, оставшиеся от дождя. В луже вокруг разбитой головы птицы медленно расплывалось кровавое пятно.

Шона сдавленно вскрикнула и полным ужаса взглядом смотрела в устремленный на нее мутный глаз неправдоподобно большой мертвой вороны.

...Из приоткрытой балконной двери продолжали доноситься звуки баллады и бархатный мужской голос пел:

Whatever tomorrow wants from me

At least I'm here, at least I'm free

Free to choose to see the signs

This is my line

(Чего бы ни хотел от меня завтрашний день,

Я хотя бы здесь, хотя бы свободен,

Свободен выбирать, видеть ли мне знаки -

В этом моя жизнь)**

***

Когда я снова открыла глаза, за окном была уже ночь.

Передо мной на стене, причудливо изгибаясь, танцевали тени деревьев. Свет фонаря проникал сквозь ветви, создавая узор, напоминавший ожившее, хаотично сплетенное кружево.

Я лежала в тишине квартиры, а мир за окном отступил на второй план, став просто картонной декорацией.

Едва двигая отяжелевшей рукой, нащупала пульт от телевизора, включила и безуспешно попыталась вникнуть в происходящее на экране.

Надо бы встать, размять затекшее тело, прислушаться к прочим потребностям организма. Я с трудом подняла руку, чтобы взять телефон с коробки, которую использовала, как прикроватный столик. Часы на дисплее показывали начало первого. Два текстовых сообщения от Брайана с практически одинаковым содержанием: «Позвони, когда отдохнешь» и «Как ты там? Позвони в любое время». Звонить не стану до утра. Пусть сам отдохнет, он со мной навозился.

Я стащила тело с дивана и побрела в ванную. Несмотря на слабость, мне заметно лучше: голова уже не кружилась, хотя еще пошатывало, словно я двигалась по вагону стремительно несущегося поезда.

Опасаясь, как бы ненароком не рухнуть в ванной, я все же с наслаждением приняла душ.

Натянула чистую футболку и отправилась на кухню, подчиняясь даже не желанию, а необходимости бросить что-нибудь в желудок, ведь последний раз я нормально ела еще позавчера днем на пикнике.

Пожелтевшее нутро старого холодильника стараниями Пэтти выглядело сейчас как реклама продуктов для здорового образа жизни: йогурты, сыр, свежие фрукты и овощи. Все красиво и аккуратно разложено по полочкам. К сожалению, вид всего этого изобилия не способствовал возвращению полноценного аппетита. Я отрезала кусочек сыра, отщипнула маленькую веточку винограда, поставила свой новый зеленый чайник на плиту и уселась за стол.

Чайник вскоре начал шуметь, закипая, я поднялась, чтобы достать чашку и чайный пакетик. Едва мои босые ноги коснулись пола, как показалось, что я окунула их в снег, настолько ледяным ощущалось прикосновение керамических плит. Но самое странное, что холодно стало не только подошвам: ноги словно бы по щиколотки оказались в чем-то ледяном, текучем, как ручей талой воды.

Я вздрогнула от неожиданности. Единственное, что сразу пришло в голову — сквозняк. Где-то открылось окно, и ночной ветер гулял по полу, ну а я восприняла это слишком утрированно.

Сделала осторожный шаг к плите, выключила ее, заставив замолкнуть омерзительно вопящий чайник, и снова потянулась к шкафчику, чтобы достать чашку. Только рука коснулась дверцы, как светильник на потолке мигнул и погас, а вместе с этим смолкло размеренное урчание старого холодильника. В квартире мгновенно стало темно и тихо. Я застыла, невольно затаив дыхание.

По ногам прокатилась новая волна холода, которая вывела из оцепенения, и я с неожиданной резвостью подскочила к выключателю и шлепнула ладонью по клавише. Свет не зажегся, а холод, опутавший мои ноги, стал подниматься выше, скользя по коже ледяной змеей. Покрывшись мурашками, на подгибающихся коленях, я рванула в гостиную, на ходу хлопнув по выключателю в коридоре. И — ничего!

Свет не зажигался нигде.

Заскочив в гостиную, резко остановилась — мне показалось, что я с разбега нырнула в чернильницу.

Квартира выходила окнами на улицу, хорошо освещаемую фонарями. Но сейчас в комнате темнота заполняла помещение, как черный дым, полностью поглощая свет, проникающий снаружи. Я прекрасно видела окно и горящие за ним фонари, но свет их никак не влиял на уровень освещенности, словно стекло было непреодолимой преградой.

Я стояла, оцепенев, не двигаясь с места, и дышала, как загнанный зверь. Холодный и тяжелый комок страха ворочался в животе, заставляя пугаться собственных судорожных вдохов. Опутавшие меня темнота и ужас исказили способность ориентироваться в знакомом помещении. Я уже не понимала, где стою и куда двигаться, чтобы добраться до телефона. В этот самый миг за спиной в темноте что-то проскользнуло, неспешно, плавно, как в воде, задев распущенные по спине волосы, еще влажные после душа. Я уже готова была заорать во все горло, но крик застрял, когда до слуха донеслось:

— «Найди... меня...»

Слова, как дуновение ветра, как выдох.

Звуки с улицы? Слуховая галлюцинация или просто игра не в меру разыгравшегося воображения? Вместе с призрачными словами снова, как накануне, долетело легкое

движение воздуха и коснулось лица. И я довольно отчетливо уловила запахи: травы, леса, земли и чего-то еще, тревожного, грубого, опасного. Бредовая мысль, но так, наверное, пах бы покрытый кровью, разогретый в битве металл. Я не могла знать этого наверняка, но ассоциация возникла именно такая...

Я в ужасе метнулась вперед, наткнулась на диван, запрыгнула на него, сжалась, подобрав колени и обхватив голову руками. Замерла, чувствуя, что схожу с ума...

Свернувшись в тугой комок плоти, трясущийся от страха в крошечной тьме, я не вспомнила ни одной молитвы. От запредельного ужаса, парализовавшего меня, все, включая и «Отче наш», повывлетало из затуманенной головы. Спроси меня тогда кто-нибудь, как меня зовут, я бы, скорее всего, не ответила...

«Найди меня...» — я так отчетливо слышала эти слова, что первые мгновения они все звучали и звучали в моей голове, повторяясь как эхо. Это собственный рассудок решил поиграть со мной в прятки?

Галлюцинации, навязчивые состояния. Что дальше? Пора освобождать в шкафчике полку для баночек с антидепрессантами и прочими снадобьями, способными помочь справиться с действительностью?

Не могу сказать точно, сколько времени просидела, вжавшись в диван. Меня почти подбрасывало от мощных толчков собственного сердца, стук которого набатом отдавался в ушах.

Из оцепенения вывел телефон. Дисплей ожил, засветившись растворившимся во тьме голубоватым сиянием. Я распрямила свернутое в клубок тело, и рывком схватила телефон.

Очередное смс от Брайана: «Позвони утром». Дожить бы до утра! Не хватало еще свихнуться. Психика у меня хоть и ранимая, но достаточно крепкая и среди родственников не было никого с психическими отклонениями. Хотя, может, это ничего и не значит. Может, я буду первая...

И до утра я со звонком Брайану ждать не собираюсь, позвоню сейчас же. Будто в ответ на мое решение телефон издевательски пискнул и вырубился. Аккумулятор почти разрядился еще днем, но я, конечно же, забыла поставить телефон на подзарядку. Стиснув зубы, я спустила одеревеневшие ноги на пол и медленно двинулась к коробке у стены, на которой стояла плетеная корзинка, куда я сваливала разные полезные мелочи. Нашупав зарядное устройство, потянула за шнур. Понимая, что попытка будет тщетной, в полной темноте нашла разъем в телефоне и розетку в стене, но естественно и очевидно полезный прибор никоим образом не отозвался на произведенные с ним манипуляции.

Я оказалась в своей квартире, как в ловушке. На дворе глухая ночь, я сижу одна, без электричества и возможности связаться с кем бы то ни было. И как же «кстати», что городской телефон отключен много лет назад...

Ситуация уже не пугала, а скорее нервировала, побуждая бороться с абсурдом разумными методами.

Где-то должны быть свечи. У бабушки всегда хранился запас, надеюсь, их не выбросили...

Как слепая, с расширенными глазами, вытянув руки перед собой, я пошла к шкафу, стоящему у неразличимой во мраке противоположной стены. Свечи нашлись в первом же выдвижном ящике. Целых шесть штук! Радости моей не было предела. Сжимая в руке свечи, я направилась на кухню. Газовой зажигалкой зажгла конфорку плиты и уже от нее — все шесть свечей.

Кухня озарилась мягким светом, отблески которого заплясали на стенах, искажая тени от подвесных шкафчиков и светильника на потолке.

С «букетом» свечей, как Прометей, несший огонь, я направилась в коридор, к электрощитку, проверять пробки, которые оказались вполне исправны, насколько я могла понять.

Общий щиток находился на лестничной площадке, между дверями квартир моих соседей и оказался закрытым на маленький навесной замочек. И ключ, скорее всего, был у управляющего домом или вообще у представителя энергоснабжающей компании.

Так или иначе, все придется выяснять только утром.

Потоптавшись на освещенной, такой уютной и мирной, лестничной площадке, я неохотно вернулась в наполненное мраком нутро квартиры. В дверях комнаты пламя свечей трепыхнулось, на мгновение отклонившись в сторону, словно откуда-то налетел легкий порыв ветерка. Мне снова показалось, что я уловила посторонний запах — дождевая влага.

Отыскав в бездонном шкафу старый бабушкин подсвечник, покрытый благородной патиной времени, я установила в нем пять свечей. Оставшуюся свечку затушила после короткого колебания. Мне казалось, что малейшее уменьшение количества света снова позволит «чему-то» подобраться ко мне. Комната, освещенная мягким и теплым сиянием свечей, стала снова уютной и безопасной.

Установив подсвечник на пол, подальше от свисающих с дивана простыней, я с облегчением выдохнула, улеглась на свое ложе и натянула плед до самого подбородка.

Почти успокоилась, но лежала без сна пока прозрачные, словно акварельные краски рассвета не окрасили проем окна, светлевшего на глазах. Бледные оттенки занимавшегося утра проникли внутрь и окончательно растворили тьму в квартире. Больше не было непроглядного мрака, переплетающихся на стене черных теней от веток деревьев, странных шорохов, запахов, голосов, и дуновений неведь откуда взявшегося ледяного ветра.

Звуки пробуждающегося города показались райской музыкой. Я невольно растянула губы в блаженной улыбке, чувствуя несравнимое ни с чем облегчение.

Задула свечи и мгновенно заснула, крепко и без сновидений.

... Когда сквозь сон в мой мозг стало прорываться какое-то навязчивое бормотание, подсознание уже тихонько ликовало — телевизор. Он включился, когда электричество вновь появилось. Страхивая остатки сна, я резво вскочила со своего ложа и бросилась проверять работоспособность остальных приборов. Свет горел, телефон заряжался. Я поспешила включить свой мобильник, и сразу посыпались оповещения о принятых смс и пропущенных звонках. Два звонка и еще одна смс от Брайана, пара звонков от Пэтти.

Я нажала кнопку быстрого набора — Брайан будет первым и единственным, с кем я готова говорить.

Он ответил на звонок сразу, после первого же гудка.

— Хейз! Ну, кто так делает?! Я звонил тебе, послал сообщение. Неужели трудно написать в ответ просто короткое «окей»? Или с тобой не все в порядке?

Я с улыбкой выслушала его тираду, звучащую с искренним возмущением и беспокойством за меня. Потом рассказала вкратце свои ночные похождения, опустив пару деталей. Очень уж не хотелось, чтобы у кого-то крепло мнение, что Хейз Макмэй — «начинающий», но весьма перспективный психиатр. Я поспешила заверить, что прекрасно выспалась и чувствую себя превосходно, в ответ услышала пожелание Брайана немедленно приехать и самолично убедиться в моих словах.

Затем, как всякий нормальный человек по утрам я пошла в ванную.

В коридоре взгляд мой невольно опустился вниз, и... я осталась стоять, не двигаясь с места, с застрявшим в горле вскриком.

На благородном, хоть и немного потертом дубовом паркете растеклась прозрачная лужа. На поверхности ее налипли...черные перья и маленькие сгустки чего-то... багряного, вокруг которых жидкость (вода?) окрасилась в бледно розовый цвет.

Я какое-то время смотрела на это, отказываясь верить своим глазам, потом стала отступать в комнату, пятясь задом, пока не уперлась в диван и не уселась на него с размаху.

И так застыла, уставившись на дверной проем.

---

*Столица — подразумевается Дублин, но здесь и далее по тексту именуется просто Столицей.

** песня Poets Of The Fall, перевод Lucy Renard

Глава 7

Кейран затащил Шону в номер и, не выпуская из кольца своих рук, пинком ноги закрыл дверь лоджии.

Шона часто дышала, дрожа всем телом. Оказавшись в стенах номера, выскользнула из его объятий и лихорадочно стала стаскивать с себя платье, подол которого был забрызган грязной водой и кровью. Подхватила платье, комкая его на ходу, и скрылась в ванной. Послышался шум льющейся воды.

Кейран позвонил на ресепшен и рассказал, что случилось. Очень скоро явился дежурный менеджер, а с ним еще двое — уборщица и мужчина в рабочем комбинезоне — и быстро ликвидировали все следы происшествия. Менеджер долго сокрушался и рассыпался в сочувственных выражениях, презентовал бутылку дорогого шампанского и предложил переселиться в другой номер.

Кейран менеджера почти не слушал, с нетерпением ожидая, когда же, наконец, все уберутся. Он думал о том, что вся эта чертовщина совсем не к месту. Завтра у него напряженный день, нужно снова посетить издательство, обговорить детали предстоящей работы с Морин. Он еще не успел толком обдумать предложенные условия и проконсультироваться со знающими людьми. Отложив часть важных дел на завтра, думал расслабиться этим вечером, провести его с Шоной в тишине и покое, и на тебе...

Шона, выйдя из ванной, забралась на диван и поджала ноги. стакан с виски в ее дрожащей руке ходил ходуном, зубы стучали о стекло, когда она пыталась сделать глоток.

Кейран очнулся, когда менеджер повторил свое предложение перебраться в другой номер. Шона запротестовала, и молодой человек с удивлением услышал в ее голосе визгливые истерические нотки. Раньше подобного он за ней не замечал. Не желая ни с кем спорить, твердо попросил менеджера подыскать для них другую гостиницу, желательно расположенную поближе к издательству, и вызвать такси.

Менеджер остался явно не доволен тем, как все завершилось, но удалился, пообещав быстро все устроить.

— Какой кошмар, Кей... какая мерзость, — бормотала Шона, сжимая стакан двумя руками, — боюсь, мне и целая бутылка виски не поможет забыть этот отвратительный звук, с которым птица...

Девушка содрогнулась, залпом допила коричневую жидкость, задохнулась, закашлялась. Кейран присел рядом с ней, взял пустой стакан из ее дрожащих рук, поставил его на столик у дивана и притянул Шону к себе. Она приникла, обвила его шею руками, подняла на него бледное лицо и посмотрела с каким-то особым ожиданием. Напряженным и трогательным одновременно.

Он поцеловал ее, легко тронув побледневшие губы девушки своими губами. Она ответила на поцелуй, скользнув язычком в его рот. Терпкий привкус алкоголя смешивался с привычной свежестью ее дыхания, и это возбуждало. Кейран потянулся к пуговкам блузки, но Шона мягко перехватила его руку и прошептала:

— Только не здесь... давай уедем отсюда поскорее.

Через час они уже вселились в номер отеля поскромнее, зато расположенного всего в трех кварталах от издательства ВТ. Номер оказался меньше предыдущего, но самое главное:

в нем не было никакой лоджии.

Уставшие, изможденные, не вытащив из багажа даже самых нужных вещей, они уселись на полу возле дивана.

Шона привалилась к плечу Кейрана и притихла, время от времени вздрагивая и вздыхая. Минуту спустя он почувствовал, как она нащупала его руку и крепко сжала пальцы.

— Кей... — бормотала Шона, — так мерзко и жутко... Не могу выбросить из головы...

Словно в противовес внутреннему состоянию новых постояльцев в номере было тихо и уютно. Настольные лампы на консольных столиках по обе стороны от двери теплым неярким светом заливали стену, оклеенную золотисто-желтыми обоями с узором из изящных завитушек. Кейран, потирая усталые глаза, снял очки.

— Понимаю, милая, — отозвался он, чувствуя, как тяжелеют веки, и наплывает усталость. — Попытайся переключиться на что-нибудь, не думай об одном и том же. А лучше всего, давай ляжем спать. Верно же говорят, что сон — лучшее лекарство.

— Я жутко устала, но не уверена, что смогу заснуть... — прошептала Шона, продолжая сжимать его пальцы. — Не после такого...

Кейран ругнулся про себя, обхватил подругу рукой крепче и притянул к себе.

— Расслабься, Ши. Подумай сама, ну что особенно ужасного произошло, что ты так задержалась? — говорил он, касаясь губами ее волос. — Мерзко, да. Но не более того. Не казнь ведь это египетская, в самом деле.

Он еще что-то шептал, успокаивая, поглаживая по плечу, просил забыть все, как страшный сон, подумать о приятном.

— О приятном? — попыталась улыбнуться Шона. — Тогда о тебе и о нас. Кей, я домой хочу.

Она поерзала рядом, поцеловала его в плечо, словно прося извинения.

«Домой? Ах, да. Дом».

Кейран поморщился от досады, борясь с желанием прямо сейчас забраться в какую-нибудь берлогу, прячась на время ото всех.

Он жил в современном лофте на окраине города, в здании бывшего склада, отремонтированного и переделанного в жилой комплекс. Купленное на первые крупные гонорары жилье, несколько лет назад казалось пределом мечтаний для молодого фотографа. Функциональное помещение довольно долго полностью соответствовало образу жизни и потребностям Кейрана.

Теперь, занимавший целый этаж, лофт превратился больше в студию и офис, где постоянно толклись какие-то люди, а сам хозяин больше не мог расслабиться, пребывая в тонусе даже после того, как заканчивал работу. Во всяком случае, спать и отдыхать там, где он часто проводил съемки, и везде оставались следы пребывания посторонних людей, стало проблематично. Сама собой возникала острая необходимость искать уединения в месте, которое можно действительно считать только домом и ничем больше.

Та квартира в центре очень бы подошла для тихой "норы".

«Надо бы позвонить той девице. Напомнить о себе. Может с ценой немного поиграть...»

Будь он владельцем квартиры в таком доме, ни за что не расстался бы с собственностью, в каком бы состоянии она ни была. В конце концов, всегда можно сделать ремонт. И уж тем более не стал бы из нее переезжать в домишко, подобный тому, который он предлагал по сделке.

Мысли потекли, цепляясь одна за другую. Кейран выстраивая планы на завтрашний день и дальше, и не сразу услышал, как Шона окликнула его голосом с ясно слышимой в нем обидой.

— Кей? Ты что, заснул?

— Почти. Прости, милая, — отозвался он, едва ворочая языком. — Завтра сложный день, ты же знаешь. Давай ляжем, а то уже почти рассвет.

Они разделись в молчании и улеглись на чистые прохладные простыни гостиничной кровати.

Уплывая в сон, Кейран слышал, как тихонько вздыхает и ворочается Шона, чувствовал, как она напряжена и ощутил легкое чувство вины. Под простыней нашел ее руку и накрыл своей, тихонько пожимая прохладные пальцы подруги: на большее его уже просто не хватало. Сон навалился тяжелой глыбой и утащил на дно.

— Ты спишь? — прошептала Шона через несколько минут. Вдохнула, когда Кейран не ответил, стараясь не тревожить, но и не отдаляться, развернулась к нему спиной и закрыла глаза.

Сон долго не шел, усилием воли она отгоняла навязчивые мысли и воспоминания о сегодняшнем вечере и, наконец, заснула.

...Ей снилась бесконечная, бесцветная равнина, над которой распростерлось небо с низкими, стремительно плывущими облаками. Облака клубились, причудливо меняя форму, и уносились вдаль, на их место являлись другие, более густые и более темные. Шона почувствовала во сне холод, который коснулся лица, рук, заставил задрожать. Небо стало совсем серым, а на его фоне вдруг замелькали тени, и их становилось все больше и больше, пока эти тени не превратились в тысячи беспорядочно мечущихся черных птиц — ворон. Птицы не кричали, они были странно, пугающе молчаливы, Шона словно сквозь вату слышала лишь неестественно приглушенное хлопанье крыльев.

Черных тварей за считанные мгновения налетело столько, что они закрыли собой небо, превратившись в одну плотную, шевелящуюся тучу. Шона чувствовала, как холод и страх пробирает до самого сердца, как замирает в груди дыхание. Она не могла пошевелиться, скованная сном, страстно желала вырваться из кошмара, но продолжала наблюдать за картинкой, порожденной ее растревоженным воображением и усталым сознанием.

И вдруг черная туча из птиц взорвалась изнутри. Вороны ринулись в стороны, а на освободившемся пространстве, на фоне серого, свинцового неба возник высокий женский силуэт в темных облегающих одеждах. Женщина стояла, повернувшись спиной, длинные волосы цвета темного пламени медленно колыхались. Открытая, ослепительно белая спина контрастировала с длинными черными юбками, струящимися по земле бесконечным шлейфом с неровными рваными краями.

Женщина не двигалась, а птицы прекратили свое беспорядочное метание и стали медленно опускаться на землю, к ногам незнакомки, покорно и почтительно рассаживаясь вокруг нее.

Шона вдруг поняла, что уже практически не спит, но все еще видит этот сон. Видение нарочно задерживало ее, не позволяя пошевелиться и открыть глаза. Усилием своего здравомыслия, не изменившего ей в состоянии сна, девушка убедила себе, что это всего лишь игра воображения и, окончательно просыпаясь, уже на грани реальности, увидела, как женщина в ее видении стала медленно поворачиваться. Показался четко очерченный профиль — выразительный изгиб тонкой брови, прямой нос и вздернутый в недобром оскале

уголок ярких алых губ...

Наверное, Шона вскрикнула, прежде чем окончательно вырваться из когтей жуткого сна и услышала хрипловатый голос Кейрана, невнятно прошептавший:

— Ш-шш... Иди ко мне...

Сильные руки обвились вокруг ее тела, притянули к себе. Он уткнулся лицом в шею девушки, прижался затвердевшей плотью к ее ягодицам, стал медленно двигаться.

Кейран шептал какие-то слова, разобрать которые она не могла, рукой накрыл ее грудь. Пальцы гладили сосок, прикосновением превращая его в тугую бусину. Губы приблизились к щеке, нежно поцеловали. Он чуть привстал, наклонился, добираясь до губ любовницы. Почувствовав его теплый, настойчивый поцелуй, Шона вздохнула от сладкого нетерпения. Опустила руку, завела ее назад и дотронулась до его возбужденной плоти. Он резко выдохнул, что-то хрипло проворчал, перевернул Шону на спину и подмял под себя, наваливаясь всем жарким напряженным телом.

Кейран уткнулся лицом ей в шею, шумно, прерывисто дышал, лаская нетерпеливей и настойчивей. Пальцы сжимали, тянули соски, пробирались между сведенных бедер, касались в самом чувствительном местечке ее трепетавшего тела.

Что-то не так. Она чувствовала, как дрожат напряженные, словно стальные тросы, мышцы Кейрана. Он слишком напорист: вцеплялся в нее, стискивал до боли.

Шона не видела его лица, но понимала, что сам он действует почти неосознанно, находясь еще в состоянии сна и подчиняясь проснувшейся вперед рассудка потребности тела.

— Кейран? — тихо окликнула его, высвободила руку, погладила по плечу, пытаюсь успокоить.

Вместо ответа он тихо зарычал, раздвигая ноги девушки коленом, продолжая наваливаться на нее всем телом. Шона занервничала, уперлась рукой в твердое, как камень плечо любовника, стала извиваться, отталкивая и одновременно пытаюсь выползти из-под него.

***

...Теплое, гибкое тело. Кожа цвета сливок. Такой знакомый, чистый и свежий запах лимона и прохладной воды. Блестящий шелк волос...

Он вдыхает тонкий аромат, касается рукой золотистых прядей, и они вдруг начинают темнеть и удлиняться под его прикосновением. Аромат приобретает сладковатые, теплые и чувственные нотки. Густые, темные, как шоколад, волосы окутывают, скользят по его обнаженному телу и там, где они касаются кожи, рождается вспышка чистого блаженства. В груди распускается огненный цветок, он опалает, подогревает кровь, превращая в жидкое пламя, которое ускоряет свое течение по жилам. Хочется окунуться в этот аромат, запутаться в струящемся темном шелке волос...

Да, это она... Здесь и сейчас. Можно прикоснуться и больше не отпускать... Он жадно обвивает руками, тянет на себя. Ладони с наслаждением гладят, исследуют мягкое, нежное тело. Оно так близко и такое жаркое...

Внезапно кожа под его нетерпеливыми ласками холодеет, из бархатистой, как кожица нежного плода, превращаясь в мраморно гладкую. Меняется запах, становясь прохладным и резковатым, как смесь зрелых дурманящих трав на ветреной пустоши... Появляется тревожная нотка увядания, осенней горьковатой прели. Осенним же багрянцем вспыхивают тяжелые локоны волос, глаза приобретают оттенок янтаря...

Кейран почти не может дышать. Он замирает, какое-то время не в силах понять грезится ему это или происходит наяву. Перед глазами мелькают лица: черты искажаются, пластично трансформируются, сменяя друг друга. Оттенки волос то темнеют, то светлеют, переливаются, перетекая один в другой, от бледного золота к темному шоколаду и далее, к насыщенно карминному.

Он напуган и заинтригован одновременно. Ему хочется, чтобы эти изменения прекратились, и знает, какой образ хотел бы задержать. Знает, какое тело хочет чувствовать, в каких волосах запутаться, какие губы вобрать в свой жадный рот.

Женщина извивается под ним, но он не понимает желаний этой женщины, как не понимает уже сам себя. Жажда обладания, а не просто похоть, берет верх над ним. Руки крепче, до боли сжимают содрогающееся непокорное тело, стремящееся ускользнуть от него...

Удержать. Не отпустить. Или что-то будет потеряно навсегда.

***

Просидев неподвижно какое-то время, я встала с дивана и пошла к входной двери, стараясь не смотреть на пол. Проскользнув по стеночке, открыла замки и быстро вернулась обратно в комнату. Теперь не нужно выходить в коридор и топтаться там, когда придет Брайан. Немного перебор с театральностью, но пусть и он сразу увидит своими глазами то, что увидела я. Хотя, конечно, может подумать, что я окончательно спятила, провожу здесь таинственные обряды, ошпыливая птиц и разливая воду.

Занялась ведовством от нечего делать.

В груди что-то дернулось, такое холодное и тяжелое, словно шевельнулся мокрый камень. Получается, что на сегодняшний момент меня больше волнует, что подумают обо мне знакомые, чем то, что со мной на самом деле происходит?

Нечесаная и неумытая, на пределе естественной потребности организма посетить уборную, я сидела на диване напротив двери, выпрямившись, как струна и уставившись в одну точку.

Сидела так не потому, что окончательно впала в оцепенение, а просто не знала, что еще делать. Звонок в дверь заставил одновременно нервно дернуться и выдохнуть от облегчения.

— Заходи, открыто! — выкрикнула я.

Брайан нарисовался в дверях с готовым вопросительным выражением на лице.

— Смотри под ноги, — проговорила я как можно спокойней.

Друг замер, уставившись на пол. Он смотрел на лужу и перья и молчал.

— Ну, и что тут у тебя? — осторожно поинтересовался он.

— Представь себе, понятия не имею, что тебе сказать, — ровным голосом отозвалась я.

— То есть? — взгляд Брайана еще раз бегло скользнул по сюрреалистичному "натюрморту" на полу и уперся в меня. Мне не понравилось выражение его лица: так обычно смотрят на тех, кто вызывает нехорошую такую, подозрительную тревогу.

— Давай так, — начала я, вставая с дивана, — сейчас быстро умоюсь и всякое такое, а потом мы поговорим. Ладно?

С надеждой глядя в напряженное лицо друга, добавила:

— Подожди меня вот тут на диванчике, пожалуйста. Вернусь и все тебе расскажу. Только об одном прошу — не звони Пэтти. Просто умоляю.

Брайан хаотично покивал головой туда-сюда, дернул плечами, развел руками и послушно уселся на диван.

За время, проведенное в ванной, я окончательно пришла в себя. Умываясь и чистя зубы, уговорила себя, что все, что происходит — происходит не просто так. Причесывая волосы и заплетая их в свободную французскую косу, почти поверила, что даже те вещи, которые кажутся абсурдными, имеют внятное объяснение.

Когда вышла из ванной, Брайан все так же сидел на диване, только теперь он выглядел удрученным. Пройгнорировав порыв немедленно заняться ликвидацией "безобразия" на полу, я проскользнула в кухню и уже оттуда позвала друга.

Мысленно вознеся Пэтти благодарности за то, что набила мой холодильник продуктами, быстро состряпала сытный завтрак на двоих, изо всех сил игнорируя факт наличия необъяснимого безобразия на полу в коридоре.

Через какое-то время мы сидели за столом, не спеша потягивая по второй чашке кофе, и я рассказывала Брайану почти обо всем, что происходило минувшей ночью. Умолчала только о таинственном голосе, произнесшем «Найди меня...»

Растерянность на лице Брайана постепенно сменялась настороженностью, и в итоге он смотрел на меня с нехорошим подозрением.

— Мне сразу сказать, что думаю обо всем этом? Или можно немного поумничать? — поинтересовался Брайан, когда я завершила свой рассказ.

— Как хочешь, можешь поумничать. У меня не получилось. Одно очевидно — электричество отключалось, но остальному я не нашла убедительных объяснений. Готова сама признать, что у меня были галлюцинации. Вот если бы только не то, что там... в коридоре, на полу...

Я нервно кивнула головой на дверь кухни.

— На самом деле все твои приключения вполне рядовые: отключилось электричество, такое бывает, — глубокомысленно изрек Брайан. — А в темноте, что только не привидится, тем более ты вся такая дерганная. Стоит еще учесть возможные побочные эффекты от приема таблеток, что тебе выписали. А лужа и перья...

Он пожал плечами.

— А ты уверена, что не сама... Ну... ощипала какую-нибудь птичку? — осторожно поинтересовался мой друг, пытаясь изобразить улыбочку. Понятно, хотел пошутить, разрядить обстановку. Но мне в тот момент чувство юмора отказало.

— Это ты так умничаешь, да? — вырвалось у меня. — И откуда же я взяла эту "птичку"? Поймала, превратившись ночью в Женщину-кошку? К тому же, судя по размеру перьев, это точно не воробушек. Очень уж смахивает на ворону, солидную такую. Или типа того...

— Ладно, ладно, — примирительно поднял он руки. — Но если серьезно, вода могла просочиться из ванной. Кран забыла закрыть, или случайная протечка. Холодильник оттаял, в конце концов. Или ты сама что-то разлила в темноте и не заметила, — уже совершенно серьезно рассуждал Брайан.

Я кивнула, вспомнив, что ночью принимала душ.

— Угу. А перья? — вяло откликнулась я.

— Ну, может ты прогулялась во сне на улицу, куда-то наступила и перья просто... как-то... налипли на обувь, — предположил Брайан.

— То есть все-таки проще объяснить все тем, что я лунатик? — поморщилась я.

Брайан пожал плечами и осторожно предложил:

— Давай посмотрим твою обувь на всякий случай?

— Почему бы и нет, — спокойно согласилась я. Но от мысли, что снова увижу в

прихожей, меня замутило. — Иди, проверь сам, а? — выдавила я.

Брайан быстро поднялся и вышел из кухни. Он с минуту копошился в прихожей, вернулся и снова сел напротив меня.

— Ничего, — сказал он и шумно отхлебнул остывший кофе, — там только твои кроссовки и они абсолютно чистые и сухие. — Слушай, а ты утром очну... проснулась на диване? — как можно более небрежно поинтересовался Брайан.

Мы, не сговариваясь, разом поднялись со своих стульев и устремились в гостиную. Я первая подошла к дивану, на котором спала, и рывком отдернула плед. Простыня была совершенно чистой, никаких следов "грязных ног" на ней не обнаружилось. Но, судя по лицу Брайана, он бы лучше предпочел их там обнаружить, чтобы подтвердить версию о моих прогулках босиком в приступе лунатизма.

Теперь, когда наше непродолжительное "следствие" зашло в тупик, мы оба растерянно стояли, избегая смотреть друг на друга. А мне стало мерзко от того, что я вдруг почувствовала, будто втягиваю друга куда-то, куда ему совсем не нужно влезать.

Не стоило мне возвращаться сюда. Что-то неправильное притащилось за мной в родной город. Возможно, таким образом судьба подавала знаки, говоря о том, что здесь мне нет места.

Следующие четверть часа я была занята тем, что сметала и отмывала следы ночных кошмаров на полу, стараясь не разглядывать налипшие на пластик совка черные перья. В заключение полила пол в коридоре средством для мытья посуды и еще раз тщательно вымыла. Меня уже не очень заботило состояние дубового паркета, который вполне мог покоробиться от такого не деликатного с ним обхождения.

Сначала Брайан растерянно и безучастно стоял, наблюдая за моими действиями, а потом подключился и стал помогать. Он изучил электрический щиток в квартире, для верности заглянул на закрытый по-прежнему щиток на лестничной площадке. Проверил все розетки и выключатели. Долго разглядывал мой мобильник, крутя его в руках. Стоял у окна, наблюдая за улицей и сидящими на деревьях птицами, вынес пакет с мусором, в который я выкинула перья. А я продолжала чистить и мыть. За все это время мы не обмолвились ни словом, ни разу не обменялись взглядами.

Закончив, уселись рядом на диване и одновременно, наконец, посмотрели друг на друга. Сияющие глаза Брайана улыбались. Увидев в них привычную, такую знакомую светлую смешинку, а не тревогу, я испытала невероятное облегчение и улыбнулась в ответ.

— Не смотри на меня больше так, словно я сумасшедшая, и ты не знаешь как себя со мной вести, — сказала я, накрывая руку Брайана своей. — У меня ощущение, что я в процессе проверки на прочность, но все идет... сложно и неправильно. Я еще не смирилась, сопротивляюсь изменениям в моей жизни, а реальность реагирует по-своему... И пока я официально не признана чокнутой, не говори ничего Пэтти и убери эту тоску из своих глаз.

Теперь теплая ладонь Брайана легла поверх моей, он придвинулся поближе, второй рукой обнял меня за плечи и сказал:

— Пэтти я ничего говорить не стану, уж поверь. А немного чокнутой ты была всегда.

Именно это я и ожидала от него услышать, а потому хмыкнула, соглашаясь, и повернулась к другу, собираясь что-то ответить. Но не сказала ничего, потому что теплые губы Брайана, скользнув по моей щеке, накрыли мой рот и начался отсчет временному интервалу, во время которого я испытала фейерверк чувств: от изумления и смятения до восторга и невесть откуда взявшейся уверенности, что это должно было произойти. Что-то я

почувствовала сильнее, что-то лишь промелькнуло в череде эмоций, тут же сменившись другими ощущениями.

Но поцелуй был таким невероятно нежным и в то же время настойчивым, словно Брайан стремился выразить прикосновением губ больше, чем мог сказать словами.

Мое тело, откровенно говоря, отреагировало на поцелуй гораздо более... выразительно и ярко, нежели разум, который остался ясным и незамутненным. Видимо, сказывалось отсутствие сексуальной жизни последний год. Изголодавшееся по ласкам тело буквально рвалось из-под контроля разума, желая, чтобы поцелуй не кончился, и имел не только "привкус" сочувствия и желания утешить. Тело охотно отзывалось и желало продолжения.

Рассудок строго и настойчиво взывал к вероломному организму, призывая быть более сдержанным, не делать глупостей. И потом — это ведь Брайан. Он друг. В чем-то гораздо более близкий друг, чем для Пэтти, но все же.

До сего момента я и подумать о нем не могла... вот так. Да и сейчас не накручивала ли я то, чего здесь и в помине не было? Может быть, этот поцелуй действительно был просто поцелуем, не имеющим продолжения? Нежным, сочувственным, приободряющим, призванным отвлечь, переключить меня на что-то более жизненное, реальное. Своеобразная попытка друга-мужчины поддержать друга-женщину.

Но губы наши никак не могли разъединиться. В голове проносились вполне трезвые мысли, а тело сладко ныло, реагируя на близость Брайана. Объятия не стали более тесными, руки не совершали ничего, что позволило бы перейти грань, за которой могли отказать тормоза. От Брайана пахло кофе и каким-то легким парфюмом, он по-прежнему обнимал меня за плечи одной рукой, а я все так же сидела, сжимая его вторую руку.

Но мы никак не могли оторваться друг от друга. Никак. Целовались словно подростки на заднем ряду в кинотеатре, наслаждаясь теплом губ друг друга, соприкасаясь кончиками языка. Неторопливый вальс нежности, перешедший в контролируемый процесс наслаждения от поцелуев. Но когда дыхание стало сбиваться, я осторожно отстранилась от Брайана. Пару секунд не решалась взглянуть на него, и тогда он приподнял мое лицо за подбородок и прикоснулся губами к кончику моего носа, поцеловал в лоб и в итоге запечатлел почтительный поцелуй на руке.

— Не знаю, что и сказать, — проговорила я.

— А не надо ничего говорить, — ответил Брайан. — Мне давным-давно хотелось это сделать. А сейчас хочется еще больше, чем когда-либо, ведь теперь я точно знаю, каково это — целовать тебя по-настоящему, а не чмокать дружески в щечку. Не хотелось останавливаться.

Слова Брайана смутили меня больше, чем я могла представить. И что теперь? Ау, рассудок! Почему, когда ты нужен особенно, ты отключаешься и не руководишь?!

Но мой рассудок как-то притих, переваривая услышанное. Я неторопливо, чтобы это не выглядело бегством, поднялась с дивана и сказала:

— Это было... невероятно приятно, — и улыбнулась Брайану, бесстрашно глядя в его слегка затуманенные глаза, с появившимся в них чем-то, смутившим меня еще больше, чем его слова.

— И мне, откровенно говоря, основательно полегчало, — добавила я. Решительно нагнулась и поцеловала его, едва коснувшись губ. Дружески, легко, непринужденно, но невольно вложив изрядную долю нежности и еще чего-то интимного, чего не было между нами до сих пор.

— Давай прогуляемся? — предложила я.

Брайан чуть нахмурился и спросил:

— А ты в состоянии? Может тебе просто отдохнуть, выспаться?

— Чувствую себя отлично и не хочу сидеть дома, — замотала я головой.

Если честно, то я бы, пожалуй, вздремнула, но мне до тошноты не хотелось оставаться сейчас в квартире. И напугавшее до полусмерти ночное происшествие тому не единственная причина. Прямо сейчас находиться с Брайаном наедине было бы большой ошибкой.

Я быстро оделась, взяла мобильный телефон и сумочку, и мы вышли из квартиры. Закрывая дверь, я испытала невиданное облегчение, словно убежала от гнавшегося за мной дикого зверя.

Спускаясь вниз, решила нанести визит управляющему домом. Дверь нам открыли после того, как я нажала на дверной звонок третий раз и мы с Брайаном уже собрались уходить, решив, что никого нет дома. Высокий мужчина средних лет в джинсах и вязаном жилете сочного фиолетового цвета поверх синей рубашки вопросительно уставился на меня, приподняв густые темные брови. Лицо с резкими чертами, уголки плотно сжатых губ опущены.

— Простите за беспокойство. Я Хейз Макмэй, живу в квартире семьи Фоули, и я...

— Вы — новая владелица квартиры? — перебил меня мужчина. Голос его был негромким, низким, тон немного надменным, но вежливым.

— Да, — ответила я и тут же продолжила, — и мне бы хотелось узнать, не выключался ли сегодня ночью в доме свет? И как можно выяснить, исправен ли электрощиток на лестничной площадке моего этажа?

— Не знал, что в квартире миссис Фоули кто-то уже живет, — будто не слушая меня, произнес мужчина задумчиво и с явным недовольством. — А что случилось со щитком? — насторожился управляющий.

— Ночью у меня выключалось электричество в квартире. И я хотела бы узнать почему, — терпеливо пояснила я.

— В доме ничего подобного не было, во всяком случае, никто больше не жаловался, — ответил мужчина, — причина может быть в вашей квартире.

— На первый взгляд все исправно, но утверждать не могу, я ничего в этом не смыслю.

— Я могу вызвать электрика, и он все проверит, — заключил мужчина. — Сообщу вам позже.

— Спасибо. Меня это вполне устроит.

— А-а, простите, мисс, — обратился он ко мне, — как давно вы купили квартиру Фоули?

— Не купила. Эта квартира принадлежала моей бабушке, и я ее унаследовала, — ответила я.

Мужчина вскинул брови, о чем-то задумался на миг, затем окинул меня взглядом сверху вниз и сказал:

— Что ж, понятно. Всего доброго, мисс, — и... захлопнул дверь.

Мы с Брайаном оторопело постояли перед внезапно закрывшейся дверью, обменялись удивленными взглядами и двинулись вниз по лестнице.

— Какой любезный управляющий, — сказал мой друг на улице.

— Да уж, — согласилась я, — только бы электрика не забыл вызвать. Куда пойдем?

Мой взгляд невольно остановился на вороне, которая вперевалку шествовала

неподалеку, подбираясь к большой чугунной урне. Урна являлась скорее декоративным элементом, нежели выполняла свое прямое назначение. Насколько я обратила внимание, никто никогда в эту урну мусор не выбрасывал, но ворона, видимо, была осведомлена о предназначении предмета и желала самолично убедиться в том, что там ничего полезного для нее нет.

Кажется, эти птицы, и раньше не вызывавшие у меня симпатии, отныне навечно занесены в список того, что способно одним своим видом ввергнуть меня в нервную дрожь и отвращение.

— А куда бы ты хотела пойти? — спросил Брайан, невольно проследив глазами за траекторией, по которой метался мой взгляд.

Я встрепенулась и, почти не задумываясь, ответила:

— Пошли куда-нибудь, куда глаза глядят. Хочу вытрясти из головы все эти ночные кошмары. Мне требуются положительные впечатления. Можешь мне их обеспечить?

— Запросто, — уверенно ответил Брайан.

Его удивительные, яркие глаза радостно блеснули, рукой он обнял меня за талию и слегка притянул к себе.

— Начнем с прогулки в одно интересное и занятное местечко. Заодно познакомлю тебя с хорошим человеком, — говорил Брайан, одновременно увлекая меня за собой в сторону центра города. — Знакомство, кстати, весьма в тему придется, — неожиданно хохотнул он.

— В какую еще тему? — насторожилась я.

— На тему странностей всяких. Сказки любишь?

— Исключительно в виде книжек, мультиков или кино. Наяву предпочитаю понятные, пусть даже и скучные, но объяснимые вещи.

— Ты прямо как про меня сказала, — пошутил Брайан, — я весь из себя понятный и вполне объяснимый, а иногда бываю скучным. Но не сегодня.

Шутка друга смутила меня, и даже сквозь одежду я почувствовала тепло его руки, обнимавшей меня. Губы стало покалывать, когда я вспомнила наш недавний поцелуй.

Глава 9

Мы неспешно добрались до центра и вышли на площадь Старого города, где располагался Королевский Театр, Ратуша и самые лучшие магазины и рестораны. Брайан свернул в один из узких переулков, лучами расходящимися от площади. Здесь, в старых зданиях, почти каждое окно первого этажа являлось витриной какого-нибудь магазинчика.

Немногочисленные прохожие неспешно шагали по брусчатке узких тротуаров. Мы прошли лавочку букиниста, пекарню, откуда вкусно пахло ванилью и корицей, оставили позади крошечный магазин оптики, с выставленным в узкой витрине старинным телескопом, направленным в небо. Миновали магазинчик с винтажными вещами, вроде кружевных зонтиков, шляпок, украшенных лентами и цветами, узорчатых бонбоньерок и шкатулок. Я крутила головой по сторонам, разглядывала и чувствовала себя туристкой, наугад бродившей в чужом городе.

Брайан слегка сбавил шаг, давая мне возможность осмотреться, но продолжал настойчиво увлекать куда-то, а мне оставалось только послушно переставлять ноги.

Остановились мы перед массивной дверью из темного дерева с узким витражом посередине. Витраж украшал яркий, традиционный для наших мест узор из переплетенных линий. Брайан потянул тяжелую дверь на себя. Звякнул колокольчик, извещая кого-то внутри о нашем визите, и мы шагнули в пахнущее воском и чем-то пряным помещение, равномерно залитое мягким светом потолочных светильников.

Я огляделась: похоже на сувенирную лавочку, которую можно встретить в любом городе, где ошалевшие туристы склонны скупать любую чепуху с акцентом на местный колорит. Кругом открытые и закрытые стеклом витрины и полочки, где размещались подсвечники, брелоки и подвески на шнурах и цепочках, браслеты, кольца, чаши, шкатулки и фигурки из дерева и металла с этническими мотивами, вроде того, что украшал витраж на входной двери и еще много всякой всячины.

Слева от входа располагался широкий прилавок такого же старого и темного дерева, из которого была сделана и дверь. Посередине прилавка глянцевый, отполированный прикосновениями рук продавца и покупателей, а по краям более шероховатый и матовый. На поверхности одиноко стоит колокольчик, к ручке которого привязана веревочка, уходившая вторым своим концом куда-то под столешницу.

По ту сторону прилавка, под полками с товарами, располагался старинный кассовый аппарат (или искусно стилизованный под старинный), а рядом в подставке из потемневшей бронзы дымилась ароматическая палочка, источая приятный, ненавязчивый аромат. Эзотерическая загадочность магазинчика прекрасно уживалась с современными технологиями: на стене в углу под самым потолком закреплена видеокамера, следившая за всем, что происходило в отсутствие продавца красным подмигивающим "глазком".

Брайан подтолкнул меня к прилавку поближе, схватил стоящий на нем колокольчик и энергично потряс. Никто не торопился выходить на звонок, но вскоре зашевелились тяжелые зеленые портьеры справа от прилавка, и из-за них выскользнула миниатюрная фигурка, приближаясь к нам. Женщина неопределенного возраста, маленькая и хрупкая, как девочка-подросток, с темными, ровно подстриженными до подбородка волосами. Она остановилась за прилавком, внимательно глядя на Брайана, и на её лице заиграла приятная улыбка.

— Эвлинн! Я уж думал, вы превратили свою лавочку в магазин самообслуживания: на дверной звонок никто не реагирует, заходи и бери, что хочешь, — воскликнул Брайан. — Ты сегодня одна здесь?

— Одна, — проговорила женщина, — здравствуй, дорогой, очень рада видеть тебя, — тепло добавила она и маленькой узкой ладошкой похлопала Брайана по руке, которой он опирался о темную поверхность прилавка.

— А где твой трудолюбивый муженек? — улыбаясь в ответ, расспрашивал ее мой друг.

— Трудится, как и положено трудолюбивому муженьку, — пожалала худенькими плечами Эвлинн, — а я здесь и одна справляюсь с наплывом посетителей.

И она рассмеялась коротким, искристым смехом. У Эвлинн странные глаза — очень и очень темные, такие темные, что радужка и зрачок сливались до эффекта непроницаемой, демонической глубины. И эти глаза сейчас внимательно изучали меня. А я смотрела на нее и пыталась прикинуть, сколько ей лет. Женщина была миниатюрной, с аккуратным кукольным, большеглазым личиком, но вокруг рта и под глазами прорезывались заметные морщины, особенно, когда она улыбалась.

— А это Хейз, — представил меня Брайан, и я чуть расслабилась, когда темный взгляд Эвлинн смягчился теплотой ее приветливой улыбки.

— Хейз? Та самая? — она прищурилась.

«Та самая»? Я вопросительно посмотрела на Брайана и, кажется, он немного смутился.

— Я...упоминал о тебе, — коротко пояснил молодой человек, повернувшись ко мне, и добавил, — о том, что мы друзья с детства.

— Рада познакомиться, — проговорила женщина, протягивая мне руку.

Мы обменялись рукопожатием, оказавшимся теплым и крепким. Но пальчики Эвлинн были такие тонкие, что мне показалось, будто яжимаю стебельки цветов.

— Я тоже рада знакомству, — вежливо ответила я.

Зачем Брайан затащил меня в эту сувенирную лавочку? Не для того же, чтобы после ночи кошмаров слоняться среди полок с никому не нужными поделками, подобные которым можно приобрести в любом киоске на пристани нашего города?!

— Итак, что бы вы хотели? — поинтересовалась Эвлинн, переводя взгляд с Брайана на меня и обратно.

Я, было, уже собралась выпалить, что «ничего не хотели, просто зашли посмотреть», как Брайан меня опередил:

— Мы бы хотели одну из твоих безделушек. Ну, из этих, особенных, — он пошевелил пальцами в воздухе.

— Они все особенные, — строго заявила Эвлинн и тут же смягчилась. — Для кого предназначается «безделушка»?

— Для Хейз, — Брайан кивнул на меня.

Первым моим порывом было вежливо протестовать. Не нужны мне никакие безделушки! Но я сдержалась, а потом мне стало даже любопытно.

Эвлинн посмотрела на меня так, как смотрят парикмахеры-стилисты, когда прикидывают, какую стрижку лучше сделать. Я открыто и спокойно глядела на нее в ответ и, кажется, знакомой Брайана это пришлось по душе.

Какое-то время хозяйка магазинчика разглядывала меня, чуть сдвинув тонкие, короткие, точно кукольные, бровки. Потом развернулась и молча удалилась, снова исчезая за зелеными портьерами.

В ответ на мой недоумевающий взгляд Брайан приложил палец к губам и успокаивающе похлопал меня по плечу, но пояснить ничего не потрудился.

Эвлинн вернулась довольно скоро, неся что-то в руках. Поставила на прилавок обтянутую потертой и облупившейся коричневой кожей коробочку, и открыла ее, проговорив:

— Здесь есть кое-что, что мы можем посмотреть для начала.

Она извлекла из коробки и подняла на уровень глаз подвеску-медальон на черном кожаном шнурке. Амулет или что-то наподобие, овальной формы, довольно большой, из неизвестного металла с червлением. Амулет украшала выпуклая переплетающаяся вязь традиционных узоров. Грубовато и не очень симпатично, скорее мужское украшение, не дамское. Я сроду подобное не носила и не собираюсь. Недоумение отразилось у меня на лице, и Эвлинн заметила это.

— Да, на первый взгляд особой красотой и изяществом эта вещь не отличается, — подтвердила она мои мысли, чем смутила немного, — но у нее другое предназначение, Хейз.

Она поднесла амулет поближе к моим глазам.

— Подвеска довольно старая, создал ее мой дядя. Его уже нет в живых сейчас. Он был... интересным человеком, верил в учение друидов, соблюдал некоторые обряды. И изучал все, что с этим связано. Он не имел никаких навыков в технике работы с металлом и ювелирике*, когда начал изготавливать вот такие вещицы. Учился всему сам, с нуля, создавал изделия по наитию и раздаривал друзьям и родным, как талисманы. Мы долго воспринимали это как причуду, не особо вдаваясь в смысл его подарков. А смысл у них, несомненно, есть. И у каждой такой поделки — свой. — Эвлинн оперлась локтями о прилавок и, положив кулон на ладонь, продолжила, — вот, приглядитесь. Амулет украшен особым, неповторимым узором. Он, может быть, выглядит грубоватым, слишком традиционным и ничем не примечательный, но это не совсем так. Узор составлен индивидуально и вмещает в себя довольно сложное переплетение разных символов.

Я пригляделась и сначала не увидела никакой "индивидуальности". В самом деле, узоры использовались традиционные, весь рисунок состоял из множества элементов, которые самым невероятным образом соединялись и переплетались между собой, образуя самый сложный замкнутый орнамент. Выполнен кулон довольно кустарно, но если это делал человек, самостоятельно изучивший искусство филиграни, или как там еще эта техника называется, то работа мастера-изготовителя не могла не вызвать искреннее уважение.

Пока я разглядывала амулет, лежащий на бледной ладошке Эвлинн, все хранили молчание, а я и не заметила, как погрузилась в увлекательное созерцание. Различила традиционные узлы и завитушки, а среди символов узнала изображения растений и птиц. И все это искусно сплеталось и гармонично перетекало одно в другое. Через несколько мгновений я уже не могла не восхищаться этой работой, казавшейся мне теперь фантастически сложной в исполнении, и я даже перестала замечать отсутствие утонченности и заметные глазу шероховатости.

— Да-аа, в самом деле, орнамент просто завораживает, — проговорила я, не в состоянии оторвать взгляда от слабо поблескивающего овала, лежащего на ладони Эвлинн.

— Я очень рада, что вы заметили именно то, что нужно: эта работа не штамповка какая-нибудь, — с гордостью отметила женщина, — это настоящее искусство. И даже магия, если хотите.

— А сколько это стоит? — робея отчего-то, спросила я тихо. Хотя совсем не собиралась

интересоваться ценой.

Эвлинн не ответила мне, бережно положила амулет в коробочку и направилась к нам. Она вышла из-за прилавка, приблизилась к двери магазинчика, перевернула табличку надписью «закрыто», перевесила ее на ручку со стороны улицы и закрыла дверь на замок. Прodelав все это весьма неторопливо, женщина сказала.

— А пойдемте-ка, выпьем чаю в нашем закутке, — Эвлинн, не останавливаясь, прошла мимо нас, по пути приветливо махнула рукой, приглашая за собой, и добавила, — у меня есть свеженький кекс с цукатами.

— М-мммм, это кстати, — чуть ли не облизнулся Брайан, и мне показалось, что он сейчас заулыбается, как Чеширский кот. — Кексы Эвлинн — это нечто необыкновенное, уж поверь, — добавил он, обращаясь ко мне,

Я поверила, почему бы и нет, и снова ощутила его руку у себя на талии. Он настойчиво повлек меня следом за Эвлинн, куда-то за зеленые портьеры.

Спустя время мы сидели за крошечным столиком в тесном помещении с единственным окном, выходящим на узкий, темный проулок. Хозяева оборудовали здесь нечто вроде подсобки и кабинета. На стеллажах, укрепленных на одной стене до самого потолка, расставлено множество картонных коробок. Полки частично занавешены полотняной тканью, которая и отделяла «склад» от прочего пространства. Здесь стоял потертый двухместный диванчик с маленькой подушкой и аккуратно сложенным пледом, столик, за которым мы сейчас и разместились втроем и старый буфет, с размещенными на нем микроволновкой и чайником.

Еще одна узенькая дверь в углу вела в санузел, который я посетила перед тем, как сесть за стол и начать чаевничать. Посмотрев в зеркало над раковиной, с удивлением и удовлетворением обнаружила, что не выгляжу испуганной или измученной после ночи кошмаров.

В комнатухе тихо и тесно, свет приглушенный, рассеянный, но мне здесь нравилось все больше и больше с каждой минутой. А когда я откусила первый кусочек золотистого кекса, то чуть не заурчала от удовольствия — и правда необыкновенно вкусно.

А дальше потек разговор, сначала ни о чем конкретном, а потом я очнулась от того, что рассказываю Эвлинн историю своей жизни. Правда в сжатой форме и без подробностей, но все же на меня совсем не похоже, чтобы я откровенничала с совершенно незнакомым человеком. Справедливости ради надо заметить, что получилась вовсе не моя единоличная "исповедь", а скорее ненавязчивая, дружеская беседа, в которой участвовали все, сидящие за столом.

Брайан недвусмысленно дал понять, что ужасно скучает по маленькой дочке, а Эвлинн вкратце рассказала о своей семье: муж Питер, совладелец магазинчика, «чрезмерно» увлекающийся морскими прогулками на издавшей виды моторке, двое взрослых детей, сын и дочь. Талантливый загадочный дядя-самоучка, семейные традиции, отдаленная и оставшаяся мне непонятной степень родства с Брайаном.

Тут я вспомнила, что Эвлинн так и не ответила, сколько же стоит медальон, который она показала, и решила вопрос повторить.

— Мне бы хотелось приобрести тот медальон, — обратилась я к женщине, — а вы так и не назвали его цену.

Она чуть склонила голову набок.

— Нет у него цены, Хейз, — ответила Эвлинн. — Эти изделия мы не продаем. Мы из

меняем на что-то или дарим родным и близким нам людям. Иногда они возвращаются от владельцев обратно на хранение.

Так, понятно. Кажется, мы имеем дело со странностью, выдаваемую за «семейную традицию». Или что-то типа «получишь, что хочешь, если отдашь то, о чем не знаешь». Что ж, можно поиграть в эту игру. Азарт мой поутих, когда я прикинула, что к друзьям и близким не отношусь, а выменять медальон мне не на что. Разве только...

Я покосилась на свою руку, на которой было надето кольцо, некогда подаренное мне бывшим мужем. Крупное и тяжелое серебряное изделие с голубым топазом. Кольцо это очень и очень нравилось мне, и я не смогла расстаться с ним так же, как рассталась с мужем и дорогим обручальным кольцом. Это кольцо я носила постоянно, практически не снимая. Почему сейчас готова была обменять его на дешевую, грубоватую поделку?

Заметив мое замешательство, Эвлинн слегка нахмурилась, словно раздумывала о чем-то, потом поднялась и исчезла за моей спиной, а через мгновение вернулась, и на столе снова стояла коробка, обтянутая старой кожей. Владелица магазинчика открыла ее, стала что-то там перебирать, но что именно она перебирала, я видеть не могла — вертикально стоящая крышка скрывала содержимое коробки.

— Если вас на самом деле заинтересовали изделия моего дяди, то, пожалуй, вот, — и Эвлинн извлекла еще один медальон. Она положила его передо мной и продолжила, — этот подойдет именно вам.

— Почему? — не задумываясь, спросила я. — Почему именно этот и мне?

Амулет круглой формы, чуть меньше прежнего, но утолщенный, потому что представлял собой медальон с крышкой, вроде тех, внутри которых можно хранить фотографию или прядь волос. Я смотрела на подвеску и поначалу видела все те же сплетенные линии, узлы и изгибы на его поверхности. Потом поднесла руку и вопросительно посмотрела на Эвлинн, прося безмолвного разрешения. Она ободряюще кивнула.

— Конечно, возьмите, рассмотрите хорошенько. Это интересная вещица. Дядя ее сделал очень и очень давно. Он хотел ее подарить одной женщине, но так и не подарил. И как позднее выяснилось, очень зря.

Эвлинн тихо усмехнулась и немного грустно добавила:

— Знаете, мне кажется, что в этом медальоне, внутри его, до сих пор заключено то, что мой дядя не смог или не осмелился выразить словами. Словно вещица, не выполнив своего предназначения, затаилась, сохраняя что-то в себе до поры до времени.

Брайан после этих слов Эвлинн заерзал на стуле, кашлянул, а когда я коротко посмотрела на него, сделал вид, что не заметил моего взгляда и продолжил смотреть на амулет, лежащий на столе.

Я взяла медальон в руки и стала рассматривать.

Крышка украшена замкнутым в круг узором. Среди узелков, завитушек и спиралей различимы растительные мотивы и миндалевидные петли, соединенные в узор по три вместе. Сложный орнамент, и все его детали снова идеально и гармонично сплетаются и перетекают один в другой. Я перевернула медальон крышкой вниз. На обратной стороне нанесен растительный узор, замкнутый в неширокое кольцо, на которое сверху наложены две параллельные стрелы с направленными в разные стороны наконечниками. Наконечники представляли собой треугольники, в которые вписаны трискели**.

Все эти спирали, листья и завитки меня практически загипнотизировали, и я все

разглядывала и разглядывала их, поворачивая медальон то одной, то другой стороной.

— Удивительная работа, — искренне сказала я. — Узор такой сложный. А что это все означает? Есть какое-то значение у всех этих символов?

— Безусловно, — откликнулась Эвлинн. — Мы давно уже занимаемся этим небольшим бизнесом и продаем подобные вещицы. И на них тоже нанесен похожий узор, который, к сожалению, стал расхожим и утратил свое первоначальное значения, став просто стилизованным ширпотребом. Но в этих работах все приобретает подлинный «смысл».

Женщина подалась немного ближе ко мне, положив локти на стол:

— Вот смотрите: эти изящные тонкие веточки — это вереск, — Эвлинн указала тонким пальчиком на сплетение узоров на крышке медальона, — вереск являлся символом любви. Увидеть его во сне предвещало целую череду удач и радостей. Считалось, что это растение несет утешение и наслаждение. Помните:

" Из вереска напиток забыт давным-давно,
А был он слаще меда, пьянее, чем вино..."

Кстати, вереск имеет и четкую календарную привязку — ко дню летнего солнцестояния, 21 июня. Вот эти тройные петли — символ единства трех стихий, огня, воды и воздуха. А на обратной стороне вы видите круг и стрелы. Здесь все немного не традиционно. Стрела — символ рунический. Она означает ветер и олицетворяет внутреннюю силу, высшее, магическое понимание чего-либо. На медальоне две стрелы и здесь они являются частью сигиллы друидов.

Поймав мой вопросительный взгляд, Эвлинн пояснила:

— Сигилла друидов — это древний символ, круг, перечеркнутый двумя параллельными линиями. Здесь круг выполнен из сплетения веток дуба и вереска и перечеркнут не просто линиями, а двумя стрелами. Почему так, я сказать затрудняюсь. Жаль, что нельзя узнать у дяди, что он имел в виду, создавая этот рисунок.

— А открыть медальон можно? — спросила я.

— Конечно. Он открывается... — Эвлинн не успела договорить, а я уже нажала слегка выступающий на ребре крошечный замочек, медальон едва слышно щелкнул и открылся.

Внутри он был пуст, но явно рассчитан на то, чтобы в нем что-то хранили.

— Ожидала увидеть здесь пожелтевший портрет возлюбленной вашего дяди, — проговорила я.

— Дядя этот медальон изготовил не для себя. И что там хранила бы его возлюбленная, получи она этот подарок, осталось загадкой навсегда, — отозвалась женщина. — Но вы можете хранить там все, что сочтете нужным и важным.

— Так я могу его купить? — встрепенулась я.

— Нет же, Хейз, не можете! — воскликнула Эвлинн, вздергивая брови и округляя и без того большие глаза. — Говорю же, он не продается. Но я могу его отдать вам взамен чего-то. Понимаете, в нашей семье верят, что эти дядины амулеты нельзя продавать, они тогда утрачивают свою силу, значение и становятся просто поделками. Их можно только поменять на что-то или подарить тому, кому вы пожелаете. Я вас совсем не знаю и потому, уж извините, не могу его подарить.

Я сдержала вызванный досадой вздох. Семейные традиции нарушать не стоило, какими бы чудными они не казались. И с этим ничего не поделаешь.

— Понимаю, — ответила я.

Очуметь можно, но, кажется, я и правда что-то такое начинала понимать. Или попросту

потихоньку теряла остатки здравого смысла. Так или иначе, но здравый смысл сейчас бездействовал и хранил молчание, будто откуда-то из глубин моего существа с любопытством наблюдал за происходящим.

А я, поддавшись порыву, стянула с пальца кольцо и положила его на стол перед Эвлинн.
— Вот. Это подойдет для обмена?

Кажется, я точно немного чокнулась: готова отдать красивое дорогое кольцо авторской работы за кустарную поделку. Но назад пути уже не было.

— Голубой топаз, — задумчиво проговорила Эвлинн, беря кольцо в руку, — хм... Знаете, что эти камни считаются разрушителями семьи? Они не терпят лжи и выводят на чистую воду любую неправду. Поднимают со дна все, что до поры до времени затаено. А еще топаз способен дать импульс интуиции, даже предвидению, подвигнуть на какой-то невероятный шаг.

— Ну, вот и будем считать, что это кольцо свое предназначение выполнило, — усмехнулась я невесело, — семья уже развалилась. А интуиция подсказывает мне, что от кольца надо избавиться и использовать его в качестве обмена на этот медальон.

— В таком случае медальон ваш, — Эвлинн протянула мне амулет, держа его за шнурок. — И не надо кольца. Берите медальон в качестве подарка от меня.

Я удивленно уставилась на нее. А Брайан, все это время хранивший молчание, одобрительно хмыкнул.

— Нет, Эвлинн, — возразила решительно, — спасибо вам, конечно, огромное, но я так не могу...

— Можете и должны, — не менее решительно отрезала женщина, — берите его, Хейз, и пусть он поможет вам, придаст сил, укажет путь. Или сослужит добрую службу в каком-то сложном деле. То, что вы готовы отдать за этот медальон такую дорогую и явно симпатичную вам вещь, говорит о многом.

— О чем же? — спросила я и подумала: «Наверное, это наглядно демонстрирует, какая я дура».

— Лично мне это говорит о том, что вы готовы расстаться с прошлым и не боитесь смотреть вперед, в будущее, — ответила Эвлинн. — Просто иногда, чтобы это понять, нам нужен какой-то знак. Вот этот медальон может быть таким знаком. Он реальный и он только для вас. А кольцо... Сами решайте, что с ним делать.

Она взяла кольцо и вложила мне его в руку, сжав пальцы.

Я, кажется, сидела со слегка пришибленным видом, когда Эвлинн поднялась со своего стула и надела медальон мне на шею. Я ощутила его тяжесть и накрыла амулет ладонью. Металл мгновенно согрелся от тепла руки...

Кольцо я надевать не стала, просто сунула его в карман джинсов.

***

— Странный получился визит. Эзотерический, — сказал Брайан, когда мы вышли из магазинчика Эвлинн, — даже не ожидал.

— Да уж, но кекс был вполне реалистичный и обалденно вкусный. Послушай, Брайан, а у тебя есть какой-нибудь амулет "дядюшкиного изготовления"? — вдруг спросила я.

— Был, но я его подарил.

— Кому, если не секрет? — продолжила приставать я.

Наверное, раньше я бы не стала задавать много вопросов на эту тему, но раз уж Брайан затащил меня в этот чудной магазинчик, пусть расскажет свою историю про «особенный»

медальон. Мне не хотелось осознавать себя единственной обладательницей сомнительного амулета, да еще такого, за которого я чуть не заключила сделку в духе «полцарства за коня». Пока мы не спеша шагали в направлении центра, я мысленно кляла себя за нелепое поведение.

— Я отдал его дочери, — ответил Брайан.

— Да она же у тебя совсем малышка еще! — воскликнула я невольно. — Зачем он ей?

— Она вырастет, и эта штукавина будет ее оберегать, — Брайан сказал это так серьезно, что я даже остановилась и внимательно посмотрела на друга. Но выражение лица Брайана соответствовало тону его голоса.

— Ты действительно в это веришь? — мне все казалось, что Брайан шутит.

— Хочу в это верить. Почему бы и нет, — хмыкнул он и пожал плечами. — Мне хочется верить, что есть что-то в этом мире, что мы мало понимаем, но к чему стоит относиться с уважением. И потом, надо иногда верить во что-то такое, необъяснимое...

Наверное, так оно и есть. «Чем-то таким» может стать вовремя сказанное слово, неожиданная встреча или полученная в дар от незнакомого человека безделушка «со смыслом». Не так много порой и нужно, чтобы можно было ухватиться за что-то в момент, когда зависнешь в пустоте, не зная, что делать...

— Может ты и прав, — согласилась я, и мы снова зашагали вперед. — Кстати, куда мы идем?

— Вперед, — и Брайан вскинул руку, указывая путь. — Просто погуляем по городу, а потом зайдем перекусить. Хотя есть и не особо хочется, я еще чувствую вкус кекса Эвлинн.

— Кто она тебе, эта Эвлинн? Я так и не поняла, родственники вы или нет?

— Они с мужем родственники моей бывшей, — улыбнулся Брайан. — С женой мы разбежались, а с Эвлинн и ее мужем Питером я дружу до сих пор. И с их сыном тоже.

— А с их дочерью?

— Общаюсь иногда, когда приходится. Я ей всегда не особо нравился, — коротко ответил Брайан.

— Может наоборот? Чересчур нравился? — зачем-то сказала я и тут же пожалела об этом, увидев, как напряглась челюсть друга.

Но он только отмахнулся:

— Это вряд ли. Но они все замечательные люди, и в нашем с Лизой браке были на моей стороне, между прочим.

— И как к вашей дружбе относится твоя бывшая?

— Она считает Эвлинн и Питера чудаковатыми. Однажды сказала мне, что понимает, почему они всегда симпатизировали мне, хитро улыбнулся мой друг. — Заявила, что я недалеко от них ушел.

И он для наглядности постучал себя пальцем по лбу.

Я шагала рядом с Брайаном и мысли в моей голове путались, а обрывки воспоминаний далекого и совсем недавнего прошлого вспыхивали разрозненными картинками, сменяя одна другую, как рисунки в калейдоскопе.

Рука Брайна легла мне на плечи, он притянул меня к себе, остановился и, наклонившись к моему лицу, поцеловал в губы. Лишь легким прикосновением был этот поцелуй и ничем большим, и я ответила ему таким же легким и невесомым касанием губ...

---

*ювелирика — результат и процесс творчества художников-ювелиров, а также вся

совокупность созданных ими предметов и произведений ювелирного искусства.

**Трискель — (в переводе с греческого «треножник») — древний символ, который был известен у крито-микенцев, этрусков, кельтов, японцев, обитателей Центральной Азии. Представляет собой три изогнутые линии, исходящие из одного центра.

Глава 10

Брайан отвез меня домой, когда уже стемнело. Мы нагулялись так, что мои ноги гудели, а голова начала кружиться от обилия впечатлений и свежего весеннего воздуха.

Два прекрасных закатных часа мы провели, сидя в открытом ресторанчике, расположенном в районе гавани. Все это время телефон Брайана то и дело давал о себе знать приглушенными сигналами вызова, но мой друг сбрасывал звонки, так ни разу и не ответив.

Поглощая вкуснейшие блюда из самых свежих морепродуктов, я не рассчитала свои силы и лишь когда почувствовала, что живот начинает напирать над поясом джинсов, с сожалением отодвинула свою так и недоеденную порцию.

Если мой аппетит был хорошим, то аппетит Брайана оказался просто богатырским. Удивительно, что в такое стройное, поджарое тело, как у него могло поместиться столько еды.

Волшебные впечатления уходящего дня развеяли без следа все тревоги минувшей ночи, заставили забыть обо всем, и за это я была искренне благодарна другу. И оказалось, что домой возвращаться после столь насыщено проведенного дня особенно приятно.

Брайан не стал подниматься ко мне, лишь довел до парадного, по-дружески чмокнул в щеку у двери и сразу ушел, махнув на прощанье рукой. Признаться, я одновременно испытала облегчение и легкое разочарование.

В двери своей квартиры я обнаружила аккуратно сложенную записку от управляющего домом, в которой он любезно извещал, что электрик придет завтра в 11 утра, и если это время меня устраивает, то просил подтвердить свое согласие, что я сразу же и сделала, спустившись к управляющему.

Оказавшись, наконец, в стенах своей квартиры, торопливо стянула джинсы, пояс которых врезался в мой сытый животик, и переделалась в домашнюю одежду — футболку и свободные пижамные брюки с рисунком из крупных глазастых божьих коровок. Штаны смотрелись немного нелепо, но забавно, были удобными и очень мне нравились.

Поклявшись больше никогда не обжираться, я мешком рухнула на диван и включила телевизор. Кажется, задремала, и вострепелась, когда раздался звонок телефона. Звонила Пэтти:

— Целый день прохлаждаешься с Брайаном? — спросила она, не поздоровавшись.

Тон ее неприятно удивил, но я спокойно ответила:

— Прохлаждаюсь. Привет, дорогая.

Пэтти проигнорировала приветствие и продолжила все тем же тоном:

— Послезавтра приезжает Кейран. Ты что-то уже решила?

— Прости, какой Кейран? — я, в самом деле, не понимала о ком идет речь.

— Тот самый, который хочет твою квартиру купить, — Пэтти была явно раздражена. — Так ты приняла решение?

— Приняла, — твердо ответила я, — квартиру не продаю. А вопрос с финансами решу иным способом.

Патриция помолчала, сердито и неодобрительно сопя.

— Конечно, как знаешь. Не забудь только сообщить фотографу свое решение и отдать ключи от его домика, — наставительно проговорила она, словно беседовала с непослушным

ребенком. — И уж найди время встретиться с ним.

От голоса Пэтти, в котором слышалось язвительность непонятной природы, мне стало особенно неуютно.

— Конечно, я встречусь с ним. Можешь так ему и передать.

— С чего-то вдруг я должна что-то ему передавать! — взвилась Пэтти. — Сама всё ему и скажи. Ты вообще была не рада, когда я его тебе «сосватала» как покупателя. Всё, больше не вмешиваюсь. Просто напоминаю, поскольку приняла невольное участие. Он тебе дал свой телефон?

— Да, у меня есть его визитка.

— Вот и звони сама. И не откладывай.

Пэтти снова умолкла, но трубку не положила, словно ждала от меня чего-то.

— Пэт, а чего ты такая свирепая? — осторожно поинтересовалась я.

— Не свирепая, — раздался вдруг ставший усталым и печальным, голос подруги, — просто... Не обращай внимания. Может, у меня ПМС, — добавила она, невесело хмыкнув.

— Я так и подумала, — коротко отозвалась я.

Но на самом деле я подумала совсем другое. Догадка ничем не подтвержденная, а спрашивать саму Пэтти я ни о чем не собиралась, но дело явно было в Брайане.

Точнее, во мне и Брайане.

Разговор дальше не задался, и мы сдержанно распрощались.

Я долго еще держала телефон в руке, борясь с желанием перезвонить подруге и пообщаться в ином тоне, более нам свойственном — легком, теплом, непринужденном. Хотелось разогнать неприятную мусть, оставшуюся после разговора. Между нами что-то возникло, как ухаб на ровной дороге, который сразу не объедешь и не разровняешь.

Стало грустно и неуютно. Пережив нелегкую полосу в своей жизни, потеряв слишком многое и став чужой для человека, с которым планировала прожить всю оставшуюся жизнь в болезни и здравии, я уже почти поверила, что, вернувшись домой, смогу залечить раны.

Но вместо этого у меня появилось стойкое чувство, словно невольно вторгаюсь в чье-то пространство, становлюсь нежеланной помехой. Вернулась туда, где меня уже никто не ждал. Я отдалилась от своих прежних друзей, и хоть мое место рядом с ними так никто и не занял, но пространство, целиком предназначенное когда-то для меня, теперь значительно сократилось. Не глупо ли было пытаться втиснуться туда снова на прежних правах?..

А кроме этого существовали и другие вопросы.

Несмотря на бодрые заявления, что я решу свои финансовые проблемы, устроившись на работу, на самом деле мои перспективы оставались весьма туманными. Я окончила Школу бизнеса в Столице, но моя специальность не была самой востребованной в нашем городке. Туризм и гостиничное дело. Нет, отелей у нас в городе, конечно, достаточно, и туризм был отнюдь не последней статьей дохода городского бюджета, но...

Но с чего-то все равно придется начинать. Завтра же составлю резюме, и вперед.

Но прямо сейчас я думала о Пэт. И о Брайане. Когда-то мы все были очень близки, и я могла с уверенностью сказать, что прекрасно знаю о настоящей дружбе не понаслышке. Мы вместе росли и наблюдали друг в друге все нелегкие этапы взросления. Вместе чудили и проказничали. Ссорились и мирились, грустили и радовались. Потом наши пути разошлись, но дружба осталась, потому что между нами не возникло никаких иных отношений. Никто из нас троих не стал по отношению в другому ни врагом, ни соперником, ни возлюбленным, что в принципе избавляло от таких серьезных помех для общения, как зависть, затаенная

ненависть и ревность. И это было замечательно и бесценно.

Но ничто не остается неизменным.

Пэт и Брайан. Неужели? Мне никогда не приходило это в голову, я ничего не замечала и ни о чем не подозревала. Не знаю, как и чем жили мои друзья прошедшие годы, но теперь один из них, совершенно определенно был сердит на меня, а второй готов был вот-вот стать чем-то большим, чем просто хорошим другом. Но может быть, я всего лишь накручиваю себя? Я вообще ничего толком не знаю, и мне совсем не хочется, чтобы все это стало еще одной проблемой.

Чудесный день оказался испорчен коротким разговором с подругой и потоком туманных размышлений и сомнений. Я медленно подошла к окну, долго смотрела на вечерний город. Огни на шпиле Ратуши подсвечивали потемневшее небо, словно доставали прямо до него и, приглядевшись, я поняла, что небо действительно стало ниже, потому что было затянуто низкими тучами. Пошел мелкий дождь. Влажные камни на мостовых блестели в свете фонарей. Окно вскоре стало мутным, по нему побежали струйки дождя, и я осознала, что делаю то, что давно не могла себе позволить.

Стою и плачу, отчаянно и неудержимо, с ощущением полного права именно сейчас предаться слезам. Но по моим щекам текли не слезы жалости к себе. Я плакала от злости и бессилия, от того, что все, желанное мною ранее, повернулось ко мне неприглядной стороной.

Я все еще сжимала телефон в руке, когда взгляд оторвался от плачущего вместе со мной весенним дождем окна, и решительно направилась к коробке возле дивана, на которой валялась сумочка.

Карточку Кейрана Уолша быстро нашла во внутреннем кармашке и набрала номер. Нажала кнопку вызова и стала ждать ответа, уставившись на свои штаны в ползающих по ним гигантских божьих коровках. Легкомысленный рисунок мягкой ткани не особенно располагал к решительному настрою, но я это успешно проигнорировала.

Низкий мужской голос ответил после пятого сигнала вызова.

— Да?

— Мистер Уолш?

В ответ раздалось все то же короткое «Да».

Я быстренько проговорила все формальности — поздоровалась, представилась, объяснила, по какому вопросу звоню. И ничего не услышала в ответ. Точнее, услышала звук, очень похожий на то, что он втянул носом воздух, словно вынырнул с большой глубины. Затем раздались слова, но тон был холодным, почти лишенным интонаций.

— Да, слушаю вас. Вы что-то решили? Продаете квартиру? — тембр голоса бархатистый, он рокотал в моих ушах усиленный динамиком.

— Простите, но нет, — заявила я.

Произошла заминка, собеседник то ли отвлекся, то ли просто не торопился отвечать. По характерному шуму на заднем плане, я поняла, что он неплохо проводил время: фоном звучали музыка, смех, голоса.

— Очень жаль. Ну, что ж, вопрос исчерпан, — соизволил ответить Уолш. — Всего доброго и спасибо, что сообщили.

Мне пришлось повысить голос, чтобы не дать ему нажать кнопку отбоя, ведь я должна была еще отдать ему ключи от его поросшей мхом хибарки. А звонить еще раз, чтобы договориться об этом не хотелось ни за что на свете.

— Мне нужно вернуть вам ключи от вашего коттеджа, — скороговоркой воскликнула я.

И снова звук, напоминавший долгий вздох. Немного невежливо так сопеть в трубку и демонстрировать нетерпение и досаду.

— Ах, да, — сказал он, — хорошо. Я возвращаюсь послезавтра утром.

Голос его дрогнул, немного просев до хрипоты. Кажется, мой собеседник отстранился от трубки, деликатно прочистив горло, затем продолжил:

— Могу заехать по дороге и забрать ключи. Если вы будете дома где-то в районе половины восьмого утра.

Ого, довольно рано! Но такой уж у него, видимо, режим существования.

— Если вам удобно заехать, то, пожалуйста, — отозвалась я, — или если хотите, могу подвести ключи вам сама в другое время.

— Мне как раз удобно будет именно послезавтра завернуть к вам по дороге. А потом у меня... — пауза, он снова слегка откашливается в сторонку, — потом вряд ли найдется другое время.

Ну и ладно, мне же лучше. Никуда не надо дергаться.

***

Утром я встала почти «просветленной».

Вчерашний разговор с Патрицией, оставивший крайне неприятный осадок в душе, теперь воспринимала как катализатор, подстегнувший меня наметить конкретный план действий.

Сначала нужно дождаться электрика и убедиться, что с проводкой в квартире все в порядке. Или наоборот не в порядке, что даже лучше, потому что многое бы тогда получило объяснение без налета чертовщины. Исключая лужи на полу в коридоре и перья. Именно эти «объекты» никак не хотели втискиваться в границы моего представления о реальности.

Но «об этом я подумаю потом»...

Затем нужно где-то раздобыть ноутбук. Составить резюме, поискать информацию — да много еще чего можно было бы делать. И хватит существовать на коробках! Пора разобрать вещи, расставить все по местам и начать жить, наконец, по-человечески.

От принятых решений сразу стало легче на душе, но в ванную я направлялась, опасливо косясь на пол в коридоре. Мало ли...

Однако на полу ничего не положенного там быть не обнаружилось.

Брайан с энтузиазмом вызвался добыть в кратчайшие сроки недорогой и вполне приличный ноутбук для меня, заявив, что знает человека, который прекрасно в этом разбирается и все сделает в лучшем виде.

Пришедший вовремя электрик тщательно проверил электрощиток в моей квартире и на лестничной клетке, поковырялся в каждой розетке в квартире. И никаких неисправностей не нашел. От этого известия стало и легче, и в то же время где-то в глубине души зашевелился мерзкий такой липкий комочек.

— Знаете, — сказал перед уходом электрик, задумчиво почесывая висок, — вообще-то дом ваш довольно старый и спрятанная в стенах проводка поизносилась. Вполне возможно, что где-то там что-то нарушилось и теперь может замыкать.

Прямо как про мою жизнь! «Где-то там что-то нарушилось и теперь замыкает...»

— И что делать в таком случае? — поинтересовалась я.

— А ничего. В вашей квартире никаких неполадок не обнаружилось, но если что-то вдруг повторится, то звоните — сразу приеду, будем думать, что делать дальше, — и он

протянул мне маленький кусочек желтоватого, шершавого картона с напечатанным темно-синим текстом — свою визитку.

Поблагодарив мастера, я поспешила закрыть за ним дверь.

Время до прихода Брайана, который должен был принести мне работоспособный лэптоп, я провела с пользой, и осталась вполне довольна собой. Во-первых, прогулялась до банка и выяснила, насколько я платежеспособна. Наличности у меня оставалось немного, на карточке было кое-что, а вот банковский счет представлял собой скорее нечто символическое. С карточки я сняла небольшую сумму, которой должно было хватить на некоторое время на самые необходимые расходы.

Затем направилась в ратушу, где получила исчерпывающую информацию о том, где искать вакансии, требующиеся городу в настоящее время. По дороге домой отоварилась в супермаркете, истратив обнадеживающе скромную сумму денег.

Войдя в квартиру, каждый уголок, которой мне хорошо знаком, впервые ощутила себя действительно дома. Пусть все так коряво складывается с моей жизни, но здесь я на своем месте. И никто этой уверенности у меня не отнимет.

Я, правда, искренне тогда так думала...

Едва я успела разложить продукты в холодильнике и на полочках кухонных шкафчиков, начала разбирать первую коробку со своими пожитками, когда в дверь позвонили.

Брайан вошел, держа под мышкой чехол с лэптопом, небрежно скинул свои шикарные изумрудно-черные Nike, одновременно целуя меня в щеку. При этом он совершенно очевидно задержался с приветственным поцелуем, скользнув по щеке губами к моим губам. Я слегка поменяла положение головы, мягко уворачиваясь от его прикосновения. Сейчас совсем не хотелось переходить снова на ту сторону отношений, которая вызывала у меня слишком много вопросов и противоречивых ощущений. Одно очевидно: Брайан мне нравился и нравилось находиться рядом с ним.

Следующие полтора часа мы и провели, сидя рядышком на диване и делая первые шаги к тому, чтобы поставить мою съехавшую на обочину жизнь обратно на твердую дорогу.

— Все. Пока хватит, — решительно сказал Брайан, закрывая крышку лэптопа, — ты так напряглась, что я прямо вижу, как под твоей черепной коробкой дымится мозг. Расслабься, в один миг работу не найти. Попозже на свежую голову еще раз просмотришь свое резюме и поищешь вакансии, а пока давай-ка отвлечись на что-нибудь другое.

— Уговорил, — я потянулась, расправляя затекшую спину. Лэптоп стоял на коробке, и сидеть перед ним на диване, сгорбившись, было совсем неудобно. — Пожалуй, продолжу разбирать свои пожитки, — сказала, поднимаясь на ноги.

У меня перехватило дыхание, когда Брайан поймал меня за локоть и решительно притянул к себе. В следующую секунду обе его руки сомкнулись у меня на талии, а голова прижалась к моему животу. Я замерла, все еще боясь дышать, и медленно положила руки на плечи Брайана.

Не знаю, какой из порывов был сильнее — отстраниться или прижать его к себе еще крепче...

— Барахло твое подождет... — приглушенно, чуть задыхаясь, проговорил Брайан.

Горячее дыхание проникло сквозь тонкий трикотаж моей футболки и щекотало кожу.

Брайан поднял на меня лицо, заглядывая в глаза. Наверное, он увидел в моем ответном взгляде то, что хотел увидеть. Не отводя глаз, потянул вниз, усаживая к себе на колени. Горячая рука оказалась у меня на затылке под волосами, вторая рука скользнула по спине.

Рот его накрыл мои губы, вжимаясь в поцелуе, сначала осторожно, медленно, затем все настойчивей.

Тело мое мгновенно откликнулось, с ходу отвергая голос рассудка, хотя и рассудок особо долго не настаивал на своих прописных истинах.

Знаю я, что он мой друг, знаю... Знаю, что переходить границы не стоит...

Нас, (во всяком случае, меня с ним), не связывает ничего, кроме дружбы. И подобный шаг может стать роковым для наших искренних отношений.

Все это я понимала. Но происходящее сейчас вдруг стало таким невозможно... заманчивым, так взволновало и взбудоражило. И было так необходимо именно теперь и здесь, что я слетела с катушек.

Нетерпеливые губы. Жаркие, тесные соприкосновения тел, блуждающие по ним руки. Смешавшееся дыхание, частое, прерывистое. И... абсолютно трезвая голова. Я все прекрасно соображала, будто даже видела саму себя со стороны. Тело сладко трепетало, по нему растекались волны истомы и возбуждения, но рассудок это не затрагивало.

Не было никакой неловкости и корявых, судорожных попыток стянуть друг с друга одежду. Я последовательно чувствовала каждое движение рук Брайана, расстегивавшего на мне блузку, не прекращая при этом целовать мое лицо и шею. Поцелуи то невесомые, то жадные и глубокие, в которых сплетались языки, рты до боли вжимались друг в друга. Иногда губы наши разъединялись, чтобы проложить влажные дорожки на разгоряченной коже подрагивающих тел.

Лежа обнаженной до пояса на диване, прижатая горячим, крепким телом мужчины к колючему пледу, я принимала ласки Брайана и отвечала ему тем же. Отвечала искренне, с желанием.

Он замер, уставившись на мою голую грудь, на его лице отразилось настоящее благоговение. перевел взгляд мне на лицо, судорожно сглотнул, и его глаза засияли. Я сама испытывала неподдельное удовольствие и от его прикосновений, и от эмоций, что вызывала у него. Я осознанно отбросила контроль, условности и правила и позволила нам зайти на эту территорию, хотя точно знала — Брайан обязательно остановится, подай я хоть намек на свое нежелание.

Но я не возражала, и он не остановился.

Он оказался очень нежным и внимательным любовником. Деликатным, осторожным. Мужчина, который щедро дарил волшебные ощущения, ничего не требуя взамен.

Точно так, как умел дружить. Разделить «одного» Брайана и «другого» в тот момент я бы не смогла...

Точно знаю, что в моем мозгу есть некий «аварийный блок», который обычно включается в особо опасные моменты, но сейчас сигнал не сработал.

Я доверилась рукам Брайана, губам, движениям тела. Меня согревало тепло его кожи и дыхания. Язык его неторопливо творил чудеса, и я плыла по волнам плотских ощущений, ни о чем не жалея, ничего не смущаясь. Просто чувствовала, просто испытывала наслаждение, пропуская всё это через себя...

Почти идеально. Никакого раскаяния, разочарования или сожаления в тот момент не случилось.

Словно прочитав мое невысказанное пожелание, Брайан не остался со мной до утра и ушел далеко за полночь, на прощанье, зацеловав меня почти до беспамятства в коридоре.

А я не сомкнула глаз до рассвета и заснула, забыв активировать будильник на своем

мобильном, чтобы не пропустить ранний визит Кейрана Уолша.

***

Кейран забрал свою машину со стоянки аэропорта и неспешно ехал по почти пустому шоссе в сторону города. Этот отрезок дороги, пролежавшей вдоль отвесного края скалы, особенно нравился ему. В ранний утренний час белесо-серое, низкое небо над океаном казалось клубами тумана, застилавшего всю линию горизонта. Ветер гнал волны, разбивавшиеся об отвесную скальную стену и взметавшие вверх мощные каскады брызг. Солоноватый запах воды смешивался с насыщенным запахом влажной весенней земли, будоражил, волновал, заставлял полной грудью вдыхать эти ароматы, пока не ощутишь легкое головокружение. Остатки сна сняло как рукой, сознание прояснилось, и тело налилось бодростью.

Он не был склонен к сентиментальным порывам, но сейчас снова (подобные мысли его уже посещали) мимолетно подумал, что эти места неизменно подпитывают его своей силой и энергией. Отчасти поэтому он не хотел никуда отсюда уезжать, отвергая порой весьма заманчивые предложения о работе.

В Столице все сложилось как нельзя удачно. О ночном происшествии в отеле у Кейрана уже почти не осталось воспоминаний. Шона еще немного хандрила, но взяла на себя хлопоты по оформлению оставшихся документов по контракту с Морин Берриган. Она убедила изрядно уставшего от презентаций и вечеринок Кейрана возвращаться домой одному, а сама решила задержаться на пару дней, чтобы закончить его дела. Шона прекрасно знала, как старательно дозировал он свое пребывание на шумных мероприятиях и всеми силами избегал излишеств публичной светской жизни. После очередного позавчерашнего фуршета Кейран сделался особенно молчаливым и хмурым, и Шона, прекрасно зная, что подобные перемены в ее возлюбленном случаются, с радостью вызвалась избавить его от хлопот.

Кейран вернулся в родной город без Шоны, чувствуя благодарность и облегчение от мысли, что сегодняшний день проведет в одиночестве.

Дорога от аэропорта была легкой и быстрой. Теперь он совсем скоро будет дома, примет душ, позволит себе пару часов сна, и на свежую голову обдумает и переварит все, что было в Столице. Вот только надо заехать за ключами от коттеджа.

Образ хозяйки квартиры выглянул из уголка сознания и задержался перед внутренним взором Кейрана. словно выцветший, потускневший кадр, поблекший от времени. Он почти забыл ее лицо, помнил лишь волосы, очень длинные, схваченные на затылке в хвост и взгляд настороженных глаз, зеленых, как оливки.

Погрузившись в мысли, Кейран не заметил, как проделал остаток пути и вскоре уже парковался у ее дома.

Реагировать на звонок в дверь никто не торопился. Конечно, час ранний, но они ведь договорились, что он заедет именно в это время.

Наконец, дверь отворилась, и перед ним возникла хозяйка квартиры с явным недоумением и даже растерянностью на заспанном лице. Она сначала воззрилась на раннего гостя из-под прядей упавших на лицо темных взлохмаченных волос, затем молча сделала приглашающий жест, и отступила, пропуская его.

— Прошу прощения, но мы договаривались именно на это время, — сказал Кейран.

— Да, договаривались, — немного растерянно проговорила девушка. Голос хрипловатый, на щеках легкий румянец то ли со сна, то ли от неловкости.

Она замерла на миг, запустив пятерню в спутанные волосы и словно что-то пытаюсь сообразить.

— Подождите, пожалуйста. Я принесу ваши ключи. — Развернулась и удалилась в комнату.

Воздух в коридоре слегка качнулся, словно откуда-то донеслось дуновение легчайшего ветерка, и Кейран снова уловил тот знакомый аромат. Тонкий, волнующий, сладковато-медовый.

Откуда он знает этот запах? Почему-то возникла ассоциация с теплым летним днем, какой-то безмятежностью, чем-то давно забытым, но важным и ценным... Кажется, так пахнут мелкие разноцветные цветочки, которые очень любят высаживать летом на городских клумбах и в пригородных садах. Их запах чувствуется на расстоянии. Как же они называются, эти цветы?

Размышляя неспешно, Кейран скользнул взглядом по дубовому паркету, лепнине под потолком, высоким дверным проемам. Красота, вечная классика. Требуется забота и бережный ремонт, и эта красота будет радовать еще очень долго. Но, видно, не его. Прощай, прощай мечта занять собственное уютное гнездышко в центре города!

В дверном проеме, ведущем в комнату, то и дело мелькала хозяйка квартиры. В каких-то нелепых штанах в гигантских красных букашках она беспорядочно сновала по комнате. На миг исчезла из его поля зрения, затем раздался звук открываемой молнии, шорох и звон ключей, и девушка снова вышла в коридор.

— Вот, возьмите, — она протянула ключи, и в ее хриловатом голосе чувствовалось явное облегчение. — Извините, что напрягла вас.

— Никакого напряжения, — Кейран качнул головой, — я, честно говоря, понимаю. Не знаю, какие обстоятельства подвигли вас на идею продать это жилище, но сам бы я тоже тысячу раз подумал, прежде чем переселиться отсюда в такой дом.

И он небрежно потряс ключами от коттеджа, держа их за металлическое кольцо.

Девушка почему-то вздрогнула и бросила на него быстрый взгляд. Во взгляде этом Кейран заметил мимолетное замешательство, и, кажется, раздражение. Возникла неловкая пауза, во время которой молодой человек позволил себе еще раз скользнуть прощальным взглядом по структурному рисунку добротного дубового паркета. В поле зрения попали босые ноги девушки. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, топчась узкими ступнями на месте. Ровные маленькие пальцы с аккуратными ноготками, покрытыми розовым лаком, выглядывали из-под широких штанин в этих жутких красных букашках.

— А нет ли какой-то доли вероятности, что вы можете передумать и все же решите продать свою квартиру? — рискнул задать вопрос Кейран. — Может быть, некоторое увеличение суммы за нее вам покажется привлекательной?

— Нет. Не думаю, — нахмурившись, ответила девушка, сдвинув темные брови. Раздражение и нетерпеливое желание быстрее распрощаться с визитером стало более очевидным.

— Но вы подумайте над моим новым предложением, — не сдавался Кейран. — Я даже готов помочь вам подыскать что-то более достойное и выгодное вместо моего коттеджа.

— Мне незачем думать над вашим предложением, и мне не нужно ни вашего коттеджа, никакого другого. Эта квартира больше не продается, — отрезала девушка, повышая голос. — Решение окончательное и никакие новые варианты мною не рассматриваются.

— Но если вдруг вы все же когда-нибудь будете рассматривать возможность продажи,

то мне хотелось бы надеяться, что вы вспомните обо мне в первую очередь, — настойчиво заявил Кейран.

Кто знает отчего, но ему вдруг стала доставлять удовольствие эта «торговля» с хмурой и взъерошенной хозяйкой квартиры. И почему-то его забавляло то, что на нее это действует раздражающе.

— Непременно. Но я не стану рассматривать возможность продажи, заверяю вас, — стараясь говорить с ледяным спокойствием, отозвалась девица, потрянув головой. Волосы качнулись, падая ей на лицо. Она сердито сгребла их и откинула назад. Зеленые с золотистыми ободками вокруг зрачка глаза взглянули недовольно, а кончик носа дернулся, как у крольчихи.

— Что ж, всего вам доброго, — пробормотал Кейран и развернулся к входной двери.

Хозяйка торопливо метнулась вперед, спеша открыть дверь и выпустить настойчивого гостя из квартиры.

Она проскользнула совсем близко от него, едва не задев рукой.

Он почувствовал тепло ее тела и новую легкую, как дыхание ребенка, волну тонкого цветочного аромата.

Алиссум! Цветы эти называются алиссум.

Его бабушка, когда еще была жива и имела силы, чтобы копаться в саду, всегда высаживала их в цветниках вокруг коттеджа. Знакомый с детства аромат безмятежной свободы, защищенности, абсолютного мира и покоя. И какого-то пока несбывшегося обещания. Невесомая, растворенная в воздухе сладость, манящая и слегка одурманивающая.

Его обдало внутренним жаром, низ живота сладко заныл, заставив шархнуться от девицы, удивленно округлившей глаза.

Кейран поспешил покинуть квартиру.

Оказавшись по ту сторону закрывшейся за ним двери, он сбежал по ступенькам, миновал просторный светлый вестибюль и пулей вылетел из подъезда, словно за ним гнались. Только на улице он перевел дыхание и, направляясь к машине, все пытался унять бешено колотившееся сердце и дрожь в руках.

Глава 11

Наконец-то он ушел.

Я вернулась в комнату и плюхнулась на диван, кляня себя за то, что забыла активировать будильник и проспала.

До сих пор в голове звучит эхо звонка в дверь, иглой вонзившегося в мозг сквозь сон. Я вскочила и на автомате пошла в прихожую прямо, как была — в пижаме. Только впустив раннего визитера в квартиру, поняла, что выгляжу, как пугало, и все мои попытки придать себе приличный вид совершенно напрасны.

Буквально давясь смущением, я старалась вести себя как ни в чем ни бывало и достойно выдержала визит. Мол, я всегда встречаю ранних гостей в пижамных штанах и с соломой на голове.

На самом деле мне хотелось провалиться сквозь землю.

За те пять минут, что Кейран Уолш провел в моей квартире, я чувствовала не только неловкость. Было еще что-то странное, повисшее в воздухе. Осязаемое, как электрическое поле, от которого волосы встают дыбом, а кожу начинает покалывать. Гость напряженно следил за мной. Я чувствовала, как он смотрит на меня, хотя плохо различала его взгляд за поблескивающими стеклами элегантных очков. Уходя, он шарахнулся, как от чумной. Может мой неприбранный внешний вид оскорбил эстетический вкус именитого фотографа, предпочитавшего лицезреть гламурных моделей?

Мысль не только показалась забавной, но и неожиданно вызвала досаду.

Чисто по-женски не хотелось, чтобы интересный мужчина (а я именно таким и считала Уолша) оценил мимолетно встреченную женщину (то есть меня), как заспанное, неумытое чучело.

Хотя, скорее всего, получив ключи и покинув квартиру, он сразу забыл обо мне, но все равно было неприятно.

А может, стоило воспользоваться моментом и поторговаться? Ведь не просто же так он привязался со своими новыми предложениями и вопросами. Квартира его явно интересовала. Можно было подыграть, назвать свою новую цену и посмотреть, что из этого получится.

Я обвела глазами комнату: все родное, знакомое, светлое и просторное, а вид из окна такой, что лучше не придумать, если только не живешь где-нибудь возле океана или в горной долине.

Мне нравится мой дом, и никуда я отсюда не собираюсь переезжать, хватит переездов.

Однако правило «не зарекайся» работает также исправно, как тот бутерброд, что всегда падает маслом вниз...

После долгого обжигающего душа и чашки кофе я почти забыла неловкость, что испытала утром. Зато сам визитер занозой засел в голове.

Я то и дело возвращалась к тому, что мне хотелось бы разглядеть, какого цвета его глаза и раздражалась все больше, не понимая, зачем мне вообще это нужно знать.

А самой нелепой из промелькнувших мыслей стала та, будто я уже когда-то встречала Кейрана. Возможно, до замужества, до отъезда из города. Мы вполне могли где-то пересекаться, почему нет? У нас ведь не миллионный город. Идея показалась разумной,

иначе с чего бы вдруг он стал застревать в моей голове. Высокий, поджарый и хмурый, как хищник, с низким, негромким голосом. Вообще-то такого сложно не заметить.

Я попробовала на вкус его имя, тихо произнесла «Кейран...»

И тут же встряхнулась — занимаюсь бессмысленной ерундой.

Лучше подумать о том, что произошло между мной и Брайаном. Накал желания, охвативший меня вчера, остыл, и теперь что-то ворочалось внутри, смущая и лишая покоя.

И как теперь быть с Патрицией? Если она узнает... А она точно узнает. Думаю, не так далеки от истины мои подозрения, что она сама имела виды на Брайана.

Планы по поиску работы.

И родители еще не знают всего о моем разводе и плачевном финансовом положении.

В голове все смешалось, и я заметалась по квартире, быстро одеваясь, словно пыталась сбежать от навязчивых мыслей. Когда брала сумочку, на глаза попался лежащий рядом медальон, полученный в подарок от Эвлинн. Я автоматически нацепила его на шею, взяла ноутбук и отправилась в кафе, расположенное в конце улицы. В уютном заведении можно было позавтракать, выпить хороший чай с барм браком* или кексами и воспользоваться бесплатным Wi-Fi.

Усевшись за столиком у окна, я отключила телефон, разложила ноутбук и заказала большую чашку черного чая с тимьяном и свежий фруктовый хлеб с мягким маслом.

После двух часов, проведенных в кафе, неспешно прогулялась до гавани и обратно и вернулась домой.

Чувствуя недосып после минувшей ночи и приятную усталость от прогулки, прилегла на диван и крепко заснула.

...Сквозь тягучую пелену глубокого сна слышала какие-то звуки, долетавшие извне — шаги, голоса, легкое поскрипывание и шорохи. И все это не за окном, а совсем близко, будто кто-то бродил по квартире, стараясь не разбудить меня. Уверена, ночью все выглядело куда как более пугающе. Сейчас, среди дня, я сквозь сон удостоила новую порцию «странностей» лишь кратким вниманием.

В иллюзии загадочного присутствия не было враждебности, и я не чувствовала страха, но всплывая на мгновение из глубин сна, так и не смогла заставить себя открыть глаза и осмотреться, удостоверяясь, что рядом никого нет.

Меня даже не удивило внезапное осознание, что подобные противоестественные ощущения становились теперь почти привычными.

...И снова меня разбудил звонок в дверь.

Мечтая о капле покоя, я поплелась открывать, радуясь уже тому, что завалилась спать одетой в джинсы и футболку, а волосы были заплетены в косу, которая почти не растрепалась.

Брайан шагнул в квартиру, оттесняя меня вглубь прихожей и сверля яростным взглядом лихорадочно блестящих глаз цвета зеленого чая.

— Куда ты опять пропала?! — зарычал он.

Я застыла на месте, оцепенела от того, что впервые в жизни видела Брайана разъяренным.

— Почему телефон не отвечает?! От меня прячешься? — он сыпал вопросами, нависая надо мной.

Я видела, как подрагивает нижнее веко его левого глаза, чувствовала волны эмоций, исходящие от всего его напряженного тела.

— Ох, извини... Не злись, — пробормотала, невольно отступая в сторону, — я не прячусь от тебя, просто выключила телефон...

— Просто выключила телефон... — будто не понимая, повторил Брайан. Он снова шагнул ко мне, хмуря брови и вглядываясь в мое лицо.

— Я не спала почти всю ночь. А очень рано утром заезжал этот, который хотел купить мою квартиру, — как можно более спокойно заговорила я. — Я отдала ему ключи от коттеджа, сказала, что квартира не продается. Потом пошла прогуляться, чтобы... немного голову проветрить. Выключила телефон, да. Не хотелось ни с кем говорить. Ну, понимаешь — Пэтти и ее любопытство... Мы вчера как-то нехорошо с ней поговорили, — я вздохнула. — А когда вернулась, едва уселась на диван, так сразу и отключилась. А про телефон забыла... Я не пряталась от тебя, — повторила снова.

Не знаю, слушал ли меня Брайан, но он не сводил глаз с моих губ.

— Я подумал, что ты не хочешь говорить со мной после... вчерашнего, — выдохнул он.

Прикрыл глаза на миг, продолжая держаться очень близко. Когда его взгляд снова встретился с моим, то яростный блеск прекрасных, оттененных густыми ресницами зеленых глаз Брайана, заметно смягчился. Смягчился настолько, что буквально обволакивал теперь сиянием, в котором смешались утихающая боль и облегчение, страсть и нежность... От этого мне стало совсем нехорошо, куда хуже, чем от чистой ярости, первоначально пылавшей во взгляде этого мужчины, так внезапно переставшего быть просто моим другом.

Я задела его уже тем, что отключила телефон и не ответила на звонки, вызвав не свойственное ему проявление эмоций. Что же будет, если я дам волю тому, что ворочалось во мне и рвалось наружу, порождая непреодолимое желание отстраниться настолько, чтобы снова восстановить ту зону комфорта, в которой мы — или, во всяком случае, я — пребывали до того, как границы были нарушены.

Руки Брайана обвились вокруг меня, его теплое дыхание защекотало ухо.

— Я тоже не спал всю ночь, — зашептал он. — Едва дождался, чтобы позвонить тебе, а ты оказалась недоступна. Это мой новый кошмар, Хейз, что ты снова исчезнешь... — горячо выдохнул он, сжимая меня крепче и целуя висок, щеку, шею. — Я хотел приехать сразу, когда не дозвонился первый раз. Но ждал, сколько мог. Извини, что набросился... Честное слово, не думал, что буду так реагировать.

Он целовал меня, пока у нас обоих не сбилось дыхание, пока тела не начали вжиматься друг в друга все сильнее. Трезвые мысли и чувственное восприятие вдруг замкнули электрическую цепь, и противоречивые ощущения потекли по венам, как ток.

Я нежно взяла голову Брайана руками и тихонько отстранила от себя, прерывая пылкие поцелуи. Он послушно остановился и, прерывисто дыша, пристально, не отрываясь, смотрел на меня.

— Я не исчезну, — тихо сказала я, ласково прикасаясь легким поцелуем к его губам. — Успокойся, пожалуйста. Вообще не думала, что у нас... что мы... Сама не знаю, как реагировать... Но я не исчезну и прятаться не стану.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, и снова притянул к себе, прижимая мою голову к своей груди.

Определенно, я сотворила нечто нехорошее, позволив всему этому случиться, ведь Брайан последний человек на земле, которому мне хотелось бы делать больно.

— Прости меня, родная. Я тебя просто штурмом взял, — хмыкнул он, прижимаясь щекой к моей макушке. — Нельзя так, знаю...

Я почувствовала, как его рука пробралась под мою косу и легла между лопаток. Он осторожно, медленно погладил меня по спине и... отпустил, отступая на шаг.

— Напои меня кофе, если нетрудно. Иначе не устою, снова накинусь, — сказал он, улыбаясь.

И сразу стал Брайаном, которого я знала всегда, чем мгновенно избавил меня от напряжения, свернувшегося внутри тугой дребезжащей пружиной.

Я улыбнулась в ответ и отправилась на кухню. Пока наливала воду в джезvu и доставала банку с кофе, Брайан уселся за стол. Я чувствовала спиной его взгляд, следящий за моими действиями.

— Не хочу оттолкнуть тебя... — сказал он негромко. — Я слишком спешу?

— Пожалуй, да, — ответила, присаживаясь за стол напротив него. — Мы немного спешим.

— Мы? — он вскинул брови.

— Не ты же один в этом участвовал.

— Участвовал? — снова переспросил Брайан.

Он повторял мои слова, словно не совсем верил в то, что слышал.

— Звучит так, будто речь идет о спектакле или каком-то преступлении, — он растерянно потер лоб.

— Не усложняй и не придирайся к словам, — отозвалась я. — Да — мы. И да, согласна, что «участвовал» — неподходящее слово.

Брайан расслабился, снова улыбнулся, схватил мою руку и чмокнул в ладонь.

— Я хотел тебя с пятнадцати лет, — заявил он. — До сих пор клянусь себя за то, что так и не признался, упустил тебя, позволил выйти замуж за другого, уехать отсюда. Почти смирился, что потерял тебя навсегда, но ты вдруг вернулась. И ты свободна... Я не мог больше позволить себе ждать чего-то. Прости, если все вышло слишком скоро. Готов исправиться, если уже не поздно. Ведь не поздно? — заглянул он мне в глаза.

— Не поздно — что? — осторожно спросила я.

— Не поздно поухаживать за тобой. Пригласить на свидание, как положено.

— Мы... мы, кажется, уже были на свидании, — проговорила я неуверенно.

Опять и снова все сворачивало не туда, и я не знала, как это остановить и прямо сейчас прочно и навсегда зафиксировать Брайана в директории «друг». Если уже не поздно.

— Когда это мы были на свидании?

— А пикник? Прогулка по городу? Посещение магазинчика, ресторан...

— Я не знал, что это были свидания, — задумчиво произнес он, чуть насмешливо поглядывая на меня.

— А разве нет?

— Ну, если ты так считаешь, — пожал плечами Брайан. — Тогда продолжим уже начатое. Как тымотришь на то, чтобы пойти в парк Beach stone river послезавтра?

— Пойдем. А что там такое?

Старый городской парк, расположенный по обе стороны узкой каменистой речушки в одном из центральных районов, был самым популярным местом отдыха горожан. Пикники на изумрудной травке, прогулки по аллеям, ухоженные ландшафты, удачно имитирующие естественную, дикуую природу, отвоевавшую уголок в черте города. Приятное, знакомое с детства место, многократно исхоженное вдоль и поперек.

— Бельтайн грядет. В парке весь день будут что-нибудь этакое заморачивать, а ближе к

ночи начнется самое интересное, — ответил Брайан. — Не оригинально, конечно, зато весело.

— Пляски вокруг шеста и костров? Вино и эль рекой? Ничего не меняется годами.

— Ага. И поцелуи. Если кого поцелуешь на Бельтайн у костра — в сердце огонь тоже непременно разгорится.

— Веришь в это? — как можно более беззаботно спросила я.

— Верю, — очень серьезно ответил Брайан, в упор глядя на меня.

Мне захотелось съжаться на стуле и стать незаметной. Хорошо, что сейчас нас разделял стол, ведь даже во взгляде сидящего напротив меня мужчины было столько чего-то ощутимого физически, всей кожей, словно он касался меня горячими руками, а не просто смотрел.

Я промолчала. А дальше напряжение куда-то улетучилось. Брайан действительно больше не форсировал никаких неконтролируемых вспышек страсти между нами. Мы просто пили кофе и болтали.

Убирая со стола, я пару раз зевнула, деликатно прикрывая рот тыльной стороной руки, но Брайан все заметил. Он нежно поцеловал меня и ушел, велев выпаться.

Едва за ним закрылась дверь, я включила телефон.

Полдюжины звонков от Брайана, два голосовых сообщения от него же. Два звонка от Патриции.

И звонок с какого-то смутно знакомого номера. Полистав память телефона, я обнаружила этот номер в списке, и вспомнила, что принадлежал он Кейрану Уолшу.

***

...Добравшись до дому, Кейран, бросил сумку у входной двери и прошел прямо в кухонную зону квартиры. Открыл кран, давая стечь застоявшейся воде, полез в морозилку. Набив высокий стакан колотым льдом до самого верха, налил воды и жадно выпил, будто пытаюсь погасить пламя, охватившее его изнутри.

Он растерялся, когда ощутил реакцию своего тела на близость Хейз. Собственно и близости-то никакой не было, она просто скользнула мимо него, даже не касаясь. Но ее тепло и этот аромат как ударная волна отбросили его в дебри какого-то первобытного восприятия.

Чувства мгновенно стали инстинктами и обострились до немыслимого предела.

Он видел ее: копну темных волос, плащом рассыпанных по спине, плавные изгибы тела, золотистую кожу. Чувствовал ее запах — сладкий, манящий. Слышал голос с легкой хрипотцой и запомнил волнующий тембр, отзывающийся вибрацией в каждой клеточке его тела. Но всего этого было так ничтожно мало.

Теперь он хотел большего, хотел коснуться ее, руками, губами...

Он нормальный мужчина, и правильно реагирует на красивых женщин. Они привлекают внимание, волнуют, могут вызывать неконтролируемые фантазии и телесную реакцию. Но никогда это не было настолько неуправляемо, дико, напористо. Наваждение, затуманившее рассудок. Острое, внезапное желание поддаться невероятной потребности испытать нечто, без чего он не сможет больше мыслить своего существования.

Кейран ошеломленно уставился на свое отражение в серебристой дверце холодильника, словно сам себя не узнал. Снова наполнил стакан и снова осушил его залпом.

Внутренний огонь немного улегся, позволяя перевести дыхание. Зато теперь накатило чувство вины перед Шоной.

Его девушка не из числа ревнивиц. Будь иначе и с учетом профессии Кейрана, ей пришлось бы пребывать в непрерывном состоянии ревности и подозрений. Вокруг него все время порхали и вились девушки модельной внешности и просто красивые женщины. Многие из них проявляли к красавцу-фотографу совсем не профессиональный интерес, но до сих пор он ни разу не поддался искушению, ни разу не испытал потребности переступить черту. В большинстве случаев просто не хотел размениваться. И вообще Кейрану нравилось быть верным Шоне. Нравилась уверенность в своей подруге и ее некоторая предсказуемость.

Сегодня же, выбегая из квартиры Хейз Макмей, он едва совладал с желанием схватить девушку, которую едва знал, притянуть к себе, почувствовать мягкость и тепло ее тела, вдохнуть волшебный аромат прямо с кожи.

Невероятно, необъяснимо, безумно. Словно спрыгнул с огромной высоты и угодил в кипящий океан.

Его стабильный, упорядоченный мир сейчас будто содрогался от подземных толчков, грозивших разразиться настоящим землетрясением.

Кейран стянул очки, сдал переносицу двумя пальцами. Потом вытряхнул из стакана подтаявший лед себе на ладонь и приложил к пылавшему лицу. Жаль нельзя натолкать ледышек вовнутрь себя, так, чтобы остыть, даже онеметь, приходя в привычную норму, к нулевой точке, к той координате, находиться в которой ему было комфортно до сих пор.

Жесткий, прагматичный и аккуратный во всем, Кейран сейчас не узнавал сам себя. Пытаясь продолжить существовать в привычном ритме и справиться с нежеланными эмоциями, он позвонил Шоне, сообщив, что благополучно добрался до дома, разобрал дорожную сумку, принял долгий душ, чередуя ледяную и горячую воду. Сделал несколько важных звонков, а затем до полного изнеможения пытался убежать от самого себя на беговой дорожке, установив угол наклона в 30 градусов и скорость в двадцать километров. После этого снова залез в душ, и закончил "истязания плоти" тем, что без сил рухнул на кровать, схватил телефон и... набрал номер Хейз.

Он затаил дыхание, ожидая соединения, и разочарованно выдохнул, когда бесстрастный голос сообщил, что «абонент недоступен».

И это правильно — она недоступна. Не стоит позволять, чтобы внезапный, необъяснимый интерес к мимолетно встреченной женщине превратился в одержимость.

Вся его жизнь, включая выбранную профессию, состоит из искушений, но он давно научился выбирать для себя все самое надежное и проверенное. Ничего непредсказуемого, никаких авантур, никакого риска.

Кейран закрыл глаза и замер, не выпуская телефона из рук, чувствуя, как металлический корпус нагревается в руке, едва не начиная жечь и напоминая, что можно попытаться позвонить еще раз.

Даже не знал толком, что скажет, если она ответит на звонок, но он услышит ее голос еще раз и удостоверится, что девушка реальна, а не плод его невесты почему взбесившейся фантазии.

Срочно требовался некий инсайт**, чтобы осознать происходящее и найти разумные объяснения.

***

...Вечером ко мне заглянула Пэтти, заблаговременно известив о визите звонком.

— Держи, это тебе, — сказала она, протягивая мне букет из веточек терновника, сплошь покрытых нежными белыми цветами. — Терн — дерево Бельтайна и символ

очищения.

— Очищения? Думаешь, уже пора стремиться к катарсису? — поинтересовалась я, принимая веточки из рук подруги.

Проигнорировав иронию, прозвучавшую в моих словах, Пэтти скинула туфли и величественно проследовала на кухню. Там она по-хозяйски наполнила чайник водой, и пока я ставила терновник в вазу, быстро накрыла стол к чаю, установив посередине тарелку с принесенными пирожными.

— Мой день начался с похода в кофейню, где я натрескалась фруктового хлеба с маслом, а вечер завершу пирожными, — сказала я, косясь на угощение. — На такой диете никогда не достигнуть катарсиса.

Пэтти пожала плечиками.

— Ну, откуда ж мне было знать, что ты тут соблазнам поддаешься с утра до вечера, — отозвалась она. — Если бы знала, не стала бы искушать лишний раз.

Двусмысленность ее фразы неприятно царапнула. Как видно Пэтти пришла не только для того, чтобы вручить мне символический букетик, в котором среди нежных бело-розовых цветков выглядывали длинные черные шипы

Все изменилось раз и навсегда и не смысла пытаться смотреть на мир прежним взглядом.

---

*Барм брак (Barm Brack) — традиционный ирландский фруктовый хлеб. Подают с маслом к чаю.

**Инсайт — сложное интеллектуальное явление, суть которого состоит в неожиданном, отчасти интуитивном понимании стоящей проблемы и нахождении её решения.

Глава 11

— Куда ты все норовишь улизнуть? — ухватил меня за руку Брайан, когда я очередной раз пыталась свернуть с аллеи парка и шмыгнуть куда-нибудь в заросли.

— Подальше от толпы, — ворчала я, ныряя через промежуток в аккуратно подстриженных кустах можжевельника, которым обсажены дорожки.

— Сейчас везде толпа, — Брайан следовал за мной, как привязанный. — Сегодня народ выбрался на свободу и отрывается. Повсеместно и всеми возможными способами. В ночь Самайна знаешь, что здесь творилось в прошлом году?

— Что? На шабаш слетелись настоящие ведьмы?

Брайан вернул меня на дорожку, покрытую плотным слоем мелкого гравия.

Я вся издергалась, сама не зная почему, а мой верный спутник старательно заговаривал мне зубы, рассказывая всякую чепуху.

— Типа того, — совершенно серьезно отозвался он, кладя мою руку себе на сгиб локтя и увлекая вглубь парка. — Толпа подвыпивших дамочек тут такое учинила. Тетки основательно перебрали, собрались на лужайке в центре парка, поскидывали одежку и пытались исполнить ритуальные танцы вокруг импровизированного костра.

— Врешь ты все, — хмыкнула я.

— Не вру, а слегка преувеличиваю.

— Насколько «слегка»?

— Пьяных теток была не толпа, а пара штук, и одежду они не скидывали. А вот импровизированный костер был. Кто-то опрокинул стол с тыквами, и свечи подпалили декорации.

— Болтун, — я невольно улыбнулась.

Мы договорились встретиться с Патрицией и ее мужем возле возведенной на центральной лужайке эстрады, где ближе к полуночи ожидалось традиционное шоу, главным элементом которого станет большой костер. Не то чтобы мне безумно хотелось смотреть на все это и тем более участвовать, но и оставаться наедине со своими мыслями или один на один с Брайаном было выше моих сил.

Мы целый день провели вместе. И все это время я пыталась сохранять между нами дистанцию. Он, конечно, все замечал. Но к его чести не предпринимал никаких попыток выяснить отношения или как-то форсировать их. Брайан не показывал, насколько его задевало мое поведение, оставаясь веселым, внимательным и нежным... как друг.

Но иногда он касался меня так, что я чувствовала его напряжение как свое собственное. Замечала взгляды, говорящие больше, чем мне хотелось бы понимать. И становилось так плохо от того, что ничего уже не изменишь. Невозможно, как на компьютере, отменить произведенное действие и просто жить себе дальше.

...День клонился к вечеру. Серебристо серые сумерки окутали пространство, сгущаясь с каждой минутой. Вдоль аллей зажглись фонари, столбы которых украшали растительные гирлянды и разноцветные ленты.

В светлое время в парке было много отдыхающих с детишками, но сейчас они разошлись, растащив по домам своих шумных, нарезвившихся вдоволь и объевшихся сладостей чад, а аллеи и поляны наводнила иная аудитория, в которой преобладали

влюбленные парочки и молодежные компании. Эти точно будут потом носиться в толпе, смущая народ шумным восторгом и срывая поцелуи «на удачу» у незнакомых людей.

Мы подошли к ярко освещенной центральной лужайке, которую уже заполняла толпа, гудевшая на разные голоса. Здесь установили большое «майское дерево», ленты на котором выглядели уже довольно потрепанными.

Из динамиков неслась музыка — рок-версия традиционных мелодий. В центре поляны, на густой изумрудной траве выложено широкое кольцо из плоских камней. Внутри кольца на слое песка высокой пирамидой сложены поленья и толстые ветки для костра. После этой ночи прогоревшие останки уберут, кострище засыпят плодородной землей и высадят растения, превратив в роскошную клумбу, а вокруг установят парковые скамьи.

Я с недоверием отношусь к зрелищам, имитирующим старые традиции. Современный мир расстарался так, что вытеснил исконную суть многих обычаев, превратив их в карнавальщину. Но все же, если задуматься и не позволять цинизму брать верх, можно почувствовать что-то такое, к чему стоит относиться с почтением и трепетом.

Едва я подумала об этом, как на один краткий миг меня словно коснулась невидимая волна. Накатила, обдала холодом, проникла внутрь, заглянув прямо в душу и... отхлынула, оставив после себя щемящее ощущение пустоты и сожаления. Будто я безотчетно каялась за свои сомнения в чем-то Вечном и Нерушимом.

Вспомнились много раз слышанные поверья о Бельтайне.

Говорят, в Ночь Костров сами Боги обретают лица Майских Короля и Королевы, избранных из толпы. Бессмертные создания смогут смотреть глазами людей, говорить, смеяться и пить эль их устами.

А иногда после этой ночи Боги задерживаются среди нас, чтобы вкусить земных радостей, что доступны смертным, но не достигаемы для них.

Трудно представить, что такого может быть неподвластно Богам, но достижимо для простого человека...

Мы отыскиали Пэтти и ее мужа Колина около небольшой сцены, возведенной напротив входа на лужайку со стороны центральной аллеи.

Патриция стрельнула колким прищуром, оценивая наше с Брайаном «построение» относительно друг друга. Кажется, она не обнаружила ничего криминального в том, как мы шли, держась за руки. Муж Пэтти обнимал жену за талию, поглядывая на нее с безмолвным обожанием. Колин преподавал физкультуру в школе. Он крепкий, мускулистый и довольно симпатичный, в его лице есть что-то от бассет-хаунда — большие, темные, как шоколад, глаза, меланхоличность и почти полное безразличие ко всему, кроме собственной супруги. Он коротко кивнул мне, быстро пожал руку Брайану и снова замер возле Патриции, как ее бессменный телохранитель.

Говорил Колин редко, а его попытки как-то поучаствовать в разговоре быстро пресекались Патрицией. Рассказчик и собеседник он и, правда, никудышный, но, когда молчал и отстраненно улыбался, казался очень даже милым.

До того как маленькая сцена под навесом, украшенным гирляндами, лентами и фонариками, заполнилась людьми, мы успели обменяться несколькими репликами, а Брайан принес нам эль в пластиковых стаканчиках.

Какой-то важный представитель Городского совета стал говорить, упоминая множество неизвестных мне имен и рассыпаясь благодарностями в их адрес. Произнося свою речь, выступающий сделал экскурс в историю Бельтайна и Ночи Костров, каким-то

непостижимым образом приплетя сюда же славное прошлое нашего старого города, а я потягивала эль и смотрела по сторонам, не вникая в то, что вещали со сцены. Вдруг голос оратора стал громче, словно он особо торжественно что-то объявлял, и я почувствовала резкий тычок Патриции в бок.

— О, ты только посмотри! — воскликнула подруга, дергая меня за руку.

Я перевела глаза на эстраду.

Среди стоящих на сцене людей на первый план выступили избранные еще днем Майские Король и Королева, оба в длинных зеленых плащах и с изящными венками на головах, напоминающих короны.

Но мое внимание привлекли не они, а стоящая рядом женщина. С уверенностью могу сказать, что за всю свою жизнь я не видела подобной... Неземной красоты? Абсолютного совершенства? Пожалуй, и то и другое, умноженное многократно. Без преувеличения.

Высокая и стройная, в обтягивающем невероятную в своей безупречности фигуру черном платье и винно-красных туфлях на высоченных каблуках. Алебастровая, светящаяся кожа и четкие, скульптурные, абсолютно пропорциональные черты лица завораживали, заставляя разглядывать ее безотрывно. Изящество гордой посадки головы на стройной белой шее подчеркивал тяжелый узел гранатовых волос.

Женщина сдержанно и в то же время искренне улыбалась, глядя на толпу, иногда в ее глазах проскакивали искорки иронии, становившиеся особенно заметными, когда многословный оратор начинал сыпать комплиментами, видимо произносимыми в ее адрес.

— Кто она? — наклонилась я к Пэтти. — Какая-то местная знаменитость?

— Это же Морин Бэрриган! Ты что, ничего про нее не слышала? — удивленно воззрилась на меня подруга.

— Нет. А должна была?

— Вообще-то, должна. Если ты, конечно, не на Луне жила, — Пэтти вскинула аккуратные бровки. — Эта дамочка действительно знаменитость, и вовсе не местная, хотя, говорят, не так давно она приобрела виллу где-то в наших краях. Не пойму, как это ты про нее не слышала, — передернув плечами, повторила подруга. — Она что-то вроде светской львицы, чья-то там вдова, богатая до умопомрачения, учредительница многочисленных благотворительных фондов, меценатка, и прочее, прочее. Частый гость на ТВ и на страницах печатных изданий, между прочим. Интересно, чем это ее наш город привлек? Наверное, она и праздник финансирует.

Краем уха слушая Пэтти, я продолжила рассматривать Морин. Вот кто был настоящей Королевой, ослепительно красивой и величественной. Рядом с ней девушка в зеленом плаще и с венком на голове выглядела почти замарашкой, а ее партнер вообще потерялся.

Кто-то у подножия сцены активно фотографировал происходящее — вспышки фотокамеры сверкали, не переставая. Нетрудно представить, кто был основным объектом съемки.

Я посмотрела на своих спутников.

Брайан с немым восторгом таращился на красавицу, не забывая потягивать эль. На лице Колина отражалось только отсутствие интереса.

Когда представитель Мэрии закончил чествовать Короля и Королеву, их усадили здесь же на кресла с высокими спинками. К тому времени почти совсем стемнело, и по периметру лужайки зажгли факелы, укрепленные на высоких прочных шестах. К каждому был приставлен колоритный "воин", вооруженный бутафорским мечом и одетый в черную

лейне*, подхваченную кожаным поясом. Наверное, под нарядами, украшенными вышивкой, скрывались brave представители городского пожарного департамента, призванные следить за безопасностью.

К тому времени, когда действие на эстраде завершилось, уже совсем стемнело.

Мы перебрались на лужайку, заняв место, откуда хорошо был виден костер, но не в первых рядах зрителей, плотно окруживших каменное кольцо.

Там скоро будет твориться сущее безумие.

Простояв минут десять, слушая многоголосье и отстраненно наблюдая за перемещениями народа, я откровенно заскучала, и мне все больше хотелось домой. От трескотни Пэтти начала болеть голова, ноги гудели от усталости, ведь мы провели в парке немало часов, а посидеть удалось только во время непродолжительного ланча. В довершении я, не переставая, нервничала, отчего все тело покалывало, словно по мне бегали муравьи, и хотелось спрятаться в какой-нибудь тихий уголок, подальше от толпы.

Рука Брайана легла мне на плечо, мягкие губы коснулись уха.

— Ты чего заскучала? — проговорил он. Я чувствовала шевеление его губ и тепло дыхания. По спине побежала новая толпа мурашек, и я едва сдержала желание поежиться и отстраниться. Хотя нельзя сказать, что его близость была мне неприятна, наоборот. Но совсем не так, как, наверное, хотелось бы ему...

— Ну, уж нет. Мне не скучно, — бодро отозвалась я. — Наверное, немного развезло от этого пойла.

Я встряхнула стаканчик с остатками эля.

Брайан оглянулся вокруг, пытаясь высмотреть что-то поверх голов, окружавших нас людей.

— Хочешь, принесу что-нибудь нормальное попить или перекусить? — спросил он.

— Не надо, — замотала я головой.

Брайан притянул меня ближе, поцеловал в макушку и на миг прижался щекой к волосам. Патриция мгновенно отреагировала, бросив в нашу сторону очередной колющий взгляд.

Ноздри ее аккуратного носика затрепетали, и она поджала губы. Меня снова до самых костей пробрало отвратительно липкое чувство вины.

Я покосилась на Брайана в этот самый миг, когда его лицо озарило ярким огненным светом, и толпа взорвалась громкими возгласами.

Я не уловила момент, когда поджигали костер. Неожданной стала вспышка пламени и жар, докатившийся до нас. Все это вместе с многоголосым ревом толпы слилось в одну ударную волну, заставив чуть ли не подскочить на месте. Я вздрогнула, Брайан сильнее стиснул мои плечи.

Распорядитель начавшегося шоу что-то говорил, бегая по периметру и размахивая руками. Слишком близко подошедших зрителей отогнали чуть назад. Музыка в динамиках сменилась на более традиционную, а выложенный камнем круг заполнили танцоры и акробаты.

Все замелькало перед глазами: всполохи языков пламени, рассыпавшихся искрами и уносившихся в темное ночное небо, головы впереди стоящих, силуэты синхронно двигающихся танцоров и прыгунов, с их невероятными кульбитами. Все звуки слились в один громкий гул, а сзади стали напирать любопытные, стремясь поближе взглянуть на развернувшееся вокруг костра представление.

Желание выбраться из толпы и постоять где-нибудь в сторонке стало жизненно важной необходимостью. Внутри меня усиливалась дрожь, с которой очень трудно было совладать. Что-то или кто-то находилось совсем рядом со мной. Недоброе, опасное, сильное. Оно хотело того же, чего хотела я, но в отличие от меня знало, как добиться желаемого. А я могла только беспомощно топтаться, пребывая в неведении о том, что проходит мимо...

И чье-то присутствие, различимое даже в толпе, среди множества людей и рядом с надежным, сильным Брайаном...

Нечто похожее я испытывала несколькими днями раньше, той ночью, когда в квартире отключилось электричество.

Мимолетное воспоминание вызвало приступ паники, и я начала задыхаться.

Сдерживая дрожь, сказала Брайану:

— Мне нужно отойти на минуточку.

Он внимательно посмотрел на меня, сдвинув брови.

— Я пойду с тобой, — решительно заявил он.

— Не надо! Совсем это ни к чему. Будь здесь, а я скоро вернусь. Если потеряемся, то есть телефоны.

И, не дав ему ничего сказать, решительно протиснулась между стоявшими позади зрителями и скрылась за их тут же сомкнувшимися спинами.

Прямо по траве я двигалась кратчайшим путем к выходу, ведущему с лужайки на одной из аллей парка. Вечерняя роса быстро проникла сквозь матерчатый верх моих конверсов, намочив и тонкие носки. Ноги стали замерзать, но это даже обрадовало — появился убедительный повод покинуть парк и поскорее отправиться домой.

Я осмотрелась: по периметру лужайки стояли группы людей, которых, видимо, как и меня не особо интересовало шоу у костра. Сцена опустела, Короля и Королевы нигде не было видно, скорее всего, они отбыли свою "повинность" и примкнули к толпе "простых смертных".

Я проходила мимо самой большой компании оживленно беседующих людей, среди которых сразу узнала высокую фигуру Морин Бэрриган и представителя городского совета. Женщина улыбалась, разговаривая с окружившими ее людьми, а за ее спиной пристроились двое фактурных секьюрити.

Миновав эту компанию, я почти нырнула в промежуток между кустами, когда краем глаза уловив что-то.

Не останавливаясь, повернула голову, и уперлась взглядом в знакомое лицо, обращенное на меня. Темные волосы зачесаны назад, в стеклах очков пляшут отражения языков пламени и отсветы от фонариков, развешанных по периметру лужайки.

Кажется, я машинально кивнула, проходя мимо, но ноги сами несли меня дальше, и я не знала, было ли замечено мое небрежное приветствие.

Оказавшись за живой оградой из деревьев и кустарника, остановилась на аллее и перевела дух. Свежий ночной воздух мгновенно остудил и слегка проветрил голову, снизив нервное напряжение.

Под огромной раскидистой ивой неподалеку заметила лавочку и направилась к ней. Усевшись, откинулась на спинку и с наслаждением вытянула ноги. Я сидела и наблюдала, как длинные гибкие ветви, освещенные светом фонаря, плавно колышутся от слабого ветерка, создавая на земле ажурные тени. Музыка здесь слышна не так громко, и откуда-то из-за спины доносится отчетливое мелодичное журчание протекающей по камням речки.

— Вечер добрый.

Я вздрогнула от раздавшегося совсем близко голоса и резко вскинула голову.

***

Кейран на миг застыл, когда узнал в проходившей мимо девушке Хейз.

Она шла, глядя себе под ноги, но, минуя их компанию, неожиданно повернулась и кивнула. Или ему показалось, что она кивнула. Провожая ее взглядом, он мгновенно принял решение. Не раздумывая долго, наклонился к Шоне и прошептал ей на ухо:

— Я отлучусь. Подожди меня здесь.

Шона внимательно посмотрела ему в лицо.

— Ты в порядке? — тихо спросила она.

«Я НЕ в порядке», — подумал Кейран.

Шона вернулась из Столицы заметно взвинченной и напряженной и призналась, что та ночь в отеле оставила тягостные ощущения, и ей трудно от них избавиться.

Она стремилась дольше и чаще находиться рядом с Кейраном, лгнула к нему, словно ища утешения, становясь почти навязчивой. Вчера приехала к нему с сумкой, которую оставила в его шкафу. Кейран мельком заметил там кучу всяких мелочей, вроде косметики и костюм, который Шона обычно носила у себя дома. Теперь эта одежда была предназначена для того, чтобы носить ее у него дома.

Они никогда не заговаривали о том, чтобы съехаться и жить вместе. Не обсуждали возможность создания семьи. Лишь об одном Шона выразилась определенно, заявив, что появление детей не входит в ее планы. Они приняли меры и больше не поднимали этого вопроса.

Теперь Шона дергалась и цеплялась за него, стараясь не отходить не на шаг. Возможно, были веские причины, заставлявшие девушку так себя вести. За эти пару дней Кейран стал замечать за ней и за собой, то, что раньше не видел и не чувствовал.

— Кей, что-то случилось? Ты устал?

Сейчас Шона задавала самые, казалось бы, обычные вопросы, но Кейран видел, как она напряжена, не желая, чтобы он уходил и оставлял ее среди всех этих людей.

— Абсолютно ничего не случилось, — невозмутимо отозвался Кейран и мысленно поморщился, будто учуял дурной запах своей лжи. — Просто надо отойти.

Он извинился перед собеседниками, вежливо кивнул Морин, бросившей на него короткий, пронзительный взгляд, и быстро направился к выходу с лужайки.

Он увидел Хейз сидящей на скамейке под высоченной раскидистой ивой, ветви которой образовывали огромный живой шатер. Мимо, разговаривая и смеясь, проходили люди, с поляны неслась громкая музыка и голоса, но Кейран не слышал и не видел никого.

Он приблизился, тихо ступая по мелкому гравию.

— Вечер добрый.

Она вздрогнула всем телом и посмотрела на него широко раскрытыми глазами. По ее лицу скользили прозрачные тени. Волосы красиво заплетены в замысловатую косу, перекинутую через плечо на грудь.

— Добрый, — машинально отозвалась, удивленно глядя на него.

— Вы здесь одна? — спросил Кейран, присаживаясь рядом с Хейз.

— С друзьями.

Она отвечала коротко, голос звучал невыразительно, немного устало. На секунду ему показалось, что его общество ей неприятно, и она раздосадована появлением незваного

собеседника. Но Кейран остался сидеть, инстинктивно чувствуя, что если сейчас поддастся ее предполагаемому настроению, вежливо раскланяется и уйдет, то что-то очень важное не случится. Никогда. А категория «никогда» пугала его, побуждая порой совершать поступки вопреки обстоятельствам и наперекор правилам, что позволяло не упустить нечто значимое и добиться желаемого. Вот, например, сейчас он чувствовал, что выглядит навязчивым, но иначе вести себя просто не мог.

— А почему сидите в одиночестве? — не унимался он.

— Просто сижу, — Хейз пожалла плечами. — Устала стоять, решила немного отдохнуть.

А вы?

— Что — я? — уголок его рта приподнялся.

— Почему ушли. Я видела, что вы здесь тоже с большой компанией.

— О да, — хмыкнул Уолш. — Но я здесь скорее работаю, чем развлекаюсь. Так что тоже решил немного отдохнуть. Позвольте посидеть с вами?

— Сидите, — она повела головой, скрестила руки, словно закрываясь.

Длинная, толстенная коса сползла с ее плеча, темной змеей соскользнув до самого сиденья скамейки. Кейрану неудержимо захотелось взять косу в руки, ощутить шелковистость прядей, поднести к лицу, вдохнуть аромат... Тот самый, живой и сладкий, словно съедобный...

У него почти закружилась голова, он неловко кашлянул, прогоняя глупые стихийные желания.

Хейз внимательно посмотрела на него и, прищурившись, сказала:

— Ну, давайте, пользуйтесь моментом. Задавайте ваш вопрос.

— Какой вопрос?

— О квартире. Не передумала ли я насчет ее продажи.

— Да что вы! И в мыслях не было, — Кейран выразительно вскинул брови. — С чего вы взяли?

— С того, что вам моя недвижимость явно очень приглянулась.

— Что, моя заинтересованность так заметна?

— Очевидна. Иначе, зачем бы вы настойчиво предлагали поторговаться?

— Эх, неосмотрительно со стороны покупателя демонстрировать столь явный интерес, — вздохнул Кейран.

Хейз улыбнулась, глядя на притворно-смущенное выражение лица Уолша, и он на миг забыл обо всем на свете. Улыбка преобразила девушку, смягчив взгляд и изгнав из него настороженность. Уголки нежных губ приподнялись, и Кейран уставился на ее рот, представляя, каков он на вкус.

— Не осмотрительно, конечно. На вашем интересе вполне можно поиграть, — отозвалась Хейз.

Голос ее вернул Кейрана на землю. Он сглотнул застрявший в горле комок, переводя дыхание.

— Ну, и что скажете? Не передумали? — проговорил он. — Кстати, обращаю ваше внимание, что не я завел разговор о квартире, а вы сами.

Девушка коротко рассмеялась, покачав головой. И он понял, что не хочет никуда отсюда уходить. Не хочет возвращаться туда, где его ждали.

Он предпочел бы сидеть рядом с ней, пока она не встанет и не пойдет куда-нибудь. Но и тогда он хотел бы последовать за ней...

Все больше боясь своих желаний, Кейран стянул очки и стал старательно протирать их носовым платком.

***

...Да, я сама завела разговор о квартире. Уолш звонил мне на днях. Для чего, если не по вопросу о продаже?

Не знаю, зачем и с какого перепугу я сама сказала об этом, ведь уже поставила в данном вопросе жирную точку и распрощалась с самой идеей. Кто же дергал меня за язык? Сам-то он ничего о причинах своего звонка не упомянул.

И тут я поняла, что мне просто не хотелось, чтобы Кейран после обмена ничего не значащими вопросами и ответами, просто встал и ушел, исчезнув навсегда. Мне хотелось задержать его здесь, рядом с собой, все равно, по какой причине.

Мысль оказалась неожиданной и заставила украдкой разглядывать его, словно знакомясь впервые.

Потертые джинсы и темно-зеленый пуловер на молнии отлично сидели на его стройной поджарой фигуре. Кейран пристроился на краю скамейки, слегка повернувшись ко мне, длинные ноги небрежно расставлены, джинсы приподнялись, обнажая щиколотки и высокий подъем ступней, которые облежала мягкая кожа мокасин. На нем нет носков, и этот факт почему-то заставил меня задержать дыхание и почувствовать, что сердце ускорило свое биение.

Кейран снял очки в тонкой металлической оправе и старательно протирал стекла чистым носовым платком, время от времени поглядывая сквозь них на свет. На секунду что-то отвлекло его, и он бросил внимательный взгляд в сторону, куда-то мимо меня, и я, наконец, увидела его глаза.

В полумраке не было видно отчетливо, но мне показалось, что радужки сине-зеленые, как морская вода. Жаль, что убедиться в своей догадке я, скорее всего, не смогу, потому что посмотреть в эти глаза мне больше не придется. Мысль вызвала грусть, досаду и еще большее волнение.

— Так что? Не передумали? — повторил он, водружая очки на нос.

— Нет, — покачала я головой. — Этот вопрос закрыт. Ну, приятного вам вечера.

И с этими словами я поднялась с лавочки, решительно намереваясь вернуться туда, откуда сбежала. Пора ретироваться, пока неожиданно для себя не выкинула еще какую-нибудь непонятную штуковину и не озадачилась парочкой непрошенных и излишне волнующих мыслей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Поворачиваясь к нему спиной, успела заметить, как на миг застыло его лицо, а губы напряженно сжались.

— Хейз! — окликнул он и неожиданно поймал мою руку, заставив остановиться.

Твердая ладонь была теплой, сильные, длинные пальцы, сомкнувшиеся на моем запястье, крепкими и настойчивыми. Я застыла на месте, не отнимая руки, впитывая приятные ощущения от этого внезапного соприкосновения.

— Если все-таки передумаешь, то мне хотелось бы узнать о твоём решении первым из всех возможных покупателей, — улыбнулся он, неожиданно переходя на «ты» и слегка пожимая мою руку. — И в этом случае не сочти за труд, пожалуйста, найди меня.

«Найди меня». Эти слова многократным эхом отдались в сознании.

— Обещаешь? У тебя еще остался номер моего телефона? — допытывался он, по-

прежнему не выпуская моей руки, а я слышала и не слышала его.

Кажется, я машинально кивнула, мягко, но решительно (и неохотно) высвободила руку и быстро пошла прочь.

— Не забудь, обязательно найди меня! — донеслось мне вслед, и только сейчас я осознала, что именно этот голос слышала тогда ночью...

---

*Лейне — длинная льняная рубаха, часть национального ирландского костюма.

Глава 12

Кейран некоторое время не двигался, глядя вслед удалявшейся Хейз.

Он потер кончики пальцев, стараясь еще прочувствовать волнующее «послевкусие» от прикосновения к ее руке: к мягкой, слегка прохладной, тонкому запястью, так правильно уместившемуся в его сомкнутой ладони.

Первым порывом было встать и пойти за ней. Удержать, повернуть к себе, чтобы видеть глаза, и отыскать в них свое отражение. Свое и ничье больше...

Сила наваждения крепла, грозя превратиться в одержимость.

Он не будет ждать, пока она что-то там придумает или не придумает со своей квартирой. Или они снова столкнутся где-то случайно. Хватит случайного. Он сам найдет ее. Очень скоро.

Кейран поднялся со скамейки только тогда, когда Хейз исчезла за стеной деревьев и кустарника, окружавших центральную лужайку парка. Не торопясь двинулся в том же направлении, заставляя себя возвращаться в свою реальность.

***

...Я знала, что он смотрит на меня. Пару раз чуть не споткнулась под пристальным взглядом, от которого по спине бежали мурашки и шевелились волосы на затылке. В ушах еще звучала его фраза «найди меня». Это странное совпадение основательно взволновало меня.

Взволновало настолько, что я готова была вернуться и сказать, глядя на него без тени смущения или сомнения — «Я уже нашла тебя». Безрассудный порыв, но эмоции столь сильны, что ощущались как омут, неудержимо поглощавший все доводы рассудка.

Конечно, я не вернулась, а если бы и вернулась зачем-то, то ничего такого не стала говорить.

Я шла туда, где было мое настоящее и действительное, моими «стараниями» уже изменившееся и перекосившееся настолько, что я склонна считать себя стихией, оставляющей за собой лишь след разрушений. Следовало выбросить все глупости из головы прямо сейчас и не добавлять еще больше хаоса в мою жизнь. И не только в мою.

И Кейран ведь не один. Он не свободен, у него есть девушка, я помню и ее, и кольцо на ее пальце...

И все же, возвращаясь, я пребывала под впечатлением от неожиданной встречи с фотографом, все еще ощущала на себе его взгляд и мимолетное прикосновение теплой руки. Я шла, как автомат, не замечая практически ничего вокруг, и не могла знать, что еще один, очень внимательный взгляд, выхватил меня из толпы и следил до тех пор, пока я не присоединилась к своим друзьям.

Не знала наверняка, что на меня смотрят, но резкое и холодное, как прикосновение острой ледышки ощущение недобрым эхом отозвалось в груди. Я передернула плечами, стремясь стряхнуть колкое чувство.

Брайан, в ясных глазах которого плясали отсветы пламени костра, посмотрел на меня, не скрывая радости, когда я пробралась сквозь толпу зрителей и ухватила его за руку.

— Замерзла? — спросил он, наклоняясь ближе. Теплое дыхание коснулось моей щеки, и я согласно кивнула. — Будем двигаться домой?

— О, Боже, да. Я устала, и мои кеды промокли насквозь, не хочу простыть.

— А я не дам тебе простыть, — заявил Брайан, прижимая меня к себе и оплетая руками. Мы распрощались с Патрицией и Колином и ушли.

За нами неслись звуки музыки, голоса толпы, впавшей в суматошный экстаз, всполохи взлетающего до небес пламени костра и что-то еще, что упрямо прицепилось и потащилось следом, как банки на веревочках, что обычно крепят к автомобилям молодоженов. Только вместо «только поженились» наше состояние следовало обозначить «попались в капкан».

...Доставив меня до квартиры, Брайан, не выказал явного желания остаться. Он просто стоял к коридору у двери.

Из вежливости и в попытке скрыть нараставшую неловкость я предложила ему чай или кофе, тайно надеясь, что он откажется. Брайан смерил меня задумчивым взглядом и в молчании прошел на кухню.

— Нет, спасибо, чай не хочу, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь.

Заметив стоящий на столе букетик из веточек цветущего терновника, вскинул брови.

— Терновник? Зачем?

— Пэтти притащила.

Брайан усмехнулся.

— Пэтти? Понятно, — качнул он головой. — А ты знаешь, что такое терновник?

— Колючий кустарник с невкусными плодами.

— И любимое деревце фейри и всякой прочей нечисти, вроде банши, — на полном серьезе заявил Брайан, но в глазах его плясали озорные искорки. — Его бы лучше над дверью повесить, а не в вазочке держать.

— Господи, да ты, оказывается, просто бездонное хранилище эзотерической информации и народных поверий. Хотя после посещения магазинчика твоих знакомых и истории с медальоном я уже во многое легко могу поверить, — я притронулась к подвеске, которая и сейчас была на мне. Из-за своеобразного грубоватого дизайна массивного амулета я не считала его украшением и не выставляла напоказ, но мне нравилось его носить.

— И что может быть от трех веточек терновника, стоящих в вазочке?

За небрежной иронией я попыталась спрятать рвущееся наружу волнение.

— Бельтайн сегодня, — загадочно заявил мой друг. — Всякое возможно.

Мельком вспомнилась недавно пережитая «ночь кошмаров»: тьма, холод, перья и вода на полу в прихожей...

— Ты меня что, напугать пытаешься? — нахмурилась я.

— Пытаюсь, — честно ответил Брайан, не сводя с меня глаз. — В надежде, что испугаешься настолько, что попросишь остаться у тебя.

Я невольно вскинула голову, приоткрыла рот.

У меня не хватает духу сказать ему прямо, что все случившееся между нами, не может и не должно иметь продолжения.

Но Брайан и не ждал, что я что-то скажу.

Сердце горестно сжалось, когда увидела, как потускнели его чистые глаза, глядящие на меня без укора и обиды. Едва сдержалась, чтобы не потянуться и не прильнуть к нему, оказавшись в терпеливых, теплых и надежных объятиях, ища утешения и понимания.

Понимание я бы нашла, но утешить он меня не мог.

Словно подтверждая мои мысли, Брайан сделал шаг навстречу, привлекая в свои объятия, целомудренно чмокнул в лоб и висок и ушел, не оглянувшись.

Заперев за Брайаном дверь, я вернулась на кухню и большой чашкой обжигающего чая попыталась разбавить горечь, осевшую в душе. Вся тяжесть сомнений и тревог разом легла мне на плечи.

Я рассеянно приложила руку к амулету, ощущая его дополнительным грузом. Но едва коснувшись узорчатой поверхности, осознала, что вовсе не украшение тянет камнем на шее. Созданное когда-то неизвестным мне человеком с целью быть подаренным любимой им женщине, украшение так и не выполнило предназначенной ему цели. Но до сих пор в нем была заключена затаенная сила того стремления, с которым мастер создавал эту вещь. И несла эта сила вовсе не печаль о несбывшемся, а энергию движения к поставленной цели. Как те стрелы, что были изображены на одной из его поверхностей.

Сняла медальон с шеи и поднесла его к глазам, разглядывая грубовато выполненный, замысловатый рисунок. И только сейчас все эти переплетения мне вдруг показались странно знакомыми. Да, именно такое, не столь часто используемое сочетание растительных элементов узора не так давно я видела где-то еще.

Узнаваемые очертания резных листьев дуба и изящные узкие эллипсы листочков вереска. Все завораживающе искусно переплетено и вписано в непрерывную гирлянду, замкнутую в круг.

Я смотрела на крышечку медальона, пытаюсь вспомнить, где могла видеть подобный рисунок. И вздрогнула всем телом, едва не выронив амулет, когда, наконец, поняла.

Коттедж Уолша. Кованые навесы для ставен и дверей, выполненные в виде переплетенных листьев и бордюры на стенах, повторяющий аналогичный рисунок почти в каждой комнате.

Я крепко сжала медальон в руке, и подвеска показалась очень теплой, почти горячей. Амулет весь день прятался под курткой и, конечно, нагрелся, впитав тепло моего тела. Это разумное объяснение вполне устраивало на данный момент, но никак не могло растолковать, почему столь явно совпадают узоры на кустарной поделке неизвестного ювелира-любителя с теми, что встретились в отделке старого коттеджа, принадлежащего успешному молодому фотохудожнику.

Но не нужно быть мисс Марпл или долго размышлять о том, как в повседневной жизни работает принцип бритвы Оккама*, чтобы предположить самое простое объяснение. Например, почему бы дядюшке Эвлинн, увлеченному изготовлением интересных поделок из металла, не быть знакомым с семьей Уолшей и не сделать когда-то несколько оригинальных авторских деталей для отделки их дома?

Можно отправиться утром в магазинчик Эвлинн и расспросить ее.

Идею позвонить Кейрану Уолшу я отмела тут же, хотя она мне и показалась очень заманчивой. Только вот совсем не по причине внести ясность, а как повод ответить на его просьбу — «найди меня»...

И почему все совпадения так странно переплелись с моими попытками решить свои житейские проблемы? Возможно, здесь и нет никакой загадки, но прямо сейчас я твердо решила, что хочу прогнать все наваждения и завтра же поеду снова к коттеджу и попытаюсь убедиться в том, что...

Пока сама не была уверена, в чем именно буду убеждаться. Наверное, прежде всего в том, что все это случайность, и она не имеет лично ко мне никакого отношения.

Очень быстро в голову набилось так много вопросов, что они превратились в хаотичную мешанину, требующую обязательного распределения по полочкам.

Я была готова отправиться к домику прямо сейчас, но вовремя опомнилась, поняв, что добраться туда посреди ночи будет проблематично, ведь своей машины у меня нет. Да и разглядеть что-то в темноте вряд ли удастся.

Долгий горячий душ помог немного успокоиться и расслабиться, прогнав нервную дрожь. Я натянула пижаму и улеглась, пытаюсь теперь унять движение карусели из беспорядочных мыслей, крутящихся в голове. И перестать терзаться мучительным сожалением о поведении по отношению к Брайану.

А центром всей этой кутерьмы был образ Кейрана, стоявший перед глазами...

Только сейчас мне виделся не тот молодой, немного хмурый сноб, которым поневоле я считала его после наших кратких встреч. Я видела его иным. В развороте прямых плеч не было напряжения, а виделся вызов и сила. Лицо не отстраненное и мрачное, а суровое и решительное, как у человека, готового встретить что-то и не сходить с пути...

Весь его образ сейчас воссоздан при помощи моего собственного эмоционального состояния, и выглядел Кейран, как... одинокий фэнтезийный герой. Не хватало только добавить анимации: ветра, развевающего волосы, какой-нибудь боевой раскраски на лице, оружия в руках.

О, Боже, с этим надо что-то делать. Я фыркнула, заворочалась, выбираясь из трясины своих фантазий.

Потом лежала, таращась в темноту комнаты. Всполохи далеких фейерверков, огни машин, проезжавших по улице, свет фонарей — все это создавало причудливую симфонию вспышек и теней на стенах и потолке. В эту ночь город не спал, и с улицы доносилось звуков больше, чем порой бывает днем.

Я сжала амулет в руке, да так и заснула, не выпуская его.

***

...На следующий день, наскоро позавтракав, я отправилась в лавочку Эвлинн, полная решимости задать ей несколько вопросов. К моему разочарованию оказалось, что магазинчик закрыт до завтрашнего дня.

Сей факт заставил чуть замешкаться, но порывов не остудил.

Через минуту я уже неслась к автобусной станции, и вскоре ехала по направлению к пригороду, где располагался коттедж, принадлежавший Уолшу. В дом я, конечно, зайти не смогу, но мне всего-то и надо — посмотреть на ставни с их навесами в виде переплетенных листьев.

Мне не очень нравилось, что я так загорелась этим расследованием и покорно пошла на поводу у невидимых «веревочек», что упрямо тащили, направляя мои действия. Но было явственное ощущение чего-то, взявшего меня в плотное кольцо новых обстоятельств, пока еще казавшихся надуманными.

Автобус быстро домчал до нужной мне остановки. Я шла по узкому, мощеному брусчаткой тротуару знакомой улицы, минуя кафе и магазинчики, запомнившиеся с прошлого посещения этого места. Стройные ряды разноцветных коттеджей казались почти старыми знакомыми, а проходя мимо дома «дамы приятной» с его ухоженным газончиком, я невольно повернула голову, надеясь увидеть колоритную краснощекую хозяйку, возившуюся в цветнике. Действительно, возле дома кто-то снова находился. У аккуратного ряда рассады, посаженной вдоль неширокой дорожки, ведущей к крыльцу, сидела на корточках женщина и что-то там энергично рыхлила.

Невольно я притормозила, не переставая смотреть на садовницу, но не узнавала в ней ту

прежнюю, пышную мадам. Наверное, почувствовав мой интерес, женщина повернулась и посмотрела на меня, поднимаясь на ноги. Она оказалась совсем юной девушкой с румяным лицом и копной светлых, как лучи полуденного солнца, волос, закрученный в растрепавшийся свободный узел на затылке. Рослая, крупноватая, в ее лице и очертаниях фигуры, облаченной в балахонистый свитер, явно угадывалось сходство с той самой «дамой приятной». Девушка вполне могла быть ее дочерью.

Я кивнула девице, проходя мимо, а та, окинув меня внимательным взглядом, немного неуверенно улыбнулась в ответ и тут же вернулась к своему занятию.

Случайное перестало быть случайным, и обстоятельства уже не казались надуманными, когда я пробралась к утопавшему в буйной растительности коттеджу и остановилась, разглядывая ставни. Глаза меня не обманывали: в дизайне кованых навесов обнаружилось явное сходство с узором, украшавшим амулет. Те же листья дуба, переплетенные с тонкими веточками вереска. Ничего не смыслу в технике выполнения этих изделий, но не заметить объединявший их стиль, своеобразный авторский почерк, просто невозможно. Не говоря уже о том, что и ритм повторения элементов узора был один и тот же.

Я отошла на несколько шагов от дома и задрала голову, разглядывая «взъерошенную» крышу, украшенную красивым деревянным коньком.

Любопытство потянуло меня за дом, туда, где из больших окон гостиной мы с Брайаном при первом посещении коттеджа видели заросший сад. Пробираясь сквозь бурно зеленевшие кустарники и лианы, я едва находила место на земле, где можно поставить ногу, не рискуя наступить на переплетенные стебли и распускающие листья и соцветия. Такое буйство растений я, пожалуй, не встречала еще нигде. Казалось, здесь располагался кусочек дикого царства природы, где все насаждения чувствовали себя особенно вольготно, позволяя себе расти, как им вздумается. И это не заброшенность или неухоженность в привычном смысле. Наблюдалось нечто дикое, первобытное, свободное, не ограниченное рамками человеческого вмешательства со всеми этими прямыми линиями посадки и аккуратно или вычурно подстриженными кронами. Несмотря на то, что, наверное, высаживалось все здесь когда-то в определенном порядке.

Я добралась до заднего двора и нашла место, откуда особенно хорошо виден дом и выходящие в сад французские окна гостиной. Сквозь них можно разглядеть бледные прямоугольники света, падающего сквозь листву на деревянные полы, и камин слева у стены. Я подобралась поближе, прильнула к окну, придерживая нависающие ветви жасмина, которые уже захватывали как дополнительную опору новые побеги девичьего винограда и хмеля.

Комната казалась удивительно светлой даже при том, что сейчас я закрывала окно, и без того затененное буйной растительностью. Просторное помещение с его палевыми, белыми и бежевыми оттенками стен, пола и потолка казалось наполненным воздухом и покоем. Я невольно представила, как выглядела гостиная, если бы там стояла мебель, и был растоплен камин...

Воображение разыгралось настолько, что перед глазами стали проплывать неясные тени, словно выцветшие кадры старого кино. Я почти увидела себя в этой комнате и еще кого-то рядом...

И вдруг мое занятое туманными фантазиями сознание получило некий и-мейл, однозначно и безапелляционно извещавший — это твое место, оно ждет тебя. Мне даже показалось, что услышала звуковой сигнал, подобный тому, какой уведомляет о получении

нового сообщения на электронную почту.

Мысль показалась настолько чужеродной, рожденной вовсе не моим разумом, что вызвала у меня приступ паники, заставив стремглав броситься прочь. Подальше от этого заколдованного сада, видений и непрошенных «извещений», посылаемых прямо в мозг.

Кажется, я основательно напугала пожилого джентльмена на велосипеде, неспешно проезжавшего мимо по тихой улочке, когда выскочила из калитки, не потрудившись аккуратно закрыть ее за собой. Я едва не налетела на мужчину, заставив его совершить опасный маневр на обочину. Он выдал мне вслед что-то явно недоброе сорвавшимся от неожиданности голосом, но я неслась вперед, не обращая внимания.

Смутно помню, как оказалась на остановке, а потом и в автобусе. Возвращение домой прошло в режиме включенного автопилота. Полностью очнулась, лишь когда открывала двери квартиры.

Оказавшись в знакомых стенах, перевела дыхание, но с удивлением поняла, что странные, навязчивые ощущения, охватившие меня на участке возле коттеджа, так и не прошли.

Они прочно закрепились где-то в глубинах сознания, проникли в меня, создавая совершенно новое мироощущение и безвозвратно относя от привычных берегов.

***

Кейран зевал и потирал усталые, покрасневшие глаза, просматривая на экране компьютера отснятый материал. Голова плохо соображала после бессонной ночи и большей части дня, проведенного на вилле Морин за обсуждениями, корректировками планов и первыми пробными съемками у нее дома.

Накануне Кейран и Шона присоединились к Морин во время празднования Бельтайна, куда ее пригласили в качестве почетной гостьи, сделавшей щедрый вклад в казну города. Уолш, конечно же, захватил камеру, хотя они не планировали проводить во время мероприятий съемку для их проекта. Просто без фотоаппарата он чувствовал бы себя практически голым, не понимая, в качестве кого присутствует в разношерстной свите бесподобной Морин. Профессионализм его не подвел, и несколько сделанных кадров оказались весьма удачными и вполне могли дополнить материал будущего альбома.

Но, даже несмотря на это, мероприятия оказались на редкость утомительными, и если бы не неожиданная встреча в парке, Кейран посчитал бы свое время потраченным впустую.

В груди сладко заныло от воспоминания о минутах, проведенных с Хейз на скамейке.

Гибкие ветви ивы отгородили их от всех колышущимся, ажурным занавесом. Мир, окружавший их в тот миг, был беспристрастным, работали только законы равновесия, справедливости и царствовала добрая воля. Кейран чувствовал себя попавшим в сказочную мечту, где все нереальное и недостижимое становилось доступным и осуществимым лишь силой его желания.

Казалось, как просто взять телефон, набрать ее номер и сказать: «Я хочу тебя видеть. Прямо сейчас».

Но нечто, лицемерно зовущееся здравым смыслом, не позволяло выполнить алгоритм этих простых действий и получить желаемое.

Кейран стащил очки с переносицы и надавил на глаза ладонями, чувствуя, как к усталости добавляется головная боль. Нараставшая в висках пульсация вернула с небес на землю.

Помимо работы с Морин, Кейрану поступило еще два заказа, от которых он не

собирался отказываться. Причем, один из заказов предполагал короткую поездку, на которую только чудом можно выкроить время в его плотно расписанном графике.

Шона большую часть времени находилась рядом, но сегодня утром на виллу Морин он поехал один. Кейран видел, как его подруга устала, и что с самого приезда из Столицы оставалась нервной и напряженной. Под глазами девушки залегли тени, а ее обычная мягкая улыбка все чаще стала походить на рассеянную гримаску. Кейран не задавал много вопросов, но настоял, чтобы она хорошенько отдохнула.

Не так давно уволившись из рекламного агентства, Шона подрабатывала фрилансером в этой области. А последнее время практически стала персональным менеджером Кейрана, его координатором и помощником.

Не надо было прилагать усилий и ждать просветлений свыше, чтобы понимать, как много пришлось бы менять в устоявшейся жизни, решись он сделать то, к чему устремлялось сейчас его сердце.

Кейран покосился на айфон, лежащий рядом, и снова уткнулся в экран компьютера, морщась от усиливавшейся головной боли. Давно пора поднять зад со стула и выпить пару таблеток. А еще лучше лечь и поспать.

Зазвонил телефон и Кейран ответил, не глядя на определитель номера.

— Кейран?

— Да, — машинально отозвался он.

Он еще не осознал, чей голос слышит, но почувствовал, как ожило и заворочалось что-то в груди.

— Хейз? — выдохнул он, резко вставая со стула.

Болезненная пульсация в голове заставила зажмуриться, и Кейран сильнее стиснул айфон в руке.

— Не передумали обменяться недвижимостью? — спросила она. — Я продам квартиру и куплю ваш коттедж. Ну, так что скажете? Ваше предложение еще в силе?

Она мягко усмехнулась и добавила после краткой паузы:

— И можете не волноваться, на этот раз я решения не изменю.

---

*Бритва Оккама — методологический принцип, сформулированный средневековым англ. философом и логиком У. Оккамом, который может рассматриваться как одна из первых ясных формулировок принципа простоты. Содержание принципа можно упрощённо свести к следующему: не надо вводить новые законы, чтобы объяснить какое-то новое явление, если это явление можно объяснить старыми законами.

Глава 13

Затвор камеры щелкал безостановочно.

Кейран почти не отводил глаз от маленького жк-экрана, лишь изредка бросая короткие взгляды на объект съемок не через видоискатель и время от времени делал негромкие замечания кому-нибудь из группы.

Интерьеры особняка являлись достойным обрамлением для неповторимой природной красоты женщины, которую он снимал. В том, что исключительная красота Морин истинна, Кейран не сомневался, прекрасно изучив внешность своей модели — никакой пластики, никаких хитрых уловок гримеров. Величественная, ослепительная, раскованная в каждом жесте, позе или взгляде. Поразительно фотогеничная, с безупречной кожей, неподражаемым умением держаться, она позировала так, что время съемок использовалось максимально продуктивно, в чем Кейран убедился, быстро просмотрев в перерыве отснятый материал. Выбрать лучшие кадры будет трудно, они все получились почти идеальными.

Работая, Кейран старался не думать о предстоящем визите к Хейз, хотя давалось это ему с трудом. Её неожиданный звонок удивил и смутил его. Заставил волноваться. Он до ночи метался по квартире, не находя места. Почему она передумала? Не то чтобы ему очень важно об этом знать, но все же...

Они договорились встретиться сегодня вечером. За два прошедших после ее звонка дня он все обдумал, договорился с хорошим специалистом по недвижимости. И ничего не сказал Шоне.

А Шона все время была рядом, более молчаливая и сдержанная, чем обычно. Вчера она приехала к нему и прямо с порога попросила заняться с ней любовью. Именно попросила, смотрела с вызовом и дрожала от нетерпения. И, наверное, от чего-то еще.

Раньше она никогда так себя не вела, и Кейран не склонен считать это попыткой Шоны внести разнообразие в их сексуальные отношения.

Следовало бы успокоить девушку, расспросить о том, что с ней происходит. Но Кейран просто сделал то, чего она хотела.

Но слыша тихие стоны женщины, которую умело доводил до оргазма, целуя знакомые губы, вдыхая ее тонкий аромат, он думал о другой и заводился именно от этих мыслей...

— Ты хорошо себя чувствуешь, Ши? — тихо спросил Кейран, увидев Шону сегодня утром.

— Чувствую нормально. Физически я в порядке, — отозвалась она, целуя его в уголок рта. — Не знаю, что за чертовщина творится, но с той ночи в Столице я почти не сплю. Снится какая-то отвратительная ересь.

— Обратись к специалисту, — честно говоря, Кейран не знал, что еще сказать. — Я вижу, что ты вся издергалась. Не просто же так. Причины должны быть.

Шона усмехнулась, пряча печальный вздох. Она приблизилась к своему мужчине и, касаясь губами его уха, прошептала едва слышно:

— Есть причины. И они в тебе.

— Вот уж не стремился стать предметом твоих ночных кошмаров, — удивленно взглянул на подругу Кейран. — И что же я такое натворил?

— Стыдно признаться, но я, кажется, безумно ревную тебя, — ответила Шона.

Одна темная бровь Кейрана выразительно приподнялась над оправой очков.

— И как же я сам не догадался. Ревнуешь и только-то?

Он сразу не понял, шутит она или говорит серьезно и попытался придать своему саркастичному тону немного безразличия, но на самом деле в душе его что-то дрогнуло и заворочалось, словно проснулся доселе спящий зверь — опасный и непредсказуемый.

— Не надо сарказма, милый. Я действительно дико ревную тебя. И к какому специалисту посоветуешь обратиться? Кто у нас лечит ревность?

— Я такой специалист, — ответил Кейран, привлекая Шону к себе. — Посоветую выбросить из головы нездоровые фантазии. А я могу осторожно поинтересоваться, какой повод дал, сам того не ведая?

— А его вовсе не ты дал, а она, — и девушка едва заметно кивнула в сторону Морин.

Пламенноволосяная красавица величественно возвышалась среди окруживших ее стилистов, поправлявших макияж и прическу. На Шону и Кейрана она не смотрела и казалась целиком и полностью поглощенной тем, как вокруг нее суеились помощники.

— Становится все интересней. Но почему я об этом не знаю?

— Неужели? — вскинула брови Шона. — Хочешь сказать, что ни разу не замечал, как она смотрит на тебя?

— Ну, почему же. Замечал, и не раз. Я же разговариваю с ней, снимаю ее. Я фотограф, она модель. Мы все время друг на друга смотрим. Очень пристально.

— Она на тебя даже не смотрит, — Шона легонько дернула его за отворот куртки. — Она тебя... обволакивает взглядом. Словно хочет пропитать своим... своим... — Шона замешкалась, подбирая слово, — своим вождением. А потом проглотить, всего без остатка. Как Венера мухоловка.

— Жуть какая, — картинно содрогнулся Кейран. — Сравнение-то, какое... сочное, с мухоловкой. А слово ты подобрала — вождение. Буэ... — на его обычно не богатом мимикой лице отразилось комичное отвращение. — Я ее уже боюсь.

— Правильно делаешь, — мрачно отрезала Шона, и Кейран с удивлением понял, что она не шутит.

И тут же испытал облегчение: пусть Шона лучше сосредоточит свое внимание на Морин, чем начнет догадываться, о ком он на самом деле думал.

Кейран снова не стал ничего рассказывать девушке о звонке Хейз и о предстоящем к ней визите. Он вообще сохранил бы в тайне ото всех, что покупает квартиру в городе.

В течение дня Кейран несколько раз перемещался по особняку Морин Берриган, меняя места для съемки, за ним тащились все, участвующие в процессе. Действо казалось нескончаемым, как и сам длинный утомительный день. И он все время чувствовал неприятный привкус короткого разговора с Шоной, и привкус этот отдавал горечью вины.

Стены шикарного особняка вдруг стали давить на него, инстинктивно заставляя как можно скорее завершить работу, свернуть все и покинуть это место. Но, вспомнив, что он здесь не один и существует намеченный график, Кейран взял себя в руки, выбросив лишнее из головы хотя бы на время работы.

В перерыве, когда Шона и другие перебрались перекусить на террасу особняка, Морин подошла к нему. Кейран снова просматривал на маленьком экране камеры только что отснятый материал, прихлебывая крепкий ароматный кофе из большой фарфоровой кружки. Хозяйка виллы распорядилась, чтобы всех кормили самым лучшим образом: никакого фастфуда, никакой одноразовой посуды и суррогатного кофе.

— Вы выглядите усталым, — сказала она. — И озадаченным.

— Я озадачен ответственной работой.

— Это я. Ваша ответственная работа — это я, — заявила Морин. — Но мне совсем не надо, чтобы вы тут пали бездыханным. Я за вас тоже отвечаю.

— Да я и сам за себя отвечаю, — сдержанно отозвался Кейран, борясь с желанием отодвинуться или поскорее свернуть этот разговор. — Не хотелось бы нарушать намеченный план. У меня ведь еще есть заказы. Хочу все успеть.

Ему показалось, что он лепечет что-то себе под нос, как оробевший подросток. И при этом вцепился в свою камеру, как в спасательный круг.

— «Когда Бог создавал время, он создал его достаточно»*, - процитировала Морин. — Сделайте перерыв. Мы все успеваем, и нет нужды надрываться. Хотя, может быть, вы торопитесь быстрее все закончить и распрощаться со мной?

Молодой человек открыто посмотрел на неё. Женщина была почти одного с ним роста. В облегающем платье темно изумрудного цвета, с высоко поднятыми над стройной шеей волосами. Янтарные глаза на идеальном лице смотрели серьезно и внимательно, и в них не было ничего... призывного. Или даже отдаленно напоминающего, как выразилась Шона, вожделение. Она смотрела без иронии или кокетства, с искренним интересом, ее губы не кривились в улыбке и между ними хищно не мелькал яркий, манящий кончик влажного языка...

Кейран невольно задержал взгляд на губах Морин, и едва утерпел, чтобы не зажмуриться и не потрясти головой, прогоняя из воображения вульгарные картинки карикатурного соблазнения.

— «Перемена работы — тот же отдых», — поговоркой на поговорку ответил он.

— Согласна. Но не в вашем случае. У вас покраснели глаза, Кейран. Вам надо перекусить и немного отдохнуть, — не отставала Морин. — Оставьте ваш кофе и идите на террасу, там накрыли стол к обеду.

Она очень аккуратно взяла из его рук камеру и осторожно положила ее на стол.

— Оставьте здесь вашу аппаратуру. С ней ничего не случится. Пойдемте, я тоже хочу есть и отсюда чувствую запах пряностей. Очень соблазнительный. Мой повар бесподобно готовит гуляш с клецками.

Кейран усмехнулся, сдаваясь. Он вытащил из камеры карту памяти, положил ее в карман и с готовностью посмотрел на Морин. Женщина улыбнулась.

— Дефицит доверия? Боитесь, что-то пропадет? Любите все держать под контролем? — выдала она строй вопросов, не требующих ответа. — Вот и у меня та же история.

Взяв фотографа под руку, Морин направилась в сторону дверей, ведущих на террасу особняка.

Касание ее изящной, ухоженной руки к его предплечью показалось Кейрану мягким и в то же время удивительно сильным и уверенным. Она не просто шла рядом, она вела, направляла, настойчиво увлекая за собой, не давая возможности даже допустить мысль, чтобы передумать и отказаться сопровождать ее.

Кейран будто попал в волну и подчинился, почувствовав легкую растерянность, в которой неохотно признался самому себе.

Подведи она его к краю крыши, он бы, наверное, прыгнул, зная, что именно этого она хочет.

***

Я словно готовилась к первому свиданию.

Тщательно вымыла голову, высушила и расчесала волосы так, что они стали блестеть, как шелк. Долго думала — оставить их распущенными или заплести все же в косу. В итоге стянула в свободный хвост, прихватив заколкой чуть ниже шеи: волосы не мешают, но в то же время красиво струятся по спине. Лицо освежила легким макияжем.

Понимая, что начинаю перегибать палку, попыталась успокоиться. Я же не соблазнять Кейрана собираюсь, а вести с ним деловые разговоры.

Хотя мои действия (или желания?) говорили явно об обратном.

А если он придет со своей подругой? Как там ее звали?

Нервничая больше, чем полагается, почувствовала, как вспотели ладони, а пальцы стали холодными. Пару минут под струей горячей воды, а потом нанести на руки немного талька и проблема решена. Но вот легкую дрожь в руках не скрыть.

Натянув слаксы кофейного цвета из плотного гладкого льна и приталенную зеленую блузку с маленькими коричнево-изумрудными пуговицами, я повесила на шею амулет и спрятала его под одежду. Холодная металлическая поверхность подвески привычно коснулась кожи и мгновенно нагрелась, словно втянула тепло моего тела незаметным коротким вдохом.

Звонок в дверь раздался ровно в назначенное время. Кейран был один, он вошел, вежливо поздоровался. Деловой, подтянутый, аккуратный в голубой рубашке, кожаном жакете, подчеркнувшем разворот широких плеч и черных брюках, идеально сидящих на его длинных ногах и узких бедрах. Темные волосы зачесаны назад, а очки в тонкой оправе не отвлекают внимание от черт лица. Красивого лица.

Я провела его на кухню, с горечью понимая, что от того Кейрана, с которым я сидела на скамейке в парке под скрывающей нас зеленью ивы, в нем сейчас нет ничего. Этот Кейран выглядел предельно сдержанным и отстраненным. Даже высокомерным, с этим его неподвижным лицом, которое он не утруждал оживить хотя бы тенью вежливой улыбки. Совсем, как в нашу первую встречу.

Показалось мне или нет, но чувствовалась в нем все же какая-то тщательно скрытая уязвимость. Явным же было то, что он озадачен и напряжен.

Мы уселись за стол напротив друг друга. Он быстро осмотрел кухню, избегая взглядом меня. Я заметила, как пару раз дернулся его красиво очерченный рот, будто он что-то хотел сказать.

Кейран вытащил из кожаной папки прозрачный файл, извлек из него и положил на стол между нами какие-то бумаги.

Он говорил, не глядя на меня, придерживая длинным пальцем уголок лежащего сверху листа. Я слушала что-то про документы, необходимые для оформления сделки. Про вопросы, которые у меня могут возникнуть. О специалисте, с которым я могу связаться и проконсультироваться. И еще много, много всего...

Закончив говорить, Кейран коротко взглянул на меня темным, сине-зеленым взглядом, оттенка морских вод в пасмурный день. Я не ошиблась, тогда в парке именно такими и увидев его глаза.

Мы смотрели друг на друга пару секунд. Выражение лица Кейрана не изменилось, но в глазах что-то мелькнуло, он сглотнул и опустил веки.

Воздух в помещении стал казаться прохладным, влажным, все куда-то отодвинулось, словно я внезапно оказалась на продуваемой всеми ветрами пустоши, где вокруг никого и

ничего, кроме холода и ветра...

— Хотите чай или кофе? — спросила я, резко всплывая из своего видения.

Предложение продиктовано вежливостью и элементарным гостеприимством, а также желанием разрядить немного обстановку между нами и скрыть ту ранящую неловкость, что я испытывала рядом с Кейраном.

Мне нравился этот мужчина, в этом я не сомневалась, но вот то, что я сочла за ответный интерес ко мне, таковым на самом деле, похоже, не являлось.

У него есть девушка. Не мешало бы мне почаще вспоминать об этом. И не все способны выкидывать номера, подобные тому, как я поступила с Брайаном. Легкомысленно и безответственно.

— Кофе? Да, можно, — ответил он негромко.

Я встала из-за стола и пока возилась, заваривая напиток, в голове роились мысли.

Что я вообще творю? С чего вдруг продаю квартиру и меняю ее на домишко в Богом забытом пригороде? Ну, хорошо, пригород вовсе не забыт Богом, а вполне приличный. Но все равно.

Что изменилось во мне настолько, что заставило внезапно решиться на этот шаг?

Возможно ли, что я позвонила Кейрану только потому, что не придумала лучшего повода увидеться с ним?

Кухню заполнила новая волна неловкой тишины.

— Хотите пока еще раз осмотреться в квартире? — громко сказала я, не в силах больше терпеть это тяжеловесное, неуклюжее молчание.

Он тут же поднялся из-за стола, резко отодвигая стул.

— Да, спасибо. Я, конечно, взгляну, — сказал с явным облегчением и вышел из кухни.

Я постояла, облокотясь руками о край кухонной тумбы, переводя дыхание и собираясь с мыслями. Потом налила кофе в две кружки, поставила их на стол вместе с сахаром, сливками, тарелкой полной разной выпечки и пошла звать своего гостя.

Он стоял в гостиной у окна и смотрел на улицу.

Совершенно безумная мысль посетила меня в ту же секунду, как я увидела Кейрана в этой, пока еще моей, комнате — хочу прикоснуться к нему.

И вовсе не кончики пальцев покалывало у меня от этой острой потребности. Я вся наполнилась этой нуждой, необходимостью, важной, как воздух для дыхания. Захотелось подойти, обвить его талию руками, прижаться к его спине и замереть...

Безумство порыва сменилось ушатом ледяной воды от осознания, что я добровольно и бездумно отдаю принадлежащее мне по законному праву и всем сердцем хочу получить то, что моим быть не может.

***

...Зеленая блузка придавала ее глазам глубокий оттенок, делая их прозрачными и бездонными.

Одного взгляда на Хейз хватило, чтобы войдя в квартиру, Кейран едва сдержался и не схватил девушку за руки, притянув к себе и жадно впиваясь в ее губы.

Он знал, что если коснется ее сейчас, то пропадет.

Наваждение. Снова это слово, которого в обиходе Кейрана сроду не бывало. Но как назвать состояние, когда эмоции и желания накатывают как стихия, не давая возможности и времени разобраться в них. И это не отпускает, а становится только сильнее.

Они сидели за кухонным столом, он показывал ей документы и объяснял, какие шаги

следует предпринять для оформления сделки. По сути, он почти все хлопоты взял на себя, избавив Хейз от лишней беготни. Девушка слушала его и скорее всего, замечала, что он избегает ее взглядом. Наверное, это выглядело странно и невежливо, но Кейран не мог ничего поделать с собой.

Ему казалось, что за его спиной ровным строем стоят обязательства, которые он не может и не должен нарушать. Разговор с Шоной пошатнул его равновесие, а несколько минут, проведенных с Морин вне рамок их делового общения, вообще выбили из колеи. В какой-то момент он вдруг почувствовал, что эта женщина обладает удивительным даром подчинять.

Когда они шли на террасу, соприкасаясь локтями, ему казалось, что воля в этот момент спит крепким сном, не желая проявлять себя. Тело само двигалось, послушно переставляя ноги...

Но если у него и имелась какая-то проблема, то вовсе не с самоконтролем. Проблема в том, что, находясь рядом с Хейз, он не хотел себя контролировать.

Эта девушка, как сила природы — чистая, непритворная, влекущая. Она проникла в разум, наполнила душу желаниями, которые по сути своей придавали иной смысл всему, что приходилось чувствовать раньше.

Хейз предложила чай или кофе и поднялась из-за стола. Легкое движение воздуха донесло до него тот самый тонкий, сладкий аромат, дурманом наполнивший голову.

Кейран ухватился за ее предложение осмотреть квартиру как за спасительную соломинку. Поднимаясь, едва не опрокинул стул, и сбежал из кухни, как с тонущей лодки.

Только тонула не какая-то там лодка, а он сам. Тонул в шквале чувств и ощущений, которые накатывали на него, когда Хейз была рядом. Или, когда думал о ней.

Двигаясь по квартире, с трудом представлял, как будет находиться в этих стенах, зная, что каждый сантиметр пространства пронизан присутствием Хейз.

Но если это все, что он может себе позволить, то лучше так, чем совсем ничего.

Кейран остановился у большого окна в гостиной и смотрел на тихую улочку, на которую опускались прозрачные, серебристые сумерки. Пространство перед парадным небольшое, выложенный брусчаткой тротуар неширокий. За ним проходила дорога, по которой очень редко проезжали машины, так как дальше улица оканчивалась тупиком. За дорогой начинался сквер, за ним — центральная площадь, и открывался вид на гавань, в темнеющем небе над которой носились чайки.

Кейран скорее почувствовал, чем услышал, как Хейз зашла в комнату и остановилась, не приближаясь к нему.

Очнувшись от своих размышлений, молодой человек ощутил запах кофе, наполнивший квартиру.

Повернулся, и какое-то время они смотрели друг на друга, позволяя глазам замкнуться в цепь, по которой передавались неведомые сигналы, говорившие больше, чем слова.

— Мне нравится здесь, — сказал Кейран. — Это очень хорошее место. Честно говоря, не понимаю, почему вы решили продать квартиру.

Хейз глубоко вдохнула, словно собираясь нырнуть на большую глубину, и ответила:

— Уж поверьте, мне и самой никак не осознать свое решение до конца.

Ответ прозвучал странно.

— Шаг непростой, но я должна его сделать, — добавила она. — Так уж сложились

обстоятельства.

Кейран смотрел, как она медленно шагнула вперед, подходя к большому старинному шкафу из потемневшего дерева. Прислонилась к нему спиной, скрестила руки на груди. Ворот блузки чуть сдвинулся, открывая изгиб нежной шеи, переходящий в плечо и довольно толстый темный шнурок, наверное, с каким-то украшением, спрятанным под одеждой.

— Обстоятельства могут измениться. Не будете потом жалеть? — спросил Кейран.

Она медленно покачала головой.

— Ну, что ж, хорошо, если так, — заключил он. — Я помогу вам переехать. Найму машину, грузчиков. Только скажите, когда будете готовы.

— Спасибо, конечно. Но это ни к чему, сама справлюсь, — отозвалась Хейз.

Она чуть повернула голову, глядя куда-то в угол. Темный шелк ее волос переливался под светом настенной лампы. Ему захотелось коснуться блестящих прядей, запустить в них пальцы, сжать в кулак убрannую в длинный тяжелый хвост копну, потянуть, запрокидывая ее голову так, чтобы лицо девушки было обращено к нему.

Кейран сделал к Хейз два стремительных шага. Прежде, чем он осуществил то, о чем думал, успел заметить, как распахнулись ее глаза. Она подалась вперед и оказалась в его объятиях.

Он накрыл губами ее рот, проникая языком внутрь. Кейран закрыл глаза от невероятного блаженства, охватившего его. Сладость ее мягких, гладких губ покрыла его язык нектаром, который кружил голову и пьянил, как вино. Запретный вкус...

«А был он слаще меда, пьянее, чем вино...»

Она ахнула, оборвав собственный вздох, тихо простонала, и он выпил этот звук и тепло ее дыхания. Их языки встретились в медленном танце, тела напряглись в тесном касании.

Кейран углубил поцелуй, нетерпеливые ладони гладили спину девушки, проникая под тонкий хлопок рубашки. Поддерживая Хейз одной рукой, он медленно сместил вторую, скользя по ее животу вверх, к груди.

Рука коснулась медальона, спрятанного под рубашкой.

Кисть словно прошил электрический разряд. Кейран вздрогнул от неожиданности, замер, чуть отклоняясь и глядя в раскрасневшееся лицо Хейз ошеломленным взглядом.

Медленно разжал объятия, продолжая потрясенно смотреть на девушку. Потом отпрянул, делая шаг назад, развернулся и бросился прочь из комнаты.

...Застывшая на месте Хейз вздрогнула от донесшегося до нее стука входной двери.

---

*«Когда Бог создавал время, он создал его достаточно» — Ирландская поговорка.

Глава 14

«Чокнутая», «ненормальная», «сумасбродка» и прочие нелестные эпитеты сыпались в мой адрес из уст Пэтти, когда я, наконец, рассказала друзьям о переменах в своей жизни.

На несколько дней сведя общение с Брайаном и Патрицией к минимуму, я позвала их к себе после того, как получила на руки документ, подтверждающий, что отныне являюсь владелицей коттеджа по такому-то адресу.

Мы втроем сидели в гостиной квартиры, уже не являвшейся моей, пили пиво, заедая чипсами и острыми колбасками, и пытались общаться. Патриция солировала, навешивая на меня гирлянды своих умозаключений, больше похожих на анамнез и диагноз. Я не пыталась объясняться или оправдываться, поэтому больше молчала, великодушно позволяя Пэтти вспоминать все мои «необъяснимые» с ее точки зрения поступки. При этом подруга очень выразительно поглядывала на Брайана. Она до сих пор не знала наверняка, что у нас с ним произошло, и пыталась либо прояснить это для себя, либо «предотвратить» возможное.

На Брайана я не могла смотреть без того, чтобы мое сердце не сжималось болезненно. Он был по-прежнему внимателен и нежен со мной, но замирал каждый раз, как мы случайно касались друг друга. Брай словно выключался, утрачивая присущий ему внутренний свет. Он не спрашивал меня, почему я изменила свое решение не продавать квартиру. Не спрашивал вообще ни о чем в отличие от Патриции, которая докапывалась и допытывалась, желая вывернуть меня наизнанку и узнать истинные причины моего внезапного решения.

А что я могла сказать, если сама не знала толком этих истинных причин?

Я позвонила родителям и выложила все начистоту. Вопреки ожиданиям ни мама, ни отец не удивились и не осудили меня. Напротив, именно родители дали мне убедительные ответы на вопросы, порожденные моим поступком. Правда, ответы эти предназначались скорее для других, чем для меня. Сама я до сих пор не очень понимала, какие силы побудили меня сделать этот шаг.

— Мы догадывались, что после всего случившегося ты, родная, будешь нуждаться в переменах, помимо возвращения в родной город. Только эти перемены должны являться проявлением твоей доброй воли, а не результатом стихийного бедствия. Тебе, Хейз, нужно свое собственное убежище, но уж точно не полный покой в пропахшем нафталином бабушкином гнездышке. Там ты плесенью покроешься.

Мама, как всегда, сделала свои выводы.

— Ма-ааам, а мне жаль бабулину квартиру, — не выдержала я, шмыгая носом и стараясь сдержать слезы вины и раскаяния.

— Хейз, милая, ты же не память о бабуле продаешь, а всего лишь квартиру, в которой она когда-то жила. Это только стены, — отозвалась мама. — Что сделано, то сделано, дорогая, жалеть не о чем. Квартира твоя и ты вправе делать с ней все, что захочешь. Нам с папой она тоже ни к чему, мы возвращаться не планируем, тебе это хорошо известно. Так в чем проблема? Даже больше скажу — я очень рада, что ты будешь жить не в городе.

— Почему это? — удивилась я.

— Потому что, — лаконично отрезала мама и пояснила, сделав паузу, — зная, какая ты домоседка, мы уже с ужасом представляли с папой, как ты снуешь с работы домой и обратно, попеременно запираясь в четырех стенах офиса или квартирки. А тут у тебя не

будет возможности отсидеться в доме. Говоришь, у коттеджа есть садик?

— О да, — мрачно подтвердила я. — Настоящие джунгли.

— Вот и отлично, — резюмировала мама. — Начинай осваивать садоводство. Вырасти урожай и учись печь пироги с начинкой по бабушкиным рецептам. Ты, кстати, их не потеряла?

— Нет, — уныло отозвалась я.

Да уж скорее я позволю буйной растительности коттеджа напрочь оплести дом, чем надену резиновые сапоги, перчатки и возьму в руки секатор.

Потом в разговор включился папа и твердо, но дипломатично (профессия у него такая) и окончательно стабилизировал мое состояние.

Меня не осуждали самые дорогие мне люди, и я даже не представляла, какое облегчение испытаю, переговорив с родителями. Мне словно дали отпущение всех грехов.

Дальнейшие события понеслись с отчаянной быстротой, не давая возможности задумываться и предаваться сомнениям.

Все бумаги оформлены, вещи собраны и упакованы для переезда (снова!). Хорошо, что я не выбросила коробки, в которых мои пожитки еще совсем недавно ехали из Столицы.

За прошедшие дни я больше не видела Кейрана и не говорила с ним. Все формальности были улажены без его участия. Только одно сообщение пришло на мою почту от его имени, в котором сухо и по-деловому напоминали о том, каким образом будет производиться денежный расчет и вежливо уточнялись сроки моего переезда.

...Вспоминая, как руки и губы Кейрана касались меня, я покрывалась жгучими мурашками с макушки до пят. Но каждый раз меня тянуло истерически хохотать, когда в памяти всплывало его необъяснимое бегство.

Он был чем-то потрясен настолько, что не посчитал возможным хотя бы попрощаться. Просто сбежал, как затравленный зверь.

Помню, как, ничего не понимая, ошеломленная и оглушенная, почти бессознательно поплелась на кухню, ощущая в тот момент лишь пламя на губах от поцелуев и жар его рук на своей коже. Я взяла обе кружки с кофе, к которым мы так и не притронулись, и медленно сливала их в раковину, смотря, как два потока ароматной жидкости соединяются в один, исчезая в отверстии...

Происходило что-то необъяснимое, но одно несомненно — нас обоих влекло друг к другу с невероятной силой. Теперь-то уже я в этом не сомневалась.

Но существовало противодействие, которое не позволяло нам сближаться.

...С переездом мне помогали Брайан, Патриция и ее муж Колин. Он приехал прямо с работы и тут же включился в процесс, первым делом расчистив заросшие травой подступы к крыльцу коттеджа. Увидев, как буйная растительность заплонила участок и захватила дом, муж Патриции молча сел в свою машину и куда-то уехал. Вернулся скоро, привезя с собой новенький секатор, большой моток подвязочной проволоки, топор и грабли. Через час плющ и хмель больше не закрывали крыльцо и окна кухни, когда Колин мастерски срезал на фасаде здания старые побеги, а свежую поросль аккуратно подвязал.

А траву и сорняки, заплонившие дорожку от калитки к крыльцу, утоптали множество ног, пока мы дружно разгружали и носили вещи в дом.

Новенький инструментарий достался мне в подарок. Теперь уж точно мне не отвертеться от освоения навыков садоводства, но при этом мне все сильнее хотелось ограничиться применением топора.

...Ближе к вечеру фургон, перевозивший мой скарб был полностью разгружен и удалился, следом уехал и Колин.

Патриция, Брайан и я, усталые и взбудораженные, расположились в гостиной моего нового обиталища. Практичная Пэтти отдельно упаковала кое-какую посуду и еще кучу всяких нужных мелочей, включая аптечку и несколько контейнеров со съестным.

Мы накрыли импровизированный стол, используя одну из коробок. Совсем, как в первый вечер моего приезда в родной город. Это было совсем недавно, а, кажется, что прошла уйма времени.

Суэта улеглась, мы немного отдышались и расслабились, сидя на моем стареньком диване, и мне вдруг неудержимо захотелось плакать.

Полное осознание того, что я сделала и ничего уже нельзя изменить, накатывало с всё возрастающей силой. Давясь слезами, я запивала их горячим чаем и молилась про себя, чтобы Брайан и Патриция быстрее ушли, а я смогла бы предаться самоистязанию и вдоволь наревестись.

Но когда мои друзья, наконец, оделись и собрались уходить, вдруг поняла, что есть еще один очень важный момент, под которым я должна сейчас же подвести черту.

— Брайан, не мог бы ты еще задержаться, — сказала, когда они с Пэтти подошли к дверям.

Патриция остановилась, как вкопанная и с возмущением воззрилась на меня. Я видела, как ей хочется что-то сказать, но она сдержалась и только посмотрела на Брайана, ожидая, что скажет он.

— Конечно, — спокойно отозвался мой друг.

Чмокнул Пэтти в щеку, прощаясь с ней, тут же сбросил кроссовки и куртку и вернулся в гостиную, оставив нас с подругой один на один в прихожей. Патриция уставилась на меня пламенным взглядом.

— Не морочь ему голову, — зашептала она горячо, приблизив ко мне свое напряженное личико. — Думаешь, я не вижу, что между вами что-то происходит. Брайана словно подменили, он сам не свой и...

— ...и не стоит нам с тобой это обсуждать, — разозлилась я. — Извини, но иногда ты суешься не в свое дело, Пэтти. Я бесконечно благодарна тебе за помощь, но меня не интересуют ни твои советы, ни твое мнение насчет меня и Брайана.

— Ага! — прошипела она почти торжествующе, — значит, есть некая территория, где «ты и Брайан».

— Эта «территория», как ты выразилась, существовала всегда, — парировала я. — И тебе это прекрасно известно. Мы, по сути, никогда не были «тремя поросятами», хоть и дружили, но больше и чаще общались поврозь, парами — я и Брайан, я и ты. Разве не так?

Несмотря на то, что чуть раньше я думала иначе, но с моим отъездом Пэтти и Брайан не стали более близкими друзьями, вытеснив меня. Получается, что я была и оставалась объединяющим звеном нашей троицы.

Пэтти фыркнула, продолжая выразительно поедать меня глазами. Я почти видела, как она искрит, словно оголенный провод.

— Не разрушай то, что есть, Хейз, — не сдавалась подруга. — Что бы ты ни говорила, мы — друзья, очень давние друзья. Не забывай это, прошу. И это не совет и не мнение, это просьба. Переходить границу с Брайаном... неправильно.

Пэтти права, но все это я прекрасно понимала сама, и она, к счастью, не знала, что

границу мы давно нарушили. И действительно ни к чему хорошему это нас не привело. Я почти «сломала» Брайана, а теперь снова собиралась сделать ему больно.

— Если Брайан... — снова начала Пэтти.

Её упертости можно только удивляться. Придется прибегнуть к крайним мерам. Возможно, не к самым красивым, но других вариантов остановить Пэтти я не знала.

— Хватит о Брайане, — прервала я подругу. — Он взрослый и умный человек, и свободный мужчина. Он сам разберется, что к чему. Не думаю, что он просил тебя стать его адвокатом или телохранителем.

Я сделала вдох поглубже и продолжила:

— И если уж продолжать обмен мнениями, то, как по мне, так ты бы лучше обратила весь свой пыл на собственного мужа. Он наизнанку выворачивается, чтобы тебе по- всякому угодить, а ты его не достаиваешь и сотой долей того внимания, которое уделяешь мне и Брайану. Во всяком случае, в нашем присутствии. Ведешь себя, как королева, позволяющая себя обожать.

Щеки Патриции налились румянцем гнева, она набрала воздух, открыла и закрыла рот, собираясь разразиться какой-нибудь полной возмущения тирадой.

— Все, Пэтти, хватит, — решительно сказала я. — Мы сейчас поругаемся, а я этого совсем не хочу. Иди домой, к своему Колину, поблагодари его еще раз от меня за помощь. Он вовсе не такой простачок, каким ты его привыкла считать. Он классный парень, на редкость терпеливый и любит тебя безумно. У вас семья, а о нас с Брайаном тревожиться не нужно. Мы сами во всем разберемся.

Глаза Пэтти наполнялись слезами обиды, она слушала меня, и губы ее дрожали. Испугавшись, что она сейчас разревется, я порывисто обняла ее и чмокнула в щеку.

— Ничего не разрушится, если мы сами того не захотим, — сказала я, не очень веря в это.

Патриция сдула прядку волос, упавшую ей на лицо, и не сводила с меня широко раскрытых глаз.

— Пока, — сдавленно проговорила она, открыла дверь и вышла.

Пэтти быстро шагала к калитке, где за каменным ограждением участка ярким пятном выделялся припаркованный напротив дома ее желтый MINI Cooper. Я подождала, пока автомобиль скроется из виду, только тогда закрыла дверь и пошла к Брайану.

...Мы уселись рядом на диване, я собрала остатки мужества и заговорила, чувствуя себя отвратительной актрисой, хотя была абсолютно искренна.

В этом чужом и незнакомом доме начиналась новая глава моей жизни, и не хотелось, чтобы нечто искаженное и неправильное поселилось здесь вместе со мной.

Я говорила Брайану, что не хочу и не могу его обманывать, давать пустых надежд и обещаний, которые не выполню. И что ужасно сожалею о том, что мне приходится говорить все это ему. Ужасная банальщина, которая не в состоянии выразить и сотой доли того, что мне хотелось передать.

Брайан слушал молча, и взгляд его ясных глаз постепенно становился непроницаемым, словно обращался внутрь.

Когда я замолчала, он привлек меня к себе, жар его ладони сразу проник сквозь тонкую ткань футболки. Я сжалась, давась невыплаканными слезами, от которых пекло в горле, словно я наелась самого жгучего чили.

— То, что случилось между нами, было чудесно, но потом я чувствовала себя последней

гадиной... — сдавленно прошептала я.

— А вот это ты напрасно, — отозвался Брайан, и голос его чуть дрогнул, — но спасибо за честность и прямоту.

— Мне надо голову оторвать за то, что натворила...

— Тогда и мне тоже. Вместе ведь творили, взрослые же люди, — хмыкнул Брайан. — И, знаешь, не думаю, что это повод, чтобы так... изводить себя.

Я промолчала, не уточняя, что изводит меня не только нарушенная гармония в отношениях с ним.

— Послушай, Хейз, — осторожно заговорил Брайан. Рука его на моем плече напряглась. — Ты сейчас растеряна, сбита с толку. Развод, переезды, прочие неприятности. Тут еще я набросился, как оголодавший волк. Может, мы, в самом деле, поспешили? Тебе надо разобраться. Возможно, между нами как раз все правильно... Я подожду...

Я медленно покачала головой.

— Я... Есть другой.

Признание сорвалось с губ неожиданно, и Брайан замер, словно окаменел.

— Он... уже был до того, как ты вернулась сюда? — ровным голосом спросил он.

— Нет. Я встретила его здесь. Совсем недавно.

— Я его знаю?

— Нет.

— Вы сейчас... вместе?

— Нет. И не можем быть вместе, — я сказала это вслух и поняла, что выжгла эту неоспоримую истину на небесах, настолько она очевидна. — Он не свободен...

Воцарилась тишина.

Брайан казался спокойным, но я ощущала, как внутри него что-то болезненно сжалось.

От очередного приступа осознания, что я все делаю и говорю неправильно, невпопад и хочу не того, что надо бы хотеть, из моих глаз потекли слезы, и как не старалась, не смогла остановить горько-соленый поток.

— Ну, что ты плачешь, Хейз? — Брайан отстранился и посмотрел на меня. Его лицо застыло, лишь на скулах чуть двигались желваки.

— Если от жалости ко мне, то не стоит. Я не настолько жалок. А если это относится к тому, другому... Извини, не готов становиться для тебя жилеткой.

Я не узнавала его голос, звучавший глухо и бесцветно. Понимая, что он прав, все же чувствовала укол обиды. Так Брайан еще никогда не разговаривал со мной, но я это заслужила.

Стало страшно от того, что сейчас может прерваться и безвозвратно уйти что-то очень и очень важное.

Поток слез прервался сам собой, но осталась непереносимая горечь.

— Брай... — прошептала я.

Он ответил не сразу.

— Да?

— Не хочу тебя потерять...

Он издал какой-то звук, похожий на короткий хриплый смешок. Снова пауза, словно он раздумывал над ответом.

— Не потеряешь. Я от тебя не отвяжусь, не надейся.

Мы оба притихли на какое-то время.

— Тот раз был, как стихия... Ну, что с этим поделаешь — отказали тормоза. Крышесносный секс двух свободных взрослых людей. Честно говоря, не думаю, что мы с тобой смогли бы избежать этого, — заговорил Брайан, когда я немного успокоилась. — Это как острая потребность в чем-то, что нельзя проигнорировать. Я, конечно, надеялся на что-то большее, но ты довольно ясно дала понять, что не жаждешь этого. А я не настолько похотливый придурок, чтобы ничего не замечать и думать только о том, как бы трахнуть волнующую меня женщину еще разок, невзирая на то, что она явно избегает... контактов. А если женщина не поддается, то не стану спешить с тем, чтобы записать ее в стервы и гордо уйти под лозунгом «Она меня недостойна», заклеив навечно презрением. Так что тебе от меня не избавиться.

— Учту, — я почти улыбнулась. — Оказывается, я плохо понимаю мужчин. Но одно знаю точно — ты необыкновенный.

Он снова то ли резко выдохнул, то ли фыркнул, и мы надолго замолчали, сидя близко друг к другу. Я задремала, когда почувствовала, как губы Брайана прикасаются к моей щеке, а руки осторожно укладывают на диван.

— Не уходи, пожалуйста, — пробормотала, не в силах противиться сну. — Не могу оставаться здесь одна в первую ночь...

— Не уйду, — заверил Брайан.

Я обвила его шею руками, даря целомудренный поцелуй в щеку, он запечатлел ответный в уголке губ.

Перед тем, как сдаться на милость сна, мне показалось, что за окном гостиной моего нового жилища что-то шевельнулось, мелькнуло. Затуманенный дремой взгляд успел уловить слишком резкое для порыва ветра движение ветвей деревьев, вплотную касавшихся стекол в частых переплетах. Возможно, какая-то ночная птица вспорхнула среди листвы.

Веки налились тяжестью, сознание уплывало, когда я смутно почувствовала, как Брайан подсовывает мне под голову подушку и накрывает пледом. Прежде, чем окончательно отключиться, успела подумать, что нужно как можно скорее привести участок в порядок, чтобы хотя бы не казалось, что живу в непролазном лесу, населенном неведомыми созданиями.

...Проснувшись утром, я увидела Брайана спящим в кресле рядом с диваном.

***

Кейран вытащил из кармана ключи от квартиры, которая теперь принадлежала ему, открыл тяжелую добротную дверь и вошел внутрь. Все, как он хотел: небольшое уютное обиталище в центре города, про которое никто не знает. Он получил квартиру, и теперь хотел ее прежнюю хозяйку.

Чем больше думал о Хейз, тем больше погружался в черную меланхолию, едким дымом клубящуюся в душе.

Почему все так? Он всего лишь мужчина, она всего лишь женщина. Но между ними сформировалась странная и сложная связь, словно сплетенная из сплошных противоречий, не поддающихся определению и контролю.

С того вечера, когда он, наконец, прикоснулся к ней, Кейран пребывал будто в оцепенении. Всегда и везде внешне предельно сдержанный, не привыкший проявлять эмоции на людях, сейчас он и внутренне словно выгорал до серого пепла.

***

...Держа ее в объятиях, целуя мягкие податливые губы, Кейран едва не задохнулся от

полноты ощущений и пронзившего понимания: вот то, что ему нужно! И та, кто ему нужен. Вместе со сладостным ароматом ее кожи, который столько времени мечтал снова ощутить, Кейран впитал неоспоримую истину. Если это не то, чем он хочет отныне жить, то дальнейшее его существование жизнью уже не назовешь. Ничто и никто больше не может заставить его игнорировать очевидное — для него есть только Хейз. Вот такая, какой он сейчас ощущал ее. Трепещущая в его руках, со сладкими губами, шелком длинных волос, пахнущих цветами и солнцем, гладкостью теплой кожи под его ладонями.

Кейран помнил, как вцепился в волосы девушки, запрокинул ее голову, с непреодолимой потребностью впиваясь в приоткрытые губы. Помнил, как увидел ее удивленные глаза. Потом потонул в океане ощущений, рожденных прикосновением ладоней к ее спине под тонкой тканью рубашки. Её грудь так тесно прижималась в его груди, что стук сердца Хейз отдавался внутри него. Он должен коснуться ее смелее, настойчивей, заявить свои права на эту женщину... Руки переместились к чуть подрагивающему животу, скользнули вверх, к груди...

Он так и не понял, какая сила пронизала его подобно электрическому разряду, в тот миг, когда коснулся скрытого под ее одеждой медальона. Успел лишь смутно осознать в череде ощущений, что украшение попало на пути следования его рук к заветной цели. Затем острый, пронизывающий укол, молнией прошивший тело и разум. И все настолько реально, что Кейран не смог не подчиниться тому ошеломлению, которое испытал.

Вместе с разрядом в разуме вспыхнули краткие образы, которые он не смог ни запомнить, ни распознать. Но сразу же их место заняло четкое и непреложное понимание некой опасности, недопустимости того, что он делает. Это как первобытное табу, наложенное неведомо когда, но свято соблюдаемое даже спустя время и, невзирая на произошедшие в сознании и образе жизни поколений изменения.

Что-то, чем ни в коем случае нельзя пренебрегать.

Кейран в один краткий миг увяз в этих сумасшедших ощущениях, как насекомое, угодившее в смолу. Из всего абсурда он четко понимал только одно: он хочет Хейз больше всего на свете, но именно ее он не должен хотеть. Иначе...

Иначе случится что-то очень и очень плохое.

Давясь от неподвластных ему эмоций и чуждых мыслей, Кейран отскочил от девушки и бросился прочь. Ноги сами несли из квартиры, но он спасался бегством не от своих желаний. Он спасал Хейз от себя.

***

Он стоял в пустой комнате возле окна совсем как в тот вечер, когда последний раз видел её. Вечерняя синева, разбавленная золотистым светом фонарей, заполнила тихую улицу. Взгляд Кейрана скользнул в сторону автостоянки для жильцов дома, часть которой он мог видеть отсюда. Бампер его черного «лексуса» блестел, призывая не задерживаться в том состоянии, в котором молодой человек прибывал, застыв в раздумьях у окна.

Кейран решительно развернулся и направился к двери. Через минуту уже мчал к выезду из города. Туда, где теперь жила она.

...Кейран оставил машину возле мини-маркета на главной улице поселка и дальше пошел пешком.

Чувствуя себя подростком, который сбежал из дому на ночь глядя, без позволения родителей, старался держаться в тени и посматривал по сторонам. В этот поздний вечерний час на улице ему встретился только один мужчина, неторопливо выгуливающий собаку.

Дойдя до коттеджа, Кейран еще раз оглянулся по сторонам и, никем не замеченный, нырнул в заросли, отделявшие дом от соседнего участка с той стороны, куда выходили окна гостиной его бывшего владения. Он осторожно пролезал через плотно сплетенные кусты ежевики, аккуратно отгибая ветки. Затем без труда преодолел невысокую ограду из природного камня. Двигаясь, как лесной хищник, мягко и почти бесшумно, подобрался к окнам. В гостиной горел свет. Притаившись в густых зарослях, Кейран сквозь листву увидел комнату, заставленную коробками и беспорядочно расположенной мебелью.

И сразу увидел её. Она полулежала на диване и обвивала руками шею какого-то парня, прильнувшего к ней в тесном объятии. Волосы Хейз, заплетенные в косу, свешивались до пола. Она чуть приподнялась, то ли притягивала парня к себе, то ли сама подалась навстречу. Её лица не было видно, зато Кейран хорошо разглядел лицо молодого человека и безошибочно прочитал то чувство, которое на нем отражалось — болезненное желание, жажда.

Кейран шарахнулся назад, задев ветки деревьев и кустарника, и стремительно, в несколько прыжков, выбрался из зарослей.

Он шел обратно к машине, не видя ничего вокруг, и понимал, что, наверное, так чувствуют себя люди, потерявшие все во время пожарища. Только сейчас пожар случился в нем самом, в самых глубинах его сущности. Он выжег все, чем он прежде жил, навсегда меняя его мир.

Глава 15

Как ни странно, но спала я как убитая. Это похоже даже не на сон, а на погружение в краткосрочную кому от усталости и напряжения, с того момента, как Брайан накрыл меня пледом и до утра: ни тревожных видений, ни мыслей.

Зато при пробуждении заботы налетели, как дикие пчелы.

Поднявшись с дивана, я тихо, чтобы не разбудить спящего в кресле Брайана, выскользнула из комнаты. Умылась в унылой ванной на первом этаже, и отправилась в путешествие по дому, заглядывая во все помещения и в каждый угол. В результате пришла к выводу, что внешне все выглядит вполне прилично, но нужны существенные доработки в ваннных комнатах и на кухне. И, конечно, на участке.

— Что мне делать с этими кущами? — приговаривала я, глядя в окно гостиной, почти полностью закрытое зеленью. — Мне самой ни за что не привести этот дикий разгул природы хоть в какой-то порядок. Да и следить потом за порядком я вряд ли смогу.

— Пора знакомиться с соседями, — сказал Брайан, стоя рядом со мной. — Они подскажут, не может ли кто-то из местных помочь в саду или еще что посоветуют.

— Разумно, — согласилась, разглядывая непомерно разросшиеся кусты жасмина. Когда они зацветут, от аромата можно будет сойти с ума. — Помнишь ту даму, которая копалась в палисаднике, когда мы первый раз приехали сюда? Мы у нее еще дорогу к коттеджу уточняли.

— Помню, — отозвался Брайана, отходя вглубь комнаты.

— Может, к ней обратиться?

— Почему бы нет. Надо с кого-то начать.

— Тогда я пошла печь пирог по бабушкиному рецепту в качестве презента для визита вежливости.

Я направилась на кухню. Брайан остановился в прихожей, и задержал меня, взяв за руку.

— Тебе помочь разобрать вещи? — спросил он.

— Нет, спасибо. Сегодня я не буду этим заниматься.

— Тогда я пойду, — Брайан спокоен и сдержан, но избегал прямых взглядов на меня.

Облегчив собственную совесть, я нагрозила Брайана. А еще и попросила его остаться на ночь, идиотка...

— Конечно, иди, — слишком поспешно отозвалась я.

— Сегодня суббота, хочу с дочкой увидеться, — пояснил Брайан и добавил, — но завтра приду обязательно. До понедельника успею проводку посмотреть и в санузлах разберусь. Попробую растопить камин. Сама даже не пытайся это делать, а то мало ли что. А кстати, хорошо бы с прежним хозяином связаться. Порасспросить, может у него какие-то планы дома сохранились. Ну, там схема электропроводки, прочих коммуникаций.

Меня обдало жаром, который вызвал непроизвольный судорожный вздох.

— Прежний хозяин ужасно занятой тип, — поспешила сказать я. — Его не поймаешь. К нему обращаться бесполезно, да и надобности не вижу. Сама разберусь.

— Вместе разберемся. — Брайан улыбнулся, но улыбка вышла натянутой, не затронувшей глаз.

Когда он ушел, легче мне не стало, но пока я искала тетрадь с бабушкиными рецептами,

пока доставала посуду и составляла список необходимых продуктов, удалось немного забыться и не думать ни о Брайане, ни о Кейране.

Местный минимаркет оказался настоящим чудом, поражавшим изобилием и разнообразием товаров, размещенных на небольшой площади. Купив много чего необходимого в хозяйстве, в том числе и для пирога с шоколадной крошкой, я вернулась в дом и принялась за дело.

Через два часа шагала по улице, неся в руках блюдо с еще горячим пирогом, укрытым фольгой. Немногочисленные встреченные по дороге прохожие, здоровались или молча поглядывали на меня, не скрывая интереса.

Пройдя по узкой дорожке до крыльца уже знакомого дома с образцовым газоном и ухоженным палисадником, я решительно нажала на дверной звонок. Трель раздалась где-то внутри и очень скоро дверь отворилась.

На меня смотрела та самая девушка, которую я видела, когда приезжала сюда одна. Высокая, крупноватая блондинка, очень симпатичная, с прозрачным, здоровым румянцем во всю щеку. Девушка одета в джинсы и мешковатый свитер, еще более утяжелявший ее отнюдь не хрупкую фигуру. Она вопросительно приподняла светлые брови.

— Да? Вы кого-то ищите? — Голос приятный, негромкий и нежный, немного неожиданный при такой фактуре, как у нее.

— Здравствуйте. Меня зовут Хейз МакМэй. Я только что переехала в коттедж неподалеку, — говоря, я неопределенно махнула рукой куда-то в сторону, стараясь при этом не уронить блюдо с пирогом. — Дело в том, что я никого здесь не знаю, а вы и, наверное, ваша мама, единственные из живущих здесь, кого я видела во время своих приездов сюда. И вот...

Я неловко замялась, не зная, как продолжить излагать то, зачем пришла.

— О, ну понятно! Заходите, пожалуйста, — приветливо улыбнулась девушка, отступая в сторону и придерживая дверь.

Через четверть часа я вместе с двумя обитательницами этого уютного домика со старомодной обстановкой сидела на их чистой, светлой кухне и пила чай с пирогом собственного приготовления.

«Даму приятная» звали миссис Фиона Барри, и она действительно являлась мамой девушки.

— Я помню вас. Вы вместе с молодым человеком спрашивали дорогу к коттеджу Уолшей, — сказала миссис Барри. — У меня очень хорошая память на лица, а вас я просто не могла не запомнить по двум причинам.

— По каким же? — с любопытством спросила я.

— Ваши волосы, — ответила она, вежливо улыбаясь. — Такие длинные, ухоженные. Нельзя не обратить внимание.

Я смутилась и слишком громко отхлебнула чай из чашки.

— Ну и вторая причина — вы спрашивали о коттедже Уолшей, — продолжила хозяйка дома.

Они с дочерью выразительно переглянулись, заставив меня напрячься.

— В этом есть какая-то замечательная особенность? — осторожно поинтересовалась я.

— Конечно, есть, — заявила миссис Барри. — Прежние владельцы дома некоторое время были здесь..., эм-мм, как бы это сказать... довольно примечательным семейством.

— Примечательным? — повторила я.

— Именно. Что-то вроде местной загадки. Знаете, как бывает, когда какие-то непонятности обрастают слухами. Уолши были приятными людьми, но невольно попали в центр внимания в те времена, пока была жива Элайза Уолш, бабушка нынешнего владельца. Ой, то есть нынешний владелец теперь, конечно, вы! Я имею в виду того, у кого вы купили домик. Он фотограф, насколько я знаю. Странный юноша.

Не юноша уже, но то, что странный — замечено точно. Я промолчала, с интересом слушая женщину. Время от времени ловила пристальный взгляд ее дочери Уны, которая внимательно следила за нашей беседой, но ни сказала пока ни слова.

— Толком не помню, с чем там все связано, потому что тогда не особо интересовалась всякими досужими сплетнями. Но в какой-то момент коттедж Уолшей опустел и все слухи сами собой затихли. Насколько мне известно, дом продается довольно давно. Вы не первая, кто спрашивал о коттедже, — продолжила словоохотливая хозяйка дома.

— О, так домик пользовался спросом? — воскликнула я.

— Я бы так не сказала, — пространно отозвалась миссис Барри. — Но вот коттедж обрел новую владелицу, спустя долгие годы.

— Наверное, в отличие от прежних покупателей, я не осознавала всех проблем, которые придется решать, владея такой недвижимостью, — пробормотала я. — Начать хотя бы с сада...

— О, да! — воскликнула моя новая знакомая. — Было время, когда местные жители большое внимание уделяли внешнему виду коттеджа. Вопрос живо обсуждался, и от обострения спасало то, что коттедж стоит на отшибе. Будь он в череде домов на главной улице, никто бы не смирился с тем, что участок владения Уолшей выглядел, как дикие джунгли. Хозяева всегда чересчур увлекались... озеленением, если можно так выразиться. Сейчас в доме давно никто не живет, и конечно ситуация на участке еще более впечатляющая, — задумчиво проговорила миссис Барри. — А что вы намерены со всем этим делать, дорогая? — поинтересовалась она.

«А какой у меня выбор? — подумала я. — Придется придавать коттеджу вид, соответствующий местным требованиям».

— Хотелось бы привести участок в порядок, — уныло начала я, — но одна не справлюсь, да и не умею ничего такого. Надо кого-то нанять в помощники. Вы, случайно, не знаете...

Не дав мне договорить, миссис Барри величественно положила на стол полные руки и торжественно провозгласила:

— Вы попали по адресу, дорогая. Моя дочь, Уна с удовольствием поможет на вашем участке. У девочки волшебные руки, растения это чувствуют и слушаются ее.

— Ой, да это же чудесно! — обрадовалась я. — Может быть тогда Уна придет и посмотрит на мои владения. Оценит весь объем работ. Вдруг то, что вы увидите, покажется...

— Не покажется, — отрезала миссис Барри. — Нет ничего такого, растущего на земле, с чем моя Уна не справилась бы. Но она обязательно зайдет к вам, только назначьте время.

Я посмотрела на девушку. Она уже выпила свой чай и доела кусок пирога, и сейчас сидела, зажав спрятанные под столом руки между коленями. Чуть сгорбившись и опустив глаза, девушка молчала и казалась смущенной. Имя Уна* казалось мне как нельзя более подходящим для нее.

— Время? Если вы не заняты, то можно и сегодня, — ответила я.

— Чудесно. Тогда так и сделаем, Уна сегодня же посетит вас и все посмотрит, — заключила миссис Барри начальственным тоном. — Правда, дорогая? — впервые обратилась мать к дочери, но вовсе не за тем, чтобы узнать ее мнение, а за однозначным подтверждением своего собственного решения.

Девушка покорно кивнула, бросив на мать мимолетный взгляд. Мне показалось, что в голубых глазах Уны сверкнули озорные искорки.

Миссис Барри охотно поведала мне еще некоторые особенности проживания в этом тихом пригороде. Тихом, как тот самый пресловутый омут, в котором известно, что водится.

Удивительно, но за все время нашей беседы я ни разу не почувствовала себя неуютно. Казалось, что давным-давно знаю этих двух женщин. Они обе произвели самое приятное впечатление, несмотря на то, что мать показалась довольно многословной и довлеющей над дочерью, а та, в свою очередь, выглядела безмолвной тихой овечкой, угнетенной материнским авторитетом.

— Должна сказать, что ваш пирог просто бесподобен, — глядя на меня очень серьезно, заявила «дама приятная». — И это я не просто из вежливости говорю, дорогая.

Я заерзала на стуле, пробормотав слова благодарности.

— Вы сами его пекли? — игнорируя мое бурчание, строго спросила миссис Барри.

— Да, конечно. Сама.

— А вам было бы нетрудно испечь, скажем... — она задумалась, что-то прикидывая в уме. — Скажем, штук пять таких же чудесных пирогов.

— Пять? — удивилась я. — Позвольте поинтересоваться — а зачем так много?

— Видите ли, Хейз, — миссис Барри приподняла выщипанные в ниточку брови, — здесь неподалеку находится пансионат для престарелых. Через пару недель там будет большой благотворительный вечер. Традиционно некоторые жители нашего пригорода помогают в пансионате как волонтеры. Ну и естественно мы участвуем в мероприятиях. Помогаем убираться, накрывать столы, украшать зал и тому подобное. А еще приносим угощения, кто и сколько может. Вы не отказались бы внести свой вклад? Такими пирогами, как ваш, можно поднять настроение даже умирающим.

— Почему бы и нет, — ответила я. — Конечно, я поучаствую. Только скажите, когда это нужно.

Идея показалась интересной, а применение моему редко используемому пекарскому таланту вполне достойным.

Немного растерянная от избытка впечатлений, обрушившихся на меня, я стала прощаться с гостеприимными хозяйками.

— Миссис Барри, — вдруг осенило меня, — а не могла бы Уна прямо сейчас пройти со мной и посмотреть участок? Если, конечно, вас не затруднит...

Я поняла, что поторопилась, когда натолкнулась на удивленный взгляд хозяйки дома. Но совладать с моим нетерпением было сложно. Упорно казалось, чем скорее я начну приводить в порядок царящий вокруг хаос, тем скорее уляжется неразбериха внутри меня.

Миссис Барри сурово взглянула на меня, потом на дочь. Многозначительно помолчала, раздумывая.

— Ну, если у вас больше нет никаких срочных дел... — проговорила она с сомнением.

— Я иду домой и, кроме как начать разбираться в вещах, других дел у меня на сегодня не намечалось, — поспешила ответить я.

— В таком случае, почему бы и нет. — Окинув дочь строгим взглядом, она

скомандовала: — Сходи, детка, с мисс Хейз.

Вместе с Уной мы отправились ко мне. Большая часть дороги шагали молча. Девушка шла рядом, ссутулив плечи и опустив голову, словно пыталась немного уменьшить свой рост. Высокая, крепкая, с широкими плечами, она, тем не менее, производила очень приятное впечатление. Этакая юная валькирия с копной волнистых золотых волос.

Миновав главную улицу, мы свернули, и тут Уна заговорила.

— Можно мне называть вас Хейз? — спросила она.

Голос тихий, бархатисто-нежный. Я посмотрела на девушку, снова отмечая ее скромно опущенные глаза и румянец, заливавший щеки.

— Конечно, можно. Меня именно так и зовут.

Девушка кивнула, слабая улыбка коснулась ее губ, и она несмело взглянула на меня. Яркость и прозрачная чистота ее голубых, как весеннее небо глаз, напоминала мне аналогичную чистоту и яркость зеленых глаз Брайана. словно разные цвета одной палитры.

Я не знала, о чем разговаривать с этой юной незнакомкой, и чтобы не допускать неловкого молчания, задала первые пришедшие на ум вопросы.

— Сколько тебе лет, Уна?

— Девятнадцать.

— А чем ты занимаешься? Учишься где-нибудь? Спрашиваю потому, что не хочу, чтобы возможная занятость на моем участке помешала тебе.

Светлые, цвета пшеничных колосьев брови девушки сдвинулись, образовав хмурую складочку на гладком лбу.

— Я окончила школу и хотела уехать учиться. Поступить в колледж и все такое, но... — она запнулась, посмотрела в сторону. — Я окончила курсы ландшафтного дизайна в нашем городе. У меня есть диплом и сертификат, — поспешно добавила она.

Слова прозвучали как оправдание.

— А почему же не поехала учиться в колледж?

Кажется, ответ на этот вопрос я уже знала.

— Мама, — тихо и неохотно отозвалась моя новая знакомая. — Она не отпустила. Посчитала, что мне незачем уезжать из дома и терять годы, чтобы получить хорошую профессию.

— Ты не хотела поступить в местный Университет? — поинтересовалась я.

— Ой, нет. Это совсем не мое, — помотала головой Уна.

— Ландшафтный дизайнер тоже очень хорошая профессия, — искренне заметила я.

Реакцией на мои слова был недоверчивый, полный сомнения взгляд Уны.

— Вы, правда, так считаете? — осторожно спросила она.

Видимо, миссис Барри довела контроль над дочерью до того, что та хоть и слушалась беспрекословно, но расценивала любое мнение матери, как приказ главнокомандующего, идущий в разрез с ее собственными убеждениями. Возможно, дух противоречия и бунтарство спрятаны глубоко в девушке, но не покорены окончательно.

И словно в подтверждение моих предположений в глазах Уны снова мелькнули шаловливые искорки.

— Я с детства люблю копать в земле, выращивать разные растения, ухаживать за ними, — более охотно и без прежней осторожности заговорила она. — Мама права, у меня почему-то все здорово получается. Растения меня чувствуют, а я чувствую их. Бывает же такое... — добавила поспешно, будто решила, что слова ее прозвучали странно.

— Еще как бывает, — согласилась я. — Всегда восхищалась людьми, у которых получается находить общий язык с животными, растениями и детьми.

Наградой за мою тираду был еще более заинтересованный взгляд девушки. Она больше не сутулилась, стараясь спрятать свой рост и комплекцию. Распрямила плечи, вскинула голову, и когда мы подошли к калитке моего участка, она с живейшим интересом оглядывалась вокруг, и глаза ее при этом горели неподдельным любопытством.

Мы сразу же отправились в экскурсию по моим владениям. Продвигаясь сквозь заросли, Она осторожно, бережно отводила ветки деревьев и кустарников и придерживала непомерно отросшие стебли растений с наливающимися бутонами соцветий, стараясь их не сломать.

— Здесь настоящий лес, — не удержалась юная садовница, подтверждая и без того очевидное. — Все так разрослось и переплелось.

— Насколько реально с этим справиться? — поинтересовалась я.

Только тут до меня дошло, что мое материальное положение может не позволить оплачивать услуги дипломированного и сертифицированного ландшафтного дизайнера. Даже начинающего, не имеющего солидного профессионального опыта, как Она.

Мы уже обошли дом вокруг и заходили на второй круг. Не завершив его, остановились на заднем дворе, неподалеку от окон гостиной.

— Я справлюсь, — уверенно и решительно заявила Она. Снова смутилась и добавила тихо и немного тревожно, — если вы, конечно, не будете против.

— Почему я должна быть против?

— Ну, вдруг вас не устроит мои... моя...квалификация, — выговорила Она, покрываясь новой волной румянца. — Я же начинающий специалист. Весь мой опыт — это возня на собственном участке, пара-тройка учебных проектов, да работы во время сдачи экзамена на сертификат.

— В таком случае вот тебе прекрасная возможность еще набраться профессионального опыта и начать собирать собственное портфолио. Ну, а потом, я же ничего особого не требую. Хочу только привести в порядок здесь все.

Легкая улыбка тронула ее губы, она оглянулась вокруг.

— Спасибо вам.

— За что? — удивилась я.

— За то, что доверяете мне заниматься этим.

Девушка явно нуждалась в повышении самооценки.

— Доверяю, — подтвердила я с полной серьезностью и постаралась перейти на деловой тон. — Давай договоримся об оплате и графике работ.

Она снова сникла, став ниже на десяток сантиметров, улыбка ее погасла.

— Мне... мне сначала нужно сказать...маме, — прошелестела она, опуская глаза.

— О, ну конечно. Обязательно нужен кто-то вроде менеджера. Ну, понимаешь, тот, кто возьмет на себя всякие финансовые расчеты и прочие формальные вопросы. Ты, как дипломированный специалист в совсем другой области, не обязана заниматься всей этой чепухой.

Она снова подняла взгляд, и внимательно смотрела на меня, силясь понять, насколько серьезно я говорю и не иронизирую ли. А я и не думала этого делать, мне просто захотелось, чтобы эта симпатичная молодая особа перестала, наконец, скрючиваться каждый раз, когда над ней начинала нависать незримая тень ее властной матушки.

— Давай сделаем так, — продолжила я, сохраняя полную серьезность. — Ты оцени

объем работ, переговоры с мамой. А потом свяжитесь со мной, и мы все обсудим окончательно.

Уна энергично закивала.

— А когда можно приступить к работе? — спросила она, с надеждой заглядывая мне в лицо.

— Да хоть прямо сейчас! — ответила я. — Но давай все же сделаем, как положено. Сначала формальности.

Она нахмурилась, поразмыслила, и снова согласно кивнула. Кажется, помимо приобретения практического опыта, моя юная знакомая видела в работе у меня возможность проводить время не под контролем матери. И от такой возможности она отказаться не в силах. А я продолжала всерьез опасаться, что моих финансов хватит на то, чтобы посодействовать ей в этом. Вряд ли миссис Барри позволит дочери упустить шанс хорошо заработать, особенно если учесть, какой объем работ предстоит переделать на моем участке. Предполагаемый деловой расчет миссис Барри и мой банковский счет могли не прийти к согласию.

Вроде бы мы все обговорили, но Уна продолжала стоять, покусывая губу и оглядывалась по сторонам, словно не желая уходить. Она шагнула в сторону огромных, как зеленые шатры, кустов жасмина и стала обходить их.

— Ой, а здесь кто-то лазил! — раздался из зарослей ее голос. — Все примято, ветки сломаны.

Я быстро пробралась за Уной и увидела, что от изгороди идет заметный среди зелени и травы след. Обходя участок первый раз ближе к дому, мы ничего не заметили. Сейчас, когда мы забрели глубже, было очевидно, что след обрывался у кустов жасмина. Я встала там и увидела, что с этой позиции отлично просматриваются окна гостиной.

Вспомнив, как вчера вечером мне почудилось какое-то движение в зарослях, я ощутила холодок, поползший по спине. Уна тем временем двинулась к каменной ограде участка.

— Хейз, если это не вы сами, то кто-то пробрался через кусты ежевики и перелез через ограду к вам на участок, — оживленно заключила «следопыт» Уна. — Смотрите, ветки кое-где поломаны и сквозь кусты идет свежий примятый след. Прямо до дороги.

От мысли, что кто-то может свободно разгуливать по участку и подсматривать за мной в окна, а я даже не буду об этом подозревать, меня затошнило. Перспектива остаться в доме одной на ночь, вызвала у меня слабость в коленях.

— Это, наверное, мальчишки, — сказала я. — Вчера неподалеку ошивались какие-то, пока мы разгружали фургон с моими пожитками.

Не знаю, зачем я это сказала. Никаких мальчишек я здесь не видела ни вчера, ни сегодня, но продемонстрировать свои растерянность и страх новой знакомой тоже не собиралась.

Я готова была вцепиться в юного ландшафтного дизайнера мертвой хваткой и начать торговаться с ее маменькой, если та заартачится. Мне уже все равно, что Уна сможет или не сможет сделать с участком. Главное, что какое-то время в течение дня я буду находиться здесь не одна.

---

*Уна — "ягненок".

Глава 16

Кейран дошел до кулера, набрал воды в большой пластиковый стакан и вернулся обратно.

— Может, что-то еще? — спросил он, присаживаясь напротив деда и протягивая ему стакан.

— Ничего, — покачал головой старик. — Давай-ка, лучше расскажи поподробней, как ты умудрился продать коттедж после стольких лет? Я уже не думал, что это когда-нибудь случится.

Кейран терпеливо повторил то, во что вкратце уже посвятил деда чуть раньше: о продаже старого дома и о покупке небольшой квартиры в городе, которую намеревался сделать своей тайной "норой". Закончив рассказ, замолчал. Линия его рта стала жесткой и упрямой, между бровей залегла хмурая складка.

Старик смотрел на внука удивительно яркими и ясными для его возраста глазами.

— Знаю, что ты не из разговорчивых, но, может, поделишься, что с тобой происходит?

— Да все в порядке, — Кейран откинулся на спинку дивана и вытянул длинные ноги.

— Другим рассказывай, что все в порядке. Они, может, ничего и не замечают, потому как ты всегда хмурый, но я-то тебя неплохо знаю, — дед улыбнулся, показывая крепкие зубы. — Пользуйся моментом, мальчик, пока я еще не впал в полный маразм, могу выслушать и как-то отреагировать. Да и чем мне еще теперь заниматься, когда от собственной жизни остались только обломанные рожки да артритные ножки, а самая большая забота на сегодняшний день — это частые мочеиспускания.

Кейран хмыкнул, отдавая должное дедовой самоиронии.

— Нечего особо говорить. Работы навалилось, устаю, сплю по два часа в сутки, — Кейран привычным жестом потер глаза под очками, посмотрел на старика. И увидел, что тот ему не поверил.

Джек Уолш с самого детства видел внука каким-то особым, рентгеновским зрением. Врать ему просто не имело смысла, а скрывать что-то можно было только до поры до времени. Дед неизменно умудрялся ненавязчиво выудить из внука его проблему и незаметно поучаствовать в ее решении. Все равно как — вовремя сказанным словом или конкретным делом.

— Что за работа? Новые заказы? — спросил старик.

— Большой заказ.

Кейран коротко изложил суть проекта, связанного с Морин.

— Интересно, наверное. Хотя я в этом ничего и не смыслю, — отозвался Джек. — Принеси посмотреть, что ли какие-нибудь готовые фото, что там за необыкновенная королева такая. Неужели красивее твоей Шоны?

Кейран изо всех сил старался никак не реагировать на имя своей подруги, но от дедова соколиного взора не укрылось, как слегка дернулся уголок рта внука, а по лицу пробежала и исчезла тень.

— Морин совсем другая, — сказал Кейран ровным голосом. — Очень яркая и... незаурядная женщина. Словом, непростая.

— Простых женщин в природе не бывает, — заявил дед. — Так эта Морин и смущает

твой покой?

— Морин? Нет, вовсе нет. Хотя смутить она может, это точно.

Кейран уже знал, что не уйдет от старика, пока не расскажет ему все. Или почти все.

— Но ты, в общем-то, угадал, — сказал молодой человек, сдаваясь. — Дело в женщине. Но не знаю, что и сказать. Чертовщина какая-то творится, наваждение. Впору к психиатру обращаться.

— Речь не о Шоне, я так понимаю, — спокойно констатировал старик.

Кейран заерзал на диване, ломая прежнюю расслабленную позу. Согнул ноги, оперся на них руками, свесив кисти между расставленных коленей, подался вперед. Плечи приподнялись, голова немного свесилась, волосы упали на лицо, и молодой человек стал выглядеть не просто усталым, а почти измученным. И словно бы смиренным.

— Нет. Это не Шона, — отозвался тихо.

И снова замолчал, а Джек просто ждал, глядя на внука.

— Я встретил эту девушку недавно и не могу выбросить её из головы, — заговорил Кейран. — Ни днем, ни ночью. Понимаешь, мы и не виделись толком, так, мельком пару раз... Но меня будто за... заклинило на ней... — голос заметно дрогнул, открывая всё, что таилось в словах. Услышать, как Кейран повышает голос или выражает с его помощью свои глубоко запрятанные чувства, было также нереально, как вызвать на море шторм, нагоняя волны веером.

Джек видел сейчас перед собой Кейрана маленького мальчика, который неизменно замыкался в себе, когда его что-то особенно сильно задевало, было больно или страшно. Всегда одно и то же — сжатые губы, суровый взгляд, упрямо наклоненная, как у молодого бычка голова и напряженные плечи. Кипел изнутри, а снаружи будто каменел. Он и сейчас такой. И Джек знал, кого надо «благодарить» за то, что единственный внук считал себя одиночкой, привыкшим со всеми проблемами справляться самостоятельно. Свою долю вины в этом старик прекрасно осознавал, хотя в свое время мало что мог сделать, и всегда старался пусть не исправить, но хотя бы немного компенсировать нанесенный парню ущерб. Пока еще мог.

— И что делать собираешься? — не отставал Джек.

— А что в таких случаях делают? — устало отозвался Кейран.

— Да обычные дела. Встречаются, общаются. Узнают на практике, так сказать, стоит ли овчинка выделки. Может, там и заморачиваться не на чем, а ты сразу — к психиатру.

— "Встречаются, общаются", — повторил слова деда Кейран. — Если бы все так легко можно сделать...

— А что тебя останавливает? Та девушка замужем? Или то, что ты несвободен?

Дед наблюдал, как внук понемногу выбирался из своей «скорлупы» — потер лоб, разглаживая хмурую складку, распрямил плечи, чуть расслабляясь.

— Она не замужем. А с Шоной все сейчас непросто, — осторожно сказал Кейран.

— Неужели она после трех лет вашего красивого романа потребовала от тебя чего-то еще? — в притворном изумлении вскинул белые лохматые брови старик.

— Ничего особенного она не требует... — проворчал Кейран, чувствуя себя в этой беседе с дедом растерявшимся пацаном.

— Значит дело в том, что она слишком хорошая, а у тебя, оказывается, есть совесть? Обманывать и обижать свою подругу ты не можешь и не хочешь. Тогда выброси из головы эту свою прекрасную незнакомку и живи себе спокойно с Шоной. Может, я еще правнуков

от вас дождусь.

— Вот это вряд ли, — невесело отозвался Кейран. — Идея заводить детей Шону никогда не вдохновляла.

— Хм... Дело, конечно, хозяйское, — сдержанно заметил дед. — Наверное, и такое бывает. Ничему не удивляюсь в наше чокнутое время. Ну, и если тебя такой расклад тоже устраивает...

Кейран ничего не сказал на это, и Джек продолжил:

— Но иногда стоит прислушаться только к себе, прикинуть, все ли устраивает лично тебя. И решение придет.

— Как у тебя все по полочкам раскладывается легко и непринужденно, — поморщился молодой человек. — Это в тебе мудрость вековая говорит или собственный опыт? Что-то не припомню я, чтобы у тебя самого все так просто получалось.

Джек остался внешне невозмутим, не подав виду, как резанули его слова внука.

— Тебе что, надрыва в жизни не хватает, и ты думаешь надо все еще больше усложнять? А вот не стоит, уж поверь, — терпеливо парировал старик. — Я хотя бы на старости лет это понял. Жаль, что не раньше.

Джек задумчиво потер крупный нос, сверля глазами паркет. Между мужчинами воцарилась тишина, в которой, едва зазвенев, растворилось нараставшее напряжение.

— Так что за дева тебя пленила? — как ни в чем ни бывало спросил старший Уолш.

— Это у нее я купил квартиру в городе. Так и познакомились. Она же — новая владелица нашего коттеджа, — ответил Кейран.

— Интересный поворот, — негромко прокомментировал Джек, не скрывая удивления. — А Шона знает про квартиру? И прочее?

Что за дела с этим стариком — всегда попадает в десятку. Или ненароком тычет в самые свежие болячки.

— Нет. Я ничего еще не говорил.

— А скажешь? — прищурился дед.

Кейран посмотрел на старика, усмехнулся, положил свою молодую и сильную руку поверх большой, морщинистой, с выступающими венами руки деда, пожал ее и... промолчал.

— Да не жду я, что ты тут будешь соловьем разливаться, Кей. И не надо наизнанку выворачиваться, — сказал Джек. — Но если у тебя что-то происходит, я хочу об этом знать. Так скажешь Шоне?

— Скажу. Но не сейчас.

— А что сейчас?

— Ничего, — быстро ответил Кейран и тут же добавил, — я не знаю...

Он, в самом деле, не знал. Не знал, что еще можно сказать старику. Не знал, как относиться к тому, что видел ночью в окна дома, в котором теперь жила Хейз. Молодой человек, обнимавший ее, лежащую на диване. Не муж, но их объятия и на дружеские не похожи. Во всяком случае, с таким выражением на лице, какое наблюдалось в тот момент у мужика, друзей не обнимают. И как он зарылся своими лапами в тяжелые пряди ее волос, словно имел на это полное право...

Кейрану захотелось придушить того парня.

Но самое удивительное, что думая об этом, он видел того незнакомца отчетливей и ближе, чем... Шону.

Образ подруги стал размытым, отодвинулся куда-то. Может быть это «куда-т» зовется «прошлым»?

Он послушает старика, как всегда слушал его. И все решит. Правильный ответ все равно только один, и он сдаст экзамен, которого невозможно избежать.

Как не избежать боли. Никому.

Дед бросил на внука короткий взгляд и промолчал.

Они еще немного пообщались на разные отвлеченные темы, и Кейран ушел.

Джек попрощался в своей обычной спокойной и непринужденной манере, обняв и ободряюще похлопав внука по спине. Но когда молодой человек повернулся и направился к выходу, старик посмотрел ему вслед задумчиво, без улыбки, сдвинув густые снежно-белые брови.

***

...На вилле Морин сегодня вечерняя съемка, и хорошо бы завершить намеченное за один дубль. После этой фотосессии они сделают перерыв, и послезавтра Кейран уедет на пару дней в Столицу, где его ждал еще один заказ от небольшого рекламного агентства.

Несмотря на усталость и загруженность, поездке Кейран обрадовался, как возможности на полтора дня хотя бы при помощи географической величины — расстояния — отдалиться от всего, что угнетало его здесь.

От деда молодой человек заехал домой, принял душ, перекусил, привычно просмотрел отснятый накануне материал и вставил в камеру новую карту памяти.

Из огромного, как целая гардеробная, встроенного шкафа, Кейран достал свежую рубашку, брюки. Нагнулся, чтобы взять пару туфель, и увидел элегантную спортивную сумку, когда-то оставленную здесь Шоной. Через приоткрытую молнию видна лавандового цвета футболка, в которой девушка обычно ходила у него дома.

Последние дни Шона напоминала натянутую струну. Виделись они ежедневно, и все больше становилось заметно, что их отношения изменились, зависнув в зоне какой-то неуютной, нервной недосказанности. Они ничего не пытались выяснять, не ругались и не спорили, но все равно пришло время попытаться понять, что происходит. Может быть, Шоне нужна какая-то помощь или участие, которые он еще способен ей дать. Маловероятно, что ее состояние объяснялось только ревностью, которую вдруг начала испытывать прежде трезвомыслящая, уверенная в себе и благоразумная Шона.

Старый Джек задал ему вопрос, который сам Кейран задавал себе уже тысячу раз: «И что теперь?»

Порвать с Шоной. Заполучить Хейз. Все просто и понятно. Но на самом деле все куда сложнее. Ему сводило челюсти от мысли, что придется сделать Шоне больно, и становилось тошно от идеи, что, возможно, придется встать между Хейз и тем парнем.

Он ничего не знал о Хейз. Просто заболел ею и носился с этой «хворью», изводившей его. Психовал, избегая контактов с ней, и шнырял по кустам, подглядывая в окна. В самом деле, почему он просто не может поступить по-взрослому — позвонить, назначить встречу? Или приехать к ней внезапно, но не шататься тайно в ночи, а позвонить в дверь, дожидаться, пока она откроет и увидеть в ее глазах ответы.

Это необъяснимо, это даже пугало, но факт оставался фактом — он не мог решиться. Какой-то барьер стоял между его потребностью быть с ней и тем, чтобы сделать шаг к осуществлению желаемого. Словно та область мира, где сбываются именно эти его мечты, являлась безвоздушным пространством, непригодным для жизни. Заоблачная, ослепительно

сияющая высь, где выстраиваются замки Фата Морганы — восхитительные в своей нереальности миражи, куда нет доступа простым смертным.

Чувства к Хейз терзали тело и прожигали душу насквозь, а Кейран упорно продолжал считать это лишь миражом.

Во время оформления сделки с квартирой он постарался сделать все возможное, чтобы не встречаться с девушкой, надеясь таким образом побороть одержимость ею.

Спасала только работа. Он целиком отдавался процессу, выбрасывая из головы все лишнее на время съемок. Ему это удавалось до тех пор, пока однажды не понял, что чем больше проходит время с их последней встречи с Хейз, тем глубже эта женщина проникает в его сознание и словно растворяется в кровотоке.

Его руки и губы хранили искры живого тепла, некогда порожденные прикосновением к ней и их единственным поцелуем, который он украл. И сбежал, унося с собой пронзительное желание, ставшее наваждением, дразнившим его нервные окончания и будоражившим воображение до такой степени, что иногда, глядя, в объектив камеры, он стал видеть там не Морин, а Хейз.

Кейран с трудом засыпал. А если удавалось уснуть, то чаще прочего его посещали видения образа обнаженной женщины с длинными блестящими волосами цвета темного шоколада.

Волосы касались его кожи, накрывали шелковым плащом, пока женщина двигалась на нем, вжимаясь бедрами, скользя по его плоти влажным жаром...

Грань между сновидениями и реальностью истончалась настолько, что он ощущал соприкосновение голых, разгоряченных тел, слышал звуки их взаимного желания, дикого и необузданного, и... просыпался злой, растерянный и возбужденный до боли.

Ледяной душ приносил временное облегчение. Иной же способ снять невыносимое напряжение вызывал разочарование и бессильное отвращение. Еще более взвинченный, он начинал новый день.

Тем временем надлом, что возник между Кейраном и Шоной, медленно, но верно углублялся, постепенно отдаляя их друг от друга.

Морин все настойчивей проявляла ненужное внимание к ним обоим. С Шоной она была особенно дружелюбна, мягка и приветлива, чем приводила девушку в еще большее замешательство и нервозность.

Царственная мисс Берриган покровительствовала всей съемочной группе, незаметно делая из них одну большую дружную, нет, не семью, а команду ее преданных обожателей. Наблюдая все это, Кейран рвался в «нейтральные воды», туда, где ставшая излишне приватной обстановка особняка не будет давить с такой мощью.

Жизнь незаметно превращалась в некое подобие давнего сна, приснившегося ему в Столице. Неясные женские образы, ощущения, запахи — все смешалось, перемещаясь из грез и снов в реальность, цеплялось за чувства и сознание, оставляя саднящие шрамы и исчезающие следы...

Казалось, его персональные Прошлое, Настоящее и Будущее ведут борьбу за право занять главное место в его судьбе. И это притом, что Прошлое и Настоящее уже определены, а Будущее оставалось неизвестным. Только от свободы воли зависело то, где останется сам Кейран.

Душа и сердце рвались куда-то, а сам он топтался на месте, чувствуя себя закованным в невидимые кандалы. А может Джек прав и не надо все усложнять? На съемку Кейран поехал

полный решимости поговорить с Шоной и позвонить Хейз.

***

...Морин действительно буквально жила в кадре. Совершенное тело, идеальная кожа, оттененная пламенем волос. Естественная грация, полная раскрепощенность. Кейран почти не давал указаний своей модели, она все делала сама, с утонченной пластикой меняя одну безупречную позу на другую. Все те известные бренды, реклама которых присутствовала в проекте, становились лишь органичным дополнением к фото-роману. В двухсотстраничный альбом попадут лучшие снимки. Но выбрать будет непросто, ведь каждый кадр с Морин практически идеален.

Кейран с головой ушел в процесс, на время забыв о том, что не давало покоя. Изредка бросал быстрые взгляды по сторонам, выбирая точку, откуда будет сделана следующая партия снимков и легко перемещался по помещению.

И не замечал, как янтарные глаза Морин следили за ним, не оставляя без внимания ни на миг.

...В комнате полумрак. На Морин шелковое неглиже, темно- синее, как полночное небо. Затвор камеры отбивал ритм, пока женщина медленно двигалась к туалетному столику, постепенно удаляясь от зрителей. Источник приглушенного света расположен впереди и чуть сбоку и оставлял большую часть фигуры модели в тени. В отражении зеркала видны грациозные изгибы талии, бедра под тонкой тканью, и свободно опущенная белая рука, подчеркнутые чуть размытым светящимся контуром. Лица модели зрителю не видно, но каждый кадр фиксирует поворот головы. Еще немного и она посмотрит на зрителя, сверкнув в полумраке янтарем глаз...

Свет выставлен так, что имитировал лунное сияние, падающее из окна. Камера снова фиксировала малейшее изменение движения грациозного тела Морин. Сейчас на ней не было ничего, кроме крошечных кружевных трусиков. Женщина поставила колено на край огромной кровати, и начала медленно продвигаться вперед, кралась, словно большая изящная кошка. Огненные пряди волос рассыпались по спине и свесились на бок, прикрывая от зрителя грудь. «Лунный» свет переливался на гладкой коже, подчеркивая линию спины, округлость попки и изящество стройных бедер. Из темноты к ней в нетерпении тянулась мускулистая мужская рука, но модель не обращала внимания на эту зовущую ее руку, она смотрела в камеру. Смотрела так, словно адресовала взглядом вызов кому-то за кадром...

Кейран прервался, что-то поправляя в настройках камеры.

— Этот взгляд — для тебя, — раздался над ухом Кейрана тихий голос Шоны.

— Перестань, Ши. Это уже просто нелепо. Она смотрит в камеру, как и положено, — так же тихо ответил мужчина, не отрываясь от своего занятия.

— Нет, она смотрит на тебя, — упрямо повторила девушка. — И это не нелепо. Это пугает...

Кейран стиснул зубы, не позволяя себе реагировать резко, но крошечные пузырьки вскипавшего раздражения поднимались на поверхность, нарушив и без того зыбкое равновесие.

— Кей, ты — ее цель. Она не утомится, пока тебя не получит.

Она шептала торопливо, нервозно. Губы Шоны были совсем близко, и когда ее дыхание коснулось его уха, Кейран непроизвольно вздрогнул, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

Ничего не ответил, надеясь, что молчанием сведет на нет всю остроту момента.

И тут же напомнил себе — это всего лишь момент и только. Ничто по сравнению с

тремя годами теплоты и комфорта, что он чувствовал в отношениях с Шоной. И ведь они двигались куда-то. Вот только куда?

— Мы закончили? — раздался голос Морин. Властно, но спокойно женщина мгновенно переключила на себя внимание.

Кейран выпрямился, шагнул вперед, всем своим видом давая понять Шоне, что упомянутую ею тему развивать не станет.

— Простите, отвлекся. Да, закончили. Всем спасибо, — сказал он.

Народ тут же засуетился, сворачивая декорации.

Кто-то тут же подскочил к Морин, подавая ей пеньюар, осветители спешно начали демонтировать оборудование. Время перевалило за полночь, все основательно устали и торопились по домам.

Кейран отошел в сторонку и стал по привычке бегло просматривать отснятое на экране камеры, с удовлетворением и облегчением понимая, что этот фотосет удался и повтора не потребуется.

Шона как тень переместилась вместе с ним, встав рядом. Кейран посмотрел на девушку, она робко, натянуто улыбнулась ему, вызвав неприятный и незнакомый всплеск жалости и досады.

— Ши, давай встретимся днем, — сказал он, привычно вынимая из камеры карту памяти и кладя ее в карман куртки. — Надо кое-что обсудить.

— Хо-ро-шо, — растягивая слово, ответила Шона. Помолчав, спросила, — думаешь, и правда пора что-то обсуждать?

Кейран коснулся ладонью щеки девушки.

— Ты тоже так думаешь.

— Звучит, как вывод, который ты уже сделал окончательно и бесповоротно, — голос Шоны вдруг зазвенел, став резким и холодным, как дуновение ледяного ветра.

Внутри всё словно рывком стянуло в жесткий узел, когда Кейран невольно согласился, что она абсолютно права — выводы он уже сделал и решение принял.

— Где встретимся? — не отвечая на ее реплику, продолжил молодой человек.

— У тебя? Или для разговора лучше выбрать нейтральную территорию? — спокойно спросила Шона.

— А что предпочитаешь ты?

— Если место не имеет особого значения, тогда у тебя.

— Кейран? — Морин так тихо приблизилась к ним, что заставила обоих одновременно резко развернуться на звук ее голоса.

— Ох, прошу прощения, — засмеялась женщина, — не хотела вас напугать. И простите, если прервала. Я просто хотела кое-что уточнить.

— Конечно, мисс Берриган, — начал Кейран.

— Морин. Называйте меня Морин. Вы завтра уезжаете?

— Послезавтра. Меня не будет пару дней. Потом мы продолжим съемки по графику, — ответил молодой человек.

— У меня тут возникли кое-какие соображения, и мне бы хотелось их обсудить, но, я так понимаю, у вас не найдется времени до отъезда, — сказала Морин.

Кейран нахмурился так, что его темные брови опустились, почти исчезнув за оправой очков.

— Вижу, что озадачила вас, — снова засмеялась Морин. — Уж простите мне мои

капризы. Я, наверное, просто не представляю, насколько вы загружены работой. Для меня наши съемки — приятное развлечение. Тогда, может быть, мы обсудим все с Шоной, как с вашим менеджером. Она вас проинформирует, и вы все обдумаете, в удобное для вас время. Как вам такая идея?

— Вы хотите внести какие-то существенные изменения? — спросил Кейран.

— Нет, нет, ничего существенного. Так, мелочи, — дернула плечиком Морин. — Не волнуйтесь, я не буду сильно капризничать и вносить правки в график съемок или требовать луну с неба в качестве основного источника освещения. У меня очень скромные пожелания, и может быть, правильно, что я смогу их сначала обсудить именно с Шоной.

— В таком случае не вижу никаких препятствий. Шоона? Возьмешь на себя ответственность выслушать пожелания мисс Берриган? — Кейран вопросительно посмотрел на подругу. — Целиком полагаюсь на тебя.

При этих словах Шоона вскинула на него взгляд и пристально изучала секунд пять.

— Я тебя не подведу, — четко произнесла она.

Оба понимали двусмысленность фраз, которыми обменялись. Взгляд Морин скользнул между молодыми людьми.

— Кажется, мы договорились, — сказала «королева съемок». — Шоона, вы сможете подъехать завтра ко мне? Где-то во второй половине дня.

Шоона снова мельком взглянула на Кейрана.

— Конечно. Я подъеду. Назначайте время, — ответила девушка.

— Скажем, в пять. Вас устроит? — сказала Морин, и при этом обращалась к ним обоим.

К своему ужасу Кейран понял, что не собирается щадить Шону и не станет откладывать разговор с ней, также назначенный на завтра.

Глава 17

Вторая ночь в новом доме и первая, проведенная здесь в полном одиночестве, прошла спокойно. Я снова расположилась в гостиной на своем диване, и в какой-то момент мне вдруг показалось, что по-прежнему нахожусь у себя в квартире. Обманчивое ощущение сработало как снотворное, и я довольно быстро заснула.

Однако пробуждение было ранним и тревожным. Встав со своего «сиротского» ложа (уже и не помню, когда в последний раз спала на нормальной кровати), не умывшись, прямо в пижаме, я отправилась бродить по дому. Не знаю, сколько ходила, и, замирая от ужаса и безысходности, приговаривала, как параноик: «Что я наделала. Что наделала...»

Что я здесь делаю?! Зачем продала свою квартиру? Зачем переехала сюда? Что же на самом деле подтолкнуло меня к такому решению?

Внятных объяснений не нашлось, но ведь что-то определенно было.

Странно, но почему-то это меня даже немного успокоило. Я смогла невесело посмеяться, и смех мой коротким эхом отозвался в тишине коттеджа. Дом, кажется, снисходительно отнесся к приступу отчаяния нового жильца, и по-своему отреагировал, желая подбодрить, а может и успокоить. Такая полубезумная мысль пришла, когда я, оглушенная и потерянная, стояла в коридорчике второго этажа. В окно вдруг проникло рассветное солнечное сияние. Лучи дотянулись до моих босых ног и остались лежать там золотистой лужицей света, словно утешая...

После шатаний по дому и сеанса самоедства я, наконец, привела себя в порядок, переделась в старые, изношенные до паутиной ветхости джинсы и почти такую же футболку и отправилась заниматься делом: разбирать вещи и составлять список необходимых дел и самых нужных приобретений.

Брайан отметил ранним звонком, подтвердив, что сегодня обязательно заглянет. Пэтти пока так и не объявлялась. Дам ей еще немного успокоиться и потом позвоню сама.

Спустя час позвонила Уна и, нетерпеливо захлебываясь, протараторила, что мама одобрила сам факт ее работы на моем участке, и она готова взяться за дело прямо сегодня. Голос девушки звенел такой неподдельной радостью и энтузиазмом, что мне вдруг стало невообразимо хорошо на душе, словно я наблюдала щенячий восторг ребенка, которому подарила желанную игрушку.

В итоге мы договорились о графике работы Уны, и сошлись на вполне приемлемой для меня цене.

Садовница явилась на старенькой «тойоте», с багажником, битком набитым садовым инструментарием. Уна ловко припарковала машину, притиснув ее почти к самой ограде участка, и с кипящим энтузиазмом принялась выгружать орудия труда, не позволив мне помочь.

— Можно я потом все это оставлю в том маленьком сарайчике позади дома? — спросила девушка, таща охапку всякой всячины — от мотков подвязочной проволоки до всевозможных тяпок и сучкорезов.

Вопрос ввел меня в замешательство. Я, конечно, видела на заднем дворе маленькое строение под односкатной крышей, но не заглядывала в него и не представляла на что эта будка годна. Уна понимающе посмотрела на меня, молча свалила все, что держала прямо на

дорожку, и мы вместе с ней отправились к сарайчику.

Внешне домик выглядел крепким и аккуратным, но заглянуть внутрь оказалось проблематично: дверь была закрыта на сильно проржавевший навесной замок.

— Не думаю, что удастся открыть это, даже если у вас имеется ключ, — заметила Уна.

— А я и не стала бы пытаться его открыть, — отозвалась я. — Давай его просто...

— Сорвем? — с горящими глазами Уна уже примеривалась к замку.

Меня радовал и настораживал ее энтузиазм.

— Не совсем это я имела в виду. Не сорвем, а попробуем снять петли. Одной будет достаточно, — я наклонилась, разглядывая шурупы, на которых крепились петли замка и, нехотя признала, — все так заржавело, что, похоже, придется действовать грубо.

Приложив совместные не девичьи усилия, нам удалось вырвать одну петлю из древесины при помощи прочной тяпки, орудуя ею, как гвоздодером.

Сарайчик оказался чистый и пустой. Уна принесла свои инструменты, очень быстро все рассортировала и разложила на дощатом полу. Я смотрела, с каким удовольствием она возится, устраивая из сарая свой личный офис. Я не знала, как поучаствовать и чем помочь, поэтому просто топталась рядом.

— Уна, не откажешься выпить со мной чай где-то через часик?

Моя юная знакомая покрылась густым румянцем и закивала головой в знак согласия, пробормотав: «Большое спасибо. С удовольствием». Я оставила садовницу в покое и ушла в дом, разбираться в своих завалах.

Через час заварила чай, положила на тарелку печенье и свежие крендельки и пошла звать Уну.

Выйдя на крыльцо, сразу же увидела ее у калитки, где она ловко разбиралась с зарослями вдоль ограды. Аккуратно обрезала кустарник и лианы, распутывала, подвязывала, и попутно боролась с сорняками.

— Здесь у вас кусты гортензии в не очень хорошем состоянии, — сказала Уна, заведя меня. — Хотите оставить или избавимся от них? Их забили сорняки.

Гортензия мне нравилась. Такие огромные, роскошные шапки соцветий и цветут долго.

— А спасти их можно? — спросила я.

— Пожалуй, можно попытаться, — ответила Уна. — Я их почищу, подкормлю, обрежу и высажу рядом кустики вереска. Гортензия и вереск прекрасные соседи. Хотите?

— Хочу!

Я ответила, почти не задумываясь, вдруг вспомнив, что именно вереск отчасти и «виноват» в том, что я оказалась в этом доме. Не будь этого странного совпадения рисунков на стенах коттеджа и на амулете, может, я и не сотворила бы то, что сотворила.

— Прервись, Уна, чай готов, — окликнула я. — Пойдем, сделаем перерыв.

Девушка засмушалась, глядя на свои запачканные штаны, и сказала, что не хочет натащить грязи в дом. В итоге чай мы уселись пить на крыльце. Расположились на последней ступеньке, а чашки и тарелка с выпечкой стояли на деревянном подносе перед нами, прямо на земле.

День был чудесный. Вторая половина мая радовала почти летним теплом, безоблачным небом и редкими ночными дождиками, после которых все краски природы становились ярче, а воздух, насыщенный ароматами, по утрам будто звенел от свежести и чистоты.

Удивительно, но я чувствовала себя совершенно комфортно в компании этой юной, малознакомой девушки, которая все время краснела. Мы разговорились, легко подхватывая

самые разные темы, непринужденно переходя от одной к другой.

Мы над чем-то смеялись, расплескивая чай и роняя крошки печенья изо рта, когда на дорожке показался Брайан. Я даже не видела, как он открыл калитку и вошел, и заметила его уже приблизившегося к нам. Уна тут же резко замолчала, проглотив смех, прижала пальцы ко рту, закашлялась.

— Привет, — сказал Брайан, удивленно глядя на нас. — Над чем веселимся? И кто эта прекрасная леди?

Новая порция румянца залила щеки юной садовницы, она коротко взглянула на Брайана и опустила глаза.

— Брай, познакомься. Это Уна, — представила я девушку. — Она творит чудо — приводит в порядок эти джунгли. Уна — дипломированный ландшафтный дизайнер.

От этих слов моя новая знакомая кивнула и зарделась еще ярче, приобретя цвет клубничного сиропа.

— Уна, это Брайан. Мой очень давний и хороший друг.

— Очень приятно познакомиться с вами, Уна, — Брайан чуть поклонился с улыбкой, ухватил руку девушки и запечатлел на ней галантный поцелуй.

Уна что-то тихо пробурчала, осторожно выдернула пальцы из хватки Брайана, мельком посмотрела на свои ногти и спрятала руку за спину.

— Хейз и меня запрягла работать на нее, — как ни в чем не бывало, продолжил вещать мой друг. — Только я батрачу за спасибо, а вам я, надеюсь, она собирается платить не только чаем с покупным печеньем?

Я возмущенно уставилась на шутника, но он и ухом не повел.

Уна вскинула на Брайана голубые, как незабудки, глаза, снова что-то тихо пробормотала и резко сдула прилипшие ко лбу белокурые прядки волос. Брайан явно произвел на нее сильное впечатление. В какой-то момент мне показалось, что она сейчас вскочит и убежит. Прямо как благонравная барышня, совсем не привыкшая к мужскому вниманию.

— Брай, может, и ты не откажешься от чашечки чая? — сказала я с легким нажимом. — Пойдем, налью тебе. И ты обещал посмотреть проводку. И камин.

— От чая не откажусь, — Брайан поднял с земли поднос, опережая меня. — И от своих обещаний тоже.

Он с легкой улыбкой смотрел на Уну, и я была более чем уверена, что мой наивный друг не понимал, насколько смущал девушку.

— Я... я, пожалуй, пойду дальше работать, — проговорила Уна, старательно избегая смотреть на Брайана. — Спасибо вам, Хейз, за чай.

И она рванула к месту сражения с сорняками, проскользнув мимо Брайана так, что едва не задела поднос, который он держал. Молодой человек в веселом изумлении отпрянул, и посмотрел на меня, высоко вскинув брови. Я в ответ пожала плечами.

— Где ты откопала это краснеющее чудо? — спросил Брайан, когда мы вошли в дом.

— Представь себе, это дочка «дамы приятной», — ответила я. — И она на самом деле профессиональный дипломированный ландшафтный дизайнер с лицензией, между прочим. И кстати, ты совсем засмущал девицу своим искрометным обаянием. Поаккуратней, пожалуйста, а то напугаешь ее, и она сбежит.

— Я?! Напугаю?! Чем это? — воскликнул Брайан, искренне удивившись.

— Да хотя бы тем, что ты красавец — мужчина.

— И как же этот изъяз мне скрыть, чтобы не напугать девицу? И, вообще, чего это она вдруг меня бояться должна?

— Не должна. И не тебя конкретно, а, наверное, мужчин вообще, — вздохнула я. — Я пообщалась с ними совсем недолго, но там, кажется, такая властная мама с программой воспитания, основанной на тотальном контроле. Не мама, а строгая дуэнья. Не удивлюсь, если окажется, что ты первый мужчина, которого она видит вблизи. А девочка-то весьма ценный кадр. Приступила к работе с невиданным энтузиазмом и за скромный гонорар. Узнает ее мамаша, что ко мне ходят такие вот коварные красавцы, пугающие девиц, и спрячет дочку под замок. А где я еще найду такого хорошего садовника.

— Откуда ты знаешь, что она хороший садовник? — хмыкнул Брайан. — Она у тебя еще ничего не сделала.

— Интуиция подсказывает, — ответила я. — Да и вообще, она мне понравилась. Когда мать разрешила ей у меня работать...

— Разрешила? — вскинулся Брайан. — Сколько ей лет? Она что, несовершеннолетняя? И ты же говоришь, что это ее профессия.

— Ей девятнадцать, насколько я знаю. Но, похоже, мать решает за нее все. Где учиться, с кем водиться, у кого работать. Так вот, когда она сообщила мне, что будет заниматься моим участком с высочайшего позволения мамаша, то чуть не повизгивала от счастья и восторга. Представляешь, полдня на свободе! Вдалеке от непрестанного надзора!

— Средневековое какое-то, — закатил глаза Брайан и потащил поднос на кухню. — А ты, значит, взяла на себя роль просветительницы юной особы?

— Еще скажи развратительницы, — проворчала я, следуя за Брайаном. — Ничего я на себя не брала, мне просто девчонка понравилась и все. И я вижу, что ей здесь хорошо.

Брайан резко затормозил и повернулся ко мне.

— А с тобой не может быть плохо, — негромко, но очень четко проговорил он.

Я вскинула на него взгляд и едва не разревелась, увидев, как полыхал зеленый огонь в его радужках. И в этом огне сгорали остатки его надежды на взаимность, превращаясь в печаль.

— Тебе со мной... не хорошо, — ответила я севшим голосом.

— Неправда. Мне с тобой очень хорошо. Ты была моей, пусть и совсем недолго. И оказалась такой, какой я тебя себе и представлял.

Он говорил, а поднос в его руках стал дрожать, и чашки зазвенели, постукивая фаянсовыми краями. Я смотрела на Брайана и слушала, что он говорит, и не могла вымолвить не слова. Брайан прошел дальше, поставил поднос на кухонный стол и снова заговорил.

— Я уже говорил, что мечтал о тебе годы. И в тот раз я был счастлив, как никогда. И пусть этого уже не повторится, я все равно с уверенностью скажу, что ты — лучшее, что со мной случилось. А такие вещи не забываются, их нельзя обесценить. Их хранят всю жизнь и ни с чем не сравнивают.

От его слов у меня заныло сердце, и в то же время вдруг словно спали какие-то оковы. Я первый раз за долгое время смогла ощутить настоящее облегчение.

Он меня простил. Он останется со мной тем самым прежним Брайаном. Моим нежным и верным другом. Но в чем-то будет больше, чем другом.

— Ты была со мной, хоть и недолго, и в тот момент любила меня. Я это чувствовал. И ты не притворялась. Ты была настоящей. Ведь так?

— Так. Я не притворялась... — ответила, пугаясь, что сейчас у меня откажут нервы, и я снова разревусь. А ведь Брайан меня предупредил, что жилеткой больше быть не желает. — И ты каким-то чудом вернул мне веру во все, во что я уже перестала верить.

Глаза его потеплели. Он смотрел на меня из-под слегка прикрытых век, и на его красивых губах заиграла улыбка, которую вдруг захотелось попробовать на вкус...

— Это чудо зовется «отменным сексом», — прошептал мне Брайан на ушко. И, прежде чем я собралась как-то отреагировать, успел поцеловать меня, коснувшись губами местечка возле уха.

— Я тебя все-таки соблазнил, — довольным тоном заявил он, — запишу это на счет своих самых больших побед.

— Ах, вот как, — улыбнулась я. — Спешу тебя разочаровать. Я не очень-то сопротивлялась. Так что победа эта сомнительная.

Он рассмеялся, и я физически ощутила, как испарились остатки напряжения, что еще было между нами. Сегодня определенно какой-то особенный день, а ведь он только начался.

— Слушай, Хейз, а тебе не пора обзавестись мебелью? — Брайан осмотрел кухню. Деревянный стол и старый холодильник были единственными вещами, которые я забрала из квартиры. Ну, еще и стулья.

— Как раз занимаюсь составлением списка самых необходимых покупок, — деловито ответила я. — А кстати, ты на машине?

Он кивнул.

— Оставил ее чуть ниже по улице. Я когда подъезжал, увидел, что у твоего дома кто-то уже припарковался. Это колымага твоей прекрасной садовницы?

— Угу, — кивнула я, выходя из кухни.

Подошла к входной двери, открыла ее и выглянула наружу. Уна трудилась, как заведенная. За то время, что мы с Брайаном чесали языками, она успела разобраться с пышными кустами гортензии. Теперь справа от калитки открывалось небольшое пространство, чистое от сорняков и уже очень похожее на фрагмент аккуратного садика.

— Брай, — позвала я, — посмотри.

Брайан выглянул из-за моей спины и присвистнул.

— Ого! Да она пашет, как маленький комбайн, — констатировал мой друг. — И, кажется, девочка, действительно хорошо знает, что делает.

Уна почувствовала, что мы на нее смотрим. Оглянулась, смущенно улыбнулась нам и робко помахала рукой в рабочей перчатке.

Мы ответили ей улыбками, и я закрыла дверь.

... Брайан переделал у меня кучу полезных дел, съездил за покупками и врезал новые замки не только в сарае, но и в дверь, ведущую в сад из кухни.

Я накормила своих работяг-помощников сытным обедом, и мы немного поболтали втроем, сидя на моей пока еще пустой кухне.

Уна продолжала бросать быстрые взгляды на Брайана и нещадно при этом заливалась краской. А мой друг выработал манеру обращаться к ней слегка снисходительно, с мягкой, ласковой иронией. Глядя на них, я начала подозревать, что совсем не такого внимания хотелось бы Уне от Брайана.

***

...Закрыв за Шоной дверь, Кейран дошел до дивана и мешком рухнул на сиденье. Глубоко вздохнул, откинулся на спинку и устремил глаза к высокому потолку лофта. Какое-

то время изучал перекрещивающиеся балки и металлические конструкции, поддерживающие крышу.

Из него будто вытащили стержень, на котором что-то держалось. Апатия, бессилие, мерзкий привкус во рту. Это остались на языке невысказанные слова — вся та правда, которую он не захотел превращать в ложь.

До чего же сложно, оказалось, просто открыть рот и начать говорить. К расставанию нельзя быть готовым, даже если решение принято и обдумано. Всё — чистая импровизация.

«Мы вместе довольно долгий срок, ведь так? Я вдруг поняла, что за все эти годы мы много времени проводили вместе, но ни разу не заговорили о том, чтобы съехаться. Или что-то подобное. Нам было легко и приятно, и мы просто жили».

Это были первые слова, сказанные Шоной после того, как она его выслушала. Не перебивая, без видимой нервозности и напряжения.

В глазах зарябило от переплетений темных металлических конструкций, по которым блуждал его взгляд. Кейран снял очки, небрежно бросил их на сиденье рядом с собой и закрыл глаза.

«Ты строил представления о том, куда мы идем? Ты ведь что-то такое думал?»

Почему это стало интересоваться её только сейчас? Но он честно ответил.

«Думал, конечно. О возможном создании семьи».

Шона была настойчива.

«О детях?»

Кейран снова честно сказал, что и такие мысли его посещали. И вздрогнул, когда в ответ на это подруга заговорила строгим тоном учительницы.

«Я не скрывала, что не стремлюсь иметь детей. Я была честной с тобой с самого начала».

Он знал это. Не спорил и не упрекал. Не возражал. Так к чему эти вопросы?

«Хочу что-то понять, но знаю, что уже поздно. Получается, мы жили, будто нам почти все равно, что будет дальше? Ты хотел какой-то определенности? Не это ли причина твоего...охлаждения?»

Охлаждения? В тот момент Кейран прислушался именно к этому слову. А пылал ли он вообще, чтобы остыть? Сейчас он почти осознал, что не хотел ничего от Шоны настолько, чтобы искать причины своего «охлаждения». Она права: им было удобно и приятно вместе, и они просто с взаимовыгодным комфортом плыли по течению.

Шона хотела понять, искала причины. А надо их искать? Это ведь не поломка, не болезнь, не ссора. Нечего исправлять, нечего лечить, незачем мириться. Все просто закончилось.

Кейран знал истинную причину. Но сказать, что у него есть другая, он не мог. Во-первых, не хотел. Во-вторых, не было никакой другой. Была та, которую он хотел, но она не принадлежала ему, оставаясь почти незнакомкой.

Шону понесло. В какой-то момент Кейрану показалось, что она заговаривается.

«Это из-за Морин? Я так и поняла. В Столице ты впервые увидел ее, и именно тогда что-то стало меняться».

В сотый раз он повторил, что Морин его не интересует как женщина. Что она его временный деловой партнер. Он надеется успешно и в сроки завершить их проект и на этом расстаться.

Но Шона словно не слышала его. Взгляд ее был устремлен куда-то, она хмурилась и

продолжала говорить.

«А еще та мертвая птица... Все один к одному...»

Кейран поморщился, запустил обе пятерни в волосы, сжимая пальцы. Почувствовал, как болезненно отозвалось прикосновение к коже головы, словно нервные окончания обнажены и стали гиперчувствительны.

Причем здесь птица? Ши несла откровенную ерунду.

«Та ворона — дурной знак, я точно знаю. Мне следовало прислушаться, обратить внимание, понять уже тогда, что это начало конца...»

Она обошла вниманием более простое объяснение, что их отношения себя исчерпали. Он почувствовал и понял это первым, а она еще за что-то цеплялась. Искала свой ответ, жадно всматривалась в его лицо. В ее взгляде были и вызов, и отчаяние.

«Мы не занимались любовью с того раза, как я сама тебя попросила об этом... Скажи, Кей, только честно — ты меня больше совсем не хочешь?»

Она и правда считала, что этот вопрос нужно задавать? А как насчет того, насколько честный он бы дал ответ? И она поняла его невысказанные слова. На лице Шоны появилась горькая усмешка.

«Не ответишь, потому что не хочешь оскорбить меня? Боишься дать слабинку и увязнуть опять в наших отношениях, продлевая агонию? Или допускаешь, что совершаешь ошибку, давая мне уйти?»

Кейрану тогда показалось, что он видит Шону впервые. Она говорила вещи, которые он не считал нужными озвучивать, настолько они были очевидны. И бессмысленны сейчас. Отвечать на все эти вопросы означало бы, что нужно углубляться в какие-то дебри, где легко увязнуть, а ответов так и не найти.

Она еще что-то говорила и спрашивала. Пыталась строить предположения, пока, наконец, не вспомнила, что он никогда не отличался откровенностью и не стремился к подробному анализу их чувств и отношений.

Ему захотелось встать, отойти от нее, физически ощутив расстояние между ними. Это было нужно, как отдых после череды бессонных ночей. Как восстановительное питание после потери крови.

Тогда он остался сидеть рядом с ней, а сейчас встал. Обошел диван, приблизился к барной стойке, достал стакан, лед из морозильной камеры. Хотел налить что-то крепкое, но вспомнил, что планирует вскоре сесть за руль. Поэтому плеснул в стакан воды, бросил ломтик лимона. Пока проделывал все это, снова прокручивал в голове их недавний разговор.

Вспомнил, как Шона сказала, в ответ на его молчание.

«Расслабься, твои ответы мне не нужны. На этом предлагаю считать наше цивилизованное расставание свершившимся фактом. И мне хотелось бы остаться твоим помощником до конца проекта. Кстати, мне сегодня еще необходимо нанести визит к Королеве».

А вот ему не очень хотелось этого. И не хотелось, чтобы Шона сегодня ехала к Королеве выслушивать ее идеи. В конце концов, это вполне могло подождать до его возвращения из Столицы, и он бы занялся этим сам.

Но он не стал возражать, посчитав, что, возможно, так даже лучше. Шона будет занята, и это хоть немного отвлечет ее от произошедшего между ними.

Теперь уже бывшая любовница поднялась, направилась к двери. Он двинулся следом, и они едва не столкнулись, когда она резко остановилась. Шона повернулась, он машинально

чуть отступил. Она шагнула к нему. Подняла руку, хотела провести по волосам мужчины, которого еще совсем недавно считала своим. Увидела, как он застыл, глядя на нее, и опустила руку.

Получился этакий странный, дерганный танец. Печальное танго расставания.

«Ты... закрытый. И замочек на тебе с секретом... И что-то есть такое, что ты не хотел и не хочешь мне говорить. Ведь так?»

А он и не скрывал, что он скрытный, уж простите за тавтологию. И она это знала.

Ей нравилось считать своим этого немногословного, не улыбочивого, немного отстраненного мужчину. Она думала, что с ней он другой — уязвимый, чувствительный, заботливый. Они спали вместе, и она видела, каким расслабленным и беззащитным выглядел он во сне. Видела его лицо, когда он занимался с ней любовью, когда кончал, в экстазе запрокидывая голову и сжимая челюсти.

И тут Шона поняла, что он никогда в эти моменты не смотрел ей в глаза.

Кейран не знал наверняка, о чем она подумала, но почувствовал что-то, увидев мелькнувшую на ее лице боль осознания. Она сказала:

«Поцелуй меня. На прощанье. Хочу запомнить наш последний поцелуй. И знать, что он был последним».

Кейран взял ее руку, прижал к губам в долгом касании, полном уважения и признательности. Шона высвободила похолодевшие пальцы, тронула его губы. И все.

Когда за ней закрылась дверь, Кейрану показалось, что его лишили кислорода.

Это очень больно, словно кто-то умер. Траур по ушедшим дням, проведенным с Шоной, на самом деле не мог иметь определенной продолжительности. Он просто был, выраженный в той боли и сожалении, что Кейран испытывал. Но больше всего это сожаление было от того, что он всегда знал, чего хотел и долго мирился с тем, что Шона не может или не хочет ему этого дать.

При желании можно найти множество способов заглушить боль. Но он не хотел избавляться от этой боли. Он ее заслужил, как неотъемлемую часть жизни.

Но было и еще кое-что, что он хотел бы заслужить. Или хотя бы попытаться.

***

...Я проводила Уну, чуть позже ушел Брайан. Я чувствовала себя усталой, но такой довольной, что даже усталость показалась приятной.

Старый душ в ванной на втором этаже коттеджа — обложенный плиткой поддон, рассекатель, закрепленный в стене, и занавеска — был отлажен и отлично функционировал, благодаря Брайану. Я вымылась, надела чистые джинсы и свободную футболку и отправилась разыскивать фен в еще не распакованных вещах.

Итогом сегодняшних стараний гостиная превратилась во вполне уютную комнату. Брайан подключил телевизор, помог передвинуть старый бабушкин шкаф, место перед диваном занял мой журнальный столик, а кресло расположилось у окна. Мои вещи прекрасно вписались в эту светлую гостиную.

Я запустила процесс обживания на новом месте, и это казалось правильным.

Надвигался вечер, и закат был удивительно ярким. Лучи заходящего солнца освещали густую зелень за большим окном, но в комнату проникали только в виде рассеянного свечения, окрашивая пространство в волшебный, леденцовый оттенок. Гостиная словно наполнилась сияющей розовой пудрой, а тени от листвы создавали пятнистый узор на полу и стенах...

Я сушила волосы феном и посматривала то за окно, то в работающий телевизор с приглушенным звуком, когда раздался звонок в дверь.

Не сомневаясь ни мгновения, я отправилась открывать.

На пороге, чуть склонив голову, стоял Кейран Уолш. В тени крыльца он сначала показался мне большой плотной тенью. Но когда шевельнулся, выпрямился, упавшие на него лучи солнца осветили его темные, аккуратно зачесанные назад волосы, обрисовали контур высокой скулы, подбородка, рта.

Он стоял и смотрел на меня, а я пыталась понять, куда в неистовом прыжке отправилось мое сердце. Кажется, оно оказалось где-то справа, а потом ухнуло вниз и теперь забилось в районе солнечного сплетения.

— Привет, — проговорил Кейран. — Можно войти?

Я отступила в сторону, пропуская его.

Глава 18

«Вот она, стоит перед тобой. Так близко, как ты хотел, как представлял. Можно протянуть руку и коснуться. Если решишься...»

Но он не решился. Просто смотрел, а она смотрела на него. На лице Хейз написанное легкое удивление, но это не тот ответ, который он хотел прочесть, глядя на нее.

— Прости, что я вот так, без предупреждения, — сказал Кейран. — Если не вовремя...

— Нет, ничего, — ответила Хейз.

Звук ее голоса теплыми волнами проник в него, рождая физические ощущения от мягкого волнующего тембра. словно он сидел в самолете, который готовился к взлету. Разгон, ускорение, рождавшие вибрацию во всем теле. Кейран сжал зубы, едва сдерживаясь, чтобы не шагнуть вперед, не сгрести девушку в объятия и не стиснуть ее руками, прижимая к себе так, чтобы расстояния даже толщиной в молекулу не осталось между ними.

В прошлый раз, когда он приходил к ней, он так и сделал. А потом сбежал. Точнее думал, что сбежал, а на самом деле совершил круг. И вернулся к тому, чего хотел так сильно.

Это другой полюс, другая сторона всего, что Кейран до сих пор считал понятным, правильным и возможным для себя. И все же он здесь и никуда удирать не намерен. Он уже ушел оттуда, где ему не было места, и на этом хотел бы закончить беготню.

— Ты... вы что-то хотели? — спросила Хейз, всматриваясь в его лицо

«Хотел. Хочу. Тебя...»

— Да. Мы не виделись во время продажи квартиры и... Вот, подумал заехать и посмотреть, как ты устроилась. Ничего, что на «ты»?

— Ничего. Давай на «ты». И я еще не устроилась. Процесс оказался не таким быстрым и очень хлопотным. Обживаюсь потихоньку. Пройдешь? — она сделала легкий жест рукой, указывая на гостиную.

Он очень надеялся, что она это предложит. И прежде, чем ответить, Кейран огляделся. Кругом коробки, свертки, и какие-то предметы, завернутые в упаковочный пластик и никакой мебели.

— Да, спасибо, — и он направился в гостиную своего бывшего родного дома, чувствуя взгляд, устремленный на него.

Она будто ничуть не удивилась его неожиданному визиту. Он так хотел, чтобы ее глаза как-нибудь по-особенному вспыхнули, а она выглядела спокойной, почти равнодушной. Это задело, заставило поморщиться от болезненного ощущения, сдавившего грудь.

Они вошли в гостиную и остановились у дверей, не проходя дальше. Кейран оглядел комнату. Вполне уютно, несмотря на стоящие вдоль стен коробки. Понятно, что она обосновалась здесь, пока не приведет дом в порядок и не приобретет все необходимое.

— Переезд, как стихия. Не знаешь, за что хвататься и с чего начинать. Но начало явно положено, — сказал Кейран, разглядывая старый шкаф. — Знаешь, этот твой буфет — почти монстр. Большой, темный и, похоже, довольно старый. Но он сюда неплохо вписался.

Удивительно, но громоздкое, грубоватое произведение мебельного искусства середины прошлого века действительно вполне органично смотрелось у светлой стены напротив окна. Заполненный книгами и прочими нужными и ненужными вещами, он станет не только частью дома, но и «хранителем» дорогих сердцу хозяйки вещей.

— И я так думаю, — отозвалась Хейз. — Учитывая, что с переездом, хм... поторопилась, мне ничего не остается, как осваивать новое место потихоньку.

— Ну да. Твое решение было неожиданным, — согласился Кейран.

— Не спрашивай снова «почему», — тихо сказала Хейз и тут же сменила тему разговора, — не хочешь кофе? Может чай?

— Кофе. Спасибо.

***

Я предложила кофе. Он согласился, да так быстро, словно ждал этого от меня. Мне показалось это забавным, и я невольно улыбнулась. развернулась, пряча улыбку от неожиданного гостя.

Он следовал за мной, как тень. Короткий путь через коридорчик, и мы вошли на почти пустую кухню. Половина стола была заставлена посудой и еще каким-то вещами, которые пока больше некуда убрать.

Я предложила Кейрану присесть за свободной половиной стола, заварила кофе и села рядом. Мой гость снял очки, положил их в карман пиджака. Сидел, помешивал ложечкой в кружке и задумчиво смотрел на плиту, где стояла кастрюля с оставшимся с обеда тушеным мясом, которым я кормила Брайана и Уну.

— Не хочешь перекусить? — вырвалось у меня.

Скрытые желания сегодня явно верховодили. Они опережали разум, руководя языком, как дирижерской палочкой.

— Правда, у меня ничего особенного нет, — добавила, смущаясь. Хорошо, что я в принципе не краснею, а то сейчас бы заливалась рассветным заревом, прямо как Уна.

Кейран же словно ожил. Вскинул голову, перестав размеренно помешивать кофе в кружке.

— «Ничего особенного» это как? — поинтересовался он.

— Тушеное мясо. Самое прозаическое. Много лука, бекон, специи. Чутьку пива для вкуса, — пожала я плечами.

— Я буду. Если, конечно, это тебя не затруднит, — он открыто посмотрел на меня. — Честно говоря, как-то получилось, что за весь день сегодня почти ничего не удалось пожевать. Так что я голодный.

— Ну, не гарантирую, что моя стряпня придется тебе по вкусу, — я с откровенным изумлением понимала, что мне ужасно хочется его накормить. Хочется смотреть, как он будет, есть, и видеть, что ему нравится.

Я поспешила отвернуться, скрывая волнение. Пока мясо подогревалось на старой газовой плите, мы молчали. Но тишина не давила, не была неловкой.

За окном темнело, умолкали дневные звуки, уступая место вечерней тишине. На улице зажглись фонари. В гостиной продолжал тихо бубнить телевизор, а на кухне аппетитно, совсем по-домашнему запахло стряпней.

Я помешала мясо в кастрюльке, повернулась, чтобы выбрать из стопки стоящих на столе тарелок одну. Положила перед Кейраном чистую полотняную салфетку, вилку и нож. Отрезала овсяного хлеба, который днем привез из города Брайан. Пока все это проделывала, чувствовала на себе пристальный, безотрывный взгляд моего гостя.

Он смотрел так, будто не верил своим глазам, наблюдая мои действия. Или ждал, что я сейчас выкину какой-нибудь фокус. Например, начну жонглировать тарелками или вывалю мясо на пол...

Наши взгляды встретились и застыли друг на друге, соединенные невидимой связью. Да, глаза у него, как океан в облачный день. Сине-зеленый цвет радужек насыщенный, но не прозрачный, а немного дымчатый. Ресницы не длинные, но очень густые.

Без очков черты лица Кейрана казались резковатыми. Крылья прямого носа слегка подрагивали. Темные, почти ровные брови, низко нависали над глазами. Он привычно хмурился, и на лбу залегла складка.

Мне захотелось коснуться этой глубокой морщинки пальцем и разгладить ее. Я сама не заметила, как стала поднимать руку...

Мой взгляд задержался на его губах. Рот большой, выразительный, верхняя губа красиво очерчена.

Я так увлеклась, разглядывая Кейрана, что не замечала какое-то время, что он также смотрит на меня, скользя взглядом по моему лицу и ниже...

— Мясо подгорит, — я метнулась к плите, переводя дыхание.

И услышала за спиной вздох.

***

Он разочарованно выдохнул, когда Хейз отскочила от него.

Пока она стояла так близко, он снова чувствовал ее волшебный аромат. Такой теплый и сладкий, как мед, пряный, как ваниль и свежий, как лесной ветер. Она пахла обещанием покоя и предвкушением чего-то невероятного, о чем он не мог позволить себе даже мечтать. Он укутался в эти ощущения, укрылся ими, как легкой невесомой дымкой.

Такое имя было дано ей не напрасно*.

Хейз тоже смотрела на него, изучала, будто, как и он, искала ответы на какие-то вопросы. Кейран видел, как приоткрылся ее рот — нежные, гладкие, розовато-персиковые губы. Он едва не ухватил девушку за руку и не притянул к себе, чтобы жадно впиться в этот рот поцелуем, предвкушая, каким насыщенным он будет...

Глядя на нее снизу вверх, Кейран видел абрис подбородка и нежной шеи, местечко, где едва заметно трепетала жилка. Тонкая ткань свободной футболки не скрывала округлость высокой груди и проступающих сосков.

Кейран шевельнулся на стуле, сводя под столом ноги. Низ живота наливался тяжестью, и молодой человек готов был уже схватить лежащую перед ним салфетку, развернуть ее и прикрыть выпуклость между бедер.

Он заводился и твердел, разглядывая ее, домысливая красоту скрытого отнюдь не соблазнительной одеждой тела. Дыша присущим только ей ароматом...

Он мечтал коснуться ее волос, ощутить, как они скользят по его обнаженному телу...

— Не хочешь пива? У меня осталась бутылка.

Голос Хейз вернул его в действительность, заставив заново начать дышать.

Воображение так разыгралось, что Кейран почувствовал острую потребность сунуть голову под струю ледяной воды. Он покосился на старую раковину, одиноко торчащую посреди пустой стены.

— Н-нет, спасибо. Лучше еще кофе, — проговорил он.

— Хорошо. Сейчас сделаю.

Хейз поставила перед ним тарелку, полную аппетитно пахнущего мяса. Рот его наполнился слюной, а в животе заурчало. Кейран подцепил на вилку кусочек мяса, покрытого густой подливой и положил в рот. Едва не застонал от потрясающего ощущения на языке.

Хейз присела рядом и стала пить свой остывший кофе, стараясь не глядеть на Кейрана в упор. Молодой человек принялся есть, и на его лице было написано блаженство.

— Это очень вкусно, — проговорил он, переводя дыхание и качая головой, когда мяса на тарелке уменьшилось на две трети.

Несмотря на то, что Кейран поглощал блюдо довольно быстро, словно и, правда, был ужасно голодным, делал он это удивительно красиво. Аккуратно жевал, глотал бесшумно и сомкнутые губы его при этом так заманчиво, так вкусно двигались.

— Спасибо, — отозвалась Хейз. — Это блюдо, то небольшое, что мне неплохо удастся приготовить.

— А что еще тебе удастся? — спросил Кейран, проглатывая очередной кусочек тающей во рту говядины.

— Могу сделать пюре, воздушное и без комочков. А еще пироги по бабушкиным рецептам. Особенно с фруктовыми начинками, — ответила Хейз.

— Не отказался бы попробовать как-нибудь, — сказал Кейран и пристально посмотрел на нее.

— Учту, — она улыбнулась. — Позову тебя как-нибудь на чаепитие с пирогами. Например, в честь новоселья.

— Буду ждать с нетерпением.

И к чему все это?

Кейран доел, отложил вилку, вытер рот салфеткой, аккуратно положил ее на стол возле тарелки. Прodelал все это, не сводя буквально прикипевшего к Хейз взгляда.

— Спасибо, — сказал он. — Я запомню этот ужин, как один из самых удивительно... вкусных, что мне доводилось пробовать.

— Ну, вряд ли ты не пробовал ничего вкуснее простого тушеного мяса, — улыбнулась Хейз. — Но я рада, что тебе понравилось. Не то, чтобы я была тщеславной поварихой, а все равно приятно.

Она налила ему и себе еще свежего кофе, и пока они пили, впитывала какое-то удивительное, разливающееся в помещении ощущение комфорта и правильности происходящего.

Хейз замерла, когда услышала, как Кейран произнес:

— Ты не будешь против, если я еще немного... побуду здесь?

— Нет, конечно, — с легким удивлением или растерянностью ответила она.

Оказывается, они хотели одного и того же. Так почему же она должна возражать?

— Пойдем в комнату? — спросила Хейз. — Можно взять туда кофе и, вот, печенье.

Он кивнул, взял свою кружку, прихватил одну печенюшку с тарелки, сунул ее в рот и первым пошел к двери. Идя за ним, Хейз слышала, как он с хрустом разгрыз печенье и снова невольно улыбнулась. Быстро взглянула на него. Из осанки Кейрана ушло напряжение, хотя спина и плечи по-прежнему были в прямом развороте, но более свободном. Пластикой он напоминал большую гибкую и поджарую кошку.

Она накормила голодного хмурого хищника, и он сейчас выглядел почти, как домашний... Кот? Нет, все тот же настороженный хищник, только сытый и более расслабленный, чем обычно.

Ей это понравилось. Она бы сделала для него еще что-то простое и нужное, чтобы он мог и дальше чувствовать себя так.

Гостиную наполнили сумерки. Не зажигая свет, они вошли в комнату. Кейран, не

останавливаясь, направился к окну, на ходу поставив кружку на журнальный столик у дивана. Хейз оставила свою кружку там же, взяла пульт и совсем выключила звук у телевизора. Потом тихо подошла к Кейрану и встала рядом.

— Как же все заросло, — сказал он, глядя на сплетение ветвей и листвы, касавшихся стекла.

Совсем недавно ночью он находился по ту сторону окна, прятался в зарослях и смотрел, как какой-то парень обнимал Хейз.

— А как было, когда здесь жил ты? — спросила она.

Он приоткрыл рот, делая вдох и, словно собираясь с мыслями.

— За садом следила бабушка. Здесь всегда было много зелени, цветов, все на своем месте, ухоженное, — Кейран посмотрел на Хейз. — Я не очень вникал тогда в эти огородные дела, но помню, что бабушка всегда высаживала вдоль дорожки разноцветный алиссум. Знаешь, такие сладко пахнущие цветочки. Мелкие, собранные в плотные соцветия. Вот их я запомнил. И еще аромат...

Он чуть наклонился к Хейз, повел головой, одновременно скользнув взглядом по девичьему профилю. Ей показалось, что он глубоко вдохнул, задержал дыхание и прикрыл глаза, словно от удовольствия.

Она покосилась на него.

— Ты что, принохиваешься ко мне?! — вырвалось у нее изумленно.

— Так и есть, — спокойно согласился он. — Ты пахнешь, как алиссум.

Он повернулся, положил руки на плечи Хейз, притянул ее к себе. Ладони двинулись вверх, коснулись шеи, пальцы пробрались в темную массу волос, медленно заскользили в густых, еще чуть влажных прядях.

Хейз не отстранилась, ничему не удивилась. Она принимала ласку Кейрана со спокойным наслаждением. Чуть откинула голову назад, глаза ее слегка затуманились, губы приоткрылись.

Он наклонился ближе. Легко касаясь, медленно провел губами по ее губам. И еще раз, и снова... Пока ее рот не приоткрылся и с губ не сорвался нежный тихий стон.

Они потянулись друг к другу, сомкнули объятия, замерли, слушая дыхание друг друга, ощущая реальность и тепло тел сквозь одежду.

Не надо было ничего говорить, что-то объяснять. Эти объятия сейчас значили больше долгих лет знакомства, больше любых слов.

Внезапно что-то изменилось. Кейран шевельнулся, издав глубокий грудной звук, плотно приник к Хейз всем телом. Дыхание его стало частым и шумным. Он был напряжен до дрожи и возбужден, и хотел, чтобы она это узнала. Кейран замер, будто ждал, что сейчас она оттолкнет его, оскорбленная или напуганная реакцией его тела, силой и откровенностью желания.

Он сглотнул от облегчения, когда Хейз провела рукой по его волосам, сжимая пальцы на затылке. Кейран стиснул девушку сильнее, зарываясь лицом в ее волосы. Они пахли шампунем и самой Хейз, все тем же сладковатым цветочным ароматом. Он обвил Хейз руками, создавая вокруг ее тела плотное кольцо объятий, и почувствовал, как стук ее сердца отдается в его груди.

Она издала то ли вздох, то ли всхлип и, запрокинув голову, прижалась губами к его шее. Почувствовала слегка отросшие за день волоски под подбородком, вдохнула его запах.

Кейран закрыл глаза, не веря тому, что все это происходит. Он едва справился с

порывом прямо сейчас раздеть Хейз, ощутить ее всю с ног до головы, касаясь руками и губами везде.

Почувствовав эту жажду друг в друге, они замерли, не размыкая объятий на фоне темнеющего окна.

Эти двое были возбуждены, но сейчас просто льнули друг к другу, как дети, которые ждут утешения. Как люди, уставшие от череды проблем и ищущие покоя. Как супруги, которые знают, что обретут в объятиях не только зарождающийся огонь страсти, но и тепло, доверие и почувствуют острую необходимость друг в друге.

— Я так хотел этого, — проговорил Кейран, плохо владея своим внезапно осипшим голосом.

Внутри его дрожала какая-то тонкая струна, напевая мелодию, рожденную всем его существом. И в этой мелодии было все: страсть, нежность, желание быть настойчивым и властным, и в то же время ласковым. Поклоняться и защищать. И быть нужным этой женщине, которая обрушилась на него лавиной, свела его с ума. Или наоборот вернула ему разум.

Она ничего не сказала, только шевельнулась в его руках, немного отстранилась, подняла голову и посмотрела ему в лицо. Даже в полумраке глаза Хейз казались прозрачными, сияющими, как бегущая в ручье вода.

...Ручей с берегами, поросшими травой. Каменистое дно и солнечные блики на поверхности. Дуновение ветра, как дыхание, доносящее свежий и теплый, земной аромат цветения и жизни... Место и время, где все начинается...

Кейран нашел ее губы, накрыл их ртом, скользнул языком по мягкой гладкости.

Она была совершенно такая, какая, какой он ее и запомнил. Сладкая, нежная, как глоток свежего лесного меда...

— Mil Foraoise ar mo bheol...** — прошептал он.

Слова прозвучали знакомо и в то же время непонятно. Хейз едва уловила смысл фразы, сказанной на родном языке. Слова показались искаженными, словно Кейран произносил их правильно и неправильно одновременно.

Они целовались, не отрываясь друг от друга, не разъединяя рук. Наслаждение поцелуями, ощущением близости тел стало их знакомством, их настоящим первым свиданием. Между ними никогда не было и не будет жеманства и провокационного флирта, когда играешь просто потому, что еще не знаешь, куда все это может завести. Эти оба прекрасно знали, где хотели бы оказаться вместе.

Жадные касания губ словно учили дышать и поить дыханием друг друга.

Страсть, как исходная точка. Влечение, как долгий путь навстречу друг другу. Не похоть, не животный инстинкт, которому слепо подчиняются и стремительно удовлетворяют.

Тепло кожи, стук сердец, затопившее изнутри и согревшее снаружи чистое наслаждение. И нет нужды торопиться, идти на поводу у инстинктов. Существует только потребность продлить этот момент, это вхождение в мир, где они могут быть вдвоем. Впитать эти ощущения, чтобы помнить их всегда и везде. Помнить, как все начиналось. Выстелить бесконечный путь не нетерпеливой страстью, а негаснущим желанием доставлять удовольствие, дарить тепло, радость, наслаждение каждым касанием, каждым поцелуем.

— Ты очень, очень нужна мне, Хейз, — проговорил Кейран, лаская девушку жадными прикосновениями рук и губ. — Но я в узел завяжусь, а найду силы, и не буду торопиться. Я

просто хочу касаться тебя. Мне надо поверить, что это происходит на самом деле...

— Это на самом деле, — отозвалась она. — Думаешь, ЭТО твоё воображение?

Она поцеловала его в губы, провела руками по спине, ощущая плотные мускулы под ладонями. Он сглотнул, когда её губы снова прижались к его шее, а язычок оставил на коже влажный след...

— Все ещё не веришь? — прошептала она.

— Верю. Верю, но боюсь что-то нарушить. Боюсь тебя отпустить.

— Так не отпускай...

Он тихо зарычал, услышав её слова. Нависая над ней, стал медленно, но настойчиво увлекать к дивану, не выпуская Хейз из рук, продолжая целовать её в этом слепом движении.

Он уперся коленом в сиденье дивана и бережно опустил Хейз.

— Я хочу чувствовать тебя рядом. Хочу обнимать тебя. Позволь мне остаться? — зашептал он, опускаясь с ней рядом.

Его глаза жадно вглядывались в её лицо.

— Останься, — ответила она и притянула Кейрана к себе, прижимая его голову к своей груди.

***

Каким-то невообразимым образом мы вдвоем втиснулись в мой диван. Я оказалась прижатой к спинке, Кейран прилег с краю.

Крепко обнялись и замерли, просто ощущая близость друг друга. Мы словно проделывали это миллионы раз, зная, как устроиться, чтобы человеку рядом было удобно. Чувствуя, когда надо что-то сказать, как пошевелиться, чтобы не нарушить комфорт, сохранить магию момента.

Во всем этом действительно сквозила какая-то невообразимая магия. Свет в гостиной мы так и не зажгли, комнату освещал только беззвучно работающий телевизор. Ветки за окном покачивались, листва трепетала от легкого ночного ветерка. Стояла мягкая тишина, и во всем ощущалась невероятная наполненность чем-то настоящим.

Я лежала, держа в объятиях крепкое тело мужчины, опалившего меня своей искренностью. Я верила в то, что он говорил, и хотела того же.

И ничего из происходящего не казалось странным или неправдоподобным. Все это стало возможно только между нами двумя.

Мне было не странно чувствовать, как он расслаблялся в моих руках, начал дышать ровнее и глубже. Его пальцы впивались в меня, словно он все ещё опасался, что я испарюсь или спихну его на пол.

Но я не собиралась позволить ему упасть. Я хотела, чтобы он уснул, касаясь губами моего виска, шепча что-то на том немного искаженном наречии.

И Кейран уснул. Глубоко и крепко, как умаявшийся ребенок. Он тихо дышал, чуть приоткрыв рот и время от времени судорожно сжимал руки вокруг меня.

— Я здесь. Спи, — прошептала я, целуя его в уголок рта.

Почувствовав, как тело Кейрана расслабилось, я закрыла глаза и... отключилась.

...Проснулась, едва забрезжил рассвет. И обнаружила, что все так же прижимаюсь к лежащему рядом Кейрану. Он так сладко спал, что я боялась шевельнуть затекшим телом, чтобы не разбудить его.

Не так давно я переспала с лучшим другом, и едва не казнила саму себя за это.

А сейчас провела ночь в объятиях едва знакомого мужчины, которого хотела всем

существом.

При этом мы только целовались, а потом заснули, обнявшись, как парочка, прожившая в полном доверии не один десяток лет.

«Так не бывает», — сказала я себе.

***

Кейран почувствовал, что Хейз уже не спит, но не торопился открывать глаза. Он был не готов потревожить то ощущение, что зародилось в его душе.

До сих пор он просто нарезал круги на воде, не оставляя следа, не видя в движении особого смысла.

Он скитался всю жизнь и вдруг обрел дом.

---

*Хейз — англ. haze — дымка

**Mil Foraoise ar mo bheola (ирл.) — «лесной мед на моих губах».

Глава 19

Они начали двигаться одновременно, осторожно распрямляя затекшие конечности и онемевшие тела. Дискомфорт был чем-то совершенно несущественным по сравнению с исключительным, непостижимым ощущением близости.

Кейран проснулся, открыл глаза и увидел Хейз. Он мгновенно впитал тепло ее тела, и словно что-то подлинно прекрасное прошло сквозь него, вымывая муть, накопившуюся за последнее время.

Он приподнялся на локте и навис над девушкой. Какое-то время разглядывал её, и на его губах блуждала мягкая улыбка. Его лицо было так близко, что она хорошо видела темные, чуть отросшие волоски на подбородке, складочки на щеке, которую он отлежал. И глаза цвета океана в туманной дымке...

— Привет, — хриловатым со сна голосом сказал он.

Наклонился, поцеловал, захватывая её губы, издавая при этом такой жадный, глубокий звук, будто ел что-то невероятно вкусное.

Она приняла его поцелуй, с ответным желанием впуская его в свой рот.

Начав задыхаться, Кейран чуть отодвинулся, с удивлением посмотрел на ту, что была сейчас так близко.

— Что происходит, Хейз? Мы спали вместе. Я чувствовал тебя всю ночь, рядом. И это не сон, утром ты никуда не испарилась.

У нее вырвался короткий смешок. Она могла сказать то же самое, не имея тому разумных объяснений. Только вот вопрос — а они нужны, эти объяснения?

— И я выспался так, как не спал уже очень долго. Просто отрубился, но все время сознавал, где я и, главное — с кем. Что это все такое? — говорил Кейран, продолжая разглядывать Хейз. — У меня самолет в полдень. Я еще не собрался, но не могу от тебя оторваться.

— Деловая поездка? — спросила Хейз, медленно, нежно поглаживая руку Кейрана.

— Да, заказ в Столице, — он снова наклонился ближе.

На этот раз погладил ее лицо кончиками пальцев, отследил линии бровей, провел по губам, не сводя с них глаз.

— Знаешь, мне не нужны никакие ответы и объяснения. Я просто знаю, что так и должно быть. Все правильно, — прошептал, приближая губы к её ушку. — И я хочу, чтобы так было. Я хочу тебя...

Он сглотнул и спросил:

— А ты? Ты хочешь?

Она кивнула.

— Хорошо. Это так... хорошо, — он выдохнул с облегчением. — Но это случится не так, не второпях. Понимаешь?

Она снова ответила кивком, и почувствовала, как от этого движения губы Кейрана скользнули ниже, к ее шее, задержались там. Он задвигался, зарываясь лицом в волосы Хейз.

— Как же ты пахнешь... — бормотал он, шумно и неровно дыша. — Нет ничего слаще и приятней, чем твой аромат...

Медленно, нехотя отстранился, посмотрел ей в лицо и они, повинувшись одному импульсу,

не спеша изменили позы, синхронно приподнимаясь и садясь на диване. Оба притихли на миг.

— Я, кажется, раздавил очки, — рассеянно проговорил Кейран, шаря рукой в кармане пиджака.

Синие джинсы, черный пиджак, белоснежная рубашка — в этом он пришел вчера, в этом и оставался сейчас. Одежда помялась, но не выглядела неопрятно. Кейран извлек из кармана очки, повертел их в руках, раскрыл дужки.

— Вроде ничего, — прокомментировал, надевая очки и оглядывая через них комнату.

Хейз протянула руку, провела по его волосам, отбрасывая их со лба, задержала ладонь на его щеке. Он отреагировал на прикосновение, как зверь, принимающий ласку — прикрыл глаза в какой-то блаженной истоме, на миг замер. Чуть ли не заурчал.

Хейз убрала руку, пряча ее за спину.

— Сейчас умоюсь и приготовлю завтрак, — сказала, поднимаясь с дивана.

Быстро вышла из комнаты, и ему показалось, что она хочет укрыться от него. Кейран рывком вскочил на ноги, стянул пиджак, бросил его на диван и направился за ней.

Первым порывом было догнать ее, схватить и не отпускать. Не дать передумать, не позволить разрушить то, что происходило между ними.

В коридоре он остановился. Хейз уже исчезла где-то в доме.

Кейран развернулся и направился в ванную, расположенную за лестницей первого этажа.

***

Кровообращение медленно восстанавливалось в онемевшем теле, нещадно покалывая "иголочками", когда я шагала в ванную на втором этаже. Я сбежала и спряталась, угловато и несуразно, все еще не понимая, что уже произошло и продолжает происходить.

В какой-то момент бытия меня словно перенесло из одной точки существования в другую. Мгновенная телепортация. Вернуться невозможно, осознать и поверить страшно.

Я закрылась в ванной, пустила воду и уставилась на свое отражение в зеркале. На меня все еще смотрела я сама, такая, какой себя привыкла видеть по утрам — слегка помятая, заспанная, с растрепавшимися волосами. Губы припухшие, яркие, но это уже не со сна.

Умылась, почистила зубы, долго расчесывалась, начиная понимать, что, выйдя из ванной, не обнаружу в доме никого. И все случившееся окажется просто продуктом моего не в меру разыгравшегося воображения. Я невольно прислушалась.

Очень, очень тихо. Так тихо, что даже страшно.

В самом деле испугавшись, бросила щетку, рывком открыла дверь и застыла.

В коридоре стоял Кейран. Он снял пиджак, очевидно, умылся, и пригладил волосы с помощью влажной пятерни. Глядя на меня, спросил озадаченно:

— Паука увидела?

— Типа того, — выдохнула, чувствуя совершенно непонятный микс из облегчения, паники и восторга одновременно.

— Мебели у тебя негусто, — сказал гость, указывая кивком на пустую комнату за спиной.

— Да уж. Не знаю, за что хвататься сначала. Оказалось, чтобы просто существовать, нужно слишком много всякой ерунды — от кастрюль до платяного шкафа. Раньше как-то об этом не задумывалась.

— Наверное, от того, что тебе редко приходилось переезжать? — предположил Кейран.

— Наоборот. Я делала это слишком часто. Видимо, успела войти во вкус, и кое-что подзабыть об оседлом образе жизни. Не замечаешь, как становится нормальным спать на диване и использовать коробки в качестве универсальных поверхностей и емкостей для хранения, — я говорила, спускаясь по лестнице на первый этаж.

Кейран следовал за мной, и я всем существом ощущала его близость.

— Сколько же раз ты переезжала? — спросил Кейран.

Я мысленно прикинула и ответила:

— Только за последние восемь месяцев — три раза.

Если точнее, то четыре. Учитывая обе съемные квартиры подряд, в которых пришлось останавливаться, после того, как мы с бывшим мужем продали свою квартиру в Столице.

— Ого... — отозвался гость. — Любишь перемены?

— Не особо, — ответила я, входя на кухню. — Не очень им доверяю, переменам.

— Тогда отчего же такая страсть к цыганской жизни? — не унимался Кейран.

Я повернулась к нему, посмотрела в глаза, полные неподдельного интереса.

— Никакой страсти. Просто так получилось, — ответила и отвернулась, надеясь, что ясно даю понять о нежелании продолжать эту тему.

Все было понято правильно.

Он снова наблюдал за тем, как я готовила завтрак, и немного поучаствовал, накрыв на стол. Какое-то время мы молчали, потом я спросила:

— Это дом твоих родственников?

— Дом принадлежал моей семье, — ответил Кейран. — Здесь я рос до пятнадцати лет.

— А твои... родные?

— Что — родные? — в голосе Кейрана появилась натянутость. Или настороженность.

— Они у тебя есть? Дом ты продал... — я оглянулась на него, стоящего чуть позади и наблюдавшего, как я переворачиваю оладьи на сковороде. — Извини, что спрашиваю.

— Почему извиняешься? Здесь нет никаких тайн. И я не впадаю в депрессию при упоминании о родственниках. У меня просто почти никого не осталось, — спокойно ответил Кейран.

Он переместился, чтобы мы могли видеть друг друга, встав сбоку от плиты у пустой стены.

— Здесь жили мои бабка и дед. Они меня и воспитали. Отца я не видел, и ничего о нем не знаю, а мама умерла, когда мне не исполнилось и пяти. Сейчас из всей родни только дед остался.

Кейран помолчал и добавил:

— Он давно живет... в другом месте. А дом пустовал долгие годы. Тебе, кстати, как здесь? Честно говоря, с трудом представляю, такую... тебя, живущую в этом доме, — он поморщился. — Меня терзает чувство вины, что не смог предложить тебе ничего лучше.

— Не терзайся напрасно, — отозвалась я, невольно рассмеявшись. — Мне дом понравился, иначе бы сюда не переехала. Чудно все это, конечно. Я, вообще-то, городской житель. Но...

Мне захотелось показать ему амулет и спросить, что он думает (или знает) о совпадении узоров на нем с теми, что использованы в оформлении дома. Уже открыла рот, но передумала, представив, как это может выглядеть. Особенно, если начать углубляться в то, что это совпадение и послужило толчком к моему решению сюда переехать.

Я коротко взглянула на Кейрана — он вскинул брови и смотрел на меня, ожидая, что

продолжу после «но».

— Но произошло некоторое стечение обстоятельств. И нечто вроде озарения, — я снова взглянула на Кейрана. — Немного безумно звучит, да? Знаю. Но, правда, это как вдруг зайдешь в тупик, а потом наткнешься на неожиданный указатель направления.

Кейран помолчал, внимательно глядя на меня.

— Уверен, что у тебя имелась веская причина принять решение, — серьезно сказал он. — Дом в не очень хорошем состоянии, знаю. И участок, как джунгли, — добавил с явным сожалением в голосе. — Я вернусь из Столицы и помогу тебе привести здесь все в порядок.

— Спасибо. Но не нужно. Я уже решаю вопрос с участком. Если ты не заметил, уже кое-что сделано. И остальное тоже решу потихоньку. В собственном ритме.

— И все же...

— Кейран, спасибо, — твердо повторила я. — Кстати, на чердаке стоят две какие-то коробки. Заберешь?

— Коробки? — переспросил равнодушно. — Что за коробки? Взгляну на них в следующий раз.

«В следующий раз»? Хорошо. Значит «следующий раз» возможен. Я шмыгнула носом, маскируя этим вздох облегчения.

— Слушай, а что за комнатенка на втором этаже? Маленькая, как чуланчик, но с большим окном.

Лицо у Кейрана застыло, он отвернулся, и, глядя в сторону, сказал:

— Точно не скажу. Помню только, что второй этаж пару раз перепланировали, но я в это не вникал. Когда подрос и стал что-то соображать, перебрался на чердак. Там было мое безраздельное персональное царство. И первая в жизни фотостудия.

— Понятно, — отозвалась я. — Чердак выглядит здорово — чистый и просторный. Для подростка настоящее раздолье. Только низковат для тебя, — добавила, окидывая взглядом высокую фигуру Кейрана.

— Тогда я и сам был пониже.

Я дожарила горку оладий, мы поели, продолжая болтать. Кейран кушал так, словно простые кругляши из пресного теста с магазинным джемом были нектаром и амброзией. Он даже прикрывал глаза от удовольствия, проглатывая очередной кусочек. Выпил две кружки кофе и засобиравался.

— Сейчас почти восемь, а у меня самолет в двенадцать, — он поднялся из-за стола.

— Да, ты говорил, — отозвалась я.

— Надо заехать домой, собраться, — говорил, топчась на месте.

— Конечно.

Он замолчал, приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать и передумал. Потом развернулся и вышел из кухни. Я не спешила за ним, сначала убрала со стола грязную посуду и перевела дух.

Войдя в гостиную, увидела, как Кейран натягивал пиджак, хлопал себя по карманам, оглядывался, хмуря брови. Мне показалось, что он нарочно тянет время, но не нашла, что сказать, чтобы помочь ему. И себе.

— Я вернусь через два дня, — заговорил Кейран. — И, если ты не против, позвоню.

— Конечно, звони, — кивнула, начиная дрожать.

То ощущение невероятной близости, что возникло между нами накануне и продолжалось всю ночь вдруг обострилось, став почти болезненным. Волшебство

испарялось, а вместо него появлялся клубящийся страх и опасение, что все было случайным, неправильным и очень мимолетным. Я боялась, что мы затерялись где-то ненадолго, а теперь затмение миновало, и мы выходим на знакомые привычные дороги — каждый на свою.

Кейран вытащил ключи от машины из кармана и направился на выход.

Я обогнала его в коридоре и первая подошла к двери, открыла ее, выпуская гостя.

Кейран остановился, повернулся, порывисто обнял меня и крепко прижал к себе. Я с удивлением почувствовала, что он тоже немного дрожит, словно от перенапряжения, как бывает, когда долго держишь большой вес на вытянутых руках.

— Не исчезай никуда, пока меня не будет, — негромко сказал он, кладя подбородок мне на макушку. — Пожалуйста, не переезжай пока больше...

Я нервно хихикнула, утыкаясь носом с ямку на его шее, видневшуюся в расстегнутом вороте рубашки. Тихо вдохнула. Кейран пах чистотой и очень слабо каким-то парфюмом, с едва уловимыми смолистыми, древесными нотками. Запах, похожий на тот, что смешивает и разносит ветер, свободно дующий на пустошах и долинах, залетающий в подлесок, проносящийся над покрытой травами почвой и среди листвы.

— Постараюсь задержаться здесь, — проговорила глухо.

Он кивнул, наклонился, скользнул приоткрытым ртом по моей щеке, нашел губы и впился поцелуем. Одна его рука погладила мне спину, легла на поясницу, мягко, но настойчиво надавила. Его возбуждение вжималось в низ моего живота, заставив податься навстречу и замереть, чувствуя нарастающую густую волну жара.

Наши тела соприкасались в недвусмысленном доказательстве взаимного желания, мощного и глубокого, совсем не случайного. Предвкушение взволновало до предела, оно насыщало воздух, плотно обволакивая нас обоих. Но подчиниться сиюминутному порыву прямо сейчас казалось равноценным тому, как если плеснуть в костер воды, не давая разгореться.

— Хочу тебя всю. Слышишь меня? — осипшим голосом зашептал Кейран. — Долго... Медленно... Глубоко... Нежно...

Слушая его голос, я прикрыла глаза и судорожно вцепилась в плечи Кейрана.

Его дрожь и напряжение передались мне, а может, и были моими, а слова становились обжигающим касанием, путами, в которые я уже попала, не имея желания освободиться.

Медленно и с усилием Кейран отстранился, придерживая меня за предплечья. Мускулы его словно окаменели, бугрясь под тканью пиджака.

— Хейз, у тебя есть кто-нибудь? — вдруг спросил он, напряженно вглядываясь мне в лицо.

Я отрицательно помотала головой. Он воздел глаза к потолку и пробормотал:

— Два дня...

Выпустил меня, отступил на полшага.

— Поскорее обустраивайся на новом месте, — ровным голосом сказал Кейран. — Первым делом купи кровать, — добавил он чуть тише.

Наклонился к моему лицу, быстрым касанием губ оставил на моей щеке нежный поцелуй и вышел.

Я закрыла за ним дверь, развернулась лицом внутрь дома и уставилась перед собой невидящими глазами.

Никаких мыслей не осталось, из головы все разом просто унеслось. Было лишь

ощущение поющего, как струна тела, и подгибающихся бескостных ног.

Свет проникал в коридорчик через два дверных проема — в гостиную и на кухню. Два размытых прямоугольника на полу, рассеянный отсвет на стенах, делающий орнамент под потолком неравномерным, разнотоновым.

И мне показалось, что узор... стал оживать, приобретая цвет, сочность и объем. Гирлянды стилизованных растений медленно двигались и переплетались, перетекая из одного элемента в другой. Свивались, охватывая друг друга. Они плавно изгибались в странном танце, словно рисовали какую-то графически выраженную магию, переносившую меня в волшебный мир, где можно было научиться верить в то, что не считалось возможным и вероятным. И не только верить, но и получить это.

И я уже почти слышала шелест листвы и далекое пение птиц, чувствовала тепло от прикосновения солнечных лучей на своем лице. Или же это был отголосок все еще осязаемого касания губ Кейрана...

***

Когда пришла Уна, я первым делом спросила ее, возможно ли высадить вдоль дорожки алиссум. Она ответила утвердительно, но добавила задумчиво:

— Вообще-то, я не думала, что вы захотите такие растения.

— Какие «такие»? — не поняла я.

— Ну, старомодные, что ли. И они очень сильно пахнут, знаете?

— И пусть. Мне как раз это в них и нравится.

— Хорошо, тогда я закажу рассаду, — улыбнулась Уна, краснея явно от удовольствия, что занималась любимым делом на полном серьезе.

Пока она возилась на участке, я уселась на кухне с ноутбуком и стала просматривать сайты, на которых можно было приобрести предметы мебели. Мне не хотелось ехать, например, в ИКЕА за экспресс-покупками. Или мотаться по другим магазинам в поисках подходящей обстановки для дома.

Мне, в самом деле, нужна кровать. И не какая-то самосборная топчаноподобная лежанка. Это должно быть что-то... особенное. Ну, во всяком случае, не безликая штамповка.

Я просматривала одну ссылку, предложенную поисковиком, за другой, пока не наткнулась на веб-страницу местной мастерской, занимавшуюся изготовлением предметов мебели по индивидуальным заказам. Поразмыслив, остановилась на идее кованой кровати с дизайном, который перекликался бы с некоторыми элементами уже имеющимися в этом доме.

Схватив свой айфон, я выскочила из дома, пробралась к окнам и сфотографировала ставни с узорчатыми коваными навесами. И сами навесы, крупнее.

Зайдя на страничку мебельной мастерской, оставила заказ и отослала фото, попросив использовать мотив орнамента в дизайне кровати. Прикинув свои финансовые возможности, заказала еще сундук в изножье кровати, настенные светильники, консольный столик в прихожую и большое зеркало к нему в ажурной кованой раме.

Чудить, так чудить. Я готова поддержать заданную «игру», понимая, что в нее играет не только мое воображение, но и что-то вполне реальное и очень значительное.

Глава 20

День сиял, по-летнему теплый и солнечный.

Кейран все успел: собрался, ничего не забыв, заехал в банк и оставил в депозитной ячейке карты памяти от фотокамеры с отснятым материалом, без проблем домчался до аэропорта и вовремя попал на посадку. И самолет тоже взлетел в срок.

На самом деле из всего достоверной была только погода.

Собираясь, он забыл захватить пижамные штаны и футляр для очков. В банке неожиданно случился технический перерыв и пришлось ждать. До аэропорта несясь, превышая скорость, приткнул машину на стоянку на первое же свободное место и едва успел на посадку. А самолет задержался с вылетом на двадцать минут.

Но ничего этого Кейран просто не заметил.

Не мог и не хотел выбросить Хейз из головы и каждый раз, когда вспоминал прошедшую ночь, словно проваливался в другое измерение, где парил на крыльях безумной эйфории. Купался в этих ощущениях и в то же время абсолютно потерялся в противоречиях.

Он находился рядом с женщиной, о которой думал постоянно, которую видел в эротических снах, и от образа которой, накрепко застрявшем в сознании, склонен пускать в ход руку чаще, чем когда был подростком и его будоражили сумбурные сексуальные фантазии.

В настоящей реальности он обнимал и целовал Хейз, находился так близко, что до сих пор ощущал ее аромат, тепло кожи и помнил каждый изгиб тела

Он мог бы забраться под её футболку и сжать в дрожавших от нетерпения и острого желания ладонях упругие, теплые груди. Мог бы гладить, сжимать, целовать, дотрагиваться и скользить языком, наблюдая, как быстро отзовутся нежные вершинки, став твердыми и еще более чувствительными. Мог ощущать, как растает на языке сладкий вкус нежной кожи, слышать, как Хейз отзовется, издав тихий вздох и выгнувшись навстречу...

Он мог расстегнуть пуговку и «молнию» на ее джинсах и скользнуть ладонью под ничтожную преграду трусиков, зная, что ощутит прикосновением пальцев ответный жар, шелковистую влажность, и вызовет податливое, плавное и ритмичное движение ее бедер. Мог слышать, как участится ее дыхание, а с приоткрытых губ сорвется стон...

И это окончательно свело бы его с ума...

Кейран чувствовал себя ошалевшим от ярчайших впечатлений мальчишкой, который попал в сказочную кондитерскую, где глазел, вдыхал запахи и прикасался к изысканным сладостям, но... ничего не попробовал.

Однако он уже давно не мальчишка, и, откровенно говоря, при таком накале желания логичным и очевидным была бы вовсе не игра в обнимашки.

Но заняться сексом с Хейз, а потом уйти, торопясь в деловую поездку, ему было недостаточно. И даже Всемогущая Безмозглая Похоть, упорно пытавшаяся заявить свое право на ведущую роль в его стремлениях, оказалась бессильна перед чем-то куда более убедительным, чем физиология.

Он хотел Хейз до безумия, обнимал и целовал, заявляя свои права на эту женщину. И, испытав всю силу предвкушения близости, погрузился вдруг в омут мира, покоя и доверия, забывшись самым крепким сном в своей жизни.

Хейз не назвала его чокнутым, не оттолкнула и не выгнала. Она мирно спала рядом, обнимала его так, словно не давала упасть. Её голова удобно покоилась у него на плече, а сердце билось в унисон с его сердцем.

Кейран уходил, с трудом переставляя ноги от ноющей боли в паху, но чувствовал только радость и глубокую убежденность в том, что все движется правильно, и он только что выиграл самый главный приз в своей жизни.

...Сидя в кресле самолета, представляя и вспоминая, Кейран чувствовал, что его снова охватывает жар, как дыхание горячего ветра. Кожи ладоней касалось эхо уже изведанных прикосновений к Хейз, а губы вкушали сладость ее рта.

Два дня он проживет, как в бреду, но потом все только начнется. Теперь он точно это знал.

Из аэропорта Кейран поехал прямо в рекламное агентство и встретился с заказчиком. Потом пообедал в хорошем ресторане и отправился в гостиницу.

Номер ему бронировала Шона. О встречах договаривалась тоже она. И Кейран должен позвонить ей, спросить, как прошла вчерашняя встреча с Морин. И вообще узнать, как там Шона после их непростого разговора.

Он с удивлением и горечью отметил, что мысленно называл их расставание «разговором», словно то, что было между ними умещалось в слова и словами же решалось.

Кейран положил смартфон на кровать и долго смотрел на него, как на затаившуюся на покрывале гремучую змею. Отвернувшись, стащил с шеи галстук, вдруг ставший удавкой, и поспешил в душ. Долгое омовение под струями горячей воды создало иллюзию, что покрывавший его подобно остывшему пеплу налет недавнего прошлого, удалось смыть. Кейран обернул бедра гостиничным полотенцем и вышел из ванной.

Взял смартфон, решительно нажал кнопку быстрого вызова и, ожидая ответа, подошел к окну. Гостиница располагалась на набережной, и перед глазами Кейрана простирались темнеющие воды реки, в которых отражалось закатное небо и город, загоравшийся вечерними огнями.

— Привет, — произнес Кейран, когда на его звонок ответили.

— Привет, — донеслось до него.

Голос Хейз звучал немного устало. И невыносимо нежно.

— Я безумно хотел услышать тебя.

— Представь себе, я тоже хотела тебя услышать, — отозвалась она мягко.

— Почему же не позвонила?

— Ты же в деловой поездке. Не хотела отвлекать.

Хейз помолчала.

— А когда все же решила отвлечь, ты сам позвонил.

Они говорили, и время текло незаметно, как воды в реке.

Кейран слушал Хейз, стены номера отеля отступили куда-то, оставив его наедине с негромким голосом, звучащим из динамика. Он слышал дыхание Хейз, ее мягкий смех. Что-то согревало его, словно невидимый солнечный свет касался кожи, лаская обещанием, сладким предвкушением.

Пейзаж перед глазами, ограниченный оконной рамой, менялся, словно на киноплёнке при быстрой перемотке. Краски вечера стремительно густели, наполняя небо над городом глубокой синевой. Вместе с небосводом темнели и воды реки, отражая на своей поверхности свет уличных фонарей, светящиеся окна домов и мелькавшие фары машин.

Кто-то прорывался через их разговор, настойчиво требуя, чтобы Кейран ответил на вызов, но он слышал только Хейз и хотел говорить только с ней.

Время текло, убегая прочь, унося что-то за собой. Но оставалось нечто вечное, нерушимое. То, что не могло затеряться в веках и пространстве.

***

Я отложила телефон и поняла, что улыбаюсь блаженной улыбкой счастливой идиотки.

Мне захотелось прямо сейчас позвонить Патриции и сказать, как люблю ее. Ведь не будь моей упрямой, своенравной, вездесущей подруги, я никогда не узнала бы Кейрана.

Мысль была такой простой и очевидной, что я испугалась, осознав, от чего порой зависят наши судьбы.

Я сплю и вижу Кейрана. Во мне звучит его голос, и до сих пор курсирует по венам тепло от его прикосновений. И я очень, очень хочу большего...

За день сделано немало, и я устала. Устраиваться на новом месте совсем не просто, особенно если ограничен в финансовых и прочих возможностях и начинаешь все выстраивать практически с нуля в непривычных условиях.

Столько всего надо. Одно цепляется за другое, что-то норовит ускользнуть из виду, чтобы потом в самый неподходящий момент возникнуть новой нерешенной проблемой или срочной необходимостью. Например, оказалось, что мне очень нужна машина. Если я буду более мобильна, то перестану бессовестно пользоваться добротой и безотказностью Брайана, готового мотаться по моим нуждам в свое свободное время.

Звонок Кейрана развеял все переживания. С меня будто сняли туго стянутый корсет, который не давал свободно дышать. Но надолго забыться в блаженном отдохновении мне не дали.

Словно эхо моих мыслей о стремлении к независимости и дальнейшей невозможности эксплуатировать его отзывчивость и доброе участие в моей судьбе, позвонил взбудораженный Брайан. Напряженным тоном он сказал, что завтра не сможет помочь мне по дому во второй половине дня, как собирался.

— Ничего страшного, Брай, я ведь не стремлюсь обустроиться в рекордные сроки, — сказала я. — И ты мне и так очень помог и помогаешь.

Он тяжело вздохнул в ответ.

— Ты мне что, уже отставку даешь? — проворчал мой друг. — Я сказал, что завтра не могу помочь, а дальше буду.

— Звучит как угроза. У тебя что-то случилось? — поинтересовалась я. — Неприятности на работе?

— На работе? Нет, Хейз, не на работе. В болоте никогда ничего не происходит, — ответил он. — Ты помнишь Эвлинн? Ту, у которой магазинчик. У нее муж и сын попали в серьезный переплет. Ушли рыбачить на своей моторке, и произошла авария. Оба в тяжелом состоянии. Я должен быть с ними.

— О, Боже. Ну, конечно, — выдохнула я. — И пожалуйста, передай от меня Эвлинн, что я очень им сочувствую. Надеюсь, что все обойдется. От всего сердца желаю им этого.

Я не знала никого из этих людей кроме Эвлинн, но почему-то заочно питала к их семейству искреннюю симпатию. Хотя бы за то, что они прекрасно относились к Брайану, в отличие от его бывшей жены Лизы, близкими родственниками которой, кстати, являлись.

— Да, спасибо. Обязательно передам, — рассеянно отозвался Брайан.

— Может быть, я могу как-то помочь? — спросила я.

— Помочь? Да...Эм-мм, Хейз, понимаешь... тут такое дело...

И за те пару секунд, что мой друг подбирал слова, успела вообразить много всякого.

— Да говори же! Что еще? — не выдержала я.

— Словом, получилась еще одна накладка. У Лизы заболела мать, и она уезжает завтра. Я должен был забрать Джун на пару дней. Но в больницу с собой я ее, конечно, не потащу. Все и так дерганное, а ребенку там делать нечего. Короче, ты не могла бы посидеть с ней? Понимаю, что просьба более чем неожиданная, но...

Я не знала, что ответить. Мне никогда не доводилось присматривать за детьми, а дочку Брайана я видела только на фото, ведь когда она родилась, меня уже здесь не было. Ей должно быть что-то около четырех лет сейчас. Мне трудно было вообразить, что представляют собой малыши в таком возрасте. Что умеют, в чем нуждаются. Как с ними общаться.

— Ээээм... я не знаю... — начала было мямлить я.

Брайан постоянно помогал мне, а сейчас обратился с единственной просьбой. Моя очередь оказать ему услугу. Хотя, присматривать и нести ответственность за чужого ребенка это вам не гвоздь в стену забить.

— Она у меня умница, — быстро заговорил Брайан. — Лопает все подряд, засыпает, где упадет. Сама может одеваться и причесываться. Ну, почти сама. Умеет пользоваться туалетом, прямо, как кошка. И почти не капризничает.

— Почти?

— Если будешь исправно отвечать на ее вопросы, она будет само очарование, — «успокоил» меня мой друг.

— И много у нее вопросов? — насторожилась я.

— Они неиссякаемы! — прозвучал бодрый ответ. — Ну, так что, подруга, выручишь? Понимаю, что просьба у меня непростая, у тебя и без того забот полно и ребенок в твоём хаосе сейчас не очень желанный элемент. Но вот честное слово, будь другой вариант, я бы не стал тебя так нагружать.

— А твоя мама? — осторожно спросила я.

— Лучше я отдам ребенка в гостиницу по передержке домашних животных, — ледяным голосом заявил Брайан. — По крайней мере, там ее точно накормят и выведут погулять.

Я знала, что у моего друга с матерью далеко не все благополучно, но надеялась, что на внука это не распространяется. Значит, ошибалась.

— О, Господи, как непросто все у вас, — пробормотала я. — Ладно, вези свое чудо. Только не забудь инструкцию по эксплуатации и запасные части. Так и быть, попробую поработать Мэри Поппинс.

Во всем этом был большой элемент неожиданности, но имелся и очевидный плюс.

Кейран должен вернуться послезавтра днем. Если загружусь заботой о дочке Брайана, постигая нечто совсем новое для себя, то у меня не будет возможности считать часы и минуты, оставшиеся до приезда Кейрана.

***

Закатное зарево заливало небосвод ослепительным сиянием. Смотреть на багряную полосу, очертившую холмы, было почти больно. Казалось, что небу нанесли рану, и она раскрылась, кровоточа и ослепляя.

Шона стянула со лба темные очки и прикрыла ими глаза.

Возможно, виновато не только солнце. Проклятые бессмысленные слезы лились сами

собой и разъедали глаза. Она сегодня даже не накрасила ресницы, смирившись с тем, что должна позволить себе вдоволь пореветь.

...Вчера от Кейрана Шона сразу же поехала к Морин.

Поначалу она была словно оглушена, все эмоции застыли, став морозным узором на сердце и в душе. Переживать нет никаких сил, зато есть возможность заняться делом, отвлечься и оттянуть момент, когда придется начать чувствовать себя отвергнутой любовницей.

Морин приняла Шону у себя на вилле, провела в просторную гостиную, напоила отличным кофе.

Они разговаривали о проекте. Морин изложила свои новые идеи и пожелания, оказавшиеся довольно интересными и оригинальными.

— Ничего менять и усложнять не нужно, — говорила Морин. — Я лишь предлагаю сделать один из уже запланированных тематических сетов целиком черно-белым и в духе Гарри Кларка*. Знаете, о ком я говорю?

Шона кивнула.

— Да. Художник-иллюстратор. Кажется, иллюстрировал произведения Эдгара По.

— И Андерсена, Гёте и еще многое, — Морин откинулась на спинку дивана, закинула одну ногу на другую, продемонстрировав бежевые лодочки от Джимми Чу. — Захотелось свернуть во весь тот гламур, что у нас получается, немного готического сюрра, магии и мистики. Декорации и реквизит я обеспечу в кратчайшие сроки, с примерами все проработаем тоже быстро. Но это, конечно, лишь в том случае, если Кейран одобрит идею.

Она посмотрела на притихшую Шону.

— Ну, вот такая у меня паранойя приключилась. Что скажете? Не очень вас напугала? — Морин послала собеседнице ослепительную улыбку.

— Совсем не напугали, — Шона в ответ тоже попыталась улыбнуться. — Мне ваше предложение кажется интересным. Может получится действительно что-то очень эффектное. Если Кейран подхватит вашу идею, то у него все выйдет здорово.

— Вот именно — если подхватит! Ведь большая часть уже отснята, а я взялась пугать Кейрана внезапным наплывом революционных идей. Он ведь очень занятой человек. Так?

— Да. Его время расписано по минутам, — бесцветным голосом ответила Шона. Она почти взяла себя в руки и постаралась сохранять деловой тон, запрятав личные переживания подальше и поглубже.

Но Морин явно что-то заметила.

— Вы кажетесь чем-то расстроенной. Или усталой, — сказала она, чуть наклоняясь к девушке и легко касаясь ее руки. — Что-то случилось?

Шона чуть вздрогнула от неожиданного прикосновения, быстро взглянула на сидящую рядом женщину. Сегодня Морин напоминала цветок экзотического ярко оранжевого ириса: в зеленом облегающем платье, с тяжелым низким узлом рыжих волос, лежащем на белой, казавшейся хрупкой, как стебель, шее.

— Вы уж простите меня, — сказала Морин, — я иногда бываю чересчур любопытной и приставучей. Просто вы с Кейраном мне очень нравитесь. Красивая, гармоничная пара. И работать с вами одно удовольствие. У вас с ним прекрасный тандем, во всем.

Рот Шоны дернулся, она сжала губы, стараясь сдержаться, чтобы не прикусить их до крови изнутри.

— Да, наверное, — выдавила она. И больше не смогла ничего сказать.

Это все выше ее сил. Она явно поторопилась, слишком быстро сдалась, совсем не боролась за их отношения. Да еще дала Кейрану героическое, но очень опрометчивое обещание сохранить деловые отношения до конца проекта. Вряд ли она выдержит находиться рядом с ним все это время и изображать, будто ничего не случилось.

Шона больше не считала правильным приносить себя в жертву благородству и порядочности. Пребывание в таком надрыве может оказаться совсем не движением к катарсису, а бессмысленным статичным адским пламенем.

Они с Морин продолжили говорить, и Шона еще пару раз увернулась от попыток хозяйки дома подобраться к причине ее внутреннего состояния.

Она ушла от Морин с противоречивым чувством, ловя себя на мысли, что ослепительная неприступная «королева» вызвала у нее желание рассказать ей все, что накопилось. Выложить как на духу, словно давней закадычной подруге. Таковых в жизни Шоны не водилось со школы, были лишь многочисленные знакомые, с которыми она проводила время, не обременяя себя излишней откровенностью ни с их, ни со своей стороны.

Впервые она испытала потребность потолковать с кем-нибудь по душам, не переваривая все в себе. До сих пор и переваривать было нечего, потому что никаких проблем она не испытывала и ни в чем таком не нуждалась. Шона думала, что к тридцати годам у нее было все, что можно желать — красота, молодость, здоровье, достаток и красивый и талантливый любовник, который понимал ее и не подчинял исключительно своим потребностям и интересам.

Вот только понимал ли?

Ну, да, она не хотела детей. Что с того? Мало ли пар живут, не обременяя себя потомством? Вряд ли это стало основной причиной их разрыва, но впервые Шона почувствовала себя... искаженной.

Ведь женщине положено хотеть детей от любимого мужчины, разве не так?

Но вот она не хотела делить своего мужчину ни с кем. И не желала, чтобы кто-то покушался на его внимание к ней. Он мог бы стать единственным для нее, а она для него. Однако Кейран подобную перспективу не оценил.

...Кейран позвонил ей только сегодня ближе к вечеру, хотя она ждала его звонка еще вчера. Он поинтересовался, как она себя чувствует, вкратце рассказал, как обстоят дела с заказом в Столице. Его голос был таким же, как всегда — дружелюбным, мягким, спокойным. И теперь Шона знала, что еще и равнодушным. Неужели он всегда был с ней таким, а она просто не понимала этого?

— Что там за идеи у Морин? — спросил он.

— Ах, да. Ничего особенного, ничего глобального, — отозвалась Шона. — Я даже думала не беспокоить тебя этим до твоего возвращения.

— И все же?

Шона подробно передала ему разговор с Морин, естественно умолчав о попытке женщины выяснить, что между ними происходит.

— Хочет сюрра и готики, значит? Что ж, не так страшно, как можно было себе представить, — заключил Кейран. — Ладно, если она берет на себя обеспечение реквизитом и прочее, то я не против. На сроки это не повлияет, а некую интересную деталь в проект внесет. В общем, неплохая идея, мне нравится.

— Хорошо, — отозвалась Шона. — Я поеду к ней сегодня, передам, что ты согласен с ее идеями и...

— Не спеши говорить, что я целиком и полностью согласен. Скажи, что идея показалась интересной, и я обещал ее обдумать, — перебил ее Кейран. — Не стоит давать Морин палец — руку отхватит. Придумает еще что-нибудь.

— Вполне разумно, согласна с тобой.

Шона помолчала, собираясь с силами.

— Я нашла кучу материала о Кларке — иллюстрации, статьи. Отправлю все тебе на электронную почту, — начала Шона. — Но, Кей... Это будет последнее, что я могу сделать для тебя. Я поторопилась, обещая оставаться в проекте до самого конца. Прости, но не смогу. Да и не вижу необходимости, ты сам справляешься прекрасно со всем. Помощников у тебя хватает, а я бы хотела уехать.

Возникла пауза, во время которой Шона замерла, ожидая ответа. Еще надеялась услышать что-то, что вернет утраченное.

— Понимаю, — наконец сказал Кейран. — И не смею настаивать. Жаль, что так получилось. Но думаю, твое решение верное, Ши. Спасибо тебе за все.

Он еще что-то говорил, спокойно и мягко, и нестерпимо вежливо. Шона хотела бы слышать в его тоне не сожаление, а горечь, и, может быть, чуточку боли. А там звучала только равнодушная учтивость и унижительное понимание ее положения отвергнутой любовницы. И голос его ничуть не дрогнул, а ведь он прощался с ней снова и теперь окончательно.

Ее передернуло словно от озноба.

Да, она правильно все решила. Ей жизненно необходимо возвести между ними расстояние, нужно время и тогда, может быть, она придумает, как вернуть Кейрана. От этой возможности она отказываться не собиралась.

***

Шона поехала к Морин, чтобы передать ей слова Кейрана и сообщить, что уходит из проекта.

— Мне необходимо уехать. По семейным делам, — сказала она, сидя с Морин на террасе ее виллы.

Кроваво красный закат заливал невероятной красоты пейзаж, отражаясь в стеклах огромных окон и добавляя пылающих оттенков и без того ослепительным волосам хозяйки дома.

Даже виски, стакан с которым держала в руках девушка, приобрел карминный оттенок. Шона посмотрела на жидкость, невольно поежилась и поставила стакан на круглый столик с мраморной столешницей.

Терраса располагалась на втором этаже виллы, и с нее открывался потрясающий вид на зеленые равнины, холмы и обрывистый берег Атлантического океана.

Шона посмотрела на мерцающие вдалеке воды и поежилась — необычный закат на них тоже оставил свой зловещий след. Багрянец отражался на поверхности океана, и казалось, в него пролили кровь.

— Простите меня снова, Шона, — обратилась к притихшей гостье Морин. — Но я уверена, что у вас что-то произошло. И дело не только в семейных проблемах. Вы сама не своя. И прячетесь за темными очками даже ночью.

— Мы расстались с Кейраном, — честно призналась Шона, не видя больше причин скрывать.

— О, весьма... неожиданно! — с искренним удивлением воскликнула Морин. — Как

мне жаль слышать такое, милая. Это так неправильно. Мне казалось, что у вас все прекрасно. Но вы уверены, что у вас не просто временная размолвка? Какое-то недопонимание?

— Нет, не просто размолвка. Кейран никогда не ссорится. В этом плане он просто уникален. Его невозможно вывести из себя, невозможно спровоцировать. Он воплощенная выдержка. Конфликтоустойчивый, — ответила Шона, чувствуя, как начинает дрожать голос. — Он не спорит, он просто делает. И он никогда не принимает поспешных, необдуманных решений.

— Хотите сказать, это было его решение? — нахмурилась Морин.

— Да, его. Мне казалось, что у нас просто возникли проблемы, которые можно как-то уладить. Но он смотрел на это иначе.

— Но отчего так? Вы пытались его расспросить? И снова извините, что лезу со своими вопросами, — поспешила добавить Морин. — Мне просто безумно жаль, что это произошло с вами обоими.

— О, да. Мне тоже ужасно жаль, — горько усмехнулась Шона. — Я пыталась его спросить, но думаю, он просто не захотел мне сказать, что охладел. Элементарно разлюбил...

— Как долго вы вместе, дорогая? — тихо спросила Морин, и Шона услышала в ее голосе неподдельное участие.

— Больше трех лет. И все было прекрасно, — вздохнула Шона. Она начала говорить и уже не могла остановиться. — Хотя кое-что в наших отношениях могло ему не совсем... подходить.

— О чем вы говорите, Шона! Всегда в любом союзе двух любящих людей что-то кому-то не подходит! Что могло быть такого, что вы не могли решить вдвоем или, о чем не могли прийти к соглашению?

— Ему могло не нравиться, что я не хотела иметь детей, — поколебавшись, ответила Шона.

— Вот как... — задумчиво проговорила хозяйка дома.

Взгляд гостыи, скрытый стеклами темных очков, устремился на собеседницу.

— Это неправильно? Вы осуждаете меня? — напряженно спросила Шона.

— Боже упаси, милая! — воскликнула Морин. — У меня своих тараканов и причуд хватает с избытком. Кто я такая, чтобы судить о других людях. Тем более, когда речь идет об осознанном выборе, об обдуманном зрелом решении. Это ваша жизнь и никто не вправе указывать, как вам ею распоряжаться.

— Спасибо, — пробормотала Шона.

— Вы отставили свой бокал, — Морин кивком головы указала на недопитый виски Шоны. — Думаю, глоточек-другой вам сейчас не повредит. Давайте выпьем, — она подняла руку со своим стаканом.

— Нет, спасибо. Я за рулем.

— Это мы уладим с легкостью. Вас отвезут домой, а утром пригонят вашу машину, куда скажете. Ну же, Шона, берите ваш стакан. Порция «огненной воды» пойдет сейчас только на пользу, поверьте, — настаивала рыжеволосая женщина.

Шона пожала плечами и послушно сделала глоток. Жидкость опалила горло, слегка заглушая остротой и резкостью вкуса душевную боль. Девушка сделал еще один глоток.

— Значит, вы решили уехать? Пожалуй, это верное решение. Дайте себе возможность

отдохнуть и отвлечься, взглянуть на все со стороны, — сказала Морин.

Она сделала небольшой глоточек виски, отставила свой бокал и откинулась на спинку стула. Перевела задумчивый взгляд на свою гостью и пристально, испытующе разглядывала Шону несколько секунд, словно раздумывая о чем-то.

— Жаль... Ах, как же жаль... — пробормотала она.

Шона бросила на собеседницу растерянный взгляд.

— Знаете миф о прекрасной Этайн**? — вдруг спросила Морин.

— Слышала, но не помню подробностей, — ответила ее печальная гостья.

— Многострадальная героиня. И прекрасная, как сама жизнь. Таким обычно страшно не везет, слишком много завистников возникает на пути к счастью. В нее без ума влюбился Мидир Гордый***, сын самого Дагды****, и взял ее в дом второй женой, — принялась рассказывать Морин, устремив взгляд на темнеющий пейзаж.

Медленно скрывавшееся за горизонтом солнце забирало с собой кровавые оттенки, позволяя ночи с ее палитрой красок вступать в законные права.

— Но первая жена Мидира не стерпела появления в доме юной красавицы, — продолжала Морин. — Она превратила Этайн в муху и наслала на нее ураган страшной силы. Бедняжку Этайн мотало по свету многие годы. Она пережила удивительные, трагические, а порой просто курьезные испытания. Она даже умудрилась родиться повторно. Они с Мидиром все-таки встретились тысячу или больше лет спустя, тогда Этайн была замужем за верховным королем Ирландии Эохайдом. Но Мидир увел ее от законного мужа. Они оба превратились в лебедей и улетели в зачарованную страну, откуда были родом.

Шона слушала, не понимая к чему весь этот экскурс в мифологию.

Морин тем временем встала со своего места, медленно подошла к балюстраде террасы. Каблучки очередных роскошных туфель гулко цокали по плитам пола в вечерней тишине.

Женщина оперлась на мраморные перила руками.

— Подойдите сюда, Шона, — обратилась она к своей гостье. — Посмотрите, какая красота.

Шона, сняла темные очки, послушно встала и приблизилась к Морин.

— Но на самом деле это не конец истории Этайн, — продолжила говорить рыжеволосая красавица. — В финале она все-таки вернулась к Эохайду, который оказался более достоин ее, чем Мидир. Я думала, что вы с Кейраном похожи на Этайн и Мидира. Возможно, вам Шона, нужно было пройти через какие-то испытания, чтобы быть вместе со своим королем, которого вы еще просто не встретили.

— Красивая легенда, — отозвалась Шона, — но я совсем не чувствую себя ее героиней.

— Вот и я тоже, — вдруг изменившимся тоном сказала Морин.

Шона вздрогнула от жесткого ледяного голоса, резко прозвучавшего в вечерней тишине.

— Вы оказались вовсе не героиней, как я поначалу подумала, — заявила Морин и ее тонковатые губы растянулись в холодной улыбке. — Ни этой легенды, никакой другой. Я довольно долго приглядывалась к вам, и был момент, когда мне показалось, что я нашла, то, что искала. Но вы, Шона, все испортили. Вы лишили историю одного из возможных финалов. А мне это не подходит. Мне нужно, чтобы наверняка...

— Я не понимаю, о чем вы говорите... — Шона отшатнулась, вцепившись побелевшими пальцами в холодные перила. — Что я испортила? Какую историю? Не понимаю...

— А вам уже это и не надо, — холодно заметила Морин, не глядя на свою гостью. — Второй раз вам точно не родиться. Вы, конечно, не муха, но и лебедем вам не быть, уж

поверьте. А вот принести нам всем пользу, примкнув к стае моих верных спутников и помощников — очень даже возможно. Давно моя свита не пополнялась, а вы подходите как нельзя лучше. Оскорбленная, отвергнутая любовником женщина. Мстительность вам не свойственна, но затаенная обида тоже огромная сила.

Шона слушала, не понимая смысла слов. И, скорее почувствовала, чем увидела, как неподвижно замерла Морин, стоящая к ней спиной. Женщина словно застыла, погасив все вибрации своего движения, дыхания. Морин стала абсолютно неподвижным изваянием на фоне потемневшего неба.

Но замерла не только она: как только перестали звучать ее слова, стихло все вокруг.

Смолкли ночные птицы, наступило полное безветрие. Воздух загустел и уплотнился. Даже поверхность океана вдалеке стала гладкой и неподвижной, как темное стекло.

Шона всхлипнула, борясь с паникой, с трудом отцепила сведенные судорогой пальцы от холодного мрамора, и стала медленно отступать к двери, ведущей с террасы в дом, продолжая во все глаза смотреть на Морин.

Она поняла — тот жуткий сон, привидевшийся ей в столице, стал явью.

И будто в подтверждении ее страха послышался далекий гул. Небо над линией горизонта еще больше потемнело, превращаясь в густую черноту, и чернота эта шевелилась и двигалась, стремительно приближаясь.

Вместе с ней приближался и гул, в котором все отчетливей различался неистовый крик и шум крыльев тысяч злобных птиц.

Шона не смогла больше сделать ни шагу, застыла на месте, не имея сил пошевелиться. Она оказалась внутри своего кошмара, став его частью, и поняла, что назад пути нет: это вовсе не сон и нет возможности проснуться, чтобы спастись.

Черные вороны заполнили небо. Они кружили, вопя, словно выкрикивали угрозы.

— «Рррастеррррзаю! Ррразоррррву!» — слышалось в их хриплом карканье.

Несколько птиц спикировало вниз, и Шона почувствовала движение смрадного воздуха на своем лице, касание жестких перьев, грубое и резкое, как пощечина.

Девушка закричала, закрывая голову руками. Едва переведя дыхание, попыталась сдвинуться с места, но ноги ее словно вмерзли в мраморный пол. Почти сдаваясь, зная уже, что участь ее будет печальна, Шона медленно опустила руки и посмотрела на Морин.

Точно как в том сне Морин, стоящая к ней спиной, стала медленно поворачиваться. Шона дрожала всем телом, погибая от ужаса, ледяным холодом пробравшегося внутрь нее. Ужас этот заполнил каждую клеточку тела, каждую частичку сознания, принеся с собой убивающее своей неотвратимостью отчаяние.

В воздухе запахло кровью, падалью, холодом смерти и беспощадной жестокостью.

Шона смогла только снова закрыть глаза и покорно отдаться во власть происходящего, понимая, что сопротивляться бесполезно.

Она ощутила, как ее ноги отрываются от пола, и она поднимается вверх.

«Лебедем вам не быть...»

«А вот примкнуть к стае...»

Руки Шоны разъехались в стороны, словно что-то невидимое распяло ее прямо в воздухе.

Густой, сладковатый запах падали усилился настолько, что лез в ноздри, забивая их чем-то липким, лишая возможности дышать. Шона открыла рот, резко вдохнула. Хотела закричать, может быть, даже позвать на помощь неизвестно кого, но...

Из горла ее вырвалось только хриплое карканье.

Последнее, что она осознала остатками стремительно гибнущего человеческого сознания — ее руки стали черными крыльями, тело покрылось жесткими и блестящими перьями, и она примкнула к стае злобных ворон.

Все погасло, осталось лишь одно намерение — терзать теплую плоть, вырывая куски, и ликовать, упиваясь кровавым пиром, в знак победы их великой госпожи.

Неистойой Бадб.

Гарри Кларк* — ирландский художник, книжный иллюстратор и автор витражей, одна из основных фигур ирландского Arts and Crafts Movement. В число иллюстрированных им авторов входят Ганс Христиан Андерсен, Эдгар По, Шарль Перро, Гёте («Фауст»), и проч.

Этайн** — героиня кельтского мифа.

Мидир Гордый*** — герой кельтских мифов, бессмертный Принц, один из сыновей бога Дагды.

Дагда**** — божество ирландской мифологии, один из главных богов.

Глава 21

На следующее утро перед приходом Брайана я вся издергалась.

А вдруг я не понравлюсь его дочке, и она сбежит от меня с громким плачем?

Вдруг, оставшись со мной, ребенок будет чувствовать себя несчастным?

Что мне тогда делать?

Я пыталась подкараулить приход отца и дочери, уловив момент их появления, но так увлеклась, изводя себя сомнениями, что все проворонила. Звонок в дверь застал меня врасплох, заставив подскочить на месте.

Открывшаяся мне картина стоящих на пороге двух людей выглядела совсем не пугающе, если не считать того, что Брайан казался снятым с креста: бледный, измученный, под потухшими глазами темные круги, словно он не спал неделю.

Заметив мой взгляд, друг сказал:

— Всю ночь просидели в больнице. «Гранату» забрал вот только и сразу к тебе.

— Гранату?

— Ага. И не вздумай выдергивать чеку, — устало ухмыльнулся он, косясь на светлую макушку дочери.

— И что у вас является... чекой? — поинтересовалась я.

Брайан чуть наклонился ко мне.

— Не давай ей сладкое. Особенно на ночь, — прошептал мне на ухо.

Он придерживал дочь за плечики, а она спокойно стояла, прильнув к ногам отца и, задрав голову вверх, таращилась на меня. Я посмотрела на девочку и почувствовала, что мой рот расплывается в неудержимой улыбке. Джун была копией своего папочки — те же светло-зеленые глаза и необычайно приятные черты лица, только волосы совсем блондинистые.

— Привет, — сказала я малышке. — Я — Хейз.

— Пливет, — отозвалась она. — Я знаю кто ты. Папа сказал, что ты его подлужка. А ты знаешь, почему меня зовут Джун?

— Ну, началось... — закатил глаза Брайан.

— Нет, не знаю, — ответила я малышке. — Давай пройдем в дом, закроем дверь, и ты мне расскажешь, откуда у тебя такое чудесное имя.

Они вошли, и я присела перед малышкой на корточки.

— Ну, теперь скажи мне.

— Да потому что я лодилась в июне*! — торжествующе заявила девочка.

Она тут же высвободилась из рук отца и деловито потопала в гостиную. Мы с Брайаном гуськом направились за ней.

Джун подошла к окну, долго разглядывала там что-то, при этом наклоняла голову, приседала на корточки, приподнималась на цыпочки, возила носом к стеклу и, наконец, изрекла:

— Ты живешь в лесу?

— Ну, можно и так сказать, — ответила я, уже чувствуя, что скучать мне точно не придется.

— Почему у тебя много колОбок? — поинтересовалась девочка, отворачиваясь от окна и направляясь к стене, вдоль которой стояли коробки с книгами.

— Я не успела их разобрать. Я живу в этом доме совсем недавно.

— А где ты жила до этого дома? — тут же последовал следующий вопрос.

Я покосилась на Брайана, он в ответ лишь слегка скривился и пожал плечами.

— Я жила в городе, в маленькой квартире. Хочешь, я покажу тебе свои старые книжки? — попыталась я перехватить инициативу задавать вопросы.

— Хочу, — серьезно заявила малышка.

Она подошла к дивану, уселась на него, стащила с ножек туфли, подогнула коленки и сказала:

— Я готова. Показывай.

Брайан снова наклонился к моему уху, и я услышала его взволнованный шепот:

— Пользуйся моментом. Дай ей гору книжек, пусть копается. Это дело она любит.

Общими с Брайаном усилиями мы быстро отыскивали коробку, в которой были мои старые детские книжки. Слава Богу, я упаковала их отдельно от остальных. Набрав целую кучу, положила их на диван рядом с Джун.

— Здесь много волшебных сказок. Про зверюшек, фей и прекрасных принцесс. Любишь такие? — спросила я.

— Люблю, пло принцесс, — уверенно ответила Джун. — А ты мне считаешь?

— Конечно. Ты посмотри книжки сама, выбери, что тебе понравится, а я пока поговорю с твоим папой. Хорошо?

Девочка величаво кивнула, давая царственное позволения взрослым удалиться.

Мы с Брайаном прошли на кухню. Там он сгреб меня в охапку и довольно ощутимо стиснул в медвежьих объятиях.

— Ой! — вырвалось у меня.

— Спасибо! Спасибо... — проговорил он, чмокая меня в макушку и в щеки. — Ты даже не представляешь, как ты меня выручила.

— Я еще ничего не сделала. Вдруг Джун здесь быстро наскучит, и она начнет требовать тебя? В этих случаях что делать?

— Ей не наскучит. Она любит неизведанные территории, пока все тут у тебя облезит, время пройдет, и я ее заберу, — поспешил заверить меня Брайан. — Но, если что — звоните, что-нибудь придумаем.

— А когда, кстати, ты планируешь ее забрать?

— Сегодня, ближе к вечеру, — Брайан с тревогой посмотрел на меня. — Раньше не получится никак, прости. Выдержишь?

— Постараюсь. Делай свои дела, — я разглядывала его вблизи и еще четче видела, какой он бледный и измученный. — Тебе бы отдохнуть.

— Какой там отдых, — отмахнулся он.

— Что, все так плохо?

— Сын Эвлинн стабильно тяжелый. По крайней мере, врачи ухудшений не наблюдают. А с мужем, Питером, все хуже некуда, — покачал головой Брайан. — Очень серьезная травма головы. Надежды почти нет...

— Господи... бедная Эвлинн — прошептала я. Мне было ужасно жаль ту маленькую женщину, в которой, только однажды пообщавшись, я смогла почувствовать удивительную силу. — Как она держится?

— Как будто сделана из цельного куска стали, — мрачно отозвался Брайан. — Стиснула зубы и держится. Потом, конечно, её нахлобучит по полной, но пока она себе не позволяет

расслабиться. Не женщина, а самурай.

За слегка небрежным тоном Брайана скрывалась подсознательная потребность смягчить всю тяжесть обстоятельств, но давалось ему это непросто. Было видно, что беда, приключившаяся с дорогими ему людьми, его самого уже «нахлобучила по полной».

— У Эвлинн еще и дочь на сносях, — добавил Брайан. — И с магазином всякие дела. Так что я на подхвате.

— Не объясняй. Ты словно оправдываешься, — я сама снова ощущала себя виноватой, в том, что он вынужден объясняться. — Поезжай и не волнуйся. Все будет в порядке. Я твою «гранату» не обижу и другим в обиду не дам.

На бледном осунувшемся лице Брайана отразилось несказанное облегчение, а в глазах разлилась сияющая благодарность. И в тот момент у меня мелькнула мысль, что я сожалею о том, что не могу быть для Брайана чем-то большим, чем друг. Этот мужчина, как никто другой, нуждался в заботе и понимании. И заслуживал любви больше многих.

В носу вдруг защипало, а горле некстати запершило.

— Тебя покормить? — спросила я, нервно сглатывая.

— Нет. Пойду уже. Там в коридоре сумка со всеми причиндалами Джун — игрушки, одежда на всякий случай. Кстати, что-то она там притихла.

Мы рванулись к двери кухни, чуть ли не одновременно протискиваясь в нее. Брайан заглянул в гостиную.

— Слава Богу... — выдохнул он тихо.

Я заглянула через его плечо — Джун спокойно сидела себе на диване, обложившись горой раскрытых книжек, листала их, водя ладошками по страницам то в одной, то в другой, и что-то тихонько бормотала себе под нос.

— Твоя реакция на то, что твоя дочь сидит тихо, меня настораживает, — заметила я.

— Тебя должна настораживать не моя реакция, а именно тишина в том помещении, где в данный момент «граната» находится, — серьезно отозвался мой друг, не сводя глаз с дочки. — Лучше, знаешь ли, перестраховаться.

Он повернулся, посмотрел на меня, и на его усталом лице расцвела привычная улыбка, делавшая его природное обаяние абсолютно неотразимым.

— Как же ты вовремя вернулась, — сказал он.

И я не могла с ним не согласиться, вспоминая свои недавние мысли о своем возвращении, вмешательстве Патриции в мои дела, и о знакомстве с Кейраном. Думаю, мы с Брайаном имели в виду разные обстоятельства, подразумевая своевременность моего возвращения, но суть была одна и та же.

Если все в этой жизни происходит тогда, когда должно происходить, значит все и в самом деле случается вовремя.

Брайан прошел в гостиную, подхватил на руки свое чадо и прижал к себе. Джун крепко обвила ручками его шею.

— Мне пора уходить, малышка, — сказал Брайан. — Будь умницей, слушайся Хейз и, прошу тебя — не огорчай ее. Она очень хорошая, — говоря это, мой друг, улыбаясь, покосился на меня.

— А что ее может оголчать? — тут же послышался очаровательно картавый вопрос.

— Все то же самое, что огорчает и меня, — отозвался Брайан, целуя дочь в щечку. — Не будешь шалить?

— Не буду, — помотала головой Джун.

— Я тебе верю.

— И я тебе тоже велю, — заверила его девочка.

Я смотрела на них, стоя в дверях гостиной и чувствовала себя лишней. А еще немного завидовала тому, что они есть друг у друга.

Брайан бережно опустил ребенка на диван, погладил ее по светловолосой голове и направился к выходу.

В прихожей он вдруг притянул меня к себе и смачно поцеловал в губы, успев просунуть мне в рот язык. От неожиданности я что-то пискнула и с удивлением и возмущением уставилась на Брайана.

— Что? — невинно округлил он глаза. — С тебя не убудет, а мне это очень нужно. Как энергетик. Считай это актом милосердия с твоей стороны.

— Больше так не делай, — пробурчала я.

— Почему?

— Я не гожусь в сестры милосердия. Особенно для тебя. Тем более что ты не нуждаешься в милосердии, — сердито заявила я.

— Почему это не нуждаюсь? — почти обиделся Брайан.

— Не милосердие тебе нужно, а хороший пинок, — и я вытолкала его из дома.

Этот наполовину дурашливый поцелуй вызвал у меня бурю эмоций. Хотелось одновременно плакать и хохотать, топтать ногами от отчаяния и прыгать от счастья.

Плакать хотелось из-за самого Брайана, так нуждавшегося в том, чтобы обрести кого-то, кому он сможет дать всю ту любовь и нежность, на которые был способен. И получит то же в ответ.

Хохотать я была готова от осознания, что мой друг даже в тяжелых ситуациях сохраняет способность дурачиться и вообще проявлять «легкость бытия». Его оптимизм словно лекарство.

И вот тут уже впору топнуть ногой в знак протеста, что Брайану приходится так непросто.

А от счастья я была готова запрыгать от того, что вспомнила Кейрана, который должен завтра вернуться. И теперь знала точно, что никто и никогда не вызывал во мне всех тех чувств, которые вызывали у меня поцелуи Кейрана.

Это все равно, что наполняться нектаром.

Как качаться на качелях, взлетая к небу и чувствовать, как перехватывает дыхание от полноты ощущений. И знать при этом, что даже если сорвешься, то тебя обязательно подхватят.

Или ты упадешь на облако, где тебя уже ждет тот, с кем хочется быть больше всего на свете...

Я так размечталась, что почти забыла о том, что в гостиной снова стало подозрительно тихо.

***

Кейран быстро решил все дела в рекламном агентстве, получив и довольно интересный заказ и возможность неплохо заработать, не тратя много времени на исполнение задачи.

Несколько раз он пытался дозвониться до Шоны. Ему не понравился ее подавленный голос и то, что она была сама на себя не похожа, когда разговаривала с ним. К тому же у нее оставались кое-какие документы и записи, которые Кейран хотел бы вернуть, если его бывшая девушка действительно решила куда-то уехать.

Она взяла на себя обязанности его менеджера, решала многие организационные вопросы, вела записи, планировала встречи.

Да, ему будет не хватать Шоны. Но Кейран тут же поймал себя на мысли, что думает о ней не как о бывшей возлюбленной, а исключительно как о деловом партнере.

Пройдясь по городу, Кейран вернулся в гостиницу и направился к лифтам, намереваясь подняться в номер и завалиться спать. Завтра у него очень ранний рейс.

Но, не дойдя до лифтов, он развернулся и подошел к ресепшен.

— Могу вам чем-то помочь? — вежливо поинтересовался молодой человек за стойкой.

— Не могли бы вы узнать, есть ли свободные места на какой-нибудь сегодняшний рейс до ***? — сказал Кейран.

— Конечно. Сейчас все узнаю.

Через пару минут молодой человек протянул Кейрану листок с записями:

— Вот два рейса, на которые есть места. Вы хотите забронировать билет?

— Да, — Кейран указал на более ранний рейс. — Вот на этот, пожалуйста. Одно место.

Когда портье подтвердил бронь, Кейран пошел собираться.

Он едва мог сдерживать себя, чтобы не отправиться бегом в аэропорт и, как можно скорее оказаться в воздухе, готовый вопить от нетерпения и осознания, что совсем скоро снова увидит Хейз.

***

Время до обеда пролетело незаметно.

«Граната» оказалась самым очаровательным созданием на свете. Мы читали сказки Шарля Перро, и она слушала, замерев возле меня с приоткрытым ртом.

Когда позади остались «Замарашка» и «Красная шапочка», Джун ткнула пальчиком в картинку, на которой был гротескно изображен смешной уродливый паренек с хохолком на голове.

— Поцитай эту.

— Сказка называется «Рике с хохолком», — начала я. — «Много лет тому назад жили были король с королевой. У них родился такой безобразный ребенок, что все, кто видел новорожденного, долго сомневались — человек ли это...»

Джун слушала, не перебивая, ровно до того момента, когда я прочитала:

— «Вы вовсе не так глупы, принцесса, если считаете себя глупой. Кто по-настоящему глуп, тот ни за что не признается в этом.

— Этого я не знаю, — сказала принцесса, — я знаю только, что я очень глупа, оттого я так горюю».

— Я тоже очень глупая... — вдруг печально заявила малышка, скорбно вздохнув.

— Вовсе ты не глупая, — возразила я. — По-моему, ты очень умная маленькая девочка.

— Нет, глупая... — с той же вселенской печалью в голосе, но и с заметной настойчивостью повторила моя юная гостья.

— Ну, с чего ты взяла?

Она подняла на меня свои ясные глаза и уставилась с таким укором, что мне стало неловко.

— Ну, там же сказано, — она потыкала пальчиком в книжку, — что глупый никогда не признается, что он глупый. А я признаюсь...

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. Надо будет порадовать Брайана, сказав, что в свои неполные четыре года его дочка даст сто очков вперед многим взрослым.

Пока мы общались с моей новой знакомой, пришла Уна. За те несколько дней, что она работала у меня у нас уже сложился определенный распорядок. Первым делом девушка звонила в дверь, чтобы сообщить о своем приходе и отправлялась работать, теряясь где-то на участке. Я видела ее то где-то у забора, то перед крыльцом, то мелькавшую на заднем дворе, под окнами кухни или гостиной. Потом мы вместе обедали, немного, но всегда приятно и интересно общались, она снова копалась в саду и уходила. Всегда неохотно, с явным сожалением покидая свое рабочее место.

Стараниями юного ландшафтного дизайнера участок преображался с каждым днем. И если все пойдет такими темпами, то к лету здесь будут уже не джунгли, а райский сад. Уна без устали копала, рыхлила, чистила, обрезала, подкармливала и пересаживала.

Когда раздался звонок в дверь, Джун первая сорвалась с дивана и помчалась в коридор с воплями:

— Папочка велнулся!

Но увидев в дверях Уну, девочка озадаченно уставилась на нее.

— Ты кто? — потребовала малышка ответа.

— Я — Уна, — автоматом ответила та, и при этом чуть растерянно посмотрела на меня. — Здравствуйте всем.

— Здравствуй, Уна. А это моя гостья. Её зовут Джун, — вмешалась я, боясь, что вопросы малышки посыплются как просо из мешка, и Уне будет уже непросто вырваться. — Джун, не хочешь чего-нибудь перекусить? — обратилась я к девочке.

— Хочу. Пиццу.

— Отличная идея! — воскликнула я. — Давай закажем пиццу, а пока будем ждать, позволим Уне пойти и заняться очень важным делом...

Договорить мне не дали, прервав очередным вопросом.

— Каким важным делом?

— Уна работает у меня в саду. Она настоящая фея, растения и цветы ее слушаются и растут здоровыми и красивыми.

— Хочу посмотреть!

— Конечно, посмотришь. Только сначала мы перекусим все вместе, а потом Уна покажет тебе, что она делает. Договорились?

Минутное раздумье и очень серьезный ответ.

— Договорились.

Я заказала две пиццы — детскую для малышки и еще одну, для нас с Уной. Когда заказ доставили, мы устроились втроем на ступеньках крыльца. Джун пришла в восторг от того, что мы кушали не за столом. Она вертелась и подпрыгивала, оглядываясь по сторонам. Глаза её округлились и сияли совсем как у Брайана в моменты, когда он был доволен и счастлив. Джун не могла усидеть на месте, ерзая на ступеньках, но и от пиццы оторваться еще не была готова. К тому же, кажется, от избытка новых впечатлений у ребенка проснулся настоящий аппетит. Глядя на вымазанную соусом и сыром мордашку, я сказала:

— Может быть, тебе взять кусочек пиццы и немного пройтись по дорожке? Хочешь?

Глаза у Джун стали совсем как у совенка.

— Можно кушать и гулять?! — проговорила она, глядя на меня с благоговейным ужасом.

Поняв, что предложила ребенку что-то запретное, я смутилась. Но быстро решила, что поскольку я не знакома со сводом всех правил и запретов для малышки, то могу

устанавливать свои собственные.

— Почему бы и нет, — уверенно сказала я. — Только при условии, что ты не будешь бегать с пиццей в руках, и мы должны тебя видеть, поэтому за дом не заходить. Поняла?

Джун кивнула, продолжая таращиться на меня с удивлением.

— И вот еще что, возьми салфетку и вытирай ручки и рот, — я сунула девочке салфетку. — Ходи аккуратно, чтобы не упасть.

— Я похожу туда-сюда, — тихо сказала девочка. — Аккуратно...

Она двинулась по дорожке с куском пиццы в руках, и шла так, словно несла на голове кувшин с водой.

Мы с Уной переглянулись и обменялись улыбками.

— Это ваша родственница? — спросила девушка.

— Это дочка Брайана, моего друга, — ответила я, наблюдая за Джун. — Помнишь, он приходил сюда в твой первый день работы на моем участке?

— Помню, — тихо проговорила Уна. — Так он... женат?

Услышав в голосе девушки нечто неожиданное, я посмотрела на нее. Уна сидела, ссутулившись и опустив голову, словно прятала глаза, а предательски выразительный румянец заливал ее щеки.

Слишком молодая. Слишком наивная и невинная. Вряд ли Брайан воспринял ее всерьез. Да и он для нее «чудо невиданное»: первый красавец-мужчина, с которым довелось пообщаться, не находясь при этом под пристальным вниманием матушки.

Я, конечно, не знала этого наверняка, но многое говорило о том, что дела могли обстоять именно так. И все, что я могла сделать, это слегка смягчить разочарование Уны.

— Нет, он не женат. Был. У него с женой совместная опека над ребенком, — я заметила, как слегка расслабилась Уна — распрямила плечи, подняла голову. — Сегодня я приглядываю за Джун, потому что у ее родителей возникли проблемы. Скоро Брайан за ней придет, — как бы невзначай добавила я и заметила мгновенную реакцию на оброненное вскользь замечание.

Уна встрепенулась, бросила на меня быстрый взгляд, который тут же отвела в сторону. Но я успела заметить неприкрытую радость и волнение, от которых загорелись ее голубые глаза.

— Спасибо за пиццу! — сказала Уна, вскакивая на ноги. — Пойду работать дальше.

Джун я отловила в кустах, где та разгуливала, держа в ладошке недоеденный кусок пиццы как сумочку-клатч.

Пока мы отмывались и приводили в порядок все вымазанные места, позвонил Брайан.

— Я задерживаюсь, — сказал он мертвым голосом. — Никак не могу пока их бросить. Еще пару часов протерпишь? Я знаю, что обещал...

— Брай, не волнуйся, — перебила я его. — Делай всё, что нужно и столько, сколько нужно. У нас все в полном порядке. Мы читали, перекусили пиццей. Кстати, это ничего, что я накормила твоего ребенка пиццей? Мы заказали детскую, с куриной грудкой, минимумом соли и специй.

— Так ведь уже накормила, поздно спрашивать, — мрачно ответил Брайан, но я все же уловила в его голосе привычные шутливые нотки. — Да ничего, конечно. Я же говорил — она всеядная. Во всяком случае, когда она со мной, то лопает все подряд. Надеюсь, пицца была без морковки?

— С морковкой, кажется... О, Боже! У нее аллергия?! — перепугалась я, вспоминая, что

оранжевые кружочки в пицце точно имелись, и Джун их явно слопала.

— Нет никакой аллергии. Она ее просто терпеть не может и всегда отовсюду выковыривает.

— Я не видела, чтобы она что-то выковыривала.

— Проверь ее карманы, — заявил Брайан, и его голос показался мне страшно довольным.

Мы стояли вместе с Джун в ванной на первом этаже, и я смотрела на ее хитрую мордашку, задранную на меня. Девочка явно прислушивалась к нашему разговору. При слове «морковка» она стала медленно пятиться к двери, глядя на меня при этом самыми чистыми и невинными глазами на свете.

И только сейчас я заметила, что на одном из кармашков ее платья расплылось большое жирное пятно.

...Следующий час мы с Джун провели в долгой беседе о всякой всячине, и в итоге мне даже понравилось отвечать на ее многочисленные вопросы. Брайан сказал, что можно попытаться уложить девочку отдохнуть, и попытка оказалась удачной. Я устроила малышку на диване, придвинув к нему кресло, чтобы она не упала. Джун, очарованная еще одним необычным и новым обстоятельством — спать на диване в незнакомом доме — сначала задумчиво притихла, полежала, таращась по сторонам, а потом и заснула.

Я уселась в кресло, положив вытянутые ноги на край дивана, так, чтобы не потревожить ребенка.

Чувствуя приятную усталость, я подумала о том, что двое моих друзей, Брайан и Пэтти, сами того не ведая, подарили мне два самых ярких момента в моей жизни — знакомство с Кейраном и общение с чудесной маленькой девочкой, так похожей на своего отца.

Через пару часов Брайан не приехал, и вконец расстроенная и разочарованная Уна ушла домой.

Когда стало темнеть, я уже с определенностью могла сказать, что Джун, скорее всего, останется у меня на ночь. Звонок Брайана только подтвердил мои предположения.

— Прости, Хейз, что так получилось, — Брайан говорил совершенно убитым голосом, едва ворочая языком. — Я не могу уйти. Не могу оставить Эвлинн сейчас...

— Я все понимаю. Что, все плохо?

— Хуже некуда... Возможно, Питер эту ночь не переживет, — Брайан с трудом сдерживал дрожь в осипшем голосе.

Я помолчала, не зная, что тут вообще можно говорить.

— Знаешь что, Брай, — сказал я. — Я тебе сегодня в любом случае не отдала бы Джун.

— Как это?

— А так. Твой ребенок точно настоящая граната, причем с постоянно выдернутой чекой. И сладости тут ни при чем. А ты вымотался за эти дни, тебе надо выспаться. Так что в данной ситуации из меня нянька куда лучше, чем из тебя. Ты же за ней не уследишь.

Брайан мягко усмехнулся, вздохнул.

— Ты права, — сказал он. — Я же говорю — ты вовремя вернулась. Спасибо. И я люблю тебя.

Он хмыкнул и добавил:

— Не обмирай там. Люблю тебя, как друг. Ну, может быть чуточку больше.

— И я тебя тоже... — ответила я совершенно искренне.

Остаток дня мы провели с Джун гуляя в саду и читая книжки. Я покормила девочку,

приготовив фрикадельки и картофельное пюре. Помня наставления Брайана не давать ей сладкое, я все-таки рискнула напоить малышку какао. И после этого она повозилась в гостиной со своими куклами, потом сама заползла на диван и через пять минут глубоко и мирно спала.

Я постояла, глядя на спящего на моем единственном диване ребенка, и отправилась умываться.

Переодевшись в свои любимые пижамные штаны в божьих коровках, я оставила гореть свет в коридоре, чтобы девочка, проснувшись, не испугалась темноты, и устроилась в кресле, подложив под голову подушку и прикрыв ноги пледом. На колени поставила ноутбук и погрузилась в чтение электронной версии одной из книжных новинок.

Но вскоре буквы на экране стали расплываться, я убрала ноутбук и прикрыла глаза.

В доме тихо, только чуть слышно, как посапывает Джун.

Я слушала тишину и впитывала покой, который разливался вокруг и внутри меня, и не заметила, как задремала.

Из сна меня вырвал короткий звонок во входную дверь. Я сначала даже не поняла, откуда донесся звук.

— О, Боже... Брай! — пробормотала я тихо, чтобы не разбудить девочку. — Ты неисправим... мы же договорились.

И пошла открывать, с твердым намерением отправить упрямого друга домой, высыпаться. Только, надеюсь, там ничего непоправимого не случилось...

Щелкнул замок, дверь распахнулась и на моих губах застыла заготовленная гневная тирада.

На пороге стоял Кейран.

Ничего не говоря, он шагнул из темноты, сбросил дорожную сумку на пол и обхватил меня руками. Ладони заскользили по спине, пальцы забрались в волосы, мягко, но настойчиво оттягивая мою голову назад. Он что-то бормотал, когда его рот приблизился к моему, властно и нетерпеливо накрыл его. Наши губы, языки задвигались, поглаживая, посасывая, поглощая, проникая внутрь.

Я могла только подчиниться этому напору, который вызвал во мне пламя, зарождавшееся в кровотоке и разносившее жар по всему телу.

— Опять на тебе эти нелепые штаны... — прошептал он, тяжело дыша, когда смог оторваться от моих губ.

— Я люблю эти штаны... — ответила я, глядя его лицо и заглядывая в глаза, в которых плескался темный и глубокий океан.

— Мне вообще-то плевать на твои штаны... Я все равно сейчас стащу их с тебя... — заговорил Кейран. Продолжая крепко обнимать меня, он стал напирать, продвигаясь в сторону гостиной.

— Больше не могу ждать. Я думал о тебе все время... С ума сходил от того, что ты так далеко...

— Ты приехал раньше, — едва дыша, проговорила я.

— Я знаю, — он все двигался, медленно, но напористо тесня меня к комнате. — Я же говорю, я не мог больше ждать. Хочу тебя...

— Ты приехал раньше, — повторила я. — И я не одна.

Если до этого момента я думала, что знаю, как будет наглядно выглядеть «соляной столп», то я, конечно же, ошибалась.

До меня самой не сразу дошло, как прозвучали мои слова. Но после сказанного Кейрана словно окунули в жидкий азот. В нем замерло всё — движение, взгляд, дыхание. Мне даже показалось, что его сердце пропустило удар, и я это отчетливо почувствовала, потому что была тесно прижата к нему.

— Ты не одна, — выдохнул он, и это был не вопрос.

— Не одна. У меня гость. И сейчас мой диван занят.

Я мягко высвободилась из его напряженных объятий, с уколом сожаления отметив, что он не попытался удержать меня. Взяла его за руку и, приложив палец к губам, повела за собой. Он хмуро насупил брови и не сразу двинулся с места, но потом напряженно зашагал следом.

В гостиной мы тихо подошли к дивану, на котором, разбросав ручки, крепко спала Джун.

— Вот мой гость и захватчик единственного спального места, — сказала я шепотом, приподнялась на цыпочки и поцеловала остолбеневшего Кейрана в щеку.

От моей ласки он вздрогнул, как-то странно покосился на меня. Похоже, стоя вопросов толпилась в его голове, но он не знал, с какого именно начать, и еще боялся получить ответы.

— Пошли на кухню, я все объясню, — я снова взяла его за руку и повела за собой.

На кухне усадила за стол.

— Хочешь что-нибудь... покушать? — спросила, глядя в опрокинутое лицо Кейрана.

Он словно ушел в себя, не до конца сбросив оцепенение.

— Ну, вообще-то я очень... голодный, — сказал он, цедя слова сквозь зубы. И от двусмысленности фразы в воздухе заискрило.

— У меня фрикадельки и картофельное пюре. Детская еда, — я старалась говорить спокойно, но горло перехватывало от избытка чувств, и я то и дело срывалась на покашливание.

— Детская? Значит легко усваивается, — Кейран овладел собой и заговорил нормальным голосом. Он посмотрел на меня, пристально изучая мое лицо. — Мой организм сейчас испытал сильнейший шок, боюсь, кроме полупереваренной каши не смогу ничего усвоить.

— Я разомну тебе фрикадельки вилочкой и сделаю кашку, — предложила я.

— Ты уже... размяла, милая. Меня. Раскатала в лепешку, — сказал Кейран. — Я ходить скоро не смогу.

— Кейран, мне так жаль, — я подошла ближе, встала за его спиной и, положив руки на его напряженные плечи, начала осторожно разминать.

Он сначала вздрогнул, еще больше напрягся, но вскоре стал расслабляться. Даже снял пиджак, позволяя моим рукам скользить по тонкой ткани рубашки. И вот он уже откинул голову, уперся затылком в мою грудь и прикрыл глаза.

Продолжая массаж, я не смогла удержаться — наклонилась и поцеловала в темноволосую макушку, вдыхая запах чистых волос. Потом чуть притронулась губами к виску...

— Если ты сделаешь еще что-нибудь такое, я просто разложу тебя прямо здесь на столе, — проговорил Кейран, не открывая глаз. Голос его звучал ровно, но по лицу было видно, как на него действуют мои прикосновения — рот приоткрылся, дыхание участилось, крылья носа чуть подрагивали.

— Поняла. Прости, — я отстранилась. — Давай я тебя накормлю.

***

Как только он перестал чувствовать на себе руки Хейз, как только тепло ее тела отдалилось, прекратив согревать его, Кейран будто опустел.

Он смотрел, как она хлопочет, накладывая ему еду, как двигается по кухне в этих своих штанах в огромных нелепых букашках. И тонкий трикотаж не скрывал плавных покачиваний округлой, упругой попки. А минутой раньше он ощущал затылком мягкость ее груди и знал, что она не стеснена бюстгалтером...

В самом деле, еще немного и он двинется на нее, как лось в период гона и возьмет там, где поймает.

Хейз поставила перед ним тарелку с воздушным картофельным пюре и горкой идеально круглых фрикаделек, сама села рядом. Кейран снял очки, провел руками по волосам, откидывая их со лба, и принялся за еду, не глядя на хозяйку дома. Он ничего не спрашивал, просто жевал и ждал, что Хейз заговорит сама.

— Там в комнате спит дочка моего друга, — сказала она.

— Друга? — Кейран замер с вилкой, зажатой в кулаке.

— Друга, — повторила с нажимом. — Он разведен...

— Разведен...

— Дослушай меня, пожалуйста, — попросила Хейз. — Объяснять особо нечего. Малышка — дочка моего школьного друга. У родителей девочки возникли большие проблемы с родственниками.

— У обоих одновременно?

— Представь себе. Ребенка было некуда девать. Попросили меня присмотреть. Я бы не отказала, даже если бы знала, что ты сегодня приедешь, — Хейз открыто посмотрела Кейрану в глаза. — Девочку зовут Джун.

— И она заняла единственное спальное место в твоём доме, — заметил Кейран.

— Это ненадолго. Отец заберет ее завтра утром. А пока я устроилась в кресле.

— Удобно? — поинтересовался молодой человек.

— Нормально. Я непритязательна.

— Я тоже непритязательный. Поэтому останусь сегодня здесь, с вами. Пристроюсь, где-нибудь на полу, — заявил Кейран, отправляя в рот последнюю фрикадельку. — Между прочим, это было вкусно. Просто, но очень вкусно, — сказал он, указывая на свою пустую тарелку.

Потом покосился на Хейз, ожидая реакции на его нахальное заявление о том, что он собирается остаться.

Она и ухом не повела, оставшись совершенно невозмутимой. Кажется, Кейрану вдруг захотелось самолично посмотреть, что там за друг такой, за дочерью которого она присматривает.

— Оставайся, — пожала плечами. — Если тебя не пугает перспектива провести ночь на коврике, то я совсем не против.

Хейз начала убирать со стола, неспешно передвигаясь по кухне.

— Нет, такая перспектива меня не пугает, — отозвался Кейран, вставая из-за стола.

— Хейз, — он подошел к ней, положив руку на плечо, развернул к себе, взял у нее тарелку, не глядя, приткнул где-то на столе. — Если я тебя сейчас не поцелую, то умру. А если поцелую, то потом точно пожалею, если не сдохну. Что мне делать?

— Поцелуй меня, — сказала она, не раздумывая.

— Страданий моих, значит, хочешь, — прорычал он. — Ладно, оно того стоит...

И накинулся на ее губы, как одержимый, сминая их своим ртом. Он целовал сначала с жадностью, ненасытно, потом все мягче, медленней, вода губами и языком по ее влажным, припухшим губам, чуть проникая в глубину сладкого рта.

Когда он, наконец, оторвался от нее, то смог только прохрипеть.

— Можно принять у тебя душ?

— На втором этаже, я дам полотенце, — кивнула Хейз.

Она вся покраснелась, тяжело дышала. Кейран скользнул взглядом по её высоко вздымающейся, чуть подрагивающей от частого дыхания, груди. Соски отчетливо проступали сквозь ткань футболки. Кейран отвернулся и вышел из кухни.

Он ждал Хейз у лестницы в коридоре, пока она искала для него полотенце.

— Вот, возьми. Там все найдешь — гель, шампунь. В шкафчике есть новая зубная щетка.

Он принял из рук Хейз полотенце и долго не отводил от нее глаз.

— Пойдем со мной, — проговорил он, жадно обводя взглядом ее лицо.

— Я хочу пойти с тобой, но не могу. Вдруг Джун проснется...

— Верно. Это нам ни к чему... — он стал подниматься по лестнице.

Хейз вошла в темную, погруженную в тишину комнату, где мирно спал ребенок. Поправила девочке съехавшее одеяло, потом поразмыслила и отправилась обратно в коридор.

Там в коробке отыскала еще одну подушку и тонкий плед.

Когда Кейран спустился со второго этажа, на кухне Хейз уже не было: она все убрала и погасила свет. Он направился в гостиную.

Горящий в коридоре светильник позволил разглядеть ему, что девушка, свернувшись калачиком, пристроилась с противоположной стороны дивана, в ногах спящей девочки. Хейз подтянула коленки, занимая меньше трети свободного пространства.

— Ты же вроде говорила, что спишь в кресле, — прошептал Кейран, присаживаясь возле Хейз на корточки.

— Кресло для тебя, а мне и здесь хорошо. И даже очень. Надеюсь только, малышка не лягается во сне, — прошептала она, обдавая лицо Кейрана легким, теплым и чистым дыханием.

Он наклонился и нежно коснулся губами её губ.

— Мне было бы хорошо и на полу. У твоих ног... — прошептал он. — Я бы мог прислониться головой сюда... — Рука его легла ей на бедро, двинулась вверх.

Хейз тихо пискнула, накрывая его руку своей.

— Сейчас же усаживайся в кресло и постарайся заснуть, — она беспокойно шевельнулась, чуть пожимая его пальцы, лежащие на её бедре. Потом поднесла его руку ко рту и поцеловала в ладонь.

Легкое прикосновение ее губ прошило его электрическим разрядом, Кейран резко втянул воздух, дернулся и быстро поднялся на ноги, в один шаг отступая к креслу и едва слышно бормоча:

— В самом деле, в кресле будет безопасней...

В этот момент Джун зашевелилась, что-то невнятно проговорила, приподнялась, обводя комнату невидящими глазами. Хейз и Кейран замерли, глядя на девочку, но та снова рухнула на подушку и тут же ровно засопела.

Хейз проследила из-под полуопущенных век, как Кейран устроился в кресле, и закрыла глаза. А через минуту почувствовала, как он тянет ее за лодыжку и тихо говорит:

— Положи ножки мне на колени.

Она медленно вытянула одну ногу, укладывая ее на бедро Кейрана. Он стал мягко поглаживать ее ступню, касаясь пальцев, проводя ладонью по подъему. Он просто дотрагивался, нежно успокаивая, уравнивая себя и ее.

***

Я проснулась не от того, что выспалась, или от какого-то звука, или еще от чего-то определенного. Просто почувствовала какие-то изменения сквозь сон и открыла глаза.

Джун стояла на коленках, упираясь ручками в подлокотник кресла, придвинутого вплотную к дивану. Девочка с любопытством разглядывала крепко спящего в кресле Кейрана, придвинувшись к нему так, что едва не касалась носом его лица.

— Джун, ты проснулась, милая, — сиплым со сна голосом проговорила я, забеспокоившись, что девочка могла ведь испугаться незнакомого мужчины, ни с того, ни с сего вдруг оказавшегося в доме. Но, кажется, ничего подобного не произошло.

— Это кто? — очень громким шепотом спросила девочка, не отрывая взгляда от спящего Кейрана.

Он слегка сполз в кресле, вытянув длинные ноги и склонив голову на бок. Грудь его ровно двигалась во сне, дыхание было тихим.

— Это мой друг, — тихо ответила я.

— Где он прятался?

— Он не прятался. Он был в отъезде, а вернулся ночью, когда ты уже крепко спала. Не бойся его, он хороший.

— Я не боюсь, — заявила малышка и, продолжая разглядывать спящего незнакомца, задала очередной вопрос, — а где папа?

— Папа еще не приехал, но мы ему сейчас позвоним, — я стала подниматься с дивана, кривясь от боли в спине, которую, конечно же, заработала, проведя несколько часов в неудобной позе.

— Эй, твой друг плюснулся! — громко заявила Джун, тыча пальчиком в Кейрана. — У него глаз откылся!

Кейран, в самом деле, приоткрыл один глаз и смотрел на девочку. Он почти не изменил позы, не шевелился, и я видела, что он едва сдерживает улыбку.

— Всем привет, — спокойно сказал Кейран, выпрямляясь в кресле.

Он протянул руку девочке ладонью вверх.

— Меня зовут Кейран. А тебя как, принцесса?

— Джун! — малышка шлепнула ладошкой по руке Кейрана. — Хейз, он сказал, что я принцесса!

— Я слышу и полностью с ним согласна, — отозвалась я.

— Я принцесса, — закивала малышка, потом снова приблизилась к Кейрану и печально сказала, — только очень, очень глупая...

Кейран недоуменно воззрился на меня.

— Я тебе потом объясню, — я сделала многозначительное лицо.

Спустя процедуру умывания и одевания, уборку спальных мест, звонка Брайану, и вереницу нескончаемых вопросов Джун, мы втроем сидели на кухне и завтракали хлопьями с молоком.

— Папа скоро придет за тобой, Джун, — сказала я девочке.

За прошедшие часы не случилось того, что так опасался Брайан — Питер пережил ночь, но состояние его было по-прежнему угрожающим. И врачи не давали никаких надежд.

Меня передернуло, когда я подумала о том, какую страшную агонию ожидания неизбежного трагического конца испытывает Эвлинн.

Кейран заметил мою реакцию, подошел и погладил меня по голове, проводя рукой по волосам, чуть касаясь шеи. Краткая ласка оказалась своевременной и необходимой, и в знак благодарности я быстро поцеловала его в небритую щеку.

Большого мы не могли себе позволить при неотступно наблюдавшей за нами Джун, но и этого было достаточно, чтобы передать друг другу все, что требовалось в данный момент.

Звонок в дверь сорвал Джун со стула, как ураган сдувает листок с дерева. Она бросила ложку в миску с недоеденным завтраком, отчего размокшие хлопья вместе с брызгами молока разлетелись во все стороны, и понеслась в прихожую.

— Папочка! Папочка приехал!

Я поспешила за девочкой, заметив, что Кейран так же решительно выдвинулся следом за нами.

Когда я открыла дверь, то мне второй раз за несколько часов пришлось наблюдать яркую иллюстрацию к фразеологизму «обратиться в соляной столп».

Поймав дочку, врезавшуюся в него, как летящий мячик, Брайан подхватил ее на руки, крепко прижал к себе. На его предельно измученном лице успела расцвести улыбка, которая мгновенно застыла, как приклеенная, когда он перевел взгляд на меня, а потом заметил стоящего чуть позади Кейрана.

June*(англ.) — июнь.

Глава 22

На секунду мне показалось, что божьи коровки на моих штанах ожили и теперь ползают по ногам.

— Папочка! Папочка, у Хейз в саду работает настоящая волшебница. Мы читали сказки про принцесс. Когда я плюснулась, в кресле спал Кейлан, и он не плясал. Он плюхался ночью. Я пила сладкое какао на ночь и не плюгала после этого как малышка. Я холодно себя вела. Правда, Хейз?

Выпалив это все в парализованное лицо Брайана, девочка сползла на пол, просочившись сквозь отцовские объятия.

— Я, ребята, что-то плохо соображаю, — проговорил Брайан, потирая лоб и косясь то на меня, то на Кейрана. — Какая принцесса работала в саду? Почему малышка пила какао? И кто прятался в кресле?

— Да нет же! — возмутилась Джун, дергая отца за штанину. — Не принцесса работала в саду, а волшебница. И какао...

Джун чирикала, но трое взрослых пребывали в своем пространстве, где неловкость образовала дыру, через которую полезло что-то совершенно ненужное и которую следовало немедленно залатать. И для начала требовалось прервать колючий зрительный контакт, установившийся между Брайаном и Кейраном. Эти двое нацелили друг на друга взгляды, как скорпионы хвосты.

— Малышка, дай папочке минутку. Он очень устал, не спал всю ночь, — мягко сказала я, приближаясь к отцу и дочери, и старательно маяча при этом на невидимой траектории столкновения взглядов мужчин. — Давай дадим ему немного отдышаться, накормим завтраком, а потом ты все расскажешь.

— А у тебя есть, что рассказать? — быстро и тихо прошептал Брайан, подавшись ко мне.

— Брай, познакомься. Это Кейран, — громко представила я своего гостя, игнорируя нетерпеливое и нахальное шипение Брайана.

Кейран подошел ближе. Даже в слегка помятой рубашке и невыспавшийся он выглядел бесподобно, сохраняя благородную сдержанность. Впрочем, и в Брайане очередная бессонная ночь и жуткие переживания так и не смогли окончательно погасить его сияющего обаяния.

Я незаметно поглядывала на мужчин и, к своему величайшему удовольствию, понимала, что вовсе не сравниваю их.

Они разные. Совершенно и неоспоримо.

Один из них очень хороший друг. Второй... Я пока не знала, кем был второй, но уже сейчас понимала, что ни за что не хочу его потерять. Впрочем, как и друга.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием

— Спасибо, что приглядели за моей «гранатой», — обратился Брайан к нам обоим.

Устремленный на меня взгляд зеленых глаз жаждал немедленных объяснений. А я посмотрела на Кейрана, и увидела в его глазах нечто такое, от чего букашки на штанах забегали быстрее.

Надо срочно переодеть эти чертовы штаны.

— Мы как раз завтракали, — торопливо проговорила я, чувствуя себя рефери на боксерском ринге. — Брай, не присоединишься к нам?

— Можно, — кивнул он, беря Джун снова на руки и прижимая ее к себе. — Что-нибудь перекусил бы. Только не кофе. От него у меня уже шумы в сердце. Всю ночь его лакали в больнице. Редкостно дрянное пойло со вкусом картона и дезинфекции...

Он говорил, и уверенно шел впереди нас, неся дочь на руках, и демонстрируя, что отлично ориентируется в этом доме и чувствует себя в нем по-свойски.

Не знаю, нарочно он это делал или так получалось само собой, но стрельнув молниеносным взглядом на Кейрана, я обнаружила, что он выглядит озадаченным и в то же время заинтересованным. Словно не прочь был посмотреть, что же будет дальше.

Мне ничего не оставалось, как невозмутимо проследовать на кухню, рассадить всех по местам, потом быстро метнуться в гостиную, вместо «букашечных» штанов натянуть джинсы и снова вернуться к компании.

Брайан сидел, держа Джун на коленях. Девочка нетерпеливо ерзала и крутилась, шумным торопливым шепотом наговаривая что-то отцу на ухо. Брайан слушал рассеянно, и взгляд его блуждал по сторонам. Иногда он утыкался глазами в Кейрана и впадал в мрачную задумчивость.

Кейран, поставив локти на стол, опустил подбородок на сцепленные в замок руки, и замер с нечитаемым выражением лица.

Я наполнила чайник свежей водой, поставила его на плиту, и принялась готовить омлет с беконом для Брайана. Занимаясь готовкой, я задала другу несколько вопросов, относительно ситуации с родными Эвлинн.

Брайан отвечал кратко и неохотно, ясно давая понять, что не расположен сейчас вдаваться в подробности. Я тактично умолкла.

Неловкость снова повисла в воздухе, и теперь я уже не знала, как ее ликвидировать, поэтому просто углубилась в процесс готовки.

Не знаю, что происходило за моей спиной, слышно было только, как в торопливом говорке Джун стали появляться звонкие нотки недовольства. Кажется, долгожданный папочка перестал уделять дочери весь объем своего внимания, все больше на что-то отвлекаясь. По странному покалыванию в районе моей спины, я предположила, что мой друг был занят тем, что старательно сверлил меня беззастенчивым взглядом.

Боковым зрением уловила какое-то движение, чуть обернулась. Кейран неторопливо собрал со стола миски с остатками хлопьев и молока, так же неспешно поставил их в раковину. А потом, проходя мимо, обнял меня за талию и поцеловал в щеку, задержав губы дольше, чем требовал целомудренный поцелуй. И руку с моей талии не торопился убрать.

Реакцию Брайана я снова почувствовала спиной, и мне захотелось, чтобы он поскорее ушел. Мы с ним расставили все точки, во всяком случае, с моей стороны теперь все было ясно и честно. И любое проявление его ревности или просто недовольства я склонна была расценивать, как остаточные собственнические инстинкты или нечто бесконтрольное, ставшее просто привычкой.

При случае так ему и скажу. Особенно, если сам он еще этого не понимал.

Подчиняясь порыву, я на пару секунд приникла головой к плечу Кейрана.

Благослови Боже всех детей на свете, которые как индикаторы окружающего пространства, умеют мгновенно реагировать на малейшие изменения, инстинктивно подстраиваются, пытаются все гармонизировать и вернуть привычное равновесие внутри

маленьких «экосистем».

Джун, недовольная тем, что внимание отца недостаточно сосредоточено на ней, взяла в ладошки его лицо и решительно развернула к себе.

— Ты колючий, — заявила она, похлопав Брайана по щекам. — Не блился? — строго поинтересовалась девочка.

— Неа. Не успел, — ответил Брайан, невольно улыбаясь. — Уж прости меня, милая.

— Площаю. Он тоже неблитый, — она кивнула головой в сторону Кейрана, который уселся на свое прежнее место за столом. — Тебя тоже плосить? — спросила она, разворачиваясь к нему.

— Я бы очень этого хотел. Так ты меня прощаешь? — серьезно спросил Кейран.

— Площаю, — девочка с величавой небрежностью махнула ручкой, даря и ему свое милостивое прощение. — Пап, а когда мы поедем домой?

— Совсем скоро, малышка, — ответил Брайан.

— А мы к Хейз еще плиедем?

— Тебе у нее понравилось? — поинтересовался мой друг, снова бросая на меня быстрый взгляд.

— Очень! Так мы еще плиедем к ней? — не сдавалась Джун.

— Обязательно приедете, — подала я голос, ставя тарелку с омлетом перед Брайаном. — Я буду рада видеть тебя в любое время, милая. А теперь ты не хочешь дать папочке покушать?

Но Джун не собиралась покидать колени отца и теснее прильнула к нему в искреннем и упрямом детском обожании.

— Может быть, пока папа завтракает, ты посидишь немного со мной? — спросила я, наклоняясь к Джун. — Ты ведь скоро уедешь, а я буду очень сильно скучать. Мне хочется еще немного побыть с тобой.

Джун тут же протянула ко мне ручки. Прижимая к себе девочку, я почувствовала, как к горлу подступила горечь, а в носу защипало.

Из черного омута памяти вынырнула боль, пережитая не так давно после трагически закончившейся беременности. Теплые доверчивые объятия малышки растопили застарелую корку в душе, давая выход тому, что я старательно заталкивала глубже и глубже.

Изо всех сил пытаюсь не зареветь, я уселась с Джун на стул и поймала взгляды обоих мужчин.

В глазах Брайана мелькнуло понимание, а Кейран весь напрягся, превратившись в тревожно звучащую струну. Он подался вперед, и мне показалось, что он едва сдерживается, чтобы не вскочить со стула и не броситься ко мне. От этого слезы подступили так близко, что я шумно шмыгнула носом, не заботясь, как это выглядит и звучит, и уткнулась лицом в светлые, пахнущие чистотой и безмятежностью волосы Джун, а она еще крепче стиснула ручками мою шею.

Я поудобней усадила дочку брайана на своих коленях, и она расслабилась, привалилась ко мне, и сидела, покачивая ножкой. Поддавшись этому успокаивающему ритму, я тоже стала легонько покачивать ее, перебирая маленькие пальчики.

Брайан и Кейран наконец-то выглянули из своих бутафорских доспехов, и завели, какой-никакой разговор.

А я словно сидела в слегка колышущейся лодке, непрочно привязанной у берега реальности, чувствуя приятную тяжесть и тепло тела ребенка, доверчиво прижавшегося ко

мне. Еще немного, и швартов ослабнет и меня отнесет куда-то...

Обрывки фраз, которыми обменивались мужчины, доносились словно издалика...

...- Брайан, чем вы занимаетесь?

— Сотовая связь региона. Обслуживаем базовые станции. Ну, а вообще приходилось заниматься много чем, в области информационных технологий. А вы?

— Я фотограф. И можно на ты.

— Идет.

— Хейз говорила, что вы с ней школьные друзья?

— Так и есть. Прости, но про тебя мне Хейз ничего не говорила...

После небрежно брошенного замечания Брайана, я вернулась из своего полузабытья и тут же представила, что, если бы сейчас у меня в руках оказалось весло от этой самой воображаемой лодки, я бы с удовольствием треснула им Брайана по затылку.

Доверчивая близость притихшей Джун привела меня в чувство и заставила устыдиться кровожадных мыслей в адрес ее папочки. Надеюсь, ему хватит ума и зрелости не вести себя дальше как кусачий терьер.

— А нечего говорить. Мы не так давно знакомы, — невозмутимо ответил Кейран и посмотрел на меня.

В его океанических глазах плескались искорки улыбки.

— Ага, понятно... — отозвался Брайан.

Поймав мой многозначительно-тяжелый взгляд, друг прикусил язык, но нетерпеливые огоньки, плясавшие в светло-зеленых радужках, говорили о том, что его распирает от потребности задать мне вопросы.

Мужчины еще о чем-то переговаривались, беседа стала почти непринужденной. Но вскоре Брайан обмяк, стал с трудом справляться с зевотой, то и дело потирал усталые глаза.

— Все, ребята, нам пора, — сказал он. — Джун, детка, собирайся, поедem домой.

Девочка мгновенно прыгнула с моих коленей и понеслась в комнату.

Брайан пошел за ней, а я двинулась следом. Проходя мимо Кейрана, оставшегося сидеть на месте, я посмотрела на него и не смогла сдержать улыбки. Он тронул мою руку, успев провести по запястью кончиками теплых пальцев.

***

...Что-то вдруг произошло с Хейз, когда она взяла девочку на руки, и та прижалась к ней. Девушка зарылась лицом в светлые кудряшки малышки, стремясь отгородиться от чего-то, или вовсе спрятаться.

Кейран почувствовал, как пошатнулось внутреннее равновесие Хейз.

В воздухе, конечно, скопился тестостерон ощутимой концентрации, но не настолько, чтобы деморализовать здравомыслящую женщину.

Дело было в чем-то другом, и Кейран еще раз напомнил себе, что почти ничего не знает о Хейз. И снова ощутил острую потребность быть с ней рядом, прикоснуться, ощущать тепло, идущее от нее и вдыхать сладостный аромат. Беречь ее, защищать от всех невзгод, даже если они уже были в прошлом, но все еще ранили ее.

И все же не какие-то факты ее жизни, а именно та удивительная близость, что возникла между ними и было единственно истинным.

В Брайане он сразу же узнал того самого парня, который обнимал Хейз в ту ночь, когда сам Кейран шнырял в кустах под окнами дома. Он прекрасно помнил свои чувства и желания, посетившие его в тот момент, когда наблюдал, как лапы чужого мужика сжимают в

объятиях... его женщину.

***

Помогая собраться Джун, я подарила ей книжку со сказками Шарля Перро, чем вызвала бурный восторг малышки.

— Пло глупую плинцессу!!! Папа, считаешь мне еще пло глупую-глупую плинцессу! — верещала малышка, прыгая с книжкой в обнимку.

Глядя на измученного, стоящего с полужакрытыми глазами Брайана, меня подмывало уложить его на диван и заставить поспать.

— Брай, ты хоть немного спал? — спросила я.

Тот сердито помотал головой.

— Не удалось. Я еле уговорил Эвлинн прикорнуть пару часов. Она в тень превратилась и с ног валилась, мечась между сыном, мужем и дочерью, а кому-то надо было караулить, потому что в любую минуту могло... — говорил Брайан, то и дело зевая.

— А когда Лиза должна забрать девочку?

— Она возвращается завтра и сразу заберет Джун, — пробурчал мой друг. — Эвлинн велела мне до следующего утра не показываться в больнице. Но днем мне нужно съездить в магазин. Поедем вместе с Джун. Правда, малышка? Поедем в волшебный магазин?

Девочка вытаращила на отца яркие глазенки.

— Волшебный магазин... — прошептала она. — Поедем... поедем!

— Ну, и как ты собираешься ехать, если сейчас рухнешь на пол и захрапишь? — осторожно спросила я. И, не думая, выпалила: — Ложись-ка ты здесь и поспи часа два. Дома тебе все равно Джун отдохнуть не даст. Или ты оставишь ее без присмотра, пока будешь дрыхнуть?

— Нее-ет, — Брайан решительно помотал головой, старательно избегая при этом моего взгляда, — мы поедем... Я соседку попрошу. Она раньше уже как-то присматривала за Джун. И сейчас посидит с ней немного.

Я открыла рот, чтобы решительно возразить, когда за спиной раздался голос Кейрана.

— Брайан, как вы будете до дома добираться? — спросил он, подходя к нам.

— Я на машине, — отозвался Брайан.

— Прости, но ты как с креста снятый, — заметил Кейран. — Не боишься за руль в таком состоянии садиться, да еще когда с тобой ребенок?

Брайан недовольно сдвинул брови и, едва сдерживая раздражение и очередной зев, пробурчал:

— Ничего, доберемся потихоньку.

— Понятно. А далеко вы живете?

— Нет, не далеко, — он назвал район нашего города. — Это всего двадцать минут езды.

— Я вас отвезу, — решительно заявил Кейран.

— Спасибо, конечно, но это ни к чему, — начал, было, возражать Брайан, и вдруг осекся, посмотрел сначала на Джун, потом на меня, — а, впрочем... Да, так, наверное, будет лучше. Если тебя это не затруднит, конечно.

— Никаких проблем, — пожал плечами Кейран, надевая пиджак. — Поедем на твоей машине.

Он повернулся ко мне.

— Я вернусь на автобусе, как только отвезу их, — негромко и спокойно сказал он.

Положил руку мне на затылок, притянул к себе и снова поцеловал в щеку.

Взгляд Брайана я пропустила сквозь себя, как пулю, пролетевшую навывлет, не обратив внимание на попадание.

Я думала только о том, что будет, когда Кейран вернется.

Меня не нужно было покорять. И не нужно соблазнять.

Я уже была покорена мужчиной, который ворвался в мою жизнь однажды утром и дал почувствовать, каково это — быть снова наполненной после долгого периода пустоты.

Мы провели с Кейраном две ночи, но по-прежнему не были близки физически. Но за эти несколько часов между нами возникла близость более глубокая и насыщенная, чем просто плотское влечение. Во всяком случае, я ощущала это именно так.

Но и физическая потребность в Кейране была столь велика, что грозила перерасти в одержимость. Срочно требовалось дополнить духовное начало телесным.

Вот только имелась опасность создать нечто невозможное, невысказанное. Нечто, что переполнит настолько, что даже мысль о том, чтобы утратить хотя бы малую частицу этого, или обмануться в ожиданиях, убьет меня наповал.

***

Кейран возвращался в почти пустом автобусе. Сидел, прикрыв глаза и привалившись плечом к окну.

Он отвез Брайана с дочкой домой, и за их недолгое общение кое-что понял.

Этот приятный парень не был просто другом Хейз. Или хотел бы быть больше, чем другом.

У Хейз дома они как два павлина мерялись хвостами, и тайные мотивы обоих «самцов» были очень плохо скрыты. Но если Хейз и чувствовала себя неловко в их присутствии, то Кейран ничего такого не заметил.

Он вспомнил, как она прильнула к его плечу, когда он приобнял ее и демонстративно запечатлел на нежной щеке собственнический поцелуй. Мальчишеский поступок, но реакция Хейз оказалась... весомой. И однозначной. Кейран увидел, что она не колеблется, не выбирает.

А если и выбирала, то уже точно определилась.

Автобус домчал до нужной остановки, и до дома Кейран почти бежал, горя от нетерпения.

На участке, сидя на корточках, возилась с рассадой какая-то девушка в ярких садовых перчатках.

Заметив его, незнакомка повернулась, привстала, сдула упавшую на лоб светлую прядь, выбившуюся из небрежно закрученного узла волос. Кейран машинально поздоровался, а девица что-то невнятно пробормотала в ответ, и залилась пунцовым румянцем, опуская глаза, словно он прошел мимо нее в кружевных стрингах танцующей походкой.

***

Едва Кейран, Брайан и Джун уехали, я помчалась в ванную на второй этаж. Контрастный душ привел меня почти в норму. Я вымыла волосы, высушила их и заплела в свободную косу. Надела красивое белье — белое, кружевное — джинсы и белую же блузку.

Посмотрела на себя в зеркало: во мне словно трепетало, пульсировало какое-то дополнительное сердце, родившееся вместе с тем, что вошло в мою жизнь недавно.

И я должна слушать его биение и понимать, что требуется от меня, чтобы этот трепет не смолк.

Звонок в дверь сорвал меня с места. Я бросилась вниз по лестнице, едва не вереща, как

маленькая Джун в ожидании папочки: «Кейран приехал! Кейран!»

Он шагнул вперед, оттесняя меня вглубь коридора, ногой захлопнул дверь за собой, защелкнул замок. Из-за плеча Кейрана я успела увидеть Уну, работавшую на участке. Она сосредоточенно копалась в земле, сидя на корточках, и казалась полностью поглощенной своим занятием.

— У тебя не дом, а проходной двор... — пробормотал Кейран, сгребая меня в охапку и накрывая ртом мои губы.

Колени мгновенно безболезненно лишились костей и подогнулись. Если бы не горячие сильные руки, поддерживавшие меня, я бы свалилась на пол мяконькой тряпицей.

Он остановился там, где начал целовать. Поцелуи его поначалу были похожи на наступление оголодавшей и отчаявшейся армии. Затем стали медленнее, глубже, более требовательными, настойчивыми, но при этом нежными. И такими дурманящими, что хмельной жар окутывал меня, разливался по всему телу до пальцев на ногах, которые непроизвольно поджимались.

Его губы брали меня измором, не давая возможности ничего сообразить. Весь контроль перешел к Кейрану, а он не мог и не собирался больше ждать.

— Кейран... там... там, в саду девушка... она... — смогла выдохнуть я, на миг освободив губы из захвата его влажного горячего рта.

— Мне плевать... пусть хоть гарда* будем приступом брать дом. Плевать, слышишь? Смирись, Хейз, я не остановлюсь... Просто не смогу... — прошептал он охрипшим голосом, продолжая целовать меня между словами.

Он взял мое лицо в ладони и держал, не собираясь отпускать, пока не выпьет меня целиком, не насытится за все время, что пришлось ждать.

А ждать пришлось целую жизнь.

Сдаваясь, я подняла руки и положила на его закаменевшие от напряжения плечи, и мне тут же захотелось притянуть его еще ближе и никогда не отпускать. Что я и сделала, прижимаясь к его телу своим, мгновенно чувствуя его отклик.

Я приникла к нему и жадно впитывала те ощущения, в которых так нуждалась — он рядом, еще ближе, чем я могла представить, весь целиком, жаркий и твердый. И мой.

Не прекращая меня целовать, он ухватил одну мою руку, лежащую на его плече, решительно сжал запястье, опустил вниз и завел между нашими телами.

Чуть качнул бедрами, отстраняясь ровно на столько, чтобы положить мою ладонь на себя. Туда, где его естество было таким упругим и подрагивало в нетерпении, мгновенно реагируя на мое прикосновение. Я слегка сжала пальцы, вызывая у Кейрана низкий, хриловатый стон. Он снова подался навстречу и поймал мою руку в плен наших тел, не позволяя мне убрать ее и не давая двигаться.

Его рука скользнула по моей щеке, шее, ниже, оставляя горячий след, который не таял, не исчезал, а оставался пылать даже на коже, скрытой одеждой.

Ладонь Кейрана погладила мою грудь, вверх-вниз, легла сверху, чуть сжала и снова погладила... Соски стали упругими, выпирая через кружево бюстгальтера и тонкую ткань блузки.

Еще не раздев меня, не прикоснувшись везде, где я хотела его прикосновений, Кейран уже превращал меня в одно всеобъемлющее, голое и голодное желание.

Я привстала на цыпочки, выгибаясь навстречу его ласкам. Рука Кейрана сместилась ниже, легла между моих бедер, надавила, стала двигаться, вынуждая следовать за ритмом, в

котором я так нуждалась. На какой-то отрезок времени не осталось ничего, кроме движения тел и наших рук, ласкающих друг друга через одежду.

Его рука остановилась, доведя меня до точки, в которой я зависла, задыхаясь, и пылая как в лихорадке от избытка ощущений, от наполненности, которая так и не нашла выхода.

Я вцепилась в Кейрана, уткнувшись лбом ему в плечо.

— Кей.... Боже, я не... — вырвалось у меня в отчаянии.

— Знаю... — прошептал он мне на ухо, и я почувствовала, что его губы дрогнули в улыбке.

Он мучил меня, заставляя забыть обо всем. И мне уже действительно было все равно — кто бы не находился за дверью и не рвался в нее.

Мою ладонь, все еще лежащую на горячей пульсирующей выпуклости под тканью его брюк, Кейран на миг сильнее прижал к себе и тут же мягко убрал мою руку, заведя мне за спину. Наши бедра соединились, снова затанцевали, плавно задвигались, как в медленном, невероятно чувственном танго, повышая и без того немислимый накал желания.

Я потерялась в лабиринте собственных чувств, восхитительного неконтролируемого напряжения, не испытывая ни малейшего желания когда-либо выбраться из этого лабиринта.

Мы стояли посреди коридора, заставленного коробками, в двух шагах от входной двери, и теряли разум, изнывая и не в силах остановить происходящее.

Голова моя поплыла, зрение и слух отключились, но я все-таки смогла пролепетать срывающимся голосом:

— Но, Кей, там... за дверью...

— Опять ты за свое... — прохрипел он.

Развернулся в ловком и стремительном па, и плавно стал двигаться, отступая к двери в гостиную, держа меня одной рукой за спину, второй под попу. Сейчас он не целовал меня, но его лицо было так близко, что мы обменивались прерывистым дыханием, ощущали бешеные толчки сердец, которые словно в двери колотились в наши грудные клетки. Взгляды не отрывались друг от друга, тепло тел смешивалось, рождая какой-то единый жар, соединивший нас и отгородивший от всего мира...

Кейран завел нас в наполненную тишиной комнату, остановился посередине, почти отпустил меня, но не отстранился, не изменил ни миллиметра расстояния между нами. Он словно проверял степень моей решимости, давая шанс отступить, передумать.

Я ответила, целуя его в губы, оставляя дорожку поцелуев по линии подбородка, к шее, впадинке между ключицами. Пальцы сами расстегнули пуговицы его рубашки, легли на пылающую кожу...

***

Кейран в два шага увлек Хейз к дивану.

Он целовал ее, пока опускался на сиденье, держал, не давая пошевелиться, не позволив сесть рядом или к нему на колени, не дал отступить. Прервав поцелуй, снизу вверх смотрел на неё, стоящую перед ним, и глаза его сейчас были темными, почти черными.

— Расплети косу... — сказал он, пожирая взглядом Хейз.

Придерживая ее под попу, притиснул к себе ближе, пока она медленно завела руки за голову и стала, не торопясь, расплетать длинную толстую косу, безотрывно глядя ему в глаза.

Кейран поднял руки и так же медленно, пуговка за пуговкой, принялся расстегивать ее рубашку. Они действовали синхронно, сводя друг друга с ума предвкушением и

неотвратимостью, и оба таяли от пленительной медлительности.

Хейз закончила расплетать волосы, когда Кейран разделался с последней пуговкой на ее блузке. Тряхнула головой, и тяжелые пряди плащом накрыли ее плечи, а руки Кейрана одновременно развели полы рубашки в стороны, обнажая гладкий и золотистый живот и едва скрытую белым кружевом грудь девушки. Руки мужчины скользнули по ее спине, в миг справляясь с застежкой бюстгальтера.

Кейран слепыми от страсти глазами смотрел на Хейз, стаскивая с ее плеч рубашку вместе с лямками лифчика, за ними последовали джинсы и трусики. Руки действовали сами по себе, руководимые инстинктом и неукротимым желанием, ставшим острой потребностью.

Кровь Хейз стала густой и горячеей, как разогретый мед, и прилиwała волной туда, где ее касался Кейран.

Когда вся ее одежда оказалась на полу, и перед ним предстало теплое нагое тело, он замер, глядя на девушку во все глаза. Тяжело сглотнул, как изнывающий от нестерпимой жажды, вдруг увидевший спасительный источник, и рывком притянул Хейз к себе.

Обнимая ее за талию, прижался лицом к животу, поводил теплыми губами, чуть прикусывая пахнущую медом кожу. Немного отстранился, но только для того, чтобы переместить руки на ее грудь и провести большими пальцами по нежным, как самый тонкий шелк, соскам.

Увидев, как она прогнулась навстречу его рукам, услышав, как судорожно всхлипнула, Кейран подхватил ее под бедра и усадил к себе на колени.

Обвивая Хейз руками, прижимая к себе, он гладил ее волосы и шептал:

— Ta tu cosuïl le anail milis... Dhith orm tu... mar sin**

На этом все плавное, медлительное, неторопливое закончилось.

Он обнимал и целовал ее, яростно смаковал вкус желанных губ, не позволяя отстраниться и перевести дух. Она нетерпеливо извивалась на его коленях, сводя с ума теплом своего тела, лившегося в него непрерывным потоком. Он не снял одежды, а она была полностью обнажена, и от этого у Кейрана сносило крышу, усиливая бурлящее желание и доводя кровь до кипения.

Хейз привстала, опираясь коленями на диван по обе стороны от ног Кейрана, слегка дрожащими от волнения и изумительного нетерпения пальцами быстро справилась с ремнем его брюк, с пуговицей и молнией.

Его возбужденный член был плотным, тяжелым, горячим. Её пальцы нежно проводили по всей длине, творя восхитительное кружение и поглаживание, окончательно лишая контроля.

— Боже, Хейз... остановись... я больше не выдержу. Впусти меня, милая... Я так тебя хочу... — голос Кейрана низкий и глухой, он отдавался в ней эхом его страсти и ласкал, как темный бархат.

Она направила его в себя и опустила, начиная движение — вверх-вниз, и чуть поводя бедрами, добиваясь совершенного проникновения и абсолютной наполненности.

Руки Кейрана легли на попку Хейз, погладили, жадно сдавили. Он сначала подчинился ее ритму, потом задал свой, вел и направлял — все быстрее и сильнее, и влажнее, и жарче...

Она распахнула полы его расстегнутой рубашки, прижалась к нему, обвила шею руками.

Глаза неотрывно смотрели в глаза, с губ срывались невнятные слова, вскрики и рваные вздохи.

Крик Хейз и низкий стон Кейрана слились в один долгий звук, который взлетел вверх, волной разошелся к стенам и растворился в тишине дома...

И в это миг исчезла какая-то пустота, закрылась и затянулась, как старая рана.

---

*Гарда — полиция в Ирландии. Garda Siochana na heireann, "Гвардия Покоя Ирландии"

**Ta tu cosuil le anail milis... Dhith orm tu... mar sin (ирл.) — Ты как сладкое дыхание...

Ты так нужна мне.

Глава 23

— Сильно беспокоит?

Кейран наблюдал, как дед незаметно старается сжать пальцы поврежденной артритом руки.

Когда-то уверенной и сильной руки, умевшей одинаково ловко залечить ссадину на нежной детской коленке и сложить прочную стену из грубого природного камня.

Дед вскинул на внука ясные, всегда чуть улыбающиеся глаза.

— Беспокоит. Но только тогда, когда обращаю на это внимание. А я чаще всего не обращаю, — ответил Джек. — Ну, чего смотришь? Это не бравада. Просто со временем действительно смиряешься со многими вещами, решившими поселиться в твоей жизни. Вот, артрит, как раз такая зараза. Что толку с ним бороться, лучше принять, как неизбежность и побрататься.

Кейран кашлянул, почесал макушку, окинул деда скептическим взглядом.

— Ну, да. И снова мои маразматическо-философские излияния. Терпи, внучок. Я же терплю твою кислую физиономию, которую ты неизменно нацепляешь на себя, — Джек ухмыльнулся. — Хотя сегодня ты что-то совсем не такой уж и сумрачный. Что с тобой приключилось?

— Да все нормально у меня...

Более чем нормально.

На самом деле, никакое «нормально» и рядом не валялось.

Он был счастлив. Именно так запросто называлось его состояние парения между небом и землей.

Лицевые мышцы хоть и не растягивались в глупой слюнявой ухмылке блаженного идиота, но внутри все кружило в сумасшедшем хороводе. Тело насыщено абсолютно первобытным удовлетворением и пребывает в полной гармонии с состоянием души.

***

Я, кажется, довольно громко оповестила стены этого дома о своем невероятном... состоянии.

Это было как вулканический выброс дикого, слепящего наслаждения. Кровь превратилась в газированный коктейль из всяких там эндорфинов-серотонинов, вызывая состояние невесомости.

Я лежала на груди Кейрана, впитывала жар его тела, ощущала легкий ненавязчивый аромат туалетной воды с запахом морского бриза, чувствовала силу рук, крепко прижимавших меня к себе, слушала, как колотится его сердце, и меня слегка качало от толчков его частого, неровного дыхания.

Только сейчас осознала, что сижу на нем совершенно голая, а у него всего лишь расстегнуты рубашка и брюки. И он все еще был во мне, все еще заполнял меня, и мы были чем-то одним.

Мы не шевелились и не говорили, пока короткий звонок в дверь, прозвучавший в этой тишине, заставил вздрогнуть всем телом. Руки Кейрана сильнее сомкнулись вокруг меня, когда я вяло затрепыхалась, пытаясь сползти с его коленей.

— Ш-шшш, не двигайся, милая, — прошептал он. — Просто побудь здесь, вот такая,

голенькая, беззащитная...

— Но дверь... — пролепетала я.

Он ловким движением приподнял меня, развернул и с невероятной бережностью и силой переместил мое обмякшее тело на диван. При этом, казалось, он не приложил не малейших усилий, только с мужской небрежной грацией чуть привстал, опираясь коленом о сиденье и придерживая меня руками.

— Куда ты? — прошептала я.

Он стоял и смотрел на меня с высоты своего роста, не сводя глаз, и быстро застегивал и заправлял в брюки рубашку, ловко затягивал ремень на штанах, убирая конец в шлевки.

— Я открою дверь. Наверное, это твоя прекрасная садовница, — сказал он спокойно. — Когда я шел сюда, она как-то странно посмотрела на меня и залилась румянцем. Будто догадалась по моему лицу, что я собирался здесь с тобой делать.

Не могу себе представить Кейрана беззаботно хохочущим, но сейчас он говорил, и в глазах его, как на поверхности океана в солнечный день, плескались искорки веселья.

— Ой, прошу тебя. Не пугай девочку еще больше, — заволновалась я. — Она смущается всего на свете. Особенно красивых мужчин.

Кейран вскинул брови.

— Интересно, и много красивых мужчин тут у тебя бродит?

— Стада и толпы.

— Ясно. Учту. Буду деликатен, — невозмутимо ответил он, направляясь в прихожую. — А ты сиди, то есть, лежи здесь тихо. И не вздумай одеваться. Я с тобой еще не закончил...

От этих его слов у меня закружилась голова, и я судорожно сглотнула. Коктейль из гормонов удовольствия снова стал закипать в венах, хмельными парами туманя сознание.

Кейран, в самом деле, очень деликатно обошелся с Уной. Притихнув в гостиной, я слышала, как она просила передать, что хотела уточнить детали планирование цветника перед домом. Кейран очень любезно сказала, что «Хейз что-то там разбирает наверху», скоро спустится, и он мне все обязательно передаст.

Думаю, дело было не только в планировании цветника. В это время дня мы с Уной всегда устраивали перекус, и девушка наверняка не хотела, чтобы приятная традиция была нарушена. А я никак не могла обмануть ее ожидания.

Голенькой мне полежать не пришлось. Когда Кейран вернулся, я уже торопливо одевалась, путаясь в распущенных волосах.

Он подошел ко мне, взял мои волосы и приподнял их, придерживая, пока я застегивала блузку и натягивала джинсы.

Он поднес пряди к своему лицу и сделал глубокий вдох.

— Твои волосы пахнут горячим шоколадом и карамелью, — проговорил Кейран.

— Ты шепчешь мне фразы, что я, как лесной мед. Теперь вот волосы пахнут шоколадом и карамелью. Я такая сладкая, что аж приторно, — поморщилась я.

И тут он засмеялся по-настоящему открыто, откинув голову и сверкнув белыми зубами.

— Ты очень, очень сладкая. Везде. Хотя я далеко не все твои местечки еще распробовал... — он притянул меня к себе, нежно обнимая и водя руками по моему телу. — Я же говорил, что, когда впервые увидел тебя, твой аромат напомнил мне запах алиссума. И я уже не мог забыть тебя.

— Я попросила Уну высадить алиссум вдоль дорожки к дому, — я прижалась к Кейрану, изо всех сил стараясь сдержать дрожь в голосе.

И тут вспомнила, что в ту нашу первую встречу он ведь был не один. Он был с очень красивой девушкой, на руке которой многозначительно сверкало кольцо.

В прошлый раз Кейран спросил, есть ли у меня кто-то. Мне тоже следовало поинтересоваться, потому что от мысли, что я только что занималась любовью с чьим-то женихом, у меня внутри всё скрутило в липком спазме. Но ничего спрашивать я не стала. Не сейчас.

Реальность больно куснула еще раз, когда я осознала, что мы ведь не предохранялись.

Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Кейран, словно прочитав мои мысли, взял меня за руки и сказал:

— Хейз, мы не приняли никаких мер, когда...

— Знаю, — поспешила ответить я. — И это так...

Я хотела сказать «инфантильно». Но хоть слово и было подходящим, сейчас сравнение с очумевшими от похоти подростками прозвучало бы неуместно.

— Мы вели себя... — я смущенно потерла бровь, — неосмотрительно. Но, не думаю, что стоит волноваться. У меня безопасные дни и я здорова, — я посмотрела на него. — А ты?

— Я тоже здоров. Если нужно какое-то подтверждение, только скажи. — Кейран хмыкнул. — Черт, ощущаю себя легкомысленным мальчишкой, потому что... — он порывлся в кармане брюк, — вот... Это было у меня с собой, — он показал два пакетика из черной фольги. — Но все случилось так... что воспользоваться не удалось.

— Ого! Да ты... подготовился, — я не знала, сердиться мне или смеяться.

— Я надеялся. Очень сильно, — он пожал плечами.

— Их два, — заметила я осторожно.

— И есть еще. Несколько, — спокойно заявил Кейран, глядя мне в глаза. — Но хочу, чтобы ты знала, что вообще-то, — добавил он, притягивая меня, слегка обалдевшую, к себе, — я был бы совсем не против, если бы ты вдруг...

— О-ооо... — только и смогла произнести я, не вполне понимая, какое из его заявлений поразило больше.

Мне срочно нужен душ, ледяной или обжигающий. И чтобы свернуть с дорожки, которая вдруг туманно нарисовалась перед нами, я резко сменила тему разговора, попросив Кейрана помочь мне приготовить ланч.

Пока я принимала душ и приводила в порядок мысли, Кейран заварил чай и разогрел в микроволновке замороженные кексики с черничным джемом.

Потом мы позвали Уну и вместе пили чай. Девушка была смущена присутствием незнакомца, но, что удивительно, на этот раз ее смущение проявилось более скромным оттенком румянца на щеках. Не то, что в присутствии Брайана. Эту особенность я отметила, подумав, что, наверное, не все интересные мужчины, вызывают у нее оторопь, а только совершенно определенные.

После ухода Уны, мы с Кейраном вместе убрали со стола.

— Кей, — обратилась я к нему. — Когда мы впервые встретились, ты был с девушкой.

— Да, был. Мы расстались.

— М-м, понятно, — промычала я. — На ней было кольцо.

— Это не помолвочное кольцо, если ты это имеешь в виду. Мы не собирались вступать в брак. Даже никогда не говорили об этом.

Я молча кивнула и... с облегчением перевела дух.

— Кей, а тебе не нужно... по делам? На работу, — осторожно поинтересовалась я.

— Не сегодня, — он покосился на меня задумчиво, сдвинув брови. — Ужеставляешь? Я помотала головой.

— Значит, сомневаешься, — констатировал он. — Вот только в ком? В себе? Во мне?

Я посмотрела на него, ловя его взгляд. Мне хотелось, чтобы он увидел в моих глазах то, что я, возможно, не сумею убедительно сказать словами.

— Ни в ком и ни в чем я не сомневаюсь. В том-то и дело, — отозвалась я. — И именно это меня немного пугает.

Он подошел ко мне настолько близко, насколько это было вообще возможно. Мы дышали с ним в унисон, ощущали волны живого тепла, идущие друг от друга.

— Ты сомневаешься в отсутствии сомнений? Хочешь попробовать поусложнять все и посмотреть, что получится? — ласково спросил Кейран, и уголок его рта дрогнул от сдерживаемой улыбки.

— Поусложнять?

— Ну да. Поразмышлять, понакручивать, поковыряться во всем. Тебе же происходящее между нами кажется немного странным или поспешным, ведь так?

Я неопределенно дернула плечом.

— Ну, а мне не кажется, — заявил Кейран. — Если хочешь, чтобы я ушел, я уйду. И дам тебе время, столько, сколько тебе понадобится.

Он наклонился, и, касаясь горячими губами моей щеки, проговорил.

— Но я тебе не дам улизнуть от меня. Измором возьму.

Я обвила его шею руками.

— Не надо меня брать измором, — выдохнула я. — Я просто хочу научиться принимать все... правильно.

— Будем учиться вместе, в процессе...

И его губы захватили мой рот, растворяя в поцелуях последние сомнения.

... Когда уже совсем стемнело, я все же попросила Кейрана уйти. Нам обоим нужно было выспаться. А на моем ущербном диване это было невозможно.

Я закрыла входную дверь, только когда его высокая фигура скрылась в припаркованной неподалеку машине, а потом из виду исчезла и сама машина.

***

Наблюдая за Хейз, Кейран заметил: когда эйфория первой близости слегка улетучилась, ей на смену пришли сомнения. Они, как гадские мухи наперебой зудели над хорошеньким ушком девушки, пытаясь полностью завладеть ее вниманием.

Но этого Кейран не мог допустить.

Он не чувствовал себя глупо, даже когда показывал Хейз карман, набитый презервативами. Ему было не стыдно, он лишь удивился, что способен чувствовать такую отчаянную потребность в другом человеке, в женщине, что забываешь обо всем. И если бы их первая близость имела последствия, он уже знал, что так оно и должно было быть, и никогда и ни за что от этого не отказался бы.

Конечно, у Хейз были вопросы, и он готов ответить на каждый из них. Только пусть она знает, что он-то ни в чем не сомневается.

— Но я тебе не дам улизнуть от меня, — сказал он. — Измором возьму.

Теплые руки легли на его плечи, сомкнулись в мягком объятии.

— Не надо меня брать измором, — прошептала Хейз. — Я просто хочу научиться

принимать все правильно.

Кейран уже знал, что правильно для него. Хотел, чтобы и Хейз поняла это для себя. И он ей поможет.

— Будем учиться вместе, в процессе...

Он начал целовать ее, водя руками по прекрасному телу, и чувствовал, как она льнет к нему, расслабляется в опьяняющем доверии.

Их тела все знали лучше, они не лгали и не стремились вступать в противоречие с доводами рассудка. Потому что противоречий не было. А если и были, то с каждой минутой их становилось все меньше.

Кейран подхватил Хейз на руки и понес в комнату.

...Они лежали на ее диване, представляя собой один единый организм — синхронно дышащий, млеющий и парящий где-то в высотах наслаждения. По венам и под кожей все еще курсировал пьянящий эликсир, созданный взаимной страстью и абсолютным совпадением друг с другом, сладчайшим удовлетворением и поющими песнь блаженства гормонами.

Хейз лежала на боку с краю, прижавшись спиной к Кейрану. Зажатый между нею и спинкой дивана, он закрыл глаза и уткнулся лицом в шелк ее волос, пахнущих шоколадом. Хейз заворочалась, пытаясь перевернуться на спину, но вышло только поерзать и устроиться полубоком. Длинные пряди темных волос рассыпались по ее голой груди.

Рука Кейрана напряглась, удерживая девушку возле себя.

— Куда-то собралась? — голос прозвучал сонно и хрипло.

— Хочу смотреть на тебя.

Его губы скользнули по ее виску, когда она повернула голову.

Глаза цвета зеленых оливок смотрели из-под недлинных, но очень густых черных ресниц и улыбались. Улыбались и губы, расслабленные, гладкие и словно наполненные влекущей сочностью, вкус которой он ощущал и сейчас. Тепло этих губ он чувствовал где-то внутри себя, словно они прикасались не к коже, а прямо к сердцу.

Кейран лениво приоткрыл глаза, встретился с взглядом Хейз. Она поерзала, стараясь еще повернуться к нему.

Заметив, как взгляд Кейрана переместился туда, где между соскользнувшими с груди блестящими прядями волос проглядывал бежево-розовый сосок, Хейз тихонько засмеялась.

— Зря смеешься, — пробормотал он ей на ушко, прикусывая бархатистую мочку. — Мы лежим голые на очень ограниченном пространстве...

— И?..

— И нам просто некуда деваться...

— От чего?..

— От обстоятельств...

— Каких?..

— Нам просто ничего не остается...

— Да?..

— ...кроме как снова заняться... этим...

Он накрыл ртом ее губы, еще чувствуя ее улыбку, вдыхая тихий перелив смеха. Рукой медленно двинулся по плечу, скользя вверх и вниз, дразня близостью к груди, пока не подобрался и накрыл ладонью упругую округлость. Вершинка мгновенно откликнулась на прикосновение, затвердев под его прикосновением.

Он чувствовал, как сердце Хейз ускорило свое биение, как участилось дыхание девушки,

когда кончиками пальцев стал медленно выписывать узоры на гладкой коже ее груди. Вторая его рука гладила ее живот, опускаясь ниже...

***

...Он ушел от Хейз поздно вечером, хотя и не собирался этого делать. Он хотел остаться, но она его выставила. Мягко, ненавязчиво, но уверенно и безапелляционно.

Но он все равно чувствовал себя невозможно счастливым, потому что был уверен в себе. И это было нормально.

***

...- Нормально, говоришь? — донесся до Кейрана голос деда. — Ты уж извини, но ты выглядишь довольным. А я тебя не видел таким с тех пор, как ты получил в подарок свою первую серьезную камеру. Помнишь?

— Помню, конечно, — отозвался Кейран. — И прекрати упражняться в проницательности, дед.

— Тогда просто порадуй старика. Скажи, что-нибудь конкретное, чтобы я не играл в «угадай-ку».

— Я на пути к тому, чтобы... сказать тебе что-то конкретное. И очень хорошее, — после паузы сформулировал Кейран.

— Ого, — густые белые брови старика высоко взметнулись. — Даже эта твоя очередная уклончивая фраза прозвучала вдохновляюще. Что бы там у тебя ни было, парень, я рад.

Джек похлопал внука по сильной молодой руке. Кейран оставался спокоен и невозмутим, но старик Уолш прекрасно видел, что на этот раз за его привычной невозмутимостью прячется не желание укрыться ото всех, а что-то очень личное, глубокое, что поселилось в душе внука. И Кейран не прячет это, а оберегает.

— Кстати, ты придешь в субботу? — спросил Джек.

— Я постараюсь, если в графике съемок не будет изменений.

Кейран подумал пару секунд.

— Шона отвечала за все организационные моменты, а сейчас она уехала, — сообщил он.

— Уехала?

— Да. Мы больше не работаем вместе, — и добавил уверенно и твердо, — мы вообще больше не вместе.

— Понятно. Ну, и как ты? — поинтересовался дед.

— Я же сказал — нормально, — чуть улыбнулся Кейран.

— Значит это то, чего ты хотел?

— Да.

Сказано без колебаний. Джек посмотрел на внука и подумал: «И это то, чего ты хотела для Кея, Полин. То, ради чего ты творила все те штуки. Ради чего сводила меня и себя с ума. Ты хотела защитить его. Теперь наш парень в состоянии сделать это сам. Без всех твоих амулетов, примет и прочей ерунды».

***

Кейран припарковал машину возле здания бывшего склада, отремонтированного и трансформированного в жилой дом, где располагался его лофт.

С некоторых пор он совсем перестал воспринимать это место, как свой дом. Здесь давно все было связано больше с работой. А теперь и с Шоной. Здесь он разучился расслабляться телом и отдыхать душой.

Вчера он возвращался от Хейз в режиме автопилота, не думая ни о чем, кроме как о ней и о том, что между ними произошло.

Принял душ и завалился спать. И лишь погружаясь в пустой, глубокий сон, поймал мысль, что где-то что-то было не так.

Он снова не дозвонился Шоне. Это тревожило Кейрана и казалось неправильным, но было и что-то еще.

Вчера он так и не смог понять, что именно его беспокоило. А сегодня, вернувшись от деда, увидел своими глазами причину своего странного дискомфорта.

На проводах, протянувшихся от одного уличного фонаря к другому, сидели птицы.

Их было много, очень много и они казались странно неподвижной цепью, ожерельем, в котором каждое звено плотно прилегает друг к другу.

Вороны. Огромные, мощные, черные, будто сгустки темноты. Они сидели там и вчера, точно так же — безмолвные и неподвижные — и словно ждали чего-то и наблюдали.

Кейран вышел из машины, остановился и поднял голову, разглядывая птиц. А они смотрели на него, не двигаясь, не издавая ни звука.

Наевшись еще в детстве всякой эзотерической чепухи, которой увлекались его мать и бабушка, Кейран перестал в какой-то момент воспринимать все, что связано со странным, непознанным, сверхъестественным и мистическим. Он просто игнорировал это, став законченным реалистом и прагматиком.

Ровно до того момента, пока в его жизнь не вошла Хейз. В их встрече не было ничего паранормального, но все ощущения, связанные с девушкой уж очень были похожи на некое волшебство, в которое веришь и ждешь только по привычке, выработанной с детства, но, взрослея, понимаешь, что такое практически невозможно. А потом происходит что-то, и ты понимаешь, что ошибался — всё возможно. И упрямое отрицание не имеет никакого значения и ни на что не влияет.

Кейран вошел в подъезд и, поднимаясь по гулкой металлической лестнице на второй уровень, где был вход в его жилище, услышал звук, от которого холодок пробежал по позвоночнику.

Все вороны разом вдруг сорвались с проводов и черной тучей понеслись прочь, оглушая округу хриплым карканьем и хлопаньем сотен крыльев.

Тишину спального района взорвало какофонией птичьих воплей. И Кейрану на долю мига показалось, что в этих криках слышалось мрачное торжество.

Глава 24

Я проснулась от того, что прямо за моей головой что-то шуршало, трещало и скреблось.

В первый момент пробуждения я даже не смогла понять, что является источником звуков. Оторвав тяжелую голову от подушки, посмотрела в окно. В комнату поступало гораздо больше света, чем обычно. При этом ветки кустарников ходили ходуном, словно снаружи бушевал ураган.

Я поднялась и, потирая сонные глаза, подошла к большому французскому окну. С той стороны стекла в частых переплетах на меня уставилось энергичное, разгоряченное личико Уны. Еще не очень хорошо соображая спросонья, я помахала девушке рукой и изобразила улыбку, которая тут же была смазана зевком.

Уна всюду трудилась на участке, а значит уже больше десяти утра. Я бегом кинулась наверх, в душ.

Вместе с потоками воды на меня обрушились все впечатления, эмоции, ощущения и воспоминания, что накопились за последние несколько дней.

Кейран. О, Кейран... Сердце пустилось вскачь, а от распивавших чувств я так глубоко вдохнула, что тут же закашлялась от воды, полившей через рот и нос.

О нем опасно думать, когда находишься в душе. Или наливаешь из чайника кипятков в чашку. Или, когда в руках колющие или режущие предметы.

О нем, кажется, вообще опасно так много думать.

Брайан. Не объявлялся со вчерашнего дня. Позвоню сама, чуть позже.

Патриция. С ней я уже не общалась несколько дней. Она обижена на меня и потому не звонит. Тоже буду первая, ведь мне-то на нее не за что обижаться.

Отчетливо кольнуло неприятное чувство, что я отдаляюсь от старых друзей. И, вполне возможно, мне не удастся их удержать.

Все менялось. Неудержимо, бесконтрольно. Умом, сердцем и даже кожей я ощущала встречные потоки нового, в которые вступала, как в воды бурной реки. На какой-то миг показалось, что я иду против течения, вопреки чему-то, но это не могло меня остановить.

Станным образом эти мысли и ассоциации не встревожили, а наоборот — вселили уверенность в правильность происходящего. Ведь меня не несло куда-то по течению, как безвольное и бездумное бревно. Я двигалась сама, преодолевая, сомневаясь, но шла вперед. И это было не просто движение без цели и оснований.

Окрыленная и вдохновленная новыми озарениями, я установила лимит на свои размышления и самокопания, и решила, что нужно заняться чем-то реальным и сугубо практическим.

Я все еще жила, как на вокзале. Пора предпринять что-то, чтобы выйти из режима затянутого ожидания неизвестно чего. Частично это уже сделал для меня Кейран, но были задачи, которые могла решить только я сама.

Внизу разрывался телефон. Рингтон подсказал, что звонил Брайан.

Слушая сейчас аккорды песни Джейсона Ривза Save my heart, я поняла, что устанавливая эту мелодию на звонки от моего друга, попала в самую точку. Брайан был точно таким, как герой, от лица которого песня исполнялась. Только вот слова текста должны быть адресованы не мне.

I want what I can't have
I wanna make you mine
I don't care what it takes.

— Терпеть не могу, когда ты так делаешь! — рявкнул телефон голосом Брайана, когда я ответила на звонок. — Звоню четвертый раз, а ты не отвечаешь. Можно хотя бы сообщение отослать «Отвали, занята», — к концу фразы тон стал много спокойней и звучал лишь слегка раздраженно.

— Извини, — спокойно отозвалась я. — Была в душе. Встала сегодня позднее обычного.

— Ну, поня-ааатно, — протянул Брайан. — Говорить-то можешь?

— А почему нет? — удивилась я.

— Ну, может, я тебя отвлекаю от чего-то, — небрежно бросил Брай.

— Не отвлекаешь. Как там дела у Эвлинн?

Не дождавшись от меня реакции на провокацию и оставаясь при прежнем градусе любопытства, Брайан вздохнул.

— Никаких подвижек. Один стабильно тяжелый, второй... Словом, ничего нового, — ответил друг. — Врачи силой отправили Эвлинн домой, отдохнуть и выспаться. Заверили, что обязательно известят меня и ее при малейших изменениях.

— Ох, понятно. Может быть что-то нужно? Я готова и хочу помочь.

— Да, Хейз, нужно. Потому и трезвоню так настойчиво. Можешь приготовить что-нибудь поесть? Что-то легкое, но сытное.

— Могу, конечно, — ответила я, — а для чего? Или кого?

— Это для Эвлинн. Она уже неделю почти ничего не ест, только глушит кофе и воду. Сейчас она уехала домой, но я больше, чем уверен, что готовить ничего она себе не станет и вообще забудет о том, что нужно питаться. Если не трудно, изобрази что-нибудь попроще, но питательное.

— Не вопрос, конечно, я все сделаю, — с энтузиазмом откликнулась я, — только у меня с продуктами не очень. Сейчас схожу в магазин...

— Нет! — командным тоном отрезал Брайан. — Не надо никуда ходить, я сейчас собираюсь отвезить «гранату» Лизе и на обратной дороге заеду в магазин, все куплю и завезу тебе. Говори, что надо.

Я навскидку продиктовала ему список первых же пришедших на ум продуктов, на ходу соображая, что можно быстро приготовить.

Пока говорила с Брайаном, телефон известил о приходе смс-сообщения. А через минуту еще одного.

«Сладкая моя... Невозможно скучаю по тебе... К.»

В районе солнечного сплетения заворочался, закружился водоворот — теплый, как солнечный свет, чистый и прозрачный, как вода в ручье. По телу побежали восторги, словно меня и сейчас касались ласковые и горячие ладони Кейрана.

От второй смски у меня подогнулись коленки, и я плюхнулась на стул, сжимая телефон во вспотевшей ладони.

«Работаю допоздна. Приду, когда освобожусь. Ложись спать, сладкая... Закрытая дверь не помеха.

PS: У меня (случайно!) остались ключи, и я заметил, что замки ты не сменила)»

Кейран не звонил, чтобы спросить, как я, что у меня. Он самым простым способом ставил меня в известность о своих намерениях. Возможно, ждал реакции, особенно после

моих вчерашних озвученных сомнений.

Воображение с готовностью нарисовало картину — Кейран, словно большая и гибкая, дикая кошка, мягко ступая, уверенно направляется ко мне, спящей в тишине и темноте дома. Видение настолько чувственно-живое, что вызвало жаркую приливную волну, заставившую сжать бедра.

Отвечать на сообщения я не стала. Просто не знала, как выразить словами то, что хотела бы озвучить.

Пылая всем телом, словно в приступе лихорадки, я побрела в комнату и взяла ноутбук. Стараниями Брайана теперь у меня имелся довольно шустрый доступ в Интернет и, вбивая в строку поиска «Кейран Уолш, фотограф», я затаила дыхание, сама не зная почему и что такого ожидала увидеть.

Первым делом заглянула на персональный сайт.

Красиво сделано, со вкусом. Лаконично, сдержанно, элегантно, как сам Кейран. Черный фон, четкое, контрастное меню, красивый строгий шрифт. Никаких загогулин, помех в виде плавающих картинок или искажающихся букв. Активная кнопка в меню просто меняла подсветку с белой на более темную. Я открыла главную страницу. Информация о последней выставке, перечень новых работ.

Подводя курсор к кнопке Биография, я разволновалась.

На самом деле мне ведь совсем немного известно о Кейране. Имя, фамилия, профессия. Не думаю, что на сайте узнаю что-то очень личное, но все же, казалось, что я собираюсь тайком заглянуть в слегка приоткрытую дверь.

Ничего особенного я не узнала, разве что возраст и день рождения — 1 февраля и тридцать три года. Остальное сухо и кратко: родился, учился, участвовал. Ни слова о личной жизни, никаких «встречался, был замечен» и тому подобного. Но он ведь и не публичная персона. На фото самого Кейрана я завороченно смотрела, не моргая, минут пять. Текст проиллюстрирован двумя фотографиями: на одной изображен погруженный в свои мысли, отстраненный Кейран, каким его чаще всего можно увидеть в реальности. На втором, несколько сюрреалистичном фото, внимание зрителя приковывал резкий, яростный взгляд фотографа. Очень разные изображения, словно две половинки одной души. Не знаю, почему мне так показалось, но впечатление создалось стойкое.

В галерее фоторабот я просто потерялась. Словно вошла в Зазеркалье.

Выныривая из созерцания красоты, я с удовольствием и каким-то особым томлением в груди признала, что Кейран, безусловно и однозначно, очень талантливый и, судя по всему, успешный фотохудожник.

А кто я?

Он ведь обязательно спросит, кто я и чем занимаюсь. Что же ответить?

Я никто. И ничего в этой жизни полезного не делаю.

Закрывая крышку ноутбука, чувствовала, что погружаюсь в туман меланхолии, но пребывать в унылом состоянии долго не пришлось. Уна там надрывается, занимаясь тяжелым физическим трудом, а взрослая тетя сидит и заламывает руки в праздном самоедстве. Сообразив, что совсем забыла о юной садовнице, я вскочила с кресла и побежала во двор.

Уна перемещалась по участку как маленькое торнадо, вычищая и удаляя лишнее. Но в отличие от неуправляемой природной стихии, ловкие руки девушки оставляли за собой не разрушение, а пышно цветущую и зеленеющую гармонию.

Закончив приводить в порядок не в меру разросшиеся кроны кустов жасмина под окнами гостиной, садовница, сидя на корточках, копалась где-то у корней.

— Уна! — окликнула я её.

Она встрепелулась и с готовностью вскочила на ноги. Настороженность на ее лице сменилась робкой улыбкой.

— Простите, что так шумела под окнами, — сказала она. — Я вас, кажется, разбудила...

— Боже, Уна, о чем ты говоришь! — судя по жару, прилившему к лицу, я покраснела. — Я от стыда готова провалиться сквозь землю. Тебе следовало шуметь погромче, а то я сегодня проспала все на свете.

Уна теребила полу своей потертой джинсовой курточки, в которой работала, и разглядывала что-то у себя под ногами. Подозреваю, что ей хотелось о чем-то просить или сказать, но она не решалась.

— Я пойду, займусь делом, а через час мы с тобой прервемся на чаепитие, — сообщила я. — Идет?

Девушка заметно расслабилась, вскинула на меня голубые глаза и закивала, улыбаясь открыто и искренне.

— Я там... кое-что принесла. На ланч, — она взмахнула рукой в рабочей перчатке.

Прежде, чем я успела что-то сказать, Уна развернулась и понеслась за дом, прямо к своему «офису», который устроила в маленьком сарайчике на заднем дворе. Я пошла за ней, на ходу отмечая, что усилиями одной юной садовницы участок удивительно преображался с каждым днем. Такими темпами очень скоро все работы будут закончены. Почему-то от этой мысли стало немного грустно.

— Вот! Картофельный пирог! — провозгласила девушка, бережно вытаскивая из большой сумки что-то завернутое в полотняное полотенце, и протягивая мне.

— Ого, много... пирога, — проговорила я, принимая внушительный сверток круглой формы из рук Уны.

— Ну, остатки потом можно разогреть, — смущенно заметила моя юная знакомая.

— Конечно. Спасибо, — улыбнулась я. — Через час жду тебя. Заходи через заднюю дверь, она будет открыта.

Уна радостно кивнула и отправилась работать дальше, а я понесла пирог домой.

На кухне развернула сверток. Под полотенцем круглая форма из фольги, фольгой же накрытая, а под всеми этими «одежками» — волшебный ароматный, золотистый, как солнечный диск, картофельный пирог. Я едва удержалась, чтобы прямо рукой не подковырнуть кусочек и не попробовать это кулинарное чудо.

Лежащий на кухонном столе телефон подал сигнал о поступившем сообщении. Тыча подрагивающим пальцем в сенсорный экран, я едва сдержала глупую улыбку, догадываясь от кого смска.

«Сладкая, ты не ответила ни на одно мое сообщение. Нечего сказать?»

Я быстро набрала: «Сказать есть что. Нечего написать».

Звонок раздался ровно через пару секунд после того, как я отправила сообщение.

— Скажи, — голос Кейрана, тихий, низкий, вкрадчивый прикоснулся, как поцелуй полуденного солнца.

— Скучаю по тебе. Очень, очень, очень...

— Звучит здорово. Так я приду сегодня.

Кейран говорил совсем негромко, а на заднем плане раздавались голоса, смех,

слышались какие-то звуки.

— Ты не спрашиваешь, а ставишь в известность, — заметила я.

— Да, я знаю. Ложись спать голенькая, — прошептал он.

— Боже, прекрати... — выдохнула я, больше не выдерживая нетерпеливого напора моего богатого воображения, заработавшего вовсю от слов и голоса Кейрана.

— Не могу, сладкая, — заявил Кейран серьезным тоном и, понизив почти до шепота свой восхитительно-бархатистый баритон, заговорил, — ты застряла в моей голове. У меня кончики пальцев покалывает, я все еще ощущаю, как прикасаюсь к тебе. Чувствую твой аромат и как ты прижималась ко мне голой грудью, и теплой попкой.

Стараясь не сопеть в телефон, я закусила губы, и мой затуманенный блуждающий взгляд скользнул по кухонному окну, выходящему на передний двор. Увидела, как в калитку входит Брайан и уверенно направляется по дорожке к дому, держа в руках два пакета из супермаркета.

Едва не споткнувшись, я кинулась в коридор, надеясь открыть дверь раньше, чем раздастся звонок.

Но не успела.

Не успела не только открыть дверь, но и заткнуть рот Брайану.

— Привет, загадочная моя! — громоподобно провозгласил мой друг, вваливаясь в прихожую, как к себе домой.

Он звонко чмокнул меня в щеку, а я в ответ резанула его взглядом, прикладывая палец к губам и указывая на телефон, который держала возле уха.

Лукавство промелькнуло в светлых глазах Брайана, он одарил меня кривой ухмылкой и прошествовал на кухню.

За эти несколько секунд, которые длилось появление Брайана, в телефоне не раздавалось ни звука.

— Кейран? — я старалась говорить ровным и спокойным голосом. — Прости, меня тут отвлекли немного.

— Я так и понял, — невозмутимо отозвался Кейран. — Не подскажешь, на чем я там остановился, когда тебя, хм... отвлекли?

На секунду я представила лицо Брайана, если бы он услышал, как я повторяю сказанное Кейраном.

Я рванула с телефоном на второй этаж, беря лестницу штурмом, и заскочила в пустую комнату, которая должна скоро стать моей спальней. Неспешно обводя взглядом помещение, я представляла его уютным, обставленным новой мебелью. Кованая кровать чудесно впишется сюда, и большой, красивый деревянный ларь в изножье, и бежевые полотняные шторы до пола, и лампы, льющие неяркий, золотистый свет на два нагих тела, лежащих в блаженном изнеможении на чистых смятых простынях...

— Ты говорил что-то такое, от чего у меня кровь превращается в кипящую патоку, — проговорила я, тяжело сглатывая.

— И это правильно, — удовлетворенно отозвался Кейран. — Я хочу, чтобы ты думала обо мне, о нас... И чтобы твоя кровь бежала по венам, горячая и густая... И пусть приливает к нужным местам...

Он говорил и говорил, и от его едва слышно произносимых слов мне вдруг ужасно захотелось скинуть одежду и проверить — не выросли ли у меня за спиной радужные крылышки. Такие прозрачные, трепещущие.

— Боже... не видать мне покоя, — простонала я.

— Вот это точно, — вдруг ровно и четко заявил мой собеседник. Бархатистая вкрадчивость исчезла, и в тоне явственно обозначились стальные нотки. — Я же говорил, у тебя не дом, а проходной двор. Это там твой старый друг заявился?

— Да, пришел Брайан, — я смущенно порадовалась, что мне удастся говорить спокойно и уверенно.

— Я вызвалась немного помочь его родственнице. Ну, для той, у которой муж и сын в больнице, помнишь?

— Да, конечно, помню. Но до вечера-то ты освободишься? — сдержанно поинтересовался Кейран.

— Уверена, что да.

— Тогда до вечера, — и добавил, снова понижая голос, — сладкая моя...

...Я спустилась вниз. Теплый терракотовый оттенок стен коридора первого этажа, казалось, добавил пару градусов накала к моему и без того беспокойному состоянию, словно я погрузилась в нагретый солнцем песок.

Все чувства обострились настолько, что даже вот такая внезапная визуальная ассоциация подействовала на весь мой организм. Я становлюсь каким-то барометром «наоборот» — отражаю собственное внутреннее состояние вовне.

На кухне Брайан уже разгрузил сумки, разложив продукты на столе, и сейчас стоял, прислонившись к холодильнику, и смотрел на меня с хитрым прищуром.

— Вовремя я, да? — бодро спросил он, продолжая лукаво ухмыляться.

— Вовремя не то слово, — согласилась я.

Подошла к столу, деловито обзоревав заваленный покупками стол. Здесь было столько всего, что хватило бы приготовить обильный обед из пяти блюд на семейство, состоящее из дюжины человек.

— Как Джун? — спросила я.

— Передал ее в целости и сохранности мамочке. Она всю дорогу трещала про «доблую-доблую» Хейз, которая разрешила кушать пиццу на улице.

— Лиза тоже это слышала? — поинтересовалась я.

— Даже не сомневайся! — отозвался Брайан.

Он внимательно наблюдал за мной, пока я проводила инспекцию его покупок.

Поставив вариться курицу, я отобрала овощи для салата, и все это время мы с Брайаном хранили молчание. Между нами не возникло напряжения, только призрачной дымкой витала недосказанность и незавершенность. Наверное, сейчас вызревал тот самый момент, когда можно расставить последние точки. И для этого не нужно ничего особенного делать или говорить. Просто позволить этому произойти.

Я быстро скользнула взглядом по неподвижной фигуре друга, стоящего в прежней позе на прежнем месте. На лице его отражалось терпеливое ожидание. Очень терпеливое.

— Хочешь что-то спросить? — не выдержала я.

— А ты хочешь что-то сказать? — с готовностью отозвался он.

— Не особо.

Брайан отлип, наконец, от дверцы холодильника и подошел ко мне.

— Ладно, что мы, честное слово, как не родные, — заявил друг, купая меня в чистом и прозрачном сиянии искренних глаз. — Кейран — это тот самый, который «не свободен»?

— Угу, — кивнула я. — Только оказалось я чего-то... не знала.

— Не знала?

— Ну, да. Не знала, что он не так уж и не свободен. Он расстался со своей подругой.

— Ну, тогда все в порядке? — мягко спросил мой друг, после небольшой паузы.

— Похоже на то, — я подняла на него взгляд.

Не знаю, что прочел в моих глазах Брайан, но он вдруг болезненно поморщился, торопливо отвернулся, закашлялся, прочищая горло.

— Слушай, а что это тут у тебя так кулинарно благоухает? — спросил он привычным непринужденным тоном, снова поворачиваясь ко мне.

— Уна принесла на ланч. Картофельный пирог.

— Ого, внушает уважение. Это она сама или ее маменька?

— Вот уж не знаю, а спрашивать как-то неудобно.

А вот говорить сейчас с Брайаном о пирогах было куда удобней, чем обо всем прочем.

Убрав продукты, мы накрыли стол к ланчу. Я быстро сделала легкий салат, отрезала три больших куса картофельного чуда, поставила их в микроволновку разогреваться, и позвала Уну.

Войдя на кухню, она не сразу увидела сидящего за столом Брайана. Остановилась у двери, сняла курточку, зажав ее между коленями. Под курточкой обнаружилась мешковатая бирюзовая футболка, скрывавшая, а точнее искажавшая женственные формы девушки. Уна подняла руки, распустила растрепавшийся в пылу работы узел пшеничных волос. Отливающие золотом пряди рассыпались по плечам.

Старательно делая вид, что мне ни до кого и ни до чего нет дела, я тайком посмотрела на моего друга. Он наблюдал за Уной, сдвинув брови, без тени привычной улыбки, обычно прячущейся в уголках его губ.

Тут девушка подняла глаза и, наконец, заметила Брайана. Она, кажется, даже дышать перестала, застыв с поднятыми к голове руками. Лицо ее залил румянец, сравнимый своими красками с ярким рассветом. Глаза расширились, а взгляд остановился на Брайане, не в силах оторваться от него.

— Привет, Уна, — сказал молодой человек, мягко улыбнувшись.

Она, как по команде «отомри» зашевелилась, и вместе с вновь заработавшим дыханием с ее губ сорвалось едва слышное:

— Привет...

— Уна, проходи, садись, обед готов, — вмешалась я, стараясь говорить, как можно более обыденным тоном.

— Я... мне надо руки помыть, — и Уна быстро прошла к двери кухни, опустив голову и ни на кого не глядя.

— Я эту барышню уже сам боюсь, до того неловко, — тихо проговорил Брайан, качая головой. — Чувствую себя Большим и Страшным Серым Волком.

Я сунула в рот дольку огурца и, жуя, небрежно заметила:

— Да уж. Есть в тебе что-то такое, наверное. На Кейрана она попроще реагировала.

Брайан вскинул на меня слегка озадаченный взгляд.

— И что бы это значило? — поинтересовался он.

— Абсолютно ничего, — изображая равнодушие, я небрежно пожала плечами. — Ты бы тоже ручки-то помыл, перед тем, как кушать.

...Мы втроем сидели за столом, как мирная маленькая семейка.

В самом деле, жизнь моя изменилась. Новый дом, новый образ жизни, новые знакомые

и новые обстоятельства. Неизменным пока оставался только Брайан, и сейчас мне уже думалось, что он и останется единственной реальной константой, которая будет связывать мое прошлое, настоящее и будущее.

Пирог Уны оказался бесподобным, очень нежным, с насыщенным вкусом и ароматом. Брайан заглотив свою порцию, как удав, чем вызвал на лице Уны прилив нежного румянца, на этот раз, обозначавшего, кажется, удовольствие, а не смущение.

— Девочки, как же вкусно, — простонал он, откидываясь на спинку стула. — Я тут с вами раздамся вширь, а в спортзал мне сейчас ходить некогда. Но отказаться просто невозможно.

Он посмотрел на Уну.

— Признавайся, этот кулинарный шедевр твоих рук дело? — спросил он, мягко улыбаясь.

Девушка поерзала на стуле, ковыряясь вилкой в своей почти нетронутой порции.

— Моих, — тихо ответила она. — Мама научила. Но этот пирог пока все, что я могу нормально приготовить.

— Ничего, дело наживное, — заметил Брайан, — главное, талант к стряпне явно в наличие имеется.

Я прихлебывала чай и наблюдала за тем, как между моим другом и Уной завязался неспешный и ненавязчивый разговор. С долей удивления отметила, что юная садовница уже не так интенсивно меняла цвет лица, отвечая на вопросы Брайана. И тут мне в голову пришла идея.

— Слушай, Брай, ты ведь сейчас собираешься к Эвлинн? — спросила я.

— Ага. Как только ты провизию приготовишь, сразу поеду к ней.

— А потом в магазин?

— Да. Есть там дела, которые обязательно нужно сделать сегодня, — ответил Брайан.

— А что если мы с Уной прокатимся с тобой? В качестве группы поддержки.

Брайан внимательно посмотрел на меня, потом кинул короткий взгляд на притихшую Уну.

— А что, отличная идея, — согласился он. — Уна, ты как на это смотришь? — обратился к девушке.

Голубые глаза нашей юной знакомой наполнились какой-то неразберихой. Видно было, как она колеблется и в то же время, ей ужасно хотелось принять предложение. Но, очевидно, срабатывал прочный сдерживающий фактор в виде маячившей где-то в подсознании фигуры властной маменьки.

— Я бы хотела поехать, — ответила она, осторожно выговаривая слова. — Но, не знаю, удобно ли...

— Еще как удобно! — заявила я. — Как твой наниматель я тебя сегодня отпускаю с работы пораньше. А с твоей мамой мы вопрос решим. Если есть такая необходимость.

Уна быстро повернулась ко мне, вся напряглась в ожидании.

— Я ей сейчас позвоню, — сообщила я девушке, вопросительно смотревшей на меня. — Скажу, что хотела бы вместе с тобой проехать в город.

— Она обязательно спросит, для чего нам понадобилось в город, — буркнула Уна, увядая на глазах.

— Скажем правду — едем в магазин. Кстати, — осенило меня, — сейчас же на площади перед пристанью работает большой цветочный рынок. Я как раз хочу заскочить туда по

дороге и выбрать пару-тройку растений для дома. Вот ты мне, Уна и подскажешь, какие лучше взять. Хорошо?

На лице юной садовой феи расцвела улыбкой, осветившая ее личико.

— Ой, ну, конечно! — выпалила она с непритворной радостью.

Вопрос с миссис Барри мы решили довольно быстро. Строгая мамочка на удивление просто и легко согласилась отпустить свое дитя со мной в город. Возможно, здесь еще сработал тот факт, что я как ответственный работодатель, не задержала выплату недельной зарплаты Уне и добавила щедрые чаевые.

— Кстати, Хейз, вы не забыли о моем предложении, поучаствовать в благотворительном вечере в пансионе для пожилых? Это уже совсем скоро, — обратилась ко мне Фиона.

— Нет, конечно, не забыла. Это ведь на той неделе?

— Совершенно верно, — деловито отозвалась моя собеседница. — Хорошо, что вы позвонили. Давайте мы с вами все подробней обсудим, когда вам будет удобно.

— Возможно, завтра?

— Отлично, — миссис Барри казалась весьма довольной. — Вообще-то, почти все волонтеры добровольно собирают определенную сумму на проведение вечера. Если вы даете окончательное согласие на участие, то тоже можете внести свою лепту, и из общей суммы мы выделим вам какую-то часть на необходимые покупки. Но учтите, деньги будут небольшие, и в этом случае вам придется уложиться в рамки выделенной суммы или же добавить недостающее. Или же можете ничего не вносить в общий фонд, но в таком случае доля вашего участия будет равняться затраченному вами. Выбирайте, как вам удобней.

— Беру все расходы целиком на себя, — уверенно заявила я.

— Отлично! — с явным одобрением в голосе отозвалась Фиона. — А подробности и прочие нюансы давайте обговорим завтра. Жду вашего звонка.

Пока я разговаривала с миссис Барри, Брайан и Уна смотрели на меня, приоткрыв рты. Лица их при этом каким-то странным образом отражали практически схожие эмоции — любопытство и нетерпение.

— Все улажено, — объявила я, откладывая смартфон. — Уна, можешь не волноваться.

Облегчение и радость расцвели на открытом, подвижном личике девушки.

— Спасибо, мисс Хейз, — тихо проговорила она.

— Просто Хейз, мы же договаривались, — поправила я ее. — И не за что благодарить. Это я должна твердить тебе спасибо, за то, что спасаешь меня. А то я временами чувствую себя в этом доме, как героиня фильма «Джуманджи». Того и гляди все эти лианы и прочие заросли проберутся внутрь, все оплетут и меня заодно придушат.

— Все, пора отсюда выбираться на свет Божий, — подал голос Брайан. — Если уже такие бредовые фантазии стали посещать, то тебе, подруга, надо чаще проветриваться. А то засела здесь среди своих пыльных коробок, как мышь.

— Даже не стану спорить — отозвалась я. — Но в ближайшее время планирую это все исправить. Первым делом куплю себе какие-нибудь колеса.

— Скутер? Или самокат? — оскалился Брайан во весь белозубый рот.

— Беспедальный велосипед! — огрызнулась я. — Машину хочу. Все равно, какую.

— Только не надо это твое «все равно, какую», — строго заявил мой друг. — С тебя станется и беспедальный велосипед приобрести. Кстати, классно бы ты на нем смотрелась, — хохотнул он и тут же снова стал серьезным. — К этому вопросу стоит

подойти со всей ответственностью. Так что, решение одобряется, и этим вопросом мы займемся в самое ближайшее время.

«Извини, но займусь этим без твоего участия, Брай», — мысленно добавила я. Не высказывать это вслух не стала.

Для Эвлинн я приготовила крепкий куриный бульон с овощами, салат и четыре больших сэндвича. Бульон отправился в большой термос, а салат и сэндвичи — в вакуумные контейнеры. Подумав, спросила:

— Уна, ты не будешь возражать, если я отрежу для родственницы Брайана немного твоего пирога?

— Ой, нет, конечно! — оживилась та, встрепенувшись, как птичка. — Буду только рада поучаствовать, — она покосилась на Брайана, а тот одарил ее одной из своих неотразимых улыбок.

Удивительное дело, но на этот раз Уна отреагировала на сверкание ясных глаз и белых зубов моего друга более спокойно и даже позволила себе задержать на нем взгляд, не отводя и не пряча глаза сразу. Да и цвет девичьих щек при этом приобрел всего лишь нежно-розовый, как яблоневого цвета, оттенок.

Кажется, у девочки начал вырабатываться определенный иммунитет к персональной неотразимости Брайана.

Собрав сумки, я отправилась одеваться. Натягивая джинсы и рубашку в этническом стиле с замысловатой вышивкой на воротнике, я вспомнила про амулет, подаренный мне Эвлинн. Несколько дней я не надевала его, подвеска лежала в коробочке, в которую я складывала свои украшения.

Надев амулет, внезапно вспомнила, что именно он и привел меня в этот дом.

— Брай, можно тебя на минутку! — крикнула я.

Брайан появился сразу же с вопросительным выражением на слегка встревоженном лице.

— Ты чего? Орешь, словно паука увидела.

— Не боюсь я пауков, — отмахнулась я. — Но ты сейчас снова посчитаешь меня чокнутой.

— Тоже мне, новость, — фыркнул Брайан.

Я проигнорировала его небрежный выпад в мой адрес.

— Иди сюда и посмотри, — приподняла талисман, висевший на шее, и поднесла его к самому носу друга.

Он непонимающе уставился на подвеску, потом посмотрел на меня.

— И, правда — чокнутая, — осторожно сказал он, нахмурившись.

— Посмотрел? А теперь гляди туда, — я указала пальцем на стены, бордюры которых были украшены аналогичным узором.

Брайан некоторое время скептически изучал стены, явно не понимая, о чем я пытаюсь ему втолковать. Потом на лице его отразилось напряженное озарение, он снова глянул на амулет, потом на стену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хочешь сказать... — начал он.

— Ничего пока не хочу сказать, — прервала я его. — Это еще не все. Иди за мной.

И я потянула его за руку.

Тщательное изучение навесов на ставнях и входной двери окончательно ввели Брайана в

ступор. Он хмыкал, почесывал макушку, глубокомысленно поглаживал подбородок. И молчал.

— Не знаю, что и сказать, — наконец, изрек он. — Сходство рисунка и стиль исполнения очевидны. Но...

— Но как это объяснить? — добавила я. — Вот и мне стало интересно.

— И когда ты это заметила? — поинтересовался Брайан.

— Недавно, — уклончиво ответила я.

Не стану же я сейчас объяснять, что именно это странное совпадение и сыграло свою роль в моем решении переехать в этот домишко.

— Надо спросить у Эвлинн, — заявил мой друг. — Она, наверняка, должна что-то знать. Если это вообще что-то значит, и здесь нет случайного совпадения.

«Совпадение не случайное! И точно что-то значит», — едва не выпалила я, но вовремя сдержалась.

— Не думаю, что сейчас подходящее время донимать Эвлинн этой чепухой, — заметила вслух. — Но попозже, когда у нее все наладится, обязательно спросим.

По взгляду Брайана поняла, что он озадачен моими откровениями. Он задумчиво косился на меня, но молчал.

А мне ощутимо полегчало, когда я озвучила эту «странность», переставшую вдруг быть странностью.

Жизнь стала намечаться не просто жиденьким пунктиром, а вполне четкими направлениями и разборчивыми линиями движения, как в географическом атласе обозначаются дороги.

Я впервые за долгое время знала, что и в каком порядке мне следует делать.

А главное, начала понимать, ради чего все происходит.

Глава 25

Впервые за прошедшие после переезда дни я выбралась в город.

Проезжая знакомые улицы, я ощущала себя вполне комфортно. Меня не тянуло назад, не было никакого чувства утраты или дискомфорта от напоминания об очередной вынужденной перемене места жительства.

Странно, но за короткий срок я уже привыкла обитать в пригороде, и переход от прежнего образа жизни оказался практически незаметным. И никаких грызущих сожалений от того, что я с такой легкостью отказалась от квартиры бабушки. Более того, мне нравилась мысль, что теперь моё прежнее жильё принадлежит Кейрану. Это как еще одна невидимая ниточка, связывающая нас.

К Эвлинн мы с Уной не пошли, хотя Брайан и предложил подняться вместе с ним. Оставаясь дожидаться его в машине, мы о чем-то болтали, и я наблюдала, как вдруг изменилась моя юная знакомая, став более расслабленной и непринужденной. Она чаще улыбалась и уже не сутулилась, будто пытается стать незаметнее.

***

Колокольчик на двери магазинчика Эвлинн поприветствовал нас, звякнув коротко и уныло. Заставленный витринами небольшой торговый зал казался странно пустым и безжизненным. На темной деревянной поверхности старого прилавка лежал слой пыли. Пыль же облачком вилась в лучах света, проникавшего сквозь чуть приоткрытые жалюзи на окнах. Все притихло и замерло, будто даже сувениры и безделушки прониклись тяжестью трагедии, случившейся у хозяев.

Мы с Уной остановились, не решаясь пройти дальше, слегка пришибленные тягостными ощущениями, явно чувствуя одинаковую подавленность.

Брайан запер дверь и остановился позади нас.

— Невесело... — проговорил он с горечью.

Я лишь тяжело вздохнула в ответ. Печаль, наполнявшую небольшой торговый залчик магазина, можно было потрогать руками и ощутить ее холод и липкость, проникавшие внутрь и оседавшие в сердце и в душе.

— Ладно, пошли, — тихо скомандовал Брайан и решительно зашагал впереди нас к проему в стене за прилавком, где за плотными шторами скрывалась приватная зона магазинчика.

В прошлый раз мне здесь показалось очень уютно. Как ни странно, но и сейчас это ощущение возникло, едва мы вошли в погруженное в полумрак помещение с диванчиком и старым буфетом, со стоящими на нем микроволновкой и электрическим чайником.

Брайан включил свет, и я осмотрелась. Здесь все было по-прежнему: стеллажи, заставленные коробками и занавешенные тканью, аккуратно сложенный плед и маленькая подушка на диване.

На столике, за которым мы прошлый раз сидели и пили чай с вкуснейшим кексом Эвлинн, сейчас лежал ноутбук и черная папка.

— Девочки, вы присаживайтесь или делайте, что хотите, а мне надо кое-чем заняться. Дела у магазина идут совсем паршиво, — сказал Брайан, усаживаясь за стол и открывая крышку ноутбука.

В наступившей тишине раздался тихий голос Уны.

— А можно я посмотрю там, — она указала рукой в сторону торгового зала.

— Да, конечно, — отозвался Брайан, глядя на девушку через плечо. — Смотри что хочешь, чувствуй себя свободно. Считаю, что магазин открыт сегодня только для тебя, — он коротко улыбнулся ей.

Уна смущенно кивнула и вышла.

— Эвлинн решила продать магазин, — проговорил Брайан равнодушно, будто сообщал, сколько сейчас времени.

Я едва не подскочила от неожиданности.

— Нет! Не может быть...

— Да. Еще как может. Не до него сейчас. И дальше, скорее всего, будет не до бизнеса. Работать здесь одной тяжело, нанимать кого-то — не по карману. Сыну Эвлинн, Финну... — Брайан запнулся, вздохнул, — скорее всего, потребуется постоянный уход. Последствия у травмы тяжелые, впереди у парня долгая реабилитация.

— Это уже точно? — спросила я.

— Пока трудно сказать точно, но врачи осторожно, но настойчиво подготавливают Эвлинн к такому варианту.

— Не знаю... зачем загадывать... — проговорила я. — Лишь бы выжил...

— Согласен, — кивнул Брайан.

Он говорил, щелкая по клавиатуре ноутбука и поглядывая на экран. Прервался, повернулся ко мне.

— Слушай, а здорово, что вы увязались со мной, — он улыбнулся, — без вас я бы тут спекся. Точно.

— Не спекся бы, — я подошла и встала за спиной Брайана, кладя руки ему на плечи, а подбородок на вихрастую русую макушку. — Ты же кремень, на тебе сейчас все держится. Тебе спекаться никак нельзя.

— Ага, давай, озадачь меня еще больше. Навали ответственности и поддай боевого духа.

— А зачем? Ты и сам всегда с этим здорово справляешься.

Брайан усмехнулся, взял мои руки, лежащие у него на плечах, потянул их и скрестил у себя на груди. Я прижалась щекой к его теплой макушке, пахнувшей солнцем и чуть-чуть шампунем, и замерла, чувствуя под ладонями сильное и ровное биение его сердца.

Брайан повернул голову, поцеловал меня в плечо и ласково похлопал по руке, то ли благодаря, то ли успокаивая. В нашем объятии не было ничего чувственного, а просто теплота, надежность и взаимная поддержка.

Тихий вздох, раздавшийся за спиной, заставил меня быстро обернуться.

Уна стояла, ухватившись за отодвинутую занавеску, и смотрела на нас глазами потерявшегося олененка. На лице ее была написана такая откровенная растерянность, что мне стало неловко.

Я отстранилась от Брайана, а он скользнул рассеянным взглядом по застывшей девушке, и как ни в чем не бывало, снова вернулся к компьютеру. В напряженной тишине раздались негромкие щелчки кнопок клавиатуры.

— Я...эмм, простите, — пробормотала девушка, развернулась, и быстро исчезла за шторкой, вернувшись в торговый зал магазинчика.

Я направилась за ней. Уна стояла у небольшой витрины в виде стеклянного куба, где были разложены деревянные и металлические пуговицы и пряжки, украшенные искусной

резьбой в традиционном кельтском стиле.

— Что-то понравилось? — спросила я, подходя ближе.

Только задав вопрос, я поняла, что прозвучал он довольно двусмысленно. Уна не обернулась ко мне, стояла напряженная, сцепив руки за спиной.

— Понравилась. Вон та деревянная пряжка с Древом жизни, — ответила она ровным голосом.

— Да, и правда, выразительная вещь, — согласилась я, заглянув из-за плеча Уны. — И такой эффект состаренности, потертости. На джинсах будет здорово смотреться. Давай спросим у Брайана, может быть можно ее прямо сейчас приобрести.

— Ой, нет, нет! Не стоит, — замотала головой Уна.

— Почему? Это же нетрудно — спросить, — сказала я. — А если у тебя с собой денег нет, так я тебе одолжу. В счет будущей зарплаты. Так как?

Я заглянула ей в лицо — румянец без следа растаял на гладких щеках моей юной знакомой. Она стояла бледная, погасшая, с упрямо сжатыми губами.

Тут меня что-то дернуло.

— Уна, хочу рассказать тебе одну байку, после которой ты, возможно, сочтешь меня ненормальной, — обращаясь к ней, я сама еще толком не понимала, чего хочу пояснить.

И кому — себе или ей?

Взгляд моей юной знакомой снова стал, как у испуганной лани, она напряжинилась, словно готова была свернуться в клубок или наоборот, броситься бежать.

Я взяла в руку амулет, висящий у меня на шее и, положив его на ладонь, подняла повыше.

— Вот эту вещь мне недавно подарила Эвлинн, владелица этого магазина, — сказала я. — И эта безделушка уже успела сыграть в моей жизни странную, но очень значительную роль. Веришь, что такое может быть?

Уна нахмурилась, и какое-то время молчала, переводя настороженный взгляд с амулета на меня.

— Верю, — ответила она, наконец. — То есть, я не суеверная, но что-то такое, наверное, есть.

— Точно, — подтвердила я. — Что-то такое есть. И мне иногда кажется, что мы не просто не умеем, а не хотим это замечать вокруг нас.

Я сделала паузу, перед тем, как сказать то, что не говорила еще никому, даже самым близким друзьям.

— Так вот эта вещьца... вроде как подсказала мне кое-что, что подтолкнуло принять одно важное решение. И теперь я рада, что не отмахнулась об казавшихся бредовыми мыслей. Иначе со мной не произошли некоторые очень значимые события. Например, я бы не познакомилась с тобой.

При этих словах Уна вскинула на меня ясный взгляд, моргнула и смущенно затеребила волосы, стянутые в хвост на затылке.

— И в моей жизни не было бы сейчас одного очень важного для меня человека, — продолжила я, глядя на свою молчаливую собеседницу.

Та едва заметно вздрогнула и опустила мгновенно померкшие глаза, явно ожидая, что сейчас я скажу что-то, что навсегда разобьет ее юное сердце.

— По сути дела получилось, что если бы не эта подвеска, то в моей жизни не появился бы Кейран, — сказала я. — Ты с ним встречалась вчера у меня дома.

— О, — коротко выдохнула Уна, — да, я помню, конечно. Он такой... высокий и очень вежливый, и серьезный. И немножко... хмурый, — простодушно выпалила она и замолчала в смущении, решив, видимо, что сболтнула лишнего.

— Ну, вообще-то он не хмурый, скорее, сосредоточенный. — усмехнулась я. — Возможно... — тут я поняла, что не могу подобрать слов, чтобы, не вдаваясь в очень личное, пояснить что-то этой юной девочке.

Ведь при первой, да и при последующих встречах Кейран и мне показался мрачноватым и отстраненным. И хмурым. Он, наверное, и был таким. Но ведь не со мной.

Иначе как можно произносить это «сладкая моя» таким тоном, каким говорил он?

Очередным нервным смешком я подавила волну жара, от которого перехватило дыхание.

— Возможно, это такой способ существовать. Ну, знаешь, когда надеваешь маску, за которой чувствуешь себя более или менее безопасно, — сказала я. — Мы все такие маски носим. Кто постоянно, а кто время от времени.

— Да, наверное, так и есть, — согласилась Уна.

— И иногда абсолютно напрасно прячем лучшее, что в нас есть. И наши чувства, которые порой ни в коем случае не стоит прятать. Но только от тех, кому они предназначены. Ведь можно пожалеть, что нечто важное так и останется невысказанным, — я посмотрела на девушку, решив, что на этом моя миссия доморощенного философа закончена. Я сказала Уне все, что хотела и могла сказать.

Храня молчание, мы обошли магазинчик, разглядывая сувениры и размышляя каждая о своем.

— Пойдем-ка, посмотрим, что там Брайан притих, — наконец, сказала я и направилась в подсобку. Уна послушно двинулась за мной.

Брайан сидел, уставившись в экран компьютера, и барабанил пальцами по папке, лежащей под левой рукой. Лицо его выражало крайнюю степень уныния.

— Брай, — обратилась я к нему. — Какая-то проблема?

— Проблема? — ворчливо буркнул Брайан. — Почему в единственном числе? Тут не проблема, а проблемы. И бухгалтерия эта, мать ее! Я в этом ни хрена не смыслю. Баланс надо делать, а Эвлинн, сама понимаешь, сейчас не до этого. Я вот решил помочь...

— А разве Эвлинн не прибежала к помощи квалифицированного бухгалтера? — спросила я.

— Нет, такие услуги им не по карману, — вздохнул Брайан, — они с Питером все делали сами.

Он небрежно полистал папку, мотнул головой в сторону экрана ноутбука.

— А для меня здесь темный лес, — он сокрушенно покачал головой. — Думал, разберусь. Чего здесь сложного — актив, пассив, дебет, кредит. Но посмотрел и понял, что скорее напортачу, чем помогу.

— Дай взгляну. Можно? — неожиданно для себя сказала я.

Мне приходилось вести финансовые документы в то время, когда у нас с мужем был свой бизнес. Я, конечно, не профи в этом вопросе, но кое-что соображаю.

— Да пожалуйста, — оживился Брайан. — Гляди сколько угодно. Может что-то и выглядишь.

Он с грохотом отодвинул стул и отскочил от компьютера, как от зараженного проказой. Я уселась на его место и углубилась в информацию, открытую на экране.

Пока я изучала положение дел в семейном бизнесе Питера и Эвлинн, где-то на периферии внимания маячили Брайан и Уна, поначалу стоящие столбами, а потом начавшие подбираться к дивану, где в итоге оба и оказались, усевшись рядом и приняв снова вид застывших изваяний. Потом что-то там у них оттаяло, и под их тихое чириканье я потихоньку вникла в ситуацию с делами в магазине. Не знаю, о чем говорили мои спутники, но мимолетный взгляд на Уну подсказал, что никакой особой неловкости она сейчас не испытывала. Кажется, и Брайан тоже.

— В общем и целом ничего здесь особенного нет, — объявила я. — Если хочешь, я могу сделать черновик баланса. Ты его покажешь Эвлинн, и если она одобрит мое вмешательство, то я все доделаю набело.

— О, Боже, Хейз! — Брайан воздел руки к потолку. — Сделай, прошу тебя, моя фея, сделай!

— Я не фея, — проворчала я, видя, как притихшая на диванчике Уна тихонько наблюдает за Брайаном. — И никакого волшебства здесь нет, одна суровая необходимость уметь считать. Когда это нужно? — я кивнула на монитор ноутбука.

— Уже вчера, — сообщил Брайан. — Но ты сделай, когда сможешь, — и добавил, виновато поглядывая на меня, — в ближайшее время.

— Завтра устроит?

— Самое оно!

Брайан пружиной взвился с дивана, шагнул ближе и, стиснув мои плечи, наклонился ближе.

— Что мне это будет стоить? — тон шутливо-вкрадчивый.

— На обратном пути заведешь на цветочный рынок и еще кое-куда, — не колеблясь ответила я.

— Да легко! И всё?

— Там видно будет, — серьезно ответствовала я. — Но вообще-то, это я тебе должна, а не ты мне.

— Вот это ты брось, — Брайан выпрямился и с укором посмотрел на меня. — Другьям негоже считаться.

— Так сам же о цене спрашиваешь.

Пока мы вели наше легковесное дружеское пикирование, Уна сидела на диванчике, притихнув и опустив глаза.

— Кстати, Брай, а там, в зале должна сейчас работать камера видеонаблюдения? — спросила я.

— Нет. Все отключено. Только сигнализация в активном режиме. А что?

— А то, что у камеры горит огонек, — бессовестно соврала я. — Убедись сам.

Брайан, как фрегат под парусами, двинулся в торговый зал с озадаченным лицом. Я пошла за ним.

— Ну, и где огонек? — громко спросил он. Остановился, задрал голову и уставился в угол, где была укреплена маленькая камера.

— Да вон же! — также громко ответила я.

Тут же поймала его за шею, наклонила к себе и быстренько прошептала кое-что на ухо. Брайан посмотрел на меня недоверчиво-вопросительным взглядом.

— Да с какой стати?! — начал, было, он возмущаться, но я быстро приложила палец к его губам.

— Просто сделай это, — прошипела я в удивленное лицо парня.

— Ты палку не перегибаешь? Сделай сама! В чем вопрос-то? — прошептал Брайан.

— Но тебе же это не трудно, ведь правда? — не сдавалась я, сделав ударение на слове «тебе».

— Ты точно, чокнутая, — почти беззвучно изрек Брайан и поморщился. Откровенно так поморщился, чтобы я однозначно поняла его мнение о своей просьбе.

— Ну и ладно, — также тихо ответила я, развернулась и отправилась обратно в подсобку.

***

На обратном пути мы сначала заехали в торговый центр, где я накупила множество нужных мелочей для дома. И кое-что для себя.

На цветочном рынке Уна оживленно помогала мне выбирать комнатные растения.

— Вот, возьмите хойю, — сказала она, указывая на растение с гладкими, будто восковыми листьями. — Этот вид будет цвести симпатичными цветочками, которые приятно пахнут. И особого ухода оно не требует.

— Вот это как раз по мне, — отозвалась я. — Я, признаться, забываю поливать цветы.

— Тогда и вот это растение точно для вас, — Уна подвела меня к пышному кустистому цветку, с торчащими вверх широкими листьями сочного зеленого цвета. — Это растение называют чугуном. Оно все что угодно пережить может. Даже отсутствие внимания хозяйки.

— Ну, совсем без внимания не останется, — смело заявила я. — Поливать и подкармливать иногда я все-таки буду.

***

Вернувшись домой и, оставшись, наконец, одна, я разобрала свои покупки. Потом на кухонном столе разложила ноутбук Брайана и углубилась в бухгалтерию магазинчика.

Каким-то непонятным образом таблицы и цифры балансового отчета стали выстраивать в моем разуме неожиданные параллели. В голове потихоньку складывался каркас идеи, которая на стадии первичной сборки казалась мне бредовой и неуместной. Но отказываться от нее я не собиралась.

Мысль все зудела и зудела, приобретая конкретные очертания.

Почему бы мне не попробовать стать партнером в бизнесе Эвлинн и Питера? Да, прямо вот так, откровенно и дерзко, предложить себя, не пойми какую, им в деловые компаньоны.

Ознакомившись с тем, как обстоят дела в магазине, я прикинула, что той части средств, которая осталась у меня от продажи квартиры, вполне могло хватить для осуществления внезапной идеи.

В этом случае мне, конечно, не видать скорого завершения процесса обустройства в доме. И много от чего придется отказаться. Но стоило попробовать.

Первым делом этой стихийной идеей мне захотелось поделиться с Кейраном.

***

Тайная надежда на то, что этот день и в самом деле станет последним съемочным днем в стенах усадьбы Морин, похоже не оправдывалась.

После съемок и обсуждения идеи сделать фотосет в стиле Гарри Кларка, группа ушла на перерыв. Все разбрелись кто куда — кто перекусить, кто покурить, кто просто расселся на террасе первого этажа, греясь в теплых солнечных лучах. После раздражающего искусственного освещения солнце приятно ласкало и казалось живым. И факт, что сейчас

установилась чудесная погода, только подтверждал необходимость скорее выбираться на натурные съемки.

Кейран по своему обыкновению прихватил кружку кофе и стоя возле стола с компьютерами и прочим оборудованием, просматривал отснятый материал.

В отличие от предыдущих фотосетов, когда ни к одному кадру невозможно было придраться, сейчас он замечал не самые удачные снимки. Не самые удачные в каком-то малопонятном смысле. Они ему не просто не нравились. Он даже не смог бы сразу сказать, что именно в них было не так. Но кадры озадачивали, и порой необъяснимо раздражали.

Сегодняшний день начался очень рано. До начала съемок Кейран заскочил к деду и задержался у него дольше, чем позволял жесткий график. По дороге на съемки планировал еще заехать в банк и забрать из ячейки карты памяти с отснятым материалом, но уже не успевал это сделать. А следовало отправить уже кое-что Лоре в издательство ВТ, чтобы она посмотрела сама и показала снимки дизайнерам.

С того момента, как он сегодня вошел в дом Морин, Кейрана не покидало ощущение будто муравей пробрался ему за шиворот и ползал по спине

Может, права была Шона, когда что-то такое говорила.

Кстати, Шона все не объявлялась, и, наверное, стоило уже оставить ее в покое, уважая столь явное нежелание бывшей подруги общаться и вообще выходить на контакт. И каким бы циничным это не казалось, но Кейран готов был помочь девушке окончательно порвать прежнюю связь, понимая ее стремление отдалиться. Ведь и сам он желал того же.

Ему тоже больше всего хотелось сейчас бросить все и уехать куда-нибудь подальше, взяв с собой только ту единственную, которая захватила все его мысли и желания. Кейран ежеминутно порывался позвонить Хейз. Спросить, как она себя чувствует. Услышать в её голосе, что она всё ещё с ним и между ними всё именно так, как он думал.

Рано звонить не стал, понимая, что Хейз выставила его вчера не просто из-за каприза. Она, в самом деле, вымоталась. После всего, после горячего марафона, что он устроил ей. Пусть выспится, обдумает. Привыкнет к мысли о том, что происходящее с ними — не случайность. Это то самое, чего все ищут, о чем грезят. И что мало с кем происходит.

Приехав на работу, он все-таки пожалел, что так и не позвонил Хейз раньше. Не обмениваться фразами на бегу, в спешке, перемещаясь от деда на работу, или из дома Морин, когда вокруг толчея и суета и десятки любопытных глаз и ушей, ему отчаянно не хотелось.

Кейран послал два сообщения и теперь места себе не находил от того, что ни на одно из них она не ответила. И правильно сделала. Поделом ему. После всего того, что было сообщения не шлют.

Как только мысли в очередной раз снова унеслись к Хейз, он не утерпел; аккуратно отложил камеру, вытащил из кармана айфон и... снова быстро набрал текст.

«Сладкая, ты не ответила ни на одно мое сообщение. Нечего сказать?»

Ответ пришел почти сразу: «Сказать есть что. Нечего написать».

Кейран почувствовал досаду и в то же время облегченно выдохнул, чувствуя, как губы невольно растягиваются в улыбке. Они, похоже, настроены на одну волну. Ему уж точно хотелось вовсе не обмена текстовыми «зарисовками».

Хотелось быть с ней. Прикасаться, обнимать, вдыхать, ласкать везде и всеми возможными способами. И целовать, уже зная, каким будет ее вкус на его губах и языке — сладкий, тающий, как нежное лакомство, оставляющий волшебное послевкусие. И не

отпускать от себя ни на шаг, понять, наконец, и поверить, что она рядом — настоящая, и только его.

И упиваться этой мыслью вновь и вновь...

Он позвонил ей. И пока говорил, сотню раз словно переместился из одного мира в другой. То полностью отключился от действительности, и слышал только голос Хейз и ее тихое дыхание. И самозабвенно, словно пьяный, не помня себя, шептал всякие словечки.

То вмиг протрезвел, когда услышал этого ее приятеля, который мог вот так запросто заявиться к девушке в любое время.

А потом снова уплыл в какой-то астрал, где были только они двое, и Кейран вообще почти забыл, где сам находился.

Окончательно его вернуло в реальность то, что он очередной раз ощутил дискомфорт. Убирая телефон, повернулся и тут же встретился с пристальными янтарными глазами Морин. Женщина стояла поодаль и вряд ли слышала, что он говорил, но открыто наблюдала за ним.

Не то, чтобы его это смутило, но откровенно напрягло. Кейран ответил таким же прямым взглядом и теперь следил, как она идет к нему своей невероятной походкой, грациозно покачивая узкими бедрами.

— Кейран, вы простите, что я так уставилась на вас, — подойдя к нему, сказала Морин. Словно догадалась, о чем он думал. — Я просто хотела спросить о Шоне.

— Шона больше не работает со мной.

— Я в курсе этого. Она ведь была у меня и сказала, что вы... расстались, и она планирует уехать.

— Да, я знаю, — отозвался он сухо.

— Ох, Кейран, я и не думала лезть в ваши личные дела, — искренне рассмеялась Морин. — Не смотрите на меня так сурово, я ничего не пытаюсь выпытывать у вас. Я лишь хотела узнать, как там Шона. Эта девушка мне понравилась, и я немного волнуюсь. В последний раз, когда мы виделись, она казалась расстроенной. Знаете, мы даже немного выпили, и мой водитель потом отвозил ее домой. А нас следующее утро отогнал ее машину, но саму Шону не видел. И я больше не могла с ней связаться.

Кейран молча слушал, глядя на стоящую перед ним женщину. И поймал себя на мысли, что, несмотря на ее необыкновенную красоту, она выглядит какой-то... ненастоящей. А может быть, это именно из-за ее красоты? Ведь как фотохудожник, Кейран умел выделять и замечать прекрасное в самом обыденном. А в Морин все было нарочитым, чрезмерным. Но вела она себя более чем естественно и непринужденно. Когда говорила, ее хотелось слушать. Когда смеялась, хотелось смеяться вместе с ней.

Сейчас рыжеволосая красавица просто улыбалась, и в ее улыбке и голосе Кейран не замечал и тени кокетства или жеманства.

— И мне, честно говоря, очень жаль, что вы расстались, — добавила Морин совершенно серьезно. — Вы такая красивая пара. На вас было приятно смотреть.

Наверное, его лицо что-то такое отразило, что женщина моргнула, пряча улыбку, покачала головой.

— Все, — сказала она, подняв вверх обе руки в изящном жесте, словно сдаваясь, — все, Кейран, я больше ни слова не скажу. Расслабьтесь, можете не прятаться снова за свое забрало.

Она чуть склонила голову на бок, янтарный взгляд стал острее.

— Ну, вот как с вами общаться, когда вы так явно закрываетесь и так однозначно даете понять, чтобы от вас отвалили?

Кейран пожал плечами, в глазах его мелькнула тень улыбки.

— Я открыт для диалога, — сказала он. — В любое время дня и ночи. Но не всякая тема может стать предметом общения.

— О, ну, конечно, — кивнула Морин. — Уверена в этом.

— Вот, кстати, тема для общения. Думаю, нам нужно кое-что изменить в графике съемок, — сказал Кейран, ловя себя на том, что озвучивает идею, которая срывается с языка, еще толком не оформившись в голове. Просто ловит момент. — Надо воспользоваться тем, что установились погожие дни и провести натурные съемки. А все оставшиеся тематические фотосеты, мы перенесем на потом. Как смотрите на это, Морин?

— Положительно смотрю, как же иначе. Тем более что прекрасно отдаю себе отчет в том, что ничего не смыслю в специфике вашей работы. Предпочитаю прислушиваться к мнению профессионала, — ответила она. — Давайте перебираться на природу, в самом деле.

Она снова пристально посмотрела на Кейрана, потом одарила его лукавой улыбкой.

— К тому же, у меня не проходит чувство, что вы всеми силами пытаетесь побыстрее покинуть стены моего дома. Словно вас здесь что-то угнетает.

— Не стану отрицать. Павильонные съемки люблю менее всего, — не колеблясь, ответил молодой человек.

— Понятно. Скажите, а вы уже отослали Лоре что-то из отснятого материала?

— Как раз собираюсь это сделать.

— Не спешите, — махнула рукой Морин. — Я не далее, как вчера созванивалась с ней. Лора не подгоняет нас и особо не волнуется. Мы укладываемся в сроки, даже с запасом. Она лишь просит, чтобы мы успели прислать ей что-то к августовскому номеру, где будет статья обо мне и анонс будущего альбома.

— Да, я помню, мы все это обговаривали, — отозвался Кейран. — Я отошлю ей материалы в ближайшие дни. Хотите обсудить, что именно представить лучше?

— На ваше усмотрение, — отозвалась Морин. — Целиком и полностью полагаюсь на ваше профессиональное чутье.

— Благодарю за доверие, — усмехнулся Кейран.

— О, вы даже не представляете, как высоко зарекомендовали себя в моих глазах! — воскликнула Морин, улыбаясь.

Кейран отметил, что на этот раз улыбка женщины не затронула ее янтарных глаз.

Неприятный холодок снова пробежался по позвоночнику, но сейчас ощущение отозвалось в сознании вполне четко и определенно. Как ответ на сложную задачу, которую долгое время не удавалось решить ни одним из известных ему способов.

Держись. От неё. На расстоянии.

Вряд ли здесь сработала какая-то неопределенная муть, типа предчувствия. В это он не верил. Только рассудок и очевидность происходящего в нем самом и в окружающем пространстве могли диктовать ему условия задачи.

Как бы там ни было, но именно творившееся внутри его сознания дало понять, что Морин явно не из тех, с кем он стал бы поддерживать тесное общение, если бы не профессиональный интерес. Пропади он пропадом, этот интерес. Это как мчаться по какой-то дистанции в горящих ботинках. Обутым и не пострадавшим точно добежать не успеешь.

Что-то неприятно царапнуло внутри. Кейран проглотил гнусное ощущение и сразу же подумал о Хейз.

Она. Только она была важна. Больше никто и ничего. И будь он проклят, если упустит это и станет жить, как жил до встречи с ней, в режиме экономии всего на свете — чувств, эмоций, доверия и необходимости делиться этим всем с кем-то еще.

Если ценой того, чтобы быть с Хейз станет для него потеря всего, кроме нее, то он готов. Он готов до скончания веков трудиться, кем угодно, хоть чернорабочим, и делать только любительские снимки для их семейного альбома. Но Хейз он не упустит, не отдаст.

Почему вдруг эти мысли вломились в его голову? Словно какие-то едкие сомнения взяли штурмом его уверенность.

Самовыражение не его самоцель, это точно. Он просто делает, что умеет и зарабатывает этим себе на жизнь. Никакого честолюбия (ну, может самую малость).

Амбиции? О, они имеются! Этого он не отрицает. Но амбиции, как температура при гриппе — стимулируют ответную реакцию иммунной системы организма на влияние «вируса» тщеславия. Случаются приступообразно, и с ними Кейран научился справляться.

Что-то выстраивалось на сегодняшнем этапе его жизни, что ни обойти, ни проломить было нельзя. Можно только прожить, пройдя сквозь все жернова. Но если рядом будет Хейз, то он готов к чему угодно. Разве что это не заденет, не ранит, не вынудит чем-то пожертвовать её саму.

И как долго он сможет сдерживать распирающую сознание и взрывающую мозг потребность сказать, что любит ее?

Как никогда и никого не любил.

Он сдерживал эти рвущиеся слова только от того, что страшился оттолкнуть Хейз.

Вдруг она еще не готова слышать их от него?

Вдруг попросту не нуждалась в этих словах?

И вот это пугало больше всего.

Глава 26

«От женской красоты казанок не закипит, но и без нее не наполнится».*

Поговорка крутилась и крутилась в моей голове. Кажется, мой «казанок» точно скоро закипит, если я не перестану постоянно думать о Кейране.

Мне обещано «явление в ночи», когда предположительно должна уже буду спать, как прекрасная Принцесса в башне («глупая-глупая плинцесса!»).

Глядя сейчас на себя в зеркало в ванной, я вспомнила Фиону из мультика про Шрека. Как она возлежала, притворяясь спящей, когда ее пришел спасать «прекрасный принц». Но больше ощущала себя той ипостасью мультяшной героини, в которую она превращалась с заходом солнца. Страшненький такой огр. Не буквальное, конечно, нет. Волосы у меня не рыжие, уши в трубочку не закручены. Да и не настолько я пышная (хотя излишества явно имеются в кое-каких местах).

Сходство было в том, что к вечеру этого бесконечно длинного, насыщенного переживаниями дня, я была сама на себя не похожа. Волосы всклокочены, бледная, под глазами темные круги. Вся какая-то померкшая и потухшая, словно пыльные мешки ворочала. И при всем этом — шальной взгляд, будто перебрала энергетиков.

Хорошо бы полежать в горячей ванне, расслабиться. Но ванны у меня нет, и расслабиться данным способом не представлялось возможным.

Вооружившись некоторыми верными и испытанными не раз средствами, которые приобрела сегодня, решив себя побаловать, я встала под крепко секущий усталое тело, обжигающий душ.

Шампунь и кондиционер для волос, нежный крем-гель для тела с ненавязчивым ароматом, к которому добавила один «секретный ингредиент» — немного натурального меда. Щедро нанести, тщательно растереть, чуть подождать и смыть.

«Принцессы» должны быть выше всего земного и прозаического. Они не могут уподобляться простым смертным. Особенно принцессы, потерявшие голову из-за прекрасного принца. Но ирония такова, что и царственные особы обрастают лишними волосами в самых разных местах, а также страдают прочими несовершенствами брэнной телесной оболочки.

Но разве все эти мелочи могут помешать прекрасным принцам обожать своих принцесс?

Вопрос был интересным, но искать ответа опытным путем мне сейчас совсем не хотелось.

Бороться с вышеупомянутыми недостатками, конечно, утомительно, но возможно. Посему к финалу моих косметических ухищрений я представляла собой вполне удобоваримый образец женской привлекательности с солидной долей уверенности в себе.

Не знаю, какой я должна была быть для Кейрана. Что понравилось ему во мне? Какой он меня видел или хотел видеть? Такой ли, какой я была на самом деле, без искажений от раскаленного марева похоти, без слепоты от эйфории первой жадной близости.

Как скоро ждать охлаждения и прозрения?

Мысль быстренько погасила огонек уверенности и вызвала панику. Но кроме этого, как ни странно, пробудила яростное нежелание притворяться и прибегать к различного рода

ухищрениям, маскирующим истину.

Мне вдруг захотелось рассказать Кейрану о себе все. Ну, или почти все.

Наверняка, ему, как и всякому творческому человеку, рядом нужна Муза. А не щедро одаренная телесными округлостями и приземленными проблемами обычная женщина, не имеющая ни малейшего представления, как нужно вдохновлять.

Но, кажется, я слишком далеко залезла в своих размышлениях и самокритичных экзерсисах. Пора остановить этот бег впереди паровоза.

Всё ведь только начиналось...

...Я бы разожгла камин и оставила его горящим, чтобы потом, в ночи, теплые отсветы затухающего пламени, а затем и медленно остывающих углей придавали комнате особую, волшебную атмосферу.

Но было слишком тепло, чтобы растапливать камин.

Я бы постелила новое постельное белье на широкую удобную кровать и зажгла свечи или красивый ночник.

Но кровати у меня не было, а был только диван. Не самый узкий, и достаточно удобный, но явно не предназначенный для того, чтобы на нем с комфортом могли свободно расположиться двое. Отрубиться без сил на какое-то время, тесно прижавшись друг к другу — да. Но никак не отдыхать глубоким здоровым сном.

Из реально возможного оставалось надеть красивое белье, улечься и принять изящную позу, притворяясь Спящей красавицей в ожидании принца.

Я покопалась в коробках, нашла старую рождественскую гирлянду. Простенькую, с малюсенькими лампочками всего двух цветов — белыми и желтоватыми. В далекие времена моего детства эту гирлянду бабушка вешала на небольшую искусственную елку, которую наряжала только ради меня и только тогда, когда я приезжала к ней на зимние каникулы.

Гирлянду я аккуратно обернула вокруг горшка с чугунным растением, занявшим место на полу у окна в гостиной. Раз растение так зовется, то не будет возражать против превращения в импровизированный торшер и спокойно выдержит нетрадиционное с ним обращение.

Включив гирлянду, любовалась результатом. Эффект получился неожиданно интересный — неяркие лампочки подсвечивали крупные развесистые листья, создавая ненавязчивое рассеянное освещение.

Я постелила на диван чистое постельное белье. Не новое, но симпатичное.

Надела красивую сорочку, шелковую, нежного кремового цвета. Погасила в гостиной свет и улеглась, не забыв принять изящную позу.

И... вырубилась почти мгновенно, только и успев понять, что засыпаю и ничего не могу с этим поделать.

***

...Я стояла у кромки леса. Густого, темного и безмолвного. Древние деревья возвышались сплошной стеной, закрывая небо. Сквозь такую чащу невозможно пробраться, но нельзя и обойти или повернуть назад. Невидимая, неизвестная, но единственно возможная дорога вела только через лес. Туда, где ждало что-то очень важное.

И я пошла вперед, продвигаясь медленно и осторожно.

Вокруг сумрачно и так тихо, что казалось, все звуки просто умерли. Ни шума ветра, ни шороха листвы, ни пения птиц или жужжания и стрекота насекомых.

Я не слышала собственных шагов, треска сучьев под ногами и наступала на что-то

мягкое, слегка пружинящее, как толстый слой резины. Это мох, густой и плотный. Он везде: сочно-зеленым одеялом покрывал почву, заползал на стволы растущих и поваленных деревьев, на пни и кочки.

Лес застыл и замер, и чьи-то невидимые глаза наблюдали за моим продвижением. Эти глаза стары, как сам древний лес, а, может быть, и как весь мир. Они везде, словно воздух, и от них не укрыться.

Я шла не спеша, но уверенно, и вскоре стало казаться, что деревья незаметно расступаются передо мной, будто давая понять, что я перемещаюсь в правильном направлении.

Немного тревожно, но страха нет, и есть уверенность, что все так и должно быть.

Внутри меня зарождалось что-то. Сначала слабо, трепеща, как нити паутинки на ветру, как едва слышное эхо отдаленного зова. Затем все сильнее, по мере того, как я приближалась к чему-то.

Вместе с моими внутренними ощущениями стал оживать мир вокруг. Лес наполнялся звуками, запахами, движением воздуха. Высоко над сплетенными кронами деревьев ярко светило солнце, а, здесь, в гуще леса царили тень и прохлада.

Я медленно шла, все сильнее чувствуя волнение, предвкушая встречу с чем-то. Или кем-то. Я видела, слышала, ощущала, как все вокруг пронизано этим ожиданием.

Кожи касались мягкие листья и ласковое дуновение ветра.

Ноги сами несли вперед, бархатистый мох ласкал ступни, создавая ощущения безопасности. Обманчивое или истинное? Сейчас это совсем не важно.

Впереди была цель. И, прокладывая неизвестный путь, я двигалась к этой цели.

Неожиданно заросли расступились, и передо мной возникла небольшая поляна. Деревья стояли вокруг, словно охраняя этот потайной уголок в самом сердце леса. Здесь солнце проникало сквозь кроны, создавая причудливый узор из льющих сверху лучей и кружевной тени.

Игра тени и света занавесом опускалась на громоздкое сооружение, расположенное в центре поляны, как и все в этом лесу, укрытое толстым мшистым «одеялом». Кое-где в плотном покрытии из мха образовались словно бы прорехи, и в них видна потемневшая от времени, серая каменная поверхность.

Это — лежащий кромлех.** Один из тех, что называют «ложем Диармайда и Грайне»***. Очень старый, разрушенный временем, но ревностно хранимый лесом.

Вертикальные гигантские камни вросли в землю настолько, что верхняя плита действительно стала чуть покосившимся «ложем», достаточно низким и широким, чтобы на нее забраться без труда и растянуться во весь рост.

Что-то звало довериться древнему камню, хранящему свои тайны. Прилечь, чувствуя себя в полной безопасности и устремить взгляд вверх, туда, где над кронами вековых дубов сияет солнце, а легкие облака движутся по голубому небу.

Я подходила ближе, не в силах отвести глаз от излучающего мощную притягательную энергию мегалита. Кожа начала пылать, в груди зарождалось знакомое волнующее чувство сладкого томления, волнами расходящееся по всему телу.

Я подошла совсем близко к каменной плите, коснулась поверхности рукой. Под ладонью мох ощущался как бархат, он мягкий и сухой, слегка нагретый солнцем, проникающим сквозь ветви. Искушение сильнее меня, я не заметила, как присела на край плиты, и с наслаждением растянулась на ней. Глаза закрылись, обостря остальные чувства,

делая восприятие более тонким и глубоким.

Кружево, сплетенное из солнечных лучей и мягких теней, окутало невесомым покрывом, лаская кожу. Это как самые нежные поцелуи, они то теплые, почти обжигающие, то вдруг становились влажными и прохладными, как легкое дуновение свежего ветра.

Жар и влага прикосновений переместилась к груди, заставляя твердеть кончики. Восхитительное кружение по ареолам делали вершинки очень чувствительными, вызвали жадную потребность в продолжение ласк.

Внизу живота невыносимо сладостно тянуло, все ощущения растворялись в крови, начинали движение, захватывая всю меня целиком. Тело послушно выгибалось, подчиняясь накалу желания, бедра раскрывались, и горячие прикосновения солнца, и влажные касания тени перемещались туда...

Я слышала, как бродят соки внутри деревьев, как пульсирует в них жизнь, и это удивительным образом совпадало с моим собственным состоянием. Мое дыхание, сердцебиение, кровоток приходили в гармонию с окружающим миром, достигая полного совпадения и созвучия.

Я знала, что уже не одна. Что никогда не была одна. И никогда не буду...

И снова, откуда-то издалека долетали слова на слегка искаженном, полузабытом языке:
— Beidh Gaoth mo anail... Fuar thiocfaidh chun bheith te do chorp... Te dom...****

***

— Кейран... О, Боже...

— Ш-шш, сладкая моя... тише... не бойся. Это всего лишь я.

Хейз приоткрыла глаза, поднимаясь из глубин своего полусна-полуяви. Она точно уже не одна. Кейран с ней, целует, ласкает. Сухие, горячие ладони мужчины двигались по ее телу.

Как солнечные поцелуи, как кружевной покров, сотканный из света и тени.

...Кейран вошел в дом, наполненный ночной тишиной, и удивительным, растворенным в воздухе покоем.

Знакомые с детства стены, которые долго пустовали, храня свои тайны, дожидаясь, пока время высушит, истончит и развеет все пережитое. Его никогда не тянуло сюда за все эти годы. Но с тех пор, как здесь поселилась ОНА, этот старый дом — многое испытавший и переболевший — теперь стал по-настоящему живым, даже оставаясь все еще неустроенным и пустым.

Хейз крепко спала.

У окна, на полу стоял цветочный горшок, нехитрым способом превращенный в светильник. Неплохо придумано. Рассеянный свет позволял спокойно ориентироваться, и при этом не нарушал зыбкого покоя.

Но Кейрану не нужен покой. Он хотел только Хейз. Руки подрагивали от потребности прикоснуться к ней, от нетерпеливого желания отбросить простыню, под которой обозначались очертания ее тела.

Кейран тихо приблизился к дивану, слушая размеренное дыхание Хейз. Опустился на колени у изголовья и долго смотрел на ее лицо, спокойное, расслабленное во сне. Темные брови вразлет, аккуратный нос, губы, сладость и нежность которых хочется смаковать вечно. Кожа, цветом похожая на спелый, согретый солнцем абрикос. И такая же бархатистая.

Распущенные волосы рассыпались по подушке темным покрывалом, пряди соскользнули вниз, до самого пола. Он становился одержимым, фетишистом, представляя

эти волосы, накрывающие их, когда она двигалась, сидя на нем, обнаженная. Он хотел ощущать их скольжение на своей разгоряченной коже, везде, по всему жаждущему телу.

Хейз вся так дивно пахнет. Кейран наклонился ближе, слушая спокойное, размеренное дыхание, вдыхая аромат ее кожи и волос.

— Beidh Gaoth mo anail... Fuar thiocfaidh chun bheith te do chorp... Te dom... — прошептал он.

Тихонько, едва касаясь, спустил с плеч девушки тонкие бретельки сорочки, медленно, осторожно потянул податливую ткань вниз, обнажая грудь.

Хейз шевельнулась, с губ вместе с тихим вздохом едва слышно сорвалось его имя.

— Кейран...

— Ш-шш, сладкая моя... тише... не бойся. Это всего лишь я, — ответил он, зная, что она едва ли слышит его, находясь в плену крепкого сна.

Не смог сдержать улыбки, услышав свое имя, наблюдая за этим первым откликом на его присутствие. Происходящее в реальности лишь смутно доносится до сознания Хейз, пребывающей в стране грез. И все же его имя у нее на устах, а, значит, он сам в её голове, в её мыслях. Может быть даже во снах.

И это было так хорошо, что мало походило на явь.

Кончиками чуть дрожащих пальцев Кейран провел по очертаниям груди, по нежным соскам. Те мгновенно откликнулись, став похожими на тугие бутоны. Молодой человек наклонился, губами обхватил вершинку одной груди, ладонью мягко накрыл вторую. Целуя, пробуя языком, гладя губами и проводя рукой, он, как музыку, слушал тихие стоны, зарождающиеся в груди Хейз. С её приоткрытых губ снова слетели неразборчивые слова.

Она отвечала на его касания, даря самую трепетную радость и ни с чем несравнимое наслаждение тем, что, даже пребывая во сне, доверяла ему, осознавала, чьи руки её ласкают.

Мир тихонько уплывал куда-то, погружая его в то измерение, где он хотел оказаться только с Хейз вдвоем. Частота дыхания менялась, сердце отбивало каждый удар в ритме нараставшего накала желания.

Он стянул и отбросил простыню с Хейз. Переместился, стараясь пока не разбудить ее. Легким касанием провел по ногам девушки, поднимая ее сорочку, обнажая теплое, расслабленное глубоким сном тело. Легкий шелк мягко скользнул, с готовностью, словно соучастник, открывая Хейз для него. Кейран, не отрывая жадного взгляда от прекрасной женщины, лежащей перед ним, быстро выдернул свою рубашку из-за пояса брюк и, стянув прямо через голову, бросил на пол.

Задышавшись от томительного нетерпения, он едва контролировал себя. Ему хотелось взять ее прямо так, спящую, еще ничего не осознающую. Хотелось пробудить ее, наполнив своим жаром. Войти в желанное до боли тело одним долгим, сильным толчком и двигаться в ней, ощущая ответный трепет нежной, тугой плоти.

Кейран снова неслышно переместил напряженное тело, встав коленом на край дивана. Руки снова легли на гладкие ноги Хейз. Плавающие ладони двигались вверх, одновременно мягко, но настойчиво разводя бедра девушки.

Он замер на миг, когда по ее телу прошла волна дрожи. Хейз чуть выгнулась навстречу ему, принимая ласки, еще неосознанно, но с готовностью отвечая на них.

Кейран любовался ее лицом, водя руками по теплой коже, невесомо касаясь везде. Подался вперед, всматриваясь в нее. Опираясь одной рукой о спинку дивана, второй погладил волосы, мягкий абрис щеки и округлого подбородка, пальцами пробежался по шее,

плечу, груди. Здесь ладонь задержалась, чтобы ощутить сильное, уже слегка учащенное биение сердца.

Кейран невольно улыбнулся, наслаждаясь этим волшебным моментом, почти не веря в реальность того, что испытывает все те чувства, что пробуждала в нем Хейз.

Неповторимые, как только ей присущий аромат.

Он провел губами по ключице и проследовал вниз, оставляя на теплой, сладко пахнущей коже замысловатый узор из мягких неторопливых поцелуев. Кейран смаковал каждое прикосновение, впитывая любой нюанс, не желая терять ни частицы происходящего волшебства. Уже дрожа от переполнявшего возбуждения, как в лихорадке, Кейран сместился вниз. Ладонь легла на внутреннюю поверхность бедра Хейз. Он медленно отвел ее ногу в сторону, открывая еще больше для себя.

Он разбудит Хейз именно так, еще больше наполнив ее тело желанием, одурманив ласками. И почувствует тот трепет, тот переход из грезы в явь, когда она окончательно осознает, что это не эротический сон. Он хотел уловить то сладкое содрогание, когда она не сможет больше сдерживаться и выгнется навстречу его жадному рту. Он хотел быть свидетелем того мгновения, когда ее вытолкнет из сновидения, и она забьется в его объятиях.

Кейран сглотнул, словно погибая от жажды, и дрожа от предвкушения, наклонился ниже. Первое нежное, деликатное прикосновение губ сменилось алчно прикившим ртом, и на языке растаял нектар...

— Кейран... О, Боже... Что ты творишь...

— Я же сказал, что разбужу тебя по-своему... — прошептал он, прерываясь на миг.

***

Если сказать, что утром меня не держали ноги, то это ничего не сказать.

Ног я не чувала вовсе. Они размягчились и отказали. Как, впрочем, и мой мозг. После пробуждения, которое устроил мне ночью Кейран, и после всего, что он творил со мной дальше, почти до рассвета, я уже не чувствовала ни своего тела, ни сознавала, где нахожусь. Лишь знала с кем я и ради чего.

Не ощущала ничего, кроме сводящей с ума невообразимой близостью тяжести его тела, и жара рук, губ, языка. Не слышала ничего, кроме его слов и дыхания. Не видела ничего, кроме его лица, освещенного сначала лишь рассеянным светом сооруженного мною светильника из цветка и гирлянды. Постепенно первые краски рассвета, проникавшие через окно, стали вырисовывать лицо Кейрана четче.

Он был словно волшебный образ, всплывавший из далекого, забытого сна. И я смотрела в его глаза — темные, как бушующий океан — и видела в них себя, в то время, когда он двигался во мне. А потом он прижимал меня к себе и шептал слова, от которых хотелось и плакать, и смеяться одновременно.

И я не спятила окончательно, и мой «казанок» определенно еще что-то варил, когда я вдруг поняла, что влюбилась. Потому что трудно было назвать похотливым дурманом то ощущение, разлившееся в моей душе и пробравшееся в сердце. И дело не только в одуряюще невероятном, крышесносном сексе.

Это не притворство и не обман. Это чувство похоже на то, что я испытала, когда общалась с маленькой Джун. Нечто неподдельное, проникновенное, вечное. То, что рождается само, без усилия, без принуждения: жизненная потребность быть с Кейраном, чувствовать рядом всегда. Как в ту нашу первую ночь, когда просто обнимала его, не давая

упасть.

Восхождение по лестнице на второй этаж заняло бесконечность. Я как в похмелье доплелась до ванной и залезла под душ. Через пару минут, когда тело и сознание стали возвращаться из невиданных бесконечных пределов, куда меня забрасывало каждый раз, когда Кейран доводил меня до оргазма, я снова почувствовала на себе его руки.

— Это... это слишком, — успела выдохнуть я, перед тем, как он развернул меня к себе и накрыл мой рот своим.

— Это даже еще не достаточно, — прошептал он. — Здесь нет. И не может быть. Никакой меры, — проговаривал он короткими фразами, между поцелуями. — Чем больше касаюсь тебя, тем больше ощущаю голод. Хочу тебя постоянно...

...Позже мы сидели на кухне и завтракали.

Было еще очень рано. Утро, едва сменившее рассвет, такое прозрачное и свежее, предвещало очередной погожий день.

На моем ночном госте темно синяя рубашка и серые брюки. Все слегка помятое, ведь дорогие тряпочки провели ночь, валяясь на полу. И даже, несмотря на это, Кейран выглядел непринужденно элегантным.

Надеюсь все же, у него достаточно времени, чтобы заехать домой и переодеться.

— Мне на работу к восьми, — сказал Кейран, — сегодня выбираемся на природу, и будем ловить момент, пока погода позволяет. Съемки продлятся до вечера, скорее всего. И я снова приду.

Его улыбающиеся глаза смотрели на меня поверх чашки. Я промолчала.

— Молчишь? Мне не приходится? — он заметно напрягся, не дождавшись ответа.

— Тебе не кажется, что все это... — начала я.

— Чересчур? — перебил меня Кейран. — Ты уже выдала эту гипотезу. Я тебе ответил.

— Нет, не то хотела сказать, — я покачала головой. — Ты ведь работаешь. И работаешь много. А здесь, со мной ты не отдыхаешь. Пара часов забытья на моем диване не в счет.

— Заботливая, — усмехнулся Кейран. — Лучше скажи, когда ты кроватью обзаведешься?

Я быстренько прикинула, сколько времени прошло с того дня, как я заказала столь необходимый, даже жизненно важный, предмет обстановки.

— Обещали две недели на изготовление. Осталось дня три-четыре.

— И ты хочешь, чтобы эти три-четыре дня я у тебя не появлялся? — нахмурился Кейран. — Сразу говорю, если дело в отсутствии полноценной кровати, то обещать такое не собираюсь. Могу спать на полу. Или в кресле. Опыт у меня уже имеется. Но не приходится, прости, не смогу.

Выглядело так, словно он собирался... поселиться у меня.

«А почему он не зовет меня к себе?»

Ответов могло быть несколько и самый простой — не хочет.

И еще. Он недавно расстался с девушкой, с которой встречался (жил?) не один год. Как говорится, еще место не остыло. Воспоминания, и все такое...

Но ничего спрашивать я не собиралась.

— Мне нравится делить с тобой тесный диван, — ответила я. — Но, как ты и сказал, я заботливая, а потому буду переживать, что недостаточно проявляю заботу о человеке, ночующем под крышей моего дома.

«Моего дома! Я, и правда, считаю этот дом своим».

— В таком случае прими к сведению, что нигде и никогда я еще не высыпался так, как за те несколько часов на твоём узком диване, прижавшись к тебе. Хочешь лишить меня этого?

— Интересная постановка вопроса. Но нет, не хочу, конечно, — пробормотала я.

Он посмотрел на меня, сдвинув брови, отхлебнул кофе, отломил кусочек картофельного пирога, остатки которого я разогрела на завтрак.

Пирог оказался как тот сказочный горшочек каши, способный накормить весь мир. Вчера мы обедали им вдвоем с Уной и Брайаном, отвезли солидную часть Эвлинн. И сегодня доедаем с Кейраном.

— Кей, мне интересно, а что происходит с квартирой, которую ты купил у меня? — спросила я.

— Ничего пока. Все в стадии подготовки к ремонту. Скучаешь по прежнему жилью?

— Нет, не скучаю. Казалось, что должна бы, но нет.

Мы какое-то время разглядывали друг друга, то и дело невольно расплываясь в улыбках.

— Кстати, видок у тебя несколько помятый, — заметила я. — Планируешь заехать домой и переодеться?

Кейран, не опуская чашки с кофе, окинул себя быстрым взглядом, слегка поморщился.

— Вот черт, — тихо ругнулся он. — А ведь заехать не успею...

— Давай быстренько поглажу?

— Я же говорю — заботливая, — и, не скрывая довольной улыбки, принялся снимать рубашку.

Я зачарованно следила, как его длинные, сильные пальцы ловко справлялись с пуговицами.

Да, все было чересчур. Чересчур быстро, чересчур сильно, чересчур хорошо.

Сомнения иногда глодали меня, как голодные звери. Иногда лишь тоненько и жалобно подвывали издалека. Некоторые сомнения уже созрели настолько, что их можно было собрать, как яблоки и сделать повидло. А потом намазать на тревогу и проглотить, запивая смятением.

Но за одну улыбку Кейрана я готова была забыть обо всех этих помехах и колебаниях.

И все же, кто он, этот мой страстный, искусный, напористый любовник?

Казалось, само сознание того, что я проявляю заботу о нем, доставляло этому мужчине особое наслаждение. Он с удовольствием ел в моем доме. Он спал, как убитый на убогом диване. Он настойчиво приходил. И ему понравилась мысль, что я буду гладить его рубашку.

Мужчина, который хочет элементарной заботы, самых примитивных проявлений внимания? Ему так этого не хватает?

Что ж, мне не трудно все это ему дать. Но вот Муза из меня по-прежнему никакая. И сколько пройдет времени, прежде чем Кейран четко поймет, что я не способна совмещать возвышенное и житейское.

Я взяла рубашку и отправилась в комнату. Какое милое совпадение, что вчерашний день грандиозных покупок пополнил мое хозяйство гладильной доской и новеньким беспроводным утюгом. Пока шла, прижала рубашку Кейран к лицу, вдохнула запах. Пахнет им, чисто, волнующе, незабываемо.

Он пришел следом за мной и молча, встал у стены. Внимательно наблюдал, как я орудую утюгом.

— Послушай, Кей, — сказала я, нарушая молчание, — я тебе уже говорила, что на

чердаке стоят две коробки. Заклеенные скотчем. Не хочешь посмотреть, что там?

— Коробки? Не представляю, что могло здесь оставаться, — пожал он плечами. — Посмотри сама, если тебя не затруднит. Потом расскажешь, что обнаружила.

— Не затруднит. Но как-то это неудобно.

— Неудобно — что? Посмотреть? — брови Кейрана приподнялись над тонкой черной оправой очков.

— Неудобно рыться в чужих вещах.

— Тогда не ройся, просто взгляни что там, раз ты такая щепетильная, — и снова лукавые искорки метнулись в его глазах. — Кстати, какие у тебя планы на начало июня?

Вопрос неожиданный, но я могу ответить на него по пунктам.

Первое: попробовать проталкивать свой безумный проект — стать партнером в бизнесе Эвлинн. Второе: налаживать свой быт. Третье: если ничего и вышеуказанного не будет двигаться, срочно устраюсь на работу. Уже все равно, на какую.

— Особо никаких, — ответила я. — А что?

— Скажу чуть позже. А пока, если есть возможность, ничего не планируй важного на это время. Ладно? — Кейран заглянул мне в лицо.

— Хорошо, постараюсь, — я подала ему идеально выглаженную рубашку.

— Опять слышу настороженность в твоём голосе, — он аккуратно взял рубашку, также аккуратно положил ее на гладильную доску и притянул меня к себе. — Хейз, если тебя что-то тревожит, лучше скажи. Я все выслушаю, на все вопросы отвечу. А сейчас просто хочу взять тебя и куда-нибудь увезти. Где будем только ты и я. Ты против такой идеи?

Он обнимал меня нежно и гладил по голове. Я расслабилась в его теплых руках.

— Нет, совсем не против, — ответила, тихонько вздохнув. — Идея заманчивая. Но как же твоя работа?

— Еще неделя интенсивного труда и я сделаю перерыв. Честно говоря, этот проект стал меня немного напрягать, — прозвучало неожиданно холодно и мрачно.

— И еще одно, сладкая моя, — заговорил он тем самым голосом, от которого мгновенно подгибались коленки. — Давай сходим сегодня куда-нибудь поужинать? Посидим в пабе. Ты пиво пьешь?

— Люблю пиво.

— Договорились. После работы я у тебя.

Он поцеловал меня в висок, отстранился, решив, видимо, ограничиться этой сдержанной лаской. Приблизился и снова поцеловал — в щеку, в губы. Еще и еще раз...

— Опоздаешь, — выдохнула я, с трудом отстраняясь.

— Не опоздаю, а просто никуда сейчас не пойду, — севшим голосом проговорил Кейран, выпуская меня из объятий.

Отвернулся, быстро надевая и аккуратно заправляя рубашку. Провел руками по волосам, зачесывая их со лба. Торопливо натянул пиджак и, схватив свою сумку, крепко поцеловал меня и выскочил за дверь.

Я наблюдала, как он шагает по дорожке, исчезает за калиткой, ни разу больше не взглянув в мою сторону.

Кейран выглядел здесь... чужим.

Этот дом с соломенной крышей, дорожки, цветочки, ставни и прочее — это не для него. Он словно забрел сюда случайно откуда-то из совсем другого мира.

* Ирландская поговорка

**Кромлех — доисторическое мегалитическое сооружение: несколько продолговатых камней, вкопанных в землю вертикально и перекрытых плоской каменной плитой. Во многих местностях Ирландии подобные сооружения называют «ложем» Диармайда и Грайне.

*** Диармайда и Грайне — герои ирландского эпоса. Красавица Грайне, дочь короля Ирландии, выбрала себе в мужа юного Диармайда и бежала с ним, спасаясь от брака с престарелым Финном (вождем фениев — ирландской военной дружины, к которой принадлежал и Диармайд). Согласно преданию, во время бегства от Финна и его воинов влюбленные провели одну из ночей под защитой кромлеха.

**** Beidh Gaoth mo anail... Fuar thiocfaidh chun bheith te do chorp... Te dom... (ирл.) — Ветер станет моим дыханьем. Холод станет теплом твоего тела. Согрей меня...

Глава 27

Силуэт удаляющегося Кейрана долго стоял перед глазами, отпечатавшись на сетчатке, словно я посмотрела на солнце незащищенными глазами.

Кейран уходил, не обернувшись, и осталось чувство необъяснимой тревоги. Но вовсе не от того, что я могла подумать, будто он больше не придет. Просто возникла связь, что протянулась от него ко мне, как нерв, как струна, транслируя его внутреннее состояние. Сейчас по тому, как почти болезненно натянулась эта «струна» я понимала, что ему не хочется уходить.

Не знаю, ощущал ли Кейран подобное, но я точно почувствовала в нем какое-то неясное смятение. Почувствовала, как свое собственное.

Что-то довлело над ним — проблемы, возможно усталость — и он тщательно запрятывал это глубоко в себя, по многолетней привычке утрамбовывая ненужные эмоции гнетом заученной внешней выдержки.

Пока не очень понимая этого мужчину, не зная, как может проявляться его характер, сейчас я чувствовала его, как себя саму. Может быть, так только казалось от того, что именно с ним я переживала самые сильные и противоречивые эмоции. Такие, как он сам — одновременно скрытный и искренний, непредсказуемый и сдержанный, страстный и нежный. Он мог быть хмурым и вдруг начинал буквально светиться изнутри неподдельной радостью.

Он мог шептать невероятные слова, полные предельно откровенной, обнаженной страсти или молчал, казавшись абсолютно невозмутимым.

Я думала об этом мужчине и понимала, что начинаю нуждаться в нем, как в воздухе. Хотелось просто усесться на крыльце, и, уставившись невидящим взглядом в пространство и отключившись от всего, терпеливо ожидать его возвращения. Но это было не то стремление, в котором я хотела бы признаться Кейрану. Вряд ли ему нужна женщина-лунатик, повернутая на нем и отрешенная от всего прочего.

Во мне что-то окончательно разомкнуло, срывая замочки условностей и привычные шоры.

...Я быстро доделала обещанный Брайану баланс и поискала в Интернете информацию о том, как можно недорого обустроить свой дом. Просматривая страницы, наткнулась на заметку об американке Ди Уильямс, которая после перенесенного в молодом возрасте тяжелого сердечного приступа, продала квартиру в городе и построила себе симпатичный домик площадью восемь квадратных метров. И живет в нем уже десять лет, радуясь каждому дню. При этом имея все необходимое, но ничего лишнего.

Если задуматься, то значительная часть моей прошлой жизни и есть «сердечный приступ», только я об этом даже не догадывалась, когда продавала свою квартиру и переезжала сюда.

Много ли надо, чтобы чувствовать себя счастливо и независимо? Кому-то вполне хватает восьми квадратных метров тишины и покоя, возведенных своими руками.

Мне не было нужды что-то строить с нуля, и вселенские пути извернулись таким образом, что вместе с новым жилищем я уже получила нечто бесценное. Человека, который вошел в мою жизнь, где его совсем не ждали. Не верили в то, что такие, как он вообще

существуют. А если и существуют, то... не для меня.

Казалось, я пребывала сейчас сразу в двух измерениях: в одном была прежней собой и верила во все то, во что привыкла верить. Во втором — знала и чувствовала, что всё, включая меня, безвозвратно изменилось.

Под дружный хор очередных житейских и прочих откровений удалось определиться с планом ближайших дел. Я отослала Брайану смс-ку, извещая о сделанной работе. Он немедленно отозвался, пообещав сегодня заехать.

Все так перемешалось, что я забыла о том, какой сегодня день недели. Оказалось — воскресенье.

Совість нерадивого работодателя запоздало напомнила о себе, подсказывая, что Уна трудилась у меня вторую неделю без выходных. Стремясь исправить промах, я спешно отыскала девушку на переднем дворе, где она рыхлила аккуратные борозды вдоль дорожки, ведущей от калитки к крыльцу.

— Доброе утро, — улыбнулась Уна, в ответ на мое приветствие.

— Ты работаешь без отдыха, каждый день, как пчелка. Это неправильно, — обратилась я к ней. — Не пора ли тебе устроить законный выходной?

Уна напряглась, улыбка сползла с разгоряченного работой лица.

— Но... мне не трудно, — торопливо проговорила она. — Я же здесь всего по несколько часов. Даже меньше, чем полдня. И вы платите мне за неделю работы. И... и мне совсем не трудно... — повторила она, сникая в конце фразы.

— Да, но на любой рабочей неделе должны быть предусмотрены выходные, — попыталась аргументировать я, но уже без прежней уверенности.

Откровенное уныние на лице девушки вызвало у меня досаду. Не хотелось, чтобы она подумала, что ее ежедневное присутствие становится мне в тягость.

Уна, опустила голову, поковыряла ботинком землю.

— Я не настаиваю, — сказала я. — Просто так кажется правильным.

Юная садовница огляделась, словно придирчиво оценивая проделанную ею работу.

Я проследила за ее взглядом и только сейчас заметила, что чуть сбоку от кухонного окна, выходящего на передний двор, скоро зацветет аккуратно подрезанный, очищенный от сорняков и оплетавших все вокруг лиан, куст сирени. Налитые лиловые бутоны соцветий усыпали ветки с сочной яркой листвой и походили на миниатюрные гроздья винограда. Только представив, какое благоухание будет разливаться в воздухе, я вздохнула и на мгновение меня, как в океан, отнесло в состояние блаженного покоя.

— Понимаете, сейчас такое время, что нельзя упускать ни одного дня работы в саду, — негромко заговорила Уна, словно оправдываясь. — Ведь кое-что уже даже поздно делать. А завтра я привезу рассаду алиссума. Вы же просили... Вот сейчас готовлю для него почву... надо хорошо разрыхлить, и еще удобрить. Алиссум высаживают как раз в конце мая.

— Уна, я ведь не настаиваю.

Она вскинула взгляд и поток слов, торопливо льющихся из уст юной садовницы, тут же прервался.

— Все на твое усмотрение. Честно говоря, мне очень по душе, когда ты рядом и мирно копаешься на участке. Кажется, что все как будто на своих местах. Я привыкла к твоей компании, и она мне очень нравится. И ты на самом деле просто чародейка.

Я снова осмотрелась, замечая изменения, которых не было еще вчера.

— У тебя волшебные руки, — сказала я, качая головой. — Ты часом не из маленького

народца? Сотворить такое чуть больше, чем за неделю, по силам только фейри, воплощениям самой природы.

Уна расслабилась, заулыбалась, покрывшись румянцем удовольствия. Реакция ее была бесхитростна и искренна, как у ребенка.

В самом деле, зачем пристаю к ней? Возможно, для нее проводить несколько часов в день, работая на моем участке, куда приятней, чем сидеть дома под бдительным оком маменьки, с которой, кстати, мы договорились сегодня созвониться.

Напомнив Уне про наш ланч, я побежала звонить миссис Барри.

Мама Уны была страшно довольна проявленному мной энтузиазму. Голос ее так и сочился снисходительным одобрением. Мы все еще раз обговорили, и в итоге к следующей субботе мне следовало испечь шесть больших пирогов с тремя видами начинок для мероприятия в Пансионате для пожилых людей.

Осознание того, что мои более чем скромные таланты могут где-то пригодиться, казалось сейчас особенно приятным. И чувство не пропало, даже когда я сообразила, что следующая суббота приходилась как раз на начало июня.

...Брайан явился притихший и задумчивый, с непривычно потухшим взглядом и опущенными уголками губ. Усталость и переживания последних дней сказались на моем друге, превратив его в тень того Брайана, которого я знала много лет.

Он вошел, поздоровался, сдержанно клюнув меня в щеку, скинул в коридоре свои очередные крутые кроссовки, и отправился на кухню, бормоча по дороге:

— Про Эвлинн не спрашивай. Там все по-прежнему очень хреново. Очень...

Я выдавила из себя тихое «понимаю».

На кухне открыла ноутбук, предъявляя сделанный баланс. Взгляд Брайана немного оживился, потом снова померк.

— Настаиваешь на прежнем уговоре за работу? — устало вздохнув, поинтересовался он. — Мне лучше сразу наняться к тебе в пожизненное рабство.

— Не было никакого уговора за работу! — возмутилась я. — И не нужны мне от тебя такие жертвы. Это не плата, а всего лишь милое одолжение с твоей стороны и больше ничего.

Он измерил меня недовольным взглядом, скривил рот в невеселой улыбочке. Затем вытащил из кармана джинсов темно зеленый полотняный мешочек, стянутый шелковым шнуром с металлическими шариками на концах и, молча, отдал мне.

Я заглянула внутрь.

— Ну, так отдашь? — небрежно спросила я. Затянула веревочку снова и завязала ее аккуратным бантиком.

— Себе оставлю, — беззлобно огрызнулся Брайан. — Она где? В саду?

Я пожала плечами, сунула ему в руки мешочек и стала заниматься своими делами, не глядя на притихшего друга. Он вышел в прихожую и вернулся снова, обутый в кроссовки. Молча, прошел мимо меня и исчез за дверью, ведущей на задний двор.

Любопытство взяло верх над строгим воспитанием и приличными манерами. Вооружившись губкой, я стала делать вид, что усиленно оттираю раковину, а сама поглядывала в окно, где последующее действие развернулось передо мной, как на ладони.

Уна снова перебралась в сад. Полускрытая ветвями яблони, растущей у дальнего конца ограды, она что-то там делала, наклонившись к корням дерева. Брайан неторопливо направлялся к девушке. Уна, почувствовав его приближение, выпрямилась и повернулась.

Брайан остановился и что-то сказал, улыбнувшись своей неотразимой белозубой улыбкой. Она ответила, смущенно опуская ресницы. Брайан снова что-то произнес, в ответ девушка неопределенно качнула головой не то, соглашаясь, не то отрицая.

Оба выглядели неуклюжими, как деревянные куклы.

Наблюдая их неловкую пантомиму, я поморщилась, кляня себя и зарекаясь еще когда-нибудь соваться не в свое дело. Сваха из меня никудышная.

После очередной реплики Брайана Уна вскинула голову, удивленно глядя на него.

Выражение лица молодого человека стало мягко-ироничным. Он нетерпеливо, будто торопясь отделаться поскорее, взял руку девушки и вложил ей в ладонь зеленый мешочек. Она, как автомат, развязала веревочку и заглянула внутрь.

На лице Уны отразился целый каскад чувств. От смущения до милой и искренней радости. В следующее мгновение юная садовница уверенно шагнула вперед, обвила шею Брайана руками, и, не секунды не колеблясь, прильнула к его рту губами.

Брови молодого человека резко взлетели вверх. Руки инстинктивно дернулись, приподнялись и... сомкнулись на талии девушки. И мне показалось, что в какой-то момент, Брайан забылся и ответил на поцелуй, который вовсе не выглядел неловким чмоком. Все движения Уны были удивительно естественны и грациозны. Куда делась та краснеющая девочка, которая давилась смущением от одного только взгляда в ее сторону?

Я отпрянула в сторону, уходя с линии наблюдения и с усилием заставляя себя не пялиться на неожиданно сказочно красивую картинку, похожую на где-то виденную иллюстрацию или смутное воспоминание — слившаяся в объятии-поцелуе парочка на фоне ветвей яблони, усыпанных распустившимися бело-розовыми цветами.

Терпения хватило на пару секунд и я выглянула в окно снова: слегка обалдевший Брайан шагал к дому. Уна исчезла из поля зрения. Судя по покачивающимся веткам яблони, она снова вернулась к своему занятию — превращать хаос в гармонию. При этом явно умудрилась поселить хаос и смятение в привычном мироощущении моего друга.

Входя в кухонную дверь, Брайан сразу поинтересовался.

— Видела?

— Это было... довольно неожиданно, — честно призналась я. — Не увидела бы сама, в жизни бы не поверила.

— Чувствую себя совратителем малолетки, — изрек Брайан.

«Вот уж кто кого...» — подумала я, а вслух осторожно заметила:

— Не такая уж она и малолетка. Ей девятнадцать.

— По сравнению со мной она малолетка, — мрачно отрезал Брайан, садясь за стол.

— Десять лет разницы это немного, — отозвалась я, понимая, что пора заткнуться.

Брайан покосился на меня с подозрением, нахмурился. А я прямо видела, как слова накапливаются и толпятся в нетерпении, готовые слететь с его губ.

— Куда тебя понесло, Хейз? И чего это я, как безмозглый бобик пошел у тебя на поводу! Ты чего, в сводни заделаться решила? — осенило вдруг его. — С какого перепугу я вообще тебя послушал и полез с этой пряжкой! — все больше распалялся мой друг.

— Да успокойся ты! Что такого уж страшного произошло? Девочке понравилась грошовая безделушка, ты ей ее подарил. Без всяких задних мыслей. Уна просто умеет искренне радоваться мелочам, а ты здесь слюной брызжешь. Подумаешь, получил восторженный, невинный поцелуй благодарности от юной девы.

— Невинный?! Да она пыталась просунуть язык мне в рот.

— Пыталась? — я не выдержала и приснула, глядя на сбитого с толку Брайана.

Он только одарил меня мрачным взглядом и нервно поскреб макушку.

Честно говоря, мне показалось, что «попытка» Уны удалась, но вслух я, конечно, ничего не сказала.

...За ланчем Брайан и Уна отважно сидели лицом к лицу. И никто не давился едой и не захлебывался чаем.

Наша юная знакомая совсем мало говорила, большую часть времени сидела, скромно прикрыв глаза длинными золотистыми ресницами, а клубнично-сиропный румянец привычно заливал её нежные щеки.

Брайан вполне убедительно изображал зрелую невозмутимость и уравновешенность. Но несколько коротких, равных взмаху ресниц взглядов в сторону Уны выдавали его внезапную заинтересованность. Или озадаченность.

После ланча Брайан сразу ушел, прихватив ноутбук с готовым черновиком баланса.

Уна помогла убрать со стола, поставила тарелки в раковину и остановилась рядом, поглядывая на меня.

— Наверное, вы... видели? — произнесла она тихо.

Я утвердительно кивнула.

— Осуждаете меня? — сквозь тихий вздох пробормотала Уна.

Она стояла, опустив плечи, и не решалась смотреть прямо. Снова с ней произошла метаморфоза. Порывистая, как ветерок и звенящая искренней радостью «фея цветов», что подарила Брайану поцелуй, исчезла без следа.

— С чего бы мне тебя осуждать? — отозвалась я. — И за что? И еще, Уна, давай уже перейдем на «ты».

Она смущенно засопела, потопталась на месте, вскинула опущенный взгляд.

— Понимаете... понимаешь, Хейз, — осторожно проговорила она. — Брайан считает меня ребенком. Вчера, когда мы были в магазине, он разговаривал со мной так... снисходительно. Шутит и все такое, словно я какой-то подросток-одуванчик. Но я-то вовсе не ребенок! А он мне очень... нравится и....

Она запнулась, принялась водить пальцем по краю раковины.

— Я знаю, про пряжку ты ему сказала. Ну, и ты видела, как я... Глупо, да? — заговорила она снова. — Я, наверное, выглядела полной дурой, когда кинулась на него. И что он только подумал обо мне...

— Пусть он и считал тебя ребенком, но это ведь не так, — твердо сказала я. — Ты действительно уже не ребенок. Думаю, Брайан это увидел.

Уна нахмурилась и какое-то время смотрела на меня с недоверием и словно ждала, что я продолжу говорить. Но что я могла еще сказать? Советы давать я не собиралась, да никто их и не спрашивал.

Очередной раз вспомнила отдалившуюся от нас подругу Патрицию, которая своим вмешательством невольно изменила мою жизнь. Но она проявляла активность, действуя в рамках моих планов, о которых знала. Я же пыталась вмешаться в совсем иные сферы, не будучи уверенной, что вмешиваться вообще стоит.

А Уна стояла рядом и чего-то ждала.

— Веди себя естественно, как ни в чем ни бывало. Будь сама собой, — и это был единственный, что я могла добавить.

Ну, да, было похоже, что я методом тыка попыталась провести некий эксперимент и не

была уверена, насколько он удался. Теперь готова была самоустраниться и отойти от темы.

«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Кейран сказал, что я заботливая. Но ведь забота не должна проявляться только в том, чтобы вкусно накормить или погладить рубашку. Мне вот ужасно хотелось позаботиться о том, чтобы Брайан, наконец, почувствовал себя нужным и любимым.

Невозможно не попасть под действие поразительного обаяния этого молодого и красивого мужчины. Странно было даже предположить, что он одинок и станет смущаться неожиданных знаков внимания, проявленных в его адрес. Где-то, проходя по своему жизненному пути, он явно свернул не туда. Не редкость, конечно, такое происходит с большинством из нас. Но именно таким, как Брайан нельзя оставаться одинокими из-за их нерастраченной потребности искренне любить и быть любимыми. И если я могу этому как-то поспособствовать, то непременно сделаю это.

Но все же постараюсь ограничить свое участие лишь нежными дружескими тычками в упрямую вихрастую макушку и малюсенькими, ни к чему не обязывающими «хлебными крошками». Вроде простой деревянной пряжки из волшебного магазинчика Эвлинн.

***

Осознание себя, как части чьей-то жизни, чьих-то эмоций и переживаний, и новое понимание многих моментов бытия — всё это мягко сыпалось откуда-то, совсем как нежные лепестки яблоневого цвета.

Эдемский сад, полный возможностей и искушений, только зацвел. В нем еще не созрели запретные Плоды познания и ничто не напоминало, что Свет не может существовать без Тени. А Тень уже заползала из невиданных, невозможных, неосознаваемых далей. Древняя сила, закосневшая в своем упрямом стремлении, вечная и нерушимая, как само мироздание, рвалась установить равновесие, нарушенное когда-то.

Среди миллиардов живущих, чувствующих, строго соблюдающих и легко нарушающих законы людей эта сила выбрала только двоих. И, затаившись, наблюдала и развлекалась, в легкую просчитывая, как и когда вмешаться.

***

Вечер стал волшебным завершением удивительного дня. Дня, в котором случилось много того, что в другое время прошло бы почти незаметным. Но сейчас всё виделось и ощущалось острее и тоньше, чем когда-либо, и любые мелочи становились значительными.

Я тонула в океанической глубине глаз Кейрана, сидя напротив него в небольшом пабе в центре нашего города. Я наблюдала, как его губы оставляют влажный след на запотевшем пивном бокале, и мне хотелось коснуться этих губ, слизнуть с них капельки влаги. Ощутить на их гладкости горьковатый привкус хмеля и сладость самого поцелуя...

Голова закружилась от мыслей и ощущений, ставших почти реальными.

— Куда ты смотришь? — раздался негромкий голос Кейрана.

— На тебя, — не задумываясь, ответила я.

— На меня? Ты смотришь на мой рот.

— Да.

— Давай уйдем.

Я с трудом оторвала взгляд от его губ и посмотрела в глаза.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что.

Он потянулся, положил руку мне на затылок и привлек к себе прямо через столик.

Поцеловал, глубоким и долгим поцелуем. Точно таким, какой я себе и представляла минуту назад — влажным, терпким, с легким привкусом хмеля.

— Вот почему, — сказал Кейран, не отпуская меня. — Если не перестанешь так смотреть, я утащу тебя в темный уголок.

Крепкие пальцы, прохладные от соприкосновения с ледяным пивным бокалом, шевельнулись на моем затылке, сжали чуть крепче, лаская и предупреждая одновременно.

— Давай... давай уйдем... — выдохнула я.

Кейран не сразу отпустил меня, вглядываясь в глаза, скользя взглядом по лицу. Потом отстранился, выхватил деньги из кармана, положил на столик и придавил купюры бокалом. И через секунду уже тащил меня через забитый посетителями залчик паба, крепко держа за руку.

Мы почти бежали куда-то по освещенным фонарями улицам города, не замечая ничего вокруг, пока не оказались у входа в парк Beach stone river.

Несколько недель назад, будто в другой жизни, мы встретились здесь в ночь Бельтайна. С тех пор случилось много, но ту встречу на скамейке под огромной ивой я помнила, будто она была вчера. Именно тогда что-то решилось.

Кейран на секунду притормозил, заглянул мне в лицо, обнял крепко, и снова повлек за собой по центральной аллее парка.

Дорожки ярко освещены рядами фонарей. Под ногами поскрипывал гравий, добавляя ритма к звукам наступающей ночи — хлопанью крыльев и крику вспорхнувшей где-то птицы, шелесту листвы, отдалявшемуся городскому шуму, тихому постукиванию ночных мотыльков, бьющихся о стеклянные плафоны.

В прозрачном, прохладном воздухе разносились ароматы, ставшие за день насыщенными и острыми. Еще не лето, но уже не совсем весна: межвременье, смешавшее в себе буйное цветение и первое увядание.

Прижимаясь к Кейрану, впитывая его тепло и близость и автоматически переставляя ноги, я не заметила, как мы дошли до того самого места, где росла раскидистая старая ива.

Кейран увлек меня под ажурный шатер гибких ветвей, спускавшихся почти до земли. Мы уселись на скамейку, тесно прильнув друг к другу. Из головы улетучились все мысли, ушли все тревоги, все посторонние ощущения. И я потерялась в этом межвременье, когда ощутила прикосновение губ Кейрана, тепло и силу его рук.

Мы целовались, пока не закружилась голова, пока не прервалось дыхание, и стук сердца не стал отдаваться в ушах набатом.

— Отыграюсь за ту ночь, — хрипло проговорил Кейран, отрываясь от моих губ, но не от меня, — когда хотел тебя целовать и не мог. Помнишь, как мы встретились здесь?

— Помню, конечно, — шепнула я.

— Скажи, что бы ты хотела прямо сейчас?

— Тебя.

— Правильный ответ.

Его губы снова накрыли мои. И опять в знак одобрения и согласия с моими желаниями Кейран дурманом поцелуев сильнее разжигал и поддерживал медленно текущий по венам огонь.

Одна его рука крепко прижимала меня, распластавшись между лопаток, вторая уверенно пробралась под полу моей кожаной курточки. Настойчивые пальцы справились с тремя пуговками блузки, нырнули под тонкое кружево бюстгальтера. Ладонь накрыла грудь,

пальцы начали неспешную игру — гладили, кружили, сжимали, то мягче, то сильнее, снова гладили...

— Прямо здесь? Сейчас?! — задыхаясь, смогла проговорить я.

— Почему нет? — кажется, он забавлялся, глядя на мое замешательство.

— На лавочке в городском парке? Мечтаешь быть арестованным за оскорбление общественной нравственности?

Кейран лишь тихо рассмеялся, зарываясь лицом не в волосы. И не убирая все более требовательную руку, зашептал, рассказывая, что и как он собирается сделать со мной именно здесь и сейчас, чтобы общественная мораль не пострадала.

Я была уже на полпути в запределье, только слушая его тихие слова, чувствуя жар частого дыхания и прикосновение рук...

...На обратном пути мы разговаривали, и говорила в основном я. Сама не заметила, как рассказала Кейрану про то, что была замужем, развелась и вернулась в родной город, про родителей, неожиданно одоббивших мой переезд в пригород, про Эвлинн, ее магазин и про свою безумную идею. Про Патрицию и ее вмешательство в мою жизнь.

— При случае скажу ей спасибо, — отозвался Кейран, внимательно слушая меня. — Если бы не твоя энергичная подруга, мы могли и не встретиться.

— Думаю о том же, — согласилась я.

О многом я не решалась говорить, но Кейран не сказал о себе вообще ничего.

Мы вышли из парка и поймали такси. Я не расслышала, что Кейран сказал водителю, и вскоре мы сворачивали в окраинный район, где вдоль набережной стояли новые малоэтажные дома, похожие один на другой. Здесь снимали недорогие квартиры студенты, предпочитали селиться молодые семьи, бизнесмены и творческие личности, начинающие строить свои карьеры.

— Зачем нам сюда? — спросила я, уже догадываясь, куда мы едем.

— Заедем ко мне, — Кейран повернулся, внимательно всматриваясь в мое лицо, и добавил, — если захочешь — останемся на ночь. Если нет, уедем к тебе.

Я только кивнула, уже зная, что остаться мне не захочется, но посмотреть где и как живет Кейран, было любопытно. Я помнила это здание когда-то бывшее складом. Его отремонтировали и перестроили под жилое лет пятнадцать назад. Чуть позже вокруг стали возводиться другие безликие четырехэтажные строения из красного кирпича, создавая новый обособленный, не вписывающийся в общий облик города, район.

Кейран жил в лофте — просторном, красиво отделанном.

Кирпичные стены, темные полированные полы, лестница, ведущая в приватную зону, с перилами в виде стальных канатов. Мебель — кожа, металл, стекло и натуральное дерево. Все выглядело по-мужски сдержанно, изысканно и дорого. Вместо потолка высоко над головой — крыша и переплетение металлических конструкций, воздуховодов и прочей индустриально-технологичной ерунды, на удивление удачно сочетавшейся с интерьером.

И лишь над открытой спальней зоной возведена инсталляция из деревянных балок, создающая видимость потолка. С первого уровня помещения была немного видна большая кровать, застеленная серым покрывалом.

Я сразу же вспомнила мой диван и то, насколько прекрасно лежать на нем, ощущая тесное соприкосновение наших с Кейраном тел.

В огромном пространстве лофта отсутствовал запах. Ничего специфического, как пахло бы в любом жилом помещении. Не было вообще ничего. Никаких нюансов. Словно здесь

никто не жил.

Я прошлась, осмотрелась и остановилась возле одного из выходящих на набережную огромных окон, из которых видна ночная гавань, огни домов, ярко освещенный мост, пересекавший самую узкую часть залива и соединявший новую и старую части города. Очень красиво и в тоже время, когда смотришь на эту красоту отсюда, все кажется таким далеким, отчужденным.

Кейран подошел сзади, обнял, прижимаясь к моей спине.

— Поехали домой, — просто сказал он.

Не «к тебе», а «домой».

Я только кивнула.

***

Соприкасаясь, пусть даже мимолетно, с жизнями других людей, мы не задумываемся, каким сложным орнаментом становится путь нашего существования. Как символ Древа жизни, ветви которого свиты с корнями, мы также можем переплетаться, «прорастать» друг в друга, образуя нечто целое, неделимое.

Происходит это по-разному, порой совсем незаметно, и начинается с каких-то мелочей.

***

Через окно кухни, выходящее на передний двор, за невысоким забором из природного камня видна блестящая в утренних лучах солнца крыша черной Тойоты «camry». С легкой руки Кейрана эта машина временно стала моей.

...Когда мы покинули лофт, было уже за полночь. Взяв меня за руку, Кейран, направился не к дороге, где можно было поймать такси, а свернул за дом.

Я шагала, не задавая вопросов, пока мы не пришли на расположенную неподалеку охраняемую парковку. Подняв шлагбаум при помощи магнитной карточки, Кейран повел меня между рядов автомобилей и остановился возле черной «тойоты».

— Хейз, ты машину водить умеешь? — спросил он.

— Ну... Да.

— И права в порядке?

— В порядке, только не рулила давно.

— Это ничего, все вспомнишь и привыкнешь, — он открыл дверцу «тойоты» со стороны водителя и мягко, но настойчиво затолкал меня на сиденье. — Поехали, — распорядился Кейран, усаживаясь рядом.

— Не поняла... Как это поехали? Я?! Прямо... вот так?!

— А что смущает? — его спокойный голос не дал разгореться огню моего удивления и негодования. — Машина моя, мы ее не угоняем. Я езжу на другой, а эта стоит без движения. Продавать я ее не собираюсь, ездить на ней тоже. Хочу пристроить «тойоту» в хорошие руки. Пользуйся, формальности быстро уладим. Тебе, с твоими планами нужно быть мобильной, а мне головной болью меньше.

Я принялась решительно и горячо возражать и отнекиваться, прокрутив мысленно и высказав вслух вереницу аргументов против того, что мои руки настолько «хороши», чтобы доверять им столь ценный предмет, как отличный автомобиль. Но сила убеждения и непреклонность Кейрана оказались равны неприступности гор. И я сдалась, пообещав себе и ему быть очень осторожной с машиной.

Я отдувалась и пыхтела, вцепившись в руль, и не решаясь тронуться с места.

— Поверь, не за машину я буду переживать, вспоминая, как ты обмираешь и трясешься,

сидя за рулем, — сказала Кейран, наблюдая за моими «муками».

— Сомневаюсь, что перестану трястись. Очень уж обязывает... — пробормотала я. — Да и обойдусь я... — и попыталась открыть дверцу и выскользнуть наружу.

— Нет уж, милая, никаких «обойдусь». Давай-ка, поехали, — невозмутимо скомандовал Кейран, пресекая мою попытку улизнуть. — Начинай осваиваться. Сейчас и время подходящее, пока дороги пустые.

Рулила я неуверенно и осторожно, чуть ли не крадучись выбираясь на пригородное шоссе по ночным улицам города. Кейран изредка тихо и спокойно давал мне подсказки, и к концу поездки уверенности у меня прибавилось, а сомнений стало заметно меньше.

Я припарковала «тойоту» прямо за оставленным возле забора моего участка «лексусом» Кейрана.

— Жаль, что у дома не предусмотрено место под гараж, — заметила я, выходя из машины.

— Когда-то давно была стоянка под крышей, — отозвался Кейран. — Вон с той стороны, где сейчас буйствует ежевика. У деда была раритетный грузовичок, он с ним часами возился. Помню, что они с бабушкой часто спорили по этому поводу. Потом бабушки не стало, дед сильно сдал, избавился от машины. Стоянку уничтожил и огородил участок сплошным забором, заделав въезд. А кусок освободившейся земли со временем зарос.

— Почему твой дедушка так сделал? — спросила я.

Кейран пожал плечами.

— Не знаю, — помолчал, глядя в темноту и крепко прижимая меня к себе. — Может, хотел что-то изменить или от чего-то избавиться после смерти жены.

— Они были очень близки, твой бабушка и дед? Любили друг друга?

— У них все было сложно. С какого-то момента, — сдержанно отозвался Кейран. И я ничего больше спрашивать не стала.

...Утром Кейран принял душ, натянул чистый джемпер, который прихватил вчера с собой из своей квартиры, позавтракал и, расцеловав меня тысячекратно, уехал на работу.

На кресле в гостиной осталась лежать его рубашка, в которой он был вчера. Темно синий шелк сохранил тонкий, волнующий и уже такой знакомый и родной аромат.

***

Кейран узнал липкое холодное прикосновение наползающего страха. Ощущение, с детства знакомое настолько, что он давно уже перестал обращать на него внимание, воспринимая всего лишь, как досадную помеху. Просто автоматически включал режим существования до тех пор, пока не разберется в природе происходящего или пока не пропадет острота и перестанет давить и сковывать.

Но сейчас страх ему совсем не понравился.

Он явно был не из тех, который он смог бы проигнорировать, ужиться с ним или побороть. У страха появились реальные очертания — «лицо», глядя в которое чувствуешь настоящую угрозу, а не воображаемую опасность, порожденную детскими иллюзиями.

Кейран боялся потерять Хейз.

Утром он уходил от нее, чувствуя себя так, словно всегда жил, как живет сейчас — доверяя своим чувствам. И никогда не было в его жизни темноты и закрытых дверей. Не было нависающего потолка и давящих стен. Не было криков, от которых сжималось сердце и хотелось бежать, куда глаза глядят, зажав уши руками.

Старый дом исцелился, похоронив свое прошлое безвозвратно, принял его снова и

позволил наконец почувствовать себя здесь счастливым и спокойным.

Он спал на узком диване в необустроенной комнате, обнимая любимую женщину и слушая ее тихое дыхание. Ел вкусные домашние завтраки, приготовленные ее руками. Уходил, зная, что вечером обязательно вернется сюда, к ней. Потому что хочет этого и верит — она ждет его.

Он готов был бросить якорь в этой тишине и поверить, что такое возможно.

...Арендованные для натуральных съемок трейлеры расположили в тени деревьев. В перерыве народ как всегда разбрелся кто куда. Морин уединилась, скрывшись ото всех.

Кейран поудобней разместил камеру, висящую на широком ремне на его груди, и отошел в сторону, присев под вязом. Сдвинул очки на лоб, закрыл глаза и привалился к стволу.

Состоявшийся утром разговор с Хейз не шел у него из головы. Кейран вспоминал о чем и как они говорили, и силился понять, стоит ли тревожиться. Может, у него начинается паранойя? Синдром «безумно влюбленного»?

Имеет ли этот разговор отношение к приступам его необъяснимого страха?

Хейз позвонила сама — явление крайне редкое за время их знакомства. И половина звонков от нее случилась по чисто деловому поводу, например, насчет продажи квартиры.

Кейран никогда не увлекался этой чепухой, выставляя разные рингтоны на телефонах. Его устраивал простой ненавязчивый сигнал, но на звонки от Хейз, редкие, как солнечные дни в ноябре, он, поддавшись импульсу, поставил композицию «Miracle» Shinedown. Услышав аккорды песни, обрадовался, как мальчишка.

— Неужели ты позвонила сама? Это, наверное, у земли полюса сменились.

В ответ раздался короткий, смущенный смешок. Мягкий и нежный, как пушистый цветок одуванчика.

— Привет. Не отвлекаю?

— Отвлекаешь. Всегда отвлекаешь. Если что-то и способно меня отвлечь, то только ты. Сегодня закончу пораньше. Сходим куда-нибудь поужинать?

— Кей, сегодня не получится...

— Тогда я куплю что-нибудь по дороге к тебе. Устроим дома вечер ресторанной еды.

— Послушай, Кей...

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Ничего не случилось.

— Ты не хочешь, чтобы я приходил?

Он старался говорить спокойно, но сам слышал, как напряжение звенит в голосе.

— Я хочу, чтобы ты приходил. Хочу видеть тебя постоянно. Хочу, чтобы ты был рядом — днем и ночью, — выпалила она. — Но... это ведь неправильно. У меня куча дел. Неотложных и важных. И ты сам говорил, что очень занят до конца этой недели.

Пауза — как долгий порыв ветра, что дул в лицо, не давая говорить.

— И что это меняет? — помолчав, спросил Кейран. — Что мешает нам видеться вечером. Ночью. Или ты опять начнешь твердить что спать у тебя неудобно? — хмыкнул он.

В ответ она только тихо вздохнула

— А в воскресенье? Мы планировали уехать. Ты передумала?

— Да нет же! Именно потому, что хочу уехать с тобой в воскресенье я и собираюсь переделать до этого времени кучу дел, — горячо заговорила Хейз. — А ты... ты отвлекаешь меня. Я ни о чем думать не могу, кроме тебя. Сегодня, когда ты ушел, я час просидела с

твоей рубашкой в руках.

— Теперь как зверь буду оставлять свои метки повсюду, чтобы ты постоянно на них натыкалась и ни о чем, кроме меня и не думала, — проговорил он.

— Это уже похоже на какой-то приворот... Ты хочешь, чтобы я превратилась в одержимую тобой?

— Хочу. А чего хочешь ты?

— Хочу, чтобы мы понимали друг друга. Чтобы не было так чертовски неловко говорить обычные вещи, как сейчас.

Они снова замолчали.

— Понятно. Значит, до воскресенья не увидимся? — заключил Кейран. — Бог мой, лучше бы ты не звонила, Хейз, — он рассмеялся коротким невеселым смешком. — У меня разом выработался условный рефлекс — не радоваться твоим редким звонкам раньше времени.

Он понимал и чувствовал, что Хейз расстроена их разговором. Понимал, что она права, а он ведет себя слишком напористо. Он же практически поселился у нее, вторгся в ее жизнь внезапно, не дав времени осознать произошедшие перемены.

Но Кейран ничего не мог с собой поделать. Она была нужна ему, каждую минуту, рядом, предельно близко, а не где-то там. Во всяком случае, он должен был знать наверняка, что окончание уходящего дня и встречу нового он проведет с ней.

Когда Хейз рассказала ему о своих планах и особенно услышав, чем она занята в субботу, Кейран снова на миг утратил способность говорить. Она даже не подозревала, каким удивительным образом наполняет его жизнь, невольно, незаметно проникая туда, куда он не пускал никого.

Он ничего не сказал, решив, что для откровений момент не самый подходящий. До субботы время еще есть, он обязательно посвятит ее.

***

Хотела я того или нет, но пришлось вынырнуть на поверхность реальности из омута эйфории, вызванной бурно развивающимися отношениями.

Я не строила из себя благоразумную леди. Не пыталась навязать ни себе, ни Кейрану лишних сомнений, не испытывала недоверия. Я принимала все, как есть. А значит — надо двигаться дальше, решая все задачи, что предлагала жизнь. Но сказать это Кейрану оказалось куда сложнее, чем я могла представить.

...Во вторник мне доставили заказанную мебель.

В среду я оценила наличие машины, объездив множество мест в поисках подходящей обстановки для дома и прочих нужных и полезных в хозяйстве вещей.

Вернувшись домой, продолжила полосу «великих свершений» и позвонила Брайану.

Он, не перебивая, выслушал мое сумбурное изложение идеи насчет магазина и что удивительно — одобрил. Сказал, что возможно стоит поговорить с Эвлинн в ближайшее время. В сезон наплыва туристов в город спрос на сувениры возрастает. Если магазин будет успешно работать в летние месяцы, то идею продажи бизнеса можно будет пересмотреть. Мой друг собирался рекомендовать меня не только как потенциального (хоть и весьма сомнительного) партнера, но и в качестве наемной силы — продавца.

События выстраивались странной цепочкой, догоняя друг друга, цепляясь и странным образом пересекаясь.

Поговорив с Брайаном о магазине, я, все еще зараженная вирусом энтузиазма, полезла

на чердак и открыла коробки. Их содержимое начисто сбilo меня с толку.

Одна коробка была доверху заполнена упаковочной стружкой, среди которой я обнаружила десяток изделий очень похожие на те, что продавались у Эвлинн — несколько медальонов, браслеты, витой узорчатый торквес* с наконечниками в виде двух сжатых кулаков. И снова я, кажется, узнала своеобразный авторский стиль.

Вряд ли это было еще одно ничего не значащее совпадение. И даже уже не намек, а все более четко складывающаяся формула, обозначающая связь семьи Эвлинн с этим домом и с семьей Кейрана.

Во второй коробке лежала полинявшая матерчатая сумка, в которой оказались аккуратно сложенные детские вещи. Бледно-голубое фланелевое одеяльце, обшито по краю белым кантом в виде переплетающихся узлов и завитушек. Пара крохотных кофточек, малюсенькие кожаные ботиночки. И «волшебный носовой платок»**, сшитый в чепчик грубоватыми неровными стежками. Кто-то мастерил эту вещицу, явно не очень хорошо владея иглой.

Я до сумерек просидела на чердаке, строя предположения, почему эти вещи находились здесь, в доме, который столько лет пустовал и был предназначен к продаже.

Чьи это вещи? И почему хозяева так тщательно их упаковали, но не забрали с собой?

Я сложила всё на место, снова заклеила коробки и, руководствуясь внутренним сдерживающим фактором, решила пока не рассказывать о том, что нашла ни Кейрану, ни кому бы то ни было еще.

Всю пятницу я проторчала на кухне, угорая у плиты. К вечеру шесть пирогов были готовы и удались на славу.

Укладываясь спать, я чувствовала себя полной идиоткой от того, что решила изображать здравомыслие и отказалась видаться с Кейраном.

Три дня без него уже казались годами, прожитыми в разлуке.

***

...В ночь с пятницы на субботу погода изменилась.

Меня разбудили далекие всполохи грозы, и до самого рассвета я наблюдала, как стекают по стеклу струйки дождя, плавно, почти незаметно меняется оттенок неба, и ночь уступает права пасмурному утру. Птицы притихли, смолк ветер, только слышались отголоски уходящей грозы и тихий шорох мокрой листвы деревьев в саду.

Я встала рано и отправилась в душ. В коридорчике второго этажа остановилась и открыла дверь в комнату. Я не стала заходить внутрь, просто стояла у порога и смотрела.

Определенно, я не зря потратила время на этой неделе. Пустующая комната преобразилась, став уютной, особенной.

На тонких кованых карнизах над двумя окнами теперь висели бежевые полотняные шторы и тонкая, легкая, как белый туман, органза. Сквозь ткань проникал мягкий рассеянный свет. Приоткрытые окна пропускали свежий влажный воздух, напоенный запахами промытой дождем листвы и насыщенный аромат мокрой земли.

На новой кровати расстелено покрывало, белое с сине-зелено-бежевым рисунком. На полу — большой синий с белым и коричневым узором ковер-килим.

В этой светлой, наполненной особенным покоем комнате, наверное, было бы приятно засыпать и просыпаться. Но пока я не знала этого, потому что по-прежнему спала на диване внизу.

Я хотела провести первую ночь здесь вместе с Кейраном.

Кроме кровати и нескольких текстильных акцентов в спальне не было больше ничего, но почему-то именно это состояние помещения мне очень нравилось. Словно я сделала важный первый шаг, положив начало чему-то, а дальше должна двигаться уже не одна.

Приятное, трепетное, ранимое ощущение. Из тех, которые лелеют и хранят, не доверяя никому.

---

*Торквес (торк) — кельтская разновидность шейной гривны: культовое украшение из драгоценных металлов, которое носили вокруг шеи, талии, поперек груди, как браслеты.

**Волшебный носовой платок — Специальный носовой платок, который благодаря нескольким стежкам может быть превращен в чепчик для ребенка, а распоров стежки, обратно в носовой платок, и сохранен в качестве семейной реликвии.

Глава 28

Ночь, тишина и одиночество не самые лучшие компаньоны, особенно когда некуда деться от себя самого, и мысли в голове галдят наперебой, не давая покоя.

Кейран принял душ на первом этаже лофта. Из ванной медленно прошел к лестнице, ведущей на второй уровень, где находилась спальня, честно намереваясь улечься спать. По дороге прихватил лежащий на кофейном столике айфон. Чистый пол поскрипывал под босыми ступнями, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

Два раза в неделю лофт убирала помощница по хозяйству. Она же относилась и забирала вещи в химчистку и прачечную, и заполняла холодильник по мере необходимости, согласно списку, который пунктуально оставлял Кейран.

Нигде ни морщинки, ни пылинки, порядок и чистота.

Все как всегда, за исключением того, что все безвозвратно изменилось.

Это просторное, со вкусом отделанное и обставленное помещение больше не было его домом. Обиталище, перевалочный пункт, некая точка в пространстве между прошлым и будущим, но не дом.

Здесь он был один, в вакууме, как на поверхности луны и при отсутствии притяжения к чему-либо, потому что все помыслы, все чаяния и желания давно уже переместились туда, где всё было связано с Хейз.

Кейран поднялся по лестнице, задумчиво посмотрел на кровать и уселся поверх аккуратно застеленного покрывала. Водя рукой по влажным после душа волосам, долго смотрел на айфон.

Позвонить ей, несмотря на поздний час?

Или просто взять и поехать?

Позавчера он, кажется, напугал ее своим ночным звонком, но так и не удосужился ничего объяснить.

...Двумя днями раньше Кейран, разочарованный разговором с Хейз, весь вечер и половину ночи просидел у компьютера в стерильной тишине своего лофта, отбирая отснятые материалы для отправки Лоре в издательство. На следующий день ушел на работу невыспавшийся, измотанный, и еще более хмурый, чем обычно.

Днем Лора позвонила ему и сказала, что он совсем заработался, раз посылает пустые файлы.

Кейран не стал спорить и оправдываться, решив, что произошла какая-то ошибка при копировании и пересылке. Еще дважды он повторял попытку и дважды снимки словно испарялись в виртуальном пространстве по дороге к получателю.

После третьей неудачи Лора вспылила и отчитала его, как неразумного мальчишку. А он не мог ничего возразить, настолько абсурдной и несвоевременной была ситуация.

— Кейран, дорогой, у тебя какие-то проблемы с элементарным навыком пользования электронной почтой? — не скрывала раздражения директор издательства. — Знаешь, а привези-ка мне все сам. Вместе все посмотрим и отберем. Жду в издательстве в пятницу вечером. Специально задержусь на работе ради тебя хоть до утра.

— Пятница отпадает, — машинально возразил молодой человек. — У нас до субботы натурные съемки и все расписано до...

— Время, в отличие от моего терпения, ограничено. Не у тебя одного все расписано, — холодно прервала его Лора. — Не думаешь же ты, что я тут сижу, поплеываю в потолок и только указания раздаю.

Негодование, ледяное и тяжелое, как айсберг, начало движение в океане его эмоций.

За все время их сотрудничества ничего подобного не случилось. С ним вообще никогда ничего подобного не случилось. Кейран с маниакальной дотошностью относился к своей профессии и ведению дел, никогда и ничего не забывал, не терял и не путал.

До некоторых пор его доверенной помощницей была Шона. Единственное, где Кейран всегда царствовал всецело и безраздельно — это именно в том, что касалось хранения и классификации отснятых материалов. Сюда он не допускал никого. Камеру всегда держал при себе, заполненные карты памяти при смене на чистые тут же прятал, и все аккуратно хранил в маленьком домашнем сейфе. Забрав карты памяти с фотосетами из ячейки банка, Кейран дома первым делом убедился, что с материалами ничего не случилось. Для журнала снимки отбирал долго и тщательно и прекрасно видел, что отправляет.

— Как хочешь, но в понедельник материал должен быть у меня, — отрезала Лора. — Не знаю, что там у вас происходит — запарка, накладки или еще что, мне это не интересно. Я регулярно созваниваюсь с тобой и Морин, вы в один голос твердите, что у вас все расчудесно. А мне откуда это знать? Только с ваших слов! Я бы сама приехала с ревизией, но ваш проект у меня не единственный, хоть и один из самых перспективных.

Кейран отмалчивался, решив не сотрясать воздух лишними формальными оправданиями и обещаниями. Наконец, Лора сделала паузу и заговорила вновь, заметно снизив тон.

— Ты же знаешь нашу «кухню», Кейран. Знаешь, что сроки для меня — это кандалы. И я, черт побери, завишу от кучи необязательного народа, который почесаться не может, чтобы сделать свое дело вовремя и как следует. И вас таких — легион.

— Понимаю, Лора, извини, — сдержанно отозвался фотограф. — Я разберусь и все исправлю.

— Разбирайся. Исправляй. Только очень-очень быстро, — уже совершенно спокойно отозвалась Лора. — Пытайся воспользоваться почтой снова. Может, что-то в настройках сбивается, и сообщения от тебя попадают в спам. Шли на другой мой персональный электронный адрес. Но если снова ничего не получится, жду тебя лично с целой охапкой материалов. Понедельник — это предельный срок, мистер Уолш, слышите?

Несмотря на четко фиксированную привычку держать все под контролем, Кейран никогда не пренебрегал тем, что контролю не поддавалось. Наоборот, относился к подобным вещам с повышенным вниманием. Кроме абсурдных моментов, вызывающих откровенное пренебрежение. Например, всякого рода странности и «чудеса», в которые верили его мать и бабушка. Но сейчас он был близок к тому, чтобы поверить в Матрицу, потому что происходящее с пересылаемыми по электронной почте материалами можно было объяснить только коварными происками неуловимого и невидимого «агента Смита».

Кейран не удивился, когда и на другой e-mail материалы снова не дошли.

После разговора с Лорой он сразу позвонил Хейз. Нажимая кнопку быстрого вызова и ожидая ответа, стиснул зубы.

— Наш уговор о совместной поездке в силе? Ты не передумала? — быстро сказал он, едва услышав голос Хейз.

— Кейран, милый, что случилось? — настороженно отозвалась девушка.

— Все в порядке, родная, — как можно более мягко ответил он, поняв, что растревожил

ее.

— Почему ты снова спрашиваешь? Я же сказала — не передумала. И не передумаю. Хочу уехать с тобой. Я скучаю, ужасно...

— Do focail mil...*- проговорил он тихо и с явным облегчением. — Будь готова к воскресенью. Я все устрою и сообщу детали.

Кейран забронировал два билета в Столицу и номер в отеле и сразу же арендовал машину, которую должны будут оставить для него на стоянке в аэропорту.

Менять свои планы из-за нелепого недоразумения он не намерен.

Тишина в лофте стала плотной, словно войлок. Мысли совершенно распоясались, заставляя возвращаться туда, где он не видел уже смысла бывать.

...Кейран учился в столичном колледже, когда у него случились первые серьезные отношения с девушкой. Трудно сказать, была ли это та самая незабываемая первая любовь, но юноша думал о подруге днями и ночами напролет, почти потеряв голову. Почти, но все же не потерял. Со свойственными ему с детства здравомыслием и сдержанностью, Кейран продолжал отлично учиться, работал на двух работах и часто мотался в родной город, навещая деда.

Он расстались, когда он разочаровал подругу, твердо заявив, что не собирается оставаться в Столице и строить свою карьеру именно там.

Все его последующие отношения длились подолгу, но вели в никуда. Всё словно само собой сходило на нет, исчерпав ресурс того, что может держать людей вместе.

С Шоной Кейран всерьез задумывался о будущем, несмотря на очевидное расхождение в их проектах совместного «воздушного замка», но со временем начал понимать, что различие это довольно существенно и мириться с ним все сложнее.

Теперь в его жизни была Хейз, и он всем своим недоверчивым, упрямым и въедливым существом, ощутил разницу от испытанного прежде и сейчас.

Хейз возникла посреди ровного пути. Ослепила, как солнечный свет, внезапно упавший с высоты. Сразила наповал, приняла, согрела, ответила взаимностью, подтвердив полное совпадение их тел и желаний.

Его затащило в чувства к этой девушке с пугающей силой, которой он не хотел сопротивляться. И если это состояние сравнивать с погружением в омут, то он готов был нырнуть до самого дна и научиться жить, не дыша. И ему казалось, что если Хейз в чем-то и сомневалась, то успешно преодолевала свои колебания, двигаясь вместе с ним, доверяя ему. Кейран чувствовал это в ней.

Но Хейз вдруг словно насторожилась и отступила, решив придержать его на расстоянии. Вряд ли это означало, что она хотела бы прекратить их отношения. Возможно, просто ей было нужно двигаться в более спокойном, даже предсказуемом ритме.

Но вот он с ней так не мог. Её он чувствовал иначе и проявлял свои чувства иначе. Порой очень неожиданно для себя самого.

Уязвленный бессмысленной, с его точки зрения, разлукой с девушкой, Кейран, в приступе мазохизма, сделал «математический» срез с их отношений. Получилось, что если верить в алгоритм, который сложился из его предыдущего опыта, то им с Хейз было отведено два-три года.

Вывод лишил равновесия, напугал, вызвав злость на самого себя. И заставил задуматься — что он должен сделать, чтобы его будущее с Хейз не встало в ряд логической цепочки отношений, закончившихся пресыщением, охлаждением и равнодушным расставанием.

Он привык к тому, что поступал всегда осмысленно, не пугаясь ошибок, не питая иллюзий, и с детства твердо уяснив, что обстоятельства совсем неохотно прогибаются под нашу волю. С Хейз все было не так, здесь им руководил не рассудок, а сердце. Но при этом разум ни в коей мере не вступал в противоречия с порывами души, здесь как раз наблюдалась полная гармония.

Он должен сделать эту женщину счастливой, удержать ее, и он предпримет для этого все. Для начала перестанет искрить и с пониманием отнесется к ее желанию не видеться эти дни. Все равно осталось потерпеть совсем немного.

Кейран снова посмотрел на айфон, и выпустил его из руки, перестав неистово сжимать ни в чем не повинное, бездушное средство связи. Лег на кровать прямо поверх покрывала, закрыл глаза и скоро задремал.

Проснулся на рассвете, когда снаружи бушевала гроза. Ливень стучал по крыше, потоки воды с шумом неслись по водостоку.

Кейран поднялся, чувствуя себя уверенным и спокойным. Под стихающие раскаты грома и отдаленные вспышки молний уходящей грозы привел себя в порядок, неспешно и аккуратно собрал все необходимое и покинул лофт.

***

Два дня беспокойство терзало, как зубная боль, то немного затухая, то вновь разгораясь.

Позавчерашний ночной звонок Кейрана напугал меня. Его непохожий сам на себя голос, звучал тревожно, напряженно и словно... умоляюще. Даже одна из этих его фраз, произнесенная на родном языке, не согрела, как обычно, а стала порывом холодного ветра, пробравшим до костей. На мой вопрос, не случилось ли чего, Кейран ответил отрицательно. Он заговорил о поездке так, будто от нее зависело очень многое.

С моих губ едва не сорвалось «Приезжай!», но я промолчала, упрямая в решении создать условное расстояние между нами и выдержать сроки его действия. И теперь терзалась сожалением. Ведь на самом деле хотелось не границы обозначать, а быть нужной, единственной. Всегда, везде. «В горе и радости». Даже если мы не женаты и не живем вместе.

Я была занята всю неделю — реальными делами и бесконечными раздумьями — и чувствовала себя бобрихой, которая без остановки грызет бревнышки и громоздит плотину. И «бревнышки» эти вовсе не были моими сомнениями, нет, с ними я уже покончила. Что-то происходило, менялось. И я начала понимать, что, решая повседневные дела, устраивая свой быт, инстинктивно возвожу некую защиту, но не от чувств к Кейрану, не от происходящих перемен.

Я готовилась к чему-то, пытаясь оградить мой мир от того, что приближалось и намеревалось вмешаться.

***

...К двенадцати часам пришла Уна. Вместе мы погрузили пироги в машину и отправились в пансион (определение «дом престарелых» мне не по душе).

От моего дома до старого поместья, на территории которого в большом двухэтажном особняке располагался пансион для пожилых, вся дорога заняла пятнадцать минут. Я рулила неторопливо, опасаясь повредить плоды своего пекарского таланта, занявшие все заднее сиденье «тойоты». На поворотах Уна поворачивалась и, перегнувшись через спинку, придерживала руками и без того закрепленные ремнями безопасности картонные коробки с упакованными в них формами с пирогами.

С задачей мы справились и довезли все в целости и сохранности.

Перед въездом непосредственно на территорию пансиона, я притормозила и выглянула в открытое боковое окно.

Среди подавляющего большинства консервативных строений, традиционно отделанных в наших местах желто-серым гранитом и плитняком, здание, в котором располагался пансион, производило более «облегченное» впечатление.

Расположенное на холме, в окружении вязов и дубов, белая классическая постройка конца позапрошлого века, была явно недавно отремонтирована. Стены оштукатурены и покрашены, серая черепичная крыша еще не успела выцвести и поблекнуть. Колонны у главного входа величественно возвышались до второго этажа, являясь опорами большой прямоугольной террасы, окруженной прочной каменной балюстрадой.

Вокруг пансиона — обустроенная, чистая территория с ухоженными газонами, рядами стриженных кустарников, множеством цветников, клумб, дорожек и скамеек.

Уна, которая уже бывала здесь и отлично ориентировалась, показала, где можно припарковать машину, чтобы не таскать пироги через парадную дверь.

— Надо проехать по основной подъездной аллее и свернуть направо, а потом за угол усадьбы. Там метров пятьдесят до дверей служебных помещений, — сказала девушка. — И стоянка, на которой персонал оставляет свои машины.

Площадка для машин персонала оказалась небольшой и почти полностью заставленной, но мы нашли местечко и приткнули «тойоту». Подхватив одну коробку с пирогами, я следом за Уной вошла в двери служебного входа, где попала прямо в руки миссис Барри. Я с кем-то знакомилась, автоматически отвечала на вопросы и меня при этом куда-то настойчиво направляли. В результате перемещений под энергичные распоряжения Фионы, я оказалась в просторном, украшенном цветами эркере с большими окнами, где были накрыты столы.

Начав немного соображать, я осмотрелась.

Очень чисто, светло, уютно. Красивый, спокойный интерьер. Добротная мебель, многочисленные столики, этажерки, диванчики и кресла вдоль стен. Эркер являлся продолжением холла первого этажа, отделенный от него широкими раздвижными дверями, и выходил на крытую террасу, украшенную по периметру гирляндой из разноцветных лампочек.

Вокруг сустились люди, перемещались, переговаривались, накрывали столы. Перетаскав вместе с Уной все пироги, мы подошли к группе людей, среди которых была миссис Барри и три женщины, одетые в форму медперсонала. Я чувствовала себя слегка растерянной, неготовой плавно влиться в процесс и в непринужденную беседу.

— Хейз! — воскликнула Фиона, дружески похлопав меня по руке. — Я рада, что вы к нам присоединились. Я уже рассказала о ваших пирогах. Все горят желанием их попробовать.

— Ой, думаю, вы переоцениваете мой талант кулинара, — пробормотала я.

— Не скромничайте, — не снижая тона, отозвалась Фиона. — Мы устраиваем эти вечера не первый год, и у нас тут как-то сама собой сложилась традиция проведения своеобразного дружеского конкурса лучших блюд. Ваша выпечка наверняка займет высокое место в неофициальном рейтинге.

— Кхм... не знаю, что и сказать, — растерянно отозвалась я.

— Ничего и не надо говорить. Просто наблюдайте, как ваш кулинарный успех будут нахваливать другие. Здесь собрались люди, которые умеют ценить радости жизни, уж

поверьте.

В ответ я машинально изобразила вежливую улыбку, чувствуя себя едва ли не степфордской женой.

Неужели и в самом деле можно начать волноваться о том, какое место займет твой пудинг среди прочих запеканок, пирогов и салатов? Или здесь в пригороде действительно больше нечем заняться?

Стремясь отвлечься от удручающих мыслей, я попыталась вникнуть в суть проведения сегодняшнего мероприятия. Видимо, это была своеобразная трактовка традиционного июньского праздника**, хотя и отмечался он не в понедельник. В целом же все очень походило на провинциальную вечеринку участников какого-нибудь местного клуба по интересам. Например, «Общества N-ских любителей запеканок и пирогов».

Самое забавное, что теперь и я принадлежала к их числу.

Я помогала расставлять блюда с угощениями и одноразовую посуду на столах и не заметила, как холл стал заполняться. Пожилые люди приходили и рассаживались на стульях и диванчиках, расставленных у стен. Кто-то был вполне бодр, некоторые перемещались в инвалидных креслах, а часть и инвалидные кресла не могли двигать сами, их прикатывали и оставляли у стены.

Пока холл не заполнился, я почти забыла, что нахожусь в месте, где люди по сути дела, доживают свой век. В этих стенах жили больше воспоминаниями, а не надеждами и мечтами. Здесь царила старость, главенствовало прошлое, им подчинялось настоящее, а будущее было печальным и предсказуемым.

Несмотря на прекрасные условия, чистоту, комфорт, удобства и заботу все это совсем невесело. Оказывались здесь по разным причинам, но в любом случае это отнюдь не то, что я желала бы для себя и для тех, кого люблю.

Задумавшись, я не заметила, как холл и эркер заполнились людьми. Пожилых обитателей было десятка два или около того, остальные, видимо, персонал и гости.

Зажглись гирлянды лампочек, хотя на улице было еще совсем светло, из невидимых динамиков полилась негромкая музыка. Выбор мне понравился — Синатра, Мартин, инструментальные композиции, среди которых звучали фольклорные и современные аранжировки старых хитов.

Постепенно присутствующие стали собираться в группы, пробовать угощение, разговаривать, даже танцевать, или выходили посидеть на террасу.

Я чувствовала себя здесь наблюдателем, не участником. Постояв немного в сторонке, и убедившись, что мои пироги, в самом деле, пришли к столу, стала подумывать о том, чтобы незаметно удалиться. Но прежде следовало уточнить, какое участие потребуется еще от гостей, в том числе и от меня. Скорее всего, надо будет помочь с уборкой. Я собралась уже тихонько подобраться к Уне и расспросить ее, но мое внимание привлек один их обитателей этого дома.

Пожилый мужчина, одетый в клетчатую фланелевую рубашку и вылинявшие до белесой голубизны джинсы, сидел в инвалидном кресле у стены справа, и так же, как я, отстраненно наблюдал за происходящим. У него были совершенно седые, отливающие серебром, длинные волосы собраны в аккуратный хвост. Лицо, наверное, когда-то было очень красивым, черты и сейчас сохранили четкость и благородство — крупный прямой нос, выразительный рот, высокие скулы. И разрез глаз, неуловимо напомнивший мне кого-то.

Судя по ширине плеч, отнюдь не согбенных, и по длине ног, старик был высоким,

статным мужчиной. В нем не было заметно дряхлости, немощи, а наличие кресла вызывало ощущение несоответствия. Некоторая небрежность позы, то, как старик опирался в подлокотники, чуть склонившись вперед, говорила скорее о том, что он просто присел в кресло, за неимением других посадочных мест.

Мужчина держал в руке чем-то наполненный пластиковый стакан, но ничего не ел. К нему то и дело подходили, заговаривали, что-то спрашивали. Старик казался немногословным, отвечал либо короткой фразой, либо реагируя просто кивком головы или сдержанной, но искренней улыбкой, которая больше выражалась глазами, чем движением губ.

Подчиняясь неясному импульсу, я подошла к столу, положила на картонную тарелку кусочек своего пирога с вишней и шоколадной крошкой и направилась в мужчине в инвалидном кресле.

— Не хотите попробовать? — проговорила я, подойдя к старику. И протянула ему тарелку.

Он внимательно посмотрел на меня, чуть пошевелив густыми белыми бровями, потом перевел взгляд на тарелку.

— Ваше изделие? — спросил он низким голосом, почти басом, звучавшим негромко, но четко даже на фоне музыки и всеобщего галдежа.

— Да, мое... — неуверенно ответила я, не понимая, с чего вдруг пристаю к этому спокойно сидевшему пожилому человеку, которому наверняка уже десяток раз предлагали что-то отведать с ломящихся яствами столов. А тут я со своими пирогами.

Старик поставил недопитый стакан на небольшой столик у стены, протянул руку и взял у меня тарелку. Я смотрела, как он аккуратно отделил пластиковой вилкой кусочек выпечки и отправил его в рот. Неторопливо и красиво прожевал, глядя куда-то перед собой, потом перевел взгляд на меня.

— А ведь вкусно, — заявил он, одобрительно качнув головой.

— Бабушкин рецепт, — сказала я, словно что-то пытаюсь объяснить. Или оправдаться.

— Но пекли-то вы, — заметил мужчина.

Он внимательно посмотрел на меня и снова его взгляд показался мне странно знакомым.

— Тех леди, — старик кивнул головой в толпу, — я уже знаю, а вас вижу здесь впервые.

Он осторожно опустил руку с тарелкой себе на колено и поморщился. Приглядевшись, я заметила припухшие суставы пальцев его крупных рук.

— Я здесь впервые. Только недавно переехала в N. Вот, предложили поучаствовать, — я указала на тарелку с пирогом.

Старик окинул меня взглядом с головы до ног, сдержанно улыбнулся.

— Что ж, не посрамили бабушкин рецепт. Не припомню, чтобы мне доводилось отведать таких же вкусных пирогов. И вишня, видно, свежая. Только вот откуда? Не сезон ведь еще для местной ягоды.

— Вишня из магазина. Привозная, — ответила я, отмечая, что мне нравится беседовать с этим стариком. — Сейчас можно купить что угодно и когда угодно. Папайя и клюква на прилавках круглый год соседствуют.

— М-да, я как-то поотстал от жизни, — ухмыльнулся мужчина, ковыряя пирог кончиком вилки. — Давным-давно уже не хожу по магазинам, подзабыл. А откуда вы приехали? — сменил он тему.

— Из города. Жила в самом центре.

Мой собеседник удивленно вскинул брови.

— Что же заставило молодую женщину променять городской комфорт на сомнительные прелести загородной жизни? — поинтересовался он.

— Так уж получилось, — пожала я плечами.

— Ну и как, нравится в N?

— Если честно, то да. Очень нравится. И я не жалею, что пришлось переехать, — добавила я зачем-то.

— Ясно. — Старик снова отделил кусочек пирога, неспешно отправил в рот, прожевал. — А как вас зовут, юная леди? — спросил он.

Когда он задавал мне вопрос, на его лице внезапно отразилось удивление. Густые брови выразительно приподнялись, а взгляд устремился куда-то мне за спину.

Я хотела инстинктивно оглянуться, когда мне на плечо решительно легла сильная рука.

— Её зовут Хейз, — раздался голос Кейрана. — Привет, дед. Познакомься, это Хейз, — повторил он, притягивая меня к себе и быстро целуя в щеку.

Я оторопело молчала, вертя головой и глядя то на старика, то на Кейрана.

— Хейз, это мой дед — Джек Уолш, — представил он пожилого мужчину.

Я автоматически протянула руку, чувствуя ответноежатие сухой и горячей ладони старика. И только сейчас поняла, что внук с дедом очень похожи, но находятся в разных временных пластах своего сходства. Одинаково резковатые черты лица, у одного чуть искаженные морщинками. Пронзительный взгляд — у внука глубокий океанический, у деда светло-голубой — который временами становился глубоким и неподвижным, буквально приковывая к себе. Та же линия прямых, широких плеч. И схожий низкий, бархатистый тембр голоса.

Я, наверное, была удивлена, но эта эмоция быстро потонула в море тепла, которое ощущалось от долгожданной близости Кейрана. Я и не понимала до сих пор, что не просто соскучилась. Я изнемогала без него.

Из динамиков тихонько лилась вечная и нестареющая Nature Boy. Волшебный голос Нэт Кинг Коула напевал о мужественном, странном, наделенном особой силой парне.

«И однажды, одним волшебным днём,

Он проходил по моему пути»...

***

Кейран припарковал «лексус», как обычно, не заезжая на территорию пансиона, и стремительно проследовал до главного входа по центральной аллее, шурша гравием.

Её он увидел сразу, как только вошел в многолюдный холл.

Хейз стояла спиной к нему, одетая в темно синие джинсы и белую приталенную рубашка с вышивкой, красиво обрисовывавшую женственные линии ее тела. Свободно заплетенная, толстая коса, лежала на спине до самого соблазнительного изгиба, где поясница переходила в упругие округлости.

Сердце Кейрана подпрыгнуло в груди и зачастило, подгоняя быстрее подойти к ней, прикоснуться и больше не выпускать из рук.

Направляясь к Хейз, увидел, что девушка беседует с его дедом. И не удивился, наоборот, испытал нечто вроде облегчения.

Два человека, самых важных в его жизни. Здесь и сейчас. А значит, все правильно.

— Её зовут Хейз, — сказал Кейран, услышав, что дед спрашивает имя его девушки.

Он положил руку ей на плечо, потом скользнул ладонью по спине до талии, притянул к себе.

— Привет, дед. Познакомься, это Хейз, — снова повторил он и коснулся губами ее теплой и нежной щеки.

«Она моя», — красноречиво демонстрировали жест и поцелуй. Кейран открыто посмотрел в глаза деду.

Неподдельное удивление во взгляде Джека Уолша сменилось пониманием и одобрением, а где-то в самой глубине голубых глаз промелькнула искорка веселья. В привычной «рамочке» ироничного прищура.

Хейз дернулась в руках Кейрана, заворочалась, стремясь мягко отстраниться. Но он не отпустил ее, продолжая удерживать рядом. Она повернула к нему лицо, на котором можно было прочесть не заданные вопросы. Но она ничего не спросила, лишь улыбнулась. Взгляд Хейз излучал искреннее тепло, когда она протянула руку Джеку, ладошка утонула в поврежденной артритом ручище.

— Хейз, это мой дед — Джек Уолш, — представил Кейран.

— Мне очень приятно познакомиться, — искренне отозвалась она.

— Вы, ребята, сегодня точно устроили мне персональный праздник, — заметил Джек, осторожно пожимая руку Хейз. Удерживая на коленях тарелку с недоеденным пирогом, он не без усилия поднял вторую руку и накрыл ею запястье девушки.

— Фантастические пироги, визит внука и новая знакомая, прекрасная, как добрая фея — да сегодня в этой богадельне просто день чудес, — заявил дед, улыбаясь.

Тут старшего Уолша словно осенило. Белые брови снова выразительно взметнулись вверх.

— Погодите-ка, а вы, Хейз, не та ли самая, кто въехал в наш старый коттедж? — напрямую поинтересовался Джек, одновременно с интересом наблюдая за выражением лица внука.

Кейран остался невозмутим. Девушка, коротко взглянув на молодого человека, и, не заметив возражений с его стороны, ответила:

— Верно. Я — та самая.

Что-то, очень похожее на внезапное понимание снова мелькнуло на лице старшего Уолша, следом, как рябь по воде, проскользнуло нечто нечитаемое. Лицо старика застыло, жили только глаза, взгляд которых переходил от внука в женщине, которую тот держал так, словно никаким силам не собирался позволить лишить его права быть с ней рядом.

Джек Уолш глубоко вздохнул, расслабился, будто смиряясь. Если и оставалось что-то на этом свете, чему он мог еще удивляться, то все, что произошло сейчас, было последним. Больше уже нет ничего, что способно его поразить. Но имелись вопросы, ответы на которые он не мог получить, как ни пытался.

---

*Do foscail mil...(ирл.) — «Слова твои мёд...»

**Июньский праздник — традиционный день, отмечается в первый понедельник июня.

Глава 29

Джек Уолш был воплощением ироничной величавости и необыкновенного достоинства, отражавшихся в каждом жесте, позе или взгляде этого немолодого человека.

Чем больше я наблюдала за ним, тем больше видела сходство с внуком и тем сильнее проникалась ими обоими.

Мы с Кейраном ушли, когда наступающий вечер обозначился на затянутом облаками небосводе едва заметным розовато-фиолетовым свечением.

Недолгая поездка до моего дома прошла в молчании.

Кейран рулил одной рукой, другой крепко держа мою ладонь. То и дело посматривал на меня, оглаживая почти осязаемым жаром тревожного взгляда. А я сидела, как натянутая струна, уставившись в окно, и боролась с глупыми сентиментальными слезами, грозившими брызнуть из глаз, и из-за этого не решалась повернуться к Кейрану. Эмоции, наложившиеся на усталость и неразбериху последних дней, заставляли практически задыхаться.

Вот посмотрю сейчас на сидящего рядом мужчину, прочту в потемневших глазах беспокойство и невысказанные вопросы и непременно разревусь. Буду лить слезы о себе, о нем, о том, что увидела и узнала сегодня. И о красивом и сильном духом, пожилom человеке, которого мы оставили в белом доме на зеленом холме.

***

Кейран ни за что не отпустил бы от себя Хейз. Но девушка мягко высвободилась из его объятий, и ему показалось, что она ускользает, отдаляется. Ощущение было настолько болезненным, что Кейран коршуном следил за тем, как она непринужденно общалась со всеми, суежилась, помогая раздавать угощения, собирала использованные тарелки, разливала напитки. Она улыбалась, казалась непринужденной, но избегала смотреть на Кейрана.

Пока тот ревностно наблюдал за Хейз, старший Уолш в это время зорко следил за внуком.

Наконец, Хейз снова подошла к ним. Встала рядом, коснулась кончиками пальцев опущенной руки Кейрана, нежно погладила, умиряя, успокаивая. Он на миг прикрыл глаза от облегчения, стиснул зубы, подавляя нетерпение, тихо выдохнул. И поймал пристальный взгляд деда.

На улице сгущались мутноватые из-за влажности сумерки. Сквозь все еще плотные, но уже не мрачно-грозовые облака пробивалось вечернее зарево.

— Проводите-ка меня до опочивальни, детки, — сказал Джек. — Своим присутствием я это мероприятие почтил, хватит, пора уединиться.

Кейран деликатно пристроился сбоку инвалидного кресла, ненавязчиво помогая деду, которому было явно тяжело толкать колеса поврежденными болезнью руками.

— Вообще-то, на втором этаже спокойней, вид из окна получше и соседи поживее, — комментировал старший Уолш, ловко заезжая в свою комнату, расположенную в конце коридора первого этажа, — но правила нашей богадельни не позволяют размещать там неходячих. Несмотря на наличие в здании лифта, которым колясочники вполне могли бы пользоваться.

Он не жаловался, он просто говорил, рассказывал, как обстоят дела, сухо констатируя факты, словно скучающий экскурсовод.

Комната, в которой обитал старший Уолш, была просторной и вполне уютной, с высокими потолками, хорошей мебелью, современным телевизором с плоским экраном. На громоздком комоде стояла включенная сейчас компактная аудиосистема, из динамиков которой тихо раздавалась музыка. Из всех предметов обстановки в комнате особенно выделялось огромное кожаное кресло с потертым изголовьем. Этот бегемотообразный монстр попал сюда словно из другой жизни.

— Поскольку и я отношусь к «мешкам с костями», то мое место здесь. Поближе к земле, — иронично заключил Джек.

Говоря это, он стал подниматься с инвалидного кресла, явно преодолевая боль, когда опирался руками о подлокотники, и буквально вытаскивая свое большое тело. Когда Джек выпрямился, Хейз оторопела, чуть ли не открыв рот. Старший Уолш был крупным мужчиной, выше внука и шире в плечах. Настоящий гигант. Со своими серебряными волосами, убранными в длинный хвост на затылке, он напоминал легендарного старца — воина, ушедшего на покой, но не сломленного старостью и болезнью.

Кейран едва сдержал улыбку, наблюдая, как его девушка задрала голову, глядя на деда, возвышавшегося посреди комнаты. Старший Уолш снисходительно хмыкнул.

Кейран спокойно подошел к Джеку и, придерживая его под локоть, помог переместиться к кожаному креслу и усестся в него. Тот с облегчением перевел дух, устраиваясь удобнее. Потом жестом попросил Хейз подойти ближе, подался чуть вперед, когда она приблизилась.

— Знаешь, что я тебе скажу, Хейз. Из всего корма, что здесь нагрузили на столы эти заботливые кумушки, твои пироги не только вкусные. Они — настоящая еда.

— А всё остальное разве не настоящее? — поинтересовалась она.

Джек поморщился.

— Пресные пудинги и салаты, которые и жевать-то не надо? Конечно, не настоящие. Это эквивалент физраствору, который через трубочку подают.

Джек протянул руку и взял ладонь Хейз. Кейран знал, что прикосновение руки деда всегда было горячим, сухим и надежным. По лицу Хейз он понял, что и она так же ощущает это.

Кейран едва совладал с острой потребностью обнять девушку, стиснуть в объятиях так, чтобы каждая частичка ее тела почувствовала его. Чтобы без слов она поняла всем своим существом, что дороже ее на свете нет, и не будет никого.

Это больше, чем признание. Это то, что он чувствовал, в чем нуждался, чем отныне жил.

Светлые глаза Джека, удивительно чистые и яркие для его возраста, быстро скользнули по Кейрану, безошибочно считывая состояние внука.

— Ну, ребята, спасибо. Благодаря вам вечер прошел не зря. И я рад знакомству с тобой, Хейз, — искренне сказал старший Уолш. — А теперь отправляйтесь-ка отсюда по своим делам.

— Да, дед, мы пойдем, — отозвался Кейран.

— Я тоже рада познакомиться с вами, Джек, — сказала Хейз. — Пойду, спрошу, не нужна ли моя помощь.

— Я задержусь здесь на пару минут, — Кейран тронул девушку за плечо. — Найду тебя в холле.

Она кивнула, улыбнулась им обоим и выскользнула из комнаты. Красиво заплетенная коса, качнулась, скользнула по её спине, выделяясь на фоне белой рубашки и останавливая

на себе взгляд обоих мужчин.

Когда дверь за Хейз закрылась, Джек посмотрел на внука.

— Думаешь, стану что-то говорить? Или спрашивать? — обратился Уолш старший к Кейрану.

Тот коротко пожал плечами.

— Говори, отчего нет. И спрашивай, — бросил он.

— Скажу только одно — не чуди, мальчик мой. Знаю я тебя. Чуть что напряжет, ты сразу впадаешь в глубокую задумчивость. Не накручивай лишнего, не усложняй. Когда все просто и ясно, то оно так и есть. Недоверие к очевидному — твой худший из недостатков.

Кейран смотрел на деда и слушал его внимательно и чувствовал себя новорожденным, не умеющим сомневаться, не способным ничего скрывать или усложнять. Потому что в его мире на этот самый момент всё на самом деле просто, ясно и очевидно.

— А я ничего и не собираюсь накручивать, — признался Кейран.

— И правильно, — назидательно сказал Джек, указывая на внука пальцем. — А девушка...

Он не закончил фразу, задумался, опуская глаза.

— А грозился сказать «только одно», — хмыкнул Кейран. — Не понравилась она тебе? — тихо спросил он.

— В том-то и дело, что понравилась. Даже слишком. Как-то сразу и однозначно. И ведь не только красотой.

— Недоверие и твой враг, а дед?

— Но не в этот раз. Есть что-то в твоей Хейз, это точно.

— Что-то, что должно вызывать недоверие?

— Наоборот, — Уолш старший прищурился, посмотрев в окно. — если угодно, можешь счесть за старческий бред то, что я скажу, могу и ошибаться, но, кажется, она из тех женщин, которые хранят «твой сон походный...»

— Что? — не понял Кейран.

— «Сон Диармайда»* не читал? — вскинул бровь Джек.

— Не читал, но кто такой — в курсе, — в тон деду отозвался внук, зеркально повторяя мимику старшего родственника. — Тот еще был удалец.

— «К нам зачурана дорога —

Кильте* оберег оставил

(не умрешь ты — спи беспечно,

не уснешь ты вечным сном)», — процитировал дед. — Вот рядом с такой, как Хейз сон точно будет беспечным.

Джек, морщась, потер руку, лежащую на колене, и спросил уже совсем другим тоном:

— Кстати, у нее с головой-то все в порядке? С чего бы молодая женщина решила вдруг из хорошей городской квартиры переехать в старый домишко?

— Не приходило в голову копаться в причинах, — отозвался Кейран. — Она говорила, что это ее обдуманное решение.

— Да и ладно. Хотя все равно чудно. Ну, иди уже, не заставляй ждать свою русалку. Спасибо, что выкроил время и пришел. Подозреваю, что явился ты не столько из-за меня, сколько из-за своей красавицы. Но не подумай, что осуждаю. Наоборот, рад за тебя.

Кейран обнял деда и вышел, кивнув на прощание.

Джек отвернулся к окну, не желая смотреть, как за внуком закроется дверь.

Над кроной вяза, росшего неподалеку, кружили птицы. Они метались в воздухе, не издавая ни звука, как сгустки темноты. Траектория их хаотичного полета была словно ограничена невидимым барьером — они то опускались ниже, то взмывали вверх, то снова резко снижались. Не садясь на ветки, не поднимаясь выше в небеса, не приближаясь, и не улета, птицы двигались в пределах каких-то неведомых границ.

Джек Уолш задумчиво наблюдал за ними, застыв в кресле, как изваяние. И взгляд его зорко следил за рваными резкими перемещениями огромных черных ворон.

***

В этой комнате была частичка самой Хейз.

Светлая, чистая, настоящая, ничего лишнего, наносного. Наметанным, привыкшим подмечать детали, взглядом Кейран заметил, что кованые узоры на спинке кровати частично повторяли орнамент на стенах, и в то же время словно бы напоминали сложные переплетения прядей темной косы хозяйки дома.

Захотелось вдохнуть полной грудью, завалиться на полотняное покрывало, раскинув руки и просто смотреть в потолок или наблюдать, как слегка колыхнутся светлые шторы на окнах.

Все заботы остались за дверью, постеснявшись нарушить наполнявший комнату покой.

На этой кровати сегодня он будет любить Хейз. Любить так, чтобы она не смогла даже подумать, что в ее жизни что-то было до него или будет после. Никаких «до» и «после», только «сейчас и всегда».

Она завела его в комнату, остановилась у дверей. Повернулась к нему, заглянула в глаза с волнением, вопросительно.

— Нравится? Хотела сделать сюрприз.

— Красавица моя, — прошептал Кейран, нежно прижимая Хейз к себе, целуя ее в висок. От нее снова пахло сладкими цветами, летним полднем и теплым свежим ветром, напоенным луговыми травами.

Она уткнулась ему в шею, тихонько, с облегчением вздохнула.

— Я ни одной ночи еще здесь не спала. Тебя ждала...

Теплые губы девушки шевелились, мягко касаясь его кожи над воротничком рубашки. По спине Кейрана словно прокатилась жаркая волна, свилась в спираль, заключая его в плен, опоясала желанием, таким острым, невыносимым, как отчаянная жажда жить.

— Хейз... — прошептал он, беря в ладони её лицо. — Не надо больше никаких перерывов, не придумывай ничего, не отталкивай меня, не отстраняйся. Не могу не видеться с тобой. Я не помешаю, просто буду возле тебя. Хочешь, вообще стану спать вот здесь, на этом коврике.

— Ты уже пытался как-то улечься на коврике возле дивана, — фыркнула в ответ. А он почувствовал, как она дрожит в его руках.

— И улягусь, веником не прогонишь.

— Не прогоню.

Он целовал её так, что она забыла все, кроме касания его рук и губ, звука голоса, близости сильного тела, чистого запаха, ставшего родным.

Он раздел Хейз, сбросил свою одежду, сдернул с кровати покрывало, подхватил девушку на руки и бережно опустил на прохладные простыни. Навис над ней, опираясь на руки и жадно глядя на лицо, о котором грезил во сне и наяву.

— Распусти волосы. Хочу увидеть, как ты расплетаешь косу... — хрипловатым шепотом

попросил Кейран, опалая ее приоткрытый рот касанием губ.

Он медленно отстранился, присаживаясь на край кровати. Хейз поднялась, обнаженная, ничуть не смущаясь, неторопливо, грациозно повернулась к Кейрану спиной, скрестила ноги, усаживаясь по-турецки. Изящным движением перекинула со спины на грудь толстую, длинную косу.

Кейран, затаил дыхание, слыша только шум собственной, пронесившейся по венам крови. Как зачарованный наблюдал, как Хейз сидит, чуть склонив голову, как размеренно, плавно двигаются ее руки. Он скользил взглядом по изгибам нагого тела, изящным линиям спины, округлостям женственных бедер, и двум нежным, как следы от поцелуев, ямочкам над ягодицами.

Хейз подняла полурасплетенную косу, обрушивая тяжелую массу волос на спину, завела руки за голову и продолжила расплетать темные, блестящие пряди. Кейран увидел очертания приподнявшейся груди, нежные впадинки подмышек. Поток плотного, темного шелка волосы покрыли спину, спускаясь на белые простыни.

Кейран рывком придвинулся и обхватил девушку руками. Горячие, дрожащие от нетерпения ладони легли ей на грудь. Он держал ее в объятиях, и они оба замерли, наслаждаясь близостью друг друга.

— Я люблю тебя, Хейз. Очень люблю, слышишь? Не убегай от меня, не прячься. Я ведь все равно никому тебя не отдам... — прошептал он, разворачивая ее лицом к себе.

Она вздрогнула всем телом, всхлипнула или вздохнула, приникла к нему, утыкаясь лицом ему в грудь. Сердце ее забилося чаще, сильнее словно стремясь передать из самых глубин свое особое послание.

Хейз подняла к Кейрану лицо. Глаза цвета влажной, омытой дождем листвы лавра, смотрели пристально.

— Кей, пожалуйста, не отдавай меня никому, — просто сказала она. — Потому что я тоже люблю тебя. И можешь спать на кровати. Не надо устраиваться на коврик...

***

Не помню, чтобы когда-нибудь произносила эти слова вслух.

Кажется, я не говорила их даже мужу, хотя была уверена, что чувствую к нему именно любовь. Но что бы я там ни чувствовала тогда, все было совсем не то, что я испытывала сейчас.

Кейран был в моей крови, как основная составляющая, нечто изначальное, без чего невозможно ни жить, ни чувствовать. Его признание прозвучало именно тогда, когда я была готова его услышать. Или приняла тайное ожидание за готовность. Ведь поняв, что люблю, мне необходимо было связать свое чувство с его ответным, скрепить прочно и надолго. Навсегда. Не понимаю и не люблю это слово, есть в нем некая обреченность. «Навсегда» все равно что «никогда».

Я люблю Кейрана в тех координатах реальности, в которых живу. Могу повторить это ему, себе, кому угодно. Пусть весь мир об этом знает, потому что в этом сила, необходимая мне, чтобы идти дальше. И просто жить, зная, ради чего и ради кого буду просыпаться утром.

— Только не смейся надо мной, — сказала я ему ранним утром, удобней устраиваясь в его объятиях, в которых он держал меня всю ночь, — но все совсем не просто так и не случайно. Веришь в это, хоть капельку? Скажи честно, без своих этих скользких уловок.

— Каких еще скользких уловок? — он озадаченно наморщил лоб, с удивлением взглянув

на меня. — Я всегда говорю, что думаю. У меня, как у пьяницы — что на уме, то и на языке.

— Ну, да. Конечно.

— Ты скривилась. Обидеть хочешь, уличив в лицемерии? — в глазах Кейрана мелькнула искорка усмешки.

— Ни в лицемерии. Ты бываешь до жути невозмутимый. Ни одной эмоции. Я порой теряюсь, глядя на тебя.

— Не теряйся, сладкая моя, — он поцеловал меня в лоб. — Для тебя я открыт, а прочим демонстрация моей эмоциональной возбудимости ни к чему.

— Убедил, — согласилась я. — Тогда ответь на вопрос.

— Что все не просто так и не случайно? Нас двоих имеешь в виду?

— Да, но не только. Есть еще кое-что...

Не дожидаясь, пока Кейран что-то скажет, я соскочила с кровати, утянув за собой простыню, и подошла к окну. Там, за шторой, на подоконнике лежал амулет, подаренный мне Эвлинн. Некоторое время я его не носила, храня в шкатулке. А вчера днем вытащила и положила сюда, сама не зная зачем.

— Вот, смотри, — я забралась на кровать, встала на коленки и протянула подвеску Кейрану.

Он взял амулет, держа его за шнурок, поднес к глазам, какое-то время рассматривал, хмурия темные брови, а я молчала, наблюдая за ним.

Он все понял довольно быстро. Взгляд его медленно переместился от подвески на стену, прослеживая полосу орнамента под потолком. Кейран задрал голову, глядя на спинку кровати.

— Не могу не замечать мелочи, фиксируюсь на них, как собака на запахах, — прокомментировал он и заключил: — Не заметить сходство орнаментов просто невозможно.

Кейран сел на постели, обвел глазами комнату еще раз, снова посмотрел на амулет.

— Откуда он у тебя?

— Подарила одна замечательная женщина, знакомая Брайана.

При упоминании имени моего друга лицо Кейрана застыло. Я сделала вид, что ничего не заметила и вкратце рассказала историю посещения магазинчика сувениров и то, как амулет подтолкнул меня к решению купить дом.

— Так ты веришь в случайные неслучайности? — допытывалась я.

— Верю, — Кейран притянул меня к себе, крепко прижимая к теплой груди с порослью темных волосков. — Ты — моя случайная неслучайность. Но в тебя я поверил не сразу. Как увидел первый раз, подумал — это наваждение какое-то. И ты пахнешь всегда так волшебно... — придерживая меня под спину, он чуть отклонил мое тело назад, уткнулся носом мне в ключицу, щекая своим дыханием. Поцеловал медленно, жадно, водя языком по шее, груди. Заставил задыхаться и ерзать и вдруг выпрямился, увлекая меня за собой. Надел амулет мне на шею, высвобождая волосы из-под шнурка. Чуть отстранился, откинулся назад, опираясь на руки.

— А эта штукавина и орнамент на стенах. Интересная тема, но думаю, на то есть объяснение. И отнюдь не случайное, не мистическое.

Он внимательно смотрел на меня, словно ожидал чего-то.

Не дав Кейрану опомниться, я стянула его с кровати, и мы, голые, отправились на чердак. Он не сопротивлялся, ничего не спрашивал, просто шел следом. У лестницы «любезно» пропустил вперед, позволив подняться первой. Я тихонько усмехнулась, услышав,

как он судорожно проглотил короткий, хриплый стон.

На чердаке открыла коробки, предоставив ему самому посмотреть их содержимое.

Кейран бросил хмурый взгляд на детские вещички, упакованные в матерчатую сумку, и небрежно положил их обратно в коробку, утратив к ним всяческий интерес. А вот безделушки, хранившиеся во второй коробке, разглядывал долго и тщательно.

— Ты не знал, что здесь, в доме, что-то оставалось из вещей? Это ведь ваши вещи? — спрашивала я, не в силах удержаться от вопросов.

— Наши? Что ты имеешь в виду под словом «наши»? — Кейран крутил в руках торквес с наконечниками из двух сжатых кулаков.

— Ваши, значит твои и твоей семьи.

— Нет, я не знал ничего про вещи, — подумав, ответил Кейран. Лицо его застыло, взгляд потемнел. — Ничего из этого я не узнаю. Не представляю, кому все это принадлежит. Я на чердак не заглядывал лет пятнадцать. Как уехал из этого дома, так и не поднимался больше сюда. Последний раз был здесь, когда приезжал на каникулы из колледжа. Забрал кое-что, остальные вещи сложил и сказал деду, чтобы он делал с ними, что посчитает нужным. Возвращаться в этот дом я не собирался. А когда возникла идея о продаже коттеджа, отсюда просто вывезли все подчистую.

— Может, твой дедушка знает, что это за вещи? До того момента, как вы решили дом продавать он жил здесь один? Прости, что допрашиваю, — поспешно добавила я.

— Почему просишь прощения? — Кейран посмотрел на меня с улыбкой. — Думаешь, я не хочу говорить о своей семье? Это так, но лишь отчасти. Я просто не знаю, что говорить, потому что многого вообще не знаю, не помню. Или не понимаю. Но да, дед жил здесь один. Бабушка умерла, когда мне исполнилось двенадцать. Больше шести лет мы жили с дедом вдвоем. Потом я уехал учиться, а дед остался в полном одиночестве.

— Он очень привлекательный мужчина, — заметила я. — Неужели больше никого не встретил, не женился?

— Не женился. У него довольно долго была женщина. Он жил у нее какое-то время, с момента, когда мы освободили дом и выставили его на продажу, и до... — Кейран провел рукой по волосам. — Тогда у деда начались проблемы с суставами, — продолжил он после небольшой паузы, — но он еще несколько лет держался бодро, работал, как одержимый. Накопил денег. Меня поддерживал. Позже я уже сам пошел работать параллельно с учебой и стал деду помогать. Он мою помощь принимал, и аккуратно складывал на отдельный счет. Благодаря деду и его бережливости я выучился, встал на ноги и смог купить первую квартиру.

— Тот лофт?

— Нет. Первой я купил крошечную квартирку на окраине. Обшарпанная студия, зато моя и отдельная. Слушай, — Кейран вскинул на меня слегка насмешливый взгляд, — а тебе не кажется странной картина, как двое голых людей стоят посреди пыльного чердака и ведут душевные беседы?

— Полное обнажение, — кивнула я.

— Давай лучше отложим душевный стриптиз на потом, — Кейран решительно закрыл коробки и ногой отодвинул их к стене. Взгляд его медленно скользнул по мне.

— Ты похожа на языческую богиню, с этим своим амулетом и распущенными волосами, — сказал он.

Он не двинулся с места, просто стоял и смотрел, а я не возражала, и в самом деле

чувствуя себя едва ли не богиней.

— У нас самолет скоро, не забыла? Пошли в душ, и собираться, — его негромкий голос вернул меня с небес в полутемное помещение чердака.

О чем-то он умолчал, прервав наш разговор, но допытываться я не собиралась. Кейран расскажет сам, если посчитает нужным, и когда придет время. А не придет, значит, так тому и быть.

***

Воскресное утро ясное, с прозрачной свежестью воздуха, пронизанного еще бледными солнечными лучами. Шоссе в этот ранний час пустое, словно кроме их двоих в мире больше никого нет. Двадцать километров до аэропорта Ф***., выполняющего внутренние рейсы, «лексус» Кейрана преодолел за считанные минуты.

В самолете Хейз продремала всю недолгую дорогу, склонив голову на плечо своего мужчины. А он прислонился щекой к ее макушке, закрыл глаза и слушал тихое дыхание и просто наслаждался тем, что она рядом.

Арендованный «мерседес» ждал их на стоянке столичного аэропорта. Кейран расплатился за стойкой представительства офиса проката машин, торопливо усадил Хейз и, едва не превышая скорость, помчался по шоссе к городу.

— Куда ты так торопишься? Мы опаздываем? — поинтересовалась девушка.

— Хочу скорее добраться до отеля. И до тебя.

Он сдержал довольную улыбку, заметив, как она заерзала на сиденье.

Хейз извлекла из сумочки свой телефон и следующие несколько, показавшихся бесконечными минут, Кейран слушал, как она договаривалась со своим закадычным другом Брайаном о том, чтобы он забрал «тойоту», оставленную вчера на стоянке машин персонала дома престарелых. Кажется, ее собеседник сообщил девушке еще какие-то новости. Хейз, услышав их, воскликнула:

— Правда? Боже, честно говоря, я и не думала... — заметно разволновалась она. — Спасибо, Брай. Я вернусь во вторник вечером и обязательно позвоню. Передай Эвлин привет от меня и спасибо, что согласилась обсудить вопрос.

Потом она позвонила своей юной садовнице. Небрежно, словно мимоходом, упомянула, что попросила друга забрать и пригнать домой ее машину.

— Уна, ты ведь придешь в понедельник ко мне? Я оставила ключи от «тойоты» под карнизом навеса над черным входом, — говорила она. — Если увидишь Брая, напости ему, где находится пансион и объясни, где точно стоит машина, ладно? Ой, спасибо тебе!

Она сделала паузу, во время которой издала выразительный вздох.

— Только вот не подумала я кое о чем. Возвращаться-то он будет на моей машине, а вот как до нее доберется. Ну, да ладно, он большой мальчик, сам позаботится о мелочах, — небрежно сказала Хейз и покосилась на Кейрана, заметив, что тот внимательно прислушивается к разговору.

— Сводничаешь? — поинтересовался он, когда девушка закончила говорить и убрала телефон в сумку.

— Сводничаю? Нет, ничего подобного, — фыркнула она и пожала плечом: — Так, интригую немножко.

— А там есть на чем сети плести?

— Еще как есть, — уверенно заявила она. — Прекрасная садовница по Брайю просто сохнет.

— А он? — усмехнулся Кейран.

— А он в процессе осознания. Доходит до полной готовности узреть светлый лик своего счастья в образе Уны.

— Я рад, если так. А то пока твой друг замечает, по-моему, только тебя.

Хейз взглянула на Кейрана, сохраняя невозмутимость.

— Было такое когда-то, — подтвердила она. — Но это Брайан сам себя ввел в заблуждение. Сейчас у него временное помутнение прошло.

— А у тебя?

— А у меня и не было ничего такого. Пока тебя не встретила.

— Так у тебя из-за меня... помутнение?

— Еще какое, — Хейз коснулась ладонью щеки Кейрана. — Кроме тебя ни о ком и ни даже думать не могу.

---

*Сон Диармайда- Поэтический фрагмент из саги «Преследование Диармайда и Грайне», одного из сюжетных источников легенды о Тристане и Изольде. Племянник Финна Диармайд похитил его невесту Грайне и скитался вместе с ней по лесам, спасаясь от преследования и мести Финна. Стихотворный фрагмент представляет собой обращение (песнь) Грайне к Диармаиду: сначала она убеждает своего возлюбленного немного отдохнуть, но затем, вспомнив об угрожающей им опасности, побуждает проснуться.

** Кильте (Кайлте) — друг Диармайда, желая спасти беглецов от преследования, поместил в лесу чудесный знак, охраняющий их от глаз Финна и его воинов.

***Аэропорт Ф. - прототипом выбран один из аэропортов Ирландии, выполняющий внутренние рейсы — Аэропорт Фарранфор, расположенный в графстве Керри. Кстати, прообразом городка, в котором живут герои, стал городок Трали, который находится недалеко от аэропорта.

Глава 30

Морин провела руками по своему идеальному телу, разглаживая несуществующие складки на платье. Темно гранатовый шелковистый трикотаж облегал, как перчатка, подчеркивал цвет волос и белизну безупречной кожи. Платье было обманчиво простого покроя и сомнительной длины — до середины икр — но с её совершенной фигурой она могла себе позволить любые пропорции в одежде.

Морин повернулась, скользя придирчивым взглядом янтарных глаз по своему отражению. Распущенные по спине волосы меняли ее утонченно-изысканный образ, делая моложе и будто бы понятней.

Изящно переступив, она скользнула узкими ступнями в стоящие рядом балетки из мягкой черной кожи. Женщина, или та, что ею казалась, чуть отошла от зеркала, еще раз оглядывая себя.

Она могла вообще ничего не надевать. Или облачиться в боевую броню, грубую, заляпанную кровью и кишками. Или сменить доспехи на шелковый наряд. Или на лохмотья нищенки.

И во всем выглядеть Королевой.

Богиней.

Нравилась ли она себе? О, да. Всегда. Во все эпохи мира. В любых обстоятельствах. И это вовсе не тщеславие и не заоблачная самовлюбленность. Это непреложная истина, которую неспособно изменить ничто.

Она — воплощенная гармония всех составляющих. Целостная и завершенная. Всегда была таковой. До некоторых пор. Пока что-то не вмешалось, и чужое вероломство не нарушило царившее в ней согласие.

Нарушение целостности или нечто, оставшееся незавершенным, оставляли брешь в самой её сущности. Это все равно, что рассечь ночные небеса, впуская солнечный свет. Да так и оставить, утверждая, что подобное имеет право на существование.

Её предназначение — войны и победы. Она бросала сама и всегда принимала вызовы и сражалась насмерть. Особенно яростно, если были затронуты ее интересы.

Вскоре она готовилась одержать одну из самых значимых побед.

И тогда Целостность будет восстановлена и некий этап придет к Завершению.

И снова воцарится Гармония.

И замкнется еще один круг.

Морин покинула комнату и направилась в гараж. Подошла к черному "майбаху".

— Контейнер в багажнике, Пирс? — спросила она своего водителя, застывшего в ожидании возле элегантного мощного автомобиля.

— Да, мадам, все на месте, — ответил Пирс. — Прошу прощения, мадам, но вы уверены, что я вам не нужен сегодня?

— Я справлюсь сама. И ты называешь меня мадам слишком часто.

— Да, мисс Берриган. Но, мадам, — он осекся, но тут же продолжил, — вы давно не сидели за рулем. И в такой час на дороге может быть...

— Я справлюсь, — отрезала Морин, не повышая голоса, меняя лишь твердость интонации.

— Но в питомнике вам понадобится помощь.

— Там есть, кому всем заняться, Пирс. Не думаешь же ты, что я сама стану таскать неподъемный контейнер с мясом? Но твоё рвение похвально.

— Тогда позвольте, я выведу машину из гаража.

— Твои услуги, — она подчеркнула слово «услуги», — мне сегодня не нужны. Что непонятно? — тон Морин колебался в степени «нагрева» где-то между скучающим безразличием и леденящим высокомерием.

Открывая перед ней дверцу машины, водитель едва слышно что-то буркнул себе под нос.

— Изволь говорить отчетливо, Пирс, — бросила Морин, усаживаясь за руль. Кольнула мужчину беглым, небрежным взглядом. В янтарных глазах блеснул загадочный огонек, непонятно какую эмоцию отражавший. — Или я, наконец, уволю тебя за эту мерзкую привычку бубнить под нос.

Она повернула ключ в замке зажигания и спокойно добавила:

— Или не уволю, а отрежу язык. А ведь жаль будет. Он у тебя весьма искусный.

Пирс застыл с приоткрытым ртом, растерянно глядя вслед медленно удаляющейся машине.

Он так и не понял, шутила ли хозяйка. Или шутила очень грубо.

...Морин направлялась туда, где должна была побывать уже давно.

Она контролировала происходящее, и все шло гладко и правильно. Однако какие-то моменты вдруг стали вызывать более глубокий, абсолютно лишний, интерес, проигнорировать который она не могла, потому что всецело доверяла своим инстинктам и ощущениям.

Свернув с главной дороги, женщина направила машину в объезд, чтобы приблизиться к намеченной цели с той стороны, где никто не нарушит ее уединение.

Чуть съехав на обочину, она остановила «майбах» и вышла из машины. Двинулась по полю, чувствуя, как под ногами концентрируется извечная мощь, пропитавшая все слои земной тверди.

Сейчас она находилась в одном из мест в этом мире, где время не являлось величиной. Здесь не имели значения направление и движение. Здесь замыкался круг между прошлым, настоящим и будущим, становясь незыблемой вечностью.

Монолиты* стояли неподвижно, внешне являя собой только мертвый и холодный камень. Но именно эти глыбы были источником энергии, что не имела границ, не ведала изменений и срока давности.

В этих местах туристы бродили маленькими стадами, как заблудившиеся овцы и так же, как эти животные, тупо пялились на то, о чем понятия не имели. Люди ничего не ведали об истинной силе этих камней, а если бы и узнали, и попытались понять, то не сумели бы эту силу ощутить. Не то, что ею воспользоваться.

Они фальшиво восторгались древними монолитами, будто для них они не были просто огромными старыми камнями, стоящими кругом. Они фотографировали сооружения отдельно и себя на их фоне. Суетливо сновали вокруг, или заходили внутрь круга, прикасались к камням, не ведая какое бесчинство творят.

Для Морин, как для существа, в настоящее время связанного с миром людей материальной оболочкой и жаждой восполнения нанесенного ей урона, сила камней являлась артерией, соединяющей с ее истинным миром — нетленной Вечностью.

Сейчас, в этот закатный час, на поле не было никого. Роса покрывала густую изумрудную траву и холодила ступни, проникая сквозь тонкие чулки.

Морин шла, не отрывая сосредоточенного взгляда от группы камней, впитывая их вибрирующую силу, устанавливая незримую связь между собой нынешней и той своей сущностью, что всегда оставалась за пределами этой реальности.

Чуть вдалеке, над поросшим лесом холмом, на блекнущем небе, зависла туча. Как пульсирующая клякса на чистом полотне, она то расплывалась в рваное пятно, то сжималась, становясь сгустком тьмы. И каждое движение этой массы было наполнено жадным нетерпением и готовностью поглотить все небо.

— Я скоро, — прошептала Морин, улыбаясь уголком рта. — Потерпите совсем чуть-чуть, и я дам вам то, в чем вы нуждаетесь.

...Время, как мера, не имела значения. Такого критерия в мире Бессмертных попросту не существовало.

Есть лишь однажды заведенный порядок и равновесие, которое необходимо поддерживать.

***

Бадб, как и любое другое божество, свято исполняла свое предназначение. Богине войны и смерти чуждо милосердие, но знакомо чувство меры. Она умела пренебрегать правилами, но всегда стремилась соблюдать баланс и гордилась этим не меньше, чем своими воинскими победами.

Неистовая Бадб никогда не смирялась, никогда не отдавала то, что принадлежало ей. Зато умела отбирать силой и завоевывать в сражении то, чем хотела бы обладать.

Тот, кого она звала Холод и Ветер, Высокий тростник был ее верным спутником, предназначенным только ей, и его статус навеки скрепляли гейсы.

— Не преклонять колен перед смертными

— Не принимать помощи от смертных

— Не брать даров у смертных

— Не носить цветов лазури

Хранить верность своей госпоже не входило в число гейсов, но являлось главной причиной и смыслом существования спутника богини, его прямым предназначением.

Но вмешался Старый Друид, хранивший обиду на Бадб за свое бесчестие и проигрыш в старом споре, и однажды Холод и Ветер, Высокий тростник нарушил каждый из гейсов. Он должен был принять наказание от рук своей повелительницы.

Колдун помог спутнику богини избежать наказания за проступки. Старик вторгся за пределы допустимого, нарушил порядок, способствовал тому, что стремления и слабости мира смертных проникли в упорядоченный мир вечных.

Разве могла она, богиня, привыкшая побеждать, проигнорировать этот факт или смириться с ним и просто продолжать свой путь в Бесконечности?

Возможно ли смириться с тем, что подвергало сомнению основную извечную истину, гласящую, что нет ни Вчера, ни Сегодня, ни Завтра. Есть лишь не имеющая конца, замкнутая цепь, состоящая из бесчисленных версий Вечного Сейчас. И во всех этих вариациях неизменными оставались две константы — Она и ее Спутник, с которым она поделилась своим бессмертием и которого у нее вероломно отняли.

Она поклялась вернуть Его и терпеливо вела поиск, следуя по невидимому следу скрытой от нее души. «Хлебным крошкам», разбросанным во времени и пространстве. Но

она находила их и собирала, с каждым шагом приближаясь к цели.

***

...Где возникает интерес, там рождается спор. Где рождается спор, там может начаться война.

Бадб была начеку, и всегда оказывалась там, где выковывалось первое звено этой цепи.

Однажды два правителя соседних владений, уставшие от затяжного спора между ними, позвали Друида, чтобы он разрешил их тяжбу. Друид прибегнул к древнему беспристрастному способу разрешения конфликтов.

Все собрались на лугу, вокруг небольшого холма. На вершину возвышения уложили две одинаковые доски. Друид принес с собой большую ячменную лепешку. Он разломил ее на две равные доли и вручил по половинке спорщикам. Оба повелителя покрошили свою часть лепешки каждый на одну из досок.

Все отошли от места, где вершился суд и замерли в ожидании появления вороны, в крыле которой будут белые перья.

Птица прилетит и опустится на доски. Одно крошево склюет, второе разбрасает. Выиграет спор тот, чью часть лепешки птица разбрасает.

Бадб, наблюдавшая за конфликтом владык, ждала, когда же спор выльется в хорошую драку. А лучше всего в сражение или затяжную войну, которая охватит многие поколения семей обоих правителей. Друид со своим обрядом собирался все разрушить, лишив богиню удовольствия испытать и укрепить свою мощь.

В войне все средства хороши. Негласно объявив Друида своим противником, Бадб пошла на хитрость. Она перехватила ворону, что могла разрешить спор, убила «вестницу справедливости» и заменила ее птицей из своей верной свиты.

Подменыш сожрала лепешку того из спорщиков, на стороне которого изначально была правда. Разочарованный и оскорбленный правитель назвал Друида мошенником, изгнал его Орден со своих земель и немедленно объявил войну своему конкуренту.

Бадб ликовала.

А Друид, проведав об обмане, поклялся найти способ отомстить вероломной богине за свое бесчестье и за несправедливый исход спора. Старый колдун избрал самый верный, на его взгляд, способ свершить отмщение. Понимая, что даже идя на поводу у праведного гнева, нельзя вмешиваться в неприкасаемые сферы бытия, он лишь немногим поспособствовал тому, что тонкие нити двух судеб соединились и переплелись в определенной точке чуть раньше назначенного им срока.

В один из весенних теплых и солнечных дней одна юная красавица с чистым сердцем и открытой душой отправилась в долгую прогулку по долинам, лугам и зарослям деревьев.

Незаметное влияние старца, применившего тонкую и невесомую магию природы, открыло девушке глаза на красоту окружающего мира и заставило увидеть то, что оставалось незамеченным прежде.

Забыв обо всем, дева бродила, наблюдая пышное цветение природы, любуясь красками и вдыхая ароматы трав и цветов. Она не заметила, как зашла слишком далеко. Испугавшись, что заблудилась, девушка металась, не зная, куда повернуть, пока не вышла на луг, по которому протекал ручей. Там, возле цветущей яблони она присела, выбившись из сил. Лишь немного успокоившись и оглядевшись, поняла, что эти места ей знакомы, и как только ее легкие ноги чуть отдохнут, она сможет спокойно отправиться обратно.

Она оставалась здесь дольше, чем требовалось, чтобы прийти в себя, будто чего-то

ждала.

И встретила ЕГО. А домой возвращалась, унося с собой свет зародившейся любви, которому суждено было не померкнуть в веках.

Холод и Ветер, Высокий тростник нарушил все свои гейсы.

Преклонил колена перед красотой и добротой девы.

Принял помощь от ее рук.

Взял в дар ее фибулу** в виде веточки вереска. А также ее сердце.

Носил на себе лоскут от ее лазурного лейне, который она оторвала, перевязывая его раны.

Но Друид был тут совершенно не причем. Все определила колдунья, куда могущественней его, и звалась она Судьбой.

Друид знал, что встрече спутника Бадб и той девушки все равно суждено было случиться. Не в этом месте, и не в это время, но встреча была предопределена. Друид лишь немного искривил пути в Бесконечности, направляя их друг к другу именно в тот день.

***

...Морин приняла всю силу, что дали ей камни.

Она выкупалась в чистой энергии, наполнилась ею, и готова была существовать дальше в этом неуклюжем и мелочном человеческом мире, притворяясь той, кем не являлась. Здесь она скучала и чахла, растрчивая свою сущность, вынужденная опускаться до людей-муравьишек с их нелепыми проблемами.

Она выслеживала свою цель не как Неистовая Бадб, крушившая все на своем пути, а как затаившийся в засаде стрелок. Будь ее воля, она бы забрала свое, перевернув этот мирок с ног на голову, выпотрошив его, залив реками крови и воздав должное за века одиночества.

Поиски определяли последовательность действий, принципы человеческого мира не влияли на богиню, не ограничивая ни в чем. И, наконец, в этой самой точке Бытия, она была, как никогда близка к тому, чтобы вернуть принадлежащее ей и восстановить порядок.

Важен был лишь правильный баланс, нарушить который не смела даже она.

Она заберет только то, чему здесь не место. И восполнит недостающее в своем мире.

Смертные нуждались в том, чтобы ими управляли и направляли. И эту милость боги всегда оказывали людям, взамен требуя лишь самую малость — подчинения и послушания. Без лишних вопросов, без сомнений. И уж тем более, без сопротивления.

Морин знала, что придет момент, и те, кто должен будет отдать ей желаемое, попробуют протестовать и сопротивляться. Они только подпитают силой сущность богини войны, бросив ей вызов, и проиграют.

Ничего нет нового ни в этом мире, ни в любом другом. Все уже было, все возможные варианты развития событий давно предопределены, о каждом из них Морин-Бадб известно и к каждому из них она готова.

Но люди не смогут просчитать все. И когда истают последние мгновения их сладчайшего неведения, они должны будут просто смириться, делая выбор. И это будет естественное человеческое решение, незамутненное никаким сверхъестественным влиянием и абсолютное в своей искренней чистоте.

...Покинув круг камней, Морин поехала туда, где ждали её верные крылатые спутницы. Они так же, как и их повелительница, нуждались в подкреплении сил. В этом скучном мире теперь не так часто случались войны или просто сражения, в завершении которых можно было поживиться еще не остывшей плотью павших или выкупаться в крови. Приходилось

довольствоваться малым.

Морин остановила «майбах», вышла из машины. Вороны приветствовали госпожу неистовыми криками, носясь у нее над головой. Жестом, который был понят мгновенно, она велела птицам замолчать и отправиться в сторону рощи. Обманчиво хрупкий и изящный облик не помешал ей с легкостью извлечь из багажника огромный неподъемный изотермический контейнер, доверху набитый свежим мясом. Держа ящик в одной руке, Морин пошла следом за унесшимися вперед птицами.

Птицы ждали ее у рощицы, нетерпеливо, безмолвно перемещаясь в воздухе. Они следовали за ней, держась над кронами деревьев, пока Морин не остановилась в глубине зарослей.

Присев на ствол поваленного дерева, она жестом велела птицам утомиться. Те послушно расселись на ветвях росших вокруг деревьев.

Поставив контейнер на землю, Морин открыла его.

— Как жаль, что я не могу предложить вам сейчас ничего лучше. Вы достойны совсем не этого, — говорила женщина — Но поверьте, осталось совсем немного и скоро все закончится. Мы снова окажемся там, где и должны быть, и вы сможете насытиться вдоволь.

Она доставала из контейнера куски мяса и бросала их птицам.

Самые ловкие и нетерпеливые вороны срывались с ветвей и хватали сочащиеся кровью куски прямо на лету. Остальные степенно слетали вниз и клевали добычу, упавшую на землю.

Рано или поздно все жертвы Неистойой Бадб и ее кровожадных птиц становились пиршеством, замирая на земле неподвижно, пока клювы и когти терзали их плоть.

---

*Монолиты- подразумевается один из древнейших археологических памятников, например, Каменное кольцо Ураг, расположенное в графстве Керри, Ирландия.

**Фибула — металлическая застёжка для одежды, одновременно служащая украшением.

Глава 31

— Это?...

— Отель в замке, да.

— Отель в замке... — повторила я, зачарованно таращась.

Я не настолько дикая или ограниченная, чтобы не знать об отелях в замках. Я бывала в однажды в таком во время путешествия во Францию с родителями. Тогда мне было лет пятнадцать. Старые стены из грубого серого камня, вычурный ландшафтный дизайн, роскошный сервис и изысканные, аристократичные интерьеры в то время вызывали у меня дикуую скуку, а вовсе не восхищение.

Теперь же я стала старше, научилась воспринимать сюрпризы и не очень доверять им. Умела изобразить удивление и притворяться довольной. Но в этот раз все эти уловки ни к чему.

Я влюблена в того, кто привез меня сюда, и мне было все равно, куда именно он везет. Но приехав на место, сочла, что сюрприз оказался самой обычной воплощенной в явь... сказкой.

Ничего особенного не было ни в месте, куда мы приехали, ни в окружающих нас красотах. Все знакомо и понятно. Даже обыденно. И все же...

Кейран свернул с шоссе на грунтовую дорогу и, значительно снизив скорость, двинулся вдоль ограды, огибавшей территорию замка. По правую руку открывался вид на спокойное озеро, поверхность которого в этот утренний час сияла так, словно в нем разлилось жидкое солнце.

Небольшой трехэтажный замок из серо-бежевого камня* с арками и рельефными оконными карнизами из сочно охристого известняка не походил на мрачную и громоздкую средневековую цитадель. Это была облегченная и более поздняя версия классического варианта замка. Хотя я в этом не особо разбиралась, но зданию вряд ли больше четырех веков. Оно выглядело старым, но отнюдь не древним. На черепичных крышах многочисленных построек и башенок прижился благородный мох и трава, кое-где росшая целыми пучками.

Никакой парадности в виде тщательно распланированной, геометрически выверенной, рафинированной эстетики в ландшафтном дизайне на подъезде к замку не наблюдалось. Веселеньким зеленым ковром с вкраплениями белых и желтых цветов, расстился ровный лужок, совсем не похожий на газон, которым, по сути, являлся. Он казался неприхотливым, милым и мягким, и будто приглашал присесть или прилечь на него и, запрокинув голову, бездумно уставиться в чистые небеса.

Я опустила окно в машине, высунула голову наружу и глубоко вдохнула. Воздух был вкусный, сочный и свежий, как кислородный коктейль с ароматами травы, листвы и озерной воды. Я, наверное, выглядела, как ошалевший от восторга спаниель, разве что язык не вывалила и уши на ветру не развивались.

Не знаю, что на меня вдруг нашло. Словно обрушилось что-то, накатило волной, поглотив все мои эмоции и чувства целиком. Трудно передать словами это внезапное, всепроникающее ощущение благодати, наполнившее каждую клеточку.

Мириады пузырьков восторга делали меня газированной изнутри. Они ласкали и

щекотали, вызывали острое желание засмеяться и заплакать одновременно, как бывает, когда чувствуешь что-то небывалое и необъяснимо прекрасное настолько, что пугаешься этого чистого восторга. Будто вдруг воочию увидеть само Воплощение Света и Радости, и при этом осознавать, что этот Свет не был бы понятен и вообще возможен, если ему не противостояла Тьма.

Кажется, я провалилась в свои ощущения и отключилась от реальности, когда почувствовала прикосновение руки Кейрана к своему колену и повернулась к нему.

На его лице светилась улыбка. Не та сдержанная, скупая её версия, которой он пользовался обычно или чаще всего. Кейран по-настоящему улыбался и выглядел довольным и умиротворенным. Глаза его наполнились особой глубиной, как воды океана в ясный день.

— Нравится? — спросил он, наблюдая мой щенячий восторг. — погоди, ты еще не все видела.

Я не смогла ответить сразу. Почему-то зажмурилась, и, так и оставаясь с закрытыми глазами, потянулась к мужчине, сидящему рядом.

— Мне очень нравится. Здесь чудесно... — прошептала я, утыкаясь лицом ему в шею. Губами коснулась теплой кожи под подбородком. Рано утром он принимал душ у меня дома и пах моим мылом и самим собой, чистым и родным ароматом сбывшейся мечты и неожиданного счастья.

Я и не заметила, что уже некоторое время мы никуда не едем. Кейран притормозил, немного не доехав до широкой подъездной дороги, ведущей непосредственно к главному входу замка. Мы остановились возле высоченного раскидистого вяза, ветки которого едва не касались земли.

Кейран обхватил меня одной рукой, подтянул к себе ближе, прижал крепко. Мои рот и нос накрепко вжались в его шею, и я не сдержалась, куснула гладкую кожу его тщательно выбритого подбородка, лизнула, двигаясь выше, к казавшемуся беззащитным уху, обрамленному темными прядями волос. Кейран замер, тихо выдохнул и резко повернул голову, ловя мои губы своим ртом.

Он поцеловал меня неторопливо, глубоко и с каким-то особым смакованием, словно пробовал лакомство. Его язык двигался в моем рту, гладил и нежил своими влажными касаниями. Вторая рука Кейрана легла мне на затылок, пальцы пробрались в свободно переплетенные прядки волос.

— Ты дрожишь, милая? — он чуть отстранился, удивленно глядя на меня. — Почему? Что с тобой?

Я и не заметила, что дрожу. А от тихо произнесенных фраз и глаз, устремленных на меня в искренней тревоге, я вдруг поняла, что собираюсь всплакнуть. Слезы стояли так близко, что туманили зрение. Стараясь не сморгнуть непрошеную влагу, я опустила взгляд и прижалась щекой к плечу Кейрана.

Он ласково погладил меня по голове и затих. Не двигался, даже дышал сдержанно, словно боялся потревожить, и сидел тихо, уже одной своей близостью согревая и успокаивая. Потом осторожно поцеловал в макушку.

— Хейз? — тихо позвал он. — Ты там как?

— Здесь, — я выделила это слово, — мне очень хорошо.

Я благодарно чмокнула его плечо и некстати шмыгнула носом. Получилось негромко, но Кейран все равно заметил. Наклонившись, заглянул в мое лицо.

— Скажешь, что вдруг случилось? — мягко просил он.

— Случился... избыток чувств по всем направлениям, — ответила я, — а слезы и сопли это внешние проявления, — я подняла к нему лицо. — Хочу, чтобы ты знал — внутри меня все это выглядит не так гадко и прозаично, а куда красивее и эстетичней.

Кейран хмыкнул и прижал ладонь к моей щеке, а я добавила:

— И я люблю тебя.

— Я люблю тебя, родная, — тут же отозвался он. — Надеюсь, что впредь рядом со мной, если тебе вдруг и захочется плакать, то только от избытка радости и прочих восторгов.

— Прочие восторги?

— Давай уже доедем, заселимся и тогда я продемонстрирую тебе, что имею в виду.

Мы двинулись по дороге к замку.

Территория перед главным входом все же оказалась продуманно облагороженной. Но без стерильной геометричности и выраженной аристократичной надменности. Все очень мило, аккуратно и без излишеств. Внутри отделка была точно такой же — классика, уютная, и не давящая авторитетной роскошью.

Нашу машину отогнали на парковку, искусно скрытую за пышными туями и подстриженными кустами боярышника. Парковочную карточку выдали на ресепшене при регистрации вместе с магнитным ключом от номера. Старина стариной, а современность все же проникала в стены этого сохранявшего внешнюю архаичность здания.

Наш номер оказался расположен на третьем уровне замка. Этажами эти странно спроектированные ярусы и разновеликие переходы трудно было назвать. Например, лифт поднял нас на третий этаж, но понадобилось еще преодолеть лесенку в четыре ступени, чтобы попасть в коридорчик, куда выходила дверь нашего номера.

Две стены просторной комнаты скошены от потолка до середины своей высоты, повторяя излом крыши. Обои узорчатые, приятных теплых тонов. Полы из покрытых темной морилкой толстых деревянных половиц тихо и уютно поскрипывали на разные голоса.

Два окна. Одно смотрело на озеро, другое куда-то за замок, где густо росли деревья и между ними плелись и разбегались во все стороны дорожки, пестрели полянки подстриженного газона со скамейками и круглыми чашами фонтанчиков.

В номере лаконичная обстановка: классический диванчик-софа на шести резных ножках, шкаф для одежды, высокий комод красного дерева и широкая латунная кровать, накрытая белоснежным покрывалом.

— Как тебе? — спросил Кейран.

— Уютно, романтично, совсем не средневеково, хоть и достаточно... замково, — отозвалась я, осматриваясь.

Просторная ванная комната неожиданно обнаружилась за широкой аркой, закрывавшейся... плотными бархатными шторами, сейчас раздернутыми и закрепленными витыми шнурами. Никакой двери. Внушительных размеров ванная на бронзовых «львиных лапах» и большая раковина, вмонтированная в мраморную столешницу, располагались по-царски вызывающе — по центру, прямо напротив арочного входа. Душевая кабинка скрывалась в отделанной кафелем нише слева, а с противоположной стороны ванной, так же в нише с дверцей, деликатно скрывались от глаз унитаз и биде.

— Отелем владеет дружное семейство. Это их фамильная собственность. Здесь два десятка номеров и каждый из них со своей неповторимой отделкой, — говорил Кейран, кладя на диванчик наши сумки, пока я бродила и разглядывала все до мелочей.

— Два десятка номеров? Сомневаюсь, что забронировать здесь комнату можно так уж

запросто, — заметила я.

— Ты права. Все номера в отеле расписаны надолго. Вклиниться с быстрым заказом практически невозможно, — отозвался Кейран. — Если только не знаешь владельцев этого милого местечка. Тогда вполне можно договориться.

Я стояла у небольшого окна и смотрела на озеро, в котором купалось солнце. Кейран тихо подошел сзади, обнял, прижимаясь к моей спине.

— Ты знаком с владельцами?

— Чисто профессионально.

— То есть?

— Делал фото для их буклета, календарей, путеводителя и прочей рекламной чепухи, и немного принял участие в оформлении некоторых помещений самого отеля, — ответил Кейран, нежно покусывая мое ухо. И если бы не крепкое объятие мужчины, приникшего ко мне всем телом, я бы точно оплыла на пол, как жидкий воск со свечи.

— Каких... помещений? — голос мой прозвучал прерывисто и тихо.

— Увидишь попозже, — я почувствовала улыбку Кейрана, явно довольного тем, какую реакцию вызывал у меня своими прикосновениями. — А сейчас немного отдохнем, перекусим и я тебя кое-куда отвезу.

— Куда?

— Не скажу. Сюрприз. Сначала отдых и перекус, — решительно заявил Кейран, разжимая объятия и отходя от меня. — Сегодня весь день посвятим только себе.

— А завтра?

— Завтра мне надо поехать в Столицу. Разобраться с путаницей в издательстве. Постараюсь сделать это быстро. Поедешь со мной или останешься здесь?

Не видеть Кейрана несколько часов, остаться без него, пусть даже и в таком симпатичном месте, казалось мне абсолютно неприемлемым.

— Можно с тобой?

— Я надеялся, что ты захочешь поехать со мной. Мы не задержимся там надолго.

— Мне все равно, если я буду с тобой, — просто ответила я.

— Мне нравится, как ты это сказала, — отозвался Кейран. — Как насчет того, чтобы умыться с дороги, пойти позавтракать, а за завтраком поговорить о том, чтобы быть вместе на постоянной основе?

Я непонимающе уставилась на него.

— Наверное, туманно выразился, — губы Кейрана дрогнули от сдерживаемой улыбки. — Буду по-деловому конкретен. Как насчет того, чтобы, не откладывая, обсудить вопрос о совместном проживании? Так понятней? — поинтересовался он, заглядывая мне в лицо.

За мягкой иронией и внешним спокойствием проглядывало беспокойство. Оно промелькнуло в его глазах тревожной тенью.

Я застыла, не решаясь озвучить то, что рвалось с языка.

— Понятней, — ответила я. — Обсудить готова. Но сначала накорми меня. Я стану добрее и покладистой. На голодный желудок и, не умывшись с дороги, решать такие вопросы просто не способна.

— Ты прямо как мужик, — качнул головой Кейран. — Надо будет запомнить эту твою прелестную особенность. Хороший и не самый хлопотный способ добиваться желаемого. Накормил даму сердца до отвала и делай с ней, что хочешь.

За попыткой сохранить шутливый легкий тон, ощущалось все больше напряжения.

— А что ты хочешь сделать со мной? — поинтересовалась я.

— Много чего. Но сначала тоже поем. Уж потом продемонстрирую.

Кейран не шутил, затронув вопрос о совместной жизни. Очевидно, что он видел следующий шаг наших отношений именно таким. И я была готова к этому. Наверное, что-то такое я почувствовала еще до того, как он озвучил свое желание.

В ресторане отеля, на стенах, обшитых деревянными панелями, висели фотоработы Кейрана: стилизованные портреты и пейзажи. На портретах — хрупкие юные девушки в пышных париках и платьях с кринолинами в узнаваемых интерьерах замка. Современность и прошлое, невинность и зовущая искушенность в обликах и взглядах моделей невероятным образом переплетались, создавая причудливые, но странно притягательные образы. Позы без явной постановочности и выражения чистых лиц без заметного грима запечатлены так, что создавалась иллюзия внезапно пойманного движения. Казалось, стоит отвести взгляд, девушка на фото сделает вдох и продолжит приостановленное действие.

Пейзажи представляли собой графические отпечатки вполне узнаваемой реальности — озеро у замка, рощица невдалеке — но измененные искусным применением эффекта сепии и гиперболизированной игрой света и тени, делавшей контуры каждой детали выразительней.

— О-о... — только и смогла произнести я, когда, усевшись за столик, накрытый белоснежной скатертью, стала рассматривать изображения в широких деревянных рамах простого дизайна без резьбы, завитушек и позолоты.

Я даже не сразу поняла, что это именно фотографии. Только приглядевшись внимательней, и встретившись с пристальным, чуть насмешливым взглядом Кейрана, наблюдавшего за мной, до меня дошло, на что именно я смотрю.

— Это твои работы... — произнесла я с благоговением.

— Да. Еще несколько имеется в биллиардной и в офисе управляющего отелем.

"А я умею пироги печь..." — пронеслось в голове.

— Можно я скажу банальность? — помолчав, обратилась я к Кейрану. — Я просто не знаю слов, которые бы звучали убедительно.

— С удовольствием послушаю, — улыбнулся он.

— Ты потрясающе талантлив и твои работы неподражаемо прекрасны и выразительны.

— Разве это банальность? — его темные брови изогнулись. — Это самый настоящий комплимент, и из уст любимой женщины он прозвучал, как благословение.

— Умеешь ты повернуть, однако... — смутилась я. — Мне кажется, мое благословение тебе не нужно. Тебя сам Бог поцеловал, наделив бесспорным талантом.

Кейран перестал улыбаться, став внезапно пугающе серьезным. Глаза потемнели, как океанские глубины. Черты лица стали резкими, словно эффект, примененный им на фотоработах, каким-то невероятным образом отразился на нем самом.

— Если ради того, чтобы ты была со мной, мне нужно будет вернуть Богу свои способности и отказаться от возможности заниматься фотографией, я готов это сделать немедленно, — сказал Кейран.

Я уставилась на Кейрана, едва веря, что слышу, как он произносит эти несвоевременные и неуместно патетичные слова. И поняла, что не могу предложить равноценную плату за возможность быть с ним. В моей жизни ничего и никого не было весомее и дороже самого Кейрана. А пожертвовать им самим ради того, чтобы с ним же и быть, невозможно.

— Нет уж. Ни к чему такие жертвы. У меня скромные запросы. Я готова разделить право на твоё внимание с... фотографией, — пробормотала я, отщипывая кусочек хлеба и машинально кладя его в рот.

— А я не собираюсь тебя ни с кем и ни с чем делить, — заявил Кейран. — Мне или все или ничего. А всё для меня — это ты.

Почему он это говорит? Почему вообще ставит вопрос таким образом?

В ресторане кроме нас сидели мужчина и женщина средних лет. Они оживленно беседовали, кажется на немецком. Избегая смотреть на Кейрана, я перевела взгляд на тех двоих. Они заметили и кивнули в ответ, вежливо приветствуя. Я автоматически ответила кивком и вымученной улыбкой.

Кейран взял меня за руку.

— Эй, Хейз, — позвал он меня. — Посмотри на меня.

Я перевела на него невидящий взгляд, послушно, как под гипнозом.

— Ух, ты... А я тебя здорово напугал, — заключил Кейран, пожимая мои ледяные пальцы. — Очнись, милая, я тебя не в клетку сажаю. Я всего лишь собирался попроситься на твоё позволение жить с тобой. Ты так оцепенела от этой идеи?

Он почесал макушку и обескураженно добавил:

— А мне эта мысль такой уж страшной не кажется. Я слишком тороплюсь, да?

Я неопределенно дернула плечами, потрясла головой. Наблюдая мои судороги, Кейран вздохнул и задумался.

— Зачем ходить вокруг да около, — заговорил он, прислушиваясь к каждому своему произнесенному слову, — если все, что мне на самом деле хочется, это иметь возможность засыпать и просыпаться рядом с тобой. Завтракать и ужинать вместе. Возвращаться к тебе после работы.

Он помолчал, продолжая тихонько сжимать мои пальцы и внимательно глядя на меня.

— Я не хочу делить тебя со своей работой. Фотография для меня это всего лишь способ зарабатывать на жизнь, — он говорил тихо, но убедительно. — Я хочу смотреть, как ты печешь пироги и гладишь мои рубашки. Хочу помогать тебе, чем смогу. Любить тебя. Ты против того, чтобы позволить мне это?

***

Хейз смотрела на него и вдруг... начала смеяться, мягко и негромко. Сначала Кейран откровенно испугался, потом услышал в ее смехе облегчение и у него самого словно гора с плеч свалилась.

— Смеешься, — констатировал он. — Тоже вариант. Почему бы и нет.

— Кейран, — абсолютно серьезно заговорила Хейз, успокаиваясь, — пожалуйста, переезжай ко мне. У меня теперь есть кровать, и я тоже хочу засыпать и просыпаться с тобой. Хочу встречать тебя с работы. Я умею готовить не только пироги, с удовольствием буду гладить твои рубашки. И я люблю тебя.

Он шумно выдохнул.

— До чего же заманчиво, — проговорил он, светясь от счастья. — По рукам. Значит, всё решено?

— Решено, — отозвалась Хейз, улыбаясь.

Принесли завтрак. Отхлебнув дивно пахнущий кофе, Кейран выпрямил спину и сказал, самодовольно усмехнувшись:

— А я парень не промах. Буду жить на всем готовеньком с красивой женщиной. И при

этом у меня остается два запасных холостяцких гнездышка, куда я смогу смотаться в любой момент.

— Да, пожалуйста, — отозвалась Хейз невозмутимо. — Как и когда вам угодно. Уважаю право человека на частную жизнь, личное пространство и желание побыть в одиночестве. Но обратно не приму, — мягко добавила она.

Он вскинул на нее тревожный взгляд, перестал жевать, став абсолютно серьезным.

— О' кей, понял. Значит, шанс у меня всего один, — проговорил он негромко.

— И у меня, — отозвалась Хейз. — В этом мы на равных, Кей.

Каким образом они оба поставили точку в этом странном разговоре, никто из них толком не понял. Но, так или иначе, оба ощутили, что преодолели очередной барьер. Между собой и каждый в себе. Никакой неловкости, никаких колебаний. Просто озвучили ряд вопросов и вместе нашли ответы.

После завтрака Кейран на пару минут забежал в офис управляющего отелем, а потом повез девушку куда-то, не раскрывая конечной цели путешествия. Они ехали по второстепенным проселочным дорогам, проезжали городки, поселки и фермы, все больше удаляясь от столицы и замка и вообще населенных пунктов. Здесь царили простор и совершенная красота природы — пологие зеленые холмы сменялись ровными цветущими лугами, перемежались сверкающими под солнцем лентами речушек, густыми лесами и прозрачными рошицами.

Хейз не задавала вопросов, просто ждала, когда машина остановится. Тогда можно будет выйти и убедиться, что Кейран привез ее именно туда, где ей хотелось бы побывать. А что будет именно так, она и не сомневалась.

Они проезжали долину, окруженную холмами, когда Кейран свернул с дороги и повел машину прямо по лугу.

— Почему не спрашиваешь, куда мы едем? — обратился он к спутнице, притихшей в созерцательном настроении.

— Жду очередного сюрприза. Сегодня день такой — сплошные сюрпризы, не хочу нарушать тенденцию. Она мне нравится, — ответила Хейз. Кейран одобрительно кивнул.

Он притормозил неподалеку от полосы леса. Вправо и влево скопление деревьев уходило вдаль, на сколько хватало глаз. Глубину и густоту зарослей трудно было определить, но они явно не были просто неширокой полосой посадок. Высокие и низкие, молодые и старые, хрупкие и мощные растения сплотились, выстроившись плотными рядами. Похожие на безмолвных стражей, они будто охраняли что-то, смыкаясь в таинственно темнеющую чащобу.

***

... Однажды я уже стояла у кромки этого леса. И невидимая дорога, пролежавшая через него, сейчас, как и тогда, звала меня вперед...

Солнце достигло полуденной высоты, и основательно пригревало. Даже в легкой футболке стало жарко. Тонкие прядки, выбившиеся из косы, прилипли ко лбу. Немного нервничая, я сдула волосы и посмотрела на стоящего рядом Кейрана.

Он был сосредоточен, словно мысленно прокладывал курс через заросли. Заметив мой взгляд, взял меня за руку.

— Пойдем, — он качнул головой в сторону леса.

— Мы пойдем в лес? — спросила я, желая удостовериться в очевидном.

— Надеюсь, ты не имеешь ничего против того, чтобы побродить среди деревьев и

немного покормить кровососущих насекомых? — отозвался Кейран.

— Совсем не против. Здесь такая глушь, что бедной мошкарке наверняка нечасто удастся отвежать свежей людской кровушки. Устроим несчастным голодным букашкам пир?

— Мне нравится твой настрой, — довольно ухмыльнулся Кейран.

Он вытащил из машины легкий рюкзак, лежащий на заднем сиденье, накиннул обе лямки на одно плечо.

— Вперед, любовь моя.

— Мы же не можем здесь заблудиться? — осторожно поинтересовалась я.

— На этот невозможный случай у нас есть все необходимое, — Кейран указал на рюкзак. — Вода, пакет с печеньем, которое пекут в отеле, и которое ты не попробуешь больше нигде. А еще аптечка.

— Ого, как предусмотрительно! Мы прямо бойскауты.

— Бойскаут здесь один — я. А ты верная подруга бойскаута.

— Согласна. Тогда води меня, юный следопыт.

---

*Прототипом послужил замок-отель Castle Leslie Estate в Ирландии.

Глава 32

Мы вошли в заросли, как в портал, ведущий в иное измерение.

От нахлынувших насыщенных свежих и чистых ароматов слегка закружилась голова. Слухом мгновенно завладела особая музыка: тихое пение звенящей тишины под аккомпанемент негромких звуков потрескивания ветвей, шелеста листвы, шороха ветра, голосов и шума крыльев птиц, жужжания насекомых.

И укрывшая от полуденного зноя восхитительная прохлада, которую дарила ажурная тень, сотканная из солнечного света, сплетения ветвей и листьев.

Лес вовсе не был непроходимой чащей, и казался вполне гостеприимным. Здесь свободно можно было пройти, не задевая ветвей деревьев.

Кейран уверенно шел вперед, изредка поглядывая на меня. В его глазах не гасла улыбка, она светилась в сине-зеленых радужках, как солнце, проникавшее сквозь прозрачную морскую гладь. Он по-прежнему двигался с привычной пластикой уверенного в себе мужчины, но без обычной сдержанности в жестах и осанке. Волосы его слегка растрепались, и время от времени он проводил по ним рукой, машинально отбрасывая назад, а я глаз не могла отвести от того, как скользили в темных прядях длинные сильные пальцы.

Я наблюдала другого Кейрана. Более расслабленного, раскованного, такого родного и близкого, но все еще непонятного и непредсказуемого, ревностно хранящего что-то глубоко в себе.

Мы шли, не торопясь, откровенно наслаждаясь пребыванием в лесу. И мне, честно говоря, снова было все равно, куда мы идем. Но странное ощущение дежа-вю упорно не исчезало. Оно как неожиданно острая, пикантная приправа, обнаруженная в освежающем десерте, пощипывало кончик языка, волнуя и маня попробовать еще, побуждая двигаться дальше.

— С тобой легко, ты почти не задаешь вопросов, — сказал вдруг Кейран, будто услышав мои мысли.

— Я не особо любопытная. Но это не значит, что мне неинтересно... знать и понимать.

— И что бы ты хотела понимать?

— Прямо сейчас мне все понятно, — ответила я. — Но в определенные моменты хотелось бы понимать чуточку больше саму себя. Тебя. И всех, кто мне дорог. Чтобы знать, как лучше помочь, утешить, порадовать.

Кейран ничего не сказал на это, только посмотрел куда-то перед собой, губы его тронула рассеянная улыбка.

— У меня была странная семейка, — заговорил он. — Мать родила меня, едва ей исполнилось восемнадцать. Кто являлся отцом, моя родительница не поведала. А из потенциальных папаш никто так и не объявился и, как говорится, не взял на себя ответственность. Джек и Полин стали бабкой и дедом в неполные сорок. А мне не исполнилось и пяти лет, когда маменька свела счеты с жизнью. Вот такая краткая биография в цифрах, но не вся эта арифметика понятна.

Негромкий баритон Кейрана звучал, сливаясь с музыкой леса, давая понять, что все, что он собирался сказать, может быть рассказано именно здесь и только сейчас.

Кейран осторожно отвел со своего пути ветку, оплетенную паутиной. Тонкие нити

дрогнули, прозрачно блеснули в солнечных лучах. С листы скатилась капелька влаги и, разбившись от соприкосновения с паутиной, оросила ее брызгами, украсивших сплетение тончайших нитей тысячами крошечных сверкающих бисеринок.

— Если спросить меня, что я помню о матери, — продолжил Кейран, крепче сжимая мою руку, — то скажу — ничего. Но это будет вранье, потому что кое-что я помню. И эти воспоминания до сих пор сбивают с толку.

Он посмотрел на меня. Во взгляде немая просьба — «не говори ничего, не спрашивай, дай сказать самому...»

Я кивнула. Не удержавшись, поднесла его руку к своему лицу, на миг прижала костяшки напряженных пальцев к щеке и поцеловала. Кейран тут же проделал то же самое с моей рукой. Только он еще нежно куснул мои пальцы, заставив резко втянуть воздух и на миг затаить дыхание.

— Я помню, как мать прятала меня в маленькой комнатухе на втором этаже. Запирала там, как маньячка. Не подумай, она не обижала меня, — поспешно добавил Кейран, заметив, как я напряглась, — Думаю, она любила меня. Может быть, даже слишком любила. Заваливала игрушками, лакомствами. Проводила со мной столько времени, сколько могла. Днем и ночью. Просто почти никуда не выпускала. Это туманные воспоминания, скорее похожи на отдельные картинки. И на очень сильные ощущения, которые не притупляются с годами.

— Но как же так... А Джек и бабушка? — вырвалось у меня. — Они разве не знали этого? Они жили с вами?

— Они жили отдельно, в городе. Но в какой-то момент переселились в коттедж. Не знаю, когда именно это произошло, и что уж там они пытались предпринять, но бабка вдруг подхватила вирус сумасшествия моей мамочки, — ответил Кейран. — А после гибели матери Полин вообще погрузилась в эзотерические дебри, и уже в свою очередь окружила меня удушающей опекой. Правда, в комнатухе больше не запирала, — раздавшийся смешок больше похож на хриплый кашель. — А в итоге... В итоге, я был не из тех пацанов, которые носятся по улицам и творят положенные им по возрасту глупости.

— А Джек? — напряженно проговорила я. — Что же он?

— Насколько я знаю и помню, Джек боролся, как мог. С дочерью. Потом с женой. И постоянно со своим долгом мужа, отца и деда. И при этом был не самым счастливым мужчиной. Это еще мягко говоря.

Мне захотелось обнять Кейрана, вцепиться в него, что называется, мертвой хваткой, и не отпускать до тех пор, пока горечь в его спокойном голосе не исчезнет, растворившись в прошлом без малейшего следа.

— Дед любил другую женщину. Бабка любила другого мужчину. Но они были вынуждены оставаться вместе. Сначала из-за матери, которая, будучи совсем девчонкой, принесла в подоле детеныша, рожденного невесть от кого. Потом из-за меня, сиротинки. Разойдись Джек и Полин, с кем бы остался я? Со странной бабкой? Или с дедом, которого нарушенное чувство долга подкосило бы много раньше, чем это случилось?

Кейран отмахнулся от выющихся у лица мошек.

— Я не злюсь на них и не жалеюсь. Мне, в общем-то, неплохо жилось, — спокойно продолжил он. — У меня было все, что может понадобиться ребенку. Не было лишь свободы. И причина, по которой мне в ней отказали, до сих пор неизвестна. Но, признаться, теперь я и знать этого не хочу.

— А Джек? Он что-нибудь пытался объяснить тебе? — осторожно спросила я.

— Пытался, — у Кейрана вырвался смешок, — как это может делать только Джек. Трепаться обо всем и ни о чем. Выдавать череду пространных, философски-назидательных фраз. И за ними — ничего конкретного. Еще поерничает, похохмит и все заморочки вдруг покажутся высосанными из пальца. Послушаешь его и живешь дальше.

— Не так уж плохо, — заметила я.

— Это точно. Благодаря, наверное, именно деду у меня не поехала крыша от всех этих странностей.

Кейран посмотрел на меня, прищурившись.

— Страшно? — спросил он.

— От чего именно мне должно быть страшно?

— С кем ты оказалась в темном-темном лесу. Сейчас заведу в чащу подальше, изнасилую три раза и брошу.

— Господи, и к чему ж совершать такие сложные маневры? — вырвалось у меня. — Привозить в отель, потом в лес тащить.

— А нас, чокнутых, не понять, — загадочно заявил Кейран. — Мы любим, чтоб позакывристей. Маньячно этак.

Я рассмеялась и тяжкое ощущение от рассказа чуточку рассеялось.

— Полин умерла, когда мне исполнилось двенадцать, — продолжил Кей, дав мне отсмеяться и немного расслабиться. — Незадолго до смерти она рассказала о месте, которое находится здесь. Утверждала, что в этом лесу течет ручей, берущий начало из родника, найденного, выпущенного на поверхность земли и благословленного самой Бригитой*. Я был здесь однажды, с дедом. Мы исполнили желание бабки, взявшей с Джека клятву, что как только ее не станет, он обязательно отвезет меня сюда, умоет и напоит водой из этого ручья.

"К"н"и"г"о"л"ю"б.н"е"т

— Но... зачем? — спросила я. — Что это значит?

— Ну, как я уже сказал, женщины в нашей семье были большие... затейницы, — со смешком заметил Кейран. — Безоговорочно верили во всякие чудеса, приметы. Я родился первого февраля, на Имболк**. Это праздник посвящен Бригите. Бабуля утверждала, что я появился на свет благодаря какому-то там чуду, и она просила древнюю богиню защитить меня. В последние годы перед смертью она время от времени упоминала о какое-то проклятии или заклятии, якобы лежащем на нашем роде. Кстати, рисунки на стенах в доме, это ее рук дело. Бабуля утверждала, что они... охранные, — Кей поморщился, произнося это.

— Так это она рисовала?! — воскликнула я.

В голове что-то защелкало. Отдельные картинки, как кадры порезанной киноплёнки, вдруг потихоньку стали меняться местами, складываясь в нечто связное, уже не лишённое смысла и определенной логики.

Узорный бордюр на стенах в доме, созданный бабушкой Кейрана и повторяющий рисунок на кованых изделиях и амулете, который изготовил дядя Эвлинн для своей возлюбленной.

Полин, будучи замужем за Джеком, любила другого.

Загадочный дядя Эвлинн преданно любил замужнюю женщину, с которой так и не смог быть вместе.

Под футболкой у меня надета подвеска, подаренная Эвлинн. Я привыкла носить ее именно так, под одеждой, позволяя грубоватому металлу соприкасаться с кожей. И каждый

раз, прислушиваясь внимательней, замечала будто бы волны едва ощутимого тепла, идущие от амулета.

Мир поистине тесен, и судьбы, живущих в нем, могут так причудливо переплетаться. А любовь редко может приносить радость. Она охотней испытывает людей, заставляя их постоянно чем-то жертвовать.

Я не озвучила свои размышления, оставив копания в догадках на потом.

Мы не останавливались, продолжая неторопливо и размеренно шагать.

— Так вот, помимо той чепухи, что этот ручей как-то связан с моим появлением на свет и прочим, — снова заговорил Кейран, — Лиз говорила, что я должен буду обязательно привести сюда свою любимую женщину. Как только встречу ее и пойму, что она «та самая». Я давал обещание только для ее спокойствия, не веря ни во что. Но сегодня выполняю его без колебаний. Потому что все случилось.

Кейран повернулся, высвободил руку, пальцами которой сплетался с моими. Провел тыльной стороной ладони по моей щеке, погладил шею, скользнул по спине.

— Ты — та самая, единственная и любимая, — мягко произнес он, не сводя с меня глаз, — и мне легко это говорить, и легко привести тебя сюда. Оказалось, это естественно, как дышать.

Он замолчал, задумался, прищурившись, посмотрел вверх.

Сквозь кроны деревьев солнце проливало мягкий свет вертикальными лучами, в которых купались мелкие пылинки-песчинки, мелькали насекомые. И это движение не останавливалось, оно казалось вечным.

— Наверное, до тебя я как-то неверно дышал. Или не дышал вовсе.

Слушая Кейрана, растворяясь в его голосе, словах, я и не заметила, как что-то неувовимо изменилось. Идти стало легче. Ноги будто ступали не по земле, а по мягкому коврику. Мох. Яркий и сочный, он покрывал почву, стволы поваленных и растущих деревьев, пни и кочки.

Здесь, в этой части леса, зеленого цвета стало очень много, и от его обилия я на миг утратила способность ориентироваться. И не только от этого. Возникло чувство, что я незаметно телепортировалась куда-то, где бывала только во сне. Или попала в иллюстрацию к сказке или полузабытому преданию.

Я точно была здесь. Во сне или наяву, не помню точно. Просто знаю, что это место мне знакомо.

Перед глазами вдруг все поплыло, и я вцепилась в руку идущего рядом мужчины.

— Ты что, милая? — Кейран остановился, с тревогой заглядывая мне в лицо. — Наверное, мне лучше больше молчать. Кажется, я довел тебя до дурноты своей бредовой болтовней, — пробормотал он, придерживая меня за плечи.

— Нет... — выдавила я, — болтовня здесь не причем. Это снова... избыток. Теперь кислорода. Здесь так... много всего — зелени, воздуха.

— Ну, да. Так я и поверил.

— Правда, правда. Это гипервентиляция. Мне бы в пакетик подышать...

— Есть средство получше, чем пакетик. Стоит попробовать, — заявил Кейран, привлекая меня к себе и накрывая мои губы своими.

Он целовал медленно, сначала очень осторожно, ласково глядя по спине и плечам, прислушиваясь к моему состоянию. Потом, заметив, что я перестаю дрожать и тянусь к нему, обнял крепче и углубил поцелуи. Его язык танцевал в моем рту, губы гладили,

смаковали, забирая тревоги и страхи, щедро делясь любовью и желанием.

Наверное, мы зашли в лес довольно глубоко. Здесь не было ветра, все вокруг замерло и притихло. Деревья, казалось, застыли в преувеличенно торжественной неподвижности.

И в это обостренной тишине, сквозь дурман от нараставшего возбуждения и желания опуститься прямо здесь на мох, сбросить одежду и притянуть к себе Кейрана, я вдруг услышала тонкий, переливчатый звук. Словно где-то неподалеку пели хрустальные колокольчики.

Звук коснулся слуха, позвал, напоминая о чем-то.

— Кей... — выдохнула я, — ручей или родник совсем рядом.

Кейран нехотя оторвался от меня, открыл глаза, посмотрел, будто с трудом понимая, о чем я толкую. Взгляд его затуманило желание, дыхание стало прерывистым.

— Я как-то забыл, куда мы шли. И зачем... — хрипло произнес Кейран.

Он отступил от меня на шаг, сдернул с плеча рюкзак, вытащил бутылку воды. Яростно отвинтил крышку и только потом поднял на меня потемневший взгляд.

— Глотнешь? — предложил он.

Я кивнула, взяла бутылку, сделала пару глотков, чувствуя, как Кейран смотрит на мое горло и губы. Вернув ему бутылку, теперь уже сама наблюдала, как жадно, яростно он пьет, словно пытается этой водой утопить иную жажду.

— Я определенно не напился, — заявил он, закручивая крышечку и выразительно глядя на меня. — Пошли дальше, я тоже слышу, как течет вода неподалеку.

Он снова взял меня за руку и потащил за собой. Мы прошли еще немного, когда заросли вдруг расступились, и мы увидели ручей.

Он причудливо изгибался в ложе каменистого русла, начинаясь где-то справа и впереди по курсу нашего движения и теряясь в зарослях слева от нас. Вода была прозрачной и от нее веяло насыщенной свежестью.

— Когда мы были здесь с дедом, — сказал Кейран, — пытались с ним пройти дальше и найти сам родник, с которого берет начало ручей. Но так и не нашли ничего. Зато там, чуть впереди есть еще кое-что интересное.

Он повернулся ко мне.

— Ты как? Не очень устала?

— Совсем не устала, — отозвалась я, хотя желание присесть на пять минут все же возникло, но внезапная слабость в ногах была вызвана вовсе не усталостью.

Мы обменялись с Кейраном взглядами, в которых было и взаимной понимание, и обещание, и что-то еще, что рвалось наружу, ожидая подходящего момента.

Кейран снова вытащил из рюкзака бутылку и вылил из нее остатки воды. Присев возле ручья на корточки, погрузил в него пустую бутылку.

— Иди сюда, — позвал он меня.

Я стояла в двух шагах, наблюдая за его действиями. Подходить ближе в тот момент мне виделось неправильным. Но когда он позвал, я сразу оказалась рядом.

***

— Пей, — Кейран поднес бутылку с кристально прозрачной водой к губам Хейз.

— Э-мм... А про дизентерию будет уместно упомянуть? Или холеру, например? — засомневалась она, с опаской поглядывая на бутылку.

— Уместно, почему же нет. В таком случае сляжем оба.

Увидев, как округлились ее глаза, Кейран покачал головой.

— Реализм да померкнет перед силой первозданной природы, — проговорил он, настойчивей приближая бутылку ко рту Хейз. — Это чистая вода, любовь моя, пей, не бойся.

Девушка послушно сделала глоток, второй, третий. В глазах ее отразилось удивление.

— Вода просто ледяная, — заметила она. — И сладкая.

— Правда? Надо попробовать, — Кейран наклонился и поцеловал Хейз, слизывая капельки воды с ее влажных губ. — В самом деле — сладкая.

Он подал девушке бутылку.

— Напои меня, — сказал он.

Хейз, не отрывая взгляда от его вдруг ставшего напряженным лица, сделала аккуратный глоток из бутылки. Приподнявшись на цыпочки, приблизила лицо к замершему в ожидании молодому человеку и чуть разомкнула губы. Он наклонился, приник к нежным устам и стал пить из чаши ее рта.

Этих двоих все плотнее окутывал невидимый глазу покров, еще больше сближавший их, соединявший вместе так, словно у них даже кровоток вдруг стал одним на двоих.

— Mo Clear milis...*** — проговорил Кейран.

Хейз напряглась, нахмурилась.

— Как ты меня назвал?

— Моей сладкой дымкой. Ты плохо знаешь родной язык? — ухмыльнулся он.

— Я хорошо знаю. Но у тебя он звучит как-то... не так...

— Mo milis... — повторил Кейран тише.

Низкие вибрации в его голосе заставили Хейз задрожать. Она совлала с собой, снова подавив внезапный порыв начать раздеваться прямо здесь. Обхватив Кейрана за шею, запечатлела на его губах сочный и слегка отрезвляющий поцелуй. Потом подвела молодого человека совсем близко к ручью. Положила ладонь ему на спину, слегка надавила.

— Наклонись.

Он послушно склонился. Хейз зачерпнула воды и умыла Кейрана как умывала бы испачканного мороженым ребенка — нежно, бережно и в то же время уверенно, не церемонясь.

Кейран хохотнул, и Хейз тут же припечатала к его лицу ладонь с новой порцией ледяной освежающей воды. Он перехватил руки девушки, и рывком притянул ее к себе. Она ахнула от неожиданности, но ее вскрик был заглушен очередным поцелуем.

Сильными пальцами одной руки зажав оба тонких запястья, Кейран наклонился, окунул свободную руку в ручей и нежно провел по лицу Хейз. Он смотрел в ее широко раскрытые глаза, а капли воды на раскрасневшихся щеках походили на росу на тонкой бархатистой коже нежного и спелого плода.

— Я должен показать тебе еще одно место, — сказал Кейран, с трудом отрывая слишком пристальный взгляд от стоящей перед ним женщины. — Пойдем, здесь должно быть уже совсем недалеко.

Они пошли вдоль русла ручья, углубляясь дальше в лес.

Мох то покрывал все вокруг целыми изумрудно-зелеными островами, то почти исчезал, оставаясь только на стволах старых деревьев. На каком-то отрезке пути ручей изворачивался, убегая в сторону, а Кейран и Хейз следовали только прямо.

Лес стихал и замирал по мере продвижения людей, пока неожиданно не расступился перед ними, выпуская на небольшую поляну.

Деревья стояли вокруг стеной, образуя обособленное пространство, утаенное, словно

святилище, доступ в которое открыт не каждому. Под ногами и вокруг снова покров из мха, как ковер, смягчающий шаги и приглушающий звуки, которым не положено слишком громко раздаваться здесь. Свет лился сверху, потоком освещая то, что находилось посередине.

— Это здесь, — сказал Кейран. — Это...

Он не договорил, повернулся к Хейз, внезапно прекратившей движение. Она замерла на месте и во все глаза смотрела на представшую перед ними картину. На ее лице отражались потрясение, благоговение и детский восторг одновременно.

— Это... кромлех. Ложе Диармайда и Грайне, — проговорила она.

— Точно. Ты уже видела такие?

— Видела, — кивнула Хейз, неторопливо приближаясь к древнему камню. — Я видела... этот.

— Ты была здесь? — Кейран удивился, но ничуть не засомневался в ее словах.

— О, да. Была...

На ее лице появилась улыбка, нежная, прозрачная, будто нанесенная акварелью. Улыбка шла изнутри самого существа Хейз, не призванная быть очевидной.

Она уже видела эту огромную каменную плиту, лежащую на подпиравших ее монолитах, за прошедшие тысячелетия почти целиком вросших в землю. Поверхность кромлеха покрывал мох, как слегка потрепанное, кое-где прорванное зеленое одеяло, брошенное на ложе. С одной стороны мох плотнее и гуще, с другой камень был лишь чуточку подернут зеленоватым налетом.

Хейз двигалась, как во сне. Она провалилась в свои ощущения, настолько отчетливые и знакомые, что даже не удивилась, когда в чуть слышном шелесте листьев и шорохе ветра услышала тихий голос, произнесший: «Не отпускай...»

Тогда, в другой жизни, страшной ночью в одинокой квартире, она уже слышала этот голос. Тогда он произнес «Найди меня». Теперь говорил «Не отпускай». Значит она нашла?

Ей не надо было задаваться вопросами, что все это значит и не чудятся ли ей видения и голоса. Хейз уже знала, что насколько бы необъяснимым все это не казалось, в ее реальности произошло множество бесспорных и очевидных вещей, которые имели весьма непривычное истолкование.

***

Хейз замерла возле кромлеха, медленно поднесла к его поверхности руку, приложила ладонь, погладила. Там, где его не покрывал мох, камень был шершавым, нагретым солнцем. Мох добавлял тепла и бархатистой мягкости.

— Я был здесь только однажды, больше двадцати лет назад, — раздался негромкий голос Кейрана. — Чудно как-то, что мы нашли и ручей, и кромлех так быстро и не блуждая по дебрям.

— Удивляешься, что мы не заблудились? — отозвалась Хейз.

— У меня безумное ощущение, что я никогда и не мог бы потеряться здесь. Это словно встроенный gps — однажды заданный маршрут остается памяти и включается, когда начинаешь движение. Видимо, гены двух малохолмных женщин в моем роду дают о себе знать, — усмехнулся Кейран.

Он подошел ближе, обнял Хейз, прижимаясь к ее спине.

Тишина вздохнула, прошептала что-то им обоим. Воздух стал сладким, чуть влажным, будто распыленный нектар. Он оседал и таял на языке при каждом вдохе. Ярko и сочно запахло травами и цветами. Повсюду разлился медовый аромат, как от целого поля

цветущего поблизости алиссума.

Руки Кейрана задвигались по телу Хейз. Гладили изгибы бедер и талии, поднимались выше, пробираясь под тонкий хлопок футболки. Кожа девушки прохладная, словно шелк под его ладонями.

— Моя... любимая... — шептали его губы.

И что-то в окружавшей их природе делало так, что даже если бы Кейран не произнес эти слова вслух, Хейз все равно слышала бы его.

Он зарылся лицом в ее волосы и вдыхал их аромат, смешанный с ароматами леса. Ласки становились все настойчивей, объятия теснее, дыхание чаще, слова горячее и откровенней.

Она чувствовала его возбуждение, его неумолимый напор, порожденный потребностью быть с ней и в ней.

Кейран отвел волосы Хейз в сторону и целовал её шею, спускаясь ниже, к изгибу плеча, островку теплой кожи в вырезе футболки на спине.

Сильное бедро протиснулось между ее слабеющих ног, слегка раздвигая их. Хейз запрокинула голову и тихо застонала, когда рука Кейрана, лежащая у нее на животе, опустилась ниже, расстегнула ее джинсы, скользнула внутрь, под резинку трусиков и коснулась повлажневшего, трепетного местечка.

Пальцы медленно двигались — чуть выше, чуть ниже и внутрь, в горячую гладкость...

Хейз подняла руки, обхватила голову мужчины, сводившего ее с ума, притянула к себе и поцеловала в губы, ловя его неровное дыхание.

Ими овладела голодная лихорадка, словно они сотню лет не могли добраться друг до друга и теперь больше не хотели ждать, не могли сдерживаться. Их тела сами знали, что им нужно, и были настроены на одну волну. И волна эта то качала их, то накатывала, поднимая высоко, то вновь чуть спадала, давая возможность немного перевести дух. Кровь, проходя через наполненные любовью сердца, неслась по венам потоком чистого насыщенного желания.

Это не просто похоть и жажда, требующая утоления. Это — совершенная благодать, что наполняет и обволакивает. Она повсюду — внутри и вовне. Это — упоение друг другом, испытав которое, уже никогда не сможешь быть с кем-то еще, не захочешь чего-то иного.

Хейз почти не владела своим телом, лишь ощущала его абсолютную наполненность любовью. Она парила где-то, чувствуя только своего мужчину, его губы и руки, его запах и тихий голос.

— Хочу тебя... — долетало до слуха Хейз многократно повторенное, и расплавленное марево чуть рассеилось.

Это все еще она. Пока не потерялась, не отдала себя всю безвозвратно.

— Здесь?.. Но... — проговорила она. Слова посланы рассудком, но губы произнесли их небрежно, желая совсем другого. И, выполнив, что должно, рассудок смолк. На самом деле он хотел того же, чего жаждали тело и душа.

— Если не здесь, сладкая, тогда по дороге к машине, на муравейнике, — прорычал Кей, — выбор за тобой.

У Хейз вырвался короткий смешок. Кейран мог еще шутить, значит, они не совсем обезумели и находились все еще в этой реальности. Но все завертелось снова, едва он развернул девушку лицом к себе и накрыл ее губы ртом.

На выпавший из круговорота миг ей показалось, что их подхватила какая-то мощь и унесла из привычного мира, туда, где каждое чувство, каждая эмоция ощущались во стократ

сильнее и могли поглотить без остатка. И только там можно увидеть и понять что-то свыше того, что могло привидеться даже в самых ярких снах. И за той гранью они бы поверили в то, что обладали невероятной силой, которой могли делиться друг с другом.

Здесь, в этом мире, эта сила звалась Любовью. В прочих мирах у нее могло не быть названия, но от этого суть ее не менялась.

Затерявшись в невероятно мощных ощущениях, Кейран и Хейз будто попали в безвременье, туда, где Сейчас стало Всегда.

Раздевая Хейз, Кейран не переставал целовать и ласкать ее. Он сорвал с себя майку пока Хейз справлялась с молнией его джинсов. Из его груди вместе с прерывистым дыханием вырвался хриплый, низкий звук, когда её нежные пальцы коснулись его, невероятно твердого и горячего.

Приподняв Хейз под бедра, он шепнул:

— Обхвати меня ногами, любовь моя. И держись крепче...

Тело в его руках плавно изогнулось, подалось вверх, и он вошел в нее, такой тугой, мощный и обжигающе нетерпеливый.

Оставаясь в ней, Кейран бережно опустил Хейз спиной на кромлех. Она ощутила мягкость сухого мха и твердость теплого камня. И силу, которая шла от древнего монолита, наполняя все ее тело, а через нее передаваясь и Кейрану.

А он двигался, прикасался и целовал. Был одновременно бережным и страстным, нежно скользил и жестко толкался, его язык и пальцы сводили с ума, дразнили и требовали, и в то же время успокаивали, утешали и давали, ничего не прося.

Он не просто любил ее, он совершал таинство, связывающее их навсегда.

И если Хейз по каким-либо причинам не пожелает остаться с ним, то для него это будет означать конец мира. Небольшой такой личный Апокалипсис, после которого не останется ничего, ради чего стоило дышать.

Виделось ему это или на самом деле дела обстояли именно так, но он начал жить, только повстречав эту женщину. Его сон был спокойным только рядом с ней. Он ощущал все богатство вкусовых ощущений, только принимая пищу из рук любимой.

Хейз права. Он был дважды благословлен.

Талантом, дарованным Богом. И встречей с ней, подарившей ему откровение истинной любви.

И именно теперь, как никогда отчетливо понимал, что двумя благословениями сразу обладать невозможно. Чем-то придется пожертвовать.

***

...Тела двигались, воспаряя все выше. С губ срывались слова, вздохи и стоны.

Кейран приподнялся на руках, глядя на свою женщину в момент её приближения к вершине. Амулет, грубоватая поделка с языческими символами, создавал причудливый контраст с нежной обнаженной кожей Хейз, вызывая необъяснимое желание поклоняться чему-то вечному, непознанному. Подвеска перевернулась, открывая свою обратную сторону, где была изображена друидская сигилла.

Брутальный талисман на нежной обнаженной груди — маленький щит, защищавший сердце и душу от зла и напастей.

Хейз вздохнула, прогнулась, потянулась к Кейрану, и он снова припал к ее телу, вжимаясь в нее, желая раствориться, затеряться в их любви.

Стремительно приближаясь к кульминации, он вдруг почувствовал жар в груди. Что-то

прожгло центр его солнечного сплетения, вонзаясь раскаленной стрелой, проникло внутрь, разлилось в груди палящей волной. Ощущение это соединилось с накатившим мощным оргазмом, поглотило, заставляя издать хриплый, почти звериный рык, наполненный сладостной болью и пронзительным наслаждением.

***

Я плохо помню, как мы одевались, выходили из леса и снова оказались в машине.

Мое состояние было таково, что я... не ощущала себя. Казалось, в какой-то момент я позабыла даже собственное имя. Все тело дрожало от испытанных оргазмов, столь невероятных, что внутри меня до сих пор плескалась чистейшая эссенция наслаждения, омывая каждую клеточку моего существа.

А рядом шел тот, кто мне это подарил. Источник всего самого чудесного в моей жизни. Мужчина, умевший любить так, будто сегодня последний день на земле и все накопленная им благодать будет отдана мне без остатка.

Всю обратную дорогу мы держались за руки и молчали, но взгляды говорили больше, чем любые слова. Останавливались пару раз, чтобы просто посидеть в тишине, глядя друг на друга. Мы поели печенья, запивая его водой из ручья. И я ни разу не вспомнила про дизентерию.

...Мы вернулись в отель, блаженное усталые, голодные, и остаток дня провели в постели, заказав еду в номер.

Уже засыпая, я тихонько погладила пальцем слишком долго не проходящий, красноватый след на груди Кейрана, оставленный соприкосновением с моим амулетом. Рисунок так глубоко и прочно отпечатался на коже моего мужчины, что в голову пришла нелепая мысль — я заклеила его.

Погруженный в сон Кейран слегка вздрогнул. Но ведь ему не могло быть больно, правда?

***

...На следующий день мы уехали в Столицу. Кейран усадил меня за столиком в уютном кафе напротив здания издательства.

— Я не задержусь, — сказал он. — Но, если заскучаешь, сразу звони.

Он ушел, а я заказала себе большую чашку кофе с шоколадным маффином, и погрузилась в чтение электронной книги, которую прихватила с собой.

Кейран сильно задержался. Сначала я начала волноваться. Потом позвонила ему, и он ответил напряженным голосом, проговаривая слова, как автомат.

— Прости. Здесь произошли кое-какие неувязки, и я должен разобраться. Подожди еще немного.

— Конечно, я подожду.

Я ждала, пока снова не начала беспокоиться. Позвонила снова, и Кейран не ответил, отправив мой звонок на голосовую почту.

Когда мое волнение готово было уже перерасти в панику, Кей, наконец, пришел. Преображенный, какой-то застывший, с потухшим взглядом и обострившимися чертами лица. В спрятанных за стеклами очков и за полуопущенными ресницами глазах все равно заметно напряжение.

— Поехали отсюда, — проговорил он севшим голосом.

— Кей, что-то случилось?

— Случилось, да. Херня, которой нет разумного объяснения. Но я его найду, —

отозвался он. — А сейчас поехали отсюда скорее, сладкая.

По дороге он все же рассказал, что привез в издательство флешки с отснятым материалом проекта, над которым сейчас работал. Крупного проекта, очень значимого для многих заинтересованных сторон. И на флешках ничего не оказалось. Фотографии пропали самым невероятным образом.

— Я, мать вашу, привез пустые карты памяти! Пять штук! — в голосе Кейрана звенела холодная бессильная ярость.

Резко выдохнув, от сжал руль руками и бросил на меня короткий взгляд.

— И хоть ты не спрашивай, не напутал ли я чего-то. Те ли карты памяти захватил и не мог ли случайно удалить с них материалы. Не напутал. Карты памяти те самые. И я ничего не мог удалить. Ни намеренно, ни случайно, — ледяным голосом проговорил он, не сводя взгляда с дороги.

Вчера у ручья, предлагая мне выпить воды, он сказал: «Реализм да померкнет перед силой первозданной природы». Далеко не всякую грубую реальность волшебство мудрой природы, похоже, в силах исправить. Иногда какое-то недоброе чародейство со всей присущей ему бесцеремонностью безжалостно искажает реальность.

Вернувшись в отель, мы оба чувствовали себя опустошенными. Кейран рухнул на кровать, прямо поверх покрывала. Я взяла свою сумку и отправилась в ванную, предвкушая, как долгим-долгим обжигающим душем хоть немного смою с себя тревоги сегодняшнего дня.

Поставила сумку на столешницу раковины и стала рыться в ней, ища заколку для волос. И нашла футляр для противозачаточных таблеток, которые стала принимать не так давно. Открыла его и уставилась на маленькие круглые пилюли.

День в пансионе для пожилых — кутерьма с пирогами, знакомство с Джеком Уолшем.

День приезда в замок-отель. Волшебная прогулка в лесу.

И день сегодняшний.

Я ничего не забыла?

Меня окатило жаром, когда я поняла, что забыла. Начисто забыла про эти проклятые таблетки и пропустила уже три приема.

---

*Бригита — Бригита (в Британии — Бригантия) — дочь Дагды, была важным женским божеством Ирландии, патронессой поэзии, ремёсел и врачевания, помогающая женщинам при родах. Иногда под именем Бригиты подразумевают три женских божества, покровительствующие мудрости, искусству исцеления и кузнечному мастерству. Праздник Бригиты — Имболк — отмечают 1 или 2 февраля.

**Имболк — один из четырёх основных праздников ирландского календаря, отмечаемых среди гэльских народов и некоторых других кельтских культур в начале февраля или при первых признаках весны. Обычно он празднуется 1 или 2 февраля, Первоначально посвящённый богине Бригите, в христианский

*** Mo Clear milis...(ирл.) — "Моя сладкая дымка..." — героиню зовут Хейз, с английского ее имя переводится, как дымка. В ирландском варианте ее имя прозвучало почти, как "Клер". Что может означать, как собственно другое женское имя или же "ясная". Отсюда замешательство героини. период он был принят как День Святой Бригитты.

Глава 33

Ночная тьма казалась плотной, стелющейся, как туман. Она наползала на окрестности, двигалась, пригнувшись к земле, сменяя на своем пути зной на прохладу, оставляя на траве слезы вечерней росы. Ветер, днем ласковыми прикосновениями перебивавший листву на деревьях, траву на земле и поверхность озера, вдруг совершенно стих.

Все погрузилось в ожидание, замерло до утра.

Или до других, неизвестных пока, времен.

...В этой ванной невозможно было уединиться. Плотные шторы на арочном проеме скрывали от глаз, но не избавляли от необходимости вести себя крайне сдержанно. А мне так хотелось поорать во все горло от злости на саму себя. Походить туда-сюда, пытаться как-то переварить ощущения, что породила во мне собственная непростительная забывчивость и безалаберность.

Возможно, я зря паникую. Может быть, ничего не произошло. И если я снова начну принимать таблетки...

Не начну, конечно. Придется пройти по пути тревожного ожидания до положенных дней месяца. А уж потом решать, исходя из ситуации. И надо сказать Кейрану. Ведь он был в курсе, что я начала прием противозачаточных и от всех остальных способов предохранения мы отказались.

Не представляю, как открою рот и буду произносить эти слова. Даже сотню раз прокрученные в моей голове, они звучали нелепо. Какое у меня при этом должно быть лицо? Куда девать глаза?

Может быть, ничего пока Кейрану не говорить? Ему сегодня основательно досталось. Эта эпопея с исчезновением материалов дорогостоящего проекта, как обухом по голове. Если еще я добавлю...

Когда мы возвращались в отель, Кейран был страшно напряжен. Лицо его побледнело и застыло. Он смотрел на дорогу, не моргая, а говорил, едва шевеля губами. Мне хотелось прикоснуться к нему, разгладить пальцами складки на лбу и возле рта. Снять очки с усталых, потемневших глаз и поцеловать каждое веко. Хотелось обнять его и покачивать, как ребенка, шепча, что все наладится.

Сказать ему еще и то, что я так облажалась будет, конечно, очень вовремя.

В голову пришла повергшая в ужас мысль, что нашей чудесной, колдовской прогулкой по лесу, походившей на мощный взрыв каких-то невероятных впечатлений, мы разом исчерпали запас благодати, что был нам отведен.

...Уединения в ванной я нашла, закрывшись в душевой кабинке. Под текущими струями воды можно и зубами поскрипеть и разразиться потоком негромких ругательств. Но это не помогло. Все, что мне хотелось, это прижаться к Кейрану и сделать так, чтобы вернулись те потрясающие ощущения защищенности и надежности, когда мы рядом. То чувство неизменности момента, не измеримого никакими временными границами.

Я порывисто отжала волосы, накрутила на голову тюрбан из полотенца, завернулась в банный халат и прошла в комнату.

Кейран так и лежал поперек кровати, закрыв глаза и будто отрешившись от всего. Мне показалось, что он заснул. Тихонько подобралась к нему, стараясь не потревожить, улеглась

рядом. Он шевельнулся, грудь его поднялась и опустилась от глубокого вздоха. Потом я почувствовала, как он обнимает меня. Рука сжалась на моем плече. Он повернул голову, открыл глаза и уставился на мое лицо.

Смотрел так, будто читал карту, которую нужно обязательно запомнить до мельчайших деталей.

Я потянулась к нему, прильнула губами к сжатому рту. Оставляя поцелуй на дрогнувших в ответ сухих губах любимого мужчины, подумала о том, что никогда и ничего не смогу от него скрывать. Не смогу притворяться и изворачиваться. Только не с Кейраном.

— Давай поужинаем и пройдемся к озеру, — сказал Кейран, скользя взглядом по моему лицу.

Он стянул полотенце с моей головы, погладил по волосам, бережно расчесывая пальцами влажные пряди.

— Высуши волосы, и пойдем, — повторил Кей.

После ужина в малолюдном ресторане замка мы медленно побрели к озеру.

Молчали и смотрели, как тонет в воде солнце, утаскивая за собой последние всполохи света. И когда опустилась ночь, мы все еще не уходили в номер. Бродили по берегу, обмениваясь краткими фразами. Стояли, обнявшись. Присели на маленьком причале, прямо на доски, слушая, как тихо плещется озерная вода, ударяясь о деревянные сваи.

— Прости, что испортил нам день, — вдруг сказал Кейран. — Ничего этого не должно было случиться. Муть какая-то...

Он говорил, не зная, что прощение должна просить я. Неудобная женщина, которая не в состоянии вовремя проглотить пилюлю и избавиться от лишних, никому не нужных и таких несвоевременных проблем.

— Спасибо, что ты со мной... — произнес он. — И вчера, в лесу. И сегодня...

И в этих словах было столько всего, что хватило бы на целую бессмертную балладу.

«В горе, и в радости».

— Я люблю тебя, — сказала я.

Свет от фонарей на лодочной пристани едва достигал того места, где мы с Кейраном сидели. Но я увидела в его глазах, все, что должна была увидеть, и вернулось то ощущение незыблемости момента, надежности и защищенности.

Мы пришли в номер, в молчании разделись и легли в кровать. Прильнули друг к другу, прислушиваясь к тишине и к самим себе. Как только руки Кейрана заскользили по моему телу, становясь все настойчивей, я напряглась и выдохнула:

— Нам следует быть осторожными... Я пропустила прием таблеток.

«Целых три вообще-то!»

Кейран замер, я перестала дышать, внутренне сжимаясь до размеров крошечной букашки. Он долго смотрел на меня в неярком свете настенного бра, оставленного зажженным над диванчиком. Выражение лица Кейрана было нечитаемым. Он медленно приподнялся на руках, нависая надо мной. Темные пряди его волос соскользнули вниз, закрывая лоб, затеняя взгляд.

— И когда мы вчера в лесу?... — проговорил он.

— Да. И вчера...

«Провалиться мне на этом месте...»

— Прости. Я забыла... Не должна была забывать. Но забыла и пропустила... не один прием... — бормотала я.

Губы Кейрана расплылись в улыбке. Я завороженно смотрела на первую и единственную за весь долгий нелегкий день улыбку, возникшую на лице этого мужчины, и не сразу расслышала то, что он сказал.

— Ну, не знаю, сладкая моя. Я был бы совсем не против, если бы вся эта фармацевтика оказалась бессильна перед тем, что мы вчера с тобой творили. Было бы неплохо так феерически заделать малыша, а потом как-нибудь рассказать ему или ей о том, как он был зачат. Такая пикантная деталь. Прямо начало семейной легенды. Если, конечно, ты не возражаешь.

Я лишь потрясенно помотала головой.

Я не возражаю, не возражаю... Но жутко боюсь. И не очень верю.

Он склонился и поцеловал меня долгим, медленным, сладчайшим поцелуем, лаская мои губы и заставляя снова начать дышать. С величайшим облегчением, какое только можно вообразить.

***

Кейран припарковал «лексус» сразу за «тойотой» Хейз. Раз машина на месте, значит, этот ее приятель справился с несложной задачей забрать и пригнать автомобиль.

— Пока примешь душ, я быстро приготовлю что-нибудь перекусить, — сказала Хейз.

— Не сердись, родная, но я не буду заходить, — отозвался Кейран. — Поеду сразу к себе, начну разбираться с путаницей. Заодно и вещи собираю.

Он провел рукой по распущенным по плечам волосам Хейз, любясь их шелковистым блеском и вспоминая, как минувшей ночью эти тяжелые гладкие пряди ласкали его, скользя по коже обнаженного тела. Как накрывали их темным плащом... Совсем как в его снах, теперь уже ставших явью.

— Ты еще не передумала пустить меня к себе жить?

— Не передумала. Может, тебе помочь?

— Ты хочешь помочь? — он просиял. — Что ж, не откажусь.

Лицо Хейз также озарилось улыбкой, словно в зеркале отражая его собственную.

— Тогда давай зайдем в дом, я быстро переоденусь и поедем. — Она посмотрела в окно машины, — И Уна, наверное, уже работает где-то здесь. Надо поздороваться и обозначить свое возвращение.

Они вышли из машины. Хейз быстро побежала к дому, доставая на ходу из сумочки комплект ключей. Кейран не спеша шел за девушкой, с удивлением отмечая, насколько преобразился участок. И все это стараниями одной юной садовницы, в то время как создавалось впечатление, что здесь потрудились целая бригада умельцев.

— Уны не видно и не слышно, — проговорила Хейз, крутя головой по сторонам, пока сражалась с дверным замком. — Наверное, возится на заднем дворе.

Дверь поддалась, и они вошли в дом. Кейран глубоко вдохнул, ощутив в воздухе знакомый, тонкий и свежий, чуть сладковатый аромат. Ему нравилось дышать этим запахом. Он успокаивал и говорил о том, что любимая женщина где-то рядом.

Хейз сразу прошла на кухню. Схватила чайник, наполнила его водой, поставила на плиту. Потом, что-то соображая, забегала взад-вперед. Кейран приблизился, обхватил ее за плечи, притормаживая суетливое движение.

— Эй, не спеши, не дергайся, — сказал он, заглядывая в её озадаченное лицо.

— Но ты же торопишься...

— Время есть. Все равно пока с картами памяти не разберусь, никуда больше не поеду.

Иди, спокойно переодевайся, а я тут на хозяйстве побуду, послежу за чайником. Кстати, почему ты пользуешься простым, а не электрическим? Ведь удобней же.

Хейз пожалала плечами и, приподнявшись на цыпочки, легко поцеловала Кейрана в подбородок.

— Ах, да, я же хотела найти Уну, — проговорила она, подходя к окну кухни. — Сейчас посмотрю, в саду ли о...

И застыла с приоткрытым ртом, так и не договорив.

Кейран приблизился к ней, тоже заглянул в окно. В дальнем конце сада, среди пышно зеленеющих деревьев и кустов стояли двое, сплетаясь в таком тесном объятии, что являли собой практически единое существо.

— Ого! — не удержался Кейран. — Это твой приятель тискает малышку-садовницу?! Я не ошибся?

— Не ошибся, — озадаченно проговорила Хейз, не отводя взгляда от окна. — Надеюсь, грозная маменька малышки-садовницы не узнает, что здесь происходит. А то обвинит меня в попустительстве растлению малолетних. Скажет, что у меня не сад, а рассадник греха.

— Ты-то здесь при чем? Это все твой приткий друг. А садовнице сколько лет?

— Девятнадцать.

— Барышня совершеннолетняя, расслабься.

Они еще пару секунд наблюдали за парочкой в саду. Брайан и Уна целовались так самозабвенно, что вряд ли слышали, если бы Хейз сейчас высунулась из окна и заорала, маша им руками.

Две светловолосые головы, две пары рук, обнимавших друг друга. Две пары ног, удерживающие равновесие тесно прижатых тел. Брайан с видимой осторожностью и сдержанностью гладил спину девушки, не позволяя рукам быть слишком настойчивыми. В какой-то момент он чуть отстранился и посмотрел на раскрасневшееся лицо Уны.

Хейз увидела своего друга таким, каким не видела уже давно. Он улыбался, удивленно и счастливо. Не той своей привычной, полной обескураживающего обаяния, ироничной улыбкой, которую частенько надевал, как защитную маску, а искренней, адресованной только той, что стояла сейчас перед ним.

— Поздравляю, из тебя вышла прекрасная сводня, — заметил Кейран, целуя Хейз в макушку. И выглядел при этом страшно довольным.

— Угу, — вздохнула она.

Отошла от окна, взяла со стола телефон.

— Брай? Привет. Я приехала, — выразительно произнесла Хейз, когда ей, наконец, ответили. — Откуда звоню? Из своего дома. Стою на кухне, смотрю в окно. И ни-че-го не вижу. Ах, значит, ты просто заскочил перед работой!

Пауза, во время которой в глазах Хейз мелькнула улыбка.

— Спасибо, что присматриваешь тут... за садом в мое отсутствие. И что пригнал машину. Она мне сейчас понадобится. Мне нужно отъехать по делам.

Она снова помолчала, слушая ответные реплики.

— Понятно. А что там у Эвлинн?

Лицо Хейз помрачнело, она отвернулась от Кейрана, молча наблюдавшего за ней.

— Позвони мне, пожалуйста, когда... — сказала тихо. — И если я хоть чем-то могу помочь...

***

Складывая вещи Кейрана, я краем глаза наблюдала за ним.

Войдя в стены своего стильного, просторного, наполненного гулкой тишиной и противоестественным отсутствием запахов лофта, этот мужчина сразу словно изменил состояние своего организма. Мгновенно перестроился с родного, близкого, излучающего осязаемое тепло на непроницаемую отстраненность и прагматичную собранность.

Он показал мне, где находится его одежда и сумки, в которые ее можно сложить.

— Выбери сама и возьми, что сочтешь нужным. Не стесняйся покопаться в гардеробной, в ящиках комода и в шкафчике ванной, — сказал он и поцеловал меня в лоб.

Уселся за рабочий стол, включил компьютер и с головой погрузился в дела, забыв обо всем прочем и обо мне в том числе. Он достал из небольшого домашнего сейфа контейнер, в котором, судя по всему, хранились карты памяти. Все тщательно просмотрел, вставляя одну за другой в фотокамеру. Затем проверил те, что оказались пустыми.

Бесшумно снуя по комнате и занимаясь сборами, я краем глаза посматривала на Кея. Он мрачнел с каждой минутой все больше. Хотя казалось, что больше уж некуда: брови его сошлись над переносицей, челюсти свело от напряжения и крылья носа подрагивали, как у животного, почуявшего опасность.

Начались бесконечные звонки — он кому-то звонил, кто-то звонил ему. Голос Кейран не повышал, но тон выразительно менялся от ледяной сдержанности до мрачного негодования.

Из всего, что удалось уловить, я поняла, что отснятый материал сохраняется не только на картах памяти от камеры и остается у самого фотографа, но и обязательно дублируется на компьютере ассистентов, участвующих в съемках. Все защищено паролем и доступ к материалам строго ограничен. Но... и оттуда все исчезло самым таинственным и необъяснимым образом.

Честно говоря, состояние Кейрана, услышавшего эту новость, меня ужаснуло. Я воочию увидела, что означает «управление гневом». Когда внутри кипит ярость, а на поверхность поднимается в виде всепоглощающей ледяной волны с огромным трудом обузданного негодования. При этом человек меняется неузнаваемо. Вибрации, которые исходят от него, становятся чужеродными, имеющими самое отдаленное сходство с привычно определяемым состоянием. Между самой яростью и контролем над ней проявляется что-то еще, неуловимое и жуткое, чему нет названия.

Поняв, что ничем сейчас помочь не смогу и вообще моего друга лучше пока не трогать, я поспешила сложить сумки и спуститься на первый уровень лофта, оставив Кея наверху одного.

Я стояла у окна, смотрела на гавань, пересекаемую мостом, по которому сновали машины. Тишина в этих стенах звенела, звуча на одной волне с состоянием внутреннего беспокойства.

Я чуть не подпрыгнула, когда услышала голос Кейрана.

— Хейз, ты где? — он стоял, опираясь на ограждения второго уровня лофта, с тревогой глядя вниз. — Я потерял тебя. Подумал, что ты ушла.

Он быстро сбежал вниз, стремительно преодолел расстояние между нами и сгреб меня в объятия.

— Не обижайся, милая, я совсем закопался в этой чехарде, — говорил он, прижимаясь ко мне всем телом. — Происходит какая-то чертовщина. Очень похоже на диверсию, что, вообще-то, маловероятно и осмыслению не поддается. Я должен разобраться... Прости, что

не уделяю тебе внимание.

— Ты шутишь что ли, Кей? — я попыталась развернуться в его объятиях и посмотреть ему в лицо, но Кейран не позволил, продолжая сжимать меня в кольцо рук. — Я не требую постоянного внимания. И на что мне обижаться?

— Но ты так стояла у окна... Мне показалось, ты расстроена, что обидел тебя. Заставил собирать свои шмотки, а сам про все забыл, — бормотал Кейран, зарываясь лицом мне в волосы и касаясь губами уха.

— Не заставил, а сама вызвалась, — возразила я. — Сложила вещи и спустилась вниз, чтобы тебе не мешать. И, конечно, я расстроена. Мне жутко не по себе от того, что у тебя неприятности. Что ты будешь делать теперь?

Он вздохнул горько и с облегчением одновременно.

— Приму душ, переоденусь и поеду разбираться на месте, — ответил Кейран. — У нас экстренный сбор всей группы. При участии основного персонажа всего этого безумия. Она генератор самой идеи и финансирует проект. Она же и главное действующее лицо, единственная и неповторимая модель.

— И кто она?

— Морин Берриган. Слышала о такой?

Ночь Бельтайна, парк. Мгновенно в голове вместе с всполохами майского костра возник образ роскошной рыжеволосой королевы неземной красоты и невероятной притягательности.

— Слышала и видела. Тогда ночью, в парке, — отозвалась я. Следующие слова вырвались у меня сами собой. Честное слово, я не собиралась их произносить, но что-то подстегнуло меня рискнуть показаться навязчивой. — Кей, а можно я поеду с тобой?

Кейран на миг замер, потом решительно развернул меня лицом к себе.

— Поехать со мной? — удивленно спросил он.

— Я не помешаю, посижу в машине и не полезу туда, где мне быть не положено. Просто... просто буду где-нибудь поблизости... — быстро заговорила я.

Кейран открыл рот, чтобы что-то сказать, но я его перебила.

— Каждый из нас на машине. Как только ты считаешь нужным, я сразу же уеду. Но я не смогу просто сидеть дома и ждать, как там у тебя все разрешится. Ну, позволь хотя бы просто проводить тебя до места.

— Я сейчас быстро соберусь, и поедem — кивнул Кейран, сдаваясь. Охотно сдаваясь.

Поднимаясь по лестнице, он остановился, повернулся ко мне.

— План был совсем не таков, — произнес он, невесело улыбаясь. — После возвращения я хотел попросить тебя об одном одолжении.

— Попроси сейчас, — отозвалась я.

— Нет, сейчас ничего не выйдет, — покачал головой Кей. — Не время, не к месту.

— И все же — что ты хотел? Скажи, прошу, — настаивала я.

— Я хотел попросить тебя разрешить Джеку провести с нами день. Забрать его из пансиона к тебе. К нам, — поправился Кейран. — Чтобы он увидел старый дом другим. Почувствовал, что прошлое ушло и у меня все хорошо. Ему это необходимо, Хейз.

— Мы сделаем это, Кей, — ответила я. — Обязательно сделаем в ближайшее же время.

***

Я ехала за «лексусом» и на расстоянии чувствовала, как напряжен Кейран.

Сбор команды проходил, оказывается, в особняке Морин Берриган. Расположенная в

зеленой долине, в окружении рощицы и недалеко от океана двухэтажная современная вилла, отличалась от большинства традиционных строений в наших краях. Большие окна, изящность некоторых деталей, серая черепица крыши и отделка из светло-серого камня придавали особняку архитектурную облегченность и особую выразительность. Правда, усадьбу я видела только на снимках, которые как-то просматривал в моем присутствии Кей.

На подъезде к вилле Кейран посигналил мне, и мы остановились на обочине. Одновременно вышли из машин.

— Послушай, родная, — сказал Кей, подходя ко мне. — Поезжай домой, я не знаю, насколько здесь все затянется. Боюсь, что очень надолго. И, конечно, нет никакого смысла тебе сидеть в машине и ждать.

Он поправил очки на переносице, что, как я заметила, делал только тогда, когда был чем-то очень озадачен. Посмотрел на меня пристально.

— Честно говоря, я бы взял тебя с собой, чтобы чувствовать рядом. Но не сделаю этого, — заявил он.

— Почему? — вопрос прозвучал как упрямое требование.

— Не хочу, чтобы ты так или иначе находилась в одних координатах с мисс Берриган, — резко бросил Кейран.

— Но почему?! — изумилась я.

— Трудно объяснить внятно, — Кей взял меня за руку, погладил запястье большим пальцем, — на мой взгляд, она не из тех людей, с которыми хочется тесно общаться. Не из тех, с кем хочется делиться чем-то личным.

Он устремил взгляд за мое плечо и заговорил, не отводя задумчивых глаз от заинтересовавшей его точки на горизонте.

— Шона. Она работала со мной, была помощницей, присутствовала на съемках, вела кое-какие мои дела. Практически стала PR-менеджером, — голос Кейрана звучал ровно, но в нем ощущалось напряжение.

В другое время я бы ничего не заметила, но с каждым днем узнавала этого мужчину все лучше и научилась понимать, что любое, самое тонкое проявление эмоций в нем отражалось каким-то почти неуловимым нюансом. Надо только повнимательней смотреть. И эта было особенно различимо от того, что Кейран очень сдержанный человек.

— Так вот Шона присутствовала на этом проекте с самого начала. И почти сразу стало что-то происходить, — Кейран перевел взгляд на меня. — Вот сейчас говорю это вслух и понимаю, как нелепо это звучит. И, тем не менее, что-то во всем этом имеется крайне неприятное.

Он поморщился, словно и сейчас отчетливо ощущал вкус «неприятного».

— Понимаешь, Хейз, я умею абстрагироваться от всего, когда занят делом. Морин для меня только объект, с которым связана работа. Но эта дамочка умудрилась как-то так себя позиционировать, что кажется... вездесущей. Она начала проявлять странный интерес к нам с Шоной. Я-то ничего не замечал, работал себе и работал. Смотрел на все только сквозь объектив. Но Шона начала нервничать.

— Возможно, Шона ревновала, — осторожно заметила я, понимая, что озвучиваю очевидное. — Интерес Морин к тебе ведь можно объяснить самым простым.

— Чем же это «самым простым»? — Кейран явно лукавил, прекрасно зная, что я подразумеваю.

— Интересом женщины к мужчине, — ответила я, игнорируя иронию Кея.

— Ну, если такой интерес и имел место быть, то проявлялся он весьма своеобразно, — отозвался Кей. — Во всяком случае, по моим неискушенным в этом деле понятиям, — хмыкнул он.

— Как «своеобразно»?

— А никак. В том-то и дело. Никаких намеков, никакого флирта, никаких попыток... соблазнить или еще чего. Просто необъяснимый, липкий, навязчивый интерес. Знаешь, как камера наблюдения в комнате для допросов. Когда ты знаешь, что на тебя смотрят, но рядом никого нет.

Кейран вдруг резко втянул воздух и сильно сжал мою руку.

— Прости, что говорю это, черт возьми. И время снова я выбрал неподходящее, — неожиданно завелся он, — но я просто пытаюсь объяснить то, что, оказывается, объяснить не так просто. Моя бабуля, наверняка, справилась бы с этим лучше, наплетя что-нибудь эзотерическое.

— Тогда, может быть и не надо объяснять, — сказала я, стараясь сохранять спокойствие, но отчего-то вдруг это стало делать совсем нелегко. — Я верю, что есть интуитивные моменты, которые пояснить практически невозможно. Они просто есть, и на что-то очень сильно влияют. Как перепады давления, которые мы не видим, но можем ощущать.

— Верная аналогия, родная, — кивнул Кейран. — Так вот находиться рядом с Морин, это все равно, что попасть в зону высокого давления. И я не хочу, чтобы это коснулось тебя. Я хочу быстро со всем разобраться и поставить на этом проклятом проекте жирную точку. Честно слово, сто раз уже пожалел, что за это взялся.

Он сделал глубокий вдох и на выдохе выдал:

— Ко всему прочему, Шона пропала некоторое время назад. Исчезла сразу после того, как плотно пообщалась с Морин.

— Пропала?! Ты хочешь сказать, что?.. — я не смогла договорить, пытаюсь переварить услышанное.

— Ничего не хочу сказать, я попросту ничего не знаю, — оборвал меня Кейран. — Но какая-то липкая гадость во всем этом имеется. Я периодически пытаюсь дозвониться Шоне. Связывался с ее родителями. Они общались со мной неохотно, но все же сказали, что пока не волнуются. Говорят, что она оставила им сообщение, что после нашего разрыва хочет уехать и побыть в полном одиночестве и тишине. Это похоже на нее. Такое уже бывало, когда она уезжала куда-нибудь и приводила в порядок мысли и физическое состояние. Но тогда хотя бы работала ее голосовая почта, и она периодически выходила на связь. Теперь же все глухо. Она постоянно недоступна, а времени прошло достаточно, чтобы начать задавать вопросы.

— Может быть... на нее так повлияло ваше... расставание, — предположила я.

— Повлияло, конечно. Но чтобы так... — Кей покачал головой. — Нет. Не верю. Шона не истеричка и никогда не действовала импульсивно. А играть на публику, пытаюсь привлечь к себе внимание, тоже ей несвойственно.

Он посмотрел на меня, нахмурился.

— Прости, что говорю о ней...

— Мы жили и до того, как встретились, — отозвалась я. — Я была замужем, ты состоял в серьезных и долгих отношениях. И избегать этих тем, если они вдруг возникают, не имеет смысла. Я совсем не против того, чтобы лишний раз убедиться, что ты равнодушный и

порядочный человек и тебе небезразлична судьба твоей бывшей девушки.

Кейран обнял меня и прошептал что-то очень тихо. Слов я не разобрала, но, кажется, он почти беззвучно выругался, испытывая облегчение и смущение разом.

Честно говоря, быть понимающей не так уж и приятно. Упоминание о Шоне задело меня. Несильно и не очень болезненно, но задело.

Эта девушка была с ним три года, любила, участвовала в его делах.

Мы были знакомы с Кейраном пару месяцев, и я могла предложить ему проживание в старом доме, наполненном не самыми приятными для него воспоминаниями. И еще нагрозила его повисшей в воздухе проблемой возможной незапланированной беременности. Хоть он и сказал, что не был бы против. Но за словами всегда есть еще что-то.

Я стояла, уткнувшись лицом в шею Кейрана, и вдыхала его чистый запах. Он уравнивал меня, снизив концентрацию беспокойства.

— И в свете последних... предположений. И некоторых возможных вариантов развития дальнейших событий... — пространно заговорил Кейран, словно до него долетело эхо моих мыслей.

Его рука скользнула вниз между нашими телами, и горячая ладонь легла мне на живот. Он слегка прижал руку, делая поток тепла ощутимо целенаправленным.

— Когда... Когда мы сможем знать более точно? — произнес он, нежно целуя меня в висок.

— Дней через десять, думаю, — начиная дрожать, проговорила я.

— Я не хочу, чтобы что-то неприятное каким бы то ни было образом касалось тебя, — выдал Кейран безапелляционно. — Случилось что-то или нет, Хейз. Никаких лишних волнений. Никаких неприятных контактов. Никакой прочей ахинеи. Даже если под всем, что я сказал про Морин, нет реальных оснований, а моя необъяснимая антипатия к этой женщине лишь результат индивидуальных особенностей восприятия, я все равно не хочу, чтобы ты как-то контактировала с ней, — упрямо повторил он.

Он отстранил меня от себя, придерживая за плечи.

— На мне лежит ответственность за проект, в котором завязаны большие деньги и громкие имена. И, Хейз, все эти разборки могут затянуться. Бог знает, чем придется заниматься, пытаясь это разгрести. И именно сегодня это станет ясно. Словом, я не хочу, чтобы...

— Чтобы я тебя отвлекала, — закончила я за него. — Ты это хотел сказать?

— А ведь ты будешь отвлекать, — уголок рта его дрогнул, когда он смотрел на мои губы. — Я буду смотреть только на тебя и не смогу сосредоточиться. Предпочитаю, чтобы ты ждала меня дома. С ужином и всем прочим.

Он наклонился ко мне, намереваясь поцеловать.

Я вздрогнула, а Кейран снова инстинктивно прижал меня к себе, когда прямо над нашими головами раздалось громкое грубое карканье, походившее на злобную хриплую усмешку. Огромная черная птица возникла словно ниоткуда и пронеслась, стремительно удаляясь и оглушительно хлопая гигантскими крыльями.

Лица коснулся порыв воздуха, в котором ощущался тошнотворный запах падали.

Глупость, конечно, но мне подумалось, что эта жуткая инфернальная тварь подслушала часть нашего разговора.

Глава 34

Я лежу без сна.

Рядом спит Кейран. Рука на обнаженной груди, голова повернута ко мне. Он кажется расслабленным, но лицо во сне хмурое. Хочется поцеловать его чуть приоткрытый рот, провести языком по мягким губам, пальцами разгладить морщинку на лбу, но тогда Кейран проснется, а я этого не хочу.

Он пришел измученный, в глазах решимость мешалась с озадаченностью. Он не рассказал никаких подробностей совещания их группы. Заметил только, что сложностей и непонятностей более чем хватает, и предстояло во всем тщательно разбираться.

— Не бери в голову. Это все рабочие моменты. Всякое бывает, — попытался улыбнуться он, потирая усталые глаза под очками.

Кейран поел, не обращая внимания на то, что лежало у него на тарелке, потом обнял меня и увлек в гостиную на диван, где любил долго и жадно.

Когда он задремал, прижимая меня к себе, я подняла его, отвела наверх и уложила на кровать.

— Будь рядом, — бормотал Кейран, засыпая. — Не уходи...

Я охотно прилегла возле него, но сон не шел. Чтобы не ворочаться зря, тихо поднялась с кровати и вышла из комнаты.

Остановилась в коридоре второго этажа, прислушалась. Дом казался укутанным снаружи звуконепроницаемым покровом. Лунный свет протянулся от окна до двери маленькой комнаты. С тех пор как я поселилась в коттедже, в это помещение я заходила от силы раза два. Даже не заходила, а просто заглядывала.

Я размышляла, как можно использовать странный закуток и задавалась вопросами о его прежнем назначении. Получив ответ, обзавелась несбыточным желанием вмешаться в прошлое и изменить его для Кейрана. А комнатка стала вызывать странное смешение чувств неприятия и сострадания.

Меня вдруг потянуло зайти туда. Именно сейчас, ночью, я хотела попытаться представить, что чувствовал маленький мальчик, оставаясь в этом крошечном помещении и, не понимая, почему его там запирают.

Почему мать Кейрана так поступала с ним? Душевный недуг мог быть объяснением, но не основанием для прощения и смирения с тем, что пришлось переживать малышу-Кейрану. А в свете некоторых событий все странности вообще стали выглядеть достойными более пристального к ним внимания. Теперь уже я сомневалась, что только психические отклонения заставляли так себя вести молодую женщину.

Дорожка лунного света настойчиво указывала мне на комнатку. Я толкнула тихо скрипнувшую дверь и вошла.

Помещение размером два на два метра, не больше. Окно напротив двери. Белые стены с орнаментом под потолком. Я обошла комнатку по периметру, чувствуя себя узником, меряющим пространство камеры. Остановилась у стены, представляя, что когда-то здесь стояла кровать, в которой спал малыш Кейран. Наверняка, в обнимку с игрушкой, чтобы не так остро чувствовать страх и одиночество.

Богатое воображение услужливо нарисовало яркую, объемную картину, перенося в

неизвестное мне прошлое и позволяя увидеть всё словно воочию. Маленького Кейрана я представила настолько отчетливо, будто знала его тогда. Тихий темноволосый мальчик с глубокими, серьезными, сине-зелеными глазами и упрямым, молчаливым ртом.

От целого шквала чувств, захлестнувших меня, к горлу подкатил комок. Сердце подпрыгнуло и заколотилось где-то в центре груди, словно и оно почувствовало себя взаперти и теперь рвалось на свободу.

Я шагнула к окну, резко дернула рычажок замка, едва не ободрав пальцы, подняла раму и высунулась наружу. Поток свежего воздуха и мирный вид освещенной фонарями улицы чуть успокоили, помогли выровнять дыхание.

Я стояла, глядя в ночь, не чувствуя прохлады, стараясь не думать ни о чем пугающем, непонятном, необъяснимом. Но это оказалось очень непросто. Ведь уже сейчас в моем сознании прочно обосновалось еще не вполне сформировавшееся понимание того, что я каким-то образом взяла на себя огромную ответственность. За взрослого мужчину, за маленького мальчика, за всех, кого привлекла и собиралась удержать в своей жизни.

С ветвей старой ольхи, росшей за пределами участка, сорвалась и, шумно хлопая крыльями, улетела прочь какая-то крупная птица. Я вздрогнула, и высунулась из окна дальше, пытаюсь взглянуть в густую тень, куда не достигал свет фонарей. До моего слуха долетело хриплое ворчание, звучавшее, как предостережение.

— Убирайтесь прочь... — сказала я в темноту.

В ответ снова раздался грубый приглушенный ропот.

Почему-то я не удивилась мелькнувшей мысли, что веду разговор с... воронами. Эти птицы, казалось, преследуют меня почти с самого приезда в родной город.

Вспомнилась кошмарная ночь в бабулиной квартире — холод, темнота, страх, чье-то незримое, но ощутимое присутствие. А утром — вода и черные перья на полу в прихожей. Теперь я почти уверена, что именно ворону эти перья и принадлежали. Они никак не могли попасть в мою квартиру. Но они там были. Возможно, во всем виноват побочный эффект от приема таблеток, или я на самом деле чокнутая, страдающая галлюцинациями, но ведь Брайан тогда тоже все видел.

И сегодня, когда мы разговаривали с Кейраном по дороге к особняку Морин, снова крупный черный ворон не на шутку испугал меня. Рядом не росло ни одного дерева, с которого птица могла бы сорваться и пролететь мимо нас. Эта жуткая тварь взялась ниоткуда, словно вынырнула из невидимого глазу портала, ведущего в преисподнюю, и с шумом и остервенелым карканьем пронеслась над головами, едва не задев нас крыльями.

Сейчас мне не так страшно, как тогда в городской квартире.

Сейчас я была не одна.

***

...После нашего с Кейраном разговора на дороге, я чувствовала себя нехорошо. И пронесшийся мимо ворон лишил меня остатков и без того хрупкого равновесия.

Кея не хотелось никуда отпускать. Я осматривалась, лихорадочно соображая, что еще придумать, чтобы оттянуть момент, когда нам придется разъехаться в разные стороны.

— Ой, а я не развернусь! — мое восклицание прозвучало слишком оживленно.

Дорога здесь неширокая, двухполосная, по обеим сторонам — кюветы. Для моих маневров места, и, правда, маловато. Чтобы самостоятельно развернуться здесь на довольно громоздкой «тойоте» мне понадобится целый день. И не факт, что все получится. Водитель я пока не очень уверенный.

Кейран понимающе хмыкнул. Я замерла, ожидая, что он сейчас усядется за руль «тойоты», ловко развернется, затолкает меня обратно и велит ехать домой немедленно.

— Садись в машину, поезжай за мной, — сказал он. — Развернешься возле дома Морин, там широкий и ровный подъезд.

На главной подъездной дороге к вилле, не доезжая до ворот, Кейран посигналил, прося притормозить. Остановился сам, вышел из машины и направился ко мне. Я выскочила навстречу ему, едва он приблизился, не удержалась и порывисто обняла. Не сразу обратила внимание, что чуть поодаль на широкой аллее, ведущей к дому, стоит группа людей. И все смотрят на нас.

Я не разглядела толком никого, только натолкнулась на чей-то пронзительный, неподвижный взгляд. Именно натолкнулась, будто с размаху налетела на стену. На долю мгновения этот янтарный взгляд меня удержал, захватив, как силовой луч.

Морин, высокая, стройная, с убранными в гладкую прическу пламенеющими волосами, стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на нас с Кейраном. На лице ее не отражалось ничего. Она вежливо кивнула мне, не отводя глаз. Я машинально ответила таким же учтивым кивком из-за плеча Кейрана, и почувствовала, как он напрягся.

— Буду звонить каждую свободную минуту или слать смс-ки, — пообещал он, усаживая меня в машину.

Всю обратную дорогу я ловила себя на том, что до сих пор ощущаю отголоски почти физического воздействия взгляда Морин. Зато это позволило мне убедиться кое в чем из того, что говорил о ней Кейран. Теперь его необъяснимое неприятие стало мне чуть более понятным. Во всяком случае, не казалось больше голословным.

Так могла смотреть страшно ревнивая любовница, строгая начальница, какая-нибудь доминатрикс, инквизитор или даже злая колдунья.

Не удивлюсь, если эта женщина соединяла в себе все эти ипостаси.

***

Я еще немного постояла, глядя в окно, слушая ночную тишину, вдыхая прохладный свежий воздух. Мой маленький коттедж, окруженный теперь уже ухоженным садом, казался сейчас оплотом мира и спокойствия. Но за территорией дома, за невысокой каменной оградой что-то подстерегало, терпеливо наблюдая и выжидая.

Опустив оконную раму, я вышла из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь.

Кейран спал, откинув руку на мою подушку. Я легла рядом, взяла его крепкую, теплую руку и положила себе под щеку. Пальцы его дрогнули, ощутив мое прикосновение. Закрывая глаза, я увидела, как расслабилось лицо Кейрана.

***

На следующий день Кей ушел очень рано. Уже попрощавшись со мной и накинув на плечо ремень кофра с фотокамерой, у самой двери он вдруг развернулся, обнял меня крепко и поцеловал. Он медленно и сладко выводил на моих губах и языке узоры, словно творил охранные заклинания. Не помню, чтобы поцелуи любимого мужчины вызывали во мне столь противоречивые чувства. Я таяла от нежности и зарождавшегося возбуждения, и в то же время начала внутренне содрогаться от накатившей тревоги.

...С восходом луны происходят приливы, а к утру вода отступает. Змея меняет кожу, а деревья листву. Дни становятся короче, а потом снова удлиняются. В какой-то момент что-то похожее случается и с нами. Иногда мы физически ощущаем, что заканчивается один этап жизни и начинается другой. И все перемены приурочены к чему-то, как смена сезонов или

времени суток. Только в природе все возвращается и повторяется, а нас чаще всего уводит в неизвестность и без гарантии, что мы можем вернуться, чтобы начать сначала. Или же может получиться так, что прошлое встанет на дороге непроходимой стеной, не позволив двигаться дальше, заставит повернуть назад или умереть на месте...

Уна явилась, как всегда, вовремя. Она пришла пешком, а не приехала на своей развалюшке. С тех пор, как девушка стала оставлять инструментарий в сарайчике на заднем дворе, она пользовалась автомобилем, когда привозила рассаду или то, что в руках не унести.

— Ой, Хейз, вы приехали! — обрадовалась Уна, увидев меня.

Она выглядела иначе, двигалась по-другому. Постоянно краснеющая, немного неуклюжая девочка сегодня не сутулилась, и взгляд ее сиял искренней радостью. Вместо бесформенной футболки неопределенного цвета под короткой курточкой надето что-то яркое, облегающее высокую, полную грудь

— Еще вчера, — ответила я.

Она непонимающе округлила глаза.

— Я приехала еще вчера утром, — пояснила я. — Разве Брайан тебе не сказал? Я звонила ему и оказалось, что он находился в то время у меня. Вы разве не виделись с ним? Это было в твои привычные рабочие часы.

Наблюдать, как клубнично-сиропный румянец снова заливает щеки Уны, было даже весело.

— Мы... да, мы виделись... Н-нет, он ничего не сказал, — пролепетала девушка. — Я... наверное...

Она замолчала, вскинула на меня взгляд.

— Вы нас видели, — поняла она.

— Прости, но да. Видела.

— Я... Извините... — сказано тихо, но отчетливо.

— За что? Ты не сделала ничего такого, за что стоит извиняться.

Уна изучающе смотрела на меня, судя по всему, пытаясь понять, не кроется ли в моих словах осуждение.

— Если всё, как ты хочешь, то я рада за тебя, — сказала я. — И за Брайана рада. Поверь, это так.

Уна кивнула, не говоря ни слова, и в глазах ее снова засветилась радость.

— Только, Хейз... — начала она. — Моя мама...

— ...от меня ничего не узнает, — закончила я за нее. — Это только ваше дело, ребята.

Я могла бы добавить, что Брайан хороший, и ему можно доверять, но не стала этого говорить. И здесь вовсе ни при чем сомнения в порядочности моего друга. Просто это уже совсем не моя территория.

***

День сегодня теплый, безветренный, но пасмурный. Все оттенки зелени кажутся темнее и гуще. Спокойная гладь океана налилась свинцовой синевой. Солнце изредка с трудом выбиралось из-за медленно плывущих, серых облаков и снова исчезало, не успевая насытить цвета природы летней яркостью и сочностью. Воздух напоен влажными, терпкими ароматами травы, земли и морской соли.

Неторопливо ведя машину, я вдыхала запахи через открытое окно так жадно, словно готовилась к прыжку с обрыва. Подъехав к пансиону, оставила «тойоту» там, где свою

машину оставлял Кейран, не заезжая на территорию.

Кое-кто из обитателей дома прогуливался по посыпанным мелким гравием дорожкам, кто-то сидел на лавочках. Я шла к главному входу, и чем ближе были двустворчатые двери, ведущие внутрь пансиона, тем тяжелее давались мне шаги.

Я не знала, с чего начать разговор с Джеком Уолшем. Как он вообще воспримет мое внезапное появление и захочет ли общаться. Но я должна увидеть этого пожилого человека, который произвел на меня очень сильное впечатление.

Решив поехать сюда, я не сказала Кейрану, что собираюсь навестить его деда. Теперь меня также мучил вопрос, как отреагирует Кей, когда узнает.

Миновав круглую клумбу с фонтаном посередине, я уловила что-то необычное на периферии зрения. Остановилась и подняла глаза, глядя на растущий поодаль высоченный вяз с раскидистой, как шатер, сочно-зеленой кроной. Дерево возвышалось над крышей пансиона, а самые нижние ветки распластались параллельно земле, почти над самой ее поверхностью. Мое внимание привлекли именно эти ветви. Они шевелились и подрагивали, несмотря на отсутствие ветра. И даже если бы ветер был, все равно это движение выглядело странным.

— Сегодня вороны сидят низко на деревьях, — неожиданно проскрипел чей-то голос. — Это к сильному ветру.

Я вздрогнула от неожиданности и повернулась. Позади стояла низенькая старушка в старомодном плаще и с тросточкой в руке. Женщина улыбнулась мне и пояснила:

— Примета такая. Вороны сидят на нижних ветках дерева — к ветру. Уже к вечеру, или завтра погода изменится. Вот увидите. — И она очень медленно отправилась дальше, шурша по гравию.

Я мимолетно отметила, что не услышала шагов ее приближения. Но больше всего меня занимала новая встреча с воронами. Я сначала и не разглядела, что это именно они расселись на ветвях, полускрытые густой листвой.

Глядя на них сейчас, я снова ощущала ответное внимание. И какое-то волнами разносящееся в воздухе злорадство исходило с их стороны, словно они позволяли на себя смотреть, зная о своем тайном превосходстве.

Более чем странные мысли и ощущения. Но это то, что я чувствовала, не обманывая саму себя.

В просторном коридоре пансиона я подошла к женщине, сидящей за небольшим столиком у стены. Перед ней стояли телефон и компьютер, и она что-то записывала в толстую тетрадь, время от времени поглядывая на экран ноутбука.

Не зная, какие здесь порядки, я вежливо попросила разрешения увидеть Джека Уолша.

— Вы родственница? — спросила она, заинтересованно разглядывая меня.

— Нет. — Врать ни к чему. — Я знакомая его внука.

— Что-то случилось? У Кейрана все в порядке? — нахмурилась женщина.

— Нет, нет! Ничего не случилось, — поспешно заверила я. — С Кейраном все хорошо. Просто он планировал навестить дедушку, но сейчас очень занят и не мог прийти. Это решила сделать я.

Женщина раздумывала секунд пять.

— Что ж, можете пройти, — решила она, наконец. — Знаете, где комната мистера Уолша?

Я кивнула.

— Он или у себя, или мог отправиться на прогулку, — пояснила моя собеседница. — Если его нет в комнате, найдете его в саду, позади дома. Там он обычно сидит уединенно и читает.

Я поблагодарила и направилась по длинному коридору к комнате Джека. Постучала в дверь и сразу услышала в ответ густое, басовитое «Войдите».

Джек сидел в кресле-каталке у окна. На коленях его лежала подушка, а на подушке — объемная книга. Он читал, сдвинув очки на самый кончик носа. Когда я заглянула к нему, он некоторое время смотрел на меня поверх очков, казалось, не узнавая.

— Хейз, — произнес он. — Не ожидал столь приятного сюрприза.

Он уверенно назвал мое имя и улыбнулся без удивления, сдержанно, но искренне, сразу напомнив улыбкой внука. Глядя на старшего Уолша, можно было представить, как будет выглядеть Кейран в пожилом возрасте. И мне определенно нравилось то, что я вижу и представляю.

Дед и внук были похожи внешне, но при помощи какого-то седьмого чувства, я начала выстраивать предположения, что два эти мужчины отличались друг от друга внутренними... Нет, не качествами, а теми тонкостями достоверного отношения к жизни, ко всему в ней происходящему, что составляло основу их натуры и определяло судьбы.

В то, во что верил один из них, не верил или не хотел верить другой. Пережитое и увиденное вместе и по отдельности могло быть по-разному понято ими, и выводы сделаны разные и уроки извлечены для каждого свои.

Старший Уолш мог бы заполнить пробелы, раскрыть некоторые имеющиеся у меня вопросы, просто осветив их с другой позиции.

Мне хотелось знать о Кейране. О его матери. О маленькой комнате и о тех вещах на чердаке. Я собиралась показать старику Уолшу медальон, который мне дала Эвлинн, и спросить, что он может знать о нем.

Я готова говорить с Джеком Уолшем о многом. Более того, я поняла, что могу делать это, уверенная в том, что и он сам будет задавать вопросы, и ему не понравится, если я стану отвечать уклончиво, пытаясь скрыть истину.

Правда, я была не уверена насчет того, какую истину я могу или готова поведать деду Кейрана.

— Здравствуйте, Джек.

— Заходите, закрывайте за собой дверь поплотнее, — сказал он в ответ на мое приветствие.

— Не волнуйтесь, с Кейраном все в порядке, — выпалила я, проходя в комнату.

— Почему я должен волноваться? — Джек вскинул белые брови.

— Ну, увидев меня, вы могли подумать, что... — начала я.

— Мог, но не подумал. И вообще предпочитаю не думать ничего такого. Неприятности и беды одни из тех редких шуток в жизни, которые всегда рады нашему к ним вниманию и никогда не обманывают ожиданий. Поэтому их не стоит ждать. Присаживайтесь, Хейз, — кивком головы он указал мне на стул, стоящий рядом с прикроватной тумбочкой.

Я присела, мельком замечая руки Джека, лежащие на подушке по обеим сторонам от книги. Руки крупные, когда-то наверняка сильные и по-мужски красивые, сейчас были поражены болезнью, искривленные, с припухшими суставами.

Заставив себя не думать ни о чем таком, я открыла свою внушительного размера сумку и стала сосредоточенно копаться в ней. По дороге в пансион я сделала крюк и заехала в город.

В супермаркете купила банку хорошего китайского чая и целую кипу газет. На рынке, развернутом на пристани, приобрела большую и красивую керамическую кружку ручной работы, украшенную искусной росписью из дубовых листьев. И неподалеку от своего бывшего жилья побывала в кофейню, где продавали, в том числе и на вынос, отменную выпечку.

— Я принесла вам свежие газеты, — сказала я.

— Спасибо, но я не читаю газет.

— Промашка, — вздохнула я, засовывая пачку газет обратно в бездонные глубины своего «ридикюля». Пресса пойдет на растопку камина. — А чай пьете?

— Еще как. Невзирая на рекомендации врачей, — отозвался Джек, с интересом наблюдая за моими манипуляциями с сумкой.

— Тогда вот чай и кружка, — я выставила все на тумбочку. — Но, пожалуйста, соблюдайте предписания врачей. И вот еще свежий бармбрэк.

— Его вы тоже сами испекли, как те пироги? — поинтересовался Уолш.

— Нет. Но за качество ручаюсь.

— Хм... — раздалось в ответ. — Что ж, спасибо.

В комнате повисла тишина, во время которой я отчетливо расслышала тиканье старых часов, стоящих на комод. Тишина и наше молчание не были неловкими. Просто возникла правильная, вполне уместная пауза перед тем, как разговор должен был двинуться дальше.

— Кейран планировал прийти, но дела пока не позволяют... — заговорила я.

— Внук посещает меня, когда может, Хейз, — отозвался Уолш. — Чаще всего он заранее предупреждает о своем визите. — Джек кивнул в сторону мобильного телефона, лежащего на подоконнике. — Сегодня я его не ждал.

Ой, немного неловко. Я практически ничего не знала об общении деда с внуком, не стоило и пытаться что-то объяснять со своей несведущей позиции.

— Понятно, — я поерзала на стуле. — Кейран не знает, что я сегодня приехала к вам.

— Я рад вашему визиту. Думаю, Кей тоже будет совсем не против, — Губы Джека чуть тронула улыбка. — А есть ли причина тому, что вы не сказали моему внуку, что собираетесь повидаться со мной?

— Отчасти есть. Но ничего преднамеренного и коварного. Я хотела кое-что спросить именно у вас, — призналась я.

— О Кейране?

— Наверное, так или иначе, мои вопросы могут затронуть и его. Но никакие тайны выведывать я не собираюсь. Просто есть вещи, которыми мне не хотелось бы его тревожить.

— Вы думаете, я могу рассказать вам что-то такое, чего не сможет поведать мой внук? — брови старшего Уолша сдвинулись. Он медленно, осторожно зашевелил руками, закрывая книгу, лежащую перед ним. — Чего же именно касаются ваши вопросы?

— Мои вопросы не о самом Кейране. Они о его... — Все еще сомневаясь в правильности того, что собираюсь спросить, я начала запинаться. — О вашем доме.

— Что с ним не так? — еще больше нахмурился Джек. — То есть, я знаю, он старый, маленький и неудобный. И вокруг него полное запустение, но...

— Он старый и маленький, но вполне удобный. И запустения больше нет. Участок сейчас в полном порядке, — поспешно вставила я. — Собственно...вы могли бы сами убедиться в этом. Если есть возможность... Э-мм, если бы вы согласились как-нибудь посетить мой дом.

— Приглашаете в гости? — уточнил Джек.

— Да. Так действительно звучит проще, короче и точнее.

— Когда? — деловито спросил Уолш.

— В любое удобное вам время.

— С удовольствием, — Джек слегка наклонил голову. — Это все, что вы хотели меня спросить, Хейз? Кстати, кто дал вам такое имя?

— Родители, как ни странно.

— Именно странно. Вы совсем не похожи на нечто эфемерное. Вы вполне земная и настоящая, — заявил старший Уолш. И сказал это так серьезно, что я некоторое время смотрела на него, пытаюсь уловить какой-то особый, скрытый смысл в его словах.

— А почему Кейрану дали такое имя? Не нахожу в нем ничего темного, — парировала я.

— Не я назвал его так. Точнее, я бы никогда не назвал его так, — сдержанно отозвался Джек.

И это был весь ответ на мой вопрос. Теперь уже мне казалось, что и на последующие вопросы я могу получить такие же обтекаемые ответы. Но попытаться стоило.

— Ладно. С именами разобрались, — кивнула я. — Теперь я бы хотела все-таки прояснить еще кое-что. Я нашла на чердаке коробки с вещами и хочу узнать, что с ними делать.

— А у Кейрана не спрашивали? — спокойно поинтересовался Джек. За его невозмутимостью крылось что-то неуловимое. Мне показалось, что он задал вопрос, ответ на который уже был ему известен.

— Я показала ему и спросила, что с ними делать, — честно ответила я. — Кей сказал, что не знает ничего и вообще видит все это впервые.

Я смотрела на Уолша и ждала простого и ясного ответа, а вместо этого слушала тишину, нарушаемую лишь тиканьем часов. Джек молчал, чуть наклонив голову и задумчиво глядя куда-то перед собой. Потом он какое-то время внимательно изучал меня.

— Не напомните, что там были за вещи? — подал голос Джек.

— Две картонные коробки. В одной очень своеобразные украшения, и еще какие-то изделия, во второй — детские вещи, чепчик, одеяльце, — перечислила я. — Что делать с ними?

— Спрячьте эти вещи куда хотите, но сохраните их. Можете убрать их с чердака еще куда-то, но не выносите их из дома, — ответил дедушка Уолш. — Особенно это касается детских вещей.

— Не выносить из дома? — переспросила я, хлопая ресницами.

— Никогда. Этим предметам не нужно покидать пределы коттеджа, — абсолютно серьезно повторил мой собеседник. — Потому они там и хранились.

— Но дом был выставлен на продажу долгие годы. А если бы его купила не я, вы бы и других владельцев попросили сохранить эти предметы? — Я была уверена, что Джек просто подшучивал надо мной. — Может, вы планировали добавить пункт об обязательной сохранности вещей новыми владельцами в договор о купле-продаже дома, да запомнили это сделать?

— Дом продавался очень долго. Коробки находились в нем все это время. Дом купили вы и никто другой. Вас я и прошу о вещах, — невозмутимо заявил Джек.

— Но я могла выкинуть их, не спрашивая вас. И другие возможные владельцы сделали

бы так же, — напирала я.

— Но вы их не выбросили. И никаких других покупателей нет, — терпеливо отозвался дед Кейрана.

Пришла моя очередь молча изучать старика, сидящего напротив.

— Понимаю, всё это звучит странно, — тепло улыбнулся Джек. — Можете думать, что у меня старческий маразм. И даже в этом случае, пусть эти вещи остаются в доме. Хотите знать почему?

— Не помешало бы, — проговорила я мрачно.

Джек задумался снова. На этот раз я наблюдала, как почти незаметно, словно быстро пробегающие тени, на его лице менялись эмоции. Он колебался и размышлял, решался на что-то и в следующее мгновение отступал от своего решения. В какой-то миг он вдруг рассердился, но гнев почти мгновенно сменился прежней невозмутимостью.

— Трудно будет еще больше не смутить вас и не вызвать подозрения в том, что я вынуждаю слушать свои маразматические бредни, но мне придется кое-что пояснить. А вам придется меня выслушать, — Джек совсем не походил на маразматика, но странность, в сторону которой курсировал наш разговор, не позволяла мне принимать его слова, не настораживаясь, без сомнений и колебаний.

— Если вас не затруднит, Хейз, пожалуйста, достаньте кое-что из правого верхнего ящика комода, — попросил старик.

Я с готовностью поднялась и подошла к комоду.

— Открывайте и ищите ближе к задней стенке на самом дне, под всем барахлом, — сказал Джек. — Мне нужна довольно потертая тетрадь, обложка которой представляет собой коллаж из старых почтовых открыток.

Тетрадь я нашла быстро, задвинула ящик и протянула находку Джеку. Он покачал головой.

— Это вам. Возьмите и почитайте, а я после попытаюсь что-то пояснить, — сказал старик Уолш. — Тетрадь принадлежала моей дочери, матери Кейрана. Это не дневник. Просто разрозненные записи, цитаты, наброски.

— Зачем мне читать это?

— Чтобы начать с чего-то, — твердо сказал Джек. — Это точка отсчета, после которой вы, возможно, захотите задать еще вопросы.

— А у вас найдутся на них ответы? — с недоверием поинтересовалась я.

— До сих пор у меня их почти не было. Во всяком случае, ни одного внятного. Но после того, как вы просмотрите тетрадь, ответы могут появиться. И пока будете читать, постарайтесь сделать так, чтобы Кейрану эта тетрадь на глаза не попала. По крайней мере, до тех пор, пока мы с вами еще раз не поговорим.

Я хотела сразу же убрать тетрадь в сумку, но, подчинившись порыву, открыла первую страницу.

— «Рожденный в истинном союзе душ и тел да избежит проклятия удел», — прочитала я фразу написанную сверху первой же страницы ровным женским почерком. — О, — вырвалось у меня, — сразу так... загадочно.

— То ли еще будет, — отозвался Джек, как мне показалось, с печалью и смирением.

Я аккуратно убрала тетрадь в сумку. Раздумывала пару секунд, потом решила.

— Джек, простите, но у меня остался еще вопрос, который не дает мне покоя прямо сейчас, — выпалила я.

— Давайте ваш вопрос.

— Те безделушки в одной из коробок. Они все похожи вот на эту, — я потянула за шнурок на шее и вытащила амулет. Поднесла его ближе к Джеку.

Лицо старика застыло. Он замер в кресле, выпрямился напряженно. Глаза его безотрывно разглядывали подвеску в моей руке.

— Откуда это у вас? — спросил он ровным голосом.

— Подарок от женщины по имени Эвлинн. Она владелица магазинчика сувениров в центре города, — ответила я.

— Вы хорошо знаете эту женщину?

— Видела её всего раз. Она родственница моего друга.

— Видели всего раз, и она подарила вам эту... безделушку? — В тоне Джека не прозвучало удивление или сомнение, он просто уточнял.

— Да, так все и было, — подтвердила я. И вкратце описала мою встречу с Эвлинн.

— Изготовителя этой вещицы звали Финн О'Кинни, — сказал Джек, выслушав рассказ, — и он был любовником моей жены. Он обожал, нет, боготворил ее долгие годы. А она любила его.

— Вы знали об этом. И говорите это так, словно вам было почти все равно, — вырвалось у меня.

— Все равно мне не было, — качнул головой Джек. — Но и поделать я ничего не мог. Я сам любил в то время другую женщину.

— Но тогда почему?... — начала я.

— Почему мы с Лиз не расстались? Почему я не дал ей свободу и не отпустил ее к любимому человеку? Почему не ушел сам и не воссоединился с той, которая была мне небезразлична? — Джек замолчал, кивнул на мою сумку. — Прочтите тетрадь, Хейз. А потом мы поговорим еще раз. Обязательно поговорим.

Джек с трудом обхватил непослушными пальцами толстый том, лежащий у него на коленях, и приподнял его. Увидев, как он поморщился, едва удерживая книгу, я взяла её у него из рук и переложила на тумбочку. Старший Уолш поблагодарил кивком.

— Я не хочу, чтобы Кейран потерял то, что имеет сейчас, — сказал Джек, в упор глядя на меня.

От его взгляда мне стало не по себе. А двоякий смысл слов привел в уныние и заставил сердце робко замереть. Если Джек имеет в виду, что я могу стать Кейрану обузой, помехой, из-за которой он утратит то, чего уже достиг, то может особо не стараться. Подобные мысли периодически посещали и меня.

— Я имею в виду вас, Хейз, — добавил Джек, продолжая сверлить меня взглядом.

«Да, уж, понимаю! Я далеко не подарок для Кейрана...» — почти вырвалось у меня.

— Я не хотел бы, чтобы в силу каких-то обстоятельств вы отказались от моего внука. Я уверен, он обрел, то, что искал. А вот вы, Хейз? Нашли ли вы то, что нужно вам?

Последние слова старшего Уолша окончательно сбили меня с толку, и я уставилась на старика, не зная, что отвечать.

Почему я могу отказаться от Кейрана? Что я должна найти?

— Я знаю только, — выдавила я с усилием, — что меня самую больше всего страшит мысль потерять Кейрана.

***

Я возвращалась, нагруженная эмоциями и придавленная пластами мыслей. Беспокойное

состояние усиливалось отсутствием звонков Кейрана. Когда я сама попыталась связаться с ним, попала на голосовую почту.

Я вела «тойоту» неторопливо, стараясь уловить мерное движение машины, подстроиться под ее плавный ход, уравнивая себя. На самом подъезде к дому от состояния «дорожной медитации» меня отвлек звонок Брайана.

— Хейз, привет. — Голос друга звучал бесцветно, словно пропущенный через фильтр, который отсеял все тонкие, узнаваемые нюансы, присущие его речи и интонации.

— Брай? Что-то случилось?

— Муж Эвлинн умер. Через два дня похороны.

— Ох... — только и вырвалось у меня. — Но как же? Ведь столько дней прошло... Разве ему не стало лучше...

— Не стало ему лучше, — отозвался Брайан. — Он был подключен ко всякой этой... аппаратуре, типа искусственной вентиляции легких и прочего. Врачи констатировали смерть мозга. Эвлинн решила не продлевать... Ну, и все.

Я свернула к обочине и притормозила. Сидела, задыхаясь, с бешено колотившимся сердцем, не понимая, почему смерть незнакомого человека вызвала у меня такую сильную реакцию.

— Чем помочь, Брай? Могу я что-то сделать?

— Да, помочь, — машинально повторил друг. — Присмотришь за Джун? Я и моя бывшая будем заняты. Дочку некуда девать. А таскать с собой ребенка в этой мрачной суете...

— Конечно, — поспешила заверить я. — Конечно, я возьму её на столько, на сколько нужно

— Спасибо. Я привезу ее к тебе завтра.

— А твоя бывшая не будет против?

— Не будет. Да у нее тоже выбора особо нет. Да, Хейз, еще кое-что... — он сделал многозначительную паузу, потом продолжил, — ты не передумала насчет магазина Эвлинн? Идея все еще актуальна для тебя?

— Не передумала. Но ведь не время сейчас...

— Самое время. Эвлинн просила передать тебе кое-какие бумаги для ознакомления и комплект ключей. Их я тоже завтра завезу, — сообщил Брайан. — Если не передумала, то готовься приниматься за бизнес. Но предупреждаю — там все очень невесело.

— Я готова попытаться, — тихо, но твердо ответила я.

Глава 35

Я непозволительно долго пребывала где-то за пределами реального мира, занятая только собой и Кейраном, одурманенная волшебством, которое творилось между нами. Я перестала замечать, что все остальное отодвинулось далеко на второй план. Пришло время спускаться с небес или возвращаться из волшебной страны после сказочно прекрасных каникул в действительность, где уже заждались выстроившиеся в очередь, проблемы, загадки и незаконченные дела.

На пороге дома меня застал еще один звонок. От Патриции.

Мы давно не общались, и я стала реже вспоминать о подруге, отвыкать от нее. В какой-то момент между нами возникло непонимание, отчужденность, явно обозначились границы. Вместо того чтобы попытаться что-то выяснить, подтвердить или опровергнуть, ставя некую точку, я предпочла выдерживать паузу столько, сколько будет возможно.

Затянувшееся молчание прервала Пэтти.

— Ты меня не забыла еще? — невесело поинтересовалась подруга.

— Пэтти. Я по тебе скучала. Мне грустно, что нас так растащило в разные стороны. Я этого не хотела, — проговорила я, чувствуя во рту привкус сожаления, солоновато-горький, как невыплаканные слезы. — Как ты?

— Я? Со мной все в порядке. Живу, работаю. Колин больше не школьный учитель физкультуры, теперь он персональный тренер в частном спортивном клубе, — Пэтти говорила натянуто, хоть и пыталась это скрыть за бодрой интонацией. — Мы с семейным бюджетом определенно очень рады решению моего мужа. А как дела у тебя? И у... Брайана?

Мне показалось — голос подруги чуть дрогнул затаенным волнением в ожидании того, что я могла сказать.

— У меня все нормально. Понемногу обживаюсь на новом месте. Брай, насколько мне известно, тоже в порядке.

Молчанием Патриция дала понять, что ждет продолжения. И я добавила:

— То есть с самим Брайаном все хорошо, но у его родни случилось несчастье, и он сейчас все время посвящает им.

Я не стала заходить в дом. Оставила дверь приоткрытой, а сама присела на верхней ступеньке крыльца. Рядом поставила сумку, с лежащими в ней газетами, купленными для Джека Уолша и тетрадью мамы Кейрана. Сумка раскрылась, уголок тетрадки выглянул наружу, притягивая мой взгляд. Я прижимала телефон к уху, и в ожидании ответа Патриции, поглядывала на тетрадь.

— Ох, а я ничего не знаю... — печально отозвалась подруга. — Вы притихли оба. Не звоните... Я тоже, конечно, хороша, — вздохнула она. — Надулась, накрутила всякого.

— Зря крутила. Мне тебя очень не хватало.

— Мне тебя тоже. Вас обоих.

Мы снова примолкли, прислушиваясь — не таится ли за произнесенными словами то, что может стать снова помехой для нашей дружбы.

— Хейз, у нас никогда не было таких долгих перерывов в общении, — продолжила Пэтти капризно, словно жалуясь, — даже, когда ты жила в Столице. Мы постоянно созванивались, делились новостями, сплетнями. Просто болтали обо всем на свете. И делали

это часто, не успевая соскучиться. Мы не сомневались друг в друге, нуждались в общении, нам было легко и просто. А теперь что? Стали старше и глупее? Вреднее?

— Может, просто что-то само собой меняется? — осторожно заметила я. — И мы, конечно, меняемся.

— Возможно, — вздохнула подруга. — Но не могу сказать, что такие перемены мне по душе.

— И мне тоже, Пэтти.

Это правда, но лишь отчасти. В моей жизни как раз происходили существенные изменения, когда в нее вошел Кейран. Прежде я чувствовала себя одинокой, но на самом деле была свободна. И опустошена. Кей занял место, предназначенное только ему, заполнив пустоту, став всем для меня. И сейчас только в нем я нуждалась больше всего, по нему скучала, с ним хотела делиться всем, говорить обо всем.

Я упивалась дарованным мне счастьем, но помнила, что за каждым приобретением стоит потеря и далеко не всегда равноценная. Я знала, хоть и гнала эту мысль, что за тот невозможный восторг, за ту благодать, что принесло мне знакомство с Кейраном, обязательно будет востребована цена. Может быть, счет уже выписан, а я еще об этом не знаю.

И по силам ли мне будет уплатить эту цену?

Прошлое ушло, будущего я не знала, настоящему была благодарна, живя текущей минутой. Хожу, дышу, говорю, строю планы. И, наверное, из тех высших сфер, где творятся наши судьбы, выгляжу такой... насекомоподобной, такой смехотворно уязвимой перед сложившимися обстоятельствами. И смиренно жду, что скоро мне под дверь подсунут неоплаченный счет.

— Что-то приходит, что-то уходит, — глубокомысленно изрекла Патриция. Вообще-то, житейская, созерцательная философия никогда не была свойственна моей подруге. Её конек — решительные действия и приземленные, прямолинейные, на грани бестактности умозаключения. А тут...

— Но есть вещи, которые я ценю и не хочу с ними расставаться. Дружба с тобой и Байаном, например, — продолжила она.

Я говорила с близкой подругой, с которой так давно не общалась, но в мыслях то и дело меня относил в сторону, словно давая понять, что мои отношения с Пэтти как раз и перешли в разряд тех самых неизбежных перемен. Они утратили свое прежнее значение, уступив место чему-то другому. И это только подтверждало, что ничего неизменного нет и быть не может. Ничего.

— Хейз, может, мы увидимся на днях? Как у тебя со свободным временем?

— Пока свободное время есть, но скоро собираюсь выйти на работу.

— Вот как? Интересно, — оживилась Патриция. — И чем же думаешь заниматься?

— Буду осваивать науку торговли.

— Шутишь?

— Какие тут шутки. Все очень серьезно. Иду работать в магазин. Ну, не магазин — магазинчик. Уютный сувенирный рай.

Далее вполне ожидаемо последовали экспрессивные тирады в духе прежней Пэтти. Она без обиняков высказала свое мнение о том, что совершенно не представляет меня, уныло просиживающую за прилавком в «лавочке, где полтора покупателя и только в туристический сезон».

— Пустая трата времени, Хейз. И, наверняка, грошовое жалование, — подвела итог подруга. — Можно, наверное, попробовать эту авантюру, пока не найдешь что-то более существенное и достойное тебя. Но как вариант чего-то, на чем стоит успокоиться — нет. И еще раз нет!

— Ну... Хочу попробовать себя не только как продавец, — осторожно заметила я, — но и как совладелец. Есть идеи по расширению возможностей скромного бизнеса, рассчитанного на интерес только «полутора туристов».

— Господи! — заверещала Пэтти. — Хочешь сказать, что собираешься туда еще и собственные средства вкладывать?! С ума сошла!

Я прикусила язык от досады. Ведь не собиралась пока никому ничего говорить. Во всяком случае, до тех пор, пока сама не вникну в положение дел и не определюсь с возможными перспективами сомнительно предприятия. И вот, проболталась Пэтти. Из всех, для кого новость могла слететь с моего языка, я каким-то образом избрала именно давнюю подругу с её категоричностью, практическим отсутствием деликатности и терпимости к тому, что не укладывалось в рамки ее представлений.

Пэтти разглагольствовала, пока не растратила запал, не исчерпала доводы, говорящие о напрасной трате времени и денег, приводя доказательства моей недалёковидности и неоправданного, неразумного авантюризма. Подозреваю, что затишье это ненадолго и будет длиться только до следующей возможности поднять тему.

Пэтти примолкла, переводя дух. Я же постаралась во время паузы отделить полезность высказанных подругой аргументов от их эмоциональности. И пришла к выводу, что кое к чему стоило прислушаться.

— Слушай, Хейз, — Патриция выпустила пар и заговорила спокойней. — А ты случайно ничего не знаешь о парне, которому продала свою квартиру? И чей дом приобрела, — добавила она, хмыкнув.

— Н-нет... — быстро вырвалось у меня.

Слово выпрыгнуло прежде, чем я осознала, что вру. Ложь и истина за последние четверть часа со всем своим своеволием проявляли себя, ловко отпихивая в сторону намерения быть благоразумной и осторожной, оставаясь при этом, по возможности, искренней.

— А почему ты вдруг спросила? — Я порывисто встала, сошла со ступенек крыльца, словно собираясь куда-то бежать. Но становилась, с тревогой ожидая ответа. Стояла, осматриваясь вокруг, будто впервые видя все изменения вокруг дома, что произошли стараниями Уны.

Участок превратился в пространство, где природа и человеческие усилия достигли полного согласия. Непролазных, диких зарослей больше не было. Вместо них царила облагороженная бережным уходом естественная красота и наблюдалась гармония мирного соседства всего растущего и цветущего на небольшом клочке земли.

Прижимая к уху телефон, я медленно пошла по выложенной природным камнем дорожке, вдоль которой Уна высадила алиссум. Он еще не цвел, но в воздухе улавливались другие ароматы июньского цветения, сочной травяной свежести.

— Почему спрашиваю? — отозвалась Пэтти. — Да тут кое-что про него слышала. Подумала, может, до тебя что-то докатилось.

— Что... докатилось?

— Гуляет сплетня, что у этого парня, ну, Уолша, пропала подруга, — продолжила

Пэтти. — Они долго встречались, дело двигалось к свадьбе. Ты ее, вроде бы, даже видела. Нет?

— Видела, — машинально отозвалась я.

— Ну, так вот. Была девушка — и нет. И никаких следов. Родители её заявили в полицию. Сейчас опрашивают друзей, знакомых, коллег по работе. Кстати, она работала вместе со своим красавчиком-фотографом, у них еще и творческий тандем был, — Патриция чуть понизила голос, чем усилила сходство произносимых слов со сплетней. — Говорят, он как-то причастен к ее исчезновению.

— Кто говорит? — вырвалось у меня.

— Я не упоминала, что мой кузен знает Кейрана Уолша, когда сосватала его тебе в качестве покупателя квартиры? — спросила Патриция. — Они пересекались по вопросам рекламы, или вроде того.

— Что-то такое припоминаю, — машинально отозвалась я.

— Вот в тусовке их общих знакомых и бродят эти сплетни, — продолжила Пэтти. — А ты, значит, ничего такого не слышала?

Я забрела за дом и остановилась под большими окнами гостиной. Через чистые стекла видна вся светлая комната. Я смотрела со стороны на то, как теперь живу. Видела себя, сидящую рядом с Кейраном на старом бабушкином диване. В камине горел огонь, согревая и освещая комнату, делая её убежищем для нас.

И что-то ждало снаружи...

— Хе-еейз, — услышала я голос Патриции. — Куда ты пропала?

— Здесь я. Связь барахлит.

— Я спросила, не слышала ли ты что-нибудь о фотографе?

Я могла ответить. Я хотела ответить. Прорычала бы что-нибудь гневное, коря подругу за то, что она с такой небрежностью, так запросто, мимоходом разносит семена городских сплетен, но я только произнесла бесцветно и отчужденно:

— Я ничего не слышала.

— Ну, и ладно, это я так упомянула, — Пэтти, казалось, уже утратила интерес к этой теме.

Я неторопливо обходила дом, разглядывая его. Замечала особенность каждого камня, которым облицованы стены, неровности и выщербленности на ставнях с облупившейся краской и уникальными коваными навесами. И сказочно красивый, резной деревянный конек на соломенной крыше. Все детали созданы по отдельности, но соединены вместе с какой-то целью. И на первый взгляд, эта цель была очевидна — постройка и украшение жилища. Но теперь я была почти уверена, что и в дизайне дома, как и во всем прочем, изначально заложено нечто, что являлось бы конкретным ответом на вопрос «Почему так, а не иначе?»

И имеет ли это отношение к импульсу, что заставил меня купить этот дом? Пока очевидным было лишь одно — решение моё было выстроено на сомнительных совпадениях, аналогиях, попытках увидеть смысл там, где его могло попросту и не быть. Но я, пожалуй, теперь готова дать себе шанс и попытаться поискать ответы. Если, конечно, способна узнать и принять вещи, в существование которых предпочла бы не вникать.

Я снова ушла в свои мысли и толком не вслушивалась в то, что продолжала говорить Патриция. Отвечала чисто автоматически, мечтая о тишине, которую позволительно нарушать лишь одному голосу — голосу Кейрана.

И все же, поговорив с подругой, я испытала чувство, словно только что сама собой решила какая-то проблема. Мы тепло распрощались, и я вернулась к передней двери.

Небрежно подхватив сумку, лежащую на крыльце, вошла в дом и закрыла дверь. Остановилась, глядя, как в коридоре перекрещивались потоки рассеянного света, льющегося их дверных проемов кухни и гостиной.

Мне нравилось возвращаться в погруженный в тишину дом, вдыхать знакомые запахи, дарующие ощущение обжитости и покоя. Мне нравилось, что я уже считала дом своим. В старых стенах разворачивалась новая история, моя и Кейрана. Коттедж принял нас, ожил вместе с нами, на самом деле стал убежищем. И теперь наблюдал, не спеша делиться тайнами, словно ждал подходящего момента.

Мысль о «тайнах» вызвала уныние, и я поплелась в гостиную, волоча за собой сумку, которая вдруг стала неподъемной, будто набитой булыжниками. Уселась на диван, откинула голову на спинку и уставилась в потолок. В руке сжимала телефон, ожидая, что вот-вот противный прибор оживет.

«Ну же, Кей... Позвони мне. Поговори со мной. Дай услышать твой голос. Спокойный, низкий, ласкающий, как темный бархат. Голос, от которого замирает дыхание и забываются все печали. Голос, которому я верю».

День клонился к закату, но Кейран так ни разу и не позвонил сегодня. Это уже не только тревожило, это пугало. Я снова позвонила сама и опять, как и утром, попала на голосовую почту. Чуть задышавшись от волнения, оставила торопливое сообщение: «Как ты? Я волнуюсь. Позвони, когда освободишься». Сухие, краткие слова прозвучали в тишине комнаты. Сообщение ушло, будто провалилось в черную дыру, и снова меня окружило плотное безмолвие.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я вытащила из сумки тетрадь и раскрыла её. Пролистнула несколько пожелтевших, с потрепанными уголками страниц, ни на чем не останавливаясь, не вчитываясь, просто пробегая взглядом. Тетрадь заполнена не только записями, но и рисунками. Некоторые изображены тщательно, какие-то нанесены схематичными набросками. Почерк заметок, без сомнения, принадлежал одному человеку, но тоже менялся — от беглого, небрежного до почти каллиграфически идеального.

Я вернулась к первой странице и начала читать. Очень скоро стало понятно, что передо мной не девичий дневник, не записная книжка, и даже не сборник интересных тезисов.

«Рожденный в истинном союзе душ и тел да избежит проклятия удел».

Эта самая первая запись, и она повторялась почти на каждой странице то сверху, то внизу, то сбоку, словно какая-то мантра или заклинание.

Я читала не связанные между собой цитаты, и пока очевидным казалось лишь одно — эти записи делала странная молодая женщина, находившаяся в состоянии внутреннего смятения и поиске неизвестно чего. Создавалось впечатление, что она пыталась собрать какие-то обрывочные сведения, хаотично записывая выдержки из самых разных источников на непонятно чем и для чего заинтересовавшие ее темы.

Реинкарнация, Друиды и их «всемогущая магия», гейсы, мифология, народные легенды и лирические строки неизвестных авторов. Мешанина, которую мне сейчас никак не осилить. Мой разум сопротивлялся, отказываясь воспринимать информацию, которая и информацией-то не была.

Я шумно выдохнула, сдаваясь, отложила тетрадь и направилась на кухню. Опомнившись, взяла телефон, а, подумав еще мгновение, прихватила и тетрадь.

На кухне поставила кипятиться чайник и занялась ужином. Пока запекался лосось и варилось пюре, я присела за стол и неторопливо пила чай. Мысли в голове играли в чехарду. Я чувствовала себя, как перед экзаменом, когда до испытания остается совсем мало времени, а предмет не выучен и челюсти сводит от осознания необходимости шпиговать голову неудобными сведениями.

Взгляд мой метался по полупустому помещению, то и дело возвращаясь к двум предметам — к тетради и лежащему поверх нее телефону. Один молчал, вторая будто нарочно рвалась «говорить». Оба испытывали мое терпение, бросали вызов.

Поняв, что только что размышляла о двух неодушевленных предметах, как о наделенных волей и разумом, я нервно фыркнула, вскочила со стула и бегом направилась в гостиную.

Повинуясь не вполне осознанному порыву, вытащила из сумки газеты, купленные для Джека Уолша. Скомкала одну и положила ее в холодный камин, который за все время моего пребывания в этом доме разжигался лишь однажды, когда Брайан тогда проверял его работоспособность. Стоящая рядом на полу большая корзина была полна сухих поленьев.

Разжигать камин в июне не было никакой необходимости, но мне вдруг так захотелось увидеть горящий в очаге огонь, услышать тихое потрескивание дров. Почувствовать себя в тепле, уюте и безопасности. И это больше, чем просто внезапное желание, это необходимость.

Я разжигала камин для себя, но в первую очередь для Кейрана, будто надеялась «приманить» его на пламя. Не как мотылька, вовсе нет. Как усталого путника, сбившегося с пути.

Вскоре огонь ровно и жарко пылал, бросая на стены и пол теплые отсветы. Было еще совсем не поздно, но из-за того, что день сегодня пасмурный, казалось, что уже наступили ранние сумерки.

От камина шел ровный жар, более всего уместный морозным зимним вечером. Я подошла к окну и приоткрыла створку, впуская свежую прохладу раннего июньского вечера. На полу возле окна стоял купленный мной недавно цветок, называемый еще чугунным растением. Проникавший в окно ветерок слегка шевелил широкие, поднятые вверх листья. Керамический горшок все так же был обмотан рождественской гирляндой, иногда выполняя функцию импровизированного ночника.

Ночь, когда он светил впервые, была одной из самых волшебных...

Я вернулась на кухню, разобралась с ужином, оставив готовое блюдо в духовке. Налила себе еще чаю и, забрав телефон и тетрадь, отправилась снова в гостиную. Пошевелив в очаге поленья, уселась на пол. Стараясь не смотреть на молчавший телефон, собралась с духом и приступила к чтению.

Я блуждала взглядом по строкам, буквально заставляя себя вникать в каждое слово. Больше всего здесь было дословных, кратких цитат, надерганных из разных источников на тему эзотерики, мифологии, символики и даже религии. Среди них изредка попадались невнятно сформулированные выводы, походившие больше на отрывки из неуклюже написанного школьного изложения.

Помимо заметок, в которых затрагивалась теория реинкарнации у кельтов, на страницах тетради попадались записи, в которых упоминалось бессмертие души, искупление, борьба с судьбой, предопределенностью. Некоторые цитаты звучали слишком туманно, означая... Я не знаю, что они означали, потому что никогда не интересовалась ничем подобным.

Читая, я пыталась представлять юную девушку, в голове которой творилось нечто,

навсегда оставшееся тайной для всех. Что-то заставило ее начать делать все эти записи и поступать так, как она поступала. И в итоге привело к тому, что она решила свою судьбу самым печальным и трагическим способом. А, кстати, когда она начала вести эту тетрадь? Не думаю, что это многое бы прояснило, но все же.

Маму Кейрана занесло невесть куда, заставляя проявлять интерес к подобным темам, и причина интереса стала казаться мне куда важнее, чем смысл самих записей.

Тетрадь заполняли цитаты о возможности перерождения, о любви и верности, упоминания истории Диармайда и Грайне и поэтические строки, похожие на отрывки из древних песен, баллад или сказаний. К чему все эти друиды, заклания, боги и прочие существа кельтского пантеона, значение растений, символов и узоров, чтение знаков? Для чего это читаю?

«Есть люди-растения и люди-животные. Голодный одинокий волк найдет свою лозу, которая оплетется вокруг него, накормит и укроет от всех бед земных и запредельных».

У меня начала болеть и кружиться голова. Я злилась на Джека Уолша, подсунувшего мне записки своей неуравновешенной дочери, державшей своего крошечного сына взаперти и покончившей с собой. Стостраничная тетрадь, наполненная сумбурными записями, вызывала раздражение, испытывала мое терпение.

То и дело прерывая чтение, я сидела, глядя на огонь, и черпая в созерцании спокойствие и равновесие, но потом упрямо возвращалась к призывно раскрытой тетради. И так до тех пор, пока не натолкнулась на рисунок, изображавший хорошо знакомый мне орнамент.

Набросок повторялся на разных страницах, перемежаясь записями, постепенно превращаясь из схематичного в ту законченную, гармоничную и изящную версию, что я наблюдала на амулете, навесах и стенах дома. Стилизованные дубовые листочки и тонкие веточки вереска, узлы и петли — все искусно соединено и переплетено.

«Кельтское название дуба означает «дверь». Двери, сделанные из дуба, являются самой надёжной защитой от зла».

«Вереск — символ любовного наслаждения и зачатия, несет утешение. Соответствует дню летнего солнцестояния».

«Каждый узел в кельтском орнаменте создается из одной единственной нити — нити жизни. Таким образом, узлы и орнаменты символизируют Путь и являются одновременно символическими картами Пути. Нельзя усовершенствовать ключевые детали орнаментов, ибо они даны богами».

Богам кельтского пантеона посвящено довольно много записей, и это вполне могло означать лишь то, что молодая женщина попросту увлекалась мифологией. В основном заметки касались двух богинь — Бригитты и Бадб. Про последнюю я вообще знала только то, что она являлась одной из ипостасей триединой Морриган. В тетради же о Бадб говорилось больше как о самостоятельной фигуре, отдельном персонаже мифологии.

«Бадб Катха — «боевая ворона» — богиня войны и разрушения.

Бадб являлась перед сражением и возбуждала боевой дух воинов. По облику и функциям нечётко различалась с Морриган. Считалось также, что в образе ворОны (вОрона) она терзала тела погибших.

В позднем фольклоре и преданиях Бадб трансформировалась в ведьму, которая была похожа на баньши и предвещала смерть своим появлением в облике ворона».

Снова вороны. При упоминании о мерзких птицах стало совсем нехорошо. Я отложила тетрадь, сглатывая внезапно подступившую тошноту. Наступили настоящие сумерки, и в

комнате потемнело. Через приоткрытое окно врывался заметно усилившийся ветер. Небо немного очистилось и пробившееся сквозь поредевшие облака закатное солнце окрашивало горизонт ярким багрянцем.

Я вспомнила пожилую даму, которую встретила сегодня в пансионе. Она еще сказала мне, что низко сидящие на деревьях вороны — к перемене погоды.

«Будет сильный ветер», — поведала старушка и оказалась права.

Росший под окном куст жасмина терзали порывы ветра, потоками вторгавшиеся в комнату и заставлявшие листья домашней хойи исполнять неистовый танец. Я поднялась с пола, отставила горшок с цветком в тихое место, но окно закрывать не стала.

Мне не нужно было смотреть на часы, чтобы понять, что уже прошли все сроки, за которые Кейран мог дать о себе знать. Хоть кратким звонком, хоть сообщением. Но телефон молчал, а я в своих попытках позвонить неизменно попадала на голосовую почту.

Я уже не просто волновалась, а превратилась в сосуд до краев наполненный дрожью. Меня трясло от отчаяния, нетерпения, дурных предчувствий и от страха. Я дико испугалась, подумав, что у Кейрана прошла эйфория от нашей связи. На него свалились неприятности, под действием которых он очнулся и вернулся в свою реальность. В которой мне не было места.

Стуча зубами, будто промерзла до костей, я поплелась на кухню. Что-то мыла, чистила, переставляла. Привычными, обыденными действиями убивала застывшее время, и едва справлялась с порывом выскочить на улицу, сесть за руль «тойоты» и отправиться на поиски Кейрана. Я дергалась, понимая, что веду себя, как истеричка. Если Кейран решит расстаться, то он сделает это, не колеблясь. А я не буду препятствовать, не стану навязываться и выяснять отношения.

Когда на кухне уже нечем было заняться, я отправилась бродить по дому. Молчание и неизвестность изводили меня. Еще вчера все было прекрасно, а теперь я металась, не находя места, мучаясь от самых неприятных подозрений. Настолько одинокой в этом доме я себя еще не ощущала. Глухое, слепое одиночество словно вытянуло из меня душу, облепило её паутиной и подвесило в темном уголке, отдав на съедение отчаянию, которое подкрадывалось во тьме, подобно огромному пауку.

Я сновала с первого этажа на второй, слушала тишину, и каждый раз, проходя мимо гостиной, мимолетно поглядывала на догорающий камин и лежащую на полу раскрытую тетрадь. В какой-то момент мне показалось, что сейчас сквозь страницы начнет просачиваться черный дым. Он будет собираться и клубиться, вырываясь наружу проклятьем, заключенным в этих записях. И когда окончательно материализуется, то уже ничего невозможно будет изменить и исправить.

Поддавшись силе бредовых мыслей и игре не в меру разыгравшегося воображения, я в панике бросилась в гостиную, схватила тетрадь с намерением бросить ее в огонь. Но... остановилась.

Замерла, прислушиваясь к себе, чувствуя, что страх вдруг стал уходить. Он вытекал, как вода, унося чувство беспомощности и паники, оставляя взамен смиренное спокойствие. Я и не заметила, как поворошила в камине уже почти прогоревшие поленья, подложила еще одно и уселась на пол.

Очнулась, осознав себя вновь читающей заметки мамы Кейрана в золотистых отсветах разгоревшегося пламени, освещавшего страницы тетради. Продолжила с того места, на котором прервалась.

«Имя ему Сильный Холод и Ветер, Высокий Тростник».

Когда-то мне уже приходилось читать сказания, в которых упоминался таинственный оруженосец, телохранитель, боевой товарищ и любовник воинственной богини, «вечный спутник неистовой Бадб».

Насколько я помню, в легендах говорилось, что он был безраздельно предан своей госпоже, сопровождал ее везде и всегда, сражаясь бок о бок с таким же неистовством, как и сама богиня. Он был неизменно молчалив, холоден и безжалостен.

«Нет места ему на земле. Он везде и нигде. Он там, где его госпожа. Без нее он никто и ничто. Его любовь — война. Тело знает лишь боль и страсть».

Печальная судьба сурового воина, героя совсем не романтического, но привлекающего интерес молодых девушек. Если бы вдруг не вот это:

Там, где холод и ветер,
Среди пустошей и полей,
Его мир вдруг стал светел —
Она пришла чрез ручей.*

Кто пришел и к кому? Снова никаких пояснений, никакой связи с предыдущими и последующими отрывками и цитатами.

Далее следовали короткие заметки о «силе воды, текущей в колодцах или прочих источниках». И об одиноко стоящих плодоносящих деревьях. О Древе жизни и символической женской фигуре-эпониме, олицетворяющей властительницу Земли, охраняющей свои владения от сил зла.

Мой мозг сражался, как мог. Я чувствовала себя героиней квеста, которой загадали загадку, дав множество сведений, но не сказали, что именно нужно найти и зачем. Все прочитанное звучало для меня сухим речитативом, произносимым на едва понятном наречии. Все записи могли быть просто сырыми, случайными материалами, которые неизвестная мне женщина собирала для чего-то, что так и осталось для всех загадкой. Может, она планировала сочинить и написать роман на основе мифов и легенд. Кто знает, что творилось в ее голове.

Я вздохнула, устало потерла шею, кинула обреченный взгляд на молчавший телефон и продолжила читать.

«Имя ему — Предавший Госпожу. Он тот, кто платит цену кровью и плотью своей».
Образ её что святыня,
Сердце забилось быстрее.
Но не отпустит богиня,
Та, что на поле костей.

«Предавший назначенной жертвой искупит вину за порушенные гейсы. Неназванным став, выбора лишится».

Я знала, что такое гейсы. В наших краях верили в их существование, передавая истории о них, как семейные, родовые легенды. За нарушенный гейс положено нести тяжкое наказание, вплоть до смерти. Но почему это интересовало мать Кейрана? Вопрос мог быть адресован Джеку.

Далее «Сильный Холод, и Ветер, Высокий тростник» и «Предавший» уже не упоминались, зато появились заметки о Ganaínm — неназванном (ирл.), который назывался также, как «творение Старца», «узник вечности», «странник пустоты». И как один из тех, на кого был наложен гейс, не привязанный именем, так как «имени нет тебе и не будет, ибо до

поры будешь сокрыт ты от глаза вороньего».

«Дважды за вечность сигилла сотворит колдовство, споря с божественным начертанием. Первый раз дарует свободу духа. Повторно — запечатает плоть. Пустоты избежит, наполнившись верой и действием».

Отсутствие пояснений, связных переходов от одной записи уже не заставляло меня останавливаться в раздражении. Я твердо решила домучить заметки сегодня, а подробности и смысл, начать разбирать потом, если будет такая необходимость. Может быть, завтра.

Я читала романы ужасов, любила мистику и обожала сказки. Меня не пугали страшные фильмы. И во всем этом я находила смысл, прослеживала причинно-следственную связь, пусть она даже и была замешана на чем-то сверхъестественном. Эти же заметки высекали из меня искры необъяснимого трепета, который я никак не могла унять. И смятение вызывало понимание, что в сумбурных на первый взгляд записях тоже есть смысл и определенная логика.

Я продолжала читать, то теряя интерес, то снова finding что-то любопытное. Но основным движущим фактором являлось понимание, что если сейчас отложу тетрадь, то начну медленно сходить с ума от беспокойства, дурных предчувствий и пугающих подозрений.

За окном неумолимо темнело в унисон с угасающим в камине пламенем. Ветер на улице еще усилился, и в комнате стало холодно. Я все чаще прерывала чтение, поглядывая в окно и прислушиваясь к доносящимся с улицы звукам. Телефон словно умер, а сердце мое подвывало от тоски. Не зная, как справляться с новой волной беспокойства, я снова позвонила Кейрану. Пока ждала соединения, бездумно листала страницы тетради, глазами растеряно скользя по строкам.

Чувства вспыхнут, отринув сомненья,

Там, где мир их заветен.

Кромлех станет благословением

Там, где холод и ветер...

Перед глазами мгновенно возникла стена высоченных деревьев. Дорога, ведущая сквозь чащобу...

...Почва и стволы, покрытые густым, сочным мхом, шумящие над головой кроны, пронизанные солнечным светом. Хрустальное журчание ледяной воды в ручье. Вкус поцелуев Кейрана. Теплый камень подо мной. Горячее, сильное тело на мне и во мне. И наслаждение, испытав которое, не жалко умереть...

Я вскочила на ноги, не выпуская тетрадь из рук, бросилась в коридор. Хватая на ходу ключи от дома и машины, пыталась одновременно запихнуть в сумку тетрадь, накинуть курточку и закрыть дверь. Действуя, как многорукий Шива, я не думала о том, что делаю, куда поеду. Просто слушала свои порывы, доверяя им сейчас больше, чем голосу разума.

---

*Здесь и далее в тексте использованы поэтические строки авторства Ирины/September.

Глава 36

Не видя ничего, дыша, как марафонец, я слепо сунула в замок зажигания ключ и резко повернула его. Руки вцепились в руль, нога вдавила педаль. Сквозь шум в голове прорвался визг шин сорвавшейся с места «тойоты». В мгновение промелькнули и исчезли мирные «пряничные» коттеджи, кафе и магазинчики, застывшие в обманчивом безмятежном покое на главной улице.

Я понимала, что поддалась необъяснимой панике, утратила контроль над собой и своими эмоциями, но не старалась сопротивляться этому, слушала сейчас только инстинкты и надеялась лишь на то, что они не подведут.

Вращались колеса машины, но мне казалось, что бегу я сама. Я задыхалась, не справляясь с бешеным биением сердца. Адреналин закипал в жилах, заставляя искать спасения неизвестно от чего и ответы на хоть и не озвученные, но уже возникшие вопросы.

Наступает тот самый миг, когда понимаешь, что приближаешься к рубежу. Или уже не приближаешься, а стоишь, замерев, на самой границе чего-то — понимания, неизбежности, миров.

Жизнь все та же, но ты уже не та. И мир вокруг тебя, еще вчера казавшийся привычным, вдруг изменился безвозвратно.

Непонятно, что именно привело меня в состояние парашютиста, совершавшего затяжной прыжок, до невозможности оттягивая момент, когда уже пора дернуть за кольцо. Что такого произошло, что меня практически выворачивало наизнанку от паники и урагана неясных чувств?

Я подержала в руках кусочек чужой жизни. Листала страницы старой тетради, на которых запечатлелась часть того, что вызывало интерес у неизвестного мне человека. Для чего-то ведь женщиной и матерью тратилось столько усилий на перенесение бессвязных строк на бумагу, в то время, как живущий рядом, собственный крошечный ребенок нуждался в заботе, внимании и любви.

Я представила, что тот, маленький Кейран был моим. Плодом всей той любви, что жила во мне. Он родился, вырос и стал нынешним Кейраном для меня.

Все это я упрямо ощущала, несмотря на беспокойство и страх, что он, возможно, уже исчез из моей жизни. У него, практичного и сдержанного, не привыкшего поступать под воздействием сиюминутных порывов, наконец, прошла эйфория — рассудок остыл, тело насытилось. Наступило прозрение, вернулась способность здраво мыслить, и он осознал, что увлеченность мной закончилась.

Я переживу это, как переживала многое другое. Смирюсь, отлежусь в сторонке, не дыша и корчась от боли, но потом поднимусь и пойду дальше.

Но навсегда оставлю часть себя ему, хочет он того или нет. Буду незримо рядом, храня в душе, сердце, памяти его образ, запах, тепло и силу рук, искренность и своевременность каждого сказанного слова. Я отпущу Кейрана, но не свою любовь к нему.

Не могу объяснить внятно, почему эти мысли так изводили меня. Положа руку на сердце, усомниться в чувствах Кейрана у меня не было никаких оснований. И все же мне упорно мнилось, как что-то или кто-то уже стоит или вот-вот встанет между нами. И чем больше я думала об этом, тем злее становились терзающие меня сомнения.

...Ветер рвал и гонял по темному небу облака, и сквозь клочья, похожие на черные кляксы, ненадолго выглядывала и снова пряталась удивительно яркая луна.

Я опустила окно и захлебывалась потоком холодного воздуха. Волосы растрепались, превратив аккуратно заплетенную косу в ведьминские патлы. Ветер забирался под воротник куртки, охлаждая кожу, но не разум и эмоции.

Я направлялась туда, где, как я теперь думала, всё началось. Толком не помня дороги, инстинктивно добралась до нужного места, едва не пропустив поворот с шоссе. «Тойота» мягко подпрыгнула, преодолевая неглубокий кювет, и дальше понеслась по поросшему густой травой лугу, переходившему в плоский, как столешница, утес, нависающий над океаном.

Я гнала машину к самому краю обрыва. К тому рубежу, стоя у которого, впервые почувствовала что-то, выходящее за пределы обыденности. Не знаю точно, когда это произошло — в детстве, или же не так давно, вскоре после моего возвращения в родной город. Оба раза я была с Брайаном. И, может быть, оба эти раза были частями чего-то единого. Того, к чему я пришла сейчас.

Инстинкт самосохранения сработал раньше, чем разум послал осознанную команду рукам, вцепившимся в руль, и ноге, вдавливающей педаль газа в пол.

«Тойота» резко затормозила, меня потянуло вперед, рвануло назад. Растрепавшиеся волосы упали на лицо. Я зажмурила глаза, и некоторое время сидела, тяжело дыша, опустив голову на грудь и борясь с приступом тошноты, внезапно подкатившей к горлу. Затем рука сама потянулась к ручке двери, и я вышла из машины, словно Золушка из кареты навстречу судьбе.

Приблизилась к самому краю утеса, остановилась, глядя на бушующие внизу воды океана. Я подставила лицо влажному ветру, насыщенному острыми и солоноватыми запахами прибоя, надеясь, что он остудит разгоряченное сознание, поможет успокоиться и начать мыслить ясно. Некоторые порывы были настолько сильны, что налетали, будто норовя заставить сделать шаг, толкая к краю обрыва.

Стоять одной в темноте, на пустынном, продуваемом ледяным ветром утесе было холодно и страшно. Я утратила ощущение целостности и крепко обняла себя руками, словно пыталась защититься от опасности рассыпаться, как перегоревший прах, который будет тут же подхвачен резким потоком воздуха и развеян над океаном.

К вполне объяснимым, почти материальным страху и холоду, примешалось неясное ощущение, что я сделала что-то недозволенное. Неосознанно коснулась того, что накладывало на меня особые обязательства, вынуждая вступить в противостояние с неизвестными силами, мощь которых я не могла себе даже вообразить. Более того, я попросту даже не имела представления о наличии подобных сил.

Но что именно вызвало эти чувства во мне? Понимание, что я в некотором роде стала причиной расставания Кейрана и Шоны? Известие об исчезновении бывшей девушки Кея сильно повлияло на мое состояние. И отвратительное чувство не покидало ни на минуту.

Или причина в прочтении сумбурных записок, сделанных молоденькой девушкой много лет назад?

Все мы в юности увлекались чем-то, писали дневники и составляли тематические альбомы, собирая вырезки, цитаты и прочие занятные мелочи. Со временем эти милые хобби становились просто частью нашего взросления. Тетрадки и альбомы можно было хранить всю жизнь, иногда с умилением разглядывать их, предаваясь воспоминаниям.

Но тетрадка мамы Кейрана меня совсем не умиляла и не вызывала никаких ностальгических чувств. Записи тревожили и заставляли постоянно мысленно возвращаться к ним. Очень скоро я обязательно снова поеду к Джеку Уолшу и буду задавать ему самые разные вопросы. А если он откажется или не сможет ответить, найду способ получить объяснение тому, что вызвало у меня такое сильное беспокойство.

Я продрогла насквозь, и заметила это только когда всплыла из омута размышлений и отвела взгляд от темной бушующей бездны океана. Трясаясь от холода всем телом, и отбивая зубами сумасшедшую чечетку, бегом бросилась к машине. Разворачивалась, лихорадочно крутя руль непослушными заледеневшими руками. Ехала домой по темной безлюдной дороге, борясь с искушением притормозить у обочины, вытащить из сумки телефон и посмотреть, не звонил ли Кейран. И снова, снова пытаться дозвониться до него самой.

Я добралась до дома, даваясь подступившими слезами. Будто на автопилоте припарковалась на привычном месте и, погруженная в свое состояние, не сразу поняла, что дверца тойоты вдруг резко распахнулась, меня ловко извлекли из машины и прижали к горячему, напряженному телу. Я еще не успела толком ничего осознать, когда уловила знакомый, желанный запах и услышала торопливый шепот на ухо:

— Куда ты подевалась, сумасшедшая девчонка?! Я приехал, а тебя нет. Не знал, что и думать, где тебя искать...

— Ты... ты целый день не звонил... — всхлипнула я, обвивая руками шею Кейрана. — И на мои звонки не отвечал. Я... я тоже не знала... волновалась...

— Знаю, знаю, прости. Я позвонил, сразу же, как смог. Ты тоже не ответила. — Кейран гладил меня по растрепанной голове и обнимал так крепко, что я дышала с трудом, но именно такие объятия мне сейчас были необходимы. — Всё неожиданно затянулось, и то, что происходило, не позволило даже на минуту отвлечься, чтобы позвонить. — В голосе его звучала горечь, нетерпение. — Господи, ты вся ледяная. Трясешься, как мокрый сурок. Пошли домой, сладкая. Я согрею тебя...

Придерживая меня, он чуть наклонился, вытащил ключ от машины из замка зажигания и закрыл дверцу. Я вцепилась в напряженные плечи Кейрана, спрятала лицо, уткнувшись ему в шею, и закрыла глаза. Кей подхватил меня на руки и понес к дому. Стук калитки, звук торопливых твердых шагов по дорожке, холод порывов ветра, сила и тепло объятий любимого мужчины — это всё, что я сейчас воспринимала, выкинув все прочие мысли из головы.

Он здесь, он со мной. Все остальное неважно.

Перед тем, как зайти в дом, Кейран чуть замешкался, придерживая дверь ногой. Я подняла голову, взглянула поверх его плеча. Неугомонный ветер бушевал, рвал и дергал ветви деревьев, раскачивал провода. Густая крона высокой ольхи, росшей неподалеку, показалась мне странно неподвижной в творившемся вокруг хаосе. Ветви ее лишь чуть колыхались, казались неестественно отяжелевшими. Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как ольха словно взорвалась изнутри.

Что-то «брызнуло» сквозь листву в стороны и вверх, будто жуткий черный фейерверк.

Вороны. Сотни огромных птиц.

Безмолвно и бесшумно, они взвились в ночное небо и мгновенно растаяли без следа, словно их поглотила сама тьма. А может, не поглотила, а приняла, как домой, потому что сами птицы эти казались порождением непроглядного мрака.

Вскрик чуть не сорвался с моих губ, но Кейран уже входил в дом. Он что-то шепнул мне,

успокаивая, и поцеловал в разлохмаченную макушку.

Очутившись в ставших уже родными стенах, я все мгновенно забыла. Словно все страхи, волнения, подозрения остались за порогом.

Кейран поставил меня на пол, не выпуская из объятий.

— Ты топила камин? — спросил он тихо, водя губами по моему виску, касаясь легкими поцелуями щеки, мочки уха, шеи.

— Так, чуть-чуть, — прошептала я. — Тебя не было, погода и настроение испортились. Захотелось уюта, посидеть, посмотреть на живой огонь.

— Отличная идея, — согласился Кейран, не переставая меня целовать. — Пойдем-ка, снова разожжем живой огонь...

***

...Его руки скользили по нежной, гладкой и прохладной, как атлас, коже женщины, согревая, даря покой и защиту. Губы шептали слова, которые скорее бы говорил не любовник, а заботливый родитель, старающийся отвлечь свое дитя от ночных кошмаров.

Они лежали на ворохе одеял, брошенных прямо на полу у горящего камина. За окном бушевал ветер, а в доме время будто остановилось. Кейран видел, знал, чувствовал, что Хейз расстроена, даже напугана, и в данную минуту хотел только одного — чтобы она забыла свои страхи, в чём бы ни была их причина.

Он ни о чем не спрашивал, лишь неспешно ласкал любимую и терпеливо ждал, когда она перестанет дрожать. Осторожно расплел ее растрепавшуюся косу и медленно гладил темный шелк волос, пропуская между пальцами пахнущие ветром пряди. Прикрыв глаза, держал Хейз в объятиях и старался не пропустить тот миг, когда ее тело станет отзываться на его прикосновения, уже не ища в них защиты и успокоения. И этот момент настал. Волшебный момент, происходивший каждый раз, словно впервые.

Дыхание Хейз участилось, стук её сердца стал эхом отдаваться в его груди. Она подалась навстречу, коснулась потеплевшей ладонью щеки Кея, а губами его губ. Поцеловала, и он зажмурился от непереносимого ощущения абсолютного счастья и осознания, что обладал этой женщиной.

Испарилось всё, что могло их сдерживать — никаких тормозов, никаких запретов. Исчезло расстояние между вжавшимися друг в друга телами.

...Постепенно гасло в камине пламя, бросающее теплые отсветы на два сплетенных обнаженных тела. Золотистые оттенки растворялись в бледном, холодном зареве занимающегося за окном тусклого рассвета.

Влюбленные задремали, обессиленные и насытившиеся на какое-то время. Осторожно пошевелившись, Кейран коснулся губами лба Хейз, наклонился к ее ушку и прошептал:

— Я уеду днем.

— Я так и знала, — отозвалась она, после короткой паузы. Тихо вздохнула, заерзала, устраиваясь удобнее в его объятиях.

— Да, придется уехать. Дня на три. В издательстве переполох, нам грозит иск, огромная неустойка за срыв контракта. Нужно разбираться.

— «Нам» грозит? Нашли виновного в пропаже материалов?

— Никто не делает поспешных выводов, сладкая. Все озадачены, — Кейран мягко, успокаивая, поцеловал девушку в щеку.

— Но ведь не думают, что это ты виноват? — тихо спросила Хейз.

Кейран вздохнул, прежде чем ответить.

— Я ведущий фотограф проекта, и оригиналы отснятых материалов хранились у меня. Всё дублировалось еще на ассистентском компьютере, полный доступ к которому был только у двух-трех человек, включая меня, естественно. А исчезло всё и отовсюду. Как ни крути, а при таком раскладе выходит, что первый кандидат в подозреваемые именно я.

Он погладил Хейз по голове, проследовав ладонью по волосам, струящимся по плечам и спине до самой поясницы.

— И что теперь? Понятно же, что ты ничего не удалял, не терял, — с какой-то по-детски упрямой убежденностью заявила Хейз, придвигаясь к Кейрану еще ближе и обвивая его рукой за шею.

— Понятно же, да, — спокойно отозвался он. — Но материалы пропали. Объяснения этому нет, зато есть куча самых разных предположений и очевидная, как божий день, угроза срыва очень дорогого контракта.

— Каких подозрений? — Хейз приподнялась и, нахмурившись, посмотрела в лицо Кейрану.

Он улыбнулся ей, снова притянул к себе, прижал покрепче.

— Ну, например, что фотографии могли украсть, чтобы продать.

— Зачем? Ведь это скоро должно стать общедоступным?

— Папарацци из тебя бы точно не получился, милая, — рассмеялся Кейран. — Фото могут всплыть где-то, как сенсационный материал. И не имеет значения, когда это произойдет — до выхода проекта, во время или после. В исчезнувших данных множество такого, что никогда не увидит свет. И любое фото из сотен отснятых можно использовать как эксклюзив, ранее нигде не публиковавшийся.

— И что теперь?

— Ничего. Будем разбираться, — повторил Кейран. — К сожалению, такое в моей профессии случается. А сейчас выброси из головы эту дребедень, родная. Пойдем лучше в кровать и проведем время с пользой.

— Во сколько ты улетаешь? — спросила Хейз, и в голосе ее послышалась печаль.

— Самолет в два тридцать. У нас еще уйма времени, чтобы я мог любить тебя, как мне хочется и сколько мне хочется. А хочется мне очень сильно, много и долго, поверь, сладкая. И потом еще сможем выспаться.

Они помолчали, после паузы Кейран спросил:

— Расскажи, чем будешь заниматься ты, когда я уеду. Буду представлять тебя постоянно...

— Я обещала Брайану, что посижу с его дочкой...

— Что? Опять?! — Кейран чуть отстранился, глядя на девушку. — Ты в няньки записалась на постоянной основе?

— Нет. У них в семье несчастье, умер родственник. Брай и его бывшая будут на похоронах. Ребенку там не место, — терпеливо говорила Хейз, поглаживая Кейрана по плечу, руке, касаясь кончиками пальцев его губ, хмурой складки между темных бровей. — Я не могла отказать.

— Конечно, не могла, — вздохнул Кейран. — Во сколько тебе доставят твою подопечную?

— Завтра вечером.

— Слава Богу, не утром. А твоя лесная нимфа — садовница во сколько явится? — вдруг вспомнил он и слегка поморщился.

— Она завтра не придет, — ответила Хейз, явно сдерживая улыбку. — Теперь нет необходимости пахать в моем саду каждый день.

Кейран воздел глаза к потолку и изобразил вздох облегчения.

— Эй, милая, а ведь уже рассвет, — Кейран кивнул в сторону светлеющего окна. Он ловко вскочил с их импровизированного ложа на полу, протянул Хейз руку. — Пошли скорее в кровать, не будет терять время. Я хочу тебя немедленно, моя Мэри Поппинс...

***

Я сидела на кровати, скрестив ноги, и наблюдала, как Кейран собирается. Он позволил мне помочь ему упаковать одежду, остальные вещи складывал сам.

Кей передвигался по комнате совершенно нагой, иногда выходил, чтобы что-то взять в ванной или где-то еще, снова возвращался. И при этом держался без грамма смущения, неловкости, с таким достоинством, будто на нем надет смокинг. Уверенные движения его стройного поджарого тела грациозны и раскованны. Растрепанные волосы падали на глаза, и Кейран бессознательно проводил по ним рукой, убирая со лба. Иногда он посматривал на меня, даря сдержанную улыбку. Но я вижу в этой улыбке столько всего, предназначенного только мне, что в районе солнечного сплетения у меня словно начинала бурлить газировка, и я нервно сдувала прядку волос, упавшую на глаза.

Кейран тщательно проверил камеру, упаковывая её в кофр, аккуратно отставил его в сторону к почти уже собранной дорожной сумке. Сверху положил объемную кожаную папку, застегивающуюся на молнию.

Он, конечно, замечал, что я безотрывно наблюдаю за ним. Кей остановился, повернулся ко мне, и какое-то время молчал, сосредоточенно глядя, будто изучая.

— Я ни разу не снимал тебя, — сказал он вдруг серьезно.

— Да, знаю, — кивнула я.

— Я не хотел тебя фотографировать. — Слова Кея прозвучали неожиданно, и я замерла, не понимая пока, как отнестись к сказанному.

— Не хотел, потому что ты — это ты. Я запомнил тебя сразу, как только увидел впервые, — заговорил он, присаживаясь на кровать рядом со мной. — Ты мгновенно отобразилась вот здесь, — он коснулся пальцем своего виска. — Я вспоминал тебя тогда в самолете, и ощущал твой аромат. На выставке ты мне привиделась в толпе. Я тогда был трезв и подумал, что у меня галлюцинация. Потом ты снилась мне... И была такой реальной. Я чувствовал тепло твоей кожи.

Я смотрела на него во все глаза, пораженная тем, что он говорил. Кейран будто рассказывал сказку, сюжет которой сплетался прямо сейчас, и финал невозможно было предугадать. Любые откровения из уст Кейрана казались мне ожившим волшебством.

— Я все время думаю о тебе. Думаю даже тогда, когда занят чем-то. Не смогу смотреть на твое лицо на фото. Понимаешь? Ты для меня настоящая, теплая. Любимая. Не отпечаток. Хочу тебя реальную. Прикасаюсь, целовать, любить. Всегда хочу тебя рядом с собой.

Он провел кончиками пальцев от моего плеча к ладони, накрыл мою лежащую на колене руку своей рукой. Прикосновение было нежным, волнующим, но мне стало не по себе.

За окнами новый день, закончилась ночная буря. В спальне с белыми стенами светло и просторно, а в доме тихо и спокойно. Мой любимый мужчина рядом и говорит мне очень особенные слова.

Но на душе у меня не спокойно и совсем не светло, а сердце не замирает от восторга.

Мне хотелось того же, что и Кейрану — всегда быть с ним. Меня тревожили мысли о его поездке в Столицу, и я уже сейчас переживала его отсутствие, будто разлука началась. И я не хотела сейчас слышать его откровения.

И Кейран будто понял мои мысли и больше ничего не сказал. Он потянулся ко мне, обнял и, поддерживая одной рукой под спину, уложил на кровать. В этот момент в его прикосновении ко мне, в каждом его движении чувствовалась неуклонность и неожиданно властный напор, словно он предполагал, что я могу возражать и заранее заявлял, что не намерен отступать. Он медленно раздвинул мои ноги, устраиваясь между ними и навис надо мной, опираясь на локти. Кей смотрел так, словно пытался запомнить каждую черточку моего лица. Я не двигалась и ничего не говорила, следя за его пристально изучающим меня взглядом.

Потом я снова забыла обо всем. Остался только Кейран, его горячий, влажный рот, жадные руки и сильное тело. Я видела лишь его и слышала звук его шумного дыхания и тихие слова, что он шептал мне, срывая с моих губ ответные признания.

В тот миг я почти рассказала ему свою сказку о нас...

Когда Кей ушел в душ, я накинула футболку, натянула трикотажные штаны и спустилась на первый этаж. В ванной привела себя в порядок и отправилась готовить поздний завтрак. Моему мужчине требовалось подкрепить силы после долгой ночи и перед дорогой.

Кейран вошел на кухню, благоухая чистотой и свежестью. В темно-синих джинсах, ослепительно белой рубашке, с аккуратно зачесанными, еще влажными волосами и в очках он казался сейчас совсем другим Кейраном, похожим на того отстраненного, невозмутимого незнакомца, которого я увидела впервые в своей квартире несколько недель назад. Но едва он посмотрел на меня, как это ощущение улетучилось, и я увидела Кея, которого теперь уже считала самым родным человеком на свете.

Я поставила перед ним тарелку с омлетом и двумя поджаренными тостами, налила по большой чашке кофе себе и ему и уселась за стол напротив него.

Он приступил к еде, время от времени поглядывая на меня, будто ждал чего-то.

— Я вчера ездила к твоему деду. Прости, что не сказала. Визит получился спонтанный.

Я приготовилась объяснять свою поездку к старшему Уолшу, формулируя в голове вереницу убедительных и не очень доводов. Но Кейран вскинул на меня спокойный взгляд, продолжая невозмутимо жевать.

— Знаю, — отозвался он. — Я говорил с Джеком вчера.

— Ты не... возражаешь? — осторожно спросила я.

— Почему я должен возражать? — удивился Кейран. — Наоборот, это именно то, чего я бы хотел. Я буду только рад, если вы с Джеком найдете общий язык и станете общаться. Только не вози ему больше газет, он их никогда не читает и видит в них чуть ли не причину мирового зла.

— Что же ему привозить тогда?

— Ванильные кексы. Их он обожает. И сыграй с ним в шахматы. Умеешь?

Я неуверенно кивнула. Играла я в шахматы неважно, но все же играла.

— Что еще любит Джек? — поинтересовалась я.

— Клетчатые рубашки, книги и меня, — заявил Кейран.

— А у нас с твоим дедом схожие предпочтения. Включая клетчатые рубашки.

— Вот как? — Кей откинулся на спинку стула, выглядя страшно довольным. — В таком случае, сделай ради меня одно большое дело.

— И что же это?

— Уговори его постричься.

— Зачем? — воскликнула я. — С какого перепугу я должна заводить с ним разговор о стрижке? И почему он должен выслушивать такого рода мнение от малознакомой женщины?

— Я почему-то уверен, что тебя он послушает, — ответил Кей.

— Но даже если и так, зачем я стану его уговаривать менять прическу? Судя по всему, Джека устраивают его длинные волосы. И потом, ему они идут, — убежденно добавила я.

— Тебе нравятся мужчины с длинными волосами? — Стекла очков Кейрана блеснули, скрыв от меня его взгляд.

— Мне нравится только один мужчина. И мне все равно, какой длины у него волосы.

— Хороший ответ. — Кейран подался вперед, положив руки на стол. Теперь я видела его глаза вполне отчетливо. — И все же, пожалуйста, выполни мою просьбу, Хейз. Скажи Джеку, что я просил тебя напомнить о том, что ему пора постричься.

Я изобразила какой-то неопределенный жест рукой.

— Ну, ладно. Если ты настаиваешь, — сдалась я.

Кейран кивнул и удовлетворенно улыбнулся, и в его улыбке мелькнула искра лукавства, словно он замыслил что-то, чем не спешил со мной делиться.

...Кейран уехал. Прощание наше вышло обычным, будничным, словно он уходил на работу всего на несколько часов. На меня снизошло странное спокойствие, а он излучал деловитую уверенность, когда мы обнялись и поцеловались, стоя в прихожей.

— Буду звонить, как только смогу, — сказал Кей, одной простой фразой избавив меня от необходимости бегать по потолку, ожидая его обязательных частых звонков.

Ему предстояло важное и малоприятное дело, и я, конечно, не собиралась настаивать, чтобы каждую свободную минуту он названивал мне.

Я закрыла за Кейраном дверь и отправилась заниматься домашними делами. В процессе уборки и готовки вдруг вспомнила, что моя сумка так и осталась лежать в машине со вчерашнего вечера. Казалось бы, какое простое дело — пойти и забрать её — но, выходя из дома, я почувствовала, что ноги мои наливаются тяжестью, словно к ним привязали камни.

Я преодолевала порог, как горный перевал и невольно затаила дыхание, ожидая увидеть огромных черных птиц, рассеявшихся на ветках деревьев вокруг моего дома. Эти жуткие твари явно преследовали меня, выжидали чего-то, пытаясь вторгнуться в мой мир.

Я понимала, что этот страх иррационален, ничем убедительным не подтвержден, но уже не могла отрицать, что пугающие подозрения поймали меня в свой капкан.

На оставшемся в сумке телефоне было четыре неотвеченных звонка. Два вчерашних от Кейрана, и по одному от Уны и Брайана, звонивших недавно.

Брайану я перезвонила сразу же. Он не стал слушать моих извинений за то, что не ответила на его звонок, а торопливо заговорил:

— Хейз, у тебя там ничего не изменилось? Я все еще могу привезти Джун?

— Конечно, Брай. Все в силе. Я жду вас, — поспешно ответила я.

— Тогда, если ты не против, мы приедем пораньше. Уже сейчас. Можно?

Брай говорил скороговоркой, но голос его казался страшно усталым, лишенным интонации. Я расстроилась, услышав друга таким, и в то же время обрадовалась, что мне не придется коротать несколько часов в доме в полном одиночестве, маясь от тревожных мыслей, упорно лезших в голову.

Маленькая Джун была для меня сейчас, пожалуй, самым желанным обществом из всех

ВОЗМОЖНЫХ.

***

Кейран устроился в кресле салона самолета. Перед тем как выключить телефон, набрал номер деда. После обычных вопросов о самочувствии и настроении, сказал:

— Джек, считай, что со своими патлами ты уже расстался.

— Да быть того не может, — спокойно отозвался старший Уолш. — Неужели свершилось?

— Вернись, убедишься сам. А пока поверь на слово. Ты же знаешь, я лучше ничего не скажу, чем совру.

Глава 37

Открыв дверь, я отступила в сторону, пропуская стоящих на пороге. Джун шагнула вперед, обхватила мои ноги и уткнулась в них лбом. Я опешила в первое мгновение, потом положила ладони на светловолосую головенку, тихонько погладила.

— Пливет, — с печальным вздохом проговорила девочка. Задрала личико и серьезно посмотрела на меня снизу вверх. — Ты слышала, что у нас случилось? — спросила она, хмурия бровки.

— Да, лапочка, слышала. И мне очень жаль, — я снова провела рукой по волосам Джун. Такие мягкие, словно шелк.

Быстро посмотрела на Брайана, он ответил мне столь же коротким взглядом, и я успела заметить печаль, которой не наблюдала никогда в светлых и ясных глазах друга. Я вообще не знала, как он переживает тяжелые времена, никогда не видела его в горе. Для меня Брайан был олицетворением неунывающего жизнелюбия и легкости, мягкой иронии и бесконечной доброты и участия. А теперь мне хотелось заплакать, глядя на него. Он поник, словно выцвел, переживая то, что произошло с людьми, которых он считал своими родными, несмотря ни на что.

— Тебе грустно? — спросила Джун.

— Да, мне грустно, — отозвалась я.

— И папе ужасно грустно. И мне грустно. — Джун отступила назад, протягивая руку молча стоящему чуть поодаль отцу. Схватив его за пальцы, крепко сжала, а сама снова подалась ко мне, привставая на цыпочки, и прошептала: — Мне еще грустнее из-за папы.

Я присела на корточки перед девочкой, обняла ее, и тихо проговорила на ушко:

— Я тебя понимаю. Мне тоже очень не нравится, когда твоему папе плохо. Но он сильный и добрый, и помогает людям, у которых случилась беда. Твой папа — настоящий супергерой. Всегда появляется там, где больше всего нужен.

Джун не шевелилась в моих руках, тихонько сопела и внимательно слушала, пока я говорила. Потом аккуратно освободилась из объятий, повернулась к Брайану:

— Пап, иди туда, где ты больше всего нужен. Там без тебя не сплавятся.

Брайан подхватил дочку на руки, чмокнул в щечку, крепко прижал к себе. Не выпуская Джун, шагнул ко мне и тоже быстро поцеловал. Но не в щеку, а в уголок губ. Я вздрогнула, изо всех сил стараясь не подать виду, что меня смутил этот условно-дружеский поцелуй.

— Спасибо, что согласилась приглядеть за Джун, — искренне поблагодарил Брай.

— Что ты, мне только в радость.

— А твой, эээ... друг не будет против? — Брайан направил цепкий взгляд куда-то мне за спину.

— Кейран уехал, его не будет несколько дней. И он совсем не против. Ему даже понравилась идея, что на какое-то время мне компанию составит Джун.

— А, ну ясно. Тогда хорошо, — рассеянно отозвался Брайан.

— Ты не волнуйся, Брай. Мы справимся, — сказала я, поглаживая по спинке девочку, которую он продолжал держать на руках. — Я все помню, что можно, что нельзя. Если что, позвоню.

Брайан смотрел, будто сквозь меня и кивал, поджав губы. Опуская дочь на пол,

нахмурился, и в этот момент вдруг показался мне намного старше своих лет. Я невольно вздрогнула, настолько поразила меня эта мгновенно произошедшая метаморфоза с другом. Шагнула вперед, взяла его за руку, пожала жесткие и сильные пальцы Брайана, сейчас холодные, словно ледышки.

— Не волнуйся, — повторила я, просто не зная, что еще сказать. — Здесь, — я сделала ударение на этом слове, — все будет в порядке.

— Знаю, — отозвался Брайан. — Вы — моя крепость, — сказал он, рассеянно улыбнувшись.

— Мы клепкие, не лазвалимся, — заявила Джун, понимая слова отца по-своему. — Не волнуйся.

— Не буду волноваться, — уверенно сказал Брай дочери. Он сделал короткий, глубокий вдох, резкий выдох, словно собираясь с мыслями. — Да, теперь еще вот...

Наклонился и полез в стоящую на полу сумку. Достал из нее кожаную папку, из кармана пиджака вытащил ключи, передал всё это мне.

— Так, Хейз, держи. Это документы и ключи от магазина. Изучай и то, и другое, когда и как считаешь нужным. Думай, размышляй, прикидывай, куда и зачем ты решила сунуть свою бесшабашную голову, и есть ли смысл это делать. Спешки нет, так что — дерзай. Надумаешь посетить магазинчик — на здоровье. Код от системы безопасности указан на листочке в папке. — Он посмотрел на меня задумчиво, будто прикидывал — способна ли я потянуть такой груз, и добавил нежно: — Листочек не потеряй.

— Постараюсь, — буркнула я, почти обидевшись.

В ответ Брайан невесело усмехнулся.

— Дай водички глотнуть, и я пойду, — сказал он.

Мы все прошли на кухню. Джун тут же забралась на стул за столом и притихла, болтая ногами и озираясь по сторонам. Удивительное создание, эта девочка. Она каким-то непостижимым образом могла тонко чувствовать настроение, витающее в воздухе, и умела не создавать лишних помех. Я улыбнулась малышке, налила в стакан воду из пластиковой канистры и передала стакан Брайану.

Он сделал глоток и подошел к окну, выходящему в сад. Выглянул наружу, посмотрел направо, налево.

— Она сегодня не работает у меня, Брай, — сказала я тихо. — И завтра тоже.

— А я знаю. — Брайан быстро допил воду, чисто мужским уверенным жестом вытер рот. — Она... хотела пойти со мной сегодня. К Эвлинн. Но я сказал, что не стоит.

Подошел к раковине, сполоснул стакан и, ставя его в сушилку, добавил:

— Уна идет со мной завтра, на похороны. — Он повернулся и, глядя мне в глаза, сказал: — Здорово, правда? Фактически это первое наше свидание, и оно пройдет... на похоронах.

— О-оо... — невольно вырвалось у меня. Быстро справившись с удивлением, я добавила: — Моё уважение к Уне возросло в разы. Эта девушка необыкновенная, Брай. Но возникает вопрос — не вызовет ли твое появление с Уной ненужного... напряжения между ней и твоей бывшей? Это было бы неуместно на похоронах.

Брайан небрежно пожал плечами.

— Я даже и не подумал об этом. Но, кажется, Уна не из тех девушек, которые будут как-то подпитывать напряжение. Она, скорее всего, просто не обратит на это внимание. А если и обратит, то будет вести себя так, что у Лиз пропадет азарт напряжение нагнетать.

— Ого, а ты успел неплохо узнать Уну, — заметила я.

— Хм, как-то само вышло, — задумался Брай. — Но сделать такой вывод не так уж сложно. Особенно, если учесть, что я вообще окружен просто невероятными женщинами, — хмыкнул он, — одна сидит с моим ребенком, вторая вместо свидания сама предложила пойти со мной на похороны. Вы же практически святые.

— Сомневаюсь, что она предлагала это вместо свидания. Просто хочет поддержать, быть рядом, когда у тебя стряслось вот... такое.

— Угу. Что-то типа «И в горе, и в радости»?

— Именно.

— Ну, говорю же — святые, — кивнул Брайана. — Ладно, поживем-увидим.

— Брай, а ты не будешь возражать, если я завтра съезжу в магазин Эвлинн и возьму с собой Джун? — спросила я, почти уверенная, что Брайан не позволит.

— Поедешь сама? Не на автобусе? — он насторожено нахмурился.

— Я осторожный водитель, честно.

— Поезжайте. Только аккуратно, пожалуйста.

— Обещаю. Не волнуйся.

— Ладно, верю. Мне пора. Ведите себя хорошо, девочки мои. — Он чмокнул меня в лоб, поцеловал дочку и ушел.

Все это время Джун сидела тихо и не произнесла ни слова. Зато, как выяснилось, она внимательно наблюдала за нами с Брайаном и прекрасно слышала, о чем мы говорим, не пропустив ни слова.

— Вы с папой влюбленные? — выдала малышка, едва мы вернулись кухню, проводив ее отца. И тут же: — А кто такая Уна?

— Нет, милая, мы с твоим папой не влюбленные. Мы с ним друзья, — ответила я. — А Уну ты уже знаешь. Она ухаживает за моим садом. Помнишь, мы вместе ели пиццу на крыльце?

— Помню, — закивала Джун. — А что мы будем делать сегодня?

— Да что хочешь! Почитаем, погуляем, поиграем, посмотрим телевизор. — В голову прилетела одна шальная мысль, и я добавила: — А хочешь, давай вместе испечем ванильные кексы, чтобы угостить одного очень хорошего человека.

— Хочу кексы! — обрадовалась девочка. — А холостой человек — это мой папа?

— Твой папа очень хороший, и его мы обязательно угостим кексами, но сейчас я говорю о другом человеке, тоже очень хорошем. И одиноким. Завтра мы можем поехать к нему. Отвезем ему угощение и ты с ним познакомишься. Ну, так как? Работаем?

— Работаем! — решительно заявила девочка.

Пару часов мы возились на кухне, обсыпав мукой все, до чего дотянулись. Из Джун получилась замечательная помощница. Она старалась изо всех сил, от усердия высунув язык, когда отмеряла и добавляла сахар, пыталась вымешивать тесто, а потом рассовывала его по формочкам. Больше всего ей понравился запах ванили. Она, словно замороженная, наблюдала, как я разрезаю стручок и вычищаю из него мелкие семена, а потом засунула нос в пакетик, в котором стручок хранился, и долго нюхала, громко и восхищенно вздыхая.

...Кейран позвонил, когда я уже уложила Джун спать наверху на своей кровати, а сама прикорнула рядом.

Прошло несколько часов, в течение которых я не слышала его голоса. Прилетев, он отослал смс-ку, что благополучно приземлился, я в ответном сообщении пожелала удачи, понимая, что перезванивать не стоит: ему сейчас ни до чего, кроме тех проблем, что на него

свалились.

Телефон завибрировал, и на экране высветилось имя Кейрана. Стараясь не разбудить девочку, я вскочила с кровати и стремительно вышла из спальни.

— Эй, как ты? — спросила я, ответив на звонок.

— Без тебя — плохо. — Кейран говорил привычно спокойным голосом, и от глубокого, низкого, ласкающего тембра у меня по коже бежали мурашки.

— Не хочу, чтобы тебе было плохо...

Мы говорили и говорили, и я все отчетливей понимала, что нуждаюсь в Кейране так, как не нуждалась ни в ком и никогда. Даже в детстве, пугаясь чего-то или радуясь, я не рвалась так к маме, как хотела сейчас к мужчине, которого любила. И мне настолько понятно это ощущение, будто оно являлось чем-то, что составляло абсолютно естественную часть моей натуры. Часть, без которой я просто не смогу существовать. Как кровь, или кожа.

— Три дня, любимая моя девочка. Я вернусь через три дня.

Позже я лежала, слушая тихое посапывание мирно спящей рядышком Джун, а слова Кейрана все звучали в моей голове. Уже засыпая, вспомнила, что забыла спросить, не возражает ли он, если я завтра снова навещу Джека.

***

Утро выдалось пасмурным, серым, печальным. Пока мы с моей подопечной умывались, завтракали и собирались, за окном моросил дождик. Я подумала о Брайане, о том, как нелегко ему сейчас. Но вспомнив, что с ним рядом должна быть Уна, почувствовала облегчение. Было что-то в этой девушке подлинное, светлое, именно такое, что необходимо моему другу.

Мы с Джун упаковали кексы в пластиковый контейнер, и когда уже садились в «тойоту», я осознала, что у меня нет детского автосиденья.

— Ох, милая, — с досадой сказала я, — боюсь, мы не сможем поехать с тобой на машине.

— Ты забыла, как рулить? — серьезно спросила Джун.

— Нет, я помню, как рулить. Но у меня в машине нет специального кресла, в котором должны ездить детки. Меня могут наказать за то, что я вожу маленькую девочку без него, — пояснила я.

Джун задумалась на мгновение, деловито кивнула.

— Не волнуйся. Плосто надо плистегнуться лемнями. А когда будем плоезжать полицейских, я буду плятаться вот так, — и малышка присела на корточки, прикрыв голову руками.

— Нет, никто прятаться не будет, — не сдержав улыбки, решительно заявила я. — Мы сейчас первым делом заедем и купим автокресло, а потом поедem, куда планировали.

По дороге в пансион, чуть в стороне от шоссе, располагался большой торговый центр, в котором был отдел детских товаров. Мы завернули туда, и через полчаса моя маленькая подопечная восседала в новом кресле.

Я не стала оставлять машину у въезда на аллею, где обычно парковался Кейран, навещая деда. Проехала до главного входа и завернула на служебную стоянку, туда, где мы останавливались с Уной, когда я привозила свои пироги.

На территории безлюдно и тихо. Никто из обитателей дома не прогуливался, не сидел на лавочках. Деревья, красиво подстриженные кустарники, ухоженные клумбы — все выглядело потускневшим под серым низким небом. И снова накрапывал мелкий дождик.

Оставив машину, мы прошли к главному входу в пансион. Внутри, в отличие от печального безлюдья, царящего снаружи, чувствовалось явное оживление. На консольных столиках — вазы со свежими цветами. В воздухе витал запах полироли для мебели и чего-то аппетитного, готовящегося на кухне. Сотрудники, в основном женщины, сновали по коридору, останавливались, переговаривались и снова расходились, спеша куда-то по своим делам. Все это я заметила, как только мы вошли в двери, и у меня сразу создалось ощущение суестьи и какого-то ожидания.

За столиком в холле сидела уже знакомая мне женщина. Увидев нас с Джун, она автоматически очень вежливо и с улыбкой поздоровалась, Затем пригляделась и, видимо, узнав меня, с удивлением вопросительно приподняла брови:

— Вы что-то хотели, мисс? — спросила она.

— Мы хотели бы повидать Джека Уолша, — сказала я. — Это возможно сейчас?

— Вообще-то, у нас сегодня намечено мероприятие, — произнесла женщина. — Вы договаривались с ним о визите?

— Да, я говорила ему, что заеду. — И это была правда, я говорила, что приеду снова и Джеку, и Кейрану, правда, не говорила, что сделаю это именно сегодня.

— Тогда пройдите, — кивнула женщина. — Вы знаете, где его комната?

— Да, знаю. Спасибо.

И мы с Джун двинулись по длинному и широкому коридору. Девочка притихла и прижалась ко мне, расширенными глазами глядя на проходивших мимо старичков и старушек. Одну пожилую леди, медленно продвигавшуюся, опираясь на ходунки, Джун проводила долгим взглядом и сказала, подняв ко мне личико:

— Здесь обитают только бабули и дедули. Это стлана сталичков?

— Да, милая, это страна старичков, — согласилась я с ней. — И с одним из обитателей ты сейчас познакомишься. Не бойся, он очень и очень хороший.

— Я не боюсь, — мотнула головой девочка. — Зачем бояться сталичков?

Густой бас Джека отозвался на наш стук с чуть раздраженной, как мне показалось, интонацией. Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь, а Джун тут же целиком просунула голову и сказала:

— Здласти.

Джек сидел в кресле-каталке, как и в прошлый раз. И снова у него на коленях лежала подушка, а на ней — объемная книга. Увидев нас, он удивленно вскинул серебряные брови.

— Ну, здравствуйте. Заходите.

Джун тут же протопала до старика и остановилась перед ним, с любопытством разглядывая его.

— И кто вы такая будете, юная леди? — спросил Джек, бросив на меня взгляд, в котором было легкое замешательство и интерес.

— Я буду Джун, — сказала девочка. — А вы чей дедуля? Хейз?

— Хм... Я был бы очень рад быть дедулей Хейз, — ответил Джек, качнув головой, — но я не ее дедушка. Я дедушка Кейрана. Знаешь такого? — и Джек чуть прищурившись, снова взглянул на меня.

— Кейлана знаю, — закивала головой девочка. — Он отвозил нас с папой домой, когда мы ночевали у Хейз. Мы спали на диване, а Кейлан плишел ночью и заснул плямо в клесле.

Я стояла, молча наблюдая за их беседой. Встревать пока не собиралась, пусть сами попытаются договориться. А я потом поясню, если будет нужно.

— Ох, как интересно, — Теперь во взгляде Джека зажглось неподдельное любопытство, смешанное с удивлением. — И кто же ваш папа?

— Мой папа — Блайан. — Джун мотнула головой в мою сторону. — Он друг Хейз и они не влюбленные. А почему у твоего кресла колесики? Ты любишь кататься?

— Нет, на этом кресле я кататься не люблю, — со спокойной улыбкой ответил Джек. — Но катаюсь, потому что мои старые ноги капризничают и отказываются ходить.

Джун, похоже, уже утратила интерес к их беседе. Она рассеянно кивнула, и стала медленно прохаживаться по комнате, с любопытством осматриваясь вокруг.

Джек перевел взгляд на меня, его глаза светились хитринкой. Губы тронула легкая улыбка.

— Не ждал вас так скоро, Хейз, да еще в такой приятной компании, как эта маленькая леди, — сказал он. — Что вы привезли мне сегодня?

— Газеты не привезла. — Я достала из сумки контейнер. — Ванильные кексы. Кейран говорил мне, что вы их любите.

— Верно. Люблю. Что он вам еще говорил?

— А еще ваш внук просил напомнить, чтобы вы постриглись.

— Прямо вот так и сказал? — Брови Джека снова взметнулись вверх.

— Так и сказал: «Напомни, пожалуйста, Джеку, что ему пора стричься». Я напоминаю. Хотя ваши длинные волосы мне нравятся, они вам идут.

— Придется постричь их все же, раз внук попросил, — отозвался Джек, задумчиво глядя на меня.

— Вы всегда выполняете просьбы внука? — улыбнулась я.

— Нет, моя дорогая. Потому что Кейран никогда и ни о чем не просит. А потому эту его просьбу готов выполнить безоговорочно. — Джек кивнул головой на стул, стоящий у стены. — Присаживайтесь, давайте выпьем чаю с вашими кексами. Я не знаю, чем вас еще развлечь и боюсь, что вы очень скоро заскучаете в моей компании.

— Вообще-то, это мы хотели предложить вам немного развлечься, — сказала я. — Как вы отнесетесь к идее поехать в город и посетить одно место?

Джек внимательно смотрел на меня.

— Сегодня?

— Да, сейчас. Но я не знаю вашего распорядка, и если что-то не вписывается, то мы можем запланировать это на другое время, — поспешно добавила я, начиная испытывать волнение от того, что Джек Уолш вдруг стал выглядеть непривычно серьезным.

— Распорядок у меня здесь один — вовремя проглотить таблетки, — отозвался он. — Мне нравится ваше предложение. Тем более оно прозвучало как нельзя кстати. У нас сегодня ожидается визит важной особы, которая решила пожертвовать немалую сумму своих кровных нашей скорбной обители. Терпеть не могу эти посещения, когда в твою комнату заглядывают, как в клетку с мартышкой, и надо или выглядеть благообразным маразматиком, или что-то эдакое любезное изображать. И все кругом такие напряженно улыбки.

Джек посмотрел на Джун, которая заворуженно следила за движением маленького маятника стоящих на комод часов.

— Болваном буду, если упущу возможность провести время в обществе двух прелестных молодых леди, — сказал он. — Но я должен доложить о своем предстоящем отсутствии.

Он подкатил к тумбочке возле кровати, взял трубку стоящего на ней стационарного

телефонного аппарата. Непослушными пальцами старательно и неспешно нажал короткую комбинацию цифр и произнес:

— Любезная миссис Шелли, загляните ко мне. Да, прямо сейчас, если вас не затруднит.

Меньше, чем через минуту в комнату постучала и зашла та сама женщина, что сидела за столиком дежурной в холле.

— Что случилось, мистер Уолш? — спросила она, оглядывая цепким взглядом нас всех.

— Почему сразу случилось? — пожал широким костистым плечом Джек. — Ничего не случилось. Хочу поставить вас в известность, что планирую отсутствовать некоторое время. Отчаю на randevu в компании вот этих прелестных дам, — он кивнул головой в сторону меня и Джун.

— Ох, мистер Уолш, ну вы же знаете, что это у нас так не делается! — коротко вздохнула миссис Шелли. — Тем более сегодня, когда...

— Тем более сегодня, когда у нас ожидается визит этой самой, как её там, — перебил женщину Джек. — Вам же лучше, дорогая, избавитесь на время от одного недовольного, ворчливого старика. Просто сообщите кому следует и все. Никаких формальностей ведь больше не требуется.

Миссис Шелли снова вздохнула, неодобрительно качая головой.

— Будь по-вашему, — сказала она. — Не стану я спорить. С вами это вообще невозможно. Пойду, сообщу о вашем желании отправиться прогуляться и велю принести лекарства. Выпьете обеденную порцию перед отъездом. А сколько вы планируете отсутствовать? — встрепелась она, став вдруг деловитой и строгой.

Джек посмотрел на меня, и, едва я успела открыть рот, сказал:

— Сегодня вернусь точно. И не очень поздно. Не в моих интересах утомлять юных дам своим обществом. Несите таблетки.

Миссис Шелли удалилась, а через пару минут забежала миниатюрная медсестра, дала Джеку таблетки, помогла ему надеть куртку и заботливо накрыла его ноги пледом.

— Ох, Джек, вы авантюрист, — приговаривала она, суетясь вокруг старика. — На улице влажно, знаете же, что такая погода совсем не для вашего состояния. Вам нельзя студиться, поэтому не убирайте плед. И обязательно прихватите трость.

— Да помню я все, — ворчливо откликнулся старший Уолш. Поймав заинтересованный взгляд, который медсестра пару раз бросила на нас с Джун, он потянул женщину за рукав и, приблизив рот к ее уху, что-то прошептал. Женщина удивленно вскинула брови, и на лице ее расплылась улыбка.

— Да неужели? — воскликнула она. — Это же прекрасно! — И вышла, приветливо кивнув всем нам на прощанье.

Я не стала спрашивать старика Уолша, что он такое ей сказал. Догадываюсь, что сообщил нечто, касающееся меня и Кейрана. Но могу и ошибаться.

Кресло Джека легко скатилось по пандусу главного входа на выложенную плиткой площадку перед широкой лестницей. Оставив его и Джун, я быстро побежала к служебной стоянке, намереваясь подогнать машину. Когда подъезжала, на аллее показался автомобиль. Шурша колесами по гравию, к усадьбе медленно плыл шикарный черный «Бентли», походивший на сухопутный лайнер.

Я усаживала и пристегивала в автокресле Джун, когда роскошная машина затормозила, из нее вышел мужчина в черном костюме, и открыл заднюю дверцу. Я помогала Джеку подняться и вела его к тойоте, когда из бентли, опираясь на руку своего помощника,

грациозно выскользнула никто иная, как мисс Берриган.

Я помогала Джеку усесться на переднем пассажирском сиденье, накрывала его ноги пледом, когда цепкий взгляд Морин скользнул по всем нам. Задержался на мне, потом — чуть дольше и с явным интересом — на старшем Уолше.

Я складывала кресло и убирала его в багажник, стиснув зубы от внезапного ощущения враждебности, то ли зародившегося во мне, то ли налетевшего откуда-то извне. Рыжеволосая красавица в сопровождении высокого мужчины и женщины средних лет поднималась по ступенькам к услужливо распахнутым перед ней дверям пансиона. Прежде, чем войти она повернулась и, поймав мой взгляд, кивнула, явно давая понять, что узнала меня. Её тонковатых губ коснулась тень улыбки, не затронувшей ни глаз, ни единой мышцы гладкого, словно алебастрового лица.

Я машинально кивнула в ответ, но не смогла заставить свои губы растянуться хотя бы в подобие улыбки.

***

Настроение внезапно испортилось. Видимо, и все присутствующие в машине что-то такое ощутили. И без того тихая сегодня Джун вообще затаилась, сидела и водила пальчиком по стеклу.

Я крепко держала руль, время от времени постукивая по нему пальцами. Краем глаза увидела, что Джек смотрит на мои руки.

— Вы ее знаете? — поинтересовался Уолш.

— Можно сказать и так. Это Морин Берриган. Светская львица, насколько я знаю, активно занимается благотворительностью. И она — звезда проекта, которым сейчас занят Кейран.

— Ах, вот оно что, — проговорил Джек, качая головой. — А я-то никак не мог понять, откуда слышал это имя и в связи с чем. На фамилии у меня отвратительная память. Кроме «Морин как-то там» и не вспомнил, пока вы не сказали. И уж ни за что бы не додумался как-то связать работу внука с нашим спонсором. Вы с ней знакомы?

— Виделись мельком один раз, — отозвалась я, стараясь своим тоном не вызывать у Джека желания задавать вопросы о Морин. Он и не стал больше ничего спрашивать, только заметил:

— Внук говорил мне, что она очень красивая женщина. Она и вправду необычайно хороша. И этой своей красотой пугает почище дьявола, — добавил он, понизив голос.

Я была с ним полностью согласна. И, как оказалось, не я одна.

— Лыжая тетенька похожа на злую колдову из Белоснежки, — донесся до нас голосок Джун. — У нее брови такие. Вот такие...

В зеркальце над лобовым стеклом я увидела, как маленькие ручки Джун изобразили в воздухе две загогулины, призванные передать резкий излом бровей Морин.

— Верно подмечено, — одобрительно отозвался Джек, поворачиваясь к девочке. — Вы очень наблюдательны, мисс Джун. Дайте пять, — и он протянул ей свою большую руку ладонью вверх.

Джун охотно шлепнула по руке старшего Уолша, и вместе со звонким хлопком словно лопнуло и рассеялось висевшее в воздухе напряжение.

***

С замком на двери магазинчика Эвлинн я справилась быстро, но, вводя код на охранной панели, вдруг стала путаться. Джек вытянул из моих подрагивающих пальцев бумажку и

четко, спокойно продиктовал кодовую комбинацию. Мне оставалось только послушно тыкать пальцем в нужные кнопки.

В магазин Джек зашел сам, тяжело опираясь на трость, за которую крепко вцепилась Джун.

— Я схожу за вашим креслом, — сказала я.

Старший Уолш стоял посреди маленького помещения сувенирной лавочки, возвышаясь, как величественный монумент. Его крупная, очень высокая фигура с длинными белоснежными волосами, убранными в хвост, походила на образ какого-то мифического создания. Сейчас Джек напомнил мне старца-друида, какими их изображают на иллюстрациях в книгах.

— Здесь есть, на что можно присесть? — спросил Уолш.

— Да, в подсобке есть диванчик, — отозвалась я.

— Вот и чудесно. Этого вполне достаточно, и кресла пока не нужно. На нем тут и не развернешься, — Джек оглядел небольшое помещение. Я видела, что ему тяжело стоять, что крупные руки, опираются на палку все с большим усилием и начинают вздрагивать.

— Вы уверены? Достать и разложить кресло — минутное дело, — нахмурилась я, мысленно ругая себя на чем свет стоит за то, что, не подумав как следует, притащила сюда старика. Я думала только о том, что мне хочется показать ему этот магазин и рассказать о своем решении стать его совладельцем. И кое-что показать, если решусь...

— Уверен. Не нужно, Хейз. Здесь я хоть немного побуду тем, кем был когда-то — хозяином своих ног. — Старший Уолш посмотрел на меня, и в глазах его мелькнула улыбка, в которой не было ни иронии, ни затаенной горечи, как могло бы вдруг показаться. Джек на самом деле чувствовал то, о чем говорил.

Малышка Джун зачарованно оглядывалась вокруг, все так же крепко держась за трость старика.

— Волшебные пледметы... — тихо проговорила она. — Хейз, это волшебный магазин?

— Да, милая. Точно, волшебный. — Я заперла дверь и подошла к своим спутникам. — А твой папа ни разу тебя сюда не привозил?

— Не привозил, — покачала головой девочка. — Можно тут посмотреть? Я остоложно и тлгать ничего не буду.

— Конечно, смотри, сколько хочешь, — сказала я, радуясь, что слышу картавый говорок малышки, действующий лучше любого успокоительного. — Джек, давайте, я провожу вас, и вы присядете.

— А вы мне расскажете, что это за место и почему мы сюда приехали, — отозвался Джек, тяжело шагая рядом со мной.

— Расскажу. И мы можем выпить здесь чаю.

— А вы захватили кексы?

— Да. Подумала, что сможем устроить здесь небольшой перекус.

— Значит, самое время пить чаю и слушать истории, — кивнул Уолш.

...Упоминание об историях плавно отнесло меня в прошлое — давно минувшее и совсем недавнее. Мои мысли походили на сновидения, когда одна картинка сменяет другую, один образ трансформируется в другой, стирая грани между реальностью и фантазией. Я вспомнила свой первый визит в магазинчик, знакомство с Эвлинн, и события, последовавшие за этим.

В сумке под коробкой с кексами лежала тетрадь мамы Кейрана, и в написанном там

прослеживалась связь с медальоном, висящем на моей груди. Узор на амулете, придуманный когда-то неизвестной мне девушкой, привел меня к решению купить старый дом Уолшей. И теперь я была почти уверена, что в этот дом попала не случайно, неосознанно следуя по цепи обстоятельств и знаков. Тоже совсем не случайных.

...В подсобке я усадила Джека на диван, подложив ему под спину маленькую подушку. Пока я занималась приготовлением чая, а Уолш осматривался, за штору бесшумно и незаметно прошмыгнула Джун и уселась рядом со стариком.

Джек, я и малышка Джун — три человека, совсем недавно узнавших о существовании друг друга и никак не связанных между собой. Но сейчас, здесь, в этом маленьком магазинчике мы были словно прошлое, настоящее и будущее, одно из которых зависело от другого.

Глава 38

На маленьком столе — рабочем месте Эвлинн — тонкий слой пыли и календарь, стилизованный под почти забытую, полную мистических загадок древность. Сложные переплетения символов и орнаментов, с некоторых пор ставших не просто декоративной, а непосредственной частью моей жизни, уже не казались диковинными, и я рассматривала их хоть и без прежнего любопытства и удивления, но с не угасшим интересом.

Среди замысловатых узоров и знаков на календаре читались и вполне понятные слова и цифры, помимо реального года, месяца и числа, указывающие на то, что сейчас мы живем в период Самивизионос — Времени света*.

Время Света. Хорошее словосочетание. Оно успокаивало, вселяло надежду, и я готова бесконечно качаться на волнах умиротворения, если бы не ощущала постоянную навязчивую тревогу. Что-то трепетало во мне ускоренным ритмом слабого биения пульса, будто прося обратить внимание — «время света» властвует не везде. Существует другой мир — Думанниос, Темнейшая глубина** — невидимая глазу параллельная реальность, фрагменты которой могут проникать повсюду, коверкая и даже уничтожая нашу действительность. Сбывающиеся наяву ночные кошмары, страхи, которые воплощаются потому, что мы позволяем им обрести над нами власть.

Как много всего произошло с момента моего возвращения в родной город. Не просто случайностей, а событий, каким-то непостижимым образом связанных друг с другом. И можно твердить бесконечно, что ничего особенного нет, и всему найдется разумное объяснение, но если ответы и находились, то понятней не становилось. А попытки оставаться в рамках привычного, приводили лишь к тому, что где-то будто образовывался разлом, из которого лезли новые непонятности, не терпящие игнорирования.

Справляясь с внезапной дрожью, я схватила со столика календарь и принялась рассеянно перелистывать страницы.

— Так Расскажи же, Хейз, что это за место. — Негромкий голос Джека разогнал туманных химер и вернул меня в действительность.

Джун, наевшаяся кексов с чаем, вопреки тому, чего так опасался Брайан, — «Не давай ей сладкого, иначе потом ни за что не утомонишь!» — теперь безмятежно спала, свернувшись уютным калачиком. Я устроила девочку на диванчике, подложив ей под голову маленькую подушку и прикрыв ножки легким пледом.

— Сейчас не только Расскажу, — отозвалась я негромко, — но и буду просить вашего совета.

Поделилась задумкой стать совладелицей магазинчика, а потом и не заметила, как рассказала деду Кейрана о себе почти все, не озвучивая лишь то, о чем знали немногие. Начала со своего возвращения в город, унеслась в прошлое, и вкратце поведала о том, почему пришлось вернуться из Столицы. Джек, видевший рядом с Джун, внимательно слушал, время от времени поглядывал на малышку и поправлял плед.

В тишине подсобки я со стороны слышала собственный голос, будто читающий сочинение о моей жизни. Без стеснения, но слегка недоумеая, почему вообще рассказываю все малознакомому старику, пусть он даже и приходится дедом любимому мной человеку.

— Хорошо, когда есть, куда возвращаться, — изрек Уолш, выслушав.

— Если не воспринимать свое возвращение, как поражение, — вырвалось у меня.

— И теперь так воспринимаешь? — Голубые глаза Джека сверкнули из-под низких седых бровей.

— Нет. Теперь думаю, что просто живу дальше. И это не второй шанс, данный судьбой, это и есть судьба, единая и неразделимая.

— Да ты фаталистка, — хмыкнул Джек. Уголок его губ вздернулся насмешливо, но глаза смотрели серьезно. — Веришь в то, что все предначертано заранее и ничего изменить нельзя?

Я рассеянно пожала плечами. Фаталисткой себя никогда не считала, верила в свободу выбора и в то, что нет абсолютной предопределенности, но есть порядок, при котором все каким-то образом происходит в свое время и в своем месте.

— В любом случае мы действуем по какому-то плану, — отозвалась я. — Хочется верить, что план наш собственный, но иногда упорно кажется, что директива ниспослана откуда-то свыше. — Немного растерялась и пробубнила: — Особенно, когда судьба вдруг становится незапланированно щедра и откуда-то валится то, о чем и не мечтаешь. Вот, например...

Старик Уолш слушал мой псевдофилософский бред внимательней, чем следовало, и я запнулась, засомневавшись, надо ли вообще говорить ему то, что собиралась сказать.

Мой собеседник оставался невозмутим, не выражая нетерпения или удивления ни взглядом, ни мимикой. Если не скажу больше ни слова, он ничего и не спросит, и от этого мое желание договорить стало невыносимым. Какое-то двенадцатое чувство подсказало, что Уолш должен был услышать это от меня именно сейчас.

— Например, о встрече с Кейраном не могу думать иначе, как о чуде. О подарке судьбы. — У меня вырвался смешок, смущенный и удивленный одновременно.

— Мой внук — тот еще подарок, — взгляд Джека заметно потеплел, но старик тут же спрятал глаза за опущенными веками, делая вид, что пытается снять какую-то невидимую ниточку со своих брюк. — Мужчины в нашей семье все такие. Упрямые, замкнутые, немногословные. Смотришь и не знаешь, что варится в голове, а делиться мыслями, переживаниями мы не привыкли, да и не умеем, — проговорил Уолш, продолжая водить ладонью по штанине.

Неожиданно бодро взглянул на меня и спросил:

— Не напугал?

— Чем? Упрямством и немногословностью? Вот уж нет, — улыбнулась я. Рука снова потянулась к календарю на столе, а палец сам стал обводить узоры, расположенные по периметру страницы, напоминавшей потемневший от времени пергамент. — Мне нравятся немногословные мужчины.

— А упрямые?

— Кейран не упрямый, — убежденно возразила я, — он упертый.

— А есть разница? — прищурился Джек.

— Есть, конечно. Упрямство часто бывает просто твердолобостью, а упертость — это умение добиваться поставленной цели и не сдаваться на пути ее достижения.

Слова прозвучали несколько велеречиво, зато отражали суть, и Джек услышал именно то, что я хотела сказать.

— Что ж, соглашусь. — Старик потер руки, привычным жестом разминая суставы искривленных недугом пальцев. — Ну, а что касается этой... — он обвел взглядом

крошечное помещение подсобки, — ...лавочки. Она, конечно, не самый надежный способ вложения средств, но, рискнуть и постараться извлечь из всего этого что-то дельное, можно. Но, кажется, мой совет тебе не нужен. Ты уже все решила.

— Почти все, — согласилась я. — Есть то, что я еще не продумала, и есть нюансы, которые пока плохо представляю, но готова изучить.

— Тогда дерзай, — кивнул Джек, и эти два слова стали лучшим советом, который я могла получить.

Еще в первый мой визит магазинчик Эвлинн и она сама произвели неоднозначное впечатление, предъявив претензию на некую загадочность. В уютной и тихой подсобке пахло пылью и временем, будто затаившимся среди наполнявших помещение предметов.

Мы никогда не были здесь вместе с Кейраном, это место меньше всего могло напоминать мне о нем, но сейчас, мельком бросив взгляд на старшего Уолша, я увидела лицо его внука. Очевидное родовое сходство или что-то еще вызвало в моем воображении образ любимого мужчины. Поначалу обозначившись прозрачными контурами, облик становился все отчетливей — прямые темные брови, глаза цвета хмурого моря, абрис четких скул и контур чувственных губ. Я забыла, где и с кем нахожусь, перенесаясь в те невидимые глубины Мироздания, где дарованные друг другу люди соприкасаются обнаженными душами и открытыми сердцами. Я ощущала знакомый запах, слышала дыхание, тембр голоса, живым звуком отдававшийся во всем теле. Желание оказаться рядом, протянуть руку и прикоснуться, убеждаясь, что Кей не мираж, становилось невыносимым...

Никогда не думала, что чувства могут быть настолько сильны, а потребность в другом человеке так велика, что в разлуке станешь, как тот пресловутый стакан — наполовину пустой.

Кей еще не звонил мне. Он уехал, предельно сосредоточенный на деле, в котором ему предстояло разбираться со всей его неподражаемой упертостью. Я не ждала, что Кейран станет названивать ежечасно, и хрипловатым шепотом говорить слова, от которых кровь в моих венах становилась горячее, бежала быстрее, и я физически ощущала прикосновение его рук и губ. Я лишь хотела, чтобы у меня была возможность напомнить ему о том, как люблю и верю в него.

Неверие в абсолютную предопределенность страшило возможностью упустить момент, когда нужно свернуть в правильную сторону. В результате целой цепи или всего одного такого поворота мы и встретились с Кейраном, чтобы быть вместе и принадлежать друг другу по обоюдному желанию.

И теперь я начала бояться за то, чем обладала.

Во всех сказках, мифах и легендах всех народов земли любовь всегда служила предметом зависти неких высших сил. Странно и дико, не правда ли? Ведь если верить во всемогущих Дарующих, то выходило, что они сами и не могли смириться с тем, что их дары приняты.

Потребность немедленно отключить режим перманентного беспокойства едва не сорвала меня со стула. Стеллажи, на полках которых за полотняными шторами хранились картонные коробки, попав в поле моего зрения, тут же напомнили о коробках, обнаруженных на чердаке дома.

Мне не терпелось поговорить с Джеком о прожигавшем дыры в моей сумке и голове дневнике его дочери, но я не знала, как подойти к этой теме, с чего начать разговор. Что знал и думал Джек о том, как его дочь обращалась с малышом-Кейраном?

Джун сейчас четыре, меньше, чем было Кейрану, когда его матери не стало, и он запомнил ее как «ту-которая-бросает-и-запирает-меня-одного». А что он помнил еще?

Я смотрела на безмятежно спящую девочку, а воображение рисовало другое — ночь, крохотная каморка, на стенах пляшут тени, а в детской кроватке, свернувшись калачиком, лежит испуганный ребенок. Маленький мальчик смотрит в темноту широко раскрытыми глазами или наоборот, зажмуривается изо всех сил, не понимая, почему его оставили одного.

Пока мой взгляд, как и мысли, метался с одного на другое, дед Кейрана наблюдал за мной. Выражение лица старика не выдавало никаких чувств. Насколько я успела заметить, старший Уолш почти все время выглядел спокойным и невозмутимым. Он немногословен, но поговорить не отказывался и подхватывал любую предложенную тему разговора.

— Хейз, тот медальон, который показывала мне, ты получила здесь? Хозяйка этого магазинчика подарила его тебе? — вдруг спросил Джек.

— Да, — я инстинктивно приложила руку к амулету. — Эвлинн сказала, что он сделан ее дядей.

— Мастера звали Финн ОКинни. — Уолш качнулся, задумчиво устремив взгляд в одну точку. — Верный возлюбленный моей супруги. Он боготворил Полин, и своим упрямым беззаветным чувством начисто отбивал у меня всю охоту ревновать и даже возмущаться.

— Вы говорили, что...

— Что и сам был влюблен в другую? — Усмешка печальной тенью мелькнула и погасла на губах старика. — Это так, но и жену, как ни странно, я любил. Как говорится, по-своему.

Уолш потянулся и мягко взял из моих рук календарь, прищурился, разглядывая его и будто припоминая что-то.

— Мы жили с ней совсем неплохо, с моей Лин. И тогда, и теперь я понимал, что нас вместе держала необходимость, которая сильнее любви, сильнее любых страстей.

— Я прочитала дневник, и у меня есть вопросы, — выпалила я.

— Задавай, — кивнул Джек.

Я открыла и тут же захлопнула рот.

Что я хотела узнать? Историю семьи человека, который проник в мои мысли, сны, под кожу и в кровь, стал моим дыханием и целебной влагой, единственной способной утолить невыносимую жажду? Или была во всем этом еще и некая острая необходимость, неподдающаяся внятному определению?

Сознание, словно поделенное пополам, заставило ощутить себя зрителем сразу двух театральных действ. Одно являло собой четкое отображение реальности, второе скрывало истину за вязким туманом загадочности, и из попыток что-то разглядеть за ним рождались самые невероятные образы и предположения, следуя за которыми, можно было зайти слишком далеко, так ничего и не поняв.

Я уже никак не могла избавиться от того, что меня вновь и вновь подхватывало и уносило за грань обыденности. Туда, где простые узоры свивались в сложные линии судеб и уводили в непостижимые дали...

Патриция сказала бы — ты сходишь с ума, Хейз! Я не отрицала, но и не спешила соглашаться, потому что такой вариант снимал с меня любую ответственность за развитие сюжета неизвестного «представления». А мне временами упорно казалось, что и от меня зависело, во что превратится спектакль — в кошмарное представление театра Гран-Гиньоль*** или станет житейской пьесой, написанной с соблюдением всех законов жанра и не выходящей за рамки обыденности.

Джек говорил мне, что детские вещи с чердака нельзя выносить из дома. Объяснений странному условию не дал, но я почему-то склонялась к тому, чтобы просто принять это и послушаться.

В ушах все еще звучал густой негромкий голос Джека, с готовностью произнесшего слово «задавай», и я, собрав в стайку более или менее трезвые мысли и вооружившись намерением прояснить сразу несколько интересующих меня моментов, сказала:

— Приглашаю вас в гости, Джек, прямо сейчас. Если это для вас не слишком затруднительно, — добавила поспешно.

— С удовольствием принимаю предложение. — Джек сопроводил ответ по-королевски величественным наклоном белоснежной головы. — Но не станет ли это затруднительно для вас с Джун? Не осточертело ли вам общество старика, от которого не так просто отделаться?

Нет. Совсем не осточертело.

Я разведена, мама и папа далеко, а в родном городе не осталось никого из родственников, всех разбросало по стране и за ее пределы. С недавних пор в моей жизни появился Кейран и еще несколько людей, которых я вполне могла считать своей семьей: Брайан и его маленькая дочка, а еще Уна и этот сидящий передо мной пожилой мужчина, являвшийся единственным родным человеком тому, кого я любила больше жизни.

«Я хотел попросить тебя разрешить Джеку провести с нами день. Забрать его из пансиона. К нам. Чтобы он увидел наш старый дом другим. Почувствовал, что прошлое ушло и у меня все хорошо. Ему это необходимо, Хейз».

Слова Кейрана прозвучали в моих ушах, словно он сам повторил их прямо сейчас. И я хорошо помнила, что пообещала выполнить пожелание Кея в ближайшее время.

— И я наплашивалась в гости к Хейз, — раздался хриловатый со сна голосок Джун. Она потянулась, несильно лягнув ногами сидевшего рядом Джека, зевнула. — Ну, поехали?

Мы с Уолшем переглянулись, не сдержав улыбок. Маленькая девочка снова чудесным образом ликвидировала напряжение и мгновенно расставила все по местам.

— Вот и я напрашиваюсь, — согласился Джек. — Так что, если не нарушу своей бесцеремонностью никаких планов, то с удовольствием проведу еще некоторое время в вашем с Джун обществе.

***

День прошел.

Джун крепко спала, я прилегла рядом, пытаюсь заснуть и хотя бы на время отключиться от мыслей, призраками бродивших в голове.

Я и мысли. Мысли и я. А еще ночь за окном, и рука под влажной от слез щекой. Слезы текли сами, я не звала их. Лежала, закрыв глаза, слушала дыхание маленькой девочки и находила в этом звуке всю самую искреннюю безмятежность мира. Но что-то постоянно опрокидывало наполнявшуюся спокойствием чашу в моей душе.

Брайан позвонил, когда мы с Джун уже отвезли Джека в пансион и вернулись домой, усталые, переполненные каждая своими впечатлениями. Бесцветный, совершенно убитый голос друга добавил тяжести грузу, лежащему на плечах после разговора с дедом Кейрана. И я, поговорив с Брайаном, подтвердившим, что заберет дочь завтра, эгоистично порадовалась, что этой ночью не буду одна в пустом доме. Со мной останется Джун, маленький представитель Времени Света.

...Несколькими часами ранее, тяжело опираясь на трость, медленно и осторожно шагал Джек по дорожке от калитки к двери дома. Останавливался, осматривался, поворачивая

голову то в одну, то в другую сторону, явно пораженный увиденным чудом, в которое волшебные руки Уны превратили участок. На застывшем лице Уолша жили только глаза, полные воспоминаний, удивления, чего-то затаенного, болезненного и бесценного одновременно.

Я открыла тяжелую дубовую дверь, придержала, пропуская бывшего хозяина в дом, сама шагнула следом. Знаю, что можно чувствовать, оказавшись там, где давно не был, потому я не суежилась, молчала.

Джек остановился, обеими руками опираясь на трость. Бегло осмотрелся, заметил стоящие на полу кроссовки Кейрана, его куртку на вешалке. И словно помолодел — лицо разгладилось, губы тронула улыбка, искренняя и теплая.

«Чтобы он увидел дом другим. Почувствовал, что прошлое ушло и у меня все хорошо. Ему это необходимо, Хейз».

Джек должен был побывать в старом доме и увидеть своими глазами, что в его стенах течет жизнь, и частью этой новой жизни является его внук. Успешный, нужный, любимый.

В тот момент я была уверена, что все сделала правильно, позвав Джека сюда, и не могла знать, что несколько часов спустя мое мнение изменится.

«...- Вещи маленького Кейрана. А это «волшебный платок», Хейз. — Джек осторожно извлек из коробки детский чепчик, сшитый вручную неровными стежками. — Слышала о таком обычае? Невесте на свадьбу дарили платок, который она собственноручно должна была перешить в детский чепчик, который становился оберегом.

Старик помолчал, крутя в руке вещьцу.

— У моей дочери не было свадьбы. Платок она купила себе сама в магазине сувениров. Верила в его волшебную силу. И со временем, далеко не сразу, заставила поверить нас, — заключил Джек.

— Почему вы не забрали все эти предметы с чердака? Вы что-то говорили, но я не понимаю, Джек. Дом ведь продавался столько лет.

— Так хотела Полин. Она настаивала на том, чтобы эти вещи не покидали стен дома. Никогда.

— Но ведь дом продавался, — упрямо повторила я.

— Очень и очень долго. И все это время вещи оставались здесь.

Долгий вздох, красноречивей любых слов говоривший о том, как непросто давался Джеку разговор.

— Сложно говорить убедительно на тему, в которую сам не веришь, Хейз. Но в данном случае... В данном случае все так, как должно быть, — пространно заметил старик.

Я быстро приготовила ужин, и мы сидели за столом в кухне. Уолш с аппетитом съел телячью отбивную с картофельным пюре и салатом. Джун, глядевшая на старика с широко распахнутыми глазами, тоже смолотила все, что я положила ей на тарелку. Не понимая темы нашей беседы, она замороженно прислушивалась к негромкому басовитому звучанию голоса Джека, время от времени замирая с ложкой у рта.

— Записи в дневнике. Почему она... Ваша дочь. Как ее звали, Джек?

— Мэриэнн. Мэри.

— Почему Мэри делала все эти записи?

— Я мало знаю. Еще меньше понимаю, во что-то просто не верю. — повторил Джек, упрямо мотнув головой. — Полин знала больше, я же и слушать не хотел ничего. Называл «блажью и глупостями», да и сейчас ничего не изменилось. Знаю наверняка только, что

какая-то одержимость стубила мою дочь, едва не угробила внука и заставила нашу семью подчиниться странным обстоятельствам.

Джек, не вставая со стула, собрал со стола тарелки и передал их мне, стоящей у раковины.

— Все началось с ворон, — сказал старик, и я застыла, не веря своим ушам.

— Они появлялись везде. Мэри утверждала, что они преследуют ее, — продолжил Джек, не замечая моего удивления. — Она начала бояться за Кейрана. Вбила себе в голову, что ребенку грозит опасность. Не просто реальная, а неотвратимая, как проклятие. Предопределенность.

Джек поморщился, почесал лоб, бросил на меня взгляд, полный сомнений, прежде чем спросить:

— Знаешь, что такое гейс?

— Я понимаю значение этого термина, — пробормотала я, все еще слыша его фразу «Все началось с ворон».

— Мэри верила, что на Кейрана наложен гейс. Если бы у нее родилась девочка, то он бы не сработал, просто не вступив в силу. На мальчика же возлагалась вся тягота древнего табу.

— С чего она вообще все это взяла? — спросила я.

— Не знаю, — развел руками Джек. — Мэриэнн родила ребенка без мужа в очень раннем возрасте, а потом с чего-то решила, что мальчика у нее заберут.

— Но кто заберет?!

Джек вдруг изобразил гримасу, которую я никак не ожидала увидеть на его благородном лице. Будто съел лимон целиком и закусил еще одним, более кислым.

— Судьба заберет. Злой рок. Недобрые силы. Она в это верила и делала все, чтобы предотвратить, — ворчливой скороговоркой выдал Джек.

— Что за гейс, Джек?

— Фраза в дневнике, неоднократно повторяющаяся. Ты должна была обратить внимание, если прочитала все записи.

— «Рожденный в истинном союзе душ и тел да избежит проклятия удел», — процитировала я без запинки.

— Да. Повторяю, я не знаю точно, откуда это взялось. Кейран рожден не в истинном союзе. Он — дитя поспешной связи и незрелого чувства двух подростков. Мэри считала, что гейс Кейрана — появиться на свет, как желанное дитя двух родителей. В противном случае само его рождение нарушает этот гейс. И все это она узнала или придумала, — раздраженно проворчал он, — уже после его рождения.

— И она так боялась потерять сына, что стала прятать и запираť малыша... — Только проговорив слова, я ужаснулась их смыслу. Страх явно превратился в паранойю, раз молодая мама дошла до подобного.

— Что-то вроде того, — кивнул Джек. — Мы с Лиз долго ничего не знали и не подозревали. Слишком долго. А Мэриэнн тем временем искала способы... избежать непонятно чего. Куда-то ездила, изучала ворохи сомнительного чтива, разыскивала каких-то людей. Вела записи. И пыталась прятать Кея.

Уолш нахмурился так сильно, что глаза скрылись за густыми бровями. Джун, по-прежнему не понимавшая о чем идет речь, ошеломленно уставилась на старика, приоткрыв рот и не моргая. Мои попытки отправить девочку поиграть в гостиной, предложение порисовать или посмотреть мультфильмы оказались тщетными. Джун, как приклеенная

осталась сидеть вместе с нами на кухне.

— Почти все записи — отсылки к мифологии. Может Мэри слишком увлеклась этой тематикой? — рассуждала я. — Юная девушка, прочитала легенду о любви Диармайда и Грайне, и на нее она произвела слишком сильное впечатление. Когда-то меня тоже заворожила история Тристана и Изольды. Сейчас фанфики пишут и все такое, а ваша дочь начала вести дневник...

— Мэриэнн жила вдвоем с сынишкой, никому ничего не рассказывала, и мы очень долго ничего особого не замечали. Однажды она попыталась объяснить что-то матери, рассказала про ворон, про то, что они, якобы, проникают в дом, следуют за ней и Кейраном по пятам повсюду. Полин перепугалась до смерти, запаниковала и заговорила о том, чтобы забрать Кейрана к нам, а дочь показать специалисту.

Джек посмотрел мне в глаза и мягко сказал:

— Пойми правильно, Хейз. Я никого не пытаюсь оправдать, но появление на свет Кея стало для нас большим сюрпризом. Единственная дочь принесла в подоле, как говорится, — Джек понизил голос и покосился на Джун. — Мы долго свыкались, и не скоро поняли, что стоит обратить внимание на что-то еще.

— Понимаю.

— Потом все развивалось стремительно. Это ее состояние. Паранойя. И более чем страшный итог.

Джек вдруг словно переключился, и уже совершенно другим тоном спросил:

— Тебе известно, что стены в маленькой комнате второго этажа обиты листами железа?

— Что? Нет, не знала. Но почему? — я едва не выронила из рук чашку.

— К тому моменту, как мы что-то узнали и забили тревогу, Мэри зашла в своих «изысканиях» слишком далеко. Итогом стало то, что она организовала для Кейрана «убежище» — закуток на втором этаже. Обила стены железными листами, чтобы... Кея не забрали злые феири. Они, как известно, с железом не в ладах.

— Стены покрашены, что там под краской непонятно... — пробормотала я рассеянно. — Как можно было не замечать состояния дочери? Почему вы не вмешались? Не забрали Кейрана? — Я невольно повысила голос, но осеклась. — Простите, Джек. Но это все так...

— Если бы ты промолчала, я бы засомневался в том, что составил о тебе верное впечатление, — отозвался старик.

— Я вас впечатлила?

— Ты впечатлила Кейрана. И меня, да. Причем настолько, что я даже согласен выполнить его просьбу постричься.

— И что это значит? С этой вашей стрижкой?

— Внук тебе скажет сам, когда вернется».

Мы говорили еще о дневнике. О рисунке на стенах, который, как я правильно и поняла, придумала именно Мэриэнн, и она же нанесла его на стены в комнатку на втором этаже.

Джек смог пояснить только, что листья дуба, как и изделия из него, считаются самой надежной защитой от зла, а вереск несет утешение, а еще означает любовное наслаждение и зачатие. Ну, а изгибы и переплетение линий символизируют безопасный путь, в котором заложен защитный алгоритм.

Многого Джек не знал или не счел нужным озвучить. Кратко упомянул, что после смерти дочери, именно его жена приняла решение переехать жить в этот дом, и словно

подхватила эстафету «безумия» Мэриэнн. Увлеклась эзотерикой, читала и перечитывала найденный дневник Мэри, попросила своего поклонника «мастера-на-все-руки» изготовить амулеты с тем же орнаментом, и им же разрисовала все стены в доме. Кейран больше не сидел взаперти в крошечной комнатухе, но Полин ничего в ней не стала менять, следила за внуком, как орлица, не отпуская мальчика почти никуда, кроме школы. А, умирая, твердила одну фразу «Берегись боевой вороны».

Вороны. Джек сказал: «Все началось с ворон». Эти птицы и мне прохода не давали, возникая повсюду. Черные перья оказались даже в коридоре моей бывшей городской квартиры...

Где-то на краешке затуманенного усталостью и избытком информации сознания промелькнуло воспоминание, что Боевой вороной называли богиню Бадб. Бадб еще считали ведьмой, схожей с баньши, предвестницей всяческих бед, появлявшейся в облике вороны. И эта многоликая богиня также являлась одной из ипостасей Морриган.

Морриган. Меня передернуло от созвучия с именем Морин. Красноволосой красотки нечеловечески пронзительным взглядом янтарных глаз. Она — моя персональная богиня войны, заманившая к себе Кейрана, который так и не позвонил мне сегодня и на мой звонок не ответил.

Все окончательно смешалось в голове, и я уже не могла отследить течение своих рассуждений, устала, хотела спать. Я изо всех сил пытаюсь согреться изнутри слабым огоньком надежды, что новый день принесет мне то, чего я желаю.

— "Где ты, Кей? Все ли у тебя в порядке? Почему не звонишь? Пришли хотя бы сообщение..."

Я перевернулась на другой бок, и слезы потекли снова, увлажняя щеку, подложенную под нее руку, подушку, делая всю меня слабой, размякшей. Жаль, что горечь слез не может разъедать мысли, чтобы они мгновенно лопались и исчезали без следа, как мыльные пузыри.

Все, что я слышала сегодня, открыло какую-то прежде запертую дверь. И я обязательно узнаю, куда именно она вела, но сначала хочу услышать голос Кея и узнать, что у него все в порядке. У нас все в порядке.

***

Джек Уолш лежал в своей кровати в комнате пансиона и думал о том, что дожил до того дня, которого ждал столько лет.

Внук встретил ту самую, единственную.

Их давний постоянно повторяющийся спор, что Джек должен постричь свои длинные волосы, продолжался несколько лет, и, наконец, превратился в уговор. Старший Уолш сказал, что подстрижется, когда внук встретит женщину, на которой надумает жениться. Кейран согласился, хоть и был жутко недоволен, проворчав, что это «случится очень нескоро, а может и никогда, а ты, дед, за это время превратишься в Рапунцель».

Вернувшись в пансион, Джек попросил одну из сестер-сиделок зайти к нему и прихватить ножницы.

— Режьте это «украшение» прямо так, дорогая, — сказал он, держа в пятерне свои длинные белоснежные волосы, схваченные на затылке в хвост. Женщина, удивившись поначалу, выполнила просьбу, мастерски подровняв и подправив новую прическу. Джек пятерней зачесал назад со лба ставшие короткими пряди, и они, рассыпавшись по бокам по-прежнему красивого лица, придали облику мужчины благородно-непринужденный вид.

Джек устал, но, несмотря на это и мучительную боль в суставах, которую не смогли

заглушить даже лекарства, чувствовал себя так, будто сбросил с плеч непомерный груз. Не сомневался — Хейз та самая.

Уолш заснул и во сне увидел себя уверенно шагающего на крепко стоящих ногах по дорожке их старого дома. Смотрел на голубые, белые и бледно-лиловые пышные шапки цветущей гортензии, ощущал аромат жимолости. Шел, твердо зная, что дом жив и по-прежнему хранит сокровенные тайны, бережет неугасающие надежды.

Еще несколько шагов и он доберется до самого безопасного места во всех мирах, закроет дверь, и за ней навсегда исчезнет все то, что не сбылось. Потому что начнется что-то новое, о чем он не смел даже мечтать уже очень много лет. Дверь дома открыта, ждет, предлагая войти и обрести, наконец, покой.

Джек шагнул внутрь и... упал в пустоту...

Сон обманул его, заманил и вытолкнул в реальность, в которой ждал вовсе не покой, а худший кошмар из всех возможных.

Джек изо всех сил старался глубоко и ровно дышать, делая вид, что все еще спит. Понимал, что выглядит смешно, как ребенок, пытающийся обмануть чудовище, живущее в шкафу, наивно веря в то, что достаточно зажмуриться посильней и кошмар исчезнет.

Но чистый ужас, воплощенный в грациозную женскую фигуру, с бледной, светящейся в лунном свете кожей, не желал исчезать.

Реальная, живая женщина терпеливо сидела в придвинутом слишком близко к кровати кресле, и всматривалась в темноте в лицо лежащего мужчины.

Тонкий аромат изысканных духов, являвшийся, казалось, ничем иным, как экстрактом чувственности и загадочности, витал в воздухе. Запах не дурманил, а наоборот — прояснял сознание, заставляя воспринимать действительность с особой четкостью. Отрезвлял, отнимая последнюю надежду на то, что все это только страшный сон.

Женщина едва слышно вздохнула, устало или разочарованно, и наклонилась ближе.

Он почувствовала, как его лица коснулось дыхание, напомнившее легкое дуновение ветра. Но не теплого, а сухого и холодного, похожего на сквозняк, гулявший в древних каменных развалинах, и отдававший безысходностью и тлением.

Джек не выдержал и пошевелился, пытаясь отодвинуться подальше. От тихого смеха, раздавшегося в ответ на его бессмысленную попытку, по скованному страхом телу побежали мурашки.

— Глупый человек. — Она приблизилась к самому его лицу, заставляя сердце замереть от пронзительного ужаса. — Ты думаешь, мне нужен он, твой внук? Нет, ты ошибаешься. Вы все ошибаетесь. — Она говорила почти ласково, с легкой грустью и даже сочувствием. — Все эти ваши хлопоты на протяжении стольких лет — пустая трата сил и времени. Ненужные, бессмысленные жертвы.

Тонкие пальцы коснулись его волос, погладили нежно.

— Я скажу тебе, чего хочу на самом деле. И об этом будем знать только мы с тобой, — проговорила она. — Ведь ты никому и ничего уже не сможешь рассказать.

Ледяные губы прижались к его уху, и она что-то зашептала.

Он понял, что не может дышать, что сердце с гротескным треском раскалывается в груди, будто сухой орех...

И Джек Уолш снова рухнул в пустоту, теперь уже по-настоящему.

---

*Самивизионос "Время света" — май-июнь по кельтскому календарю.

**Думанниос "Темнейшая глубина" — ноябрь-декабрь по кельтскому календарю.

***Театр Гран-Гиньоль — парижский театр ужасов, один из родоначальников и первопроходцев жанра ужасов.

Глава 39

«Еще два дня. Всего лишь два дня — и я снова увижу его».

С этой мыслью я проснулась следующим утром. Наполнившие счастьем слова едва успели обозначиться в моем сознании, как тут же упорхнули, словно спугнутая птичка.

— Джун! — я резко села на кровати. Непривычно напрягающая необходимость быть постоянно начеку потому, что ответственна за маленького ребенка, окончательно выдернула меня из сна, будто окатив ледяной водой. Маленькой дочке моего друга, оставленной мне на попечение, рядом на кровати не оказалось. — Джун, ты где?! — истерично выкрикнула я.

— Тут, — раздалось негромко откуда-то с пола. — Доброе утро.

Картавый детский говорок подействовал удивительно отрезвляюще, тут же погасив волну паники. За одно мгновение я успела устыдиться, что дрыхла как бревно, в то время, как должна неустанно следить за доверенным мне ребенком и успокоилась, решив, что это дитя настолько разумно в свои года, что я могу и должна ей доверять — она меня не подведет.

— Что ты там делаешь, малышка? — я перегнулась через противоположный край кровати.

— Лисую.

Девочка сидела на ковре, повернувшись ко мне спиной, к окну лицом, рядом с ней валялся ее рюкзачок, а все его содержимое усыпало пространство вокруг Джун. Бледные лучи утреннего солнца, проникавшие сквозь полупрозрачную штору, освещали девочку, создавая над ее головой мягко сияющий ореол из спутанных золотистых волос и делали похожей на маленькую фею.

Я заглянула через плечо малышки и увидела лежащий у нее на коленях альбом для рисования, в котором Джун что-то старательно закрашивала.

— Что рисуешь?

— Лисую твой дом, — деловито пояснила девочка. — И подалю лисунок дедушке Джеку. Ему здесь понлавилось и мне тоже.

Мой дом на рисунке Джун выглядел живым существом. У него добрые синие окна-глаза, удивлённо распахнутый рот-дверь и смешная взъерошенная прическа из соломенной крыши. И дом весь увит цветами, будто Майская королева.

Разреветься бы сейчас же. От невыносимого облегчения, смешанного с не покидавшей меня ноющей тревогой. От ощущения необъяснимой утраты и от подавляющей здравомыслие глупой, слепой и упрямой надежды, что все будет хорошо. Должно быть хорошо. У всех.

Не желая напугать ребенка внезапным проявлением бурных чувств, я только тихонько шмыгнула носом, с усилием проглотив подступившие слезы. Протянула руку, легко коснулась шелковистых белокурых волос Джун. Прикосновение к теплой детской макушке мгновенно успокоило, будто я дотронулась до источника всего самого мирного и доброго на свете.

— У меня сколо день рождения, — объявила Джун, по-прежнему сосредоточенно рисуя и не поворачиваясь ко мне.

— О, здорово! — воскликнула я. Знала, что дочка Брайана родилась в июне, но точную

дату узнать не удосужилась. — Ну-ка, напomini, когда у тебя праздник?

— Сколо, — невозмутимо повторила девочка. — Буквально на днях, десятого июня. И мне вот сколько исполняется, — добавила Джун и показала четыре растопыренных пальчика.

Совсем по-взрослому прозвучавшее «буквально на днях» точно отразило суть. Это действительно скоро. К тому времени вернется Кейран, и мы с ним и Джеком что-нибудь придумаем для дочки Брайана. Уверена, что мой друг не будет против, если мы поздравим его малышку от нас троих.

Меня совершенно не удивило, а согрело понимание, что я уже не отделяю себя от Кейрана и Джека, считая этих мужчин своими самыми близкими людьми.

Я села на кровати, спуская ноги на пол. Доски под ступнями теплые и гладкие, прикосновение их приятно и надежно. Вся комната наполнена светом и спокойствием в этот утренний час.

Поднявшись, я подошла к окну, отодвинула штору и замерла, боясь спугнуть безмятежность, наполнявшую пространство вокруг меня. Ветки деревьев и кустарников слегка клонились на ветру в плавном танце, листва изящно трепетала, грациозно покачивались пышные соцветия, и мне казалось, что я слышу далекую, невероятную прекрасную музыку, сопровождавшую каждое проявление жизни.

Но проникшая извне реальность бесстрастно напомнила, что сегодня день похорон мужа Эвлинн. В этом не было ничего назидательного, просто указатель на дороге, призывающий вернуться туда, где все зыбко и изменчиво.

Я не стала предаваться раздумьям на столь печальную тему. Наметила план на сегодняшний день, главное место в нем отведя, конечно же, Джун, но одним из основных пунктов обозначила звонок Джеку.

Вчера старик не без моего прямого участия с избытком был нагружен информацией и впечатлениями. Я умудрилась лишить покоя этого пожилого и не вполне здорового человека, всколыхнув старые воспоминания, добавив переживаний. Да и физически Джеку досталось: покидая мой дом, он старательно скрывал, как тяжело ему давалось любое движение. Каждый шаг стоил старику невероятных усилий, что, к ужасу своему, я смогла понять по напряженному, побледневшему, хоть и бесстрастному лицу, по отяжелевшим векам, прикрывшим глаза, в которых отражалась вовсе не боль и страдание, а внутренняя борьба с недугом и категорическое несогласие со своим беспомощным состоянием.

Джек оставался гордым воином даже когда все сражения уже завершены. Могучий негибемый дух, заключенный в слабеющую оболочку.

Иногда я искренне жалею, что у меня нет волшебной палочки, способной выполнить одно желание и одним взмахом повлиять на какое-то событие. Вернуть Джеку Уолшу здоровье, лет двадцать жизни и сделать так, чтобы в той несуществующей точке несуществующей реальности он стал по-своему счастливым, каким бы и оставался до сих пор.

И снова пришлось побороть желание пустить слезу. События последних недель так сильно повлияли на меня, что временами казалось, будто внутри моего существа образовалась полынья, тонкий слой льда на которой периодически ломался и на поверхности появлялись, всплывая откуда-то из глубин, обострившиеся до невозможности чувства. Я стала не только все острее ощущать, видеть цветные, запоминающиеся в деталях сны, во мне пробудилась несвойственная моей натуре сентиментальность. Временами я

ощущала так тонко, словно невидимые нервные окончания, пронизывающие все в этом мире, соединялись с моими, заставляя чувствовать все на ином уровне.

Будь я сейчас дома одна, точно бы разревелась в полный голос, не сдерживаясь, не заботясь о том, как выгляжу и насколько сильно покраснел нос, распухли глаза. Не думая о том, слышно ли меня снаружи и не прибежит ли кто, если вдруг услышит, заподозрив, что жилец дома с соломенной крышей окончательно и бесповоротно спятил.

...До обеда мы с Джун провели время в простых и приятных занятиях и играх.

Возня с ребенком заняла меня полностью, отвлекла от всего прочего. Я не особо переживала, что Кейран так и не позвонил, а лишь рано утром прислал короткое сообщение: «Страшно занят. Позвоню позже.»

Кажется, такие тексты даже не набирают, они уже есть как заготовки в памяти телефонов. Их шлют, когда не могут или не хотят отвечать на звонок. Не могут и не хотят потратить и минуты времени на такой пустяк.

Брайан, несмотря на то, где и в какой момент находился, позвонил и поинтересовался, как «его девочки себя чувствуют и чем занимаются». Я не его девочка, и никогда ею не буду, и он это уже понял, но все же нашел минутку, чтобы напомнить о том, какое место в его жизни отведено Джун. И мне.

На мгновение мне показалось, что я пытаюсь обидеться на Кейрана, и вот-вот начну громоздить в голове инсталляции, состоящие из обломков его остывшей страсти ко мне и моих собственных подозрений в его измене. Но ничего подобного ни отсутствие звонков Кейрана, ни моя болезненно обострившаяся нужда в нем, ни прочно поселившийся где-то в душе страх потерять этого мужчину во мне не вызвали.

Я оставалась странно уверенной, что эти подозрения, хоть и имеют место быть, но не обладают никакой силой. Они лишь обрывки искаженной реальности, наваждения, вызванные вредной привычкой подозревать худшее. От них можно отмахнуться, как от навязчивого сигаретного дыма.

***

Брайан, измученный, с посеревшим от усталости и переживаний лицом, приехал за Джун после обеда. Подхватил дочку на руки, прижал к себе и не отпускал, пока я бегала по дому, собирая ее вещи. На прощанье друг клюнул меня в щеку, прошептав слова благодарности, а девочка помахала мне ручкой и не отрывала от меня взгляда поверх отцовского плеча, когда они шли по дорожке, обсаженной алиссумом к калитке, и до тех пор, пока не скрылись за оградой.

Я зашла в притихший, показавшийся опустевшим дом, и неторопливо прошла по нему, вспоминая проведенное с чудесной маленькой девочкой время.

Наклонилась, чтобы поднять два оставшихся на полу в спальне карандаша Джун, когда мне позвонила миссис Барри и поинтересовалась, не известно ли мне, как можно связаться с Кейраном Уолшем, внуком мистера Уолша.

— Того пожилого джентльмена, которого, как мне сказали сотрудники пансиона, вы вчера навещали, — терпеливо пояснила она очевидное для меня. При этом в ее голосе я уловила осторожность и нарочитую вежливость, за которыми явно пытались что-то скрыть.

— Конечно, я знаю мистера Уолша. И знаю его внука, но в данный момент Кейрана нет в городе и связаться с ним какое-то время будет довольно сложно, — я будто перехватила у Фионы эстафетную палочку и превратилась в фальшивую секретаршу, пытающуюся монотонно и пространно что-то кому-то пояснить, прикрывая отсутствие «шефа». Я даже не

сразу осознала, с какой это стати не сам Джек, а кто-то пытается разыскать Кейрана. Если только...

— Фиона, что-то случилось с Джеком? — выдохнула я.

Красноречивая короткая пауза дала возможность почти подготовиться к тому, что я услышала.

— Да, дорогая. Случилось, — скорбно проговорила мама Уны. — К нашему глубочайшему сожалению...

— Джек умер? — перебила я ее.

— О, нет. Ночью у него случился удар, сейчас он в коме, — миссис Барри замялась, словно подбирая слова. — Состояние критическое, и мы пытаемся разыскать Кейрана, который является единственным родственником мистера Уолша. — Фиона снова сделала паузу и уже менее официально и без напускной вежливости, с искренним чувством добавила: — Конец может наступить в любую минуту. Джек очень, очень плох. Это так неожиданно и так ужасно, Хейз. Здесь, в пансионе, его очень любят и ценят.

— Не только в пансионе, Фиона, — проговорила я. — Его любит внук. Мы с Кейраном любим Джека.

— О... — в замешательстве вырвалось у Фионы. — Так вы с Кейраном... Ах, простите, Хейз. — Моя собеседница быстро снова овладела собой. — Позвольте сказать, моя дорогая, что несмотря на случившееся, мне приятно узнать, что вы... Что вас с внуком мистера Уолша связывают добрые отношения.

«Настолько добрые, что я жить без него не могу», чуть не вырвалось у меня вместе с неуместным нервным смешком.

— Уверена, и Джек был этому рад, — добавила Фиона, а мне вдруг страшно захотелось, чтобы она немедленно замолчала.

Джек Уолш, единственный родной человек Кейрана, находился на грани смерти после встречи со мной. Неужели поездка в магазинчик Эвлинн, визит в старый семейный дом, наши разговоры, мои дотошные вопросы, ожившие воспоминания — все это оказалось непомерным грузом для Джека?

Неужели в его глазах, когда он уходил, я видела не нежелание мириться со своей немощью, а осознанную обреченность?

Я угробила Джека Уолша.

Мысль прошила меня разрядом ужаса, обдала липкой ледяной волной, мгновенно приставшего ко мне чувства вины. Вины, которую Кейран никогда мне не простит, а я не посмею у него этого прощения вымаливать. Сама себе не прощу.

— Фиона, — прохрипела я внезапно севшим голосом, — что нужно сделать? Чем могу помочь?

— Вы ничем не можете помочь Джеку, моя дорогая, — ласково проговорила миссис Барри. — Его отправили в клинику святой Бригиты, там ему обеспечен прекрасный уход, но посетителей к нему не пускают. Только ближайших родственников, так что попытайтесь связаться с Кейраном. Как можно скорее.

— Хорошо. Я поняла, — отозвалась бесцветным голосом. — Пожалуйста, держите меня в курсе. Если вдруг...

— Если будут хоть малейшие изменения, я сразу вам сообщу, моя дорогая, — еще более ласково, почти приторно откликнулась «дама приятная» Фиона Барри.

«Жила-была дама приятная,

На вид совершенно квадратная.

Кто бы с ней ни встречался,

От души восхищался:

«До чего ж эта дама приятная!»

Лимерик тут же запрыгал, закружил в моей голове, повторяясь и повторяясь.

***

Я звонила и звонила Кейрану. Набирала его номер, понимая, что попытки безуспешны. Отправляла текстовые сообщения, оставляла голосовые. Сначала просто просила срочно перезвонить, потом, отчаявшись, решила не скрывать правду, напрямую изложив, что случилось с Джеком. Повторяла попытки, пока не услышала, что голосовой ящик абонента переполнен.

Он бы немедленно перезвонил. Кейран бросил бы все и тут же примчался, получи он хоть одно сообщение. Вот тут я испугалась не на шутку, уверовав, что с ним тоже что-то случилось.

Запаниковав, металась по дому, теряясь в сумбурных соображениях, что предпринять. Лететь за Кейраном? Я знала, что его текущая работа связана с издательством журнала VT, но где именно находился Кейран сейчас, решая возникшие на проекте проблемы, понятия не имела.

Звонить Брайану, который только что ушел от меня, забрав дочку, страшно усталый и подавленный. И что я ему скажу? О чем попрошу?

В голове промелькнула мысль позвонить Патриции, но я отбросила ее, прислушавшись в отчетливо отозвавшемся во мне нежеланию общаться сейчас с подругой. Но внезапно вспомнила, что кузен Патриции ведь знаком с Кейраном. И он мог знать что-то, чего не знала я. Какие-то деловые связи Кея, места, где он обычно бывает по работе.

И я позвонила Патриции. Лавируя между ее посыпавшимися на меня вопросами, требующими немедленного пояснения, я высказала свою просьбу и пообещала все объяснить чуть позже.

Ответный звонок подруги не прояснил ничего — у кузена нет никаких сведений о Кейране Уолше, они общались совсем недолго, лишь по делам бизнеса, и больше особо отношений не поддерживали. За это отсутствие информации Пэт потребовала немедленных обещанных объяснений причины моего внезапного интереса к персоне «загадочного фотографа».

— Я безумно влюбилась в этого фотографа, Пэт. Он уехал в столицу по важным делам, а тут случилась беда с его дедушкой, но никто не может Кейрана разыскать, чтобы сообщить ему печальную новость, — устало проговорила я, внезапно сдавшись. — Я страшно волнуюсь, не случилось ли что-то и с Кеем и пытаюсь его найти. Извини.

— Хейз! Послушай... — воскликнула подруга.

Но я не стала слушать, нажала кнопку отбоя и больше на звонки Патриции не отвечала.

Подхватила сумку, и в чем была — в домашней футболке и поношенных джинсах с дырками на коленках, — запрыгнула в машину и поехала на квартиру Кейрана. Ключей от его лофта у меня не было, я позвонила в дверь и постояла, прислушиваясь. Потом обошла бывшее здание фабрики вокруг, вглядываясь в большие темные окна жилища Кея.

Оттуда, путаясь в сумбурных ощущениях, направилась в центр, в свою бывшую квартиру, ставшую собственностью Кейрана, и там тоже, естественно, не обнаружила ни его самого, ни каких-либо следов его пребывания. Обе комнаты и кухня были совершенно пустыми.

Вернувшись домой, сообщила Фионе о тщетности попыток связаться с Кейраном, узнала от нее, что с Джеком все пока остается без изменений и решила, что настало время взять короткую паузу.

Я поплелась в гостиную, полностью обессиленная, опустилась там на пол, привалившись спиной к дивану, откинула голову на сиденье и отключилась, словно кто-то дернул рубильник, обесточивший меня окончательно. Последняя мысль была о том, что до сих пор сжимаю в онемевших пальцах два цветных карандаша Джун.

...Проснувшись от того, что руки Кейрана гладили меня по лицу, голове, обнимали, сжимая в объятиях и поднимая с пола.

Я всхлипнула, куклой повисая в родных, крепко держащих меня руках. Приникла к сильному, горячему, живому и настоящему, так знакомо и необыкновенно приятно пахнущему телу Кейрана. Укрылась в нем, как в самом надежном убежище во всех мирах и при любых обстоятельствах, зная, что он, как и маленькая Джун, никогда меня не подведет, всецело доверяя этой уверенности.

— Где ты был?.. Где?.. Я так испугалась... Звонила, отсылала бесконечные сообщения, звала тебя, — лепетала я, уткнувшись в шею Кейрана.

Он гладил меня по спине, все крепче прижимая к себе, шептал слова любви и утешения, а я почти не разбирала самих слов, но их значение тут же проникало в меня, смешиваясь с кровью, с дыханием, становясь частью меня самой.

— Кей... Джек... Он... — нечленораздельно вырывалось у меня.

— С Джеком все будет хорошо, — сказал Кейран, целуя меня в щеку. Его пальцы расплетали мою косу, путались в прядях, сжимая их почти болезненно.

— Правда?!

— Правда, глупышка. Успокойся.

— Но как же?.. Слава Богу! — и я разревелась.

Кейран нашел мои скривившиеся в неприглядной гримасе плача, соленые губы, накрыл их своим жадным ртом и поцеловал медленно и невыносимо нежно, удерживая нас обоих на какой-то трепещущей хрупкой грани. Я просто замерла в его руках и дрожала, а Кей сильнее запечатал мой рот губами, скользнул языком внутрь и целовал теперь глубоко, жестко, тягуче, до тех пор, пока я не забыла обо всем, кроме этих поцелуев и прикосновений рук, по которым скучала постоянно.

— Не плачь, сладкая моя, все будет хорошо. Как же ты волшебным пахнешь... — чуть задыхаясь, хрипло бормотал Кей между поцелуями. Горячие губы прижались к моей щеке, прикусили мочку уха, скользнули по шее, к ключице.

Его руки забрались под мою футболку, ловко справились с застежкой бюстгальтера, расстегнули пуговицу и молнию на джинсах. И через мгновение Кей уже прижимал меня к себе совершенно обнаженную. Я ощутила тепло его тела сквозь одежду, что еще была в тот миг на нем. И вдруг тепло стало жаром, когда Кейран стремительно и виртуозно избавился от рубашки, брюк и боксеров, и мы приникли друг к другу кожа к коже. Голова у меня пошла кругом, я даже не уловила, когда он разделся сам, мне казалось, что я ни на миг не отстранялась от любимого мужчины, а он ни на мгновение не выпустил меня из объятий.

Почувствовала прохладу воздуха, лишь когда Кейран взял меня за руку и куда-то повел.

— Пошли со мной. Не бойся, — сказал он.

— Я не боюсь.

Смотрела в его глаза, не скрытые сейчас очками, и взгляд цвета морской воды говорил

мне больше, чем любые слова.

Кейран вывел меня из дома через кухонную дверь, и мы углубились в сад, отходя от дома к ограде и, кажется, еще дальше, пока не оказались в каких-то густых зарослях, где остановились.

Наступила ночь, слышалось пение цикад и шелест листвы, издалека доносился плеск волн океана, а ароматы цветения в воздухе создавали такой необыкновенный букет, что у меня закружилась голова.

Кейран обнял меня за талию и прижал к себе. Какое-то время мы стояли, не двигаясь, ничего не говоря, но я ощущала, как в нас обоих все сильнее нарастало возбуждение, как желания превращались в сладчайший дурманный жар, который растворялся в венах, заменяя кровь.

Мои соски затвердели, кожа горела, и ее не мог остудить прохладный ночной ветер, низ живота сладко тянуло. Я вся стала средоточием невыносимой потребности в близости лишь с тем единственным, кто был сейчас со мной рядом.

Ощущения совершенно дикие, первобытные, будто я пребывала в угаре, балансируя на грани вульгарной похоти и страсти, воплощавшей самые глубокие и прекрасные чувства, рожденные в сердце и осмысленные разумом.

— Кейран... — прошептала, одурманенная, нетерпеливая, не узнавая ничего вокруг.

Я не видела светящихся окон дома, хотя точно помнила, что не выключала там свет.

Не имеет значения, где мы и что вокруг, когда Он держал меня в объятиях, опаяя частым прерывистым дыханием, прижимаясь к моему животу упругой горячей плотью, плавно, ритмично двигая бедрами и не давая ни единого шанса противостоять соблазну, увернуться от шквала затопивших ощущений. Как и от его рук, ласкавших меня с ног до головы, от пальцев, скользнувших в мое истекающее соками естество.

— Моя Хейз... — прошептал Кейран, увлекая меня вниз, бережно укладывая на траву, покрытую ночной росой.

Развел мои колени, устраиваясь между ними, и, прошептав: «Смотри в мои глаза, Хейз», медленно, мучительно медленно вошел в меня, вызвав у нас обоих долгие приглушенные стоны.

Он двигался во мне, хрипло и отрывисто произнося слова, все сильнее заводившие нас обоих, и тонкая ниточка, еще связывающая меня с реальностью и какими-то не имеющими значения условностями, оборвалась, унося за пределы яви.

Краем сознания я понимала, что рискую перебудить своими стонами и криками все наше мирно спящее, добропорядочное предместье, но Кейрана это, похоже, совершенно не волновало.

Наполненная им, чувствами к нему, словно морем, я даже не поняла в какой момент мои сладострастные стоны сменились всхлипом еще не до конца осознаваемого потрясения.

Затуманенным зрением я увидела, как за спиной Кейрана на фоне ночного неба светящимся пятном возникло белое лицо, окруженное ореолом пышных рыжих, почти красных волос.

И я заорала не своим голосом от ужаса, смешанного с отвращением. Вцепилась в плечи Кейрана, пытаясь остановить его, заставить обернуться, но натолкнулась на его застывшее лицо и остекленевший взгляд. Снова закричала в тщетной попытке вернуть сознание Кея из той тьмы, куда его затягивало все глубже, но он словно превратился в бесчувственный автомат, продолжавший вбиваться в меня в неистовом механическом ритме, причинявшем

теперь лишь боль.

А Морин все ниже нависала над нами. Ее пышные кудри накрыли плечи Кейрана, тонкогубый рот растянулся в жуткой улыбке, и мне казалось, что из ее рта сейчас выскользнет раздвоенный язык.

Бледные, похожие на тонких змеек пальцы Морин, пробрались между прядей темных волос Кейрана. Она сжала его кудри, потянула назад, запрокидывая ему голову. К моему все возраставшему ужасу, он никак не отреагировал, и только продолжал и продолжал трахать меня, удерживая под собой с нечеловеческой силой.

Похоже, кто-то залил прямо мне в мозг жидкий азот, который мгновенно заморозил мой рассудок и лишил дара речи. Теперь достаточно сущего пустяка, — например, если фантом за спиной Кейрана просто скажет «Бу!», — и остатки моего самообладания, психического здоровья и надежды, что все это лишь часть какого-то кошмара, разлетятся на осколки.

Я снова неистово задержалась, стараясь выползти из-под закаменевшего тела любовника, но он будто захватил меня в капкан, и я почти сдалась, стиснула зубы, зажмурилась, лишь бы не видеть остекленевших глаз на неузнаваемо изменившемся лице Кейрана и жуткого белого лика Морин за его спиной.

Абсурд происходящего и невозможность ничего предпринять, чтобы прекратить это, управляли сейчас мной, склоняя просто смириться. И в момент, когда я подошла к этой черте, Кейран содрогнулся, застыл, изливаясь в меня, и рухнул сверху, неправдоподобно отяжелевший. Я тут же уперлась руками в его плечи, и, прилагая невероятные усилия, выползла из-под него, как из-под свалившейся на меня каменного атланта. Поднялась на ноги, хотя не чувствовала ни их, ни тела, и, не глядя по сторонам, бросилась к дому.

Я бежала, спотыкаясь и поскальзываясь на влажной траве, понимая, что оставляю Кейрана с той чудовищной женщиной. До просто бросаю его, пытаюсь спастись самой. И все же не остановилась, не обернулась, даже не замедлила движения.

Куда больше в тот момент ужаснула мысль, что по внутренней стороне бедер у меня стекает омерзительно холодная и липкая сперма.

Словно Кейран излился не семенем, дающим жизнь, а ядом, ставившим дьявольскую метку.

И будто подтверждая это кошмарное предположение, вслед мне раздался зловещий хохот Морин, раскатом грома взорвавший ночную тишину.

Влетая в дом, я едва успела захлопнуть дверь, как запуталась в коврике, лежащем у порожка и упала, растянувшись во весь рост. Кажется, ударилась обо что-то головой, потому что ощутила боль и отключилась.

...Придя в себя, мгновенно поняла, что сижу на полу в гостиной, привалившись к дивану, и от жутко неудобной позы затекла шея и ломит все тело.

***

Два цветных карандаша Джун, синий и коричневый, которые я подобрала днем на ковре в спальне и носила с собой весь день, теперь лежали возле меня. Видимо, во сне я, наконец, разжала пальцы и карандаши выпали из руки. На ладони остались следы и мельчайшие частички краски.

За окном все еще темно, а старые бабушкины часы на каминной полке показывали начало четвертого. Совсем скоро рассвет — конец ночным кошмарам и начало нового дня, несущего что-то неотвратимое.

Мое сердце не выпрыгивало из груди от пережитого кошмара, я не покрылась холодным потом, не тряслась, как осиновый лист и не шарила испуганными глазами по углам комнаты. Но не потому, что не придавала никакого значения привидевшемуся мне. Подобное случалось уже со мной, и я научилась сохранять если не спокойствие, то некое хладнокровие потому, что поняла — в том, что я переживала в кошмаре, есть резон.

Мы узнаём данное нам при рождении имя и просто принимаем его. Нам неведом тот миг, когда нас нарекают именами, с какого-то момента мы просто знаем, как нас зовут и все. Другой вопрос, почему нас называли именно так, а не иначе.

Вот также и сейчас. Я просто приняла видения. А почему видела их именно такими и участвовала в них, ощущая, как реальность — в этом я готова начать разбираться прямо сейчас.

Стоя под душем, равнодушно наблюдала, как вода смывает с моих волос и уносит в сток травинки и листики. Одевалась, игнорируя ссадины на локтях и синяки, словно оставленные чьими-то пальцами, с силой сжимавшими мои предплечья, и лишь слегка морщилась от боли в спине.

Рассвет только занимался, когда я села за руль тойоты и направилась в особняк Морин Бэрриган. Я не запомнила точного расположения виллы, когда провожала туда Кейрана. Тем не менее, ехала довольно уверенно, следуя интуитивным ощущениям и каким-то оставшимся в памяти приметам: мимо вот той деревушки и направо, дальше участок дороги подступал к самому краю скалы, а потом ехать между полями, расчерченными паутиной каменных ограждений.

Там мы останавливались и мимо нас промчалась огромная ворона, возникшая из ниоткуда.

А вот и дорога, ведущая прямо к особняку Морин, расположившемуся на небольшом холме в окружении пышных деревьев, а с противоположной стороны наверняка должен открываться прекрасный вид на океан.

Остановив машину там, где останавливала в прошлый раз — недалеко от ворот, ведущих ко главному входу в усадьбу, — я вышла из тойоты и, помедлив лишь секунду, захлопнула дверцу и решительно направилась к воротам.

Еще не приблизившись к высокому металлическому забору, я уже поняла, что тишина вокруг обусловлена не только ранним часом и расположением дома среди природы, вдали от населенных пунктов и оживленных трасс. Войдя в приоткрытые ворота, я миновала явно пустующий домик охраны и неспешно пошла по широкой аллее, выложенной природным камнем, не встретив по пути никого.

Элегантная современная вилла, с элементами классического дизайна, облицованная натуральным светло-серым камнем и с большими панорамными окнами, предстала передо мной, сразу же произведя впечатление запустения.

Если она и принадлежала светской львице Морин Бэрриган, то здесь все равно никто не жил по крайней мере несколько лет.

Слабый утренний ветерок гонял по каменным плитам прошлогоднюю листву, валявшуюся повсюду на заросшем сорняком газоне. Окна в доме мутные, словно слепые глаза. Потёки от дождей виднелись не стеклах, как следы высохших слез. В переплетах витража на двустворчатой двери главного входа застряли те же сухие листья и набились грязь.

Я поднялась по ступеням, ведущим к двери, попыталась ее открыть, но ручка не

поддалась. Постояла, пытаясь рассмотреть, что находилось внутри, но различила лишь силуэты какой-то мебели, накрытой то ли полотном, то ли белой пленкой.

Испытывая разочарование, а не страх, я обошла виллу вокруг. Вернулась к главному входу лишь с подтвержденным предположением, что с противоположной стороны открывался фантастически прекрасный вид.

Понятия не имею, чем объяснить факт, что усадьба выглядела заброшенной, ведь здесь совершенно точно проходили съемки, в которых участвовал Кейран, и он был там не один. В процессе задействовано множество людей, не могло же им всем привидеться, что они заняты фотосессиями, которых на самом деле не было?

Или могло?

Я направилась к машине, не глядя по сторонам, мысленно решая, что делать дальше. Знала, что Кейран сотрудничал с журналом ВТ, с редакцией которого подписал контракт, берясь за проект, где главной звездой выступала Морин. Возможно, у редактора или еще у кого-нибудь я смогу получить хоть какие-то сведения.

Составляя план дальнейших действий, я подошла к машине и не сразу заметила, что на ветке ближайшего дерева сидит ворона. Птица расположилась на уровне моих глаз, явно с целью быть замеченной. И я ее заметила и остановилась. Ворона смотрела на меня, молча, не шевелясь. Только странного цвета глаза птицы — не черные, как обычно, а серые, словно дым, — пристально следили за мной, изучали. Я тоже смотрела на ворону и мне показалось, что она что-то сжимает в когтистых лапах.

Птица вспорхнула с ветки, резко и мощно взмахнув крыльями, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Издав резкий высокий звук, больше похожий на женский крик, полный печали, чем на хриплое грубое карканье, ворона исчезла в кроне дерева.

А на траву к моим ногам мягко спланировал какой-то темный клочок.

Я наклонилась и подняла предмет. С минуту разглядывала кусочек тёмно-фиолетовой ткани, покрытой пугающими потемневшими пятнами. С трех сторон у клочка неровные края, с торчащими волокнами, и лишь один край подшит аккуратным фабричным швом.

Именно из такой ткани и точно такого цвета рубашку взял с собой Кейран в поездку в столицу. Я сама складывала ее для него.

...Я постояла, придавленная окружавшей меня тишиной, сжимая в руке послание, адресованное совершенно точно именно мне. Не знаю, что могло это послание означать — какой-то намек, желание напугать, сбить с толку. Или же намерение окончательно запутать и свести с ума множеством вопросов и догадок, не имевших ответов. Но я обязательно все выясню.

Усевшись в машину, я первым делом бережно спрятала клочок ткани в кармашек сумки.

Игнорируя стойкое ощущение, что за мной пристально наблюдают, я развернулась и поехала обратно с твердым намерением не относиться к своим видениям только как к признакам пограничного психического состояния. Что-то подсказывало мне, что снам можно и нужно верить.

Враг пока оставался в тени. Прятался за гранью все тех же видений, и он наблюдал за мной, за каждым моим шагом, презирая привычные законы нашей обыденности.

И мне следовало как можно скорее научиться видеть и понимать то, что обычно не может быть замечено и понято.

Больше книг на сайте - Knigolub.net